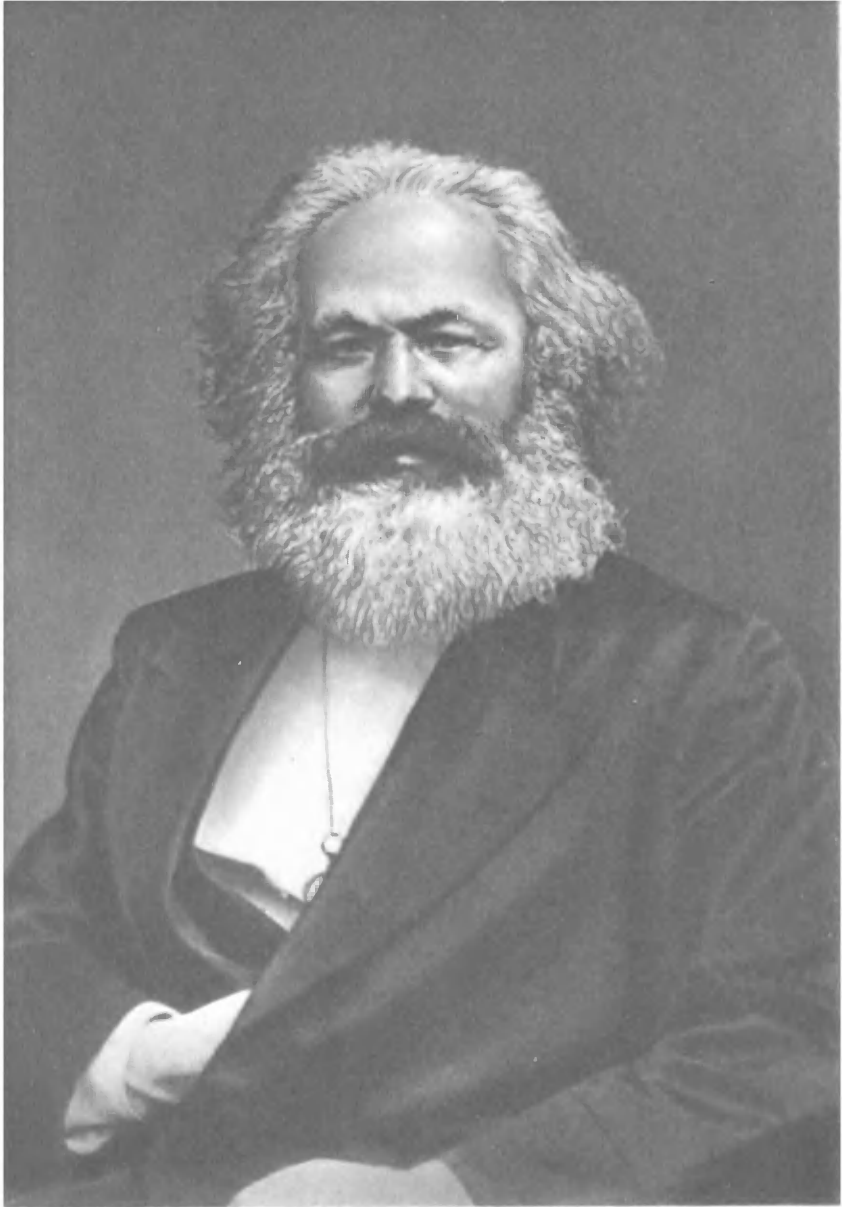

Карл МАРКС

Карл
МАРКС

Биография

Биография

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Карл МАРКС

Биография

Издание третье,
дополненное и исправленное

Москва
Издательство политической литературы
1989

ББК 13.2

М27

Авторский коллектив:

*П. Н. Федосеев (руководитель),
И. А. Бах, Л. И. Гольман, Н. Ю. Колпинский,
Б. А. Крылов, И. И. Кузьминов, А. И. Малыш,
В. Г. Мосолов, Е. А. Степанова*

Отдельные разделы написаны:

Г. А. Багатурия, В. С. Выгодским,
Р. П. Конюшей, Ю. Т. Харитоновым

М27 Карл Маркс. Биография/П. Н. Федосеев, И. А. Бах,
Л. И. Гольман и др.; Ин-т марксизма-ленинизма при
ЦК КПСС.—3-е изд. доп. и испр.— М.: Политиздат, 1989.—
703 с.: ил.

ISBN 5—250—00299—4

К $\frac{0103010000-008}{079(02)-89}$ 49—89

ББК 13.2

ISBN 5—250—00299—4

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989 г.

Введение

Среди наиболее прославленных людей всех веков и народов Карлу Марксу принадлежит особое место. Великий революционер, вместе со своим верным другом и ближайшим соратником Фридрихом Энгельсом он выработал научное мировоззрение, теорию и тактику классовой борьбы пролетариата за свои права и социальное обновление общества. Маркс и Энгельс вошли в историю как гениальные учителя рабочего класса, идейные вдохновители и блестящие организаторы революционного рабочего движения.

Маркс еще в молодые годы был покорен образом самого благородного и святого мученика в «философском календаре», титана греческой мифологии Прометея¹, который, не убоившись жестокой мести богов, похитил с Олимпа огонь и тем избавил людей от холода, мрака и голода. Презрев, подобно Прометею, мораль «заячьих душ» и гнев земных «богов», Маркс открыл духовный источник света, тепла и надежды. Своим учением он впервые указал пути и средства освобождения трудящихся от социального гнета, создания условий для достижения подлинной свободы, реального гуманизма, для благосостояния и всестороннего развития способностей человека, этой меры всех вещей.

Зарождавшееся в недрах капитализма движение рабочего класса долгие годы блуждало в потемках, не имело научно обоснованной цели, верных ориентиров к освобождению из-под власти капитала. Сплошь и рядом различные авторы распространяли всевозможные иллюзии и предрассудки, фантастические проекты избавления эксплуататорского общества от «дурных сторон». Подобно тому как вера в чудотворные целительные средства проистекала из незнания законов природы, так и вера в чудеса в социальной области поддерживалась незнанием законов общественной жизни.

Между тем быстрый рост производительных сил на базе капитализма создавал реальную основу для решения великой исторической задачи — уничтожения эксплуатации человека человеком, для освобождения труда. Появилась и крепла социальная сила, способная решить эту задачу. Такой силой был рабочий класс. Одновременно складывались и предпосылки формирования нового мировоззрения — научного социализма.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 154

Разумеется, учение Маркса и Энгельса возникло не изолированно от предшествующих завоеваний научной мысли, не в стороне от столбовой дороги мировой цивилизации. Оно явилось законным преемником всего лучшего, что было достигнуто человеческим разумом в познании природы и общественной жизни, унаследовало, в частности, все достижения немецкой классической философии, английской классической буржуазной политической экономии и французского утопического социализма. Это лучшее Маркс и Энгельс критически освоили и творчески переработали с позиций самого передового класса — пролетариата.

В. И. Ленин с исключительной четкостью и глубиной определил революционное значение научного подвига Карла Маркса. «Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма»¹.

Марксизм как научное выражение интересов рабочего класса формировался и развивался в тесной связи с классовой борьбой пролетариата. Если раскрытие внутренних противоречий капитализма привело к выводу, что гибель буржуазного общества неизбежна, то неуклонное развитие рабочего движения подтверждало вывод о том, что именно пролетариат явится могильщиком капиталистического строя и создателем нового, социалистического общества.

Содействие организации рабочего движения и революционной борьбе за низвержение капитализма и победу социализма являлось главной целью и высшим смыслом жизни Маркса. Он был инициатором и душой многих важных начинаний и участником основных исторических событий в рабочем движении XIX в. Велики заслуги Маркса в развитии международной солидарности рабочих. Он возглавлял Союз коммунистов и I Интернационал, провозгласившие своим девизом объединение пролетариев всех стран. Последовательный интернационализм был руководящим принципом вождя международного пролетариата.

Деятельность Маркса во главе международного рабочего движения открыла новую страницу в истории освободительной борьбы народных масс. Новатор во всем, Маркс и здесь показал пример единства теории и практики; его деятельность отразила органическую общность интересов трудящихся и их руководителей. Не мессианский пророк встал перед рабочими в лице Маркса, а строгий ученый, который создал науку, получившую признание их духовного оружия. Самая тесная связь с передовыми рабочими, глубокое знание всех форм рабочего движения позволяли Марксу выступать в подлинном смысле слова выразителем сокровенных чаяний и общественного сознания пролетариев.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 47.

Вся история международного рабочего движения, развитие мирового революционного процесса в целом, успехи и неудачи революционной борьбы в отдельных странах неопровержимо доказывают, что роль передового борца может выполнить лишь та политическая партия, которая руководствуется передовой революционной теорией, воплощает в себе единство развивающейся науки и практики, научной идеологии и политики, не погрязает в болоте застаревших стереотипов и догматизма, в конкретных исторических условиях находит адекватные им теоретические и практические решения назревших проблем.

Карл Маркс прожил славную жизнь. Рука об руку с Энгельсом он выковал оружие беспощадной критики всех отношений буржуазного общества, развенчал ложные идеи, фальшивые лозунги, псевдонаучные теории, косность, лицемерие, жестокость и малодушие господствующих классов, показал обреченность в конечном счете капиталистического способа производства.

Выходец из привилегированных слоев общества, он отказался от возможности сделать престижную карьеру университетского профессора или модного литератора и выбрал трудную судьбу политического изгнанника, порвал со своей средой, вынужден был покинуть родную страну, обрекая себя, жену и детей на скитания и нужду, на полицейские преследования.

Жизнь Маркса оборвалась сравнительно рано из-за болезней, вызванных во многом непомерным трудом и бедственными условиями существования. Но он имел счастье увидеть первые плоды своей теоретической и практической деятельности, получил еще при жизни широкое мировое признание, завоевал горячую любовь рабочих многих стран Европы и Америки.

Биографии Карла Маркса посвящена данная книга. Это неприкрашенный, правдивый рассказ о многогранной его личности, о его яркой жизни и разнообразных трудах.

Первые опыты жизнеописания основоположника научного социализма принадлежат Фридриху Энгельсу. Им было написано несколько превосходных биографических очерков о Марксе, а также ряд статей, освещающих деятельность Маркса в отдельные периоды. Мечтой последних лет жизни Энгельса было создание более обширной биографии своего друга; особое место, считал он, должно быть уделено роли Маркса в I Интернационале. Осуществить этот замысел Энгельс, к сожалению, не успел.

Биографический очерк о Марксе в 1914 г. для Энциклопедического словаря Гранат написал В. И. Ленин. В форме сжатой статьи Ленин дал популярное и в то же время весьма глубокое освещение не только основных вех жизни Маркса, но и сущности его учения. Очерк Ленина является классическим образцом разработки научной биографии Маркса, изложения его жизненного пути и его учения.

В 1918 г. вышла в свет книга видного философа и историка, представителя левого крыла германской социал-демократии Франца Меринга «Карл Маркс. История его жизни». Труд Меринга — плод многолетних исследований. Богатство содержания и литературные достоинства работы принесли ей заслуженную известность. Однако Меринг не знал многих произведений Маркса, которые тогда еще не были опубликованы, в том числе таких, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология» (полный текст), «Экономические рукописи 1857—1858 гг.», более поздние варианты «Капитала»; ему не были известны многие другие материалы, содержавшие важные биографические факты.

Ученые-марксисты после выхода в свет книги Меринга плодотворно исследовали отдельные этапы жизни и деятельности Маркса, различные проблемы его научного и литературного творчества, его революционно-практической деятельности. Были сделаны попытки обобщить накопленные сведения в форме новых биографических трудов. В первую очередь здесь должны быть отмечены статьи и книги ученых СССР и ГДР.

Жизни Маркса посвящено множество книг буржуазных и реформистских идеологов, фальсифицирующих так или иначе историю марксизма и рабочего движения. Биография основоположника научного социализма стала одним из главных объектов идейной борьбы. Противники марксизма пытаются противопоставить молодого Маркса зрелому Марксу, Маркса — Энгельсу, стараются найти противоречия в его учении, усердствуют в доказательствах его устарелости, «евроцентризма» и т. д. Отнюдь не последнюю роль играет прямая и злобная клевета. Добросовестное исследование подменяется наложением пошлых психологических схем, конструированием ложнофрейдистских невротических комплексов, якобы двигавших мысль и действия Маркса. Из «порочности» личности механически выводится порочность взглядов и поступков.

Добросовестное научное освещение жизненного пути Маркса и исторических судеб его учения, громадного воздействия его идей на ход мирового развития, их проверки в международном рабочем и коммунистическом движении, в опыте социалистических революций решительно опровергает все домыслы антикоммунистов и политологов разного толка. Принципиальное значение имеют мысли Маркса о приоритете общечеловеческих ценностей: о мире между народами, о бережном отношении к среде обитания и др.

При разработке научной биографии крупной исторической личности в отличие от художественного жизнеописания необходимо опираться только на документы и строго проверенные факты, с научным беспристрастием проследить генезис и развитие взглядов, раскрывать содержание идей и их влияние, теорию и практическую деятельность. Такое комплексное исследование убедительно свидетельствует, что марксизм как теория, мировоззрение и метод

вырос из жизни, проверен и подтвержден жизнью, всем ходом мировой истории.

Маркс был сыном своего времени и его беспристрастным судьей. Его эпоха «схвачена» его могучей мыслью. Иногда, к сожалению, скудость и односторонний характер информации накладывали свою печать на суждения и выводы по отдельным вопросам, снижали их уровень и достоверность.

С тех пор, когда он жил и творил, минули бурные десятилетия, неузнаваемо изменился мир. Возникла во многом новая географическая карта земного шара. Маркс — несравненный аналитик капитализма 40—70-х гг. XIX в. Теперь этот строй выглядит во многом иначе. С одной стороны, он утратил свою прежнюю монополию, пережил ряд глубоких потрясений и кризисов. С другой стороны, обнаружил такую живучесть, которая превзошла ожидания Маркса, хотя и не перечеркнула вскрытых марксизмом основных тенденций и закономерностей диалектики исторического процесса. Поэтому к наследию Маркса обращаются и поныне не только его последователи, но и недруги, разумеется, у тех и других разные мерки, разные критерии, разные подходы.

Источниками для данной книги о Марксе послужили произведения и письма основоположников марксизма, опубликованные в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, в других изданиях их трудов.

Важным источником явились архивные документы, прежде всего из фондов Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС: рукописи, конспекты Маркса, письма членов его семьи, письма в адрес Маркса и Энгельса деятелей рабочего и демократического движения, переписка этих деятелей между собой, содержащая ценные сведения о Марксе. Значительная часть этих документов опубликована за последние годы Институтами марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и ЦК СЕПГ в Полном собрании сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала — МЭГА (Marx — Engels. Gesamtausgabe — MEGA).

Важнейшим пособием и неоценимым методологическим руководством для авторов послужили труды В. И. Ленина, в особенности его произведения, посвященные специально Марксу, Энгельсу и марксизму.

Облик Маркса как ученого и борца ярко рисуют воспоминания современников. При работе над биографией была, естественно, использована мемуарная литература.

Ценнейшие сведения о руководящей роли Маркса в международном рабочем движении содержатся в документах различных рабочих организаций XIX в. Необходимо было учесть не только имеющиеся многочисленные публикации (документы Союза коммунистов, протоколы Генерального Совета Интернационала, другие документальные сборники), но и те из документов, которые пока еще не увидели света. Определенную ценность для данного исследования предста-

вили личные фонды деятелей Союза коммунистов, I Интернационала, различных национальных организаций рабочего класса, тесно связанных с Марксом. Были использованы также материалы прусского, бельгийского и французского полицейских архивов.

Особую группу источников составляют современные Марксу периодические издания. Нужно было рассмотреть не только органы печати, которые редактировал Маркс или в которых он непосредственно сотрудничал, но также буржуазные газеты и журналы, донесшие до нас отклики на его деятельность или рецензии на его книги.

Начиная с середины 40-х гг. и до конца жизни Маркса ближайшим его другом, единомышленником, советчиком, а иногда соавтором был Фридрих Энгельс. Его по праву называют «вторым «Я» Маркса». Энгельс был также большим другом всей семьи Маркса, его жены, дочерей. Он «литературный душеприказчик» Маркса, издатель и редактор многих важнейших его произведений, увидевших свет лишь посмертно или посмертно заново Энгельсом переизданных. Марксизм, жизнь Маркса нельзя полно и правильно представить без всего того, что сделано было Энгельсом вместе с Марксом и для Маркса. Естественно, что многие страницы в изложении биографии Маркса уделены Энгельсу.

Авторский коллектив опирался на документы КПСС и братских марксистско-ленинских партий, в которых содержится научная трактовка затронутых в книге теоретических проблем капитализма, теории и тактики рабочего движения, строительства социалистического общества, критики буржуазной философии и политэкономии, этических проблем современной науки, экологии, сложного комплекса вопросов единой системы «человек — машина — среда».

Учтены все сколько-нибудь значительные исследования о Марксе и марксизме, вышедшие в СССР и за рубежом, особенно те, которые содержат ценный документальный материал.

Книга снабжена иллюстрациями, отражающими жизненный путь и творчество Маркса.

Общую редакцию первого (1968 г.) и второго (1973 г.) изданий данного коллективного труда осуществили Л. И. Гольман, А. И. Малыш, П. Н. Федосеев. Помощники авторского коллектива — Н. С. Румянцева и М. Я. Узар. Настоящее, третье издание подготовил А. И. Малыш. Помощники — Е. В. Негрей, В. Н. Попова, М. В. Тихонова, З. А. Шарифова. Свои замечания и предложения представили сотрудники Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС Г. Д. Головина, К. И. Коннова, Н. В. Кудряшова, О. А. Хорева и др.

В текст книги внесены необходимые редакционные поправки, уточнения; есть и отдельные добавления. Обновлен научный аппарат (подстрочные примечания, указатель имен). Вместо главы шестнадцатой, которая была в двух предыдущих изданиях, дается заново написанное заключение.

*Глава
первая*

Путь к материализму и коммунизму

Если мы избрали профессию,
в рамках которой мы больше всего можем
трудиться для человечества,
то мы не согнемся под ее бременем...

Карл Маркс

Детские и юношеские годы Маркса протекали в Рейнской области — экономически и политически наиболее развитой части Германии. Больше других немецких земель испытала она влияние французской буржуазной революции конца XVIII в. Долина Рейна сделалась в те годы ареной военных действий революционных армий, крестьянских восстаний, выступлений немецких демократов, воодушевляемых якобинскими идеями свободы, равенства и братства. Левый берег Рейна в результате побед французов вошел в состав Французской республики, а затем — империи Наполеона. Здесь были в основном уничтожены феодальные порядки: ликвидировано крупное помещичье и церковное землевладение, отменены феодальные привилегии, введен суд присяжных, буржуазный «Кодекс Наполеона». Это дало толчок промышленному развитию края.

По решению Венского конгресса 1815 г. большая часть Рейнской области отошла к Пруссии, составив Рейнскую провинцию

этого крупнейшего германского государства, в котором господствовал феодально-абсолютистский строй. Юнкерство — поместное дворянство сохранило значительную часть своих привилегий. Из этой привилегированной касты комплектовалась верхушка всесильной в Пруссии бюрократии и кадровое офицерство, создавшее в стране культ милитаризма. Общегосударственных представительных учреждений не существовало. Провинциальные собрания — ландтаги пользовались лишь совещательным голосом, а сословный принцип представительства сильно ущемлял в них права буржуазии. В рейнском ландтаге, например, два крупных города Ахен и Кёльн с почти стотысячным населением были представлены лишь 3 депутатами, в то время как 6520 дворян посылали 25 представителей.

По своему экономическому развитию Пруссия очень сильно отставала от Англии и Франции. Несмотря на рост промышленности, она оставалась аграрной страной, с малочисленным и слабо развитым пролетариатом. Основную часть населения составляли крестьянство, находившееся в полуфеодальной зависимости от крупных землевладельцев, и городская мелкая буржуазия (ремесленники и торговцы).

Тем не менее промышленный прогресс совершался и в Германии. В различных ее землях зарождались очаги капиталистического производства, возникали фабрики и шахты, с 1835 г. началось строительство железных дорог. Рейнская провинция шла впереди других, даже промышленно развитых районов Пруссии. Устои феодализма здесь были подорваны настолько основательно, что прусскому правительству не удалось целиком ликвидировать завоевания французской революции, в частности заменить «Кодекс Наполеона» прусским правом. И все же рейнская буржуазия была стеснена распространением и на Рейнскую провинцию полицейско-абсолютистским режимом. Она была недовольна налоговой и таможенной политикой прусского правительства, недостаточно защищавшего ее от иностранной конкуренции, и в значительной мере являлась выразительницей оппозиционных настроений буржуазных кругов Пруссии и всей Германии.

Экономические и политические сдвиги, происходившие в Рейнской провинции в 20—30-е гг., отражали те общественные процессы, которые переживала вся Германия и многие другие страны Европы. Повсеместно наблюдалось нарастание предпосылок буржуазной революции, призванной устранить феодальные пережитки в социальном и политическом строе и расчистить капитализму свободный путь, как это было в Англии и Франции. Главным препятствием капиталистическому развитию Германии была оставшаяся от средних веков политическая и экономическая раздробленность страны. Существование в Германии 38 государств со своими таможенными границами, с собственными денежными знаками и системами мер и весов чрезвычайно затрудняло развитие экономики. Создание в 1834 г. Таможенного союза 18 государств во главе с Пруссией —

в противовес Австрии, ее сопернику в борьбе за гегемонию в Германии, — явилось лишь первым шагом к преодолению экономической раздробленности. Цеплявшиеся за свою власть и привилегии правители мелких немецких государств были ярыми противниками всякого прогресса. Один из таких владетельных князьков заявил: «Я не желаю в моем государстве никаких железных дорог, я не хочу, чтобы каждый сапожник и портной мог ездить так же быстро, как я».

Вопрос об объединении Германии приковывал к себе главное внимание прогрессивных сил страны. Буржуазная июльская революция 1830 г. во Франции оживила оппозиционные настроения среди буржуазии и интеллигенции Германии. Но немецкая буржуазия отличалась нерешительностью, склонностью к компромиссам с помещичьими кругами, и это определялось не только ее сравнительной экономической слабостью. За спиной буржуазии уже вставала новая общественная сила — рабочий класс, в котором она чувствовала будущего противника. Правда, немецкое рабочее движение еще только зарождалось.

Между тем в передовых капиталистических странах — Франции и Англии — пролетариат уже выходил на историческую арену как антагонист класса капиталистов, как объективно враждебная буржуазному обществу сила.

Прогрессирующая промышленная революция, переход от ремесла и мануфактуры к крупной капиталистической промышленности, основанной на машинной технике, несли с собой обнищание трудящимся, разорение мелким ремесленникам и торговцам, неисчислимые страдания рабочим, жестоко эксплуатируемым на капиталистической фабрике. Новые машины делали излишними сотни и тысячи рабочих рук, вызывали безработицу. Эти страдания усугублялись во время кризисов, периодически потрясавших капиталистическую экономику начиная с 1825 г.

В то же время создание крупного машинного производства приводило к концентрации на фабриках пролетарских масс, способствовало их сплочению, постепенному избавлению бывших ремесленников от мелкобуржуазной психологии, проявлявшейся в несбыточных стремлениях вновь стать самостоятельными хозяйчиками. В процессе пробуждения классового сознания рабочие начинают видеть врага уже не в машинах, как это было в прошлом, а в самих фабрикантах, а также во всех привилегированных имущих классах. Росло стремление рабочих к объединению с целью сопротивления гнету, сначала по профессиям, а позднее и в более широком масштабе, создавались первые организации рабочих: профессиональные союзы (тред-юнионы в Англии), общества взаимопомощи.

В 1831 и 1834 гг. произошли пролетарские восстания в крупном промышленном центре Франции Лионе. Лионские ткачи боролись на баррикадах под знаменем, на котором было начертано: «Жить,

работая, или умереть, сражаясь!». Восстания были сравнительно быстро подавлены, но они смертельно напугали буржуазию. Уже по поводу первого из них правительственная газета «*Journal des Débats*» писала 8 декабря 1831 г.: «Лионское восстание открыло важную тайну — внутреннюю борьбу, происходящую в обществе между классом имущим и классом, который ничего не имеет». Во второй половине 30-х гг. в Англии возникло первое организованное массовое политическое движение рабочего класса — чартизм. Его участники требовали принятия Народной хартии («чартер» — отсюда и название движения) из 6 пунктов, главным из которых было введение всеобщего избирательного права. В политической борьбе чартисты видели средство улучшения положения рабочих масс.

Стихийный протест народных масс против эксплуатации, их стремление к лучшей жизни давно порождали мечты о более справедливом социальном строе. На этой почве возник утопический социализм. В своей классической форме он был разработан тремя гениальными мыслителями начала XIX столетия А. Сен-Симоном, Ш. Фурье и Р. Оуэном. Их произведения отличались острой и меткой критикой язв и пороков капиталистического строя и гениальными догадками относительно ряда черт будущего коммунистического общества. Много лет спустя, в 1874 г., Фридрих Энгельс писал, что научный социализм «никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно»¹.

Детство и юность

Карл Генрих Маркс родился 5 мая 1818 г. в городе Трире. В официальном свидетельстве о рождении (акт № 231) содержится следующая запись: «В году тысяча восемьсот восемнадцатом, *седьмого* числа мая месяца, в *четыре* часа *полудни* передо мной — чиновником ратуши *Трира*, ведающим делами гражданского состояния в *Трирском* округе,— предстал *господин Генрих Маркс, тридцати* семи лет, проживающий в *Трире*, адвокат высшего апелляционного суда, показал мне ребенка мужского пола и заявил, что этот ребенок появился на свет в *Трире* пятого числа мая месяца в *два* часа *утра* от *господина Генриха Маркса, адвоката*, проживающего в *Трире*, и его жены *Генриетты Пресборк* и что этому своему ребенку они пожелали дать имя *Карл*»². Родители Маркса в это время проживали в не-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 498—499.

² Там же. Т. 40. С. 589.

большом двухэтажном доме на Брюккенгассе, 664, сохранившемся до сих пор (современный адрес: Брюккенштрассе, 10). Через два года они переселились в другой дом, на Симеонштрассе, где Маркс жил до отъезда из Трира в 1835 г.

Расположенный на берегу Мозеля, притока Рейна город Трир принадлежал к числу старинных городов Германии. В средние века столица крупного духовного княжества, резиденция архиепископа Трирского, этот город впоследствии стал уступать по своему значению другим прирейнским городам (Кёльну, Дюссельдорфу и т. д.), хотя и являлся одним из окружных центров Рейнской провинции Пруссии. Численность населения Трира в эти годы едва достигала 15 тыс. человек. Однако и тихий Трир не оставался в стороне от того общественного движения, которое развивалось во всей Германии. И здесь также обнаруживались резкие социальные контрасты между городской беднотой, влачившей жалкое существование, и зажиточным меньшинством горожан. Доходили до Трира и отголоски социалистических теорий. В 20—30-е гг. в городе выпускал свои брошюры один из первых немецких социалистов-утопистов Людвиг Галль.

Отец Карла Маркса, Генрих Маркс, был личностью незаурядной. Широко образованный человек, он был прекрасно знаком с трудами передовых мыслителей XVIII в Произведения Руссо и Вольтера входили в постоянный круг чтения трирского адвоката; в его библиотеке имелась книга революционного писателя Т. Пейна «Права человека». Он хорошо знал также сочинения Локка, Лейбница, Лессинга. Одаренный юрист, занимавший должность адвоката при высшем апелляционном суде, пользовался большим уважением среди своих коллег. По более позднему свидетельству самого Маркса, его отец «выделялся как своей личной безупречностью, так и своими юридическими талантами»¹.

Политические воззрения Генриха Маркса не выходили в целом за пределы либерализма, но даже это вызывало подозрение у прусских властей. После выступления Генриха Маркса 18 января 1834 г. на празднестве в зале Казино в честь депутатов рейнского ландтага, когда он высказался в пользу представительного строя, им даже заинтересовалась полиция.

Восприняв идеи Просвещения, Генрих Маркс отличался и известным вольнодумством в вопросах религии, хотя происходил из семьи раввинов. К конкретным формам религии и ортодоксальным догмам он относился весьма равнодушно. Незадолго до рождения Карла он перешел из иудаизма в лютеранство — шаг, связанный с теми ограничениями, которым подвергались евреи в тогдашней Германии. Позднее были крещены его жена и дети.

К сыну Генрих Маркс относился с большой нежностью, неустанно заботясь о его духовном развитии.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 414.

Карл отвечал отцу горячей привязанностью. Это чувство не ослабело и в период, когда между сыном и отцом обнаружилось расхождение во взглядах и в понимании жизненного призвания. Всю жизнь Маркс сохранял глубокое уважение к памяти отца и не расставался с его фотографией, сделанной со старинного дагерротипа. Когда Маркс умер, эту фотографию Энгельс положил к нему в гроб.

Мать Маркса Генриетта Пресборк была родом из Голландии. Будучи матерью девяти детей, она занималась исключительно домашними делами. Духовный мир ее был узок, и настоящим другом, каким был Марксу отец, она сыну так и не стала. У Маркса было трое братьев и пять сестер; братья его умерли рано, и лишь три сестры — старшая Софья и младшие, Эмилия и Луиза, — пережили его.

Карл был любимцем в семье. Живой ум, изобретательность в играх, способность образно передавать и сочинять всевозможные фантастические истории и сказки делали его душой детских компаний. Дочь Маркса Элеонора вспоминала, что от теток ей нередко приходилось слышать, какое огромное влияние Карл оказывал на своих сестер.

В 1830 г. Маркс поступил в Трирскую гимназию. В аттестате зрелости, датированном 24 сентября 1835 г., отмечаются хорошие способности хорошие и очень хорошие познания по ряду предметов, отмечается, в частности, умение переводить и объяснять по-латыни тексты классиков, в особенности такие, *«где трудность заключается не столько в особенностях языка, сколько в сущности и в общей связи идей»*¹.

Марксу повезло на учителей. Директором Трирской гимназии был в это время Иоганн Виттенбах, один из образованнейших педагогов своего времени, преподававший в гимназии историю и философию. На его мировоззрение серьезное влияние оказали идеи немецкого и французского Просвещения. Это был человек либерально настроенный и считавший необходимым воспитывать в юношах «священную веру в прогресс и облагораживание». Естественно, Виттенбах не пользовался доверием прусских властей и в последние годы жизни даже состоял под наблюдением полиции. Преподаватель математики и физики Иоганн Штайнингер слыл приверженцем материализма и внушал властям сомнение в его «патриотическом умонастроении».

Толстые стены королевской гимназии Фридриха-Вильгельма в Трире не могли отгородить учеников от жизни, кипевшей за ее пределами. В 1833 г. в гимназии была обнаружена запрещенная литература, а также сатирические стихи, направленные против правительства. Один из учеников был арестован.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 598.

Уже тогда Маркс начал испытывать ненависть ко всему реакционному. По окончании гимназии осенью 1835 он демонстративно отказался нанести прощальный визит преподавателю Лёрсу, известному своими реакционными взглядами и назначенному заместителем директора со специальным поручением осуществлять в гимназии политический надзор.

Важным документом, характеризующим духовный облик Маркса того периода, является написанное им в августе 1835 г. выпускное гимназическое сочинение на тему «Размышления юноши при выборе профессии». В нем юный Маркс говорил о необходимости выбирать профессию, открывающую наиболее широкое поприще для деятельности во имя человечества. Он отдавал себе отчет, что выбор этот нелегок. Человек не всегда может избрать профессию по призванию, ибо «наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие»¹. И в то же время в сочинении страстно прозвучала одна нота — не замыкаться в узкоэгоистических рамках, искать пути и средства служения людям. «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком». Если человек избрал профессию, в рамках которой больше всего может трудиться для человечества, писал юноша Маркс, тогда он испытает не жалкую, ограниченную эгоистическую радость, а его счастье будет принадлежать миллионам².

В этом сочинении чувствуется влияние на Маркса идей просветителей XVIII в., их глубокой убежденности в том, что назначение человека заключается в стремлении к общему благу, их учения о зависимости человека от окружающей среды. Правда, свободолюбивые, гуманистические настроения молодого Маркса еще носили довольно неопределенный характер, однако столкновение с реакционными порядками, господствовавшими в тогдашней Германии, дальнейшая работа пытливого ума помогли Марксу сделать следующий шаг вперед.

Студенческие годы в Бонне и Берлине

Генрих Маркс возлагал на Карла большие надежды. Он готовил сына к карьере ученого. «Тебе, бог даст, предстоит,— писал он ему,— еще долгая жизнь — для твоего блага и блага твоей семьи и, если предчувствия меня не обманывают, для блага всего человечества»³.

В октябре 1835 г. Маркс поступил в Боннский университет, чтобы изучать право. Он отдался занятиям со всем пылом молодости. Отец

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 5.

² См. там же. С. 7.

³ Там же. С. 613.

в письмах вынужден был даже убеждать сына не истощать свой организм чрезмерным рвением. Маркс записался на несколько лекционных курсов, накупил массу книг, особенно по истории. Кроме курсов по специальности, он слушал лекции по греческой и римской мифологии, о творчестве Гомера, по новейшей истории искусства. Наделенный пылким воображением и жаждой творчества он и сам стал пробовать свои силы в области художественной литературы: писал стихи, вступил в университетский кружок поэтов, который вел переписку с таким же кружком в Гёттингенском университете.

Студенты Боннского университета, как и других университетов Германии, объединялись в землячества. Маркс сделался членом Трирского землячества и был избран в состав его правления. До нас дошла литография, на которой изображены члены этого землячества, в их числе и Маркс — густая шапка черных волос, серьезное задумчивое лицо...

В сознании Маркса-студента, несомненно, происходил пересмотр традиционных понятий, которые внушались ему в школе, да отчасти и в семье. Его раздумья, видимо, нашли свое отражение в не дошедших до нас письмах к отцу. В ответ на одно из таких писем Генрих Маркс — очевидно, пытаясь разрешить серьезные сомнения сына в том, может ли служить религия основой морали, — писал: «Ты знаешь, я далеко не фанатик. Но человек раньше или позже испытывает [потреб]ность в вере...» И в качестве дополнительного аргумента он приводил сыну в пример великих ученых Ньютона и Лейбница, веровавших в бога¹. Однако критический ум Маркса уже нельзя было изменить ссылками на авторитеты.

В Бонне Маркс проучился всего два семестра, а затем по совету отца решил продолжать занятия в Берлинском университете, где читали лекции самые видные специалисты в области юриспруденции.

Перед отъездом в Берлин Маркс провел летние каникулы 1836 г. в родительском доме. В это время состоялась его помолвка с Женни фон Вестфален, подругой его детских лет. Дочь тайного правительственного советника Людвиг фон Вестфалена Женни (она родилась в 1814 г.) происходила из аристократической семьи. Ее дед был крупным военным, советником герцога Брауншвейгского, женившимся на шотландке, которая вела свою родословную от представителей высшей шотландской знати. Однако отцу Женни были чужды чувство аристократического высокомерия и дворянская спесь, которыми отличались некоторые члены его рода, в том числе старший сын Фердинанд — сводный брат Женни, в будущем — прусский министр. Людвиг фон Вестфален дружил с «плебеем» — крещеным евреем Генрихом Марксом и питал теплые чувства к его сыну. От Вестфалена юный Маркс впервые услышал об учении Сен-Симона. Карл Маркс платил трирскому советнику живейшей

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 601.

привязанностью, считал его одним из наставников и посвятил ему позднее докторскую диссертацию. Мать Женни — Каролина фон Вестфален, происходившая из семьи чиновника, отличалась простой и сердечностью. В значительной мере от родителей младшие дети — Женни и Эдгар (соученик по гимназии и друг Маркса) — восприняли чувство свободы от сословных предрассудков.

Умная, образованная, слывшая первой красавицей Трира и царицей балов (через много лет Маркс писал ей из Трира: «Чертовски приятно мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жить как «зачарованная принцесса»»¹), Женни, колеблясь, решила связать свою судьбу с судьбой молодого студента из небогатой и неродовитой семьи, отвергнув многие «выгодные» предложения претендентов из одного с ней сословного круга.

Взаимные симпатии появились у Маркса и Женни еще в детские годы. Со временем эти чувства крепились, превратившись в пылкую любовь. Порывистого, темпераментного юношу и отзывчивую, наделенную редким женским тактом и обаянием девушку связывали не только нежные чувства друг к другу, но и близость духовных запросов. Женни оценила одаренность и богатство природы Маркса. Сама она стремилась быть во всем достойной своего Карла. Маркс боготворил свою избранницу и, подобно многим влюбленным, пытался выразить свои чувства в поэтической форме. Множество листов бумаги были исписаны стихами в честь Женни. Как у всех начинающих поэтов, здесь часто присутствовали бесчисленные восклицания и неумеренные гиперболы, о которых сам Маркс позднее отзывался с иронией. Но порой у него рождались замечательные лирические строки.

Связала нас незримо
Навеки нить одна.
Душа, судьбой гонима,
Тобой окрылена.

И что искал напрасно
Души моей порыв,—
Дает мне взор твой ясный,
Улыбкой озарив.

Помолвка Маркса и Женни фон Вестфален держалась некоторое время в тайне от родни Женни из опасений противодействия их браку со стороны родственников. Женни пришлось выдержать тяжелую и долгую борьбу со своей аристократической родней за право соединиться с любимым человеком. Прошло семь лет с момента их обручения, прежде чем брак Маркса и Женни стал, наконец, возможен. За это время многое изменилось: умер в 1838 г. Генрих Маркс, горячо одобрявший выбор Карла, сошел в могилу в 1842 г. и Людвиг фон Вестфален, относившийся к Карлу, как к сыну.

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд. Т. 30. С. 531.

В октябре 1836 г. Маркс уехал в Берлин и поступил на юридический факультет Берлинского университета. В столице прусской монархии Маркс ближе столкнулся с острыми противоречиями тогдашней немецкой действительности — засильем юнкерства, политическим неравноправием буржуазии, нищетой широких народных масс. Берлинский университет насчитывал среди своей профессуры многих крупных ученых. Еще совсем недавно кафедру философии занимал Гегель; на юридическом факультете читал лекции один из крупнейших немецких юристов Э. Ганс, придерживавшийся прогрессивных взглядов. Маркс посещал лекции Ганса и был аттестован им как «в высшей степени прилежный». Не исключено, что Маркс принимал участие в демонстрации в честь Ганса, организованной студентами университета в 1838 г. в день рождения профессора возле его дома. Эта демонстрация привлекла внимание полиции.

В Берлине Маркс вел первое время уединенный образ жизни. Работал он здесь с еще большим напряжением сил, чем в Боннском университете. «Приехав в Берлин,— писал он позднее отцу,— я порвал все прежние знакомства, неохотно сделал несколько визитов и попытался погрузиться в науку и искусство»¹. Одним из результатов этого, помимо трех тетрадей сонетов и других стихотворений, посвященных Женни, явилось довольно большое число песен, баллад, романсов, эпиграмм.

Во многих своих поэтических произведениях юный Маркс отдал дань бунтарским настроениям, навеянным революционным романтизмом. Пробовал он свои силы и в жанре драмы (трагедия в стихах «Оуланем») и даже сатирического романа («Скорпион и Феликс»), но эти опыты остались незавершенными.

Стихотворения молодого Маркса не имели большой художественной ценности. Он сам весьма самокритично оценил собственные литературные произведения, найдя в них единственное достоинство — некоторую теплоту чувств. Из всего написанного Марксом в этом жанре лишь «Неистовые песни» были опубликованы в 1841 г. в журнале «Athenäum». Однако эти произведения представляют весьма большой интерес как биографический источник. Со стихотворных страниц перед нами встает образ молодого человека, неудовлетворенного существующим, стремящегося к активной деятельности, к борьбе. Он еще не знает, как действовать, но всем своим существом понимает, чувствует, что нельзя прозябать, довольствоваться уготованной судьбой, идти по проторенному пути.

Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури, в полусне.

.....

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 9.

Так давайте в многотрудный
И в далекий путь пойдем,
Чтоб не жить нам жизнью скудной —
В прозябании пустом.
Под ярмом постыдной лени
Не влачить нам жалкий век.
В дерзновеень и в стремлеень
Полновластен человек.

Нередко Маркс выражал свою неудовлетворенность отвлеченными и оторванными от жизни философскими системами, стремление найти такое мировоззрение, которое послужило бы опорой для правильного понимания жизненных процессов и активного участия в них. К самому Марксу в значительной степени можно отнести то, что он в стихотворной форме говорил о Гегеле:

Кант и Фихте в надзвездном эфире
Ищут мир неизвестный во мгле:
Я ж стараюсь и глубже и шире
То понять, что нашел на земле.

Но главным занятием Маркса в Берлине была не поэзия, а наука. В единственном сохранившемся от этого времени письме отцу, датированном 10 ноября 1837 г., он сообщает о прочитанных книгах, о попытках систематизировать изученный огромный материал, о самостоятельных теоретических поисках. Письмо свидетельствует о широте и разносторонности интересов, обнаруженных Марксом уже в эти годы, о его необычайном упорстве в труде, о высокой требовательности к себе и критическом отношении к собственным выводам, которые он беспощадно отбрасывал, как только убеждался в их несостоятельности.

Наряду с занятиями юриспруденцией, историей, теорией искусства, иностранными языками, Маркс в Берлине все более основательно начал изучать философию. Первоначальным побудительным толчком для этого послужила его попытка написать большое сочинение по философии права, но, несомненно, интерес к философии стимулировался и стремлением осмыслить современную ему действительность со всеми ее противоречиями.

Изучение философии Гегеля. В кругу младогегельянцев

В ходе своих занятий Маркс убедился в полной теоретической бесплодности попыток объяснить мир с позиций субъективного идеализма. Стремление объяснить действительность с точки зрения внутренне присущих ей закономерностей, или как говорил тогда Маркс, стоявший на позициях философского идеализма, — искать идею в самой действительности — привело Маркса к философии Гегеля. «...Нужно внимательно всматриваться в самый объект в его

развитии,— писал Маркс,— и никакие произвольные подразделения не должны быть привносимы»¹.

В философии Гегеля нашли свое отражение исторические сдвиги, произошедшие в Европе конца XVIII — начала XIX в. и связанные с коренной ломкой феодальных общественных отношений в результате французской буржуазной революции. Эти общественные процессы, а также бурное развитие наук, особенно естественных, нанесли серьезный удар старому, метафизическому способу мышления. «...В том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии... что она раз и навсегда разделалась со всяким представлением об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия»,— писал позднее Энгельс². Выдающейся заслугой Гегеля была первая систематическая разработка диалектического метода.

Мир в философии Гегеля представал как единое целое, находящееся в процессе постоянного развития, восхождения от низшего к высшему. Развитие, согласно Гегелю, совершается через преодоление внутренних противоречий, через их борьбу, в результате которой происходит переход на новую ступень, или же «снятие» прежних противоречий и возникновение новых, свойственных новому качеству. Процесс развития представляет собой единство прерывности и непрерывности, постепенных количественных изменений и прерывов постепенности, скачков, означающих переход в новое качество. Этот принцип Гегель проводил прежде всего в области истории человеческого общества. Всемирная история представляет, по Гегелю, закономерный процесс развития духа, причем смысл этого развития заключается в осознании духом своей свободы.

Однако гегелевская диалектика покоилась на идеалистической базе. Основой всего сущего Гегель объявлял некую абсолютную идею, к саморазвитию которой он сводил и весь процесс диалектического движения. По Гегелю, писал Энгельс, «абсолютная идея... «отчуждает» себя (то есть превращается) в природу, а потом в духе,— то есть в мышлении и в истории,— снова возвращается к самой себе»³. Развитие абсолютной идеи находит свое завершение в гегелевской философии, выступающей в качестве абсолютной истины. Это возведение собственной философской системы в конечный пункт развития человеческой мысли, а также и всякого развития вообще, резко противоречило диалектическому методу самого Гегеля, требовавшего рассмотрения всех явлений в постоянном движении, в непрерывных изменениях. Ограниченность философии Гегеля особенно проявилась в его политических взглядах. В политическом аспекте венцом развития человеческого общества Гегель объявил конституционную

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 10.

² Там же. Т. 21. С. 275.

³ Там же. С. 277.

монархию, задача которой — лишь несколько «улучшить» прусское государство, приспособив его к потребностям буржуазии. Таким образом, объективно революционное содержание диалектического метода Гегеля приносилось в жертву потребностям метафизической консервативной системы.

Противоречие между диалектическим методом Гегеля и его метафизической системой отражало половинчатость и двойственность мировоззрения немецкой буржуазии, которая стремилась избавиться от феодальных пут, но в то же время боялась революционных форм борьбы, склонялась к компромиссу с силами реакции.

С философией Гегеля Маркс познакомился еще до приезда в Берлин, но за серьезное изучение гегелевских трудов он взялся весной 1837 г. В это время Маркс, здоровье которого было серьезно ослаблено бессонными ночами, проведенными над книгами, отдыхал в пригороде Берлина — Штралове. Там он «ознакомился с Гегелем, от начала до конца, а также с работами большинства его учеников»¹.

Между тем среди учеников умершего в 1831 г. философа к тому времени уже назрел раскол. Часть их — Хинрикс, Габлер, Гёшель и др. — выступила в качестве воинствующих защитников религии. Эти правые гегельянцы интерпретировали гегелевскую философию в духе христианской ортодоксии, они в целом оправдывали существующие политические порядки.

Представители левого крыла гегелевской школы, так называемые младогегельянцы — Д. Штраус, братья Бруно и Эдгар Бауэры, А. Руге, Л. Фейербах и др. — в своих работах стремились делать радикальные выводы из философии Гегеля. Отвергнув консервативно-религиозное толкование этой философии, младогегельянцы критиковали догматы христианства и религии в целом. Первым это сделал Д. Штраус, который в своей двухтомной работе «Жизнь Иисуса» (вышла в 1835—1836 гг.) подошел к евангелиям как к совокупности стихийно возникших мифов, выразивших чаяния и надежды раннехристианских общин. В противоположность ему Б. Бауэр считал евангелия продуктом сознательного мифотворчества их авторов, отражавшего ступень в развитии всеобщего человеческого самосознания, ступень, которая должна быть преодолена человечеством в ходе дальнейшего развития и совершенствования самосознания. В своей критике религии и евангелия Бауэр шел дальше Штрауса. Он подвергал сомнению не только божественность, но и само существование Иисуса Христа, связывал происхождение христианства с духовной жизнью и философскими течениями античного мира.

Теологический по форме спор младогегельянцев с ортодоксальными защитниками религии имел определенное политическое со-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 16.

держание: отрицание религии как откровения бога, объявление ее продуктом развития человеческого духа означали подрыв одного из важнейших устоев абсолютистского режима. Выдвинув принцип преобразования действительности посредством ее критики, младогегельянцы сделали шаг к переходу от критики религии к критике политики, а также идеологии реакционного романтизма и прусского абсолютизма. Благодаря этому за младогегельянством утвердилась роль философии немецкой радикальной буржуазии.

Коренной слабостью младогегельянства являлся идеализм его представителей. При этом в отличие от Гегеля они тяготели к субъективистским взглядам на историю. Вера во всемогущество теоретической критики, убеждение в том, что только посредством критической мысли выдающихся личностей можно обеспечить прогресс человеческого самосознания, а следовательно, как полагали младогегельянцы, и вообще всякий прогресс, приводили их к недооценке значения практической деятельности людей, особенно действий народных масс.

С младогегельянами Маркс познакомился, будучи студентом Берлинского университета. Смелость, с которой они подвергали критике непререкаемые в глазах обывателя религиозные и философские догмы, радикализм политических убеждений многих из них, защита свободы совести, печати и т. д.— все это вызывало симпатии молодого Маркса. Он близко сошелся с членами берлинского кружка младогегельянцев, так называемого «Докторского клуба», душой которого был тогдашний приват-доцент теологии Боннского университета Бруно Бауэр. В состав кружка входили преподаватель истории Карл Фридрих Кёппен, тонкий знаток и большой поклонник эпохи Просвещения, вскоре ставший близким другом Маркса, преподаватель географии А. Рутенберг и другие.

Маркс очень скоро стал одним из духовных руководителей «Докторского клуба». Его огромные знания, сила логики, глубина и последовательность выводов вызывали восхищение даже у людей, старших по возрасту и добившихся определенного общественного признания. С Марксом не только обращались как с равным, но многие открыто признавали его превосходство. Большое влияние оказал он на Кёппена, посветившего ему свою выпущенную в 1840 г. книгу «Фридрих Великий и его противники». Один из видных младогегельянцев М. Гесс писал несколько позднее, в 1841 г., своему другу Ауэрбаху: «...будь готов познакомиться с величайшим, быть может, *единственным* из ныне живущих, *настоящим философом*... Доктор Маркс, таково имя моего кумира, еще совсем молодой человек (едва ли ему больше 24 лет); он нанесет последний удар средневековой религии и политике, в нем сочетаются глубочайшая философская серьезность с тончайшим остроумием; представь себе соединенными в одной личности Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Ге-

геля; я говорю *соединенными*, а не механически смешанными — и ты будешь иметь представление о докторе Марксе»¹. Мнение Гесса разделяли многие.

Докторская диссертация

С начала 1839 г. Маркс целиком углубился в изучение истории философии. Он предпринял обширное исследование философской мысли древнего мира, в частности таких ее направлений, как школа Эпикура, стоицизм и скептицизм. Выбор темы определялся как общим интересом младогегельянцев к этим философским системам, в которых они видели предшественников философии самосознания, так и, главным образом, кругом интересов самого Маркса. Проникаясь атеистическими идеями, он проявлял вполне естественное тяготение к философии Эпикура, одного из крупнейших мыслителей античной эпохи, которого он называл величайшим греческим просветителем. Маркса глубоко интересовали философские направления, которые разрабатывали этические проблемы, вопросы отношения человека к окружающему его миру. Наконец, историко-философские исследования помогали Марксу разрешить волновавшую его проблему — как относится философия к внешнему миру, оправдывает ли она все существующее как разумное и необходимое, или же она содержит в себе то, что должно быть, в противовес тому, что существует. Таким образом, уже в первых научных исследованиях Маркс руководствовался не абстрактными, чисто теоретическими интересами, а необходимостью выработать мировоззрение, которое помогло бы ответить на мучивший его вопрос — как освободить человека от подчинения, сделать его свободным.

Первым плодом этих занятий были написанные в 1839 г. семь тетрадей подготовительных работ, известных под названием «Тетради по эпикурейской философии». В «Тетрадах» Маркс показал несовместимость философии с религией. Уже в то время для Маркса философия являлась активной силой, способной воздействовать на мир. «...Как Прометей,— писал он,— похитивший с неба огонь, начинает строить дома и водворяться на земле, так философия, охватившая целый мир, восстает против мира явлений»².

Именно с позиций философии, активно вторгающейся в жизнь, Маркс критиковал и некоторых последователей Гегеля, утверждавших, что «умеренность есть нормальное проявление абсолютного духа»³. Отстаивая мысль о широчайших познавательных возможностях философии и большой силе ее влияния на мир, о могуществе человеческого разума, он особенно язвительно высмеивает

¹ Marx — Engels. Gesamtausgabe (MEGA¹). В., 1929. Abt. I. Bd. 1. Halbband 2. S. 261.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 109.

³ Там же. С. 110.

представителей тех философских систем, которые провозглашают бессилие человеческого духа познать суть вещей и проповедают слепое преклонение перед миром якобы непознаваемых явлений. К числу таких философов Маркс отнес и агностиков-кантианцев, этих, по его меткому выражению, профессиональных жрецов неведения, чье «повседневное занятие заключается в причитаниях о своей собственной немощи и о мощи вещей»¹.

Радикализм и свободомыслие молодого Маркса особенно проявились в его подходе к философии Эпикура. Во взглядах античного мыслителя Маркс выделил его понимание проблемы свободы, высоко оценив ярко выраженное у Эпикура стремление к свободе и независимости духа, к освобождению от сковывающих пут религии и суеверий, страха перед возмездием в загробной жизни. Такие же импонирующие ему черты Маркс отмечал и во взглядах выдающегося римского философа и поэта Лукреция.

Касаясь полемики с Эпикуром античного писателя-моралиста Плутарха, обвинявшего Эпикура в безбожии, Маркс берет под защиту эпикурейскую философию от подобных нападков, солидаризируется с ее атеистическими выводами. Он поддерживает высказывания старых атеистов о том, что в религии люди переносят свои собственные свойства на некое высшее существо — бога.

Над проблемами истории античной философии Маркс с присущей ему основательностью работал весь 1839 и часть 1840 г. В начале 1841 г. он избирает для диссертации на соискание степени доктора философии тему «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». Целый ряд положений диссертации был им ранее намечен и частично разработан в «Тетрадах». Уже в самой формулировке темы содержалась определенная полемика с Гегелем, который с явным предубеждением относился к античной атомистике и материализму Демокрита, Эпикура и Лукреция. В предисловии к диссертации, написанном в марте 1841 г., Маркс по существу бросил Гегелю упрек в недооценке этих философских систем, указав, что они «составляют ключ к истинной истории греческой философии»².

В диссертации Маркс высоко оценил место, которое занимали в духовном развитии человечества философские взгляды великих греческих атомистов Демокрита и Эпикура. Заслугой Маркса было и выявление элементов диалектики в философской системе Эпикура. Он, в частности, отметил учение Эпикура о самопроизвольном отклонении атомов, видя в нем выражение диалектического принципа самодвижения. Принцип отклонения трактуется им как принцип активности, деятельности. «Так, добро есть бегство от зла, а наслаждение есть уклонение от страдания»³. Сопоставляя взгляды Демок-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 49.

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 174.

критика и Эпикура на природу, Маркс отдал предпочтение Эпикуру, философия которого служила основой для его этических взглядов и прежде всего для учения о свободе. Маркс подошел к проблемам морали с позиций активного вмешательства философии в жизнь. Он высказался за переделку неразумного мира, подчеркнул принцип диалектического единства философии и жизни. «...В той мере, в какой мир становится философским, философия становится мирской...— писал он,— ее осуществление есть вместе с тем ее потеря...»¹ Этим он хотел сказать, что философия, претворяясь в жизнь, поднимает ее на какую-то новую, более высокую ступень, а сама в то же время перестает быть чистой теорией, воплощается в практические дела. Здесь налицо первые зародыши будущего учения о взаимосвязи теории и практики, об их единстве.

В диссертации Маркс сделал дальнейший шаг в развитии своих атеистических взглядов. Работа была проникнута боевым духом и ненавистью к суеверию, она была направлена против всякой реакционной философии, стремящейся сковать научное исследование религиозными рамками, подчинить его интересам религии. В самом предисловии к диссертации Маркс открыто провозгласил атеизм своим кредо. «Философия, пока в ее покоряющем весь мир, абсолютно свободном сердце бьется хоть одна еще капля крови,— писал он,— всегда будет заявлять — вместе с Эпикуром — своим противникам:

«Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах».

...Признание Прометея:

По правде, всех богов я ненавижу,
есть ее собственное признание, ее собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов...»²

Маркс подчеркнул в диссертации, что все так называемые доказательства бытия бога представляют собой пустую тавтологию. В то же время он понимал, что хотя религиозное мировоззрение и ненаучно, тем не менее религия — реальная сила. Задача науки заключается не только в ниспровержении религиозных догм, но и в объяснении ее сущности, происхождения и распространения. Маркс сделал вывод, что появление веры в богов отражает первую ступень в развитии человеческого сознания, примитивный уровень мышления, не способного еще понять и объяснить мир окружающих явлений и приписывающего ему сверхъестественные, иррациональные свойства. Маркс указывал, что *«для кого мир неразумен, кто поэтому сам неразумен, для того бог существует. Иными словами: неразумность есть наличное бытие бога»*³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 210.

² Там же. С. 153.

Там же. С. 233.

Защита диссертации в Берлинском университете была сопряжена в то время с довольно сложной процедурой и значительными материальными затратами. Поэтому Маркс отправил диссертацию в Йенский университет. 15 апреля 1841 г. он получил диплом доктора философии.

Докторская диссертация представляла собой важный этап в идейном развитии Маркса. Несмотря на то что Маркс в ней в целом оставался еще идеалистом, гегельянцем, он выступил с открыто атеистическими взглядами и провозгласил принцип активного отношения философии к действительности. Как ни велик был в глазах Маркса авторитет Гегеля — «гигантского мыслителя», как он его называл, — он обнаружил стремление в ряде вопросов идти своим, самостоятельным путем, ведущим к выводам, отличным от гегелевских взглядов. В диссертации Маркс нащупал те проблемы, которые стали занимать важное место в формировании его мировоззрения. Размышляя в дальнейшем над соотношением философии и действительности, Маркс вскоре подошел к вопросу о соотношении мышления и бытия. Воинствующий атеизм Маркса, в принципе несовместимый с идеализмом, облегчил последующий переход Маркса к материализму.

Отношение к Фейербаху

В тот год, когда Маркс завершил свою диссертацию, в идейной жизни Германии произошло важное событие — вышла в свет книга Фейербаха «Сущность христианства», оказавшая сильное воздействие на передовые умы того времени. Фейербаху довелось сыграть роль философа, который в определенных пределах первым преодолел идеализм младогегельянцев. В своей книге он подверг критике религию с позиций материализма, провозгласив, что природа существует независимо от человеческого сознания. Она и есть та основа, на которой выросли люди, сами продукты природы. Вне природы и человека, писал Фейербах, нет ничего, и высшие существа, созданные человеческой религиозной фантазией, — это лишь фантастические отражения собственной сущности человека. Фейербах показал, что в понятии бога человек воплощает все те черты, которые хотя и отсутствуют у него как отдельной личности, но принадлежат совокупности людей, всему человечеству, человеческому роду, или, по терминологии Фейербаха, человеку, как родовому существу. «Ты приписываешь богу любовь, — писал Фейербах, — потому что любишь сам, ты находишь бога мудрым и благим, потому что считаешь доброту и рассудок своими высшими качествами... Бог есть сущность человека, рассматриваемая в качестве высшей истины — истины человеческой»¹. Следовательно, человек должен вернуть себе

¹ Фейербах Л. Избранные философские произведения. М., 1955. Т. 2. С. 47, 49.

свою человеческую сущность, отчужденную им самим в понятии бога.

Некоторые черты феербахианства уже тогда шли вразрез с теми тенденциями, которые были свойственны складывающемуся мировоззрению молодого Маркса. Созерцательность, которой отличалась философия Фейербаха, не соответствовала представлениям Маркса о назначении философии, как активного фактора, недооценка Фейербахом диалектики противоречила глубокому пониманию Марксом революционной роли диалектического метода. Однако в целом книга Фейербаха была воспринята им с энтузиазмом как труд, раздвинувший познавательные горизонты науки. К Фейербаху влекли Маркса и собственные мысли о земном происхождении религии. В дальнейшем, по мере созревания материалистических убеждений Маркса, взгляды этого последнего представителя немецкой классической философии, нанесшего в то же время сильнейший удар по ее идеалистической основе, оказывали все большее влияние на Маркса.

Правда, в то время Маркс, как и многие младогегельянцы, воспринял «Сущность христианства» прежде всего как манифест радикального атеизма, как значительно более последовательное опровержение религиозных предрассудков, чем это было, в частности, сделано в книге Штрауса. Он не оценил еще, будучи в целом идеалистом, материалистического содержания этой работы. Однако он увидел в идеях Фейербаха существенный шаг вперед в постижении реальных человеческих отношений. Восприятие этих идей явилось одним из факторов, способствовавших формированию материалистических элементов в его мировоззрении. Произведение Фейербаха еще больше убедило Маркса в том, что критика религии является ступенью к критическому осмыслению существующего миропорядка и одной из форм борьбы за освобождение человека от духовных и других оков. Позднее Маркс писал по этому поводу, имея в виду прежде всего философию Фейербаха: «Критика религии завершается учением, что человек — высшее существо для человека, завершается, следовательно, категорическим императивом, повелевающим ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, поработанным, беспомощным, презренным существом...»¹

Таким образом, к Фейербаху молодой Маркс отнесся как к выдающемуся представителю передовой философии, концентрирующей в своих идеях, по его словам, «самые тонкие, драгоценные и невидимые соки» своего народа и своего времени². Открытое и смелое отстаивание этих идей, защита их от нападок рутинеров и мракобесов, дальнейшее их развитие и углубление стало одной из главных задач, которые он поставил перед собой.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 422.

² См. там же. С. 105.

*Начало политической деятельности.
Статья против прусской цензуры*

После окончания работы над докторской диссертацией Маркс был полон творческих планов. Он собирался преподавать вместе с Б. Бауэром философию в Боннском университете, проектировал издание при участии Фейербаха журнала под характерным названием «Архив атеизма», хотел писать работу о христианском искусстве. В начале июля 1841 г. Маркс после двухмесячного пребывания в Трире переселился в Бонн. Здесь он особенно сблизился с Б. Бауэром, которому помог в написании атеистического, направленного против правых гегельянцев памфлета «Трубный глас страшного суда над Гегелем».

Однако надеждам Маркса на получение кафедры не суждено было сбыться. Король Фридрих-Вильгельм IV, с вступлением которого на престол в 1840 г. оппозиционные круги связывали надежды на либеральный правительственный курс, вскоре открыто дал понять, что от него нечего ждать каких-либо конституционных реформ. Малейшие попытки критики в адрес прусской монархии беспощадно пресекались. Иоганна Якоби за брошюру, в которой он высказался в пользу введения в Пруссии представительного строя, обвинили в государственной измене. Б. Бауэр был уволен из Боннского университета.

Усиление правительственных репрессий и крах иллюзий некоторых младогегельянцев о «просвещенном монархе», который по доброй воле введет конституцию и либеральные порядки, предопределили поворот наиболее радикально настроенных представителей этого течения к политике. В первых рядах этих радикально-демократических элементов были Маркс, Б. Бауэр и А. Руге. Маркс окончательно выбрал для себя удел политического борца.

Со всем пылом молодости он включился в непосредственную борьбу против прусского абсолютизма, за демократические свободы. Он отложил начатые ранее теоретические работы и в середине января — начале февраля 1842 г. написал статью «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» Это первое публицистическое выступление Маркса содержало резкую критику нового прусского указа о цензуре, который правительственной, да и частично умеренно-оппозиционной прессой был поднят на щит как свидетельство якобы либеральных намерений нового короля.

Маркс в статье вскрыл истинную тенденцию лицемерно составленной инструкции. Он прямо писал, что инструкция создавала лишь видимость расширения свободы печати, давая на деле еще больший простор произволу реакционной цензуры. «Такова, — указывал Маркс, — обычная манера *мнимого либерализма*: вынужденный делать уступки, он жертвует людьми — орудиями, и сохраняет неизменной суть дела — данный институт. Этим отвлекается вни-

мание поверхностной публики»¹. Одним из центральных пунктов инструкции было полное запрещение критики христианской религии. Поскольку критика религии была в то время основной формой проявления оппозиционных политических взглядов, правительство тем самым на деле пыталось задушить всякую критику существующего строя.

Маркс осуждал намерение прусского правительства поставить печать под полный контроль цензуры. Законы, карающие образ мыслей, указывал он, могут издаваться лишь таким правительством, которое мнит себя исключительным обладателем государственного разума и противопоставляет себя народу. Такое правительство может опираться лишь на бюрократическую машину и доверять только чиновникам. Засилие бюрократии, высокомерных и всевластных чиновников, любым действиям и выступлениям которых существующий режим придает чуть ли не священную санкцию, Маркс рассматривал как характерный порок прусской государственной системы.

Таким образом, Маркс связывал критику цензурных условий с решительным и последовательным осуждением прусских государственных институтов в целом, коренных пороков самого феодально-абсолютистского строя.

Революционно звучал и вывод, который делал Маркс, — «действительным, радикальным излечением цензуры было бы ее уничтожение, ибо негодным является само это учреждение»². Как этот вывод, так и весь ход рассуждений подводили читателя к мысли о том, что общественные порядки в Германии нуждаются не в частичных улучшениях, а в радикальном преобразовании. Правда, пока ему не были ясны ни движущие силы, ни классовые цели этого преобразования. Но уже этот дебют Маркса как революционного публициста ярко отражал его революционно-демократические убеждения.

При существовавших тогда в Германии цензурных условиях статья Маркса не могла быть напечатана. Она увидела свет лишь в 1843 г., в первом томе двухтомного сборника «Anekdoten zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik», издававшегося Руге в Швейцарии.

Сотрудник и редактор «Rheinische Zeitung»

Революционно-демократические взгляды побуждали Маркса искать широкое поприще деятельности, трибуну для пропаганды своих идей. Он сделался сотрудником оппозиционного органа «Rheinische Zeitung», начавшего выходить с января 1842 г. в Кёльне. Газета была

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 4—5.

² Там же. С. 27.

создана и финансировалась видными представителями крупной буржуазии Рейнской провинции — Кампгаузеном, Ганземаном и другими лидерами либеральной оппозиции. Стремясь привлечь к ее изданию крупные литературные силы, учредители газеты обратились к радикальным кругам, в частности к младогегельянцам. Был заключен своего рода негласный союз против общего врага между рейнскими либералами и представителями этого философского направления. По рекомендации Маркса, мнение которого уже тогда было авторитетным в политических кругах Рейнской провинции, редактором «*Rheinische Zeitung*» был назначен берлинский младогегельянец А. Рутенберг. В газете сотрудничали такие младогегельянские публицисты, как братья Бауэры, Гесс, Кёппен и др. Однако первоначально направление газеты было довольно неопределенным, преобладали либеральные мотивы. Газета не пользовалась большим успехом у читателей. В январе 1842 г. у нее было всего 400 подписчиков.

Сотрудничество Маркса в «*Rheinische Zeitung*» началось в мае 1842 г., когда он опубликовал в ней свою первую статью из серии статей о деятельности Рейнского провинциального ландтага. Статья произвела весьма большое впечатление в Германии. С лета 1842 г. участие Маркса в газете стало еще более активным. Он не только помещал в ней свои статьи, но оказывал все большее воздействие на ее редактирование. Дела газеты побудили Маркса в середине октября 1842 г. переехать в Кёльн. С 15 октября 1842 г. он занял пост ее редактора.

С приходом Маркса к руководству газетой ее направление начинает все яснее приобретать революционно-демократический характер, острее становится критика прусского абсолютизма и его идеологических защитников. Эта первая школа практической работы позволила раскрыться многим сторонам дарования Маркса: его организаторскому таланту, умению отбирать сотрудников для газеты, огромной работоспособности и литературной одаренности, проявлявшейся как в авторской, так и в редакторской деятельности.

Как редактору большой ежедневной газеты Марксу приходилось постоянно сталкиваться с социально-экономическими проблемами. Он принимал участие в еженедельных встречах, на которых собирался ряд сотрудников и членов наблюдательного совета газеты. Там живо обсуждались социальные вопросы.

Марксу удалось расширить круг сотрудников газеты и значительно поднять ее популярность. Влияние газеты вскоре распространилось далеко за пределы Рейнской провинции и даже Прусского королевства. Среди корреспондентов был и молодой Энгельс, посылавший ранее статьи из Берлина, а теперь — из Англии. «*Rheinische Zeitung*» стала выразителем настроений демократических кругов всей Германии. Увеличился и ее тираж: если в августе 1842 г. газета имела 885 подписчиков, то в ноябре ее тираж

достиг 1820 экземпляров, а в январе 1843 г. — 3400. Это была солидная цифра по тем временам. «Число подписчиков газеты как в Германии, так и за ее пределами, — писала о газете в декабре 1842 г. «Mannheimer Abendzeitung», — растет с каждым днем, и друзья прогресса и свободы... имеют орган, который защищает их интересы».

Статьи Маркса задавали тон газете, направление которой сделалось предметом серьезного беспокойства прусского правительства. Уже после публикации первой статьи Маркса из серии статей о деятельности Рейнского ландтага цензура усилила придирки. Вторая статья этого цикла на тему о взаимоотношении церкви и государства была ею запрещена. Особый гнев властей вызвала статья Маркса по поводу обсуждения в Рейнском ландтаге закона о краже леса. Обер-президент Рейнской провинции фон Шапер решил возбудить дело против газеты «в связи с дерзким и непочтительным порицанием существующих государственных учреждений». Над газетой нависла угроза запрещения. Маркс писал Руге 30 ноября 1842 г.: «...нам теперь приходится выдерживать с утра до вечера ужаснейшие цензурные мучительства, переписку с министерством, обер-президентские жалобы, обвинения в ландтаге, вопли акционеров и т. д. и т. д., а я остаюсь на посту только потому, что считаю своим долгом, насколько в моих силах, не дать насилью осуществить свои планы...»¹ В такой обстановке от Маркса требовалась чрезвычайная выдержка и гибкость, чтобы, не меняя принципиальной линии газеты, не дать прусской реакции желанного повода для ее закрытия.

Революционно-демократические идеи в публицистике Маркса

В ходе постоянной и острой полемики вокруг жгучих вопросов политической и общественной жизни тогдашней Германии укреплялись революционно-демократические убеждения Маркса оттачивалось его перо страстного революционного публициста.

Статьи Маркса были пронизаны мыслью о неразумности существующего строя, они разоблачали аргументы его апологетов, проповедовавших «право произвола и право насилия» Эти статьи отличала глубокая вера в прогресс, в неизбежное торжество нового, передового над старым, отжившим. К ним больше всего были применимы слова самого Маркса о литературе революционной эпохи — литературе, опирающейся в своей беспощадной критической работе на «чувство собственной силы, присущее новой жизни, которая разрушает разрушенное, отвергает отвергнутое»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 370.

² Там же. Т. 1. С. 88.

В первой статье в «*Rheinische Zeitung*» «Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания» Маркс подошел к вопросу о цензуре и свободе слова, по его собственному признанию, с иной точки зрения, чем в статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции». Если раньше Маркс говорил о свободе печати в общем плане, то теперь он связал эту проблему с вопросом об отношении к свободе печати различных социальных групп и сословий. Маркс распространил здесь критику феодально-абсолютистского режима в Пруссии не только на характерные для этого режима условия печати, но и на самые его социальные основы — на господство дворянства, сословные привилегии, пронизывающие прусские политические институты и учреждения. Решительно атаковал Маркс и самый принцип сословного представительства, показывая его антинародный характер.

Рейнский ландтаг был типично феодальным, сословным учреждением, в котором господствовало дворянство, жалкой пародией на представительный строй. Провинции, интересы которой должен был защищать ландтаг, указывал Маркс, «приходится бороться не столько через своих представителей, сколько против них»¹.

Сословный характер ландтага сказался и на дебатах о свободе печати. Представители князей и дворянства выступили против свободы печати, в частности на том основании, что свобода печати содействует возникновению революции. Маркс разоблачил эти попытки приписать возникновение революции чьим-то злонамеренным козням и показал, что революция есть закономерный и объективный процесс. Революции не вызываются свободой печати, как и движение небесных тел не вызывается подзорной трубой астронома.

Весьма знаменательной чертой публицистических выступлений Маркса была критика половинчатости позиции представителей буржуазии в ландтаге. Маркс с достаточной ясностью понимал, что они движимы узкокорыстными классовыми интересами, что это — «оппозиция буржуа, а не гражданина»².

В противовес буржуа Маркс солидаризировался с крестьянским депутатом в ландтаге, открыто противопоставляя его «мужественный, полный достоинства, решительный взгляд» жалким потугам противников свободы печати. Он подчеркнул, что путь борьбы за свободу — это не бесплодные сетования и не всепокорнейшие просьбы, что за нее надо бороться копьями и топорами.

В статье ярко выступило существо революционно-демократических взглядов Маркса: ненависть к феодально-монархическому сословному строю, призыв к завоеванию демократических свобод всего народа, а не привилегий для отдельных сословий, критика ограниченности немецкого буржуазного либерализма, противопо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 46.

² Там же. С. 71.

ставление решительных революционных действий либеральной тактике, обрекающей массы на пассивное ожидание.

Маркс-публицист объявил войну не только общественным и политическим порядкам тогдашней Германии, но и идеологическим защитникам этих порядков — реакционным философам и историкам. Бичующей критике подверг он, в частности, реакционный романтизм, представители которого в Германии — юрист Шталь, историк Лео и др., — и за ее пределами — французы Бональд, Де Местр, швейцарец Галлер — ополчились на идеи Просвещения, предавали анафеме французскую буржуазную революцию, воспевали средневековье. С оправданием дворянско-феодалных учреждений выступила и историческая школа права (Гуго, Савиньи и др.), апеллировавшая к незыблемости исторических традиций и освященности давностью институтов, которые были объявлены ею продуктами особого народного духа, не поддающимися рациональному объяснению и тем более не подлежащими каким-либо изменениям.

В статье «Философский манифест исторической школы права» Маркс раскрыл реакционный характер этого направления, его враждебность передовым идеям, прежде всего идее революционного ниспровержения существующих порядков. Позднее он еще резче оценил историческую школу права как школу, «которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический кнут»¹.

В статьях, опубликованных в «Rheinische Zeitung», Маркс еще в целом стоит на идеалистических позициях в понимании природы и роли государства, взаимоотношения материальной и духовной деятельности. Однако стремление критически осмыслить действительность, утвердить идеалы свободы в самой действительности, а не в сфере чистого мышления, желание понять и защитить подлинные интересы народа толкали Маркса к более глубокому и конкретному восприятию окружающего мира, и прежде всего общественных отношений, — в конечном счете к материализму.

Делая шаг к материалистическому истолкованию общественных явлений, Маркс высказал на страницах газеты ряд пронизательных мыслей, в частности о роли реальных отношений в процессе формирования правовых норм. В одной из своих статей он писал, что «закон может быть только идеальным, сознательным отражением действительности, теоретическим самообособившимся выражением практических жизненных сил»².

Живо откликнулся Маркс на социальные вопросы, волновавшие умы современников. На следующий день после вступления в должность редактора «Rheinische Zeitung» в газете появилась его статья

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 416.

² Там же. Т. 40. С. 255.

«Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung». В ней Маркс ответил на обвинение в пропаганде коммунистических идей, выдвинутое в адрес «Rheinische Zeitung» реакционной аугсбургской «Allgemeine Zeitung». В статье признается то огромное значение, какое проблема коммунизма приобрела для передовых европейских стран, прежде всего для Англии и Франции. Коммунизм — это в высшей степени серьезный современный вопрос, вопрос, имеющий «европейское значение». Более того, Маркс начал сознавать неразрывную связь между идеями коммунизма и развертывавшейся в этих странах борьбой пролетарских масс. «Что сословие, которое в настоящее время не владеет ничем, *требует* доли в богатстве средних классов,— писал Маркс,— это факт, который... бросается всякому в глаза на улицах Манчестера, Парижа и Лиона»¹. Упоминание этих городов здесь не случайно: Манчестер являлся одним из центров чартистского движения, Париж и Лион были ареной революционных выступлений французского пролетариата. У многих еще были свежи в памяти лионские восстания ткачей в 1831 и 1834 гг.

Понимая всю важность вставшей перед ним проблемы, Маркс сознавал, как он вспоминал впоследствии, что его тогдашние знания не позволяли ему высказать какое-либо окончательное суждение о самом содержании социализма и коммунизма. Однако, уже ознакомившись к этому времени с работами Леру, Консидерана, Прудона, Маркс ясно почувствовал теоретически слабые стороны доктрин этих представителей тогдашней социалистической мысли. Он подверг критике распространявшиеся в то время эпигонские доктрины утопического социализма за их ярко выраженный догматический характер, за тенденцию возвещать миру абсолютную истину. ««Rheinische Zeitung»...— писал Маркс,— не признает даже *теоретической реальности* за коммунистическими идеями в их теперешней форме, а следовательно, еще менее может желать их *практического осуществления* или же хотя бы считать его возможным...»²

Не декларация, не предписывание действительности догматических рецептов, а упорное и глубокое изучение противоречий действительности с целью найти пути их разрешения — таково было стремление молодого Маркса. В последующие годы, шире и глубже изучив взгляды выдающихся социалистов-утопистов, Маркс сумел оценить рациональные элементы их учения и творчески использовать их при разработке теории научного коммунизма.

Серьезные социальные проблемы были подняты Марксом в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса», опубликованной в «Rheinische Zeitung» 25 октября — 3 ноября 1842 г. в качестве третьей статьи из серии статей «Дебаты шестого рейнского ландтага». Здесь Маркс выступил не просто в защиту интересов общества

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 115.

² Там же. С. 117.

в целом в противоположность частным интересам, а «в интересах бедной, политической и социально обездоленной массы»¹. Его революционный демократизм приобрел тем самым гораздо более точный социальный адрес. Защита интересов широких слоев трудящихся, угнетаемых при существующем строе, сделалась его знаменем.

Маркс показал, что Рейнский ландтаг, поддерживая проект нового закона, который усиливал наказания за лесные порубки и предусматривал драконовские меры даже против собирания бедняками валежника, становится целиком на точку зрения лесовладельцев, частных собственников, интересы которых противоположны интересам лишенных собственности трудящихся масс. При этом Маркс начал сознавать, что не только ландтаг, но и государство в целом действуют в защиту частной собственности. Правда, он еще не освободился от идеалистического понимания самого института государства как якобы выразителя интересов всего общества. Ему представлялось, что в прусской государственности с ее сословными привилегиями и бюрократическо-полицейской системой исчезает самый принцип, самый характер государства, как такового. Он с возмущением писал, что государство в Пруссии «опускается до того, что действует сообразно характеру частной собственности, вместо того чтобы действовать сообразно своему собственному характеру»². Однако главное Маркс уже нащупал — связь между интересами частной собственности и политикой существующего государства.

Обвиняя прусское государство в том, что оно становится прислужником лесовладельцев, рабом частного интереса, Маркс подчеркивал его враждебность интересам народа. Понятие частного интереса, которое часто употреблялось Марксом в статьях того времени, наполняется для него все более конкретным содержанием. За философским противопоставлением частного общему начинают вырисовываться противоречия между имущими и неимущими.

Более четко эти противоречия, а также антинародная сущность прусского государства были вскрыты Марксом в статье «Оправдание мозельского корреспондента», появившейся в газете 15—20 января 1843 г. Статья была ответом на заявление обер-президента Рейнской провинции фон Шапера, который пытался объявить клеветническими напечатанные в «*Rheinische Zeitung*» корреспонденции П. Кобленца о тяжелом положении мозельских крестьян-виноделов и о нежелании правительства помочь бедствовавшим виноделам. Вступив в полемику с фон Шапером, Маркс как редактор газеты открыто скрестил оружие с представителем власти.

В статье Маркса обнаружилось более глубокое понимание причин бедствий народа в условиях господства абсолютизма и пережитков феодализма. Он решительно оспаривал мнение тех, кто

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 125.

² Там же. С. 137.

пытался возложить вину за тяжелое положение мозельских крестьян-виноделов на капризы природы или ошибки отдельных чиновников. «При исследовании явлений *государственной* жизни,— отмечал он,— слишком легко поддаются искушению упускать из виду *объективную природу отношений* и все объяснять *волей* действующих лиц. Существуют, однако, *отношения*, которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые столь же независимы от них, как способ дыхания»¹. Тем самым Маркс подводил читателя к мысли, что главную причину народных бедствий следует искать в самом характере общественного строя Пруссии, в самой природе прусской монархии. Он красочно писал об оторванной от народа и находящейся над ним бюрократической машине, пренебрегающей интересами масс. Маркс прямо ставил вопрос о постоянном противоречии между интересами народа и политикой прусского государства. Всю статью пронизывала одна мысль — при существующих порядках народу нельзя ждать от правительства ничего хорошего. Неудивительно поэтому, что из предполагавшихся пяти разделов ответа обер-президенту увидело свет только два. Дальнейшая публикация статьи была запрещена.

В этой статье ощущались и известные изменения в публицистическом стиле Маркса. Реже встречались общие логические, в то же время несколько абстрактные конструкции, но зато определеннее, чем в предшествующих статьях, звучал гневный голос защитника интересов народных масс. «Тот, кому часто приходится непосредственно слышать *суровый* голос нужды, царящей среди окружающего населения, легко теряет эстетический такт, умеющий находить для выражения своих мыслей самые изящные и скромные образы. Он, может быть, даже сочтет своим *политическим* долгом заговорить на время публично тем народным языком нужды, забыть который ему не дадут условия жизни на родине»².

Конфликт со «Свободными»

Теоретические взгляды Маркса, все больше расходившегося с младогегельянами, и прежде всего тактическая линия, проводимая им в «*Rheinische Zeitung*», привели его к конфликту с членами образовавшегося к этому времени в Берлине кружка «Свободных». В него входила группа младогегельянцев во главе с Эдгаром Бауэром и Каспаром Шмидтом, выступавшим позднее под псевдонимом Макса Штирнера. Характерной чертой «Свободных» была абстрактная критика всего, без разбора, без выдвижения положительной программы, проповедь голого отрицания, трескучие ультраради-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 192.

² Там же. С. 187.

кальные фразы о коммунизме и атеизме по самым неподходящим для этого поводам. «Свободные» заявили, что они не признают никаких компромиссов, никаких условностей. Своими буйными выходками они приводили в смятение берлинских буржуа, но их выступления не представляли никакой реальной опасности для правительства, а лишь компрометировали демократическое движение.

Маркс неоднократно подчеркивал несостоятельность абстрактной критики, к которой прибегали «Свободные». Он требовал, чтобы правильная теория была разъяснена и развита применительно к конкретным условиям, на конкретном материале. Став редактором «*Rheinische Zeitung*», он прекратил печатание их статей. «...Эта публика привыкла рассматривать «*Rheinische Zeitung*» как *свой*, послушный им орган, я же решил не допускать больше подобных словоизвержений на старый манер», — писал Маркс в ноябре 1842 г. по этому поводу Руге¹. «Свободные» обрушились на него с демагогическими обвинениями в консерватизме. В своем ответе одному из членов кружка Эдуарду Мейену Маркс поставил требование: «поменьше расплывчатых рассуждений, громких фраз, самодовольства и самолюбования и побольше определенности, побольше внимания к конкретной действительности, побольше знания дела». Он обратил внимание также на недопустимость крайне поверхностной трактовки коммунистических и социалистических доктрин, рассмотрения их вскользь, в случайных театральных рецензиях, потребовав «совершенно иного и более основательного обсуждения коммунизма»². «Свободные», однако, не желали прислушиваться к критике Маркса, все больше скатываясь к субъективизму, к анархистствующему индивидуализму. Разрыв с ними был неизбежен, представляя собой начало открытого размежевания Маркса с младогегельянами.

Запрещение «Rheinische Zeitung»

Условия работы Маркса в «*Rheinische Zeitung*» становились все более тяжелыми. Над газетой была установлена двойная цензура: после обычного цензора ее просматривал теперь еще крупный чиновник, регирунгспрезидент. Иногда искромсанный цензурой номер не мог выйти в свет. Маркс задыхался в душной атмосфере прусского полицейского государства. «Противно быть под ярмом,— писал он Руге в январе 1843 г.,— даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый произвол, мне надоело приспособляться, изворачиваться, покоряться, считаться с каждой мелочной придиркой»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 368.

² Там же. С. 369.

³ Там же. С. 372.

Правительственные круги все больше начинали усматривать в «*Rheinische Zeitung*» угрозу для прусского государства. Крайнее опасение вызывал у них редактор газеты. Присланный в начале января 1843 г. из Берлина в Кёльн правительственный цензор Сен-Поль, на которого был возложен надзор за газетой в дополнение к двум уже действующим цензурным инстанциям, называл Маркса «вдохновителем» «*Rheinische Zeitung*» и «живительным источником ее теорий». Резкое недовольство начальства вызывали статьи Маркса с протестом против запрещения правительством таких демократических органов печати, как «*Leipziger Allgemeine Zeitung*» и «*Deutsche Jahrbücher*». Последней каплей, переполнившей чашу терпения прусских властей, была статья Маркса «Оправдание мозельского корреспондента».

19 января 1843 г. правительство приняло решение о запрещении издания газеты с 1 апреля 1843 г. На оставшееся время вводился особенно строгий цензурный режим. В официальном уведомлении говорилось, что «*Rheinische Zeitung*» отличается «тенденцией, явно нацеленной на то, чтобы сеять враждебность к порядку, существующему в церкви и государстве, подрывать их, подстрекать к недовольству, злонамеренно порочить государственные управление... и оскорблять дружественные державы»¹. Последняя фраза имела в виду резкую критику «*Rheinische Zeitung*» царского вмешательства в германские дела, что вызвало недовольство представителей русского самодержавия. Царский посланник в Берлине с удовлетворением сообщал в Санкт-Петербург о запрещении газеты, «направление которой продолжает носить открыто революционный характер»².

Запрещение «*Rheinische Zeitung*» вызвало волну протестов. По всей Рейнской провинции собирались подписи под петициями прусскому королю с просьбой об отмене этого распоряжения. В Кёльне за короткий срок было собрано 1000 подписей. Отправили свою петицию и те самые мозельские крестьяне-виноделы, интересы которых Маркс так горячо защищал на страницах газеты. Они писали: «Мы не знаем, распространяла ли «*Rheinische Zeitung*» ложные сведения, клеветала ли она на администрацию, зато мы знаем, что она писала только правду о нашем крае и о нашем положении, о наших властях и о наших судьбах»³. Оппозиционная пресса восприняла правительственный акт как открытое посягательство реакции на те минимальные возможности обсуждения насущных вопросов общественной жизни, которые еще имела немецкая печать.

Однако либеральные рейнские буржуа, финансировавшие газету, отнюдь не собирались прибегать к каким-либо радикальным средствам для ее защиты. Наоборот, их вовсе не устраивало револю-

¹ Hansen J. Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung 1830—1850. Bd. I (1830—1845). Essen, 1919. S. 402—403.

² Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С. 660.

³ Trier'sche Zeitung. 2.III. 1843.

ционно-демократическое направление, которое газета приобрела под руководством Маркса. Во время обсуждения вопроса о петиции королю один из акционеров и членов наблюдательного совета газеты произнес длинную речь против ее тенденции. Выступая в феврале 1843 г. на общем собрании акционеров, один из ее ответственных издателей Д. Оппенгейм сетовал на то, что до ноября 1842 г. им ничего не было известно о недовольстве властей статьями «*Rheinische Zeitung*» и «лишь с ноября 1842 г. возник тот конфликт, который привел к теперешней неожиданной катастрофе»¹. То было уже прямое осуждение политической линии Маркса, который как раз к этому времени стал редактором газеты.

В сложившихся условиях продолжение работы Маркса в газете стало невозможным. 18 марта 1843 г. в «*Rheinische Zeitung*» было опубликовано его заявление о выходе из редакции. Тем не менее акционерам не удалось сохранить газету. 31 марта вышел ее последний номер.

Убедившись в невозможности публичных выступлений в Пруссии с революционной пропагандой, Маркс решил покинуть пределы прусского государства. Еще до ухода из редакции «*Rheinische Zeitung*» Маркс принял участие в обсуждении, в первую очередь в переписке с Руге, плана издания за границей революционного органа. Маркс считал, что следует издавать не толстый академический сборник, рассчитанный на узкий круг, а периодический, желательнее ежемесячный журнал, предназначенный для народа. В конце мая 1843 г. Маркс выехал на несколько дней в Дрезден к Руге для переговоров о планах выпуска такого издания.

У Маркса уже не было никакого сомнения, что революция неминуемо приближается. Судно, полное глупцов, писал он о прусском государстве, плывет навстречу своей неминуемой судьбе. И эта судьба — предстоящая революционная буря.

Отныне вопрос о революции, ее природе, причинах и движущих силах становится основным для Маркса. Его теоретическое развитие в этот период шло очень быстрыми темпами и решающую роль в этом сыграла практическая политическая деятельность. Работа в «*Rheinische Zeitung*» знаменовала собой коренной сдвиг в мировоззрении Маркса — начало перехода от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. В этот период Маркс не только горячо выступил в защиту интересов народных масс против угнетавшего их прусского феодально-абсолютистского строя. Он постепенно подошел к уяснению того факта, что в основе поступков людей, принадлежащих к различным общественным слоям, лежат какие-то объективные факторы, что их частные интересы определенным образом обусловлены их объективным положением в обществе. Для Маркса все яснее вырисовывалось главное

¹ Frankfurter Journal. 21.II. 1843.

направление поисков — выявление природы тех объективных отношений, «которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти»¹.

Столкнувшись в период своей редакторской работы с экономическими проблемами, Маркс почувствовал не только недостаточность своего знания этих проблем, но и ту первостепенную роль, которую они играют в жизни. Энгельс позднее вспоминал, как он «не раз слышал от Маркса, что именно изучение им закона о краже леса и положения мозельских крестьян побудило его перейти от чистой политики к изучению экономических отношений и, таким образом, к социализму»².

Мысль Маркса начинает работать над поисками той силы, которая действительно способна изменить существующий строй. Насколько уверенно был намечен путь, по которому пошел Маркс, показывает его письмо Руге, написанное через полтора месяца после закрытия «Rheinische Zeitung». В нем Маркс отмечал: «...система промышленности и торговли, система собственности и эксплуатации людей ведет еще гораздо скорее, чем размножение населения, к расколу внутри теперешнего общества,— к расколу, от которого старая система не в состоянии исцелить...»³

Работа в газете дала Марксу большой опыт и в другой области, относящейся к сфере государства. Ему становится ясно, что государство вовсе не является, как утверждал Гегель, воплощением мирового разума, воплощением всеобщего, возвышающегося над отдельными частными интересами.

Таким образом, перед Марксом, который после закрытия «Rheinische Zeitung» временно, пока дело издания нового революционного журнала еще не было поставлено на практическую ногу, удалился, по его собственному выражению, в учебную комнату, выдвинулась двудеиная задача — критический пересмотр идеалистической гегелевской концепции общества и государства, а также выявление подлинных движущих сил общественного процесса, путей и форм революционного изменения мира.

В Крёйцнахе. Рукопись «К критике гегелевской философии права». Тетради по истории

В мае 1843 г. Маркс приезжает в маленький рейнский городок Крёйцнах, где в это время находилась со своей матерью его невеста Женни фон Вестфален. 19 июня 1843 г. был зарегистрирован брак «г-на Карла Маркса, доктора философии, проживающего в Кёльне, и г-жи Иоганны Берты Юлии Женни фон Вестфален... проживающей в Крёйцнахе».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 192.

² Там же. Т. 39. С. 385.

³ Там же. Т. 1. С. 377—378.

Несколько месяцев — с мая по октябрь 1843 г., — проведенных в Крэйцнахе, были едва ли не самыми светлыми в большой и трудной жизни Маркса. Обычно сдержанный в проявлении своих чувств, он писал Руге незадолго до женитьбы: «Могу Вас уверить без тени романтики, что я по уши влюблен, и притом — серьезнейшим образом»¹.

В лице Женни Маркс нашел не только любящую супругу, но и бескорыстного и самоотверженного помощника в своих трудах. Ее он посвящал в свои творческие планы, делился с ней возникавшими мыслями. На суд образованной и умной жены Маркс отдавал свои работы. Она была одной из первых их читательниц, нередко их первым критиком. К критическим замечаниям Женни Маркс относился с полным вниманием, он нередко следовал ее советам, полагаясь на ее незаурядный литературный вкус.

Пребывание в Крэйцнахе было для Маркса временем интенсивнейшей творческой работы. На первом плане у него стояла критика учения Гегеля о государстве и праве, в котором были по существу резюмированы идеалистические взгляды философа на общество. Плодом этой работы Маркса явилась незаконченная рукопись, опубликованная лишь в 1927 г. в Советском Союзе под заглавием «К критике гегелевской философии права».

Начало критики государственно-правовых взглядов Гегеля относится еще к первым месяцам 1842 г. Уже тогда Маркс осудил один из центральных пунктов этих взглядов — превознесение конституционной монархии. 5 марта 1842 г. Маркс писал Руге о задуманной им критической статье, посвященной правовым и политическим концепциям Гегеля. «Основное в ней, — сообщал он о направлении своей статьи, — борьба против конституционной монархии...»² Упомянутая статья Маркса до нас не дошла; возможно даже, что она не была окончательно оформлена. Однако ход мысли Маркса ясен. Он стремился показать несовместимость демократических принципов и монархического строя. Но в тот период он еще не мог поставить перед собой задачу критически пересмотреть учение Гегеля об обществе в целом. Такая задача была выдвинута им лишь год спустя.

Серьезным подспорьем в критике гегелевского идеализма стала для Маркса работа Л. Фейербаха «Предварительные тезисы к реформе философии», увидевшая свет в Швейцарии в начале 1843 г. в сборнике «Anekdoten zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». В ней Фейербах сформулировал свои материалистические взгляды: «Действительное отношение мышления к бытию таково: бытие — субъект, мышление — предикат. Мышление исходит из бытия, а не бытие из мышления»³. Фейербах показал, что философия Гегеля является последним убежищем теологии. Он распро-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 374.

² Там же. С. 356.

³ Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 128.

странил на идеалистическую философию свой метод, примененный им к критике религии, подчеркнув, что «достаточно повсюду подставить *предикат* на место *субъекта* и *субъект* на место *объекта* и *принципа*, то есть *перевернуть* спекулятивную философию, и мы получим истину в ее неприкрытом, чистом, явном виде»¹.

Эта идея «переворачивания» идеалистической философии, установления истинного отношения между мышлением и бытием была использована Марксом в рукописи «К критике гегелевской философии права» как общеметодологический принцип критики гегелевского идеализма. Фейербаховская критика взглядов Гегеля помогла ему продвинуться дальше по тому пути к материализму, на который он вступил самостоятельно. Вместе с тем Маркс к этому времени осознал и слабые стороны философии Фейербаха, прежде всего уход от жгучих политических вопросов. В письме Руге, написанном вскоре после выхода «Предварительных тезисов к реформе философии», Маркс отмечал: «Афоризмы Фейербаха не удовлетворяют меня лишь в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику. Между тем, это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной»². Здесь уже намечается различие во взглядах Маркса и Фейербаха на человека. Фейербах воспринимал человека с позиций абстрактного гуманизма, как существо, главным образом, природное, естественное; из этого узкоантропологического принципа он исходил при решении различных вопросов философии. Для Маркса уже тогда человек был прежде всего существом общественным, продуктом исторически сложившихся общественных отношений.

Не случайно поэтому центральной проблемой рукописи «К критике гегелевской философии права» является соотношение государства и гражданского общества. Под понятием «гражданское общество» в то время подразумевалась область частных, прежде всего материальных интересов и связанных с ними социальных отношений. Широко распространенное представление о гражданском обществе, как о сфере, в которой отдельные личности противостоят друг другу словно замкнутые, враждебные единицы, отражало одну из характерных черт человеческих отношений при капитализме с его принципом «человек человеку — волк». Правильное решение вопроса о природе гражданского общества и его отношении к государству знаменовало серьезный шаг по пути к научному, материалистическому пониманию существующего общественного порядка, давало ключ к пониманию основных причин исторического процесса в целом.

По Гегелю, государство находится на более высокой ступени развития, чем гражданское общество, и определяет его. Маркс же

¹ Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 115.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 374—375.

выдвинул противоположный тезис — гражданское общество составляет предпосылку государства. Нащупывая связь между сущностью государства и характером конкретных общественных отношений, Маркс высказал гениальную мысль об определяющей роли частной собственности по отношению к политическому строю. «Политический строй,— писал он,— на его высшей ступени есть... *строй частной собственности*»¹. И хотя частная собственность понимается Марксом еще главным образом в юридическом плане, но общая материалистическая тенденция в объяснении общественных и политических институтов здесь уже несомненна.

Главный огонь своей критики Маркс направил против политических взглядов Гегеля, особенно против апологии им прусской бюрократии и сословно-монархического строя. Резюмируя свой критический анализ гегелевской философии права с присущим ей преклонением перед существующими институтами, Маркс писал: «Гегель заслуживает порицания не за то, что он изображает сущность современного государства так, как она есть, а за то, что он выдает то, что есть, за *сущность государства*»².

В процессе критики Гегеля Маркс выдвинул свое понимание общественного строя, достойного человека,— демократии. Демократия для Маркса является самоуправлением народа, ее основным законом составляет, по его мнению, человеческое бытие, иными словами, интересы человека, интересы народа. Употребляя гегелевскую терминологию, Маркс писал, что демократия является истиной всякого государства, то есть идеальной, конечной целью его развития. Только в демократии, утверждал Маркс, человек перестанет быть игрушкой в руках им же самим созданных сил — политических учреждений, а будет хозяином их. Только в этих условиях государство не противостоит народу, а является «особой *формой его существования*»³. Маркс, в частности, ссылаясь на «французов новейшего времени», которые поняли, «что в истинной демократии *политическое государство исчезает*»⁴. Он, несомненно, имел в виду великого социалиста-утописта Сен-Симона с его идеей будущего общества, в котором управление людьми уступает место управлению вещами.

Таким образом, стремление понять демократию не как формальное, а как реальное народовластие ставило Маркса перед необходимостью поисков такого общественного строя, при котором оно могло осуществиться. Так был сделан шаг к коммунизму, хотя в самом понятии демократии в рукописи и отразилось в определенной степени влияние антропологизма и абстрактного гуманизма Фейербаха.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 333.

² Там же. С. 291.

³ Там же. С. 253.

⁴ Там же.

Вызревание материалистических элементов в мировоззрении Маркса шло в тесной связи с углублением критики гегелевского идеализма. От критики отдельных сторон гегелевской философии Маркс переходит к критическому пересмотру ее идеалистических основ. Еще не называя себя материалистом, он по существу критикует Гегеля уже с материалистических позиций. Он отмечает порочность самого идеалистического метода, который «развивает свою мысль не из предмета, а конструирует свой предмет по образцу закончившего свое дело мышления,— притом закончившего его в абстрактной сфере логики»¹. На примере Гегеля Маркс приходит к выводу, что идеализм неизбежно ведет к религии и мистике. Он вскрывает связь между идеалистическим характером философии Гегеля и его консервативными политическими взглядами, показывает, как в его системе прусская монархия из конкретного исторического факта превращается в этап развития абсолютной идеи. Точно так же мистифицирует Гегель и другие атрибуты полуфеодального государства — сословный строй, бюрократию, майорат и т. д.

Работа над критикой гегелевской философии права побуждала Маркса искать в самой истории фактический материал для опровержения гегелевских конструкций. Его рукопись «К критике гегелевской философии права» пронизывает материалистическая тенденция — исходить из анализа конкретной действительности, а не из абстрактных предпосылок, из «логики дела», а не из «дела логики». Понимая, что решение проблемы о соотношении гражданского общества и государства мыслимо лишь на основе самого серьезного изучения истории развития общества, Маркс не довольствовался общей постановкой вопроса, а стремился выяснить его в историческом плане. Поэтому параллельно с работой над рукописью «К критике гегелевской философии права» он летом (в основном в июле — августе) 1843 г. предпринял основательное изучение истории.

В пяти «Крёйцнахских тетрадах», исписанных убористым почерком, содержатся многочисленные выписки Маркса из 24 работ по теории и истории государства и по истории отдельных стран: Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатов Америки, Италии, Швеции². Особое внимание уделил он специальным работам по истории французской революции конца XVIII в., в том числе книге на эту тему видного немецкого историка Ваксмута. Пристальное внимание к этому событию объяснялось как пониманием его роли в становлении современного Марксу общества, так и стремлением на этом ярком примере изучить главные социальные пружины развития последнего. Среди авторов, работы которых Маркс изучал это время, были также выдающийся итальянский мыслитель эпохи

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 232.

² Первую полную публикацию «Крёйцнахских тетрадей» см.: Marx—Engels. Gesamtausgabe (MEGA). B., 1981. Abt. IV. Bd. 2. S. 9—276.

Возрождения Макиавелли, французские просветители Монтескьё и Руссо, теоретики реакционного романтизма Шатобриан и Юстус Мёзер.

Проблематика и характер выписок, а также содержание сделанных к ним указателей дают возможность составить представление о круге вопросов, интересовавших тогда Маркса. Они помогают в некоторых случаях уяснить подход Маркса к этим вопросам. Большое внимание в выписках уделяется проблеме феодальной собственности и ее влияния на классовую структуру и политические учреждения общества. Значительное место отведено анализу истории Великой французской буржуазной революции, который позволил Марксу глубже понять столкновение интересов различных классов и влияние этой борьбы на развитие революционных событий. Здесь особенно чувствуется стремление Маркса проследить зависимость политики буржуазии от экономического фактора, в частности от отношений собственности. Он дал такую группировку выписок, которая подчеркивала неспособность буржуазной революции обеспечить *подлинное* равенство, выражающееся не в установлении формального равенства всех перед законом, а в радикальном изменении отношений собственности.

Предметные указатели также свидетельствуют, что формирование материалистических взглядов Маркса происходило не только на почве критики идеалистических общественных учений, но и в процессе собственных попыток материалистически осмыслить исторические явления. Центральное место в указателях занимает пункт «Собственность и ее последствия». Под этой рубрикой Маркс объединил материал о зависимости политики от отношений собственности.

Изучение уроков истории было связано у Маркса и с поисками путей перехода к такому общественному строю, который был бы достоин называться подлинным человеческим обществом. То, что Марксу удалось подметить ограниченность прошлых революций, также выводило его за рамки революционного демократизма и способствовало формированию у него коммунистических взглядов. С другой стороны, занятия историей ставили теоретические поиски Маркса на научный фундамент, служили надежной основой преодоления утопизма.

Несколько месяцев, проведенных в Крёйцнахе, ознаменовали важный рубеж в развитии мировоззрения Маркса. Он в это время, как писал много лет спустя Энгельс, «пришел к убеждению, что не государство, изображаемое Гегелем «венцом всего здания», а, напротив, «гражданское общество», к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 378—379.

Развернутая критика гегелевской философии права и его идеализма в целом, а также обобщение опыта предшествующей истории, знакомство с материалистическими и гуманистическими взглядами Фейербаха привели к усилению материалистических тенденций во взглядах Маркса. Эти тенденции теперь стали преобладающими. Как последовательный диалектик, воспринявший и развивший революционную сущность диалектического метода, Маркс увидел, что существующее общество несет в себе необходимость собственно коренного преобразования. Однако он еще лишь очень приблизительно представлял направление этого преобразования (в виде идеального государства «демократии», или «истинной демократии») и пока только искал социальную силу, способную осуществить этот переворот.

*Подготовка издания
«Deutsch-Französische Jahrbücher».
Переезд в Париж*

В Крэйцнахе Маркс продолжал начатую еще до прекращения выхода «Rheinische Zeitung» переписку относительно планов создания печатного органа, который объединил бы немецких и французских демократов. Он тщательно обдумал характер предполагаемого издания, его цели, круг будущих сотрудников.

В сентябре 1843 г. в письме Руге Маркс наметил программу журнала, который решено было издавать в Париже. Основным его направлением должна была стать, по мысли Маркса, беспощадная критика существующего миропорядка, не страшаясь собственных выводов и не отступающая перед столкновением с властью предрезающими. Эту критику Маркс рассматривал не как самоцель, не как критику ради критики, а как средство выработки нового мировоззрения, прокладывания путей к новому миру. Он выдвинул один из важнейших принципов этого мировоззрения — принцип партийности. Поставив задачу воплотить теоретическую критику в практическую революционную деятельность, связать критику существующего строя «с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной* борьбой»¹, Маркс впервые сформулировал важнейшую идею единства теории и практики.

В критике существующего строя и во взглядах на будущее общество значительное место отводилось Марксом еще понятиям, навеянным влиянием Фейербаха (осуществление «истинной человеческой сущности» и т. д.). Эти элементы феербаховского гуманизма, а также демократические, антиабсолютистские настроения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 381.

составляли общую основу, на которой некоторое время — весьма непродолжительное, как показало ближайшее будущее, — могли совместно действовать Маркс, уже искавший пути для выработки подлинно научного коммунистического мировоззрения, буржуазный радикал Руге, демократ Ю. Фрёбель, революционный поэт Г. Гервег, радикальный публицист К. Л. Бернайс, один из будущих идеологов «истинного социализма» М. Гесс и другие.

Планировалось приглашение к участию в журнале ряда видных французских социалистов — Ламенне, Блана, Кабе, Прудона и других. Маркс сделал попытку привлечь к сотрудничеству и Фейербаха, попросив его написать статью с критикой реакционной философии Шеллинга. В. И. Ленин высоко оценил это письмо Фейербаху 3 октября 1843 г., в котором «Маркс с поразительной ясностью намечал коренные линии в философии»¹. Однако Фейербах предпочел в общем остаться в стороне. Тем не менее Маркс не терял надежды приобщить его к активному участию в революционной деятельности, о чем свидетельствует его письмо Фейербаху, написанное уже из Парижа 11 августа 1844 г. Неудачу с привлечением в журнал Фейербаха до некоторой степени компенсировало согласие сотрудничать в нем великого немецкого революционного поэта Генриха Гейне.

Большая организационная работа, связанная с созданием журнала, требовала присутствия Маркса в Париже. Давно сложившееся решение о выезде из Германии было ускорено попыткой прусского правительства подкупить Маркса, посулив ему «теплое местечко». Через друга покойного отца, тайного советника Эссера, Марксу было предложено перейти на прусскую государственную службу. Вспоминая позднее об этом, Маркс писал: «После того, как он сообщил мне об этих предложениях, я покинул Пруссию и уехал в Париж»². В последних числах октября 1843 г. Маркс с женой переехал в Париж и поселился на улице Ванно, в доме № 38.

Впоследствии Марксу довелось несколько раз приезжать в столицу Франции. Он хорошо узнал эту страну, стал блестящим знатоком ее истории, всегда восторженно отзывался о революционной отваге ее трудящихся масс. Однако самое большое влияние на развитие его взглядов имело первое, длившееся почти полтора года, пребывание в Париже. Именно здесь завершился его переход на революционно-коммунистические позиции и окончательно определилось его жизненное призвание — быть выразителем интересов самого революционного класса — пролетариата, борцом за дело этого класса.

Воздействие бурной социальной и политической жизни столицы Франции — одного из самых крупных центров мировой науки и культуры, а также одного из крупнейших очагов революционного движения — сказалось с первых же месяцев пребывания в этой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 357.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 419.

стране. Париж, по выражению В. И. Ленина, «кипел тогда политикой и обсуждением различных социалистических теорий»¹. Столица Франции предоставляла прекрасные возможности для изучения классовых противоречий и коллизий, потрясавших буржуазный мир. Здесь Марксу предстояло установить и первые политические контакты с представителями революционного пролетариата.

Окончательный переход к материализму и коммунизму

В конце февраля 1844 г. вышел в свет сдвоенный (1 и 2) выпуск журнала «Deutsch-Französische Jahrbücher». Кроме работ Маркса, там были напечатаны статьи Энгельса «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии», стихи Гейне и Гервега, статьи Гесса, Бернайса, а также ряд других материалов.

В разделе «Из переписки» была помещена часть писем Маркса Руге периода подготовки к изданию журнала, а также письма самого Руге, русского революционера М. А. Бакунина и Фейербаха. Основное направление журнала определили две статьи Маркса. Одна из них — «К еврейскому вопросу» — писалась, по-видимому, еще в Крэйцнахе, а вторая — «К критике гегелевской философии права. Введение» — была написана уже в Париже в декабре 1843 — январе 1844 г.

В статье «К еврейскому вопросу» Маркс выступил против Б. Бауэра, который в своих работах решал проблему эмансипации евреев, лишенных в Германии политических прав, с идеалистических позиций. Выход он видел в эмансипации евреев от религии. Маркс показал несостоятельность этой точки зрения.

Рассматривая частный вопрос об эмансипации евреев, Маркс поставил общую проблему освобождения человечества от тяготеющего над ним социального и политического гнета. При этом он провел различие между политической и человеческой эмансипацией.

Под политической эмансипацией Маркс понимал освобождение человека от феодальных пут и провозглашение буржуазно-демократических свобод, осуществляемые в ходе буржуазной революции. Признавая большое значение политической эмансипации, Маркс тем не менее видел ее ограниченность. «*Политическая эмансипация*, — отмечал он, — конечно, представляет собой большой прогресс; она, правда, не является последней формой человеческой эмансипации вообще, но она является последней формой человеческой эмансипации *в пределах* существовавшего до сих пор миропорядка»². Ее ограниченность связана с наличием частной собственности, кото-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 267.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 392.

рую буржуазная революция сохраняет как некий неприкосновенный общественный институт.

Маркс дал глубокий материалистический анализ сущности достигнутых в результате политической эмансипации основных буржуазных свобод, объявленных идеологами буржуазии выражением естественных прав человека. Он показал, что эти «права человека» есть прежде всего права члена гражданского общества, то есть права буржуа. Свобода в буржуазном понимании является по существу свободой индивида распоряжаться по своему усмотрению частной собственностью, право на безопасность индивида есть право на неприкосновенность его как собственника, его личности и прежде всего имущества. Следовательно, политическая эмансипация, или политическая революция,— Маркс употребляет оба эти термина как синонимы, обозначающие буржуазную революцию,— есть освобождение человека как члена гражданского общества, как «эгоистического человека, отделенного от человеческой сущности и общности»¹.

В противовес политической эмансипации Маркс выдвинул положение о человеческой эмансипации — освобождении человека от пороков современного гражданского общества, ликвидации фактического неравенства, угнетения, взаимной отчужденности, создании всех условий для того, чтобы в обществе действительно возобладали подлинно общественные начала вместо эгоизма и враждебности индивидов друг другу. Употребляя еще в значительной мере фейербаховскую терминологию, хотя и вкладывая в нее другое содержание, Маркс писал, что «лишь тогда, когда человек познаёт и организует свои «собственные силы» как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы,— лишь тогда свершится человеческая эмансипация»².

В этих рассуждениях по существу дан первый набросок идеи социалистической революции, в корне преобразующей самую основу гражданского общества и устанавливающей подлинную общность людей. Правда, влияние антропологизма Фейербаха чувствуется не только в терминологии, но и в некоторой абстрактности постановки вопроса о человеческой эмансипации, в то время как критика политической эмансипации — буржуазной революции — носит уже весьма конкретный характер. Тем не менее в статье «К еврейскому вопросу» Маркс сформулировал по существу идею о коренном различии между буржуазной и социалистической революциями и выдвинул одновременно тезис о том, что вторая должна неизбежно следовать за первой. Ответ на то, кто же должен осуществить человеческую эмансипацию, преодолев ограниченность эмансипации политической, какая общественная сила

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 400.

² Там же. С. 406.

воплощает в себе социальный прогресс, Маркс дал в другой своей статье «К критике гегелевской философии права. Введение».

Опираясь на анализ опыта предшествовавших революций, Маркс пришел к выводу, что в период революции один из общественных классов стремится выступить как освободитель всего общества, исходя, однако, из своего особого положения и преследуя свои особые цели. Вместе с тем эту роль освободителя всего общества данный класс может взять на себя лишь в том случае, если объективно его «собственные притязания и права... являются поистине правами и притязаниями самого общества»¹. Классом, который может совершить общечеловеческую эмансипацию, должен явиться класс, находящийся в противоречии ко всему современному обществу, класс, который, следовательно, не может освободить себя, не освобождая всего общества. Таким классом является пролетариат.

Идея Маркса о всемирно-исторической роли пролетариата — разрушителя капиталистического общества и творца нового, социалистического мира — имела огромное значение. Она составила исходный пункт для превращения социализма из утопии в науку. С этого момента процесс формирования мировоззрения Маркса становится одновременно процессом формирования научного коммунизма, революционного пролетарского мировоззрения.

В статье «К критике гегелевской философии права. Введение» Маркс обосновал и другой важнейший тезис — положение об огромном революционизирующем значении передовой теории и ее роли как могучего фактора в борьбе за коренное социальное переустройство общества. «Оружие критики, — писал он, — не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»².

Маркс рассматривал пролетариат как общественную силу, призванную по-настоящему использовать выводы революционного учения и провести их в жизнь. «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие...»³

Формирование идеи о всемирно-исторической роли пролетариата означало важный шаг и в размежевании Маркса со всеми теориями, носящими печать влияния враждебных пролетариату классов. Не случайно поэтому именно в той статье, в которой Маркс впервые пришел к данному выводу, он дал в сжатой форме критику многих проявлений консервативной и реакционной идеологии, углубив те критические высказывания об этих течениях, которые он сделал на более ранних этапах. Более того, Маркс впервые публич-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 425.

² Там же. С. 422.

³ Там же. С. 428.

но заявил о коренных пороках теоретических воззрений младогегельянцев, об их стремлении ограничить борьбу лишь теоретической сферой.

Пролог великой дружбы

В оглавлении «Deutsch-Französische Jahrbücher» стоят рядом два имени — Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Это, на первый взгляд, случайное обстоятельство глубоко символично. В лице Энгельса Маркс вскоре обрел единомышленника и верного соратника, рука об руку с которым он прошел свой дальнейший жизненный путь, незаменимого помощника в научных свершениях и практической борьбе, человека, имя которого стало неотделимым от его собственного имени.

Духовное развитие Энгельса происходило в том же направлении, что и эволюция взглядов Маркса, отличаясь, однако, известным своеобразием.

Фридрих Энгельс был также уроженцем Рейнской провинции Пруссии. Он родился 28 ноября 1820 г. в Бармене, в долине реки Вуппер, в семье текстильного фабриканта, человека весьма консервативного. Будучи ярым приверженцем религии, отец стремился воспитать детей в духе строгих буржуазных правил и религиозной ортодоксии. Однако в молодом Энгельсе это порождало чувство глубокого внутреннего протеста.

Отец не дал Фридриху закончить гимназию и отправил в Бремен, чтобы сделать коммерсантом. Работая в конторе, Энгельс свободное время посвящал самообразованию: он занялся изучением истории, философии, литературы, лингвистики, иностранных языков, к которым с детских лет проявил исключительные способности. Знакомство с передовыми идеями своего времени, прежде всего с работами младогегельянцев, помогло Энгельсу освободиться от религиозных воззрений, которые были ему внушены в семье.

Формирование революционно-демократических взглядов Энгельса проходило как под воздействием прогрессивных идейных течений той эпохи — демократизма Бёрне, философии Гегеля, радикальных взглядов младогегельянцев, так и под влиянием непосредственного жизненного опыта — близкого знакомства с положением трудящихся в родном городе. Рано обнаружилось и яркое литературное дарование молодого Энгельса. Уже с 1839 г. он стал сотрудником прогрессивного журнала «Telegraph für Deutschland» — органа радикальной литературной группы «Молодая Германия», к которой в то время относился весьма сочувственно. В первой же своей статье — «Письма из Вупперталя» — он нарисовал картину жестокого угнетения рабочих хозяевами, прикрываемого религиозным ханжеством. Последующие литературно-критические и публи-

цистические выступления Энгельса содержали революционно-демократические идеи, острую критику существующих в Германии порядков.

Со второй половины сентября 1841 до середины августа 1842 г. Энгельс в качестве вольноопределяющегося проходил военную службу в артиллерийской части в Берлине. Пребывание в столице Пруссии позволило ему посещать лекции в Берлинском университете, расширить круг своих знакомых. В Берлине он сблизился с младогегельянами и принял, разделяя тогда в основном их взгляды, активное участие в развернувшейся в Германии идейной борьбе. Значительное влияние на формирование воззрений Энгельса оказали в то время произведения Фейербаха, особенно его книга «Сущность христианства». «Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом», — писал Энгельс впоследствии¹.

В Берлине Энгельс написал ряд работ («Шеллинг и откровение», «Шеллинг — философ во Христе»), направленных против известного философа Шеллинга, который к тому времени значительно эволюционировал: вправо, став проповедником мистики и реакционных идей. Остроумные, блестящие по форме памфлеты Энгельса были проникнуты духом атеизма и нетерпимости к мракобесию. Они пользовались широкой популярностью, и мало кто из читателей предполагал, что автором их был молодой вольноопределяющийся и вольнослушатель университета, а не дипломированный философ.

Осенью 1842 г. Энгельс уехал в Англию, в Манчестер, для работы в конторе торговой фирмы, компаньоном которой был его отец. В этой передовой капиталистической стране Энгельс провел почти два года. Он много почерпнул для себя из непосредственного знакомства с капиталистической действительностью в ее наиболее для того времени развитой форме, с присущими ей острейшими противоречиями. Материал для размышлений дал Энгельсу и изучение английской политической экономии, трудов английских социалистов-утопистов, особенно Роберта Оуэна. В Англии же Энгельс столкнулся с самым развитым в Европе рабочим движением — чартизмом.

В Англии Энгельс развернул активную публицистическую деятельность. Он сотрудничал в оуэнистской и чартистской печати, посылал статьи и корреспонденции в «Rheinische Zeitung», в журнал «Schweizerischer Republikaner», написал две работы для «Deutsch-Französische Jahrbücher».

Пребывание в Англии, изучение ее экономической жизни и политического развития, а также близкое знакомство с рабочим движением, его лидерами, непосредственное участие в нем предопределили коренной поворот в мировоззрении Энгельса в сторону материализма и коммунизма. Энгельс сам позднее указывал, что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 281.

именно в Манчестере он пришел к выводу о решающей роли в общественной жизни экономических отношений, лежащих в основе классовых противоположностей и партийной борьбы.

Как и Маркс, Энгельс увидел в рабочем классе ту силу, которая способна преобразовать общество. Эти элементы нового мировоззрения нашли свое отражение в статьях Энгельса того времени, в частности в его выступлениях в органе оуэнистов «New Moral World». Но наиболее ярко переход на позиции материализма и коммунизма сказался в его работах, напечатанных в «Deutsch-Französische Jahrbücher», — «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»».

В то время молодой Энгельс, подобно Марксу, еще не освободился полностью от влияния своих идейных предшественников. Фейербахианство он тогда считал революционной философией, которую целиком следует взять на вооружение пролетариата. В коммунизме Энгельс вслед за социалистами-утопистами видел средство освобождения от тесных рамок буржуазных отношений не только трудящихся, но и самих капиталистов.

Впервые Энгельс встретился с Марксом в конце ноября 1842 г., когда по пути в Англию посетил редакцию «Rheinische Zeitung». Это был период, когда Маркс находился в остром конфликте с берлинскими «Свободными», с которыми Энгельс был связан во время пребывания в Берлине. Поэтому первая встреча двух будущих друзей оказалась весьма сдержанной. Все это, однако, не мешало Марксу ценить Энгельса как английского корреспондента «Rheinische Zeitung» и внимательно следить за его литературной деятельностью.

Работы Энгельса, присланные в «Deutsch-Französische Jahrbücher» и опубликованные в этом журнале, показали Марксу, что путь идейного развития Энгельса совпадает по своему направлению с его собственным путем. С этого времени между ними завязалась переписка, послужившая прологом к началу тесной дружбы. В свою очередь, и для Энгельса становилась все яснее роль редактора «Deutsch-Französische Jahrbücher» в развитии социалистических идей, исключительное дарование «Трира черного сына с неистойвой душой», как был охарактеризован Маркс в 1842 г. в поэме «Библии чудесное избавление», написанной его будущим соратником совместно с Э. Бауэром.

«Deutsch-Französische Jahrbücher» в оценке современников

«Deutsch-Französische Jahrbücher» вызвал многочисленные отклики и начал расходиться довольно хорошо. «Mannheimer Abendzeitung» утверждала, что почти каждый немец, приезжающий

в Париж, увозит с собой экземпляры журнала. Ряд крупных заказов поступил из Лейпцига, Берлина, Вены. Прусское правительство, информированное своим послом в Париже об «опасном» направлении этого издания, запретило его ввоз в страну и распорядилось арестовать Маркса, Руге, Гейне и некоторых других лиц, в случае если они окажутся на территории Пруссии. Началась конфискация журнала на границе. По некоторым данным, около двух третей трехтысячного тиража попало в руки полиции.

Выход «Deutsch-Französische Jahrbücher» был встречен злобными нападками со стороны правой, а также умеренной печати, которая ясно уловила революционно-пролетарские тенденции издания. Реакционная лейпцигская газета «Eisenbahn» писала 4 апреля 1844 г. о редакторах и сотрудниках «Jahrbücher», что их целью является «апофеоз пролетариата всех наций, и только на него смотрят они с надеждой и доверием», а поэтому «священный долг либеральной прессы Германии — самым решительным образом выразить свое возмущение и энергично отвергнуть всякое родство с ними». Поспешила выразить свое негодование и консервативная «Allgemeine Zeitung». «Критика, к которой прибегает новый парижский журнал, — писала газета 10 марта 1844 г., — не знает никакой пощады, его полемика выходит за пределы всяких этических норм, а его сатирический тон, хотя и не разит как кинжал, подобен ударам здоровенного кулачища».

Статьи Маркса и Энгельса в «Deutsch-Französische Jahrbücher», по оценке, высказанной Энгельсом в конце 80-х гг., уже после Маркса, «имеют чрезвычайно важное значение для развития социалистической теории»¹. Они подводили итог целому периоду в жизни и деятельности Маркса, в результате которого он, преодолев идеализм, окончательно переходит на позиции материализма и из последователя революционного демократа становится коммунистом, идеологом рабочего класса. В. И. Ленин писал, что «в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий к *массам* и к *пролетариату*»². С этого момента начинается новый этап в развитии мировоззрения Маркса, когда он приступает к созданию диалектического материализма и теории научного коммунизма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 485.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 47—48.

*Глава
вторая*

Начало разработки основ пролетарского мировоззрения

Если с нами философы, чтобы мыслить,
и рабочие, чтобы бороться за наше дело,—
то какая сила на земле
сможет противостоять нашим успехам?

Фридрих Энгельс

Разрыв с Руге

Новые взгляды Маркса, изложенные в «Deutsch-Französische Jahrbücher», были пока лишь гениальной гипотезой, базировавшейся на определенном обобщении предыдущего развития науки и исторического развития общества, но нуждавшейся в развернутом обосновании, как историческом, так и, в первую очередь, философском и экономическом. Отныне этой задаче Маркс подчинил всю свою неутомимую теоретическую деятельность.

Однако свои научные и литературные замыслы ему не пришлось больше связывать с выпуском «Deutsch-Französische Jahrbücher». Вскоре после выхода первого номера обнаружилось, что издание не может быть продолжено. Слишком велики были те препятствия, которые встречало в Германии распространение журнала, поставленного там в положение нелегального издания. Возникли серьезные финансовые трудности.

Имелись, конечно, и другие причины, осложнявшие работу по намеченному плану. Уже в период подготовки первого выпуска между редакторами журнала Марксом и Руге возникли принципиальные разногласия, вылившиеся затем в открытый конфликт. Буржуазный радикал Руге с неодобрением относился к коммунистическим убеждениям Маркса. Как младогегельянец, он усвоил пренебрежительное отношение к «некритической» массе, к рабочему классу. Его отпугивал решительный революционный тон статей Маркса и Энгельса, их непримиримая критика существующих порядков, стремление Маркса установить тесные связи с рабочими. Читателям бросалось в глаза различие в содержании выступлений Маркса и Энгельса, с одной стороны, и Руге — с другой, на страницах самого журнала. Впоследствии Маркс и Энгельс в памфлете «Великие мужи эмиграции» отмечали, что в их статьях «говорилось прямо противоположное» по сравнению с предисловием к выпуску, написанным Руге¹. В приложении к «Allgemeine Zeitung» от 20 апреля 1844 г. было опубликовано следующее заявление К. Маркса, датированное 14 апреля 1844 г. в Париже: «Распространенные в немецких газетах различные слухи о прекращении издания «Deutsch-Französische Jahrbücher» побуждают меня к заявлению о том, что швейцарская книготорговля ежегодниками из экономических соображений внезапно отказалась от распродажа журнала и тем самым сделала невозможным его продолжение»².

Первый выпуск журнала, таким образом, оказался единственным.

Маркс в Париже в 1844 году

Чем дольше жил Маркс в Париже, тем глубже он постигал социальную и политическую обстановку Июльской монархии, характер различных политических и социалистических течений тогдашнего французского общества. Теснее становились и его связи с представителями различных оппозиционных кругов, с французскими социалистами, революционными пролетариями, с немецкими революционными эмигрантами.

Буржуазная революция 1830 г. во Франции поставила у власти вместо крупных землевладельцев верхушку финансовой и промышленной буржуазии — банкиров, биржевых магнатов, владельцев угольных копей и железных рудников, связанных с ними земельных собственников. Эта финансовая аристократия извлекала максимальные выгоды из бурного развития капитализма. За 10 лет, с 1830 по 1840 г., число паровых машин во Франции возросло более чем в 4 раза. С 1828 по 1847 г. выплавка металла более чем удвои-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 291.

² MEGA. B., 1982. Abt. I. Bd. 2. S. 185.

лась, а добыча угля — утроилась. Маркс позднее метко назвал Июльскую монархию «акционерной компанией для эксплуатации французского национального богатства; дивиденды ее распределялись между министрами, палатами, 240 000 избирателей и их прихвостнями». Рабочим происходивший в стране промышленный переворот нес усиление эксплуатации, сокращение реальной заработной платы, увеличение рабочего дня. Высокий имущественный ценз делал рабочий класс и значительную часть средних городских и деревенских слоев политически бесправными. В стране нарастало недовольство. Наиболее благоприятной средой для проникновения революционных идей был рабочий класс. Он тяготел не только к радикально-республиканским, но и к социалистическим учениям.

С конца 30-х гг. все большее распространение среди рабочих получали идеи утопического социализма и коммунизма. Тогдашние социалистические и коммунистические течения во Франции отличались большой пестротой. Утопический социализм был представлен эпигонами Сен-Симона и Фурье. В их передаче доктрины учителей приобретали крайне догматический, сектантский характер, а объективно революционное содержание этих доктрин было выхолощено. С представителями других направлений мелкобуржуазного, пролетарского социализма, начиная от «христианского» социализма П. Леру и Ф. Бюше и «государственного» социализма Луи Блана, кончая анархистски окрашенным социализмом П. Ж. Прудона, их роднило отрицательное отношение к самостоятельным революционным выступлениям пролетариата, проповедь мирного реформистского пути к социализму и гармонии классов, боязнь революционных действий. Распространение этих идей среди рабочих отражало недостаточную идейную и политическую зрелость французского пролетариата.

Иной характер носили идеи коммунистов-утопистов. Хотя в основе их учения лежали идеалистические, порой фантастические представления, хотя некоторые из них, например Этьенн Кабе, продолжали питать иллюзии о возможности введения коммунизма посредством мирной пропаганды и создания опытных коммунистических колоний, тем не менее их идеалы выходили за рамки обновления существующего общества путем преобразования его отдельных институтов. Коммунисты-утописты призывали к созданию совершенно нового строя. Они давали толчок для пробуждения в сознании пролетарских масс понимания противоположности между буржуазным обществом и тем будущим строем, за который следует бороться. Положительную роль сыграла в этом смысле книга Кабе «Путешествие в Икарию» и издававшаяся им газета «Le Populaire».

Еще в большей степени рост недовольства пролетариата капиталистическими порядками отражало революционное направление

во французском утопическом коммунизме, представленное Теодором Дезами и Огюстом Бланки, продолжателями учения замечательного французского революционера XVIII в. Бабёфа. Они признавали необходимость революционного свержения существующей системы и установления революционной диктатуры. При этом, если Бланки вслед за Бабёфом считал, что свергнуть капиталистический строй можно путем заговора небольшого, хорошо организованного меньшинства, то Дезами отвергал заговорщическую тактику. Но даже представители этого наиболее передового направления не понимали объективных условий перехода от капитализма к социализму, не осознали всемирно-исторической роли пролетариата как творца социалистического общества, не выделяли его из широких слоев трудящихся и эксплуатируемых масс.

Маркс в Париже стал непосредственным очевидцем тех жарких споров, которые велись вокруг различных социалистических доктрин в рабочих кружках. Он знал об идейной борьбе, происходившей в рабочих организациях, большей частью существовавших в форме тайных обществ. Политический опыт французских рабочих, как убедился Маркс, был весьма значительным. Однако в головах у них царил хаос и путаница, отражавшие смещение различных социалистических идей. На идеологии французского рабочего класса сказывалась особенность его социальной структуры, связанная с преобладанием во французской промышленности мелких, полуремесленных предприятий. Убедившись в 1830 г. в предательстве крупной буржуазии, рабочие еще верили буржуазным и мелкобуржуазным республиканцам и политически шли в их фарватере.

В Париже Маркс вступил в непосредственный контакт с рабочими организациями, как французов, так и немецких эмигрантов: он познакомился с их руководителями, посещал рабочие собрания. В одном из полицейских донесений, направленных из Парижа в Германию, сообщалось о происходивших каждое воскресенье собраниях немецких коммунистов, на которых присутствовало 100—200 человек. В числе выступавших на этих собраниях называется и имя Маркса. О своих впечатлениях Маркс писал Фейербаху в августе 1844 г.: «Вам бы следовало присутствовать на одном из собраний французских рабочих, чтобы убедиться в девственной свежести и благородстве этих изнуренных трудом людей... История готовит из этих «варваров» нашего цивилизованного общества практический элемент для эмансипации человека»¹.

Маркс встречался с руководителями Союза справедливых — организации немецких пролетаризирующихся ремесленников-эмигрантов, возникшей в 1837 г. и имевшей свои общины не только в Париже, но и в Германии, Швейцарии, Англии и других местах. Союз был связан с французскими тайными обществами, в частности

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 381.

с бланкистским обществом «Времена года». Среди членов организации сначала господствовали идеи Бабёфа и его учеников, позднее распространение получили взгляды В. Вейтлинга, первого немецкого коммуниста-утописта.

Близко познакомился Маркс и с Прудоном. В долгих спорах, зачастую затягивавшихся на всю ночь, Маркс стремился внушить Прудону диалектический и материалистический взгляд на мир. Маркс был также лично знаком с Бланом и Кабе.

Поддерживая связь с различными рабочими организациями, Маркс в то время не вступил ни в одну из них. Он не хотел связывать себя с какой-нибудь из социалистических сект, ибо ясно сознавал слабые черты и антинаучный характер их воззрений. Своей задачей Маркс считал разработку подлинно научной революционной теории, показывающей пролетариату пути и средства коренного преобразования существующего строя, а также пропаганду этой теории. Этим он надеялся поднять идейный уровень участников тогдашнего рабочего движения, содействовать формированию подлинно революционных, свободных от сектантской замкнутости и односторонности пролетарских организаций. Речь шла, как позднее писал Маркс, «не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества»¹.

Огромная теоретическая работа, изучение рабочего движения не исчерпывали всего многообразия деятельности Маркса в Париже. Он завязал широкие знакомства с французскими радикальными кругами, в частности с мелкобуржуазными демократами и социалистами, группировавшимися вокруг газеты «La Réforme», с представителями революционных кругов различных стран, жившими в Париже. Маркс принял участие в международном демократическом банкете, состоявшемся в конце марта 1844 г.

На квартире Маркса на улице Ванно бывали поэты Георг Гервег и Генрих Гейне, руководители парижских общин Союза справедливых Г. Эвербек и Г. Мейерер, журналист Бернайс, русский революционер Бакунин и многие другие. В ноябре 1844 г. приехали в Париж и посетили Маркса радикально настроенные врач Р. Даниельс и публицист Г. Бюргерс — жители Рейнской области.

В дружеских отношениях находился Маркс с Гервегом, поэтом-демократом, сотрудничавшим в «Rheinische Zeitung». Маркс защищал его от грубых мещанских нападок Руге, хотя единомышленниками Маркс и Гервег, стоявший на позициях буржуазного демократизма, в этот период уже не были.

Большая и глубокая дружба связывала Маркса с великим немецким поэтом Генрихом Гейне. В Париже они встречались часто,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 451.

иногда ежедневно. Гейне читал свои стихи Марксу и его жене, мнение которой он очень высоко ценил. Иногда Маркс играл роль первого редактора создаваемых им произведений. Впоследствии дочь Маркса Элеонора писала, что Гейне и Маркс нередко вместе работали над тем или иным стихотворением, повторяя его бесчисленное количество раз и шлифуя каждую строчку, пока оно не доводилось до совершенства. Под влиянием Маркса в творчестве Гейне усилились социальные мотивы, и не случайно именно в это время он создал стихотворение «Ткачи» и поэму «Германия. Зимняя сказка», знаменующие собой вершину его поэзии. «Зимнюю сказку» Маркс напечатал в газете «Vorwärts!» по корректурным листам, посланным ему автором еще до выхода поэмы отдельным изданием.

В доме Маркса чувствительный и болезненно ранимый Гейне искал утешения в тех случаях, когда подвергался нападкам со стороны недоброжелателей и критиков. Поэт привязался к семье своего молодого друга, внутренний мир которого стал ему по-настоящему близок. Однажды Гейне оказал ему неоценимую услугу. У полугодовалой дочери Маркса Женни, родившейся 1 мая 1844 г., неожиданно начались сильные конвульсии. Все в доме — родители, кормилица — были в полной растерянности, пока в дело не вмешался появившийся как раз в этот момент Гейне. С поразительным самообладанием, не дожидаясь прихода врача, он сделал девочке ванну и вернул ее в нормальное состояние, а вместе с ней смертельно напуганную чету Марксов.

Среди парижских друзей Маркса Гейне в тот период был едва ли не самым близким и дорогим. Марксу очень многое дало общение с этим гениальным поэтом и одним из образованнейших людей своего времени. Недаром позднее Маркс, узнав о грозящей высылке из Парижа, писал Гейне: «Из всех людей, с которыми мне здесь приходится расставаться, разлука с Гейне для меня тяжелее всего. Мне очень хотелось бы взять Вас с собой»¹.

В свою очередь Гейне до конца дней своих сохранял глубочайшее уважение к Марксу — ученому, революционеру, человеку. Незадолго до своей смерти, последовавшей в 1856 г., Гейне писал о «вождях немецких коммунистов», как о «способнейших головах и энергичнейших характерах Германии», как о «единственных живых людях в Германии», которым принадлежит будущее².

В Париже Маркс познакомился с русскими эмигрантами М. А. Бакуниным, В. П. Боткиным, другом Герцена Н. И. Сазоновым и другими. Чаще всего он встречался с Бакуниным. В беседах с ним Маркс излагал свои материалистические и коммунистические взгляды, пытаясь повлиять в этом направлении на Бакунина, сочетавшего тогда в своем мировоззрении сентиментальный

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 387.

² См.: Гейне Г. Полное собрание сочинений. М.: Л., 1937. Т. 10. С. 337.

идеализм с «инстинктивным», по его собственным словам, социализмом.

Друзья Маркса встречали в его семье не только дружеское участие, но и постоянную помощь. Старшая дочь Маркса Женни вспоминала со слов матери о том, как ее мать вскоре после своей свадьбы получила небольшое наследство. Молодые супруги положили полученные деньги в ларец. Когда к ним в гости приходили нуждающиеся друзья и единомышленники, они ставили ларец открытым на стол, и каждый мог брать из него, сколько ему требовалось.

Научные занятия

Поселившись в Париже, Маркс, как об этом свидетельствует Энгельс, «с жаром принялся за изучение политической экономии, французских социалистов и истории Франции»¹. Зачастую он просиживал за книгами по нескольку суток подряд, делая перерывы лишь на еду и кратковременный сон.

Маркс стремился понять внутреннюю механику развития капитализма и его противоречий, взаимоотношение политики и экономики. Важное место в этих научных занятиях занимали проблемы классовой борьбы современного общества. Маркс вновь и вновь обращался к классическим примерам французской буржуазной революции. Он основательнейшим образом изучал один из важнейших периодов ее истории — период 1792—1793 гг., когда после свержения монархии 10 августа 1792 г. развернулась борьба между представителями умеренных слоев буржуазии — жирондистами и радикальными буржуазными революционерами — якобинцами. Маркс намеревался написать историю Конвента и собрал значительное количество материалов. Он изучил произведения вождей якобинцев Робеспьера, Сен-Жюста, Демулена, составил конспект мемуаров члена Конвента якобинца Левассёра, дав ему заглавие «Борьба якобинцев с жирондистами».

О литературных планах Маркса, по-видимому, стало известно в демократических кругах. Зимой 1845 г. «Trier'sche Zeitung», откликаясь на высылку Маркса из Парижа, писала, что он переезжает за границу, «чтобы завершить там свою «Историю Конвента»». Замысел Маркса остался неосуществленным. Однако выводы, сделанные в ходе изучения истории французской революции, он широко использовал в других своих трудах. Не пропали даром и подготовительные материалы к задуманной работе. Изучение Марксом истории борьбы классов во Франции в период крупнейшего революционного потрясения, выяснение материальной подоплеку этой борьбы, роли в ней плебейских масс в немалой степени способствовали выработке им материалистического понимания истории.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 350.

Занимаясь разработкой проблем происхождения, закономерностей и форм классовой борьбы, Маркс использовал работы историков периода Реставрации — Тьерри, Минье, Гизо. Представители этого направления в буржуазной историографии, несмотря на всю ограниченность их взглядов, признавали деление общества на классы и важную роль классовой борьбы в историческом процессе, приведшем к возникновению буржуазного общества. Однако они не сумели увидеть экономические основы происхождения классов и не поняли подлинного характера классовой борьбы в капиталистическую эпоху. В противоположность им Маркса интересовала в первую очередь экономическая структура общества как база его классовой структуры, природа экономических отношений современного ему мира, дававшая ключ к пониманию происходящих на глазах классовых конфликтов. В научных занятиях Маркса политическая экономия стала играть все большую роль.

В процессе предпринятой им критики гегелевской философии права Маркс летом 1843 г. пришел к выводу, что анатомию так называемого «гражданского общества», то есть совокупности социальных отношений, следует искать в политической экономии. После этого и до конца жизни изучение экономических проблем становится для Маркса главным направлением его научных исследований.

В Париже Маркс проштудировал произведения многих экономистов: Смита, Рикардо, Сэя, Скарбека, Джемса Милля, Дестюта де Траси, Мак-Куллоха, Буагильбера и др. Многочисленные выписки из экономических работ он нередко сопровождал собственными комментариями и размышлениями. Из этих замечаний, особенно из пространственных заметок по поводу книги Дж. Милля «Основы политической экономии», видно, что, хотя размежевание Маркса с буржуазной политической экономией только началось и его собственные экономические взгляды еще находились в самой первой стадии формирования, его подход к буржуазным экономическим теориям был весьма критическим. Маркс остро подметил основной порок буржуазной политической экономии — толкование ею исторически сложившихся и преходящих капиталистических отношений обмена и торговли как якобы изначальной и соответствующей «человеческому предназначению» формы социального общения¹.

Большой проницательностью отличались замечания, касающиеся самой капиталистической экономики и покоящегося на ней буржуазного общества. В них, правда еще в зародышевой форме, содержалась критика экономических основ эксплуататорского строя, указывались противоречия, присущие буржуазной частной собственности на средства производства.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 24.

Весьма глубокое впечатление произвела на Маркса опубликованная в «Deutsch-Französische Jahrbücher» статья Энгельса «Наброски к критике политической экономии». Маркс считал ее гениальной и впоследствии неоднократно ссылался на нее в своих сочинениях, особенно в «Капитале». Он внимательно прочитал и законспектировал эту работу Энгельса, в которой впервые с позиций социализма была дана критика буржуазной экономической науки и буржуазного общественного строя.

«Экономическо-философские рукописи 1844 года»

Результаты своих изысканий в этот период Маркс подытожил в работе, которая дошла до нас в виде трех тетрадей. Они известны под названием «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Рукописи были созданы, вероятно, между июнем и концом августа этого года¹.

В «Экономическо-философских рукописях» излагаются экономические и философские воззрения Маркса того времени. В предисловии Маркс писал, что к своим выводам он пришел «путем вполне эмпирического анализа, основанного на добросовестном критическом изучении политической экономии»². Он ставил своей целью развернуть критику частной собственности и существующей политической экономии.

Маркс развивал мысль, высказанную им в «Deutsch-Französische Jahrbücher», что эмансипация человека возможна только в случае, если будет в корне преобразовано «гражданское общество», иными словами, если будет уничтожен капиталистический эксплуататорский строй. Четко выражена здесь и апелляция к массам, к пролетариату. Политические симпатии автора принадлежат всецело людям труда. Это о пролетариях Франции он пишет, что «человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их закрученных от труда лиц на нас сияет человеческое благородство»³. Он разоблачает и клеймит ту систему, которая обрекает рабочего на «надрызг в процессе работы», на принижение его «до роли машины, до роли раба капитала...»⁴.

Определяя свое отношение к буржуазной политической экономии, Маркс дает материалистическое объяснение ее развития. По Марксу, развитие экономической мысли обусловлено не движением некоего абсолютного духа, а историческими метаморфозами частной

¹ MEGA. Abt. I. Bd. 2. S. 35.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 43.

³ Там же. С. 136.

⁴ Там же. С. 50, 51.

собственности. В исторической эстафете экономической мысли, как в зеркале, отразились распад феодализма и совершающийся шаг за шагом подчинение капиталу всего строя общественно-экономической жизни. Политическая экономия становится служанкой всемогущего капитала, а политико-экономы — научной совестью «эмпирических дельцов», то есть капиталистов. Действительный ход реальных изменений в сфере производства таков, что капиталист побеждает в конце концов земельного собственника, высокоразвитая частная собственность берет верх над «неразвитой» или «половинчатой частной собственностью»¹.

Признание Смитом и Рикардо труда вообще, а не только земледельческого, как у физиократов, в качестве субстанции всякого богатства было несомненно значительным шагом вперед. «Просвещенная политическая экономия» Смита и Рикардо поэтому расценивалась Марксом как высшая ступень в развитии данной науки, хотя он еще не делал здесь акцента на главном достижении этих экономистов — их трудовой теории стоимости. Однако такая положительная оценка сопровождалась у Маркса и резкой критикой слабых и просто апологетических сторон буржуазной экономической науки.

Маркс упрекал политическую экономию в непонимании «взаимосвязи изучаемого ею движения», в том, что экономические факты, явления и процессы она истолковывает обычно как изолированные друг от друга, как результат действия внешней силы или воли. Это была справедливая критика метафизического метода, свойственного буржуазной экономической науке. Выявив метафизический, антиисторический подход ее к экономическим явлениям, раскрыв зависимость от самой капиталистической действительности — источник ее ограниченности, Маркс провел водораздел между ней и создаваемой им новой наукой. Перед самим собой он ставил задачу осмыслить существенную взаимосвязь между частной собственностью, корыстолюбием, конкуренцией, стоимостью человека (Маркс, разумеется, пока еще не знал категории стоимости рабочей силы) и его обесценением и т. д.²

Основную часть своей критики буржуазной политической экономии Маркс дал, раскрыв сущность категории отчуждения и отчужденного труда. Отправным пунктом при этом для построения своей концепции он взял «современный политико-экономический факт», признаваемый самой политической экономией, а именно: все большее обнищание рабочего по мере роста производимого им богатства.

Сам по себе термин «отчуждение» широко употреблялся в философской литературе до Маркса. Гегель говорил о мире отчужденного от себя духа. У него абсолютная идея отчуждает себя в природу,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 106.

² См. там же. С. 87.

а потом в духе — в истории и в мышлении — снова возвращается к самой себе, в «эфир чистого сознания»¹. Фейербах отчуждение сводил к отчуждению человеком своих существенных «родовых», то есть общих, вытекающих из характерных природных качеств всех людей, свойств, когда человек создает бога и делает его творцом мира. В силу этого человек на земле вынужден вести индивидуалистический образ жизни, чуждый его подлинной сущности, а соответствующая «родовая» жизнь имеет место только в религиозной фантазии, становится чисто иллюзорной. Стремясь преодолеть идеалистическое толкование проблемы отчуждения Гегелем, Фейербах свел это понятие к отчуждению природных качеств абстрактного человека, трактовал его в духе абстрактного гуманизма: он проглядел ее социальное содержание.

Маркс с самого начала обратился к общественной жизни людей и выводил отчуждение из условий этой жизни, определяемых частной собственностью на средства производства. Отчуждение трактовалось им прежде всего как такая форма социальных связей, социального общения людей, при которой условия их жизни и труда, результат их деятельности и их отношения друг к другу предстают как чуждая и враждебная внешняя сила. В его понимании отчуждение является прямым результатом строя частной собственности. Отчуждения в экономической области служит основой других форм отчуждения в различных материальных, а в конечном счете и духовных сферах общественных отношений. Беря за исходный пункт реальную действительность, Маркс тем самым давал ориентировку не на «битвы чистых идей»², к которым только и призывала классическая философия и ее эпигоны, а на битвы с той несправедливой и негуманной действительностью, которая порождает отчуждение, делает его неизбежным. Такая постановка проблемы уже заключала в себе преодоление слабых сторон философии Гегеля и Фейербаха в этой области. Вместе с тем фактически опрокидывался кардинальный тезис буржуазной политической экономии о разумности, нормальности и вечном характере капиталистического способа производства.

Особенно обстоятельно Маркс развил категорию отчужденного труда. Жизнедеятельность человека и самоутверждение его как сознательного общественного существа проявляются, подчеркивал он, прежде всего в практическом созидании предметного мира, в общественном производстве. Производство продукта рабочим есть опредмечивание самого рабочего, а утрата произведенного предмета вследствие господства частной собственности есть отчуждение труда, ибо предмет противостоит рабочему «как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя»³. Продукты труда

¹ См.: Гегель. Сочинения. М., 1959. Т. 4. С. 262.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 90.

³ Там же. Т. 42. С. 88.

достаются не тому, кто их создает, а тому, кто владеет капиталом. Капитал определяется автором как частная собственность на продукт чужого труда. Своим трудом, своей производственной деятельностью человек порождает власть того, кто не производит, над производством и над продуктом. «Освоение предмета выступает как отчуждение до такой степени, что чем больше предметов рабочий производит, тем меньшим количеством их он может владеть и тем сильнее он подпадает под власть своего продукта, капитала»¹. С ростом могущества капитала рабочий, не располагающий ничем, кроме собственных рук, становится все беднее. Вместе с утонченностью потребностей и средств для их удовлетворения на одном полюсе возникает «полнейшее, грубое, абстрактное упрощение потребностей» на другом. Отчуждение труда выражается, таким образом, в растущем имущественном неравенстве, в углублении пропасти между трудом и капиталом.

Условия труда и сам труд при капитализме для рабочего являются проклятием, «чем-то *внешним*, не принадлежащим к его сущности»². Наемный рабочий под властью капитала «не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным»³, не развивая свои духовные и физические силы, а изуряет, разрушает свое тело и дух. Производитель материальных благ является рабом сложившегося разделения труда; он раз и навсегда прикован к определенной профессии. Труд рабочего на фабрике, у станка и т. д. носит подневольный характер — это «утрата рабочим самого себя». Рабочий чувствует себя свободным по существу только в отпущении чисто животных функций — еда, питье и т. д. Он «у себя» только тогда, когда не работает, а работая, он уже не «у себя».

Концепция отчужденного труда в «Экономическо-философских рукописях» по сути своей является зародышевой, начальной формой марксистской теории присвоения капиталом чужого наемного труда, эскизным наброском и эмбрионом важнейших идей, развитых и научно аргументированных Марксом много позднее в «Капитале».

Отчуждение человека от продукта своего труда, враждебная противоположность между людьми, создаваемая самими условиями производства материальной жизни, обязательно приводят, согласно Марксу, к вырождению «родовой сущности», к «отчуждению человека от человека»⁴. Следовательно, восстановление нормальных и соответствующих человеческой природе общественных связей и взаимоотношений между людьми может быть осуществлено не путем замены рутинной религии какой-нибудь высшей формой религии, не проповедью любви, как полагал Фейербах, а лишь путем коренного преобразования общества, отношений собственности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 88.

² Там же. С. 90.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 94.

Частная собственность — основа и причина отчуждения, или самоотчуждения труда. С другой стороны, она же оказывается его следствием. Отчуждение труда имеет своим результатом воспроизводство частной собственности. Маркс называл частную собственность материальным, резюмированным выражением отчужденного труда. Отсюда делался вывод об эмансипации общества от частной собственности как необходимом и главном условии экономической и политической эмансипации рабочих, что означает также вполне реальное снятие отчуждения. При этом Маркс подчеркивал, что освобождение рабочих «заключает в себе общечеловеческую эмансипацию»¹.

В «Экономическо-философских рукописях» проблему коммунистического преобразования общества Маркс рассматривал в основном в философском аспекте. Он пользовался при этом традиционным, в частности фейербаховским, философским лексиконом, говоря о коммунизме как о законченном натурализме, который вполне тождествен гуманизму, или как о законченном, реальном гуманизме, который равен натурализму. Тем не менее Маркс пошел здесь в целом значительно дальше своих идейных предшественников и формулировал принципиально новые воззрения. В различной связи изложил он свои взгляды о *подлинном* коммунизме, как высшей форме упразднения частной собственности, а следовательно, также и всякого отчуждения и самоотчуждения человека, как экономического, так и в сфере сознания, в частности религиозного отчуждения.

Развитие естественных наук, практическое естествознание, воплощенное в промышленности, на базе частной собственности, указывал Маркс, ведут к созданию экономического богатства, с одной стороны, и экономической нищеты — с другой. На основе же коммунизма они создают условия для полного проявления богатства человеческой природы и для обогащения самих человеческих потребностей. Отмежевываясь от ранних и незрелых представлений о коммунизме, извращающих его содержание и дискредитирующих самую его идею, Маркс подчеркивает, что только тот общественный порядок можно называть коммунизмом, который устраняет противоречия между человеком и природой, между человеком и человеком, очеловечивает чувства человека, делает их соответствующими общественной и природной сущности человека, производит человека «богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях»². Будущее общество рассматривается, таким образом, Марксом как такая ступень в истории человечества, которая отвечает самым высоким гуманистическим принципам; она несет с собой расцвет человеческой личности, всестороннее удовлетворение ее

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 98.

² Там же. С. 123.

материальных и духовных запросов, гармоническое сочетание личных и общественных интересов.

Маркс резко осудил в своей работе уравнилельные тенденции, присущие различным направлениям утопического коммунизма. Признавая их значение как исторически обусловленной формы протеста против господства частной собственности и имущественного неравенства, он отверг их как идеал для будущего. Маркс называет уравнилельный коммунизм грубым, непродуманным, отрицающим личность человека, культивирующим нивелирование. Один из его принципов — возврат к «*неестественной... простоте бедного... и не имеющего потребностей человека*»¹. Это по существу пародия на подлинный коммунизм.

Победа коммунизма подготавливается, согласно убеждению Маркса, в недрах строя, покоящегося на частной собственности. Но для обеспечения этой победы мало теоретического сознания. «Для уничтожения *идеи* частной собственности вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие»². Таким образом, Маркс подчеркивает необходимость революционной борьбы широких масс как средства осуществления коммунистической революции.

В философском плане Маркс прежде всего стремился ответить на вопрос: «...в каких же взаимоотношениях мы находимся с гегелевской *диалектикой*?»³ Критический разбор гегелевской философии явился одной из главных целей работы, предметом специальной, заключительной главы. «Экономическо-философские рукописи» содержат развернутую и довольно зрелую критику гегельянства, в частности «Феноменологии духа». С позиций последовательного материализма Маркс дает глубокий анализ философии Гегеля. Марксу удалось достигнуть ясного различения революционной и консервативной сторон этой философии. Он недвусмысленно отверг ее идеализм, указывая на оторванность форм абстракции и форм мышления у Гегеля от действительности и подчеркивая, что «абсолютная идея сама по себе есть ничто, что только *природа* есть нечто»⁴. В рамках материалистического истолкования категории отчуждения Маркс рассмотрел и оценил «*положительные моменты гегелевской диалектики*»⁵, его рациональные, хотя и выраженные в абстрактно-идеалистической форме, мысли о процессе развития и снятия отчуждения.

Несмотря на восторженное отношение к Фейербаху, Маркс выдвинул на первый план общественное производство, обществен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 115.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 152.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ Там же. С. 168.

ную практику. Всем своим изложением он далеко превзошел и преодолел концепцию Фейербаха, видевшего в отношениях между людьми лишь природные узы, истолковывавшего понятие человеческого рода лишь как естественное единство человека и природы.

Маркс исходил из признания решающего влияния общественной среды на формирование отношений между людьми. Он по существу доказал, что тщетно уповать на какое-либо изменение отношений в обществе в лучшую сторону, пока остаются неизменными определяющие их обстоятельства, то есть условия производства материальной жизни.

Таким образом, рукописи Маркса, хотя терминологически еще в неадекватной форме, отражали определенную стадию в формировании ряда важнейших положений диалектического и исторического материализма. Экономическо-философские рукописи 1844 года» показывают широту поисков Маркса, его усилия в процессе создания метода материалистической диалектики, столь важного для успешной критики буржуазных общественных наук и анализа общественных явлений.

Сотрудничество в газете «Vorwärts!»

После того как исчезли надежды на продолжение выпуска собственного печатного органа, Маркс стал искать возможности для печатных выступлений на страницах других изданий. Вскоре для него и для других бывших сотрудников «Deutsch-Französische Jahrbücher» представилась возможность печататься в эмигрантской газете «Vorwärts!».

Газета издавалась в Париже с начала 1844 г. предприимчивым немецким коммерсантом Генрихом Бёрнштейном, который в качестве редактора привлек оставного прусского офицера Адальберта Борнштедта, являвшегося, как это выяснилось позднее, тайным осведомителем прусской и австрийской полиции. «Vorwärts!» выходила 2 раза в неделю. Первоначально ее политическое направление было весьма умеренным. Выход «Deutsch-Französische Jahrbücher» газета встретила язвительными нападками, обозвав авторов напечатанных в нем статей «коммунистическим сбродом». Положение изменилось с приходом в мае 1844 г. на пост редактора радикала Карла Людвиг Бернайса. Образованный и революционно настроенный публицист, друживший с Марксом, сумел придать газете — несмотря на противодействие издателя Бёрнштейна — демократическое направление. Это сделало возможным сотрудничество в газете Маркса. В ней начали печататься также Гейне, Гервег, Эвербек, Бакунин, Бюргерс, Руге и др.

Еженедельные редакционные совещания проходили в столь бурных дебатах, что — как вспоминает один из редакторов газеты — нельзя было открыть окна, иначе бы на улице собрался народ,

чтобы узнать о причине неистового шума. Главные споры происходили между Марксом и Руге. Победу в этих спорах одержал Маркс, который с лета 1844 г. начал оказывать все большее воздействие на линию газеты. Под его влиянием она стала подвергать, как позднее писал Энгельс, «саркастическому осмеянию убожество тогдашнего немецкого абсолютизма и лжеконституционализма»¹.

Новые веяния в «Vorwärts!» не остались незамеченными буржуазной печатью. Штутгартская газета «Schwäbischer Merkur» сообщила, что в редакции «Vorwärts!» взяла верх «ультрарадикальная партия». Немецкий демократический журналист А. Вейль писал в июльском номере гамбургского журнала «Telegraph für Deutschland»: «Теперь Маркс и Руге разошлись навсегда, и это хорошо. Маркс и его соратники еще свершат важные дела, ибо они молоды и талантливы...»

Руководящая роль Маркса в газете «Vorwärts!» сказывалась не только в ее общей линии; в ряде корреспонденций чувствовалось непосредственное влияние его идей, в частности тех, которые развивались в «Экономическо-философских рукописях». Вейтлинг, искавший в то время знакомства с Марксом, писал ему в октябре 1844 г. из Лондона: «Я думаю, что узнал Вас в нескольких статьях в «Форвертсе», сопоставляя дух их с тем, что мне о Вас говорили...»²

Противоречия между Марксом и Руге вскоре вылились в публичную полемику. В июне 1844 г. в Силезии вспыхнуло восстание ткачей, протестовавших против невыносимой эксплуатации и нищенской оплаты труда. Это было первое открытое выступление немецкого пролетариата, вызвавшее отклики по всей Германии. В июне — июле 1844 г. волна забастовок и выступлений рабочих прокатилась от Баварии до Восточной Пруссии; серьезные рабочие волнения произошли в Чехии, подвластной империи Габсбургов. Немецкая буржуазия с тревогой должна была признать, что не только в Англии и Франции, но и в германских государствах пролетариат грозно и недвусмысленно заявил о своем существовании и своих требованиях. Охваченная страхом буржуазная печать писала, что «восстание ткачей показывает, какая глубокая пропасть отделяет капиталистов от пролетариев»³.

Реакция Руге на восстание была типичной для буржуазного публициста. В статье, напечатанной в газете «Vorwärts!» под псевдонимом «Пруссак», Руге утверждал, что силезские события являлись бессмысленным и бесплодным бунтом, лишенным «политической души». Он резко отрицательно отнесся к самостоятельному выступлению пролетариата.

Маркс ответил на это выступление Руге на столбцах той же газеты 7 и 10 августа 1844 г. Его ответ носил название «Критические

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 350, 353.

² Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы. М.: Л., 1962. С. 533.

³ Цит. по кн.: Кан С. Б. Два восстания силезских ткачей. М.: Л., 1948. С. 363.

заметки к статье «Пруссак» «Король прусский и социальная реформа». В этой работе Маркс в противовес Руге прежде всего подчеркнул огромное значение силезского восстания. Он увидел в нем проявление роста классового сознания немецких рабочих, пробуждающееся понимание ими своей коренной противоположности обществу частной собственности. Силезское восстание рассматривалось Марксом как один из знаменательных симптомов, свидетельствующих о могучих потенциях, которые заложены в рабочем классе — революционном преобразователе общества.

Выступление пролетариата и мещанское резонирование по этому поводу Руге побудило Маркса конкретизировать некоторые аспекты формирующейся у него идеи о всемирно-исторической миссии рабочего класса, еще глубже вдуматься в проблему путей социалистического обновления мира. В противоположность Руге, объявившему, что решение социального вопроса является призыванием не пролетарских масс, а политической власти, государства, в частности прусской монархии, Маркс решительно отверг мысль о возможности коренного общественного переустройства и ликвидации социальных бедствий трудящихся по инициативе представителей существующих государственных систем. Он пришел к выводу, что никакими реформами в рамках существующего строя, никаким государственным вмешательством невозможно уничтожить нищету — это порождение частной собственности.

Развивая высказанную уже в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» и в «Экономическо-философских рукописях» мысль о том, что переход к новому обществу невозможен без революционных действий масс, пролетариата, без революции, Маркс выдвинул в этой статье кардинальной важности положение: в революции ее политическая сторона — свержение существующей власти — и социальная сторона — разрушение старых общественных отношений — неразрывно связаны и взаимобусловлены. «Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер»¹. Таким образом, Маркс весьма близко подходит здесь к признанию необходимости завоевания пролетариатом политической власти.

Историческая встреча

В конце августа 1844 г. Маркса в Париже посетил Энгельс, возвращавшийся из Англии в Германию. В течение десяти дней его пребывания в Париже Маркс был почти неразлучен с ним. Ежедневные откровенные беседы обнаружили их полное единомыслие. совпадение точек зрения по всем вопросам теории и практики.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 448.

«Когда я летом 1844 г. посетил Маркса в Париже,— писал Энгельс,— выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях, и с того времени началась наша совместная работа»¹. Идею единого дополнения и возникшая симпатия друг к другу. Маркс и Энгельс стали друзьями и договорились о сотрудничестве во всех областях своей будущей деятельности. Они поделились своими планами и приняли решение о совместных выступлениях. Полное одобрение встретило у Энгельса, в частности, намерение Маркса написать книгу по политической экономии.

Маркс привлек своего нового друга к сотрудничеству в газете «Vorwärts!». Благодаря Марксу Энгельс познакомился с деятелями французского рабочего движения и рядом революционных эмигрантов, в том числе с Бакуниным. Они вместе посещали собрания французских социалистов и коммунистов. Когда Энгельс уехал на родину, у друзей имелась твердая договоренность информировать друг друга о всех дальнейших шагах. С тех пор они стали регулярно обмениваться письмами.

Встреча Маркса и Энгельса в Париже осенью 1844 г. положила начало их беспримерному творческому содружеству. «Старинные предания,— писал В. И. Ленин,— рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе»².

Подготовка к совместному с Энгельсом выступлению против младогегельянцев

К моменту приезда Энгельса в Париж у Маркса уже сложился замысел работы, направленной против младогегельянцев. Еще в статье «К критике гегелевской философии права. Введение» он открыто осудил «теоретическую партию», не шедшую в борьбе с немецкими реакционными порядками далее сферы философии. «Мы сохраняем за собой право,— писал Маркс,— вернуться к более подробному описанию этой партии»³. В предисловии к «Экономическо-философским рукописям 1844 года» Маркс открыто поставил вопрос о необходимости идейного размежевания с младогегельянством, как с «выродившимся в теологическую карикатуру завершением и следствием старой философской и в особенности гегелевской трансцендентности»⁴. О своем намерении выступить против Бауэра Маркс сообщил в начале августа 1844 г. Фейербаху.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 220.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 12.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 421.

⁴ Там же. Т. 42. С. 46.

Во время пребывания Энгельса в Париже выяснилось, что он полностью разделяет взгляды Маркса в отношении младогегельянцев. Маркс предложил ему написать совместно брошюру против братьев Бауэров.

К делу приступили сразу же. Энгельс написал свою часть размером около полутора печатных листов, еще находясь в Париже, а Маркс продолжал работу и после отъезда своего друга в Германию — в течение сентября — ноября 1844 г.

Для Маркса и Энгельса необходимость открытой критики младогегельянцев диктовалась рядом соображений. Они сознавали, что выработка научного пролетарского мировоззрения может быть осуществлена лишь в процессе постоянного размежевания с чуждыми идейными течениями. С другой стороны, и сами младогегельянцы, особенно берлинские, группировавшиеся вокруг братьев Бауэров, сильно изменились. Отрекшись от своих собственных демократических убеждений, делавших их идеологами радикальной буржуазии, лидеры младогегельянцев во многих отношениях эволюционировали вправо. Это были уже не прежние союзники в борьбе против религии и прусского государства. Они теперь представляли собой группу анархистствующих интеллигентов, высокомерно третировавших «массу», рассматривавших ее как нечто пассивное и инертное, как препятствие для прогресса. Единственным его двигателем, по мнению братьев Бауэров, была «критическая критика», воплощением которой они считали самих себя.

На страницах своего ежемесячника «Allgemeine Literatur-Zeitung», выпускавшегося Б. Бауэром в Шарлоттенбурге в 1843—1844 гг., младогегельянцы публично отрекались от своих оппозиционных настроений в прошлом. В опубликованной в восьмом выпуске этого издания статье Б. Бауэра «1842 год» автор прямо отмежевывался от «радикализма 1842 г.», который «нашел свое выражение в «Rheinische Zeitung»». Явно намекая на Маркса, Энгельса и других немецких сторонников социализма, Бауэр противопоставил свою позицию взглядам тех, кто «верит, что нашел в социализме новое слово». Он декларировал свое пренебрежительное отношение к политике, заявив, что критика перестала быть политической. В условиях Германии, шедшей навстречу буржуазной революции, подобная точка зрения являлась особенно вредной, ибо она игнорировала революционные возможности и действия рабочего класса, народных масс.

Направление, которое Бауэр придал «Allgemeine Literatur-Zeitung», было явно на руку реакции. Характерен в этом отношении отзыв правительственного чиновника, осуществлявшего над газетой цензурный надзор. «Бауэры, — писал он, — доставляют мне истинную радость, они прекрасно приспособились к цензурной инструкции». В противовес этому демократическая пресса подвергла тенденции Бауэров резкому осуждению.

Проповедуя субъективистские взгляды, младогегельянцы утверждали — и в этом объективно заключался реакционный социальный смысл их философии, — что преодоление каких-либо противоречий в сознании тождественно с их преодолением в действительности. Они, по словам Маркса, научились «превращать *реальные, объективные, вне меня* существующие цепи в *исключительно идеальные, исключительно субъективные, исключительно во мне* существующие цепи»¹.

Перед Марксом и Энгельсом встала задача развенчать мнимый радикализм младогегельянцев и в противовес «критической критике» изложить свои материалистические и коммунистические воззрения.

В процессе работы Маркса предполагавшаяся небольшая брошюра против Бауэров разрослась в объемистую книгу более 20 печатных листов. Маркс использовал в ней некоторые идеи и материалы, содержащиеся в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», в выписках из книг буржуазных экономистов и подготовительных работах по истории Конвента. В дополнение к этому он специально изучил произведения английских и французских материалистов Бэкона, Локка, Гоббса, Гельвеция и других. «Это хорошо, — писал Энгельс Марксу, узнав о значительном увеличении объема произведения, — по крайней мере появится многое из того, что иначе еще долго лежало бы в твоём письменном столе»².

Работа над рукописью книги была закончена в конце ноября 1844 г., но уже в конце сентября — начале октября в немецкой печати появились сообщения о том, что Маркс готовит брошюру против братьев Бауэров под названием «Критика критической критики», в которой последняя «должна быть совершенно уничтожена»³. Маркс рассчитывал издать книгу в Цюрихе у Ю. Фрёбеля, но Руге, бывший компаньоном Фрёбеля, сорвал намечавшуюся договоренность. Тогда Маркс попытался найти издателя в Париже, но и здесь его поиски не привели к успеху. Книга вышла в свет во Франкфурте-на-Майне в конце февраля 1845 г. под названием «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании».

«Святое семейство»

«Святое семейство» — работа по преимуществу философского содержания. Она содержит материалистическую трактовку многих важнейших проблем философии и является боевым выступлением против философских противников нового мировоззрения. Значительное место в работе занимает критика субъективного идеализма

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 90.

² Там же. Т. 27. С. 17.

³ Frankfurter Ober-Postamts-Zeitung. 14.X. 1844.

младогегельянцев. Поскольку философия младогегельянцев в ухудшенной, а зачастую в карикатурной форме воплотила все недостатки классического немецкого идеализма, критика Марксом и Энгельсом младогегельянства была по существу критикой идеализма в целом, его метода, извращенной формы, которую приняла у него диалектика. Критика эта велась с последовательно материалистических позиций. Высмеивая младогегельянское преклонение перед самосознанием, авторы «Святого семейства» писали, что «критическому критику... никак не может прийти в голову, что существует такой мир, в котором *сознание* и *бытие* отличаются друг от друга, — мир, который по-прежнему продолжает существовать, когда я упраздняю только его мысленное существование»¹.

В «Святом семействе» Маркс впервые с материалистической точки зрения дал анализ истории философии XVII — первой половины XIX в.: он рассматривал ее под углом зрения борьбы двух основных направлений в философии — материализма и идеализма. Маркс особо подчеркнул внутреннюю связь материалистических идей с идеями утопического социализма и коммунизма, а также связь истории материализма с развитием естествознания.

Признавая огромное прогрессивное значение материализма в истории философии, Маркс, однако, не отождествлял своих взглядов со взглядами предшествовавших ему философов-материалистов. Он закладывает основы нового материализма, обогащенного всеми завоеваниями диалектического метода — диалектического материализма.

Диалектику авторы «Святого семейства» рассматривают как неотъемлемое свойство самих объективных процессов развития материального мира, отражающееся в мышлении. Поэтому общественные явления анализируются в «Святом семействе» в их диалектическом движении, выявляются присущие им внутренние противоречия как источник этого движения, их борьба как предпосылка революционного перехода к новому качеству.

В процессе критики философских взглядов младогегельянцев Маркс вскрывает гносеологические корни идеализма, в частности отрыв единичного от всеобщего и восприятие конкретных, единичных вещей лишь как форм существования общих понятий. Спекулятивный философ, иронически писал Маркс, «совершил чудо: из недействительной *рассудочной сущности* «плод вообще» он произвел действительные *предметы природы* — яблоко, грушу и т. д.»². Процесс познания вещей путем выделения в них общего превращается у философов-идеалистов в «акт творения» этих вещей. В противовес этим идеалистическим и метафизическим концепциям Маркс дает диалектико-материалистическое толкование соотношения единич-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 210.

² Там же. С. 65.

ного и всеобщего. Показывая всю неправомерность отрыва общего от особенного и единичного, Маркс исходит из того, что правильно представить переход к общим понятиям от мира конкретных, чувственно воспринимаемых вещей можно лишь на основе раскрытия объективно присущих последним внутренних качеств.

Важный вклад был сделан в «Святом семействе» и в понимание диалектики единства и борьбы противоположностей. Анализируя природу антагонистического противоречия между буржуазией и пролетариатом, Маркс вскрывает внутреннюю структуру этого противоречия, различает в нем консервативную и революционную стороны. Он показывает, что «в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*»¹. Он подчеркивает непримиримость борющихся сторон, поскольку от частного собственника исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, а от пролетария — действие, направленное на его уничтожение. Вместе с тем пролетариат и буржуазия как противоположности представляют собой некоторое относительное единство, ибо оба порождены капиталистическим строем. Поэтому разрешение этого противоречия посредством пролетарской революции упраздняет и частную собственность и пролетариат как порождение этой собственности.

Основным стержнем всего содержания «Святого семейства» является разработка ряда исходных положений складывающегося материалистического понимания истории. В противовес младогегельянцам, превращавшим логические категории в нечто самостоятельно существующее и господствующее над поступками людей, Маркс и Энгельс четко сформулировали общий взгляд на историю как на «человеческую деятельность». ««История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей, — говорится в «Святом семействе». — История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека»².

Маркс углубил и свое понимание проблемы взаимоотношений государства и гражданского общества, заложив основы для разработки материалистического учения о базисе и надстройке. Он показал, что в каждую историческую эпоху существует определенная экономическая структура, которой соответствует определенный политический строй. «...Подобно тому как античное государство имело своей *естественной основой* рабство, точно так же *современное государство* имеет своей *естественной основой* гражданское общество...» — указывал Маркс³. Он сформулировал свое и Энгельса понимание буржуазного государства как «политической верхушки»

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 39.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 125–126.

буржуазного общества, тем самым очень близко подойдя к уяснению роли государства в целом как политической надстройки над экономическим базисом.

Маркс ясно отдавал себе отчет в том, что между государством и экономическим строем существует не только некое соответствие, но и глубокая диалектическая связь. Та или другая форма государства в конечном счете определяется экономическим строем общества, но и государство в свою очередь оказывает обратное воздействие на этот строй. Так, буржуазное государство, констатировал Маркс, разрушая стесняющие буржуазию феодальные права и привилегии, предоставляет простор развитию капитализма, способствует этому развитию.

Стремясь преодолеть расплывчатость и нечеткость понятия «гражданское общество», Маркс конкретизировал его в «Святом семействе». Он попытался выделить то главное, что определяет развитие общества. Он уже отчетливо видел, что этим определяющим фактором является производство материальных благ, и подходил к понятию производственных отношений, как общественных отношений между людьми, складывающихся в процессе производства. Говоря о специфике таких отношений, Маркс подчеркивал, что в них «предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку»¹.

Делая шаг вперед по сравнению с «Экономическо-философскими рукописями» в понимании материального производства, Маркс усматривал в нем основу всей истории человечества. Нельзя познать ни одного исторического периода, писал Маркс, не познав «промышленности этого периода, непосредственного способа производства самой жизни»².

В «Святом семействе» Маркс сформулировал важнейшее положение о решающей роли народных масс в истории и возрастании этой роли в ходе исторического развития. Роль трудящихся масс, отмечал Маркс, особенно раскрывается в революционные эпохи. Однако все происходившие до сих пор перевороты были революциями, совершавшимися в интересах меньшинства. Поэтому воздействие масс на ход истории в этих революциях было ограничено. Но в той мере, в какой общественный прогресс будет все больше отражать интересы самих масс, будут возрастать и масштабы их влияния на исторические процессы. Социалистическая революция, предсказывал Маркс, откроет эру, когда «вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является»³. В. И. Ленин особенно подчеркивал значение

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 47.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 90.

этой идеи, рассматривал ее как одну из самых глубоких идей Маркса об общественном развитии.

В тесной связи с процессом формирования материалистического понимания истории находилась у Маркса и Энгельса разработка теории научного коммунизма, и прежде всего учения о всемирно-исторической роли пролетариата как главной действующей и ведущей силы будущей социалистической революции. В «Святом семействе» Маркс впервые сформулировал мысль о социально-экономической обусловленности этой роли рабочего класса. Он показал, что капиталистическое общество развивается в рамках постоянного антагонизма двух сил — частной собственности и пролетариата. Развитие капиталистических отношений постоянно воспроизводит эту противоположность, в сохранении которой заинтересован капиталист, частный собственник. Пролетариат же, в жизненных условиях которого «все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности», стремится ликвидировать подобные отношения. «Пролетариат, — указывал Маркс, — приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой...»¹

Пролетариат, таким образом, призван разрушить капиталистическое общество в силу самого объективного положения в нем, независимо от того, «в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат». Все дело заключается в том, что он, сообразно «своему *бытию*, исторически вынужден будет делать»².

По мере того как пролетариат осознает свое историческое призвание — а осознать это ему помогает тяжесть капиталистической эксплуатации, — он начинает объединяться для борьбы против существующего строя. Это объединение, отмечал Маркс, превращает пролетариат в могучую силу.

Маркс затронул и вопрос об освободительной миссии пролетариата по отношению к другим эксплуатируемым классам. На опыте предшествовавших революций он показал, что в каждой из них в качестве руководителя выступает класс, движимый своими особыми интересами, которые в то же время, по крайней мере внешне, проявляются как общечеловеческие интересы. Так, в буржуазной революции речь шла о ломке экономических и политических отношений феодального строя прежде всего в интересах буржуазии, хотя эта ломка имела прогрессивное значение и для всего человечества. Но совпадение интересов буржуазии и народных низов здесь было временным и чрезвычайно ограниченным.

В противоположность этому классовый интерес пролетариата целиком и полностью совпадает с интересами «той массы, реальные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 40, 39.

² Там же. С. 40.

условия освобождения которой существенно отличны от тех условий, в рамках которых буржуазия могла освободить себя и общество»¹. Освобождая себя от эксплуататорского строя, пролетариат освобождает от него и все общество. Впервые в истории интерес передового класса действительно сливается с интересами широчайших масс трудящихся и приобретает в этом смысле характер общечеловеческого интереса. В этих рассуждениях Маркса были заложены первые элементы развитого им в будущем положения о пролетариате как классе-гегемоне, который осуществляет руководящую роль в революционно-освободительном движении угнетенных масс современного общества.

Маркс и Энгельс рассматривали пролетариат как творца не только материальных, но и духовных благ. «Критическая критика не создает ничего,— писали они,— рабочий создает все, до такой степени все, что он также и своими духовными творениями посрамляет всю критику»². В качестве примера они ссылались на работу П. Ж. Прудона «Что такое собственность?». Маркс и Энгельс выступили с защитой этой работы от младогегельянской критики. Они ценили у Прудона его обличение крупной капиталистической собственности. Вместе с тем они сознавали ограниченность взглядов Прудона, который, критикуя частную собственность, оставался на точке зрения самой же частной собственности. Подмеченные ими слабости Прудона составляли ядро его мелкобуржуазных реформистских воззрений, которые позднее обнаружили особенно наглядно.

Определяя место «Святого семейства» в развитии учения Маркса, В. И. Ленин писал, что здесь содержится «почти уже сложившийся взгляд Маркса на революционную роль пролетариата»³.

В новом произведении Маркса и Энгельса, хотя и в меньшей степени, чем в «Экономическо-философских рукописях», все еще сказывается, однако, значительное влияние Фейербаха. Перечитав в 1867 г. «Святое семейство», Маркс писал Энгельсу: «Я был приятно поражен, найдя, что нам нечего стыдиться этой работы, хотя культ Фейербаха производит теперь очень смешное впечатление»⁴. То, что Маркс называет «культом Фейербаха», связано с одной из особенностей процесса формирования взглядов его и Энгельса: шаг за шагом вырабатывая свое мировоззрение, они лишь постепенно осознавали его принципиально новый характер, причем это осознание отставало от объективного процесса развития их воззрений. Другими словами, пойдя в «Святом семействе» объективно значительно дальше Фейербаха, они субъективно считали себя его учениками. Поэтому еще в августе 1844 г. Маркс считал, что Фейер-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 88.

² Там же. С. 21.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 11.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 245.

бах дал социализму философскую основу. Будучи уже материалистами и коммунистами, Маркс и Энгельс называли себя, согласно фейербаховской терминологии, «реальными гуманистами», хотя в понятие «реальный гуманизм» ими вкладывалось новое содержание, неведомое и чуждое Фейербаху.

Однако помимо терминологической зависимости от Фейербаха и сам объективный процесс размежевания Маркса и Энгельса с его учением не был еще закончен. Формирование материалистического понимания истории отнюдь еще не завершилось. Эта задача была выполнена в последующих работах Маркса и Энгельса.

Маркс и Энгельс в «Святом семействе» продолжают пользоваться понятием отчуждения как главным и решающим при анализе закономерностей развития общества. Опираясь такими понятиями, как собственность, капитал, промышленность, наемный труд, Маркс продолжает называть их «отчужденными жизненными элементами», «конкретными продуктами самоотчуждения рабочих». Правда, весь анализ этих категорий пронизан глубоким историзмом. Больше того, в «Святом семействе» подвергается уничтожающей критике преклонение младогегельянцев перед отчуждением, их тенденция «все присущие человеку определения и проявления критически преобразовать в фантастические отдельные существа и в самоотчуждения человеческой сущности»¹. Тем не менее взгляд авторов «Святого семейства» на общественные формы и учреждения как на различные проявления отчужденной человеческой деятельности также носил еще отвлеченный характер. Намеченные пути научного исследования вели Маркса и Энгельса к более конкретно-историческому подходу к изучению общественных явлений. Сохранив свое значение для философского осмысления важных сторон действительности, категория отчуждения должна была в ходе дальнейшего анализа законов развития общества уступить основное место более точным и конкретным социологическим и экономическим понятиям.

В целом «Святое семейство» знаменовало собой важную веху на пути создания теоретических основ пролетарского мировоззрения и размежевания Маркса и Энгельса с их предшественниками и идеологическими противниками. Оно составляло более высокую ступень на том этапе развития взглядов Маркса, начало которому было положено статьями в «Deutsch-Französische Jahrbücher», «Экономическо-философскими рукописями».

Книга Маркса и Энгельса вызвала довольно оживленные отклики в немецкой прессе. Буржуазная «Kölnische Zeitung» 21 марта 1845 г. должна была констатировать, что книга выражает социалистические взгляды, поскольку в ней критикуется «несостоятельность всяких полумер, направленных на устранение современных

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 22.

общественных недугов». Радикальная «Mannheimer Abendzeitung» в рецензии, опубликованной 25 марта 1845 г., писала, что работа «Святое семейство» является наиболее глубокой и сильной среди всего, что написали в последнее время Маркс и Энгельс. В то же время реакционная газета «Rheinischer Beobachter», довольно точно уловив суть книги, резко высказалась в номере от 28 апреля 1845 г. против содержащейся в ней критики частной собственности, против «почитания чувственного и материального», «осмеяния всякой метафизики и философии», а также едких насмешек над всем христианско-германским. Еще сильнее было негодование «Allgemeine Zeitung», одной из самых крупных консервативных газет Германии. В книге, писала она 8 апреля 1845 г. о «Святом семействе», «каждая строчка проповедует мятеж... против государства, церкви, семьи, законности, религии и собственности... Короче говоря, в этой книге выступает самый радикальный, самый неприкрытый коммунизм, и это тем опаснее, что г-ну Марксу никак нельзя отказать ни в весьма обширных знаниях, ни в умении пользоваться polemическим арсеналом гегелевской логики, в том, что принято называть «железной логикой»».

Бруно Бауэр откликнулся на книгу столь же претенциозной, сколь и беспомощной статьей, в которой жаловался на то, что его, мол, не поняли и исказили. Краткий ответ Маркса и Энгельса на эту «антикритику» (он был опубликован в январе 1846 г. в журнале «Gesellschaftsspiegel») заканчивался следующими словами: «Прибегнув к крайне неискусной *подтасовке*, к самой плачевной поддержке, *Бруно Бауэр* только подтвердил в последней инстанции смертный приговор, вынесенный ему *Энгельсом* и *Марксом* в «Святом семействе»¹.

Высылка из Парижа

Осенью 1844 г. над газетой «Vorwärts!» сгустились тучи. Революционно-демократическое направление газеты, обсуждение на ее страницах острых социальных вопросов, в частности положения рабочего класса, публикация блестящих сатирических стихотворений Гейне сделали ее популярной среди демократически настроенных читателей. Газета имела 800 подписчиков, что для эмигрантского органа печати представляло в то время значительную цифру.

Реакционная печать обрушилась на «Vorwärts!» с грубыми нападениями. «Эта газета хуже любого французского листка периода первой революции», — писала парижская «Le Globe». «Потерпят ли правительства германских государств, потерпит ли французское правительство существование этого листка», — вопрошала 19 сентября 1844 г. «Elberfelder Zeitung», требуя принятия против этой «опас-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 348.

ной прессы» самых решительных мер. Однако опасения относительно терпимого отношения к «Vorwärts!» со стороны французского и прусского правительств были напрасными. У прусских, как и у французских властей обличительный тон газеты вызывал крайнее раздражение.

Еще в июле 1844 г. прусский посол в Париже пытался добиться у французского правительства закрытия газеты на том основании, что она «проповедует цареубийство» (имелся в виду отклик «Vorwärts!» на покушение бургомистра Чеха на короля Фридриха-Вильгельма IV). Не рискуя ввиду вздорности этого обвинения выносить дело на суд присяжных, французское правительство воспользовалось тем, что за газету не был внесен необходимый залог, и бросило в тюрьму ответственного редактора Бернайса. Редакция газеты приняла решение сделать «Vorwärts!» ежемесячником, что не требовало внесения залога. Тогда французские власти 16 января 1845 г. издали распоряжение о высылке из Франции сотрудников «Vorwärts!» — Маркса, Гейне, Бюргерса, Бакунина и других. Этот шаг, предпринятый под давлением прусских правящих кругов, вызвал волну возмущения в демократических кругах Франции и Германии. Орган мелкобуржуазных демократов и социалистов газета «Réforme» 4 февраля 1845 г. писала о деспотическом акте французского правительства и призывала другие газеты поднять голос протеста против этой меры. Журнал «Fraternité de 1845», выпускавшийся рабочими-бабувистами, в мартовском номере обличал интриги прусского короля, направленные на то, чтобы из Парижа были высланы «немецкие литераторы» и среди них «философ-коммунист г-н Карл Маркс из Трира». Радикальная «Trier'sche Zeitung», сообщая о распоряжении правительства Гизо, подчеркивала, что со времен Директории против иностранцев не предпринималось столь строгих мер. Под давлением общественного мнения французскому правительству пришлось пойти на некоторые уступки, в частности отменить распоряжение о высылке Гейне. Но по отношению к Марксу оно осталось непреклонным.

3 февраля 1845 г. Маркс выехал из Парижа в Брюссель. Спустя некоторое время за ним последовала с малолетней дочерью его жена, которой пришлось в короткий срок, отведенный властями, распродать за бесценок мебель, чтобы выручить нужные на переезд деньги.

Так завершился парижский период жизни и деятельности Маркса. В Париж он приехал, еще находясь в процессе поисков нового мировоззрения. В столице Франции произошел окончательный переход его на позиции материализма и коммунизма. Из Парижа Маркс уезжал, имея перед собой ясную цель — продолжить обоснование и разработку нового революционного учения, способствовать распространению и пропаганде его идей в пролетарской и демократической среде.

*Глава
третья*

Материалистическое понимание истории

Величайшим завоеванием научной мысли
явился *исторический материализм* Маркса.
Хаос и произвол, царившие до сих пор
во взглядах на историю и на политику,
сменились поразительно цельной и стройной
научной теорией, показывающей,
как из одного уклада общественной жизни
развивается, вследствие роста производительных сил,
другой, более высокий...

В. И. Ленин

В Брюсселе

Прибыв в начале февраля 1845 г. в Брюссель, Маркс не сразу сумел подыскать себе постоянное жилище по средствам и лишь в начале мая поселился со своей семьей в доме № 5 на улице Альянс, находящейся в стороне от центра города и населенной в значительной мере рабочими. Здесь Маркс прожил около года. После этого он переехал в один из старинных уголков Брюсселя — на площадь Сент-Гюдюль. С октября 1846 по февраль 1848 г. семья Маркса жила на улице д'Орлеан (позднее переименована в улицу дю Президан), № 42. Последним местопребыванием Маркса в Брюс-

селе — в феврале — марте 1848 г. — была снова площадь Сент-Гюдюль.

Маркс пробыл в Бельгии более трех лет. Эти годы были наполнены огромным трудом. Наряду с разработкой научных основ нового, пролетарского мировоззрения, здесь развернулась и напряженная практическая деятельность Маркса по сплочению передовых элементов пролетариата и созданию революционной пролетарской партии.

В творческом отношении брюссельский период жизни Маркса был чрезвычайно плодотворным. Важнейшим результатом уже первых полутора лет этого периода явилась разработка целостной концепции материалистического понимания истории в двух выдающихся произведениях: «Тезисах о Фейербахе» Маркса и «Немецкой идеологии», написанной им совместно с Энгельсом.

Маленькая Бельгия была в то время одной из передовых в экономическом отношении стран Европы. Буржуазная революция 1830 г. привела к отделению ее от Голландии и обеспечила ей не только национальную независимость, но и значительную экономическую самостоятельность. К середине 40-х гг. Бельгия располагала развитой угледобывающей, машиностроительной, текстильной промышленностью. Крупное машинное производство приходило на смену мануфактуре, вытесняя мелкое ремесло и традиционные домашние промыслы. Типичными являлись последствия развития капитализма для трудящихся масс. Заработная плата большинства рабочих была мизерной; продолжительность рабочего дня доходила до 14 часов. В широких масштабах, в том числе и на шахтах, применялся женский и детский труд. Настоящим бичом трудящихся была безработица.

Положение бельгийских трудящихся давало обильную пищу для анализа социальных противоречий, присущих капитализму. В сознании Маркса глубоко запечатлелся контраст между нищетой народных масс Бельгии и ее внешним экономическим «процветанием».

Антидемократический характер буржуазной монархии проявлялся на каждом шагу. Хотя в стране действовала либеральная конституция 1831 г., высокий имущественный ценз сводил число избирателей всего к 1% населения. «Наша конституция только тем и хороша, — заявил министр внутренних дел Бельгии 40-х гг. Нотомб, — что народ соглашается совсем ею не пользоваться!»

Правящие круги Бельгии не могли, однако, помешать распространению демократических и социалистических идей. С 1823 г. в Брюсселе жил видный коммунист-утопист Буонарроти, издавший здесь в 1828 г. свою знаменитую книгу «Заговор во имя равенства, или так называемый заговор Бабёфа». Пропагандировалось также учение Сен-Симона и Фурье. Под влиянием утопического социализма находились отдельные представители радикально-демократи-

ческой оппозиции. Некоторые из них вели агитацию среди бельгийского пролетариата в пользу демократической республики. Приобщению передовых элементов бельгийского общества к революционным идеям способствовали и обосновавшиеся в Бельгии политические эмигранты из Польши, Италии, Германии и Франции.

Бельгийские власти весьма неохотно предоставляли убежище революционным эмигрантам. Появление Маркса в Брюсселе доставило королевскому правительству немалое беспокойство. Министр юстиции предписал полиции установить тайное наблюдение за этим «опасным демократом и коммунистом». 22 марта 1845 г. Маркса вызвали в управление полиции и заставили подписать обязательство не печатать в Бельгии ничего по вопросам текущей политики. Только при этом условии ему было разрешено пребывание в Брюсселе.

Не оставляло в покое Маркса и прусское правительство, по наущению которого он был изгнан из Франции. Теперь же оно добивалось высылки его из Бельгии. Для того чтобы лишить прусские власти формального предлога вмешиваться в его судьбу, Марксу в декабре 1845 г. пришлось официально выйти из прусского подданства.

Несмотря на полицейские придирки властей и ограниченность в средствах — главным источником существования стали довольно нерегулярные литературные заработки, — Маркс и его семья быстро освоились на новом месте. Как и в Париже, в Брюсселе в доме Маркса царил неизменная жизнерадостность. Яркость ума, энциклопедические знания и блистательное остроумие Маркса, гостеприимство и такт, незаурядное образование и обаяние Женни сделали их квартиру любимым местом встреч не только революционных эмигрантов, но и многих передовых представителей бельгийской интеллигенции. Она стала своего рода политическим клубом для немецких социалистов, французских революционеров, польских, бельгийских и русских демократов. Нередко Маркс и его друзья проводили вечера в соседнем кафе, ведя оживленные беседы и споры на философские, политические и литературные темы.

Старые парижские друзья (Гейне, Эвербек, Гервег, Бернайс и др.) вели с Марксом переписку. Устанавливались новые знакомства и связи. Репутация Маркса как выдающегося революционного мыслителя, его произведения пробуждали у многих желание познакомиться с ним. Большую роль в этом отношении сыграл выход в свет книги «Святое семейство». Дружески расположенный к Марксу немецкий публицист Георг Юнг, прочитав это произведение, писал ему в конце февраля 1845 г.: «Вы должны теперь стать для всей Германии тем, чем уже являетесь для своих друзей. Своей блестящей манерой письма и большой ясностью своей аргументации Вы заставите здесь признать себя и станете звездой первой величины»¹.

¹ MEGA. B., 1985. Abt. I. Bd. 3. S. 458.

26 сентября 1845 г. в семье Маркса родилась вторая дочь — Лаура, а в декабре 1846 г. появился на свет сын, названный Эдгаром в честь младшего брата Женни и близкого друга Маркса Эдгара фон Вестфалена. В первый же год пребывания Маркса в Брюсселе состав его семьи фактически пополнился еще одним человеком. Мать Женни, Каролина фон Вестфален, решила прислать ей в помощь свою служанку, двадцатидвухлетнюю Елену Демут. Она сделалась настоящим добрым гением семьи Маркса, привязавшись к ней всей душой. Наделенная природным умом и энергичным характером, Елена взяла на себя главные заботы по дому. Все домашние, в первую очередь сам Маркс, безропотно подчинялись «диктатуре» доброй и заботливой Ленхен. Маркс и его жена относились к ней с глубоким уважением и сердечной теплотой.

Приезд Энгельса. Замысел нового философского труда

В начале апреля 1845 г. в Брюссель из Бармена приехал Фридрих Энгельс, сразу же вошедший в дом Маркса на правах самого близкого друга. Когда Маркс переселился на улицу Альянс, Энгельс снял квартиру, помещавшуюся по соседству, в доме № 7. В Брюсселе Энгельс впервые лично познакомился с женой Маркса, отсутствовавшей в Париже во время его памятной встречи с Марксом осенью 1844 г.

Источником искренней радости и гордости за своего друга явилась для Маркса книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», напечатанная в Лейпциге и вышедшая в свет в конце мая 1845 г. Маркс в полной мере оценил глубину содержания, яркость языка этого реалистического описания тяжелой жизни и борьбы английского пролетариата — произведения, названного позднее В. И. Лениным «ужасным обвинением капитализма и буржуазии»¹. В книге своего соратника Маркс нашел выражение и своих идей о великой исторической миссии рабочего класса — идей, к которым Энгельс пришел самостоятельно, на собственном жизненном и научном опыте. Предпринимая разработку своего экономического учения, Маркс во многом опирался на данные и выводы этой книги.

Весной 1845 г., к моменту приезда Энгельса в столицу Бельгии, Маркс уже сознавал необходимость разработать материалистическое понимание истории как философскую основу научного коммунизма. Намерение развить в положительной форме свои философские и социальные взгляды и вместе с тем подвергнуть критике новейшие философские и социальные доктрины было высказано Марксом и Энгельсом еще в сентябре 1844 г. в заключительных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 9.

словах предисловия к «Святому семейству». Когда Энгельс приехал в Брюссель, Маркс уже смог изложить ему в общем виде свою новую, материалистическую концепцию истории. И они решили сообща всесторонне разработать это новое мировоззрение в противоположность идеалистическим взглядам представителя немецкой философии.

Каждый из друзей не оставлял и своих индивидуальных научных и литературных планов. Энгельс продолжал заниматься экономикой и историей Англии. Маркс возобновил свои экономические исследования, предполагая изложить их результаты в большом экономико-социологическом труде и в отдельных статьях. Так, еще до приезда Энгельса в Бельгию он работал над статьей о книге Ф. Листа «Национальная система политической экономии». И он и Энгельс намеревались тогда вступить в открытую полемику с этим идеологом немецкой буржуазии, глашатаем системы экономического протекционизма. И хотя это намерение не было в то время осуществлено, сохранившийся набросок статьи Маркса против Листа свидетельствует, как глубоко подходил он к критике представителей буржуазной экономической мысли. В воззрениях Листа Маркс увидел отражение специфических черт немецкой буржуазии, пытавшейся высокопарными фразами о служении «национальным идеалам» замаскировать свою корыстную жажду обогащения, эксплуататорские и националистические вожеления, страх перед более сильными иностранными конкурентами, раболепие перед юнкерством и бюрократией. Именно так истолковал Маркс туманные рассуждения Листа о «национальной конфедерации производительных сил». «Немецкий буржуа,— писал он, оценивая разбираемую книгу,— начинает свое созидание богатства с сотворения некоей сентиментально напыщенной, лицемерно идеализирующей политической экономии»¹.

Анализируя работу Листа, Маркс развивал свои взгляды на такие категории политической экономии, как «труд», «меновая стоимость» и др. Намечая пути материалистического истолкования важнейшего социологического понятия «производительные силы», он решительно отбросил идеалистическую интерпретацию этого понятия, которая была дана Листом, а также подверг критике последователей Сен-Симона за то, что они рассматривали «производительные силы» (используемые человеком в процессе производства силы природы, собственные силы и средства, полученные в результате промышленной деятельности) абстрактно, вне той общественной формы, в которой происходит их развитие при данных социальных условиях. Маркс указал на уродующее влияние на производительные силы капиталистических отношений. Подчеркивая, что капитализм стал для них оковами, которые необходимо уничтожить, он тем самым при-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 230.

близился к своему будущему открытию о решающей роли в общественном процессе диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений это положение было вскоре сформулировано в «Немецкой идеологии». Таким образом, и в ходе экономических занятий перед Марксом постоянно вставала задача выработки новых общеметодологических принципов изучения общественных явлений, базирующихся на научном понимании истории.

К тому времени, когда у Маркса уже окончательно, хотя еще только в общих чертах, сложилось принципиально новое воззрение на историю человеческого общества, ему стала ясна также не только несовместимость нового мировоззрения со взглядами Фейербаха на общество, но и их полная противоположность. Требовалось размежеваться и с мнимым коммунизмом Фейербаха, который стал говорить о своих «коммунистических убеждениях» и именовал себя «коммунистическим отшельником из Брукберга». Следовало выявить коренное отличие от этих псевдокоммунистических взглядов подлинно революционной коммунистической теории.

Сознавая беспоследовательность и ограниченность материализма Фейербаха, Маркс продолжал ценить заслуги немецкого мыслителя в развитии прогрессивной философии. Всю свою жизнь Маркс и Энгельс питали глубокое уважение к Фейербаху. Когда в сентябре 1872 г. философ скончался, социал-демократический депутат рейхстага Антон Меммингер возложил на его могилу венок от имени Маркса и его соратников по Международному Товариществу Рабочих и немецкой Социал-демократической рабочей партии.

«Тезисы о Фейербахе»

Возникший у Маркса замысел нового философского произведения нашел свое отражение в его «Тезисах о Фейербахе». Маркс набросал эти одиннадцать тезисов весной, скорее всего в апреле, 1845 г. в записной книжке, которой он пользовался в Париже и Брюсселе с 1844 по 1847 г. Эти наскоро набросанные заметки, подлежавшие дальнейшей разработке, занимают всего пять рукописных страничек, но они, пожалуй, не имеют себе равных по концентрации и глубине мысли, по ясности и точности формулировок. Они представляют, по определению Энгельса, «первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения»¹.

Центральная идея тезисов — решающая роль материальной революционной практики в жизни общества. Практика, указывает Маркс, есть исходный пункт, основа, критерий и цель всякого, в том числе, следовательно, и философского познания.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 371.

До Маркса отдельные философы догадывались и даже декларировали, что практика есть критерий и цель познания. Но только с позиций пролетариата — последовательно революционного класса — возможно было действительно понять роль практики в жизни общества и в процессе познания, значение этой категории для философии. Введение категории практики в теорию познания означало подлинную революцию в гносеологии и явилось одним из главных элементов революционного переворота во всей философии.

С позиций нового мировоззрения Маркс подвергает критике и прежний материализм за его созерцательность, и идеализм за сведение практики к чисто теоретической деятельности. Это не означает, однако, что Маркс пытается стать над материализмом и идеализмом. Свое мировоззрение он со всей решительностью определяет как новый материализм.

В противоположность идеализму Маркс подчеркивает: чтобы изменить действительность, недостаточно чисто теоретической критики, необходима практически-критическая, революционная деятельность, необходимо изменить не только сознание, но и бытие. Только в процессе революционной практики человек изменяет как окружающую его действительность, так и самого себя.

В противоположность метафизическим и антиисторическим представлениям Фейербаха о человеке как абстрактном изолированном индивиде Маркс формулирует одно из важнейших положений исторического материализма: сущность человека есть совокупность всех общественных отношений. Человек существует в обществе, он есть продукт общества, и притом — не общества вообще, а каждый раз определенной формы общества.

С точки зрения последовательного, пролетарского атеизма Маркс решает вопрос об условиях преодоления религии. Домарксовские материалисты, в особенности Фейербах, свели религию к ее земной основе и подвергли глубокой критике. В этом была их историческая заслуга. Но только Маркс показал, что религия вырастает из противоречий этой земной основы, из социальных антагонизмов, и что для устранения религии необходимо революционизировать существующее общество. Позднее эта мысль была развита дальше и получила классическую формулировку в первом томе «Капитала».

Существенными чертами предшествующего материализма были его созерцательность и метафизичность. Маркс противопоставляет созерцанию революционную практику, старому материализму — новый, диалектический материализм как философскую основу коммунизма. Принцип нового мировоззрения он классически формулирует в заключительном тезисе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 4.

Новое мировоззрение, исходные положения которого Маркс столь сжато и чеканно сформулировал в гениальных «Тезисах о Фейербахе», было разработано Марксом и Энгельсом в их совместном труде «Немецкая идеология».

*«Библиотека выдающихся иностранных социалистов».
Выступление в печати*

Одновременно Маркс и Энгельс делали попытки реализовать план выпуска «Библиотеки выдающихся иностранных социалистов». Об этом плане Энгельс неоднократно писал Марксу в феврале — марте 1845 г. из Бармена. Издание было задумано с целью ознакомления немецких читателей с произведениями выдающихся представителей французского и английского утопического социализма, для того чтобы пробудить интерес к социалистической мысли и к критике буржуазного общества социалистическими писателями. Предполагалось снабдить первый выпуск «Библиотеки» общим введением, осветив в нем историю развития социалистических идей, а также дать развернутый критический комментарий к каждому из публикуемых произведений, обращая в нем внимание в первую очередь на рациональные элементы в учении того или иного социалиста-утописта.

Беглые пометки, сохранившиеся в упомянутой записной книжке Маркса, той самой, в которой он несколько позднее записал свои «Тезисы о Фейербахе», показывают, насколько широко была задумана эта серия публикаций. Она должна была охватывать произведения Морелли, Мабли, Сен-Симона и его школы, Фурье и его ученика Консидерана, Оуэна, Кабе, Прудона и других писателей. Специальное место отводилось сочинениям утопистов, которые являлись сторонниками революционных методов преобразования общества: Бабёфу, Буонарроти, Дезами. Маркс предполагал также включить в «Библиотеку» произведения идеологов плебейских масс периода Великой французской буржуазной революции: представителей «Социального кружка», вождей «бешеных» Ру и Леклерка, левого якобинца Эбера. Не забыт был и англичанин Годвин, развивавший взгляды, близкие социалистическим учениям.

Идея осуществления этого издания свидетельствует о том, что разрабатываемое Марксом новое учение опиралось на все предшествующее развитие мировой культуры и цивилизации. Критика слабых сторон утопического социализма не мешала Марксу и Энгельсу видеть в нем ценные элементы, усвоение которых не противоречило выработке и пропаганде нового, революционно-пролетарского мировоззрения, а, наоборот, облегчало решение этой задачи.

Трудности с изданием задуманной серии, а также обнаружившаяся шаткость идейных позиций одного из намеченных соредак-

торов «Библиотеки» Мозеса Гесса помешали осуществлению задуманного плана. Единственной выполненной работой явился сделанный Энгельсом перевод нескольких глав из произведения Фурье «О трех внешних единствах», который с его введением и заключением был опубликован в виде журнальной статьи под заглавием «Отрывок из Фурье о торговле».

В 1845 г. Маркс написал статью «Пеше о самоубийстве», которая была опубликована в январском выпуске 1846 г. журнала «Gesellschaftsspiegel», издававшегося в Эльберфельде. В ней Маркс заставляет свидетельствовать против буржуазного общества одного из его представителей, буржуазного юриста и статистика, занимавшего пост хранителя полицейских архивов Парижа. На материалах этих архивов Жак Пеше написал свои мемуары, извлечения из которых и привел Маркс. Эти факты из полицейской хроники обнажают отталкивающие стороны буржуазной морали, нравов и быта. Они не только раскрывают социальную подоплеку самоубийств — безысходную нищету, безработицу и т. д., — но и показывают морально-психологические мотивы, толкающие людей на такой акт отчаяния. В буржуазном мире, подчеркнул Маркс своей статьей, господствует грубый эгоизм, постоянное ущемление человеческой личности, приводящее многих к внутренней опустошенности и разочарованию в жизни, царят ханжество, лицемерие, попрание естественных человеческих чувств, уродливые отношения в семье.

Первые последователи

Разработку теоретических основ нового революционного учения Маркс и Энгельс не отделяли от задачи распространения складывающегося революционного мировоззрения среди участников тогдашнего освободительного движения рабочего класса. «На нас лежала обязанность научно обосновать наши взгляды, — писал позднее, вспоминая об этом периоде, Энгельс, — но не менее важно было для нас убедить в правильности наших убеждений европейский и прежде всего германский пролетариат»¹. Поэтому уже в первый год пребывания в Брюсселе Маркс и Энгельс предпринимают шаги к укреплению связей с революционной интеллигенцией и передовыми представителями рабочего класса.

Распространение своих идей Маркс и Энгельс осуществляли первое время не столько посредством печати, доступ к которой был для них тогда весьма ограничен, сколько путем личного общения с революционным крылом брюссельской эмиграции, с бельгийскими демократами, с друзьями, оставшимися в Германии и Франции. К Марксу и Энгельсу тянулось все самое лучшее. Среди окружавших их людей начинало складываться ядро единомышленников.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 221.

Для многих из них процесс усвоения нового мировоззрения был связан с ломкой и пересмотром привычных взглядов, с преодолением, не всегда быстрым и полным, мелкобуржуазных идейных влияний. Маркс и Энгельс всеми силами содействовали формированию этой первой когорты пролетарских революционеров.

Многие друзья Маркса и Энгельса были, как и они, уроженцами Рейнской провинции Пруссии. В Брюссель из Парижа Маркса сопровождал Генрих Бюргерс. В столице Бельгии он пробыл до осени 1845 г., затем вернулся в Кёльн, где действовал как сторонник Маркса. Познакомившийся в ноябре 1844 г. в Париже с Марксом молодой врач Роланд Даниельс по возвращении в Кёльн стал поддерживать связь со своим новым знакомым. Встреча с ним явилась переломным моментом в жизни Даниельса и оказала большое влияние на формирование его взглядов. Вскоре Даниельс стал последовательным приверженцем учения Маркса.

В период пребывания в Брюсселе Маркс и Энгельс сблизились также с отставным артиллерийским офицером Иосифом Вейдемейером. В 1845 г. под влиянием оппозиционных настроений Вейдемейер покинул ряды прусской армии и занялся журналистикой. Он увлекся социалистическими идеями. Одним из первых в Германии Вейдемейер напечатал рецензию на книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». В скором времени Вейдемейер стал «одним из лучших борцов немецкой рабочей партии»¹, сыграв позднее также выдающуюся роль в пропаганде научного коммунизма в США.

Летом 1845 г. на некоторое время в столицу Бельгии приехал талантливый немецкий поэт и публицист Георг Веерт, подружившийся с Энгельсом еще в Англии в 1843 г. Весной 1846 г. он поселился в Брюсселе в качестве агента немецкой торговой фирмы. К этому времени Веерт опубликовал ряд очерков, статей, стихотворений, рисующих бедствия рабочего класса и отразивших рост его революционных настроений. Так, в стихотворении «Литейщик пушек» Веерт писал от имени рабочих:

...Настанет час
Грозы и битв суровых,
Когда ударим против вас
Из десятидюймовых!²

Идейное воздействие Энгельса и Маркса, с которым Веерта со времени брюссельского знакомства также связали узы прочной дружбы, окончательно определило революционно-коммунистический характер творчества этого зачинателя пролетарской литературы в Германии, ставшего «первым и самым значительным поэтом немецкого пролетариата»³. Именно в годы тесного общения с

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 22.

Веерт Г. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 56.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 5.

Марксом и Энгельсом он создал наиболее яркие образцы своей революционной поэзии — цикл «Песни подмастерьев».

Влияние Маркса сыграло решающую роль и в развитии творчества другого революционного поэта — Фердинанда Фрейлиграта. До 1844 г. Фрейлиграт выступал как представитель романтического направления, увлекался ложной экзотикой, проповедовал идеи «чистого искусства». Однако позднее наметился поворот поэта к реальной действительности и в его стихотворениях зазвучали революционные мотивы. В феврале 1845 г. Фрейлиграт встретился с Марксом в Брюсселе, и, несмотря на то что их знакомство тогда было кратковременным — Фрейлиграт вскоре уехал в Швейцарию, — оно оставило в сознании поэта глубокий след. В его творчестве, правда, сказывалось сильное влияние «истинного социализма», но некоторые его произведения свидетельствовали о восприятии и коммунистических идей. В стихотворении «Снизу наверх!» Фрейлиграт, например, следующим образом выразил в поэтической форме складывавшееся у него под влиянием Маркса и Энгельса понимание могучих революционных потенций, заключенных в рабочем классе:

Мы сила! Новый мир создать мы сможем, уничтожив ад.
Ведь божьей ненавистью мы — доньне пролетариат!¹

Позднее других появился в Брюсселе человек, которому суждено было стать одним из самых близких соратников и друзей Маркса и Энгельса. Это был Вильгельм Вольф — сын крепостного крестьянина, учитель из Силезии, получивший известность своими смелыми выступлениями в печати, особенно описанием бреславльских трущоб и открытой защитой восставших в 1844 г. силезских ткачей.

Спасаясь от грозивших ему полицейских преследований, Вольф эмигрировал в Англию, а затем в апреле 1846 г. переехал в Брюссель. Здесь он прежде всего поспешил разыскать Маркса и Энгельса. Энгельс впоследствии так описывал их встречу: «Маркс и я жили в то время в одном из предместий Брюсселя; мы были как раз заняты вместе одной работой, когда нам сообщили, что с нами желает говорить какой-то господин из Германии... Это был Вильгельм Вольф... Не прошло и нескольких дней, как между нами и новым товарищем по изгнанию установились сердечные дружеские отношения, и мы могли убедиться, что имеем дело с отнюдь не заурядным человеком. Его ум, прекрасно воспитанный в школе классической древности, его богатый юмор, ясное понимание трудных теоретических проблем, его пламенная ненависть ко всем угнетателям народных масс, его энергичный и в то же время спокойный нрав, — все это раскрылось перед нами сразу; но понадобились долгие годы совместной деятельности и дружеского общения в борьбе,

Фрейлиграт Ф. Избранные произведения. М., 1956. С. 154.

в победе и в поражении, в хорошие и плохие времена, чтобы мы могли во всей полноте оценить непоколебимую стойкость его характера, его абсолютную, не вызывающую никаких сомнений верность, его неизменное чувство долга, одинаково строгое по отношению к врагу и к другу, а также и к самому себе»¹.

Со временем в круг друзей и знакомых Маркса вошли и рабочие-эмигранты: наборщики Валлау и Борн, переселившийся в Брюссель из Парижа немецкий рабочий Юнге и другие.

Маркс оказал влияние и на наиболее революционные элементы бельгийской демократии, способствуя их переходу на позиции пролетариата. В частности, к его бельгийским друзьям принадлежали кандидат философии и изящной словесности Филипп Жиго, а также адвокат и революционный публицист из Льежа Виктор Тедеско, сблизившийся с Марксом и Энгельсом позднее, в 1847 г.

Маркс поддерживал тесные отношения и с людьми, далекими от коммунизма, но разделявшими революционно-демократические убеждения. Так, другом семьи Маркса в это время стал выдающийся польский историк и революционер, активный участник польского восстания 1830—1831 гг., лидер революционно-демократического крыла польской эмиграции Иоахим Лелевель. Он был частым гостем Маркса.

Поездка в Англию

Для ознакомления с английской научной, в первую очередь экономической, литературой, отсутствовавшей в Брюсселе, и изучения социально-экономических условий Англии Маркс летом 1845 г. совместно с Энгельсом совершили поездку в эту страну. Пребывание Маркса и Энгельса в Англии продолжалось примерно с 12 июля по 21 августа. За это время друзья побывали в Лондоне и Манчестере. Почти полуторамесячное знакомство с наиболее развитой из всех капиталистических стран позволило Марксу лучше представить себе характерные для капиталистического общества явления, которые в других странах он мог наблюдать в менее четких и законченных формах.

Весьма важным для Маркса было непосредственное знакомство с английским рабочим движением и установление личных контактов с его представителями. Английский пролетариат достиг к тому времени сравнительно высокого уровня политической сознательности и организованности. В течение десяти лет Британские острова представляли собой арену мощной борьбы рабочего класса за Народную хартию. У сторонников хартии была своя партия — Нацио-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 57.

нальная чартистская ассоциация, основанная в 1840 г. и располагавшая сетью местных организаций. В годы подъема чартизма она насчитывала до 50 тыс. членов. У чартистов имелся значительный опыт организации массовых митингов и демонстраций, издания печатных органов. В момент приезда Маркса чартистское движение, после известного спада, который последовал за неудачей организованных чартистами выступлений рабочих в 1842 г., начало вновь оживляться и шло навстречу своему последнему бурному взлету в 1847—1848 гг.

Первая научная характеристика чартизма как политического движения рабочего класса, имеющего глубокие социальные корни и объективно направленного против капиталистического строя, была дана Энгельсом в его книге о положении английского рабочего класса. Предстояло продолжить изучение чартистского движения в свете складывавшихся у Маркса и Энгельса философских и политических концепций и использовать обобщение его опыта для дальнейшего развития положения о всемирно-исторической роли рабочего класса, для выяснения форм его борьбы и подлинных путей освобождения трудящихся от гнета капитала.

Заслуживал внимания и опыт деятельности английских тредюнионов, являвшихся в то время значительной силой, а также пролетарских и демократических организаций, созданных в Англии революционными эмигрантами. Лондон был одним из центров деятельности Союза справедливых, который постепенно превращался из немецкой организации в интернациональную. Еще в 1840 г. деятелями Союза справедливых было создано открытое Лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих.

В лице Энгельса у Маркса был незаменимый спутник в поездке. Прожив в Англии около двух лет, Энгельс великолепно владел английским языком, который к тому времени Маркс еще недостаточно усвоил. Энгельс был знаком со многими лидерами чартистского движения, являлся корреспондентом ряда чартистских и социалистических газет, в том числе главного органа чартистов «Northern Star». Еще в 1843 г. Энгельс лично познакомился в Лондоне с руководителями Союза справедливых Иосифом Моллем, Карлом Шаппером и Генрихом Бауэром. Поэтому он легко мог ввести Маркса в их круг. Хорошо ориентируясь в английской научной литературе, он и в этом отношении оказывал значительную помощь Марксу.

Немало часов друзья провели в читальном зале одной из манчестерских библиотек, основанной местным коммерсантом Хамфри Чатамом еще в 1653 г. в помещении средневекового замка, потом монастыря. В Чатамской библиотеке у Маркса и Энгельса было свое любимое место. Вспоминая впоследствии о времени, проведенном здесь вместе с Марксом, Энгельс писал ему в 1870 г.: «Последние дни я снова много работал в небольшом башенном

выступе за квадратным бюро, где мы сидели 24 года назад; я очень люблю это место: из-за цветных стекол там всегда солнечно. Старый Джонс, библиотекарь, все еще тоже там, но очень стар и больше ничего не делает...»¹

В Англии Маркс и Энгельс сблизились с видным лидером левого крыла чартизма Джорджем Джулианом Гарни, пролетарием по происхождению, талантливым чартистским организатором, оратором и журналистом. Гарни являлся одним из редакторов «Northern Star». Он был социалистом, приверженцем бабувистских коммунистических идей. В противовес многим чартистам, проявлявшим известное недоверие к зарубежному революционному движению, Гарни стремился установить единство действий чартистов с революционерами континента. Через Гарни Маркс и Энгельс позднее познакомились и с другим вождем революционных чартистов Эрнестом Джонсом, вступившим в чартистское движение в январе 1846 г.

Во время своего пребывания в столице Англии Маркс и Энгельс всячески содействовали укреплению связей между левыми чартистами и представителями Союза справедливых. Они приняли участие в совещании чартистов с эмигрантами различных национальностей, состоявшемся в середине августа 1845 г. на Уэббер-стрит, в таверне «У ангела». Выражая их общее с Марксом мнение по обсуждавшимся вопросам, Энгельс в своем выступлении горячо поддержал выдвинутую на совещании идею создания революционной международной организации в Лондоне. 22 сентября 1845 г., уже после отъезда Маркса и Энгельса из Англии, такая организация была основана. Она стала именоваться «Братские демократы». Ведущую роль в ней играли пролетарские элементы — левые чартисты (в первую очередь Гарни, впоследствии также и Джонс) и руководители Союза справедливых — Шаппер и Молль. В учредительном собрании принимал участие Вейтлинг.

Создание общества «Братские демократы» явилось ярким признаком пробуждения у передовых пролетариев чувства международной солидарности. Маркс и Энгельс поддерживали связи с этим обществом, старались придать его деятельности пролетарско-революционное направление и помочь его руководителям освободиться от мелкобуржуазных иллюзий. Само собрание 22 сентября 1845 г. послужило Энгельсу поводом для того, чтобы сформулировать в печати принципы пролетарского интернационализма. В статье «Празднество наций в Лондоне», посвященной этому собранию, он писал, высказывая свою и Маркса точку зрения: «...пролетарии во всех странах имеют одни и те же интересы, одного и того же врага, им предстоит одна и та же борьба; пролетарии в массе уже в силу своей природы свободны от национальных предрасудков, и все их духовное развитие и движение по существу гума-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 423.

нистично и антinationалистично. Только пролетарии способны уничтожить национальную обособленность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями»¹.

Критическое изучение политической экономии и социалистической литературы

Значительное место в научной работе Маркса в Брюсселе, а также во время поездки в Англию занимали исследования проблем политической экономии и изучение произведений социалистов-утопистов, подвергавших критике буржуазный строй. Маркс продолжил собирание фактического материала, необходимого для анализа экономических основ буржуазного общества и взглядов, господствовавших в тогдашней экономической науке. В Брюсселе и Манчестере Марксом было заполнено несколько тетрадей выписками из различных книг.

Маркса интересовали такие вопросы, как применение машин в капиталистическом производстве, ценообразование и денежное обращение, кредит и банковские операции. Обширные выписки касались истории экономического развития стран Европы, Америки и Азии, проблемы народонаселения.

При изучении социальных последствий развития капитализма в центре внимания Маркса находилось положение трудящихся классов, пролетариата. Особенно интересовали его условия жизни и труда рабочих масс в классической стране капитализма — Англии. Помимо известной книги Энгельса на эту тему Маркс привлек много других источников.

При чтении произведений современных ему буржуазных экономистов (Н. Сениора, Дж. Мак-Куллоха, Дж. Ст. Милля, Ш. Ганниля и др.) Маркс подметил усиление апологетических тенденций, вообще свойственных буржуазной политической экономии. Если во времена Смита и Рикардо буржуазные экономисты при всей ограниченности их кругозора искренне стремились к научной истине, то представители более поздних школ буржуазной экономической мысли делали все, чтобы подменить научную объективность сознательным затушевыванием противоречий капитализма, приукрашиванием действительности во имя защиты эксплуататорского строя.

Черты деградации буржуазной экономической науки Маркс отмечает, сравнивая работу Джона Стюарта Милля «Опыты о некоторых нерешенных вопросах политической экономии» с экономическими произведениями его отца, Джемса Милля, защищавшего в свое время прогрессивные выводы учения Рикардо. «Этот Милль-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 590.

младший,— писал Маркс,— служит примечательным примером, в какое отчаянное положение попадает теоретизирующий буржуа»¹.

К апологетическому направлению буржуазной политической экономии Маркс относил буржуазных фритредеров — защитников свободы торговли. Продолжал изучать он и работы их противников — протекционистов. Осенью 1845 г. у Маркса и Энгельса возникла даже идея опубликовать совместный труд о протекционизме и свободе торговли в связи с ожесточенной полемикой между представителями этих направлений, из которых каждое старалось изобразить защищаемую им систему панацеей от социальных бедствий.

Глубоко интересовала Маркса и литература, содержащая критику капиталистической системы. Идейное наследие французских и немецких социалистов-утопистов было им освоено еще до приезда в Брюссель. Здесь же предметом его изучения становится английский утопический социализм. Маркс обстоятельно проштудировал работы Роберта Оуэна, прежде всего его основной труд — «Книгу о новом нравственном мире». Много времени уделил он также Джону Брею, Томасу Эдмондсу, Уильяму Томпсону и другим последователям Оуэна, которые пытались обосновать доктрины утопического социализма с помощью экономического учения Рикардо, истолковывая в социалистическом духе его трудовую теорию стоимости.

Отдавая дань уважения искренним стремлениям этих авторов к устранению эксплуатации и нищеты трудящихся классов, Маркс весьма скептически отнесся к их утопическим планам создания социалистических общественных отношений на основе предпосылок буржуазной и мелкобуржуазной политической экономии, путем введения базаров для прямого продуктообмена, с помощью «рабочих денег» и т. д. В своих замечаниях он отметил, что эти социальные рецепты основаны на идеалистических и фантастических представлениях. «Томпсон полагает,— указывал Маркс в одной из своих реплик по поводу порочной основы самого метода этого писателя,— что все можно сделать посредством фраз о «равных гарантиях», «добровольном обмене» и т. д.»².

Маркс уделил внимание литературе того направления, которое выражало аристократическую оппозицию буржуазному обществу в форме так называемого феодального социализма. Он прочитал «Христианскую политическую экономию» французского писателя Вильнёва-Баржемона, брошюру «Чартизм» близкого к этому направлению английского историка и философа-идеалиста Томаса Карлейля. Обличительные выступления против существующих буржуазных порядков у этих авторов сопровождались идеализацией докапиталистических отношений, по существу реакционным при-

¹ MEGA¹. B., 1933. Abt. I. Bd. 6. S. 609.

² Ibid. S. 615.

зывает вернуться к прошлому. Такая критика капитализма тоже свидетельствовала о непонимании законов общественного развития.

Знакомясь с «Очерками политической экономии» швейцарского экономиста Симонда де Сисмонди, Маркс отметил, что во взглядах этого видного представителя экономического романтизма своеобразно сочетались критика капиталистических отношений с анти-историзмом и приукрашиванием прошлого, особенно мелкого товарного производства. Сисмонди, писал Маркс, «местами идеализирует... древние порядки»¹.

Разработка Марксом проблем политической экономии и других общественных наук была подчинена определенному замыслу. В его сознании еще со времени написания «Экономическо-философских рукописей 1844 года» созревали контуры обширного труда, в котором он собирался с позиций революционного пролетариата рассмотреть всю экономическую структуру современного общества и его основные политические институты. Накануне отъезда в Брюссель, 1 февраля 1845 г., Маркс заключил с дармштадтским издателем Леске договор об издании этого труда под названием «Критика политики и политической экономии».

Посвященные в эти планы близкие друзья Маркса придавали исключительно большое значение появлению экономического труда Маркса. «Мы страстно ждем твою «Политическую экономию», — писал ему Роланд Даниельс 7 марта 1846 г.² Вейдемейер в письме от 30 апреля 1846 г. просил Маркса: «Постарайся только, чтобы твоя «Политическая экономия» была поскорее готова; ведь фактически нам нечего предложить людям, которые охотно прочли бы о коммунизме что-либо толковое, так как они не желают довольствоваться общими фразами и не хотят верить в *установление коммунизма посредством всеобщего просвещения*»³.

Полицейские власти, пронюхавшие о намерении издать в Дармштадте работу Маркса, недвусмысленно дали понять издателю свое крайне отрицательное отношение к этому замыслу. Попытка Леске задним числом потребовать от автора ограничиться сугубо научными проблемами сразу же встретила решительное возражение Маркса. Он ответил Леске 1 августа 1846 г., что не намерен приспособлять свой труд к требованиям реакционной цензуры и жертвовать в угоду ей революционным содержанием, что его «книга научна, но она научна не в том смысле, как это понимает прусское правительство»⁴. 19 сентября 1846 г. Леске сообщил Марксу, что ввиду цензурных строгостей он не сможет издать его работу.

Невзирая на все препятствия, Маркс продолжал углублять свои теоретические исследования. В процессе изучения политико-эконо-

¹ MEGA¹. Abt. I. Bd. 6. S. 615.

² MEGA. B., 1975. Abt. III. Bd. 1. S. 514.

³ Ibid. S. 533.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 397.

мических проблем, которое, разумеется, способствовало формированию и общетеоретических, общефилософских концепций Маркса, выяснилось, что для критики предшествующих экономических теорий и разработки нового экономического учения необходимо прежде всего критически переработать методологические основы науки — ее философский, мировоззренческий фундамент. Требовалось расчистить почву для нового мировоззрения, чтобы подготовить умы к восприятию новых идей в области политической экономии. Одним словом, критике политической экономии следовало предпослать критику распространенных философских и социальных доктрин. Поэтому замысел написания книги по политической экономии должен был временно уступить место выдвинувшейся на первый план идее создания полемиического философского труда, направленного против идеологических противников пролетарского социализма в Германии, труда, названного Марксом и Энгельсом «Немецкой идеологией».

В начале августа 1846 г. Маркс писал относительно такой очередности выпуска задуманных им работ: «Дело в том, что мне казалось крайне важным *предпослать* моему *положительному* изложению предмета полемическую работу, направленную против немецкой философии и против возникшего за это время *немецкого социализма*. Это необходимо для того, чтобы подготовить публику к моей точке зрения в области политической экономии, которая прямо противопоставляет себя существовавшей до сих пор немецкой науке»¹.

Работа над «Немецкой идеологией»

Созревшее у Маркса и Энгельса намерение выступить в печати с новым философским трудом приобрело осенью 1845 г. характер более конкретного плана. Имелось в виду создание под редакцией Маркса с участием М. Гесса, К. Бернайса, Г. Веерта и Р. Даниельса специального «Ежеквартальника», посвященного критике так называемой «немецкой идеологии» — немецкой философии в лице Фейербаха, Бауэра, Штирнера и немецкого «истинного социализма». Такое намерение было вызвано появлением летом статьи Фейербаха, в которой он публично объявил себя «коммунистом», опубликованием в сентябре ряда основных работ «истинных социалистов» и, главным образом, выходом в середине октября III тома журнала «Wigand's Vierteljahrsschrift» со статьями Бауэра и Штирнера.

Критический разбор «немецкой идеологии» был в основном закончен Марксом и Энгельсом в апреле 1846 г. Эпизодически он

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 398—399.

продолжался еще на протяжении года и завершился написанием статьи Энгельса «Истинные социалисты».

Намеченный выпуск «Ежеквартальника» не состоялся. Позднее делались попытки, однако в целом безуспешные, договориться как-то с некоторыми издателями из Швейцарии и Германии. Во второй половине 1847 г. была напечатана лишь рецензия Маркса на книгу Грюна «Социалистическое движение во Франции и Германии». Возможно, к серии статей против «немецкой идеологии» относится также опубликованная в сентябре — декабре 1847 г. в «Deutsch-Brüsseler Zeitung» серия очерков Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе».

И хотя замысел Маркса и Энгельса публично выступить со всесторонним критическим анализом современных им философских систем реализован не был, сохранилась рукопись, которая была опубликована в виде совместного их произведения «Немецкая идеология» впервые в СССР в 1932 г. Наиболее важным в теоретическом отношении является раздел «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений». Здесь Маркс и Энгельс излагают свои историко-материалистические взгляды преимущественно в положительной форме.

В процессе создания «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс осуществили новую, высшую форму сотрудничества. Оно стало уже иным, чем в их первой совместной работе «Святое семейство». Там разделение труда проводилось довольно просто: по совместно разработанному плану каждый автор писал свои части произведения, что и было отражено в оглавлении. Но «Немецкая идеология», в большей ее части, — это нераздельный труд двоих.

Работали Маркс и Энгельс со страстным увлечением, и днем, и ночью. «Когда я сообщил своей жене о вашей весьма философской системе писания вдвоем до 3—4 часов утра, — писал Гарни Энгельсу 30 марта 1846 г., узнав от него об обстановке, в которой создавался этот труд, — она заявила, что такая система для нее не годилась бы и что, если бы она была в Брюсселе, она устроила бы «пронунциаменто» среди ваших жен. Моя жена не возражает против организации революций, при условии, чтобы эта работа производилась по системе *сокращенного рабочего дня*¹».

«Немецкая идеология» — прежде всего философский труд, занимающий выдающееся место как первое более или менее систематическое изложение материалистического понимания истории (исторического материализма).

Центральным в полемике с представителями послегегелевской немецкой философии был вопрос: как изменить существующую действительность? Младогегельянцы выступали со словесной критикой существующего, вели ее косвенно, в форме критики религии.

¹ MEGA. Abt. III. Bd. 1. S. 523.

Это была борьба не с самой действительностью, а с тенями действительности. Младогегельянцы фактически признавали существующее, стремясь лишь дать ему иное истолкование. Маркс и Энгельс поставили своей целью раз и навсегда развенчать эту философскую борьбу против иллюзий. Они доказали, что недостаточно только критиковать, надо правильно объяснить и, главное, изменить мир.

Преодолевая непоследовательность предшествующего материализма, метафизически рассматривавшего природу как нечто неизменное, Маркс и Энгельс выясняют исторический характер самих природных условий, в которых живет и действует человек. Они различают те природные условия, которые человек застаёт как нечто данное, и те, которые созданы собственной деятельностью человека. В существующем обществе, показывают они, сама материальная среда становится продуктом исторической деятельности людей. Полемизируя с Фейербахом, который не понимал и не учитывал обратного воздействия человека на природу, Маркс и Энгельс подчеркивают: «Эта деятельность, этот непрерывный чувственный труд и созидание, это производство служит настолько глубокой основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы оно прекратилось хотя бы лишь на один год, то Фейербах увидел бы огромные изменения не только в мире природы, — очень скоро не стало бы и всего человеческого мира, его, Фейербаха, собственной способности созерцания и даже его собственного существования»¹. По мере развития общества природные условия все больше превращаются в исторические продукты деятельности людей. В такой постановке вопроса проявляется глубокий историзм новой теории развития общества.

Маркс и Энгельс констатируют, что определенная природная среда является объективным материальным условием существования и развития человеческого общества. Они отмечают также, что физическая, телесная организация людей обуславливает их определенное отношение к внешней природе. Но главным предметом исследования являются не эти две предпосылки. Все свое внимание авторы сосредоточивают на рассмотрении деятельности людей как решающего фактора исторического процесса.

Эта деятельность имеет две стороны: производство (отношение людей к природе, их воздействие на нее) и общение (отношение людей друг к другу, в первую очередь в процессе производства). Производство и общение взаимно обуславливают друг друга, но определяющей стороной в этом взаимодействии является производство.

С производства начинается вся история человеческого общества. Именно материальное производство отличает человека от животного. «Людей можно отличать от животных по сознанию, по рели-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 43.

гии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни...»¹ Специфическое отличие человека от животного Маркс впоследствии конкретизировал в первом томе «Капитала».

Чтобы творить историю, люди должны жить, следовательно, должны иметь пищу, питье, жилище, одежду. Поэтому первый исторический акт — это производство средств, необходимых для удовлетворения указанных потребностей. Способ производства определяет всю жизнь данного общества. Основные стороны социальной деятельности выступают как различные виды производства.

Маркс и Энгельс не только всесторонне развили положение о решающей роли материального производства в жизни общества, но и сделали чрезвычайно важный шаг вперед. В этой работе они впервые по существу выяснили диалектику развития производительных сил и производственных отношений. Это важнейшее открытие — его можно датировать 1845 г. — было сформулировано здесь как диалектика производительных сил и формы общения. Оно как бы осветило заново всю складывающуюся систему категорий исторического материализма, дало возможность сформулировать сущность материалистического понимания истории как целостной концепции.

Открытие, сделанное Марксом и Энгельсом, сводится к следующим фундаментальным положениям. Производительные силы определяют тип общественных отношений, форму общения. На определенной ступени своего развития производительные силы приходят в противоречие с существующей формой общения. Это противоречие разрешается путем социальной революции. На место прежней, ставшей оковами, формы общения приходит новая, соответствующая более развитым производительным силам. Впоследствии эта новая форма общения, в свою очередь, перестает соответствовать развивающимся производительным силам, превращается в их оковы и путем революции сменяется следующей, более прогрессивной формой общения. Так на протяжении всего исторического развития образуется преемственная связь между его последовательными ступенями.

Маркс и Энгельс ясно осознают и четко формулируют значение этого важнейшего открытия. «Таким образом, — резюмируют они, — все исторические коллизии, согласно нашему пониманию, коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения»².

Для понимания законов развития общества это открытие имело первостепенное значение. Если раньше Маркс выяснил, что эконо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19.

² Там же. С. 74.

мические отношения определяют отношения политические, правовые и т. д., то теперь было установлено, чем же определяются сами экономические отношения, была вскрыта более глубокая основа исторического процесса: производительные силы определяют в конечном счете все отношения между людьми, их развитие обуславливает переход от одной формы общества к другой. Если раньше Маркс понял и показал, что материальное производство является основой всей жизни общества, то теперь был раскрыт внутренний механизм развития самой этой основы. Тем самым была выяснена зависимость между главными сторонами общественной жизни: производительными силами и производственными отношениями, совокупностью производственных отношений и политической надстройкой, а также формами общественного сознания.

Открытие Маркса дало ключ к научному пониманию всего исторического процесса и к подлинно научной периодизации истории. Социальные революции, разрешающие противоречия между производительными силами и производственными отношениями, это и есть те узловые пункты истории, которые расчленяют ее на основные эпохи, образуют переход от одной формы общества к другой, или — если выразить это в более поздней терминологии Маркса — от одной общественной формации к другой.

Маркс и Энгельс выясняют в «Немецкой идеологии» основные фазы исторического развития производства, в основе которого лежит развитие производительных сил. Внешним выражением уровня развития производительных сил является степень разделения труда. Каждая ступень разделения труда определяет соответствующую форму собственности (а, как впоследствии указывал Маркс, отношения собственности являются юридическим выражением производственных отношений).

Опираясь на эти новые идеи, Маркс и Энгельс набрасывают в общих чертах картину развития человеческого общества от его возникновения до предстоящего перехода к подлинно человеческому, коммунистическому обществу.

Первичным историческим отношениям соответствовало первоначальное, естественно возникшее разделение труда, которое определяло первую, родо-племенную форму собственности. Переход от первичных исторических отношений к следующей стадии развития общества был обусловлен развитием производительных сил, переходом от естественного разделения труда к общественному, к такой его форме, которая выражается в разделении общества на классы. Это был переход от доклассового общества к классовому. Вместе с общественным разделением труда развиваются и такие производные исторические явления, как частная собственность, государство, отчуждение социальной деятельности. Развитие общественного разделения труда определяет дальнейшее развитие и смену форм собственности. Вторая форма собственности — это

античная собственность, третья — феодальная собственность, четвертая — буржуазная собственность. В выделении и анализе последовательно сменяющих друг друга форм собственности, господствующих на главных ступенях исторического развития, как раз и заложено начало учения об общественных формациях.

Подробнее других исторических форм собственности Маркс и Энгельс рассматривают предысторию и основные этапы развития последней, буржуазной формы частной собственности: переход от цехового строя к мануфактуре и крупной промышленности. В развитии буржуазного общества здесь впервые выделяются и анализируются две главные фазы: период мануфактуры и период крупной промышленности. Уже в «Экономическо-философских рукописях» Маркс — в отличие от всех предшествующих, утопических критиков частной собственности — показал историческую необходимость возникновения частной собственности и необходимость ее существования на определенном этапе развития человеческого общества, так же как и предстоящее неизбежное ее уничтожение. В «Немецкой идеологии» было доказано, что только с развитием крупной промышленности выявляется необходимость и создаются материальные условия для уничтожения частной собственности.

Развитие производительных сил в недрах буржуазного общества создает две основные материальные предпосылки пролетарской, коммунистической революции. Это, во-первых, высокий уровень развития производства, принципиально несовместимый с частной собственностью и вместе с тем необходимый для организации общества на коммунистических началах, и, во-вторых, массовая пролетаризация, ведущая к формированию революционного класса. Данное положение вошло в качестве одного из важнейших элементов в теорию научного коммунизма. Коммунистическая революция, показывают Маркс и Энгельс, уничтожает частную собственность и осуществляет переход к бесклассовому обществу.

От рассмотрения производства Маркс и Энгельс переходят к рассмотрению сферы общения, то есть общественных отношений, общественного строя, классовой структуры общества, соотношения индивидов, классов и общества. На примере становления буржуазного общества они исследуют закономерность формирования классов. Маркс и Энгельс впервые связали образование и развитие классов с развитием самого материального производства, впервые научно показали, каким путем общество придет к уничтожению классовых различий.

Рассматривая далее область политической надстройки, Маркс и Энгельс специально выделяют вопрос об отношении государства и права к собственности. Здесь они впервые научно раскрывают сущность государства вообще и сущность буржуазного государства в особенности. Государство, пишут Маркс и Энгельс, есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему

классу, осуществляют свои общие интересы и в которой все гражданское общество (то есть экономические отношения) данной эпохи находит свое концентрированное выражение. Буржуазное государство есть не что иное, как форма политической организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы — как вовне, так и внутри страны — взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы. В «Немецкой идеологии» уже показано, что возникновение государства есть результат разделения общества на классы и что поэтому с уничтожением классов в результате коммунистической революции исчезнет и само государство.

Изложение материалистической концепции общества и его истории Маркс и Энгельс завершают рассмотрением форм общественного сознания. Они выясняют, в частности, отношение господствующего сознания к господствующему классу и тем самым вскрывают классовую природу идеологической надстройки. В «Немецкой идеологии» впервые всесторонне применен классовый подход к идеологическим течениям, последовательно проведен принцип партийности в философии.

В «Немецкой идеологии» сформулировано материалистическое решение основного вопроса философии об отношении сознания к бытию. Это важнейшее положение выражается здесь в следующих тезисах: «Сознание... никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием... а бытие людей есть реальный процесс их жизни... Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»¹. В отличие от других материалистов, предшественников Маркса и Энгельса в области философии, в «Немецкой идеологии» дается принципиально новое понимание самого бытия людей. Это — не просто внешняя природа, как, например, у Фейербаха, а прежде всего общественное бытие — реальный процесс жизни людей, в котором решающую роль играет их материальная практическая деятельность. Маркс и Энгельс при этом доказывают недостаточность выяснения земного, материального происхождения тех или иных продуктов сознания, чем ограничивался Фейербах. Необходимо, подчеркивали они, нечто большее — проследить, как из материальной, земной основы и ее противоречий вырастают, развиваются все формы и продукты общественного сознания. Таким образом, Маркс и Энгельс последовательно применяют материализм, исследуя все стороны и явления жизни общества: производство и общественные отношения, государство, право, мораль, религию и философию, общий ход, конкретные периоды и события истории.

Резюмируя сущность материалистического понимания истории, Маркс и Энгельс пишут: «Таким образом, это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действитель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 25.

ный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — то есть гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. и т. д., и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами). Это понимание истории, в отличие от идеалистического... объясняет не практику из идей, а... идейные образования из материальной практики и в силу этого приходит также к тому результату... что не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории»¹.

Главным результатом материалистического понимания истории является вывод об исторической необходимости и неизбежности пролетарской, коммунистической революции. Теория научного коммунизма выступает в «Немецкой идеологии» как прямое следствие исторического материализма.

В противоположность своим предшественникам-утопистам Маркс и Энгельс понимали коммунизм не как умозрительно выработанный план будущего идеального общества, а как закономерный результат объективного исторического процесса. «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность,— писали авторы «Немецкой идеологии».— Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»².

Выяснив, что объективной основой всякой социальной революции является противоречие между производительными силами и формой общения, Маркс и Энгельс доказали и неизбежность коммунистической революции. Ибо производительные силы, созданные крупной промышленностью, приходят в противоречие с частной собственностью, ставшей оковами производства, и превращаются из производительных сил в силы разрушительные. Это объективное противоречие лежит в основе классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией,— борьбы, которая может разрешиться только посредством пролетарской, коммунистической революции. Выяснив материальные предпосылки этой революции, Маркс и Энгельс научно доказали, что именно крупные промышленные города являются центрами, из которых исходят коммунистические движения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 36—37.

² Там же. С. 34.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс формулируют ту мысль, что для перехода к коммунистическому обществу необходимо, чтобы пролетариат путем революции завоевал себе политическую власть. Они пишут: «...каждый стремящийся к господству класс,— если даже его господство обуславливает, как это имеет место у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще,— должен прежде всего завоевать себе политическую власть...»¹ Таким образом, в наиболее общей форме, без дальнейшей конкретизации, здесь в первый раз высказана и зафиксирована идея диктатуры пролетариата. Много лет спустя, уже после смерти Маркса, Энгельс свидетельствовал: «Маркс и я с 1845 г. держались того взгляда, что *одним* из конечных результатов грядущей пролетарской революции будет постепенное отмирание и, в конечном счете, исчезновение политической организации, именуемой *государством*... В то же время мы всегда считали, что для достижения этой и других, гораздо более важных целей грядущей социальной революции класс пролетариев должен прежде всего овладеть организованной политической властью государства и с ее помощью подавить сопротивление класса капиталистов и организовать общество по-новому»².

Еще в «Тезисах о Фейербахе» Маркс сформулировал мысль, что в революционной практике преобразование обстоятельств и изменение самих людей совпадают. В «Немецкой идеологии» подчеркивается, что коммунистическая революция «необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»³.

Наконец, в «Немецкой идеологии» в общих чертах выяснены особенности будущего коммунистического общества. Избегая догматического детального конструирования коммунистического строя на манер некоторых социалистов-утопистов, Маркс и Энгельс выявляют лишь те черты будущего коммунистического общества, которые можно было в то время предвосхитить на основе анализа реальных тенденций общественного развития.

«...Установление коммунизма имеет по существу экономический характер...» — подчеркивают Маркс и Энгельс⁴. Это будет общество, в котором уничтожена частная собственность на средства производства; собственность должна быть подчинена ассоциированным индивидам, всему обществу. Исчезнет разделение общества на классы и тем самым — политическое господство одного класса над

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 32.

² Там же. Т. 36. С. 9.

³ Там же. Т. 3. С. 70.

⁴ Там же. С. 71.

другими и государство как орудие этого господства. Будет вообще уничтожено классовое разделение труда и следовательно — противоположность между городом и деревней, между умственным и физическим трудом; люди не будут пожизненно прикованы к той или иной профессии. Собственная деятельность людей перестанет противостоять им как некая чуждая им сила. Труд из деятельности по внешнему принуждению превратится в подлинную самостоятельность свободных людей. Общество станет действительным объединением людей, будет их подлинным, а не иллюзорным единством. Объединившись, люди подчинят своей власти условия жизнедеятельности общества. Они возьмут под свой контроль и сознательно организуют свою совместную деятельность, будут регулировать производство и подчинят своему общему плану развитие всего общества. Вместе с преобразованием материальных условий деятельности людей изменятся и сами люди, в том числе их сознание.

Создание концепции материалистического понимания истории явилось величайшим научным достижением, подлинной революцией в учении об обществе, одним из главных элементов революционного переворота, совершенного Марксом и Энгельсом в философии. Впервые материализм был распространен на познание общественных явлений, и тем самым была преодолена непоследовательность всего предшествовавшего материализма. Впервые было достигнуто целостное научное понимание всего исторического процесса и создан подлинно научный метод изучения истории. «Философия Маркса,— писал В. И. Ленин,— есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности»¹.

Все издатели боялись помех со стороны полиции и цензуры и, как минимум, неизбежных в связи с этим финансовых убытков, не говоря уже о том, что даже самые либеральные среди них были заинтересованными представителями критикуемых направлений.

После неудачных попыток организовать выпуск «Ежеквартальника» Маркс и Энгельс решают издать свои собственные рукописи в виде совместных произведений. В «Заметке против Карла Грюна», написанной 3 апреля 1847 г., Маркс уже употребляет и название запланированной книги — «Немецкая идеология», характеризуя ее как критику «новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков»², однако и новые их усилия не увенчались успехом. Последний издатель, к которому Маркс и Энгельс обратились в начале августа 1847 г., отказался напечатать книгу³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 44.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 40.

³ MEGA. Abt. III. Bd. 2. S. 349.

В «Немецкой идеологии» предметом острой критики стала книга М. Штирнера «Единственный и его собственность» (1844). Маркс и Энгельс убедительно показали, что все достижения философии Гегеля были в этой книге обойдены молчанием, а все ее пороки — усугублены. Объективизм гегелевского идеализма превратился в чистейший субъективизм и волюнтаризм, а диалектика превращена в набор бессмысленных софистических упражнений. В индивидуалистско-анархистских идеях Штирнера отражались недовольство немецких мелких буржуа развитием капитализма, поиски нереального убежища от реальной угрозы разорения. Его идеи представляли собой опасный феномен подмены науки революционной фразой.

Авторы «Немецкой идеологии» подвергли обстоятельной критике писания глашатаев «истинного социализма» Грюна, Кульмана и др., которые эклектически соединяли философию Гегеля и Фейербаха с распространенными доктринами утопического социализма, классовую борьбу пролетариата подменяли абстрактными проповедями всеобщей любви.

«Немецкая идеология» — одно из самых крупных произведений основоположников марксизма, написанное ярко, живо, в блестящем литературном стиле. Ее авторы предстают как превосходные полемисты, подлинные мастера живописи словом. Но ее непреходящее значение состоит прежде всего в глубине и новизне революционной мысли, в вопросах философии, истории, политики и экономики.

Хотя вся «Немецкая идеология» и не увидела света при жизни авторов, затраченный труд не пропал даром. «Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, — писал Маркс об этом в 1859 г. в предисловии к книге «К критике политической экономии», — что наша главная цель — уяснение дела самим себе — была достигнута»¹.

Полученные теоретические результаты дали импульсы для новых дерзаний, явились основой дальнейшей научной и практической деятельности обоих мыслителей и революционеров. Они могли теперь с полным правом считать, что социализм обращается к рабочим массам не с иллюзорными и фантастическими рецептами социального обновления, а с обоснованной теорией, способной служить научной платформой освободительного движения. Марксу вскоре представилась возможность обнародовать выводы, изложенные в «Немецкой идеологии», причем в еще более отточном и совершенном виде. Это было сделано им сначала в «Нищете философии», а несколько позднее, совместно с Энгельсом, — в «Манифесте Коммунистической партии».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 8.

*Глава
четвертая*

Начало борьбы за пролетарскую партию. Создание программы международного рабочего движения

Пора уже коммунистам
перед всем миром открыто изложить
свои взгляды, свои цели, свои стремления
и сказкам о призраке коммунизма
противопоставить манифест самой партии.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс

События в Европе предвещали приближение революционных бурь. В 1847 г. разразился экономический кризис, охвативший Францию, Германию, Бельгию, США и другие страны. Особенно сильно поразил он Англию. Бедствия, причиненные кризисом, были усугублены неурожаем зерновых и картофеля в ряде стран Европы. В Ирландии в результате болезни картофеля в 1845—1847 гг. свирепствовал страшный голод.

По странам Европейского континента, от Восточной Пруссии до Бретани и Нормандии, прокатилась волна голодных бунтов. Во Франции рабочие устраивали стачки. Гнев трудящихся обращался против феодального дворянства, бюрократии, придворных клев в тех

странах, где в полной силе еще сохранились пережитки средневековья и абсолютистский строй (Пруссия, Австрия, Италия), против финансовой аристократии, монополизировавшей власть, в таких буржуазных монархиях, как Франция и Бельгия. Под влиянием революционных настроений масс стали более решительными выступления представителей демократической и либеральной оппозиции. С начала 1847 г. во Франции развернулось движение за реформу избирательного права. Оживилась и деятельность представителей различных утопических коммунистических и социалистических течений.

Острый конфликт между правительством и буржуазной оппозицией вспыхнул в Пруссии. Под давлением финансовых трудностей прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV пришлось созвать в апреле 1847 г. Соединенный ландтаг, однако его буржуазное большинство отказалось вотировать заем, пока не будет введена конституция. 26 июня король распустил ландтаг, так и не добившись от него уступок. Напряженная обстановка складывалась и в других германских государствах.

Большого накала достигла национально-освободительная борьба угнетенных народов. В феврале 1846 г. польские революционеры водрузили знамя национальной независимости в вольном городе Кракове, подчиненном совместному протекторату Австрии, Пруссии и царской России. Однако восстание было подавлено, и Краков насильственно присоединен к Австрии. В Венгрии национальная оппозиция, возглавляемая Лайошем Кошутом, выдвинула требование автономии. Это требование сделалось популярным также среди чешской буржуазии и интеллигенции. В собственно Австрии среди трудящихся и буржуазных слоев нарастала ненависть к палочному режиму канцлера Меттерниха.

Острое недовольство австрийским господством в Северной и Центральной Италии, стремление к национальному единству и освобождению от деспотических режимов с нарастающей силой распространялись в итальянских государствах. Революционный подъем привел в январе 1848 г. к народному восстанию в Палермо, направленному против абсолютистского правления неаполитанских Бурбонов.

Англия переживала новый подъем чартизма. Чартистские митинги с требованием Народной хартии собирали во всех промышленных городах Англии и Шотландии тысячи участников. В национально-освободительном движении Ирландии преобладание получили радикально-демократические элементы.

Рост влияния на русское общество революционно-демократических взглядов В. Г. Белинского и А. И. Герцена (в 1847 г. был вынужден эмигрировать за границу), отклики передовой русской интеллигенции на события и явления идейной жизни на Западе, тайная пропаганда утопического социализма в кружке М. В. Буташе-

вича-Петрашевского — все это свидетельствовало, что революционное брожение происходило и в цитадели европейской реакции, царской России.

Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет

В предреволюционные годы усилия Маркса и Энгельса, направленные на сплочение передовых элементов пролетарского движения, приобрели характер непосредственной практической борьбы за создание пролетарской партии. Вывод о необходимости для рабочего класса иметь свою политическую партию вытекал из учения Маркса о всемирно-исторической роли пролетариата, из понимания необходимости завоевания им политической власти как непременном условии для революционного преобразования общества. Развивая эти идеи применительно к складывавшейся в Европе обстановке, Маркс осознает необходимость отделения пролетариата от буржуазной демократии, обеспечения ему самостоятельных позиций в назревающей буржуазной революции, которая должна была приблизить рабочий класс к осуществлению его собственных коммунистических целей. Эта задача могла быть решена только путем создания пролетарской партии. Опыт существующих рабочих организаций, в том числе чартистской партии, неоднородной и незрелой в идейном отношении, свидетельствовал, что последовательно революционную, подлинно самостоятельную партию пролетариата необходимо строить на правильной теоретической основе.

Начав борьбу за партию, Маркс и Энгельс взяли на себя чрезвычайно сложную задачу. Во многих странах рабочее движение еще только зарождалось. Промышленный пролетариат, объединенный на крупных предприятиях, был в то время еще малочислен, среди рабочего класса большинства стран преобладали полуремесленные слои. В своей массе он был разобщен, шел на поводу у буржуазных политиков или находился под влиянием утопического социализма. Передовых элементов, способных к восприятию идей научного коммунизма, было немного. Чтобы объединить их в сплоченный союз, требовались огромные усилия.

Создаваемую пролетарскую партию Маркс и Энгельс мыслили себе как международную организацию. Они исходили из той предпосылки, что будущая коммунистическая революция явится результатом революционных действий рабочего класса нескольких капиталистических стран. Эта ориентация соответствовала тогдашней стадии развития капитализма, на которой его противоречия, неравномерность его развития не настолько еще обострились, чтобы сделать возможной победу пролетарской революции в одной стране. Начать создание партии с объединения передовых рабочих в меж-

дународную организацию было необходимо также и для того, чтобы преодолеть существовавшую национальную замкнутость рабочего движения, заложить основы его интернационального сплочения. В то же время эта партия должна была, по мнению Маркса и Энгельса, сочетать борьбу за общие интернациональные цели рабочего класса с борьбой за разрешение национальных задач пролетариата в каждой стране.

Для подготовки основания такой партии следовало развернуть широкую пропаганду коммунистических идей, укрепить связи с передовыми рабочими и представителями революционной интеллигенции, прежде всего Англии, Франции и Германии, путем обмена мнениями добиться единства взглядов, а также наметить единый образ действий. Это нужно было сделать, чтобы, как писал Маркс, «освободиться от национальной ограниченности»¹. Организующими центрами этой деятельности должны были стать, согласно замыслу Маркса и Энгельса, коммунистические корреспондентские комитеты, поддерживающие между собой постоянный контакт.

В начале 1846 г. Марксом и Энгельсом был создан Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет. Он не имел строго определенного состава. Руководящее ядро составляли Маркс, Энгельс и бельгийский коммунист Филипп Жиго. На правах равноправных членов в работе Комитета принимали участие Вейдемейер, Вильгельм Вольф, Эдгар Вестфален, Фердинанд Вольф, Зейлер, Хейльберг и другие. Одно время в состав Брюссельского комитета входил Вильгельм Вейтлинг.

Комитет обсуждал вопросы, касавшиеся, как правило, коммунистической пропаганды в разных странах. На устраиваемых им собраниях иногда присутствовали и лица, сочувствовавшие освободительному движению, но не разделявшие коммунистических взглядов. Так, по приглашению Маркса на заседании 30 марта 1846 г. присутствовал русский либеральный писатель Павел Васильевич Анненков, примыкавший в 40—50-х гг. к прогрессивному кружку «западников».

По поручению Комитета и от его имени велась переписка с рабочими и социалистическими деятелями и организациями разных стран. По важным вопросам выпускались литографированные циркуляры. Были предприняты попытки наладить сбор средств на революционную пропаганду и покрытие корреспондентских расходов.

Маркс и Энгельс стремились создать подобные комитеты и в других местах. Через Вильгельма Вольфа удалось связаться с различными городами Силезии. Энергичные попытки создания корреспондентских комитетов в Вестфалии и Рейнской провинции предпринял Вейдемейер. В отдельных местах стали образовываться группы, поддерживавшие регулярный контакт Брюссельским комитетом.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 394.

Намечая тактическую линию коммунистов в Германии, Маркс и Энгельс советовали им поддерживать буржуазные требования конституции, свободы печати, собраний и т. д. Если эти требования будут осуществлены, подчеркивали они, «наступит новая эра для коммунистической пропаганды»¹. Коммунистам следовало, таким образом, быть активными участниками массовых выступлений против абсолютизма, содействовать разрешению задач буржуазной революции в интересах создания более благоприятных условий для борьбы пролетариата с буржуазией. В противном случае они могли превратиться в узкую секту, оторванную от общедемократического движения. Этой тактики и придерживались соратники Маркса и Энгельса.

Через Эвербека Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет имел постоянную связь с парижскими общинами Союза справедливых. Предложение Маркса о создании корреспондентского комитета в Париже было осуществлено, однако, позднее, в августе 1846 г., после приезда туда Энгельса.

Идея образования корреспондентских комитетов на местах встретила одобрение деятелей Союза справедливых в Лондоне — Молля, Шаппера и Бауэра. Они также создали коммунистический корреспондентский комитет. Однако между Брюссельским и Лондонским комитетами не сразу было достигнуто полное понимание. Лондонские руководители Союза справедливых порой болезненно воспринимали острую критику идеологов сектантства со стороны Маркса и его друзей. Марксу потребовалась большая выдержка, чтобы убедить их в правильности линии Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета.

Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет всячески подчеркивал свою солидарность с борьбой английских рабочих, объединенных в чартистскую партию. 25 марта 1846 г. он принял резолюцию, резко осуждавшую примкнувшего к чартистам мелкобуржуазного радикала Томаса Купера за клеветнические выступления против чартистских лидеров. Несколько позднее брюссельские коммунисты одобрили исключение Купера из Национальной чартистской ассоциации, отметив особенный вред распространяемых последним «таких гнусных, позорных доктрин, пригодных лишь для старых баб, как доктрина «непротивления»»². 17 июля того же года Комитет направил лидеру чартистов Фергюсу О'Коннору специальное поздравительное обращение от «немецких демократов-коммунистов» по поводу его победы на избирательном собрании в Ноттингеме над соперником — фритредером при выдвижении кандидатов в парламент (через год О'Коннор был избран в палату общин в этом же избирательном округе).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 21.

² Там же. С. 25.

Разрыв с Вейтлингом

С самого начала деятельности Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета Марксу было ясно, каким огромным препятствием для сплочения передовых пролетарских сил являются на данной стадии утопические социалистические учения. Они мешали преодолеть идейный разброд в рабочем движении, покончить с духом сектантской замкнутости и догматизма, служили помехой для распространения революционного мировоззрения. Одним из таких идейных противников марксизма стало вейтлингианство.

Маркс признавал заслуги в развитии социалистических идей талантливого самоучки, портного из Магдебурга Вильгельма Вейтлинга. Основное произведение Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы», опубликованное в 1842 г., Маркс в свое время в парижском «Vorwärts!» назвал «беспримерным и блестящим литературным дебютом немецких рабочих». Он писал о книге Вейтлинга: «...стоит сравнить эти гигантские *детские башмаки* пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками немецкой буржуазии, чтобы предсказать *немецкой Золушке* в будущем *фигуру атлета*»¹.

В «Гарантиях гармонии и свободы» и в брошюре «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть» (1838) наиболее ярко отразились и сильные, и слабые стороны учения Вейтлинга. Как ни далек был Вейтлинг от понимания законов общественного развития, как ни фантастичны были его представления о будущей коммунистической революции, классовым инстинктом пролетария он чувствовал, что достигнуть коммунизма можно только путем глубокого народного переворота. И он смело провозгласил неизбежность этого переворота, заявив, что «все существующее несет в себе семя и пищу для революции»². Этим он возвысился над многими социалистами-утопистами, отвергавшими революционную борьбу.

Несомненны заслуги Вейтлинга и как обличителя капиталистического строя, и как неутомимого агитатора, пытавшегося наладить пропаганду коммунистического учения среди ремесленников и рабочих. Однако он не видел в рабочем классе преобразователя общества, не выделил его из общей массы угнетенных. Наиболее революционным элементом Вейтлинг считал люмпен-пролетариат. Как стихийную вспышку. Не сумев уяснить общественных закономерностей, он отрицал необходимость буржуазной революции для таких стран, как Германия, и возражал против союза рабочего класса с буржуазными демократами. Вейтлинг вообще не признавал

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 444.

² Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы. С. 422.

участия рабочего класса в политической борьбе. По существу он был противником создания пролетарской партии.

На взглядах Вейтлинга лежал отпечаток примитивной уравнительности. В последующих произведениях отсталые стороны его мировоззрения стали проявляться еще больше. В брошюре «Евангелие бедного грешника» (1844) коммунистическим идеям он придал религиозную окраску. Отказываясь от преобразования общества революционным путем, он стал возлагать главные надежды на основание коммунистических колоний.

После прибытия в начале 1846 г. Вейтлинга в Брюссель Маркс и Энгельс прилагали все усилия, чтобы помочь ему усвоить основы научного мировоззрения. Однако старания были напрасны. Болезненно мнительный, убежденный в непогрешимости своих взглядов, Вейтлинг не поддавался никаким доводам. «...Это был уже не наивный, молодой подмастерье-портной, пораженный своим собственным талантом и старающийся уяснить себе, как же должно будет выглядеть коммунистическое общество,— писал впоследствии Энгельс.— Это был великий человек, которого преследовали завистники за его превосходство, которому всюду мерещились соперники, тайные враги и козни; гонимый из страны в страну пророк, он носил в кармане готовый рецепт осуществления царства небесного на земле и воображал, что каждый только о том и думает, чтобы украсть у него этот рецепт»¹.

Вейтлинг выступил против разработки и научно-теоретического обоснования коммунистической программы. Он требовал, чтобы средства Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета были истрачены на издание его утопических произведений. Возражения он воспринимал как проявление зависти, как попытку «отстранить его от денежных источников»². Он противился также намерению Маркса и Энгельса выпустить комментированное издание произведений великих социалистов-утопистов, усмотрев в этом «несправедливую конкуренцию его системе»³.

Разногласия с Вейтлингом вылились в открытый конфликт на заседании Брюссельского комитета 30 марта 1846 г. Оказавшийся случайным свидетелем полемики П. В. Анненков выразительно описал ее в своих воспоминаниях. Заседание открыл «высокий, прямой, по-английски важный и серьезный» Энгельс, в то время как Маркс сидел за одним из концов стола, «взяв карандаш в руки и склонив свою львиную голову на лист бумаги». Энгельс говорил о необходимости для людей, посвятивших себя делу освобождения трудящихся, согласовать свои воззрения и установить единство взглядов. Попытки Вейтлинга защитить свои позиции с помощью расплывчатых рассуждений, в которых сквозило пренебрежение к

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 222.

² Там же. Т. 37. С. 97.

³ Там же.

революционной теории, вызвали резкие возражения Маркса. Он подчеркнул, что «обращаться к работнику без строго научной идеи и положительного учения равносильно с пустой и бесчестной игрой в проповедники, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой — допускаются только ослы, слушающие его, разинув рот». Когда уязвленный этими замечаниями Вейтлинг стал изображать сторонников революционной теории оторванными от жизни кабинетными учеными, доктринерами, равнодушными к страданиям народа, Маркс не выдержал и, вскочив с места, гневно воскликнул: «Никогда еще невежество никому не помогло!»¹

В противовес Вейтлингу Маркс считал необходимым очистить коммунистическое движение от элементов, которые являлись носителями вульгарных и отсталых доктрин. Он требовал, чтобы участники движения уяснили себе очередность революционных задач, неизбежность в Германии буржуазной революции, а не предавались, подобно Вейтлингу, фантастическим мечтам о немедленном осуществлении коммунизма.

Вскоре Вейтлинг стал противодействовать критическим выступлениям Брюссельского корреспондентского комитета против представителей «истинного социализма». Получив и на этот раз отпор, Вейтлинг в конце мая 1846 г. покинул Брюссель.

Деятели рабочего движения, связанные с Брюссельским коммунистическим корреспондентским комитетом, одобрили позицию Маркса по отношению к Вейтлингу. Об этом Марксу писал 15 мая 1846 г. Эвербек из Парижа. Линия Маркса получила также поддержку со стороны лондонских руководителей Союза справедливых, коммунистов Вестфалии и Кёльна. Однако у Вейтлинга было еще немало сторонников в Швейцарии, Париже, Гамбурге и других местах.

Борьба против «истинного социализма»

Маркс и Энгельс все больше убеждались в неотложности идейного сражения с «истинным социализмом», критике которого они посвятили часть «Немецкой идеологии». Однако затруднения с публикацией этого труда делали все менее вероятной перспективу его издания, а между тем задачи борьбы за сплочение революционных сил требовали решительного выступления против «истинного социализма», который в это время «распространялся как зараза»². Его идеологи К. Грюн, О. Люнинг, Г. Пютман и др. заполняли своими писаниями столбцы газет, журналов, альманахов, выпускали книги и брошюры. В руках «истинных социалистов» находились многие

¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1983. Ч. 2. С. 7.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 453.

органы печати. Незрелость рабочих и распространение среди них идей Вейтлинга, во многом схожих с «истинным социализмом», облегчили последнему проникновение в рабочую среду. Как и вейтлингианцам, «истинным социалистам» было присуще непонимание прогрессивности развития капитализма, убеждение, что Германия может и должна совершить скачок в «коммунистический рай», минуя капиталистическую стадию.

Все больше стала обнаруживаться реакционная политическая тенденция «истинного социализма». Фурьеристскую и сенсимонистскую критику буржуазного общества «истинные социалисты» механически переносили на Германию, игнорируя наличие множества феодальных пережитков в ее социальном и политическом строе, по сравнению с которыми критикуемые ими буржуазные порядки представляли собой значительный прогресс. Они выступили против выдвигаемых либеральной оппозицией и буржуазными демократами требований конституции, буржуазных свобод и т. д. Нападки «истинного социализма» на либеральную буржуазию объективно носили характер защиты существующего феодально-абсолютистского режима. Именно поэтому издания «истинных социалистов», как правило, почти не встречали цензурных преград.

У Маркса и Энгельса было более чем достаточно оснований начать против «истинного социализма» широкую кампанию, тем более, что буржуазные и мелкобуржуазные противники коммунистов нередко приписывали им реакционные взгляды «истинных социалистов». Многие представители «истинного социализма» и сами выдавали себя за коммунистов.

Именно это обстоятельство в первую очередь побудило Маркса поставить на заседании Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета 5 мая 1846 г. вопрос о деятельности в США Германа Криге. Этот немецкий журналист, ученик Фейербаха, познакомился с Марксом в 1845 г. в Брюсселе. Осенью того же года он переехал в Нью-Йорк. Там при поддержке немецких рабочих-эмигрантов Криге основал еженедельную газету «Volks-Tribun» в качестве органа немецкого ответвления американской Национальной ассоциации реформы, которая объединяла рабочих и мелкую буржуазию и выдвигала требование запрещения продажи земли и бесплатного наделения ею трудящихся. На страницах своей газеты Криге объявил аграрную программу Ассоциации основой коммунистического преобразования общества и стал проповедовать идеи всеобщей любви и братства в духе «истинного социализма».

Маркс и Энгельс были глубоко возмущены содержанием и тоном этой пропаганды. Они решили немедленно дезавуировать Криге, который изображал себя в Америке литературным представителем немецкого коммунизма. Брюссельский комитет, несмотря на противодействие Вейтлинга, принял написанный Марксом и Энгельсом «Циркуляр против Криге».

Превращая коммунистическое учение «в бред о любви», Криге, указывали авторы «Циркуляра», «под именем коммунизма проповедует старую религиозную немецкую философскую фантазию, которая *прямо противоречит коммунизму*»¹. Идеалы, выдвигавшиеся Криге и другими «истинными социалистами», распространявшаяся ими иллюзия о возможности путем наделения трудящихся участками земли навсегда покончить с социальным неравенством, пауперизмом, эксплуатацией, соответствовали умонастроению обанкротившихся лавочников и цеховых мастеров или разорившихся крестьян, «которые стремятся к счастью снова стать в Америке мелкими буржуа и крестьянами»².

Раскрывая несостоятельность попыток Криге изобразить движение американских мелкобуржуазных реформаторов против монополии на землю как коммунистическое, Маркс и Энгельс в то же время отнюдь не отрицали объективной прогрессивности этого движения, его атаки на крупную земельную собственность. «Беспощадно высмеивая вздорность идеологических облачений движения, Маркс старается материалистически-трезво определить его *действительное историческое содержание*, — писал позднее В. И. Ленин. — Маркс не порицает поэтому, а вполне одобряет поддержку этого движения коммунистами»³.

В «Циркуляре против Криге» убедительно доказывалась несоместимость коммунистического мировоззрения с религией. Придавать коммунизму религиозный характер, как это делали Криге и другие «истинные социалисты», а также Вейтлинг, значило заведомо опошлять и извращать его, подчеркивали авторы «Циркуляра». Религиозное мировоззрение парализует волю людей к борьбе. Оно ведет к самоунижению и покорности, в конечном счете к примирению с существующим строем, воспитывая в то же время узкий фанатизм и крайнюю нетерпимость к инакомыслящим, к «еретикам». Коммунистическое мировоззрение, наоборот, укрепляет в трудящихся веру в свои силы, чувство человеческого достоинства, гордости, независимости, широту взглядов — все качества, необходимые для революционных преобразователей мира.

Выступление Маркса и Энгельса против газеты «Volks-Tribun» было в значительной мере направлено и против уравнительного коммунизма Вейтлинга. Среди сторонников Криге и сотрудников его газеты насчитывалось немало вейтлингианцев.

Критика взглядов Криге подействовала отрезвляюще на участников рабочего движения в Германии, Франции и Англии, до того примиренчески относившихся к пропаганде «истинного социализма». Авторитет Криге стал колебаться даже среди его приверженцев в Нью-Йорке. Таким же образом подействовал и второй циркуляр

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 11.

² Там же. С. 9.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 58.

против него Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, составленный Марксом в октябре 1846 г. В конце 1846 г. газета Криге прекратила существование, и этот пропагандист «безграничной любви» потерпел окончательное фиаско.

В августе — сентябре 1847 г. в «Westphälisches Dampfboot» была напечатана написанная Марксом еще одна часть «Немецкой идеологии», посвященная критике книги Грюна «Социальное движение во Франции и Бельгии». Посредством критического разбора этой книги Маркс вскрыл идейные пороки всего направления: выхолащивание рациональных сторон французского утопического социализма, крайнюю беспомощность в объяснении социальных явлений, подмену их научного изучения абстрактными фразами об «истинной сущности человека» и т. д. По своим весьма поверхностным экономическим взглядам «истинные социалисты», отмечал Маркс, примыкают к тем реакционным экономистам, которые «игнорировали революционную сторону конкуренции и крупной промышленности»¹, то есть отрицали прогрессивность капитализма по сравнению с докапиталистическими формами производства. Критика Маркса вскрывала несостоятельность самой идейной основы «истинного социализма», искусственный характер его попытки синтезировать «идеологические фразы немецких философов» (прежде всего фейербаховский абстрактный гуманизм) с «результатами французской критики общества», иными словами с идеями французских утопистов². Маркс обнажил также и свойственное «истинным социалистам» национальное чванство, противопоставление ими «невежеству других народов всеведение немцев»³.

Разоблачение «истинного социализма» укрепило идеологические основы формирующейся пролетарской партии. Многим деятелям рабочего движения — Шапперу, Вейдемейеру и другим — оно помогло избавиться от навеянных «истинным социализмом» неправильных взглядов, духовно окрепнуть, воспринять передовое революционное учение.

Разногласия с Прудоном

«Истинный социализм» как течение сравнительно быстро сошел со сцены, потерпев окончательное банкротство во время революции 1848—1849 гг. Гораздо более живучим оказалось другое мелкобуржуазное направление, связанное с именем Пьера Жозефа Прудона. Воззрения Прудона выражали психологию и чаяния мелких предпринимателей, а также тех слоев пролетариата, которые не вполне оторвались от мелкобуржуазной ремесленнической или

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 523.

² См. там же. С. 518, 519.

³ См. там же. С. 493.

крестьянской среды. В странах, где эти слои составляли значительную часть рабочего класса — во Франции, Бельгии, Италии, Испании — взгляды Прудона приобрели позднее довольно много приверженцев, и прудонизм стал одним из влиятельных течений мелкобуржуазного социализма. Борьба марксизма с прудонизмом, начавшаяся еще до революции 1848 г., продолжалась в течение нескольких десятилетий.

С Прудонем Маркс познакомился летом 1844 г., и первоначально между ними установились дружеские отношения. Маркс оценил природный ум и литературные способности этого выходца из народных низов, сына крестьянина, познавшего на собственном опыте положение людей труда в капиталистическом обществе. В 1840 г. Прудон опубликовал книгу «Что такое собственность?». В ней он, вслед за писателем XVIII в. Бриссо (в период французской буржуазной революции — видный жирондист) доказывал, что собственность — это кража. В научном отношении книга была весьма поверхностной. Прудон нападал не на принцип частной собственности на средства производства вообще, а только на крупную собственность, обнаружив непонимание ее исторического происхождения, неизбежности концентрации собственности в процессе развития товарного производства и роста капитализма. Осуждая капиталистическую наживу, ростовщичество, эксплуатацию, Прудон выступал в то же время против социалистического требования обобществления собственности. Тем не менее даже после разрыва с Прудонем и многолетней полемики с ним Маркс признавал достоинства этой книги, присущее автору искреннее чувство «возмущения мерзостью существующего», незаурядные литературные качества — «сильную мускулатуру стиля»¹.

Маркс надеялся, что Прудон преодолет недостатки своего мировоззрения, приобретет более широкие знания, особенно в области философии, и из него может вырасти теоретик французского пролетариата. В таком духе отзывался Маркс о Прудоне в статье против Руге, в «Святом семействе». Поэтому он стремился расширить кругозор Прудона, знакомил его с гегелевской диалектикой.

В Брюсселе Маркс также не оставил попыток воздействовать на Прудона, привлечь его к сотрудничеству с Брюссельским коммунистическим корреспондентским комитетом. В письме 5 мая 1846 г. он предложил Прудону взять на себя переписку с Комитетом в качестве представителя французского социалистического движения.

Однако Прудон фактически отказался от сотрудничества, выразив отрицательное отношение к коммунистическим идеям революционного преобразования общества. Он объявил пропаганду этих взглядов проповедью «грубого произвола, насилия, истребления» и противопоставил им идею постепенных верхушечных реформ.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 25.

Главное зло Прудон видел не в собственности на средства производства, а в «неэквивалентном», «несправедливом» обмене продуктами труда, в торговой прибыли и ссудном проценте. Выражая настроение ремесленного мастера, крестьянина, мелкого торговца, страдавших от конкуренции крупных капиталистов, ростовщиков и банкиров, Прудон стремился к созданию общества «равных» частных производителей, которыми станут и капиталисты, и рабочие. Достичь этого он надеялся путем организации безденежного обмена на основе трудовой стоимости товаров, введения дешевого, если не дарового, кредита, постепенного выкупа крупной собственности у владельцев и перераспределения ее на началах равенства образованными для этой цели (но не для совместного ведения производства) объединениями владельцев мелких предприятий, ремесленников, торговцев и рабочих. Для утопии Прудона по существу характерна иллюзия возможности сохранения капиталистического строя без его тяжелых для мелкого производства последствий: конкуренции, монополии крупных капиталистов.

Первые сведения о социальных проектах Прудона Маркс получил от Энгельса, который в августе 1846 г. переехал в столицу Франции, чтобы по поручению Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета организовать там аналогичный комитет, наладить пропаганду коммунистических идей среди французских и немецких рабочих и вести борьбу с вейтлингианством и «истинным социализмом». В Париже Энгельс познакомился с проектами прудоновской реформы, распространяемыми среди немецких рабочих Грюном. В письмах Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету и Марксу 16 и 18 сентября 1846 г. Энгельс раскрыл «беспредельную нелепость» этих идей. В конце октября 1846 г. на собрании парижских общин Союза справедливых Энгельсу удалось добиться принятия резолюции, отвергшей прудоно-грюновские социальные рецепты и утвердившей сформулированное им положение о цели рабочего движения: ликвидации частной собственности революционным путем.

Деятельность Энгельса была горячо одобрена Марксом. Его письма из Парижа служили источником ценнейшей информации. Из них Маркс еще в 20-х числах октября 1846 г. узнал и о выходе в свет новой книги Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Сама книга попала в его руки позднее — во второй половине декабря.

Книга Прудона претендовала быть неким евангелием, призванным потрясти основы общественных наук и дать ключ к решению социального вопроса. Прудон рассчитывал сказать новое слово в философии и в политической экономии. В действительности «Философия нищеты» свидетельствовала о непонимании ее автором ни философского метода Гегеля, ни английской буржуазной политической экономии. То, что Прудону мыслилось большим шагом

вперед, на самом деле было шагом назад от Гегеля, Смита и Рикардо.

Необходимо было нанести сокрушительный удар реформистской идеологии Прудона, защитить идею коммунизма, которую хотел опорочить Прудон, не гнушавшийся грубыми выпадами и против социалистов-утопистов, во взглядах которых он вообще отрицал что-либо рациональное. Поэтому Маркс немедленно взялся за работу над «Анти-Прудоном», имея в виду изложить также — в противовес догмам Прудона — основы нового, материалистического коммунистического мировоззрения.

Первый сжатый набросок содержания своей будущей книги Маркс сделал 28 декабря 1846 г. в письме Анненкову, который интересовался его мнением о труде Прудона. Критическая характеристика Прудона, данная в письме, поразила своей убедительностью и глубиной даже такого чуждого коммунизму и материализму человека, как Анненков. «Ваше мнение о работе Прудона своей правильностью, ясностью, а главное стремлением держаться в рамках реального, оказало на меня поистине живительное действие», — писал он 6 января 1847 г. Марксу¹.

В письме Анненкову Маркс вскрыл порочность методологии Прудона, идеализм и метафизичность его метода, ограниченность его социологических воззрений, неумение разобраться ни в историческом происхождении, ни в природе, ни в сущности капитализма, ни вообще в законах развития общества, неспособность понять значение классовой борьбы пролетариата. Вместе с тем Маркс не отнесся к взглядам Прудона как к некоему литературному курьезу или чудачеству незадачливого мыслителя. Он увидел в его идеях воплощение умонастроений определенного класса. «Г-н Прудон — с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии», — писал Маркс². Критика воззрений Прудона поэтому имела принципиально важное значение для пролетариата. Она должна была обеспечить его теоретическое и идейное превосходство над мелкой буржуазией, помочь ему идейно размежеваться с ней и в то же время завоевать положение ведущего класса, способного воздействовать на мелкобуржуазные непролетарские слои — возможного союзника в предстоящей борьбе.

В письме Маркс резюмировал основные положения открытого им и разработанного в «Немецкой идеологии» совместно с Энгельсом материалистического понимания истории: об определяющей роли производительных сил в развитии общества, о диалектической связи и взаимодействии между производительными силами и производственными отношениями, о зависимости от способа производства всех других общественных институтов и явлений, включая сюда и

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 142.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 411.

сферу идей. Несоответствие между развивающимися производительными силами и существующими производственными отношениями (уточняя терминологию, Маркс называет их здесь уже не «формой общения», как в «Немецкой идеологии», а «экономическими отношениями», «общественными отношениями») обуславливает историческую необходимость смены устаревшего способа производства новым, более прогрессивным. Чрезвычайно глубока мысль Маркса о том, что устаревшие производственные отношения не только тормозят развитие общества, но и способны отбросить общество назад, лишить его «плодов цивилизации»¹. Он разоблачил субъективистско-идеалистические взгляды на историю как на результат действий выдающихся людей, способных «похитить у бога его сокровенную мысль»², а также волюнтаристские представления, допускающие возможность произвольного «исторического» творчества, независимо от объективных условий. Подлинными творцами истории — производителями материальных благ, разъяснял Маркс, воздействуют на ее ход прежде всего своим участием в развитии производительных сил. Но они не могут делать это по произволу, поскольку «люди не свободны в выборе своих производительных сил», и каждое последующее поколение застает «производительные силы, приобретенные предыдущим поколением»³.

Подчеркнув необходимость подхода к различным формам производства определенной эпохи как к историческим и преходящим, Маркс обосновал принцип историзма в науке. Он показал, что этот принцип составляет неотъемлемую черту подлинного научного исследования общественных явлений.

«Нищета философии»

Работа Маркса над книгой против Прудона продолжалась сравнительно недолго. В начале апреля 1847 г. книга, которую Маркс писал на французском языке, была в основном завершена и передана в издательство. Печаталась она в издательствах Франка в Париже и Фоглера в Брюсселе. 15 июня 1847 г. Маркс написал краткое предисловие, а в начале следующего месяца книга вышла из печати под заглавием «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона».

Посвятив новое произведение в первую очередь критике взглядов Прудона, Маркс в то же время развернул в нем собственные философские и экономические воззрения, а также высказал ряд глубоких мыслей о рабочем движении и его тактике. В «Нищете философии» впервые в печати были научно изложены, хотя и в полемической форме, основополагающие принципы исторического ма-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 403.

² Там же. С. 410.

³ Там же. С. 402.

териализма, развитые главным образом в процессе работы над «Немецкой идеологией». Эти принципы составляют исходную методологическую основу критики буржуазной политической экономии и буржуазного способа производства.

Если до появления «Нищеты философии» Маркс как философ имел уже весьма солидную репутацию, то как экономист он еще не был известен. «Нищета философии» явилась, таким образом, его публичным дебютом в политической экономии. Сам Маркс писал о ней в 1880 г.: «...в этой книге содержится в зародыше то, что после двадцатилетнего труда превратилось в теорию, развитую в *«Капитале»*»¹. В. И. Ленин считал «Нищету философии» одним из первых произведений зрелого марксизма.

Критикуя работу Прудона, Маркс показал порочность самих ее методологических принципов. В своей книге Прудон, указывая на, пытался применить к политической экономии диалектический метод Гегеля. Однако, не уяснив самой сущности диалектики, не понимая, что ее научное применение к анализу экономических явлений предполагает раскрытие действительных противоречий, присутствующих самим этим явлениям, Прудон искусственно конструировал экономические противоречия из абстрактных категорий политической экономии. Вместо подлинной диалектики получилось софистическое жонглирование противоречиями. Переняв у Гегеля мистико-идеалистическую форму учения о противоречиях, Прудон, отмечал Маркс, выхолостил рациональные элементы этого учения. Совершенно исказил он гегелевское понимание разрешения или снятия противоречий. По Прудону, это снятие означало не революционный переход к новому качеству, а устранение «дурной стороны» существующего явления, находящейся в противоречии «с хорошей стороной». Отсюда следовало стремление Прудона не уничтожить капитализм и его основу, а только очистить товарное производство от «плохих сторон», от злоупотреблений. Маркс подчеркивал, что диалектическое движение для Прудона «состоит лишь в догматическом различении хорошего и дурного», что он «заимствовал из диалектики Гегеля только язык», оставаясь на деле метафизиком².

Маркс далее показал, что, заимствовав у классиков буржуазной политической экономии ошибочное представление о вечности экономических категорий буржуазного общества, Прудон рассматривал эти категории как основу для устранения дурных сторон существующего и конструирования нового, «справедливого» социального порядка. Он повторил ошибку английских социалистов-рикардианцев Брея, Томпсона и других, пытавшихся вывести социалистическую систему из постулатов буржуазной политической экономии, в частности, из трудовой теории стоимости. Маркс выяснил утопи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 231.

² См. там же. Т. 4. С. 135.

ческий характер этих попыток в ходе своих научных занятий в 1845—1846 гг. В «Нищете философии» он показал близость «научного открытия» Прудона к утопическим проектам Брея и других писателей этого направления. Однако, подчеркивал он, в отличие от английских социалистов, видевших в этих проектах лишь переходную меру к коренному преобразованию общества на социалистических началах, Прудон, как истый мелкий буржуа, считал их всеисцеляющим средством спасения мелкого частного производства.

В противовес метафизическому и идеалистическому сведению политической экономии к сумме мыслительных абстракций, к неким безжизненным категориям, Маркс доказывает, что подлинная экономическая наука должна базироваться на познании объективных процессов материальной жизни общества, прежде всего на изучении условий материального производства. Абстракции, логические категории только тогда могут служить инструментом научного познания явлений, когда они сами отражают эти процессы. С другой стороны, как реальные отношения, так и экономические категории, которые их выражают, существуют не вечно, а носят исторический, преходящий характер. Отсюда следует, что научный метод познания предполагает восприятие вещей, явлений и их абстрактного выражения — научных категорий — в диалектическом развитии, в движении, обусловленном борьбой присущих им внутренних противоречий.

В «Немецкой идеологии» было дано немало образцов применения материалистической диалектики к анализу общественных явлений и в ходе этого анализа были вскрыты объективно присущие развитию общества диалектические процессы (диалектика производительных сил и производственных отношений, единство и борьба противоположностей в форме антагонизмов между классами, смена количественных изменений качественными, эволюции революционным скачком). В «Нищете философии» Маркс уже уделяет специальное внимание самому методу материалистической диалектики, в обобщенном виде раскрывает его существенные черты.

В отличие от Гегеля, сделавшего диалектику свойством лишь мысли, духовной жизни, инобытием которой якобы является пассивная материя, Маркс видел первичный источник диалектического движения в самих материальных явлениях, в самой жизни, отражением которой служит развитие идей и понятий. В «Нищете философии» Маркс глубоко раскрыл материалистический характер диалектики в противоположность идеалистическому и мистическому истолкованию ее у Гегеля. Этим он провел четкую грань между своим научным методом и методом немецкого философа.

С предельной научной лаконичностью изложил Маркс и основы материалистического понимания истории. В сжатой формуле он выразил его суть: единство производительных сил и производственных отношений, неизбежность смены способа производства в ре-

зультате изменения непрерывно развивающихся производительных сил. «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни,— они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»¹.

Раскрывая содержание понятия «производительные силы», Маркс указал, что оно охватывает не только средства производства, но и работников. Он сформулировал важное положение: «...наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс»².

В своей работе Маркс не ограничился критикой только Прудона. Маркс обращал внимание на принципиальный порок всех буржуазных экономистов, в том числе и классиков,— трактовку ими стоимости, разделения труда, кредита, денег и т. д. как застывших и неизменных категорий. Маркс остро критикует представителей буржуазной экономической мысли за то, что они изображали законы буржуазного производства в качестве естественных законов, которые будто бы должны всегда управлять общественным производством. Каждая фаза производства когда-то возникла и когда-то должна будет сойти со сцены. Ошибочно, подчеркивал он, считать, например, феодальные институты искусственными, а буржуазные — естественными. Первые для своего времени были столь же «естественны», как вторые для нового времени. Но неизбежно наступит такое время, когда законы буржуазного производства утратят свою силу, потому что исчезнет с лица земли и сама система буржуазных отношений.

С новых методологических позиций подошел Маркс к анализу ряда категорий политической экономии, прежде всего основополагающей категории стоимости. В противоположность Прудону, который в стоимости, как и в других категориях, усматривал только «идею стоимости», то есть трактовал ее как чисто мыслительное понятие, Маркс относил происхождение стоимости к той реальной исторической стадии развития производства и обмена, когда продукты труда стали предметом торговли. В «Нищете философии» под стоимостью Маркс понимал воплощенный в товаре человеческий труд. Стоимость определяется количеством общественно необходимого рабочего времени, затраченного на производство товара, отмечал он вслед за Смитом и Рикардо. Но в отличие от них Маркс доказывал, что продукты человеческого труда становятся товаром, приобретают форму стоимости (Маркс часто употреблял здесь, как

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 133.

² Там же. С. 184.

адекватное, выражение «меновая стоимость») лишь в специфических общественных условиях, когда производство носит общественный характер, а труд еще не является непосредственно общественным. Стоимость осуществляет и выражает общественную связь отдельных товаропроизводителей.

В стоимости, как и в других категориях, Прудон различал две стороны — дурную и хорошую. Дурная (стоимость в собственном смысле, меновая стоимость), писал он, должна быть устранена, а хорошую (полезность вещи, ее потребительную стоимость), наоборот, следует сохранить и развивать. Разрешение этого противоречия, этого дуализма стоимости мыслилось ему путем учреждения продуктообмена без помощи стоимостного инструмента — денег. Маркс доказал, что не деньги сами по себе создают противоречия буржуазной системы, а система противоречива в самой своей основе. Она необходимо предполагает существование стоимости, денег. «Деньги — не вещь, — писал Маркс, — а общественное отношение»¹. Внутренние, органические противоречия капитализма нельзя уничтожить посредством ликвидации денег, ибо эти противоречия порождаются формой производства, они продукт капиталистической частной собственности.

В «Нищете философии» Маркс выдвигает некоторые исходные положения своей теории прибавочной стоимости, развитой им в более поздних работах. Маркс еще оперирует здесь заимствованными у экономистов-классиков понятиями «труд как товар», «стоимость труда», «цена труда». Однако он наполняет эти понятия новым содержанием, выявляющим эксплуататорскую сущность отношений между наемным трудом и капиталом. Для Рикардо труд такой же товар, как и всякий другой. Для Маркса труд — это товар особого рода, покупка и потребление которого влечет за собой обогащение капиталиста и ухудшение положения работника. Маркс формулирует, пока еще в общей, зачаточной форме, всеобщий закон капиталистического накопления, указывая, что «в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета»².

Это проникновение в сущность капиталистического производства дало возможность Марксу по-новому, по сравнению с Рикардо, подойти к возникновению и истории капиталистического способа производства. В «Нищете философии» Маркс, развивая мысли, высказанные в «Немецкой идеологии», делает мастерский набросок основных стадий капиталистического производства — простой кооперации, мануфактуры, фабрики. Глубокую оценку дает он роли разделения труда и машинного производства. Маркс со всей силой подчеркивал, в противовес Прудону, его революционную сторону.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 110.

² Там же. С. 144.

Условия, созданные капиталистической фабрикой для рабочих, меньше всего отличались филантропичностью, но она была необходимым этапом развития промышленности, в громадной степени способствовала росту и концентрации производства; из ее недр вырос современный рабочий класс.

Хотя Маркс в то время еще не довел до конца критику классической политической экономии, в «Нищете философии» он исходил из совершенно новых методологических предпосылок исследования экономической действительности, в корне отличных от критериев, применявшихся буржуазными экономистами. Он начал разработку пролетарской политической экономии на новой философской основе, используя в то же время все рациональное, что имелось у его предшественников Рикардо, Смита и др.

В противовес обычным для буржуазной политической экономии, а также и утопического социализма ограниченным представлениям Маркс определил те реальные общественные силы, которые призваны разрешить противоречия буржуазного общества и осуществить его социальное преобразование. Теоретики рабочего класса, указывал Маркс, намечая пути связи науки с революционной практикой, обязаны быть сознательными выразителями поступательного движения истории, а не искать научную истину исключительно в своих головах. Подлинно революционная наука призвана вооружить рабочий класс сознанием противоречий капитализма, сознанием того, что в этих противоречиях заложена также неизбежная гибель капиталистической системы.

Маркс принципиально разошелся с Прудоном, отрицавшим положительное значение для рабочих стачечной борьбы и утверждавшим, что рабочие не хотят и не должны объединяться в профессиональные союзы. Конкретными фактами он опроверг эти домыслы.

Вопреки уверениям буржуазной политической экономии о бесполезности сопротивления рабочих существующим порядкам, вопреки проектам социалистов-утопистов, уводившим рабочие массы от реальной борьбы, Маркс показал, что объединение в коалиции служит для рабочих школой классовой борьбы, формой подготовки их к революционной атаке на капиталистический, эксплуататорский строй. Капитал превратил массы населения в неимущих рабочих, порабощенных предпринимателями и раскалываемых конкуренцией. Однако эта масса, писал Маркс, под влиянием общих интересов будет постепенно сплываться, объединяться, сначала по профессиям, оказывать все более организованное противодействие капиталистам. «В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы»¹.

По мере развития освободительного движения пролетариата последний все больше проникается сознанием коренной противо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 183.

положности своих интересов существующему строю, необходимости революционного изменения его основ, организации и сплочения своих сил на борьбу за эту цель. Приобретение такого классового, социалистического сознания играет решающую роль в превращении пролетариата из массы, которая «является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой», в «класс для себя». Подчеркивая значение экономической борьбы рабочих, Маркс отмечал, что она неизбежно должна перерасти в политические революционные выступления, поскольку всякая борьба класса против класса есть борьба политическая. Этой формулой Маркс определил одно из важнейших положений теории революционного пролетарского движения — положение о единстве экономической и политической борьбы пролетариата, о решающей роли политической борьбы в деле его освобождения.

Общество, основанное на противоположности классов, указывал Маркс, неизбежно приходит к острому социальному конфликту. Только когда в результате победы рабочего класса исчезнут классовые антагонизмы, общество сможет устранять препятствия для развития производительных сил без революционных потрясений, «*социальные эволюции перестанут быть политическими революциями*». А пока, заключает Маркс словами Жорж Санд из введения к роману «Ян Жижка»: «Битва или смерть; кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса»¹.

Друзья Маркса рассматривали появление «Нищеты философии» как большой теоретический успех формирующейся пролетарской партии. Немецкий коммунист Фердинанд Вольф при содействии Вейдемейера напечатал в журнале «Westphälisches Dampfboot» рецензию на книгу. Энгельс в беседах с французскими социалистами и демократами называл произведение Маркса «нашей программой»².

Основание Союза коммунистов

К концу 1846 г. в сознании членов Союза справедливых в Париже и Лондоне наметился перелом. До этого многие из них проделали сложную идейную эволюцию, испытав влияние различных направлений утопического социализма. Практические вопросы рабочего движения, с которыми приходилось им сталкиваться и на которые не давали ответа различные утопические системы, неизбежно приводили к разочарованию в них. С другой стороны, действовала притягательная сила идей формирующегося научного коммунизма, вносящего ясность в самые сложные жизненные вопросы. В умах руководителей Союза справедливых стало укрепляться убеждение, что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 185.

² См. там же. Т. 27. С. 92.

только Маркс и Энгельс способны дать рабочим организациям правильную ориентировку. Постепенно рассеивалось традиционное для ремесленников недоверие к «образованным», росло понимание роли науки в разрешении социальных проблем.

В ноябре 1846 г. местопребывание центрального органа Союза справедливых, его Народной палаты, было перенесено из Парижа в Лондон. В состав ее вошли сапожник Генрих Бауэр, часовщик Иосиф Молль и Карл Шаппер — участник революционного движения со студенческих лет, политический изгнанник, сменивший по необходимости ряд профессий — лесника, бочара, пивовара, наборщика. В обращении, которое они направили всем членам Союза, уже чувствовался известный идейный сдвиг, обусловленный влиянием Маркса и Энгельса. В нем говорилось о необходимости создания «крепкой партии», отмечался вред, наносимый рабочему движению погоней за изобретением различных искусственных социалистических систем. Обращение выдвигало на обсуждение действительно важные политические вопросы — об отношении к различным слоям буржуазии, к непролетарским партиям и т. д. Авторы обращения предлагали созвать в начале мая 1847 г. международный коммунистический конгресс.

Столкнувшись с рядом трудностей при выработке программы для конгресса, руководители Союза справедливых решили обратиться за помощью к Марксу и Энгельсу. За это горячо высказались и наиболее активные члены лондонской организации Союза. Народная палата направила в Брюссель к Марксу и в Париж к Энгельсу Молля с официальным поручением договориться об условиях их вступления в Союз и участия в разработке программы и других документов.

Маркс и Энгельс еще раньше получали приглашение вступить в Союз справедливых. Однако не разделяя господствовавших в нем утопических взглядов и отрицательно относясь к сектантско-заговорщическим принципам его организации, они неизменно отвечали отказом. И на этот раз Маркс вначале отнесся к предложению Молля с некоторой настороженностью. Но в ходе переговоров, которые происходили в конце января — начале февраля 1847 г., выяснилось, что лондонские руководители Союза готовы провести его реорганизацию. По существу, Марксу и Энгельсу предоставлялась возможность использовать в качестве ядра формирующейся пролетарской партии уже существующую международную рабочую организацию, подвергнув ее радикальной перестройке в соответствии с принципами нового учения. Убедившись в этом, Маркс дал свое согласие на вступление в Союз. Предложение было принято и Энгельсом.

Результаты переговоров с Марксом и Энгельсом были отражены в новом обращении лондонского руководства Союза справедливых, выпущенном в феврале 1847 г. Не называя имен, авторы его давали понять о вступлении Маркса, Энгельса и их сторонников в ряды Союза; в обращении говорилось о том, что «во Франции и Бельгии

мы временно организовались по-новому»¹. Созыв конгресса был перенесен с мая на июнь, что давало возможность лучше к нему подготовиться. С Марксом была согласована повестка конгресса, предусматривавшая полную реорганизацию Союза, выработку нового устава, рассмотрение вопросов о программе, о печатном органе и т. д. Беседы Маркса и Энгельса с Моллем помогли членам лондонского центра уточнить свою позицию по отношению к различным социалистическим течениям.

О договоренности с Народной палатой Маркс немедленно уведомил своих соратников в Германии и других странах. Он не только предложил им вступить в Союз, но и побуждал принять активное участие в его реорганизации. В письме Даниельсу 7 марта 1847 г. он предлагал организовать встречу в одном из бельгийских городов для обсуждения партийных дел. В переписке с Энгельсом он обсуждал организационные вопросы, связанные с подготовкой конгресса и посылкой на него делегатов.

2—9 июня 1847 г. в Лондоне состоялся конгресс Союза справедливых. Маркс не смог приехать в Лондон из-за денежных затруднений. Однако он подробно проинструктировал В. Вольфа, направленного на конгресс в качестве делегата от брюссельской группы. Из Парижа прибыл Энгельс. Присутствие на конгрессе Энгельса и Вольфа Маркс считал достаточным для того, чтобы обеспечить правильное направление его работы.

На июньском конгрессе Союз справедливых был переименован в Союз коммунистов. Конгресс фактически носил учредительный характер и положил начало совершенно иной организации, с новыми идейными принципами и новой структурой.

Важный шаг был сделан для разработки программы Союза. Составленный Энгельсом набросок в принятой тогда среди рабочих обществ форме революционного катехизиса (ответов на вопросы) — проект «Коммунистического символа веры» — конгресс признал основой программы и решил разослать его для обсуждения местным общинам. В документе программные принципы излагались в духе научного коммунизма².

При непосредственном участии Энгельса и Вольфа был выработан новый устав, который после обсуждения на местах также надлежало представить на утверждение следующему конгрессу. В соответствии с договоренностью между Марксом и Моллем при составлении устава было устранено все заимствованное прежним Союзом из заговорщических тайных обществ: полумистический ритуал при приеме членов, клятва верности, мелочная регламентация обязанностей, чрезмерная концентрация власти в руках руководителей,

¹ Союз коммунистов — предшественник I Интернационала: Сборник документов. М., 1964. С. 133.

² Der Bund der Kommunisten. Dokumente und Materialien. В., 1970. Bd. 1. S. 470—475.

создающая возможность для злоупотреблений. Позднее, в 1877 г., Маркс писал по этому поводу одному из тогдашних своих корреспондентов: «Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов произошло под тем непременным условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суверенному преклонению перед авторитетами...»¹ Маркс и Энгельс считали, что в пролетарской организации не должно быть места для культа личности руководителей.

В новом уставе выборность руководящих органов сочеталась с достаточной степенью централизации, с принципом подчинения низших органов высшим. Высшим органом Союза коммунистов являлся конгресс, состоящий из делегатов местных организаций. По настоянию Маркса позднее был устранен пункт, ограничивавший полномочия конгресса и предоставлявший общинам право принимать или отвергать его решения. Роль исполнительной власти в промежутках между конгрессами играл Центральный комитет. Первичной ячейкой была община с выборными председателем и заместителем. Несколько общин данной местности объединялись в округ во главе с окружным комитетом.

Прием в Союз кандидата после ознакомления его с уставом производился с согласия общины ее председателем и рекомендуемым членом. Предусматривались также правила исключения из Союза за различные проступки, порядок уплаты членских взносов, расходования союзных средств. Члены Союза были обязаны разделять коммунистические принципы, вести достойный коммунистов образ жизни, хранить партийную тайну, воздерживаться от участия в обществах, враждебных Союзу коммунистов. Это последнее требование было введено в устав спустя некоторое время, опять-таки по инициативе Маркса, вместо носившего сектантский характер первоначального запрещения членам Союза вообще вступать в любую другую политическую и национальную организацию.

Выработкой устава Союза коммунистов в рабочее движение впервые были внесены организационные принципы более высокого типа, чем те, которыми руководствовались существовавшие дотеле рабочие и демократические организации. В то же время в уставе был учтен и их положительный организационный опыт. Решением конгресса об исключении из рядов Союза сторонников Вейтлинга была провозглашена несовместимость признания сектантских и утопических догм с пребыванием в пролетарской организации.

Конгресс решил отказаться от прежнего распыленного девиза: «Все люди братья!» Вместо него был принят выдвинутый Марксом и Энгельсом великий призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Провозглашение его имело всемирно-историческое значение. Впервые в истории был брошен клич, воплотивший в себе основной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 241.

принцип пролетарского интернационализма — идею международной солидарности людей труда, идею единства и сплочения рабочего класса во имя совместной борьбы против капиталистического рабства.

Основание Союза коммунистов — первой международной рабочей организации, провозгласившей научный коммунизм своим идейным знаменем, явилось выдающимся событием в истории освободительной борьбы пролетариата. Оно положило начало соединению марксизма с рабочим движением, явилось предвестником будущего торжества марксистского мировоззрения, идей интернациональной пролетарской солидарности.

Немецкое рабочее общество в Брюсселе

После первого конгресса необходимо было направить усилия на то, чтобы обеспечить идейное и организационное укрепление Союза коммунистов. Коммунистические корреспондентские комитеты и группы влились в его состав. В Брюсселе по инициативе Маркса 5 августа 1847 г. были образованы община и округ Союза коммунистов. В состав окружного комитета вошли Маркс, Вольф, Жиго и немецкий рабочий Юнге. Роль Брюссельского окружного комитета, возглавлявшегося Марксом, не ограничивалась руководством бельгийскими общинами. Брюссель, по существу, стал направляющим центром всего Союза коммунистов. Лондонский Центральный комитет по всем важнейшим вопросам обращался в первую очередь к Брюссельскому окружному комитету.

Ближайшие друзья и соратники Маркса заняли вскоре ведущее положение в Союзе коммунистов. Вейдемейер, Даниельс, Бюргерс и другие явились организаторами и руководителями его общин в Западной Германии. В Париже общинами Союза руководил Энгельс, вошедший в состав Парижского окружного комитета. По делам Союза он в конце июля приехал в Брюссель, где пробыл до середины октября 1847 г.

Ближайшей целью Союза коммунистов Маркс считал организацию пропаганды коммунистических идей. При существующих в абсолютистских государствах условиях и тех препятствиях, которые чинились политической деятельности эмигрантов в странах с «либеральным» режимом (Бельгия, Франция, Швейцария), Союз должен был оставаться тайной организацией. Однако Маркс всячески стремился к тому, чтобы он не унаследовал от своих предшественников — тайных рабочих обществ 30-х и начала 40-х гг. — изолированности и оторванности от масс. По мысли Маркса, нелегальные, сравнительно узкие организации Союза должны были образовать сеть открытых рабочих обществ, подобных Лондонскому Коммунистическому просветительному обществу немецких рабочих. Союзу

следовало либо установить контакт с уже существующими просветительными обществами, либо создавать новые.

Эта идея вскоре стала воплощаться в жизнь. При создаваемых членами Союза коммунистов просветительных обществах организовывались библиотеки, нечто вроде курсов для чтения рабочим лекций по разным предметам, певческие кружки и т. д. Регулярно проводились политические дискуссии. «Стоявший за открытыми обществами рабочих и руководивший ими Союз, — отмечал позднее Маркс, — находил в них ближайшее поле деятельности для открытой пропаганды, а с другой стороны, он пополнялся и расширялся за счет наиболее способных их членов»¹.

По инициативе Маркса и Энгельса в конце августа 1847 г. в Брюсселе было основано Немецкое рабочее общество, объединявшее главным образом немецких рабочих-эмигрантов. Вначале оно насчитывало 37, а спустя несколько месяцев уже около 100 человек. Руководящую роль в нем играли члены Союза коммунистов.

Немецкое рабочее общество вело широкую пропагандистскую и просветительную работу. Маркс был одним из наиболее деятельных его членов. Во второй половине декабря он прочел в обществе цикл лекций по политической экономии. Сохранилась также запись выступления Маркса на торжественном банкете, который был организован обществом 31 декабря 1847 г. по случаю встречи Нового года. Приветствуя в своей речи присутствовавших гостей — деятелей бельгийского и международного демократического движения, Маркс подчеркнул значение для рабочих революционной борьбы за демократические свободы.

«Наемный труд и капитал»

Лекции по политической экономии, прочитанные в Немецком рабочем обществе, Маркс намеревался обработать для печати. Сохранился вариант, переписанный рукой Вейдемейера и предназначенный для этой цели. Однако опубликовать работу в начале 1848 г. в Брюсселе не удалось. Помешали начавшиеся в Европе революционные события. Только спустя полтора года после прочтения этих лекций, в первой половине апреля 1849 г., Маркс сумел часть их опубликовать в «*Neue Rheinische Zeitung*» под общим заглавием «Наемный труд и капитал». Публикация осталась незавершенной. Среди материалов Маркса сохранилась рукопись «Заработная плата», представляющая собой, по всей вероятности, черновой набросок неопубликованной части его лекций.

«Наемный труд и капитал» — вторая после «Нищеты философии» относительно крупная работа Маркса второй половины 40-х гг.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 450.

по политической экономии. Содержание ее отражает глубину марксовых познаний в этой науке и свидетельствует об оригинальности его экономических воззрений. При этом «Наемный труд и капитал» является одним из замечательных образцов популяризации Марксом своих научных воззрений. Марксу удалось здесь с исключительной ясностью и простотой изложить рабочим весьма сложные экономические проблемы.

Маркс поставил своей целью объяснить суть капиталистической эксплуатации, вскрыть экономические основы господства буржуазии и фактического рабства наемных рабочих. Такая задача была особенно важна, поскольку многочисленные защитники буржуазных порядков внушали рабочим, что они получают за свой труд справедливую заработную плату, а фабриканты получают в виде прибыли столь же справедливое вознаграждение за свой капитал, дающий рабочим средства занятости. С другой стороны, имели хождение и всевозможные утопические проекты установления гармонии интересов всех участников капиталистического производства.

Маркс отверг все эти апологетические утверждения. Он прежде всего разъяснил рабочим, что такое заработная плата и чем она определяется. В торговой сделке с капиталистом, указывал он, рабочий продает свой труд. Капиталист платит рабочему за отработанное время или за определенное количество произведенных предметов. Зарботная плата является денежным выражением, особым названием цены этого единственного товара, которым располагает рабочий. Не совершив такой сделки, не продав свой труд капиталисту, рабочий не может жить. Его основная форма жизнедеятельности, его труд служит единственным источником существования для него самого и его семьи. Поэтому наемный труд лишь по видимости является свободным трудом. Как раб, подобно неодоухотворенной вещи, был раз и навсегда продан своему господину, как крепостной был прикован к земле, за которую он отдавал помещику часть своего труда, так и наемный рабочий фактически пожизненно прикован к классу буржуазии. Самое большее, что он может сделать,— это поменять покупателя его труда, перейти от одного капиталиста к другому.

Цена всякого товара колеблется в зависимости от спроса и предложения, под влиянием взаимной конкуренции между продавцами. Но каковы бы ни были указанные колебания, она непременно тяготеет к уровню издержек производства данного товара. При этом колебания цен вокруг издержек производства носят отнюдь не спокойный и размеренный характер, а сопровождаются «ужаснейшими опустошениями», иногда, в кризисные периоды, создают в общем и целом картину подлинной промышленной анархии.

К категории издержек производства, или иначе к стоимости, Маркс здесь относил сырье и орудия труда, применяемые в производстве данного товара и измеряемые воплощенным в них рабочим

временем, а также непосредственный живой труд, мерой которого опять-таки является время.

По аналогии с другими товарами, издержки производства труда слагаются из издержек на подготовку рабочего и сохранение его как такового. Это издержки производства необходимых рабочему жизненных средств. Цена их как раз и представляет собой заработную плату.

Переходя от определения заработной платы к определению прибыли, Маркс показал порочность традиционных для буржуазной политической экономии представлений о капитале как о сумме предметов и средств, как о накопленном труде, который применяется для нового производства. Капитал имеет вещную оболочку, выступает как вещь. На это указывали многие, однако только Маркс установил, что вещь служит капиталом не при всех обстоятельствах, что превращение продукта труда, накопленного труда, в капитал предполагает определенные общественные отношения. Капитал есть продукт определенной исторической ступени развития общества, и сам он является общественным отношением — именно господствующим отношением буржуазного способа производства, буржуазного общества. В какой бы вещной форме ни выступал капитал, из какой бы суммы товаров он ни слагался, он означает наличие таких общественных условий, при которых владение вещами позволяет присваивать безвозмездно непосредственный живой труд рабочих, не располагающих ничем, кроме способности к труду. «Только господство накопленного, прошлого, овеществленного труда над непосредственным, живым трудом превращает накопленный труд в капитал»¹. Капитал и наемный труд взаимно обуславливают и взаимно порождают друг друга.

В «Наемном труде и капитале» Маркс не только дал классическое определение капитала, но и развил дальше положение об эксплуатации наемного труда капиталом. На наглядных примерах Маркс показал, что источником прибыли капиталиста является превышение стоимости произведенного рабочим продукта над стоимостью жизненных средств, которые он получает в виде заработной платы. Рассматривая различные стороны заработной платы, Маркс провел четкое различие между номинальной и реальной заработной платой, а также выдвинул весьма важное положение об относительной заработной плате, которая отражает отношение долей в произведенном продукте наемного рабочего и капиталиста, труда и капитала. Он сформулировал важную закономерность: даже при самых благоприятных для рабочего обстоятельствах относительная доля рабочего понижается, относительная доля капиталиста растет. «Прибыль и заработная плата по-прежнему находятся в обратном отношении друг к другу»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 443.

² Там же. С. 451.

Маркс указал на диаметрально противоположность интересов наемного труда и капитала, на увеличение пропасти между двумя основными классами буржуазного общества — пролетариатом и буржуазией. По мере роста общественных богатств и производительности труда пролетариат, подчеркнул Маркс, кует себе только «золотые цепи, на которых буржуазия тащит его за собой»¹.

Однако несмотря на все это, быстрый рост капитала, заметил Маркс, создает предпосылки для революционного преобразования общества. В черновом наброске «Заработная плата» Маркс подчеркнул, что буржуазная система наемного труда обеспечивает появление материальных средств для социального освобождения пролетариата и создания нового общественного строя. Капитализм по сравнению с предшествующими формами общества имеет то преимущество, что при господстве капитала общественные отношения лишены «ореола святости»², патриархальщины, и единственной связью становится денежное отношение купли и продажи. Пролетариат достигает в своем развитии такой ступени организованности и силы, когда он уже вполне способен совершить коренную социальную революцию.

Впоследствии Маркс и Энгельс не все положения «Наемного труда и капитала» признавали верными и удачными с точки зрения их более поздних взглядов. Вслед за буржуазными классиками политической экономии Маркс в этой работе трактовал еще труд, как товар. Позднее он уточнил, что рабочий продает капиталисту не труд, а рабочую силу. Это было не только терминологическим уточнением, а кардинальным открытием Маркса в области политической экономии. Стоимость товара Маркс, идя здесь за буржуазными классиками, пока отождествлял с издержками его производства. В результате из стоимости выпадал такой существенный компонент, как стоимость прибавочного продукта, производимого рабочим, но присваиваемого капиталистом. Короче говоря, «Наемный труд и капитал» отражал тот этап развития экономической теории Маркса, когда ее формирование еще не было завершено. Это та высота, на которую Маркс как экономист поднялся к концу 40-х гг., закладывая основы нового, пролетарского экономического учения.

Борьба за печатный орган

Для широкой пропаганды коммунистических идей необходимо было иметь печатный орган. Еще в период деятельности Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета Вейдемейер писал Марксу: «Очень печально, что совершенно отсутствует орган,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 451.

² См. там же. С. 601.

где бы могли публиковаться небольшие статьи без цензуры. Я убежден, что ты единственный человек, который может осуществлять редактирование...»¹

С основанием Союза коммунистов потребность в таком органе стала еще более настоятельной. В августе 1847 г. Маркс разработал план основания в Бельгии на акционерных началах ежемесячного критического журнала. Он сообщил об этом своим друзьям в Германии и Франции, предложив организовать подписку. Намерение, однако, осуществить не удалось.

Лондонские руководители Союза коммунистов также пытались наладить при поддержке Маркса и его друзей выпуск коммунистического журнала. Особенно большую помощь им оказал Вильгельм Вольф. В сентябре 1847 г. пробный номер «*Kommunistische Zeitschrift*», выпущенный под девизом «Пролетарии всех стран, соединитесь!» (в печатном виде этот призыв впервые появился именно здесь), увидел свет. Содержание его носило следы влияния Маркса и Энгельса. В опубликованных материалах подвергались критике идеи утопического социализма и развивались некоторые важные тактические положения пролетарского движения (в частности, о тактике рабочего класса в Германии). Однако отсутствие необходимых средств помешало продолжить это издание.

Гораздо большее значение приобрела та борьба, которую начали Маркс и Энгельс за превращение в печатный орган Союза коммунистов эмигрантской «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*».

Эта газета выходила с 1 января 1847 г. два раза в неделю. Ее учредителем и редактором был мелкобуржуазный демократ Борнштедт, которого еще со времени его пребывания в Париже подозревали в связях с полицией и французскими легитимистами. Направление газеты определялось его стремлением дать на ее столбцах место различным течениям радикально-демократического и социалистического лагеря. Это придавало «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*» чрезвычайно пестрый и неопределенный в идейном отношении облик. Однако постепенно в газете все чаще стали выступать сторонники Маркса и Энгельса — Георг Веерт, Фердинанд Вольф и Вильгельм Вольф. Последний особенно много сделал для превращения газеты в рупор не только демократических, но и революционно-пролетарских идей. Эпизодически печатались в «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*» Маркс и Энгельс.

Судьба газеты волновала сторонников Маркса, надеявшихся, что удастся прочно утвердить в ней пролетарское влияние. «...Как обстоит дело с «*Brüsseler-Zeitung*»? — спрашивал Маркса 19 апреля 1847 г. Х. Бюргерс. — Если идти на поводу у г-на Борнштедта, то из этого может получиться только пакость»².

¹ MEGA. B., 1979. Abt. III. Bd. 2. S. 234.

² Ibid. S. 336.

В августе 1847 г. у Маркса и Энгельса сложилось твердое намерение более активно воздействовать на направление «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» не только через своих соратников, но и путем непосредственного участия в ее издании. Об этом Маркс писал Гервегу 8 августа, указывая, что газета, «несмотря на свои многочисленные недостатки, все же имеет некоторые заслуги» и ее редактор «изъявил готовность во всех отношениях идти нам навстречу»¹. Причиной такой уступчивости Борнштедта было тяжелое финансовое положение газеты. Борнштедт, несомненно, питал надежду, что сотрудничество таких известных теоретиков и публицистов, как Маркс и Энгельс, поднимет престиж и акции газеты. Тем не менее побудить его принять определенные условия оказалось не так-то легко. Постоянное сотрудничество Маркса и Энгельса в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» началось только месяц спустя, 12 сентября 1847 г.

К концу 1847 г. влияние Маркса и Энгельса в газете стало преобладающим. С этого времени они фактически ее редактировали, вплоть до выпуска последнего номера 27 февраля 1848 г. Борнштедт только номинально числился редактором.

Так «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» сделалась неофициальным органом Союза коммунистов, провозвестником программных и тактических принципов научного коммунизма. Она стала глашатаем революционной борьбы против феодально-абсолютистского и буржуазно-консервативного режимов, выступая в первых рядах общедемократического движения. В то же время газета решительно отстаивала классовые интересы и социальные требования пролетариата.

В период работы в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» ярко раскрылся талант Маркса как революционного публициста. В его статьях теоретическая глубина и основательность аргументов сочетались с блестящим остроумием и полемической страстностью. Важным арсеналом для Маркса-журналиста служили его широчайшая эрудиция, умение свободно пользоваться меткой исторической аналогией, литературными сравнениями, образами великих художников слова.

Главной целью печатных выступлений Маркса и Энгельса в этот период было разъяснение рабочему классу его роли и задач в надвигающейся революции, подготовка в идейном и тактическом отношении формирующейся пролетарской партии к предстоящим боям. Маркс стремился дать ей надежное противоядие как против медоточивых речей либеральных деятелей, так и против не менее опасной демогагии реакционных политических сил, прикрывающихся маской народолюбия и радения о благе неимущих.

Таково было назначение статьи, с которой Маркс дебютировал в качестве постоянного сотрудника «Deutsche-Brüsseler-Zeitung».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 415.

Появление ее было вызвано опубликованием на страницах издававшейся в Кёльне консервативной газеты «Rheinischer Beobachter» серии анонимных статей, в которых прусское государство изображалось защитником трудящихся.

В статье «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»» Маркс сорвал с апологетов прусской монархии лицемерную «социалистическую» маску, заклеив их как злейших реакционеров и демагогов. Он показал предельную лживость и вредность побасенок о социальной миссии антинародного прусского государства. Впоследствии, давая отпор лассальянским лидерам, заигрывающим с юнкерским правительством Бисмарка, Маркс ссылаясь на эту статью как на пример своего отношения к «королевско-прусскому правительственному социализму»¹.

Раскрыл Маркс и истинную цену спекуляции реакционных демагогов христианскими догмами. При этом он в обобщенной форме отметил принципиальную неприемлемость для революционно-пролетарского мировоззрения христианской и вообще религиозной морали. «Социальные принципы христианства,— писал он,— объявляют все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает людям во искупление их грехов.

Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом — все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба»².

В статье Маркс четко определил позицию пролетариата в складывавшейся революционной обстановке в Германии. Он призвал народные массы поддержать буржуазную оппозицию, подчеркнув, однако, что рабочий класс неудовлетворен ее недостаточно решительным поведением в Соединенном ландтаге. Умеренному курсу либералов Маркс противопоставил ориентацию на революционное ниспровержение абсолютной монархии, уничтожение полусредневековых социальных институтов, демократизацию всего общественно- и политического строя. Он набросал программу этих демократических преобразований, включающую такие пункты, как созыв подлинно народного представительства, отмена барщинных повинностей, ликвидация сословных перегородок и ограничений, введение суда присяжных, свободы союзов, собраний, печати.

Красной нитью проходит через всю статью мысль о роли народных масс как подлинно движущей силы буржуазно-демокра-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 79.

² Там же. Т. 4. С. 204—205.

тической революции. Маркс показал это на примере английской и французской буржуазных революций XVII и XVIII вв. В Германии, подчеркивая он, последовательное решение задач революции будет зависеть от революционной активности масс, от их готовности «сбросить в канаву» монархию, поднять на вилы владельцев феодальных поместий. Маркс расшифровал понятие «революционный народ» применительно к Германии, указав, что под ним следует понимать пролетариев, мелких крестьян и городскую бедноту. Сплочение этих классовых сил является, подчеркивал он, самой большой угрозой для всего монархическо-абсолютистского строя.

Маркс пропагандировал мысль о заинтересованности рабочего класса в победе буржуазной революции. Он указывал, что «господство буржуазии не только дает в руки пролетариата совершенно новое оружие в борьбе *против* самой же буржуазии, но и создает ему совершенно новое положение — положение признанной партии»¹.

Стремясь воспитать в рабочем классе понимание собственных классовых целей, Маркс и Энгельс добивались, чтобы «Deutsche Brüsseler-Zeitung» шире информировала своих читателей о рабочем движении в Бельгии и других странах, публиковала отчеты о заседаниях Немецкого рабочего общества. Газета помещала статьи и материалы, посвященные различным сторонам коммунистического учения, пропаганде принципов пролетарского интернационализма.

На международном конгрессе экономистов

С 16 по 18 сентября 1847 г. в Брюсселе заседал международный конгресс по вопросам свободы торговли. Он был организован буржуазными фритредерами — сторонниками ликвидации всех ввозных пошлин, полной свободы конкуренции и невмешательства государства в предпринимательскую деятельность. На конгрессе они рассчитывали доказать преимущество своей системы по сравнению с протекционизмом. В Брюссель прибыли многие столпы тогдашней буржуазной экономической науки. Буржуазная печать широко разрекламировала его.

Маркс, Энгельс и некоторые из их соратников присутствовали на конгрессе, решив использовать его для разоблачения лицемерия буржуазных экономистов. На галерке находились в качестве зрителей и рабочие, поэтому Маркс считал конгресс подходящей ареной для того, чтобы скрестить оружие с идеологами буржуазии и противопоставить их взглядам пролетарскую точку зрения. На третий день его работы, когда обсуждался вопрос о влиянии свободы торговли на положение рабочего класса, Веерт и Маркс записались в прения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 197.

Первым получил слово Веерт. Его речь прозвучала резким диссонансом тому, что говорилось до сих пор на конгрессе. При одобрительных возгласах публики на галерке Веерт потребовал объяснения, почему на конгрессе, обсуждающем положение рабочих, отсутствуют делегаты последних. Опровергая бесстыдную ложь фритредеров, изображавших свободу торговли благодеянием для пролетариата, Веерт живыми красками нарисовал картину бедствий пролетарских масс.

Речь Веерта подействовала на участников конгресса как электрический разряд. Один за другим спешили они на трибуну, пытаясь опровергнуть его доводы. Когда же очередь дошла до Маркса, руководители конгресса поспешили заявить о прекращении прений, хотя список ораторов еще не был исчерпан. Второпях приняли резолюцию в пользу свободы торговли и конгресс объявили закрытым.

Эти недостойные действия организаторов конгресса Маркс и его сторонники разоблачили на страницах демократической и рабочей печати. Изложение подготовленной речи Маркс опубликовал 29 сентября 1847 г. в бельгийской газете «Atelier Démocratique». Статьи о конгрессе поместил в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» и в чартистской «Northern Star» Энгельс. В корреспонденции для чартистского органа он подробно раскрыл основные положения произнесенной речи Маркса. Таким образом, различие буржуазного и пролетарского направлений на конгрессе экономистов в Брюсселе получило довольно широкую огласку.

В своей речи Маркс с пролетарских позиций подверг научной критике протекционизм и фритредерство, разоблачил фальшивую фразеологию представителей обеих этих буржуазных экономических систем, спекуляцию их приверженцев на интересах народных масс.

К данному вопросу, как и к другим проблемам, Маркс подходил конкретно-исторически. На ранней ступени капитализма, считал он, протекционистская политика играла роль фактора, ускоряющего становление капиталистического строя, помогая ему окрепнуть в борьбе с феодализмом. Но в 40-е гг. XIX в. защита протекционистской системы была исторически оправдана только в таких странах, как, например, Германия, где покровительственные пошлины усиливали экономические позиции буржуазии в ее наступлении на феодальные пережитки. В целом же на достигнутой капитализмом ступени развития протекционизм препятствовал свободному движению капиталов, росту производительных сил в международных масштабах. Поэтому Маркс подчеркивал консервативный характер протекционизма и предпочтительность системы свободы торговли как более прогрессивной.

В то же время свобода торговли, указывал Маркс, не только не служит панацеей от всех социальных бедствий, как уверяли фрит-

редеры, но, наоборот, обостряет их, усиливает противоречия капитализма. Однако, углубляя антагонизм между рабочим классом и капиталистами, эта система способствует и более быстрому созреванию предпосылок для ниспровержения капиталистического общества. «...Мы стоим за свободу торговли, потому что с введением ее все экономические законы с их самыми поразительными противоречиями будут действовать в более широкой сфере, на более обширной территории, на территории всего мира; и потому, что сплетение всех этих противоречий в единый клубок, где они столкнутся, породит борьбу, которая в свою очередь завершится освобождением пролетариата»¹.

Рабочий класс, отмечал Маркс, не ждет избавления от той или иной экономической политики буржуазии. Коренное революционное преобразование всего общественного строя — вот его лозунг. Не на «милость» и «человеколюбие» сильных мира сего, а на собственную революционную энергию должен возлагать он все свои надежды. «...Социальные реформы никогда не бывают обусловлены слабостью сильных; они должны быть и будут вызваны к жизни силой слабых»².

Полемика с Гейнценом

Отстаивать идейные позиции Союза коммунистов Марксу и Энгельсу пришлось в полемике не только против буржуазных доктринеров, но и против представителей мелкобуржуазной демократии. Значительное время отняла у них дискуссия с немецким демократом К. Гейнценом, который выражал враждебное отношение к коммунизму целой группы немецких радикальных публицистов и общественных деятелей (Фрёбеля, Струве, Руге и др.).

В прошлом мелкий чиновник, сотрудник «*Rheinische Zeitung*» Гейнцен в 1844 г. прогневал начальство книгой «Прусская бюрократия» и должен был, чтобы избежать ареста, покинуть Германию. В 1845 г. он вел в Брюсселе долгие политические споры с Марксом, Фрейлигратом и Бюргерсом, старавшимися помочь ему избавиться от либерально-конституционных иллюзий. Вскоре он переехал в Швейцарию, где проникся настроениями индивидуалистического бунтарства, ударившись в радикализм, с виду весьма революционный, на деле же довольно вульгарный. Он стал призывать немцев к немедленному восстанию, к расправе с монархией, в которых он видел главное зло, к учреждению федеративной республики. Одновременно Гейнцен обрушился в печати с клеветой на коммунистов.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 266—267.

² Там же. С. 256.

Осенью 1847 г. Марксу и Энгельсу пришлось вступить в полемику с Гейнценом. В статье «Коммунисты и Карл Гейнцен» Энгельс дал глубокую характеристику коммунизма как системы взглядов и общественного движения, порожденных потребностями самой жизни. Он подчеркивал, что конечные цели коммунистов далеко выходят за рамки установления буржуазно-демократических свобод; однако завоевание демократии является их ближайшей задачей, и в борьбе за нее они действуют заодно с демократами. В то же время от коммунистов нельзя требовать идейных уступок своим партнерам, и они вправе критиковать их ошибочные воззрения. Касаясь социальных и политических взглядов Гейнцена, Энгельс показал, что этот «критик» коммунизма наивно полагал возможным установление социальной справедливости одним революционным актом против немецких монархов. Заимствовав у коммунистов некоторые социальные требования переходного характера, Гейнцен объявил их конечной целью всякого освободительного движения. В его интерпретации они превратились в мещанские фантазии об улучшении мира.

Выступление Энгельса дало повод Гейнцену разразиться еще одной антикоммунистической статьей, опубликованной 21 октября 1847 г. в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» под заглавием ««Представитель» коммунистов». Эта статья еще в большей степени была проникнута духом плоского морализирования по поводу «непостоянства» и «нетвердости взглядов» коммунистов. На сей раз отповедь Гейнцену дал Маркс в статье «Морализирующая критика и критикующая мораль», напечатанной в конце октября — ноябре 1847 г. в ряде номеров «Deutsche-Brüsseler-Zeitung».

Статья, как это вообще характерно для многих произведений Маркса, отличается многоплановостью. Она представляет собой одновременно блестящий сатирический памфлет, обличающий политическое филистерство и мещанскую мораль, и литературно-исторический этюд, содержащий меткую оценку отдельных литературных явлений, и теоретико-социологический трактат, в котором раскрыты важные положения исторического материализма, и партийный документ с изложением программных и тактических принципов Союза коммунистов. Разностороннее содержание облечено здесь в выразительную литературную форму. Широко использованы в полемике аналогии с литературными персонажами из произведений Теренция, Шекспира, Сервантеса, Гёте, писателя-сатирика XVIII в. Жан Поля (псевдоним Рихтера).

Манеру Гейнцена подменять в спорах аргументы руганью и «нравственным возмущением» Маркс заклеил путем сравнения с тем видом литературы эпохи Реформации, который получил характерное наименование — грубиянской. Гейнцену, иронически замечал Маркс, принадлежит честь возродить эту «плоскую, безудержно-болтливую, фанфаронствующую, хвастливую, как Фрасон, претен-

циозно-грубую в нападении и истерически-чувствительную к чужой грубости» литературу¹. Маркс показал, что все апелляции Гейнца к морали носят характер реакции обывателя на революционно-коммунистические идеи, представляющиеся сознанию «добродетельного филистера» чем-то крайне разрушительным и безнравственным. Мещанской морали соответствовали его вульгарные социологические воззрения.

Критикуя эти воззрения, Маркс раскрыл ряд положений исторического материализма. Он опроверг широко распространенные среди буржуазных и мелкобуржуазных демократов поверхностные представления о политической власти как якобы всемогущей силе, от которой исходят все «несправедливости в распределении собственности», и развенчал иллюзию, будто, свергнув существующую власть, можно одним ударом разрешить все социальные проблемы. В противовес этому Маркс разъяснил и конкретизировал основы своего учения о взаимоотношении экономического базиса и политической надстройки.

Не отношения собственности, писал он, определяют политическую власть, а, наоборот, характер политической власти зависит от определенных исторически сложившихся производственных отношений, или отношений собственности, и вытекающей отсюда классовой структуры общества. Политический строй поэтому нельзя уничтожить по желанию в любой момент. Для этого должны созреть экономические и исторические предпосылки, нарождающиеся новые отношения собственности должны прийти в непримиримые противоречия с существующей политической надстройкой. С другой стороны, последняя также отнюдь не является пассивным фактором в жизни общества. Политическая власть в руках восходящего класса играет роль ускорителя прогрессивного развития, наоборот, в руках отжившего она — величайший тормоз прогрессу. Победа нового общественного строя над старым поэтому невозможна без революционного устранения старой политической надстройки. По выражению Маркса, старая политическая оболочка общества должна быть взорвана.

Диалектику взаимоотношений экономического базиса и политической надстройки Маркс проиллюстрировал на примере исторических судеб абсолютной монархии. Раскрытие сущности абсолютизма в то время было не только задачей исторической науки, но и актуальнейшей политической проблемой. Борьба с абсолютистскими режимами стояла на очереди дня во многих странах Европы. Абсолютная монархия — феодальная монархия периода разложения средневековых сословий и начала возвышения буржуазии — на первых порах, указывал Маркс, выполняла в целом прогрессив-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 291. Фрасон — персонаж из комедии Теренция «Евнух»; хвастливый и глупый воин.

ные, централизаторские функции. Но по мере развития буржуазных отношений положение изменилось. «Если в прошлом она покровительствовала торговле и промышленности, одновременно поощряя тем самым возвышение класса буржуазии, и видела в них необходимые условия как национальной мощи, так и собственного великолетия, то теперь абсолютная монархия повсеместно становится поперек дороги торговле и промышленности, превращающимся во все более опасное оружие в руках уже могущественной буржуазии»¹. Уничтожение абсолютистских порядков и других пережитков средневековья в Германии, Австрии, Италии стало насущной потребностью.

Эту задачу можно последовательно осуществить только решительными революционными действиями масс, подобными тем, которыми в период революционного террора в конце XVIII в. были стерты «сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции»². В противовес показной крикливой революционности Гейнцена Маркс отмечал в своей статье, что коммунисты в Германии и других странах ориентируются на революцию типа 1789—1794 гг., решающее слово в которой должно принадлежать народу. Трудящимся классам придется выполнить революционные задачи вопреки соглашательской политике буржуазии, так как буржуа в Германии вообще «старается, поскольку возможно, преобразовать абсолютную монархию в буржуазную без революции, мирным путем»³. В этих рассуждениях Маркса было заложено зерно учения о гегемонии рабочего класса в буржуазной революции.

Маркс рассматривал буржуазную революцию как промежуточный этап в революционной борьбе. Он показал, что представления, будто с ее победой сразу же будут решены все социальные вопросы, являются вульгарной утопией. Такой характер носили и политические идеалы Гейнцена, его «федеративная республика с социальными учреждениями», прообразом которой он считал Соединенные Штаты Америки, выдаваемые за некое образцовое государство.

Разоблачая эксплуататорскую природу североамериканского государства и общества, Маркс нанес удар распространяемому в Европе мифу о заокеанской республике как о стране социальной гармонии. Принцип федерализма, проведенный в государственном устройстве США, а также Швейцарии, Маркс считал непригодным для феодально-раздробленной Германии, которая в то время чрезвычайно нуждалась в централизации. Он был неприемлем ни с точки зрения классовых задач пролетариата, объединение которого было значительно легче осуществить в централизованном государстве, ни с точки зрения последовательной борьбы за буржуазные демо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 308.

² Там же. С. 299.

³ Там же. С. 314.

кратические преобразования. Федерализация Германии в той исторической обстановке означала частичное сохранение средневекового партикуляризма. Поэтому в противовес идеям мелкобуржуазных демократов Маркс прямо выдвинул для Германии требование «единой неделимой республики»¹.

Пролетарии, писал Маркс, «могут и должны участвовать в буржуазной революции, поскольку она является предпосылкой рабочей революции»². С победой буржуазной революции их борьба с буржуазией только по-настоящему и развернется, перед ними встанет задача, которая уже выдвинута жизнью в тех странах, где господство буржуазии было ранее установлено, а именно: «стать властью, прежде всего революционной властью»³. Так в печатных выступлениях Маркс развивал одно из главных положений своего учения — идею революционной власти пролетариата как орудия социального переустройства общества.

Борьба за сплочение революционных сил

Критика ошибочных догм и иллюзий мелкобуржуазных демократов сочеталась у Маркса и Энгельса с борьбой за установление союза пролетарских и демократических сил перед лицом общего врага — антинародных режимов в Европе. Маркс явился решительным противником сектантской замкнутости рабочих организаций. Он стоял за активное участие Союза коммунистов в общедемократическом движении, оберегая в то же время классовую самостоятельность и чистоту его идейных и политических позиций. Маркс добивался как установления союза между коммунистами и демократами в отдельных странах, так и интернационального объединения пролетарских и демократических сил.

Маркс и Энгельс приняли активное участие в основании международной Брюссельской демократической ассоциации, объединявшей в своих рядах пролетарских революционеров и передовые элементы буржуазной и мелкобуржуазной демократии. Идея создания такого общества возникла в кругу бельгийских демократов и демократической эмиграции в конце сентября 1847 г. На 27 сентября с этой целью был назначен интернациональный банкет. Маркс в это время отсутствовал в Брюсселе; он выехал в Голландию к своим родственникам по личным делам. На банкете было принято решение учредить международное общество. Благодаря усилиям Энгельса широкий доступ в новую организацию получили пролетарские элементы. Самому Энгельсу был предложен пост вице-председателя. Но в связи с предстоящим отъездом в Париж Энгельс в письме бельгий-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 316.

² Там же. С. 313.

³ Там же. С. 298.

скому адвокату Люсьену Жотрану, председательствовавшему на банкете, предложил вместо себя кандидатуру Маркса, «который... имеет наибольшее право представлять в комитете немецкую демократию»¹.

Маркс вернулся из поездки в Голландию в начале октября 1847 г. и целиком включился в подготовительную работу по созданию новой организации. 7 ноября 1847 г. Брюссельская демократическая ассоциация окончательно конституировалась на собрании 63 учредителей. Принятый устав предусматривал регулярный созыв собраний, выпуск обращений и петиций, установление связей с аналогичными обществами в других городах Бельгии и за рубежом. На собрании 15 ноября был утвержден руководящий орган — Комитет Ассоциации. Почетным председателем был избран участник бельгийской революции 1830 г. генерал Франсуа Меллине, председателем — Жотран, вице-председателями — Маркс и французский демократ и социалист Жак Энбер, участник республиканского движения во Франции. В состав Комитета вошли также от польской эмиграции Лелевель, от немецких коммунистов Веерт.

До конца своего пребывания в Брюсселе (начало марта 1848 г.) Маркс оказывал активное влияние на деятельность Демократической ассоциации. Он стремился превратить ее в центр сплочения революционно-демократических сил Европы. В значительной мере благодаря Марксу Ассоциация установила широкие международные связи с чартистами, с лондонским обществом «Братские демократы», с французскими, швейцарскими, голландскими демократами. Она откликнулась на революционные события за границей, публично поддержала швейцарских радикалов в их борьбе с союзом семи реакционных кантонов — Зондербундом, развязавшим в ноябре 1847 г. в стране гражданскую войну. В кругах Демократической ассоциации обсуждался вопрос о созыве международного демократического конгресса.

Маркс боролся за то, чтобы Демократическая ассоциация стала ведущей силой и в бельгийском революционно-демократическом движении. Ассоциацию поддерживали демократы не только Брюсселя, но и других городов.

Не обошлось и без внутренних трений в Ассоциации между пролетарскими революционерами и представителями других направлений — мелкобуржуазными демократами и буржуазными республиканцами (к их числу принадлежал и Жотран). Последние стремились ограничить деятельность Ассоциации рамками, дозволенными бельгийской конституцией, с подозрением относились к коммунистическим взглядам пролетарских элементов, выражали недовольство критикой Марксом близких им фритредерских доктрин. Разногласия Маркса с Жотраном чуть было не привели к прямому

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 417.

разрыву. После одного из инцидентов на собрании Ассоциации 22 февраля 1848 г. Маркс вынужден был заявить о своем уходе с поста вице-председателя. Жотран, однако, выразил готовность к примирению и просил о продолжении сотрудничества, на что Маркс, учитывая напряженность обстановки, согласился.

Большое значение придавали Маркс и Энгельс установлению контакта с так называемой социалистическо-демократической партией во Франции. Лидерами этой партии, объединявшей в своих рядах мелкобуржуазных демократов и социалистов, были Ледрю-Роллен и Блан. Она приняла активное участие в движении за реформу, отстаивая требования демократической республики, всеобщего избирательного права, проведения некоторых социальных мероприятий в интересах трудящихся масс.

Однако мелкобуржуазным лидерам партии «Réforme» — так обычно именовали эту политическую группировку по названию ее печатного органа — было свойственно увлечение революционной фразой, за которой нередко скрывалось отсутствие готовности к революционному действию. К самостоятельному революционному движению рабочего класса многие деятели «Réforme» относились с явным опасением. Изрядную долю националистического высокомерия проявляли они по отношению к демократам других стран.

Неприемлемым для Маркса и Энгельса был характер социалистических взглядов Луи Блана. Его мелкобуржуазная социалистическая теория была изложена в брошюре «Организация труда», вышедшей в 1840 г. В ней Блан довольно метко, хотя и поверхностно, критиковал пороки буржуазного общества (анархию производства, конкуренцию и т. д.), а в качестве средства для разрешения социального вопроса предлагал создавать производственные ассоциации рабочих по профессиям, учреждаемые и функционирующие с помощью государственных субсидий. «Государство — это банкир бедных», — уверял Луи Блан, затушевывая классовую природу государственной власти при капитализме. Он сеял вредные иллюзии о возможности достижения социализма посредством сотрудничества классов и с помощью буржуазного государства.

Маркс и Энгельс отлично видели недостатки социалистическо-демократической партии и ее лидеров. Однако в интересах укрепления интернациональной солидарности демократов они сочли целесообразным сотрудничать с представителями этой партии, которая при всех своих слабостях являлась в известной степени рупором революционных настроений французских масс. Главная роль в установлении таких связей принадлежала Энгельсу. Сохранившееся письмо Блана Марксу — оно не имеет даты, но несомненно относится к данному периоду — свидетельствует, что и у Маркса были непосредственные контакты с руководителями социалистическо-демократической партии.

Полного взаимопонимания с ними у Маркса и Энгельса, однако, не получилось. Остро давали себя знать различия в мировоззрении. Попытка Энгельса поместить на страницах «*Réforme*» изложение непроизнесенной Марксом речи на конгрессе экономистов и добиться опубликования рецензии на «Нищету философии» натолкнулась на глухое, но упорное противодействие, прежде всего со стороны Блана.

В статьях в «*Northern Star*» и «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*» за декабрь 1847 — январь 1848 г. Энгельсу пришлось подвергнуть критике неприемлемые для коммунистов тенденции лидеров партии «*Réforme*»: идею об особой космополитической роли Франции в мировой истории, националистические претензии на руководящее положение французской демократии в международном демократическом движении.

Деятельность Маркса и Энгельса в Демократической ассоциации и их взаимоотношения с партией «*Réforme*» показывают, что сотрудничество с мелкобуржуазными и буржуазными демократами они строили на принципиальной основе, не идя при этом на какие-либо идейные уступки, не отказываясь от критики иллюзий и ошибок своих попутчиков. «Объединение демократов различных наций не исключает взаимной критики,— писал Энгельс.— Оно невозможно без такой критики. Без критики нет взаимного понимания, а следовательно и нет объединения»¹. В борьбе за сплочение пролетарских и демократических сил в единый лагерь Маркс и Энгельс выработывали основы политики пролетарской партии по отношению к общедемократическому движению.

Революционная роль Демократической ассоциации в политической жизни Бельгии и на международной арене была обусловлена деятельностью прежде всего ее левого, в основном пролетарского крыла. Именно в нем бельгийская полиция усмотрела главную опасность. Ни на минуту не упускала она из поля зрения Маркса. На него еще со времени приезда в Брюссель в полицию было заведено досье, в которое вносились все новые материалы, включая копии его газетных статей. Реакционные правящие круги Бельгии готовили расправу с Марксом и другими пролетарскими революционерами — его соратниками.

Второй конгресс Союза коммунистов

Достигнутые на первом конгрессе Союза коммунистов успехи необходимо было закрепить утверждением устава и выработкой программы. С этой целью предстояло созвать новый конгресс. Лондонский Центральный комитет торопился с его созывом также и в силу обстановки, сложившейся в Союзе. Сектантские элементы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 384.

в ряде общин, особенно в Германии и Швейцарии, усилили свою борьбу против линии руководства. Обращаясь к Брюссельскому окружному комитету 18 октября 1847 г., Центральный комитет отмечал, что только конгресс может поправить положение. Шаппер, Молль и Бауэр, подписавшие это обращение, настаивали на том, чтобы Маркс лично присутствовал на конгрессе.

Маркс и Энгельс также придавали большое значение конгрессу. Им было ясно, что на нем предстоит окончательно устранить препятствия к утверждению принципов научного коммунизма и тактической платформы международной пролетарской организации. Оба они были избраны делегатами: Маркс — от Брюссельского, Энгельс — от Парижского округов Союза коммунистов.

Во время подготовки конгресса одобренный летом 1847 г. предыдущим конгрессом проект «Коммунистического символа веры» (перечня вопросов и кратких ответов на них), который был написан Энгельсом, обсуждался на собраниях общин Союза. В парижских общинах ему был противопоставлен «улучшенный» проект Гесса. Но этот «вариант» был признан неудовлетворительным. По поручению парижских членов Союза Энгельс доработал и расширил свой проект, назвав новый документ «Принципами коммунизма». Сохранив прежнюю форму, он дал в нем более обстоятельное и более совершенное изложение важнейших программных и тактических положений пролетарской партии. С большой обстоятельностью Энгельс обосновал исторические предпосылки пролетарской революции и наметил мероприятия, которые пришедший к власти революционный пролетариат должен осуществить для подготовки перехода к коммунизму.

Однако, по мнению самого Энгельса, это был лишь черновой набросок программы. Он вскоре пришел к выводу, что содержание программы, требующей развернутого исторического обоснования и связного изложения, невозможно втиснуть в рамки вопросов и ответов. «Подумай над «Символом веры»,— писал он Марксу за несколько дней до поездки в Лондон.— Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим манифестом». Ведь в нем придется в той или иной мере осветить историю вопроса, для чего теперешняя форма совершенно не подходит»¹.

Соображения Энгельса были полностью одобрены Марксом. Рассматривая «Принципы коммунизма» как предварительный вариант программы Союза коммунистов, он, как и Энгельс, считал, что при окончательной выработке программного документа необходимо придать ему форму боевого партийного манифеста.

27 ноября 1847 г. друзья встретились на пути в Лондон в бельгийском приморском городе Остенде. Остановившись в гостинице

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 102.

«Корона», они, прежде чем переправиться через Ла Манш, подробно обсудили вопросы, которые предстояло решать на конгрессе.

Заседания конгресса продолжались с 29 ноября по 8 декабря 1847 г. По тем временам это был представительный форум международного рабочего движения. Присутствовали делегаты из Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Бельгии. В работе конгресса принимали участие чартисты Гарни и Джонс, оба входившие в Союз коммунистов, деятели польской революционной эмиграции. Председателем конгресса был избран Шаппер, секретарем — Энгельс. На заседаниях велись жаркие споры, в которых Маркс и Энгельс отстаивали принципы научного коммунизма.

На конгрессе в полной мере проявились покоряющая логика и убедительность аргументации, которые составляли отличительные черты ораторского дарования Маркса. Исключительное впечатление на присутствующих произвел весь облик этого человека, обладавшего могучим умом и всеобъемлющими знаниями, неsgiбаемой волей, кипучей энергией и в то же время чуждого высокомерия или позерства, столь свойственных присяжным политикам буржуазии, а подчас и некоторым социалистическим деятелям. Непримируемый к идейным противникам, саркастически насмешливый по отношению к упорствующим путаникам и сектантам, Маркс неизменно был прост, приветлив и внимателен в обращении с преданными делу рабочего класса революционерами, с рабочими.

Многие рабочие, наблюдавшие Маркса на заседаниях конгресса, на собраниях Лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих, на публичных митингах или в более тесном кругу, увидели в нем не только гениального, не по годам эрудированного ученого, но прежде всего мудрого и стойкого вождя рабочего класса, способного провести его сквозь все бури. Ветеран рабочего движения Фридрих Лесснер, в то время скромный портной-подмастерье в Лондоне, на всю жизнь запомнил свою тогдашнюю встречу с будущим признанным учителем международного пролетариата. «Когда я увидел Маркса, я тотчас же почувствовал величие и колоссальное превосходство этого удивительного человека. Меня охватило чувство уверенности, что рабочее движение, находящееся под руководством таких вождей, должно победить»¹.

Особенно сильное воздействие на Лесснера и других слушателей оказывали выступления Маркса с трибуны рабочих собраний. «Маркс был рожден народным вождем. Его речь была краткой, связной, неумолимо логичной; он никогда не говорил лишних слов; каждая фраза — мысль, каждая мысль — необходимое звено в цепи доводов»².

Маркс был удовлетворен результатами конгресса. При обсуждении вопроса о программе Союза коммунистов принципы нового

¹ Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры. М., 1961. С. 125.

² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 336—337.

пролетарского учения одержали полную победу. Марксу и Энгельсу поручили составить программу в виде манифеста. По их предложению было постановлено, чтобы Союз в своих внешних сношениях открыто выступал в качестве коммунистической партии. На конгрессе был утвержден в значительно усовершенствованном виде выработанный ранее устав. Первому пункту его был придан программный характер. Он гласил: «Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности»¹. Создание первой коммунистической организации международного пролетариата было тем самым окончательно оформлено.

В Лондоне Маркс выполнил и другую миссию, возложенную на него — по его же инициативе — Брюссельской демократической ассоциацией. Ему было поручено вступить в контакт с демократическими и рабочими организациями Англии. Уже 29 ноября 1847 г. он вместе с Энгельсом принял участие в международном митинге по случаю годовщины польского восстания 1830 г., организованном в Лондоне обществом «Братские демократы». Под бурные аплодисменты на собрании были зачитаны его официальные полномочия.

В своей речи на митинге Маркс сформулировал ряд важнейших принципов пролетарского интернационализма, обосновав идею солидарности борющегося пролетариата с освободительным движением польского и других угнетенных народов. Он разоблачил лицемерие рассуждений буржуазных космополитов о братстве народов при существующем капиталистическом строе, подчеркнув, что только рабочий класс является последовательным борцом против национального гнета. Его победа над буржуазией послужит «сигналом к освобождению всех угнетенных наций»².

Мысли Маркса дополнил в своем выступлении Энгельс. «Никакая нация не может стать свободной,— заявил он,— продолжая в то же время угнетать другие нации»³.

В результате поездки Маркса в Англию интернациональные связи Брюссельской демократической ассоциации значительно укрепились. Успешно прошли переговоры Маркса в Лондоне относительно созыва международного демократического конгресса. Он заручился поддержкой со стороны чартистских лидеров и представителей лондонской пролетарской и демократической эмиграции. В Лондоне состоялось личное знакомство Маркса с одним из наиболее талантливых революционных вождей чартистского движения Эрнестом Джонсом.

Во время пребывания в Лондоне Маркс и Энгельс приняли участие в деятельности Лондонского Коммунистического просвети-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 524.

² Там же. С. 371.

³ Там же. С. 372.

тельного общества немецких рабочих. Собраниями членов Общества они воспользовались для разъяснения основ коммунистической теории и тактики. 30 ноября 1847 г. Маркс сделал для членов Общества доклад, посвященный вопросам пролетарского движения и коммунистической пропаганды. Затронул он и проблемы научной критики религии, которой придавал большое значение в борьбе за распространение коммунистического мировоззрения¹. Энгельс выступал перед членами Общества дважды: 30 ноября и 7 декабря, осветив преимущественно экономические проблемы.

После конгресса

Маркс вернулся из Лондона в Брюссель, по-видимому, 13 декабря 1847 г. Через несколько дней туда приехал Энгельс, который в конце месяца снова отправился в столицу Франции. Однако пребывание его в Париже на этот раз было непродолжительным. В конце января 1848 г. он был выслан французскими властями и вновь прибыл в Брюссель.

В конце 1847 и в первые месяцы 1848 г. деятельность Маркса в атмосфере надвигавшейся революции достигла высокого накала. Как у подлинного народного вождя, у Маркса в такие моменты пробуждалась неугасимая энергия. Работа над «Манифестом Коммунистической партии», чтение лекций в Немецком рабочем обществе, руководство Союзом коммунистов, выступления на публичных собраниях, полемика в печати с противниками рабочего класса, переписка и встречи с друзьями — трудно перечислить все, чем занимался в это время Маркс. Немало сил приходилось тратить на редактирование «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*», особенно во время отсутствия в Брюсселе Энгельса, который разделял с Марксом заботы об издании газеты.

Много времени и внимания отнимала у Маркса деятельность в Брюссельской демократической ассоциации: 19 декабря он отчитывается перед ней о результатах своей поездки в Лондон; 26 декабря поддерживает на ее заседании предложение о приеме Бакунина, высланного из Франции, и немецкого коммуниста, врача Д'Эстера; 9 января 1848 г. произносит речь о свободе торговли на собрании, организованном Ассоциацией; в двадцатых числах января совершает в составе делегации Демократической ассоциации поездку в Гент на открытие местного филиала; 13 февраля на ее заседании участвует в выработке очередного послания обществу «Братские демократы»; 20 февраля председательствует на собрании Ассоциации, на котором заслушивается сообщение Энгельса об обстоятельствах его высылки из Франции; 22 февраля выступает

¹ MEGA¹. Abt. I. Bd. 6. S. 637—640.

вместе с Энгельсом на собрании в честь борцов за независимость Польши.

Налаживалось дело с международным демократическим конгрессом. В письме Марксу 18 декабря 1847 г. Гарни сообщил, что согласие на участие в нем выразил Исполнительный комитет Национальной чартистской ассоциации¹. Была достигнута договоренность о месте и времени конгресса: созыв его намечался в Брюсселе и был приурочен к восемнадцатой годовщине бельгийской революции 1830 г., исполнявшейся 25 августа 1848 г. Только водоворот событий, забурливший в Европе в революционном 1848 г., помешал осуществить этот согласованный и продуманный план.

Большим событием в общественной жизни Бельгии явилось упомянутое выступление Маркса на собрании Брюссельской демократической ассоциации 9 января 1848 г. с речью о свободе торговли. Маркс произнес ее на французском языке. Переполненный зал слушал его с неослабевающим вниманием; по окончании было внесено предложение об опубликовании речи на средства Ассоциации. Еще до появления отдельной брошюры «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*» поместила 16 января 1848 г. подробное изложение содержания речи.

В основу речи о свободе торговли Маркс положил материал своего несостоявшегося выступления на конгрессе экономистов в сентябре 1847 г. Однако он дополнил его рядом новых тезисов. «Вывод из его анализа был тот, что свобода торговли означает не что иное, как свободу развития капитала», — резюмировал существо развиваемых Марксом взглядов В. И. Ленин².

В речи Маркса в то же время снова прозвучала острая критика буржуазной апологетики свободы торговли — критика, которая переросла здесь в обличение буржуазного либерализма в целом. Обнажая фарисейство и фальшь либеральных фраз о свободе, Маркс показал, что буржуазия и ее идеологи глубоко исказили понятие свободы и равенства, превратив его в прикрытие насилия и эксплуатации, в орудие обмана масс.

В речи о свободе торговли, как устном, так и печатном ее тексте, выражено отношение Маркса к колониальной политике. Маркс показал, что колониальное господство обусловлено самой хищнической природой капитализма, эксплуататорскими поползновениями буржуазии, которые выходят далеко за пределы национальных границ и порождают как соперничество на мировом рынке, так и стремление одной страны обогащаться за счет другой. Он указал на тяжелые последствия колониальной зависимости для поработанных стран, на насильственное подчинение их экономики интересам буржуазии метрополии. С достойной резкостью развенчивались попытки оправдать колониальное угнетение с помощью идей буржуазного

¹ The Harney Papers. P. 247.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 260.

космополитизма, изобразить свободу торговли рычагом к установлению братства народов и приобщения их к единой цивилизации. «Присвоить имя всеобщего братства эксплуатации в ее космополитическом виде — такая идея могла зародиться только у буржуазии», — говорил Маркс¹.

Значительный резонанс в пролетарских и демократических кругах получила также речь Маркса на торжественном собрании в Брюсселе 22 февраля 1848 г., посвященном второй годовщине краковского восстания. Текст этой речи, вместе с текстом выступления других ораторов — Энгельса, Лелевеля, — был также опубликован отдельной брошюрой. Маркс показал в ней, что, поддерживая национально-освободительное движение угнетенных народов, пролетарская партия должна ориентироваться на революционно-демократические силы этого движения, связывающие борьбу за национальную независимость с поддержкой выступлений крестьян против феодального гнета. Краковское восстание потому и означало огромный шаг вперед, что оно продемонстрировало тождество национального дела «с делом демократии и с освобождением угнетенного класса»². Возрождение Польши, подчеркивал в своей речи Маркс, может быть осуществлено на революционно-демократической основе.

Работа над «Манифестом Коммунистической партии»

Главное внимание Маркса в эти месяцы было посвящено созданию «Манифеста Коммунистической партии». Он работал над ним вместе с Энгельсом в Лондоне в течение нескольких дней после закрытия конгресса Союза коммунистов, а потом в Брюсселе до отъезда Энгельса в Париж. Затем Маркс целый месяц трудился над этим произведением один. Он стремился сделать его предельно емким по содержанию, в сжатом, максимально экономном виде изложить основные идеи нового революционного учения. Другая сложная задача состояла в том, чтобы придать произведению совершенную литературную форму, сочетающую неподдельную страстность и революционный пафос с чеканной ясностью и отточенностью стиля. Если по своим идеям «Манифест Коммунистической партии» является творением двух авторов — Маркса и Энгельса, плодом их творческого сотрудничества, если исходным материалом для части текста послужили энгельсовские «Принципы коммунизма», то литературное воплощение этих идей принадлежит Марксу. В этом произведении он выступает не только как гений революционной мысли, но и как величайший мастер слова.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 416.

² Там же. С. 490.

Сохранилась единственная страница черновой рукописи «Манифеста Коммунистической партии». Она наглядно показывает, с какой взыскательной требовательностью относился Маркс к себе. Он работал буквально над каждой фразой, вычеркивал и заменял неудовлетворявшие его выражения, неутомимо искал нужные слова. Из уцелевшего наброска плана третьей главы видно, что Маркс неустанно совершенствовал и структуру «Манифеста», добиваясь с каждым новым вариантом все большей стройности. В последних числах января работа была закончена, и рукопись отправлена в Лондон.

«Манифест Коммунистической партии» был напечатан в маленькой лондонской типографии, принадлежавшей члену Союза коммунистов и Просветительного общества немецких рабочих немецкому эмигранту Бургхардту. Выход в свет первого издания совпал с февральской революцией во Франции. В середине марта 1848 г. в Париже было получено 1000 экземпляров для распространения во Франции и Германии. Другая часть тиража поступила в разные страны.

В апреле — мае 1848 г. в той же типографии было напечатано еще одно издание. Одновременно текст «Манифеста» публиковался частями, в течение марта — июля 1848 г., в немецкой эмигрантской газете «Deutsche Londoner Zeitung».

Очень скоро были предприняты многочисленные попытки издания «Манифеста» на других европейских языках. Во Франции в течение 1848—1851 гг. было осуществлено три-четыре перевода, в 1848 г. в Париже «Манифест» был переведен на итальянский и испанский языки. Но эти переводы остались неизданными.

В апреле 1848 г. Энгельс, находясь в Бармене, готовил перевод «Манифеста Коммунистической партии» на английский язык. Однако первый английский перевод увидел свет лишь два года спустя, в ноябре 1850 г., в чартистском журнале «Red Republican» (Лондон). Редактор журнала Гарни в своем введении впервые назвал имена авторов: во всех предыдущих изданиях и во многих последующих «Манифест» публиковался анонимно.

Усилиями датских членов общества «Братские демократы» в 1848 г. было осуществлено датское издание. В конце 1848 г. в Париже вышло польское издание. Под измененным названием «Голос коммунизма. Декларация Коммунистической партии» в Стокгольме было опубликовано шведское издание, распространявшееся социалистом-утопистом Гётреком. Правда, в нем вместо девиза «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» стояло: «Глас народа — глас божий!».

По мере роста освободительной борьбы пролетариата все шире становился круг читателей «Манифеста Коммунистической партии», выходили все новые издания. Энгельс с полным основанием мог заявить в 1890 г., что «история «Манифеста» до известной степени

отражает историю современного рабочего движения с 1848 года»¹. Великое произведение переводили на родные языки испанский социалист Хосе Меса, венгерский пролетарский революционер Лео Франкель, пионер марксизма в России Г. В. Плеханов, основатель революционной болгарской социал-демократии Димитр Благоев, видный большевистский публицист В. В. Воровский, руководитель венгерских коммунистов Бела Кун. В 1893 г. во время пребывания в Самаре текст «Манифеста Коммунистической партии» перевел на русский язык В. И. Ленин. Его перевод читался в рукописи в самарских революционных кружках.

Огромное влияние идей «Манифеста Коммунистической партии» испытали на себе уже его первые читатели. Лесснер вспоминает, что, прочтя «Манифест», он, «утратив некоторую долю энтузиазма и фантазии... обрел целеустремленность и знание»².

В глазах представителей господствующих классов уже чтение «Манифеста» было преступлением. Во многих странах это произведение в течение долгих лет могло распространяться только нелегально. Реакция официальных кругов на его выход в свет показывала, насколько меток был тот удар, который Маркс и Энгельс нанесли эксплуататорскому миру.

Первый программный документ марксизма

«Манифест Коммунистической партии» — вершина творчества основоположников марксизма до революции 1848 г. Неоценимо историческое значение этого величайшего творения марксистской мысли. Это был программный документ, осветивший рабочему классу всех стран путь борьбы за избавление от капиталистического рабства, за торжество пролетарской революции. Энгельс в 1888 г. справедливо называл «Манифест» «самым распространенным, наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой, признанной миллионами рабочих от Сибири до Калифорнии»³. В. И. Ленин писал о «Манифесте Коммунистической партии»: «Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира»⁴.

В «Манифесте Коммунистической партии» основы марксизма впервые были изложены в стройном и систематизированном виде. К этому времени Маркс и Энгельс заложили прочный философский фундамент своего учения, разработали основные принципы научного коммунизма, сформулировали ряд важных отправных пунктов своей

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 62.

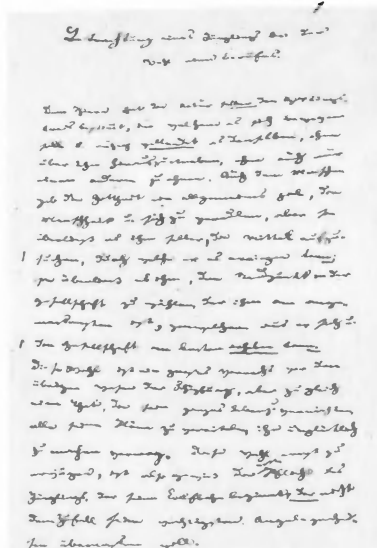
² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 335.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 366.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 10.

Дом в Трире,
где родился Марк

Начало выпускного
гимназического сочинения Маркса
«Размышления юноши при выборе
профессии»

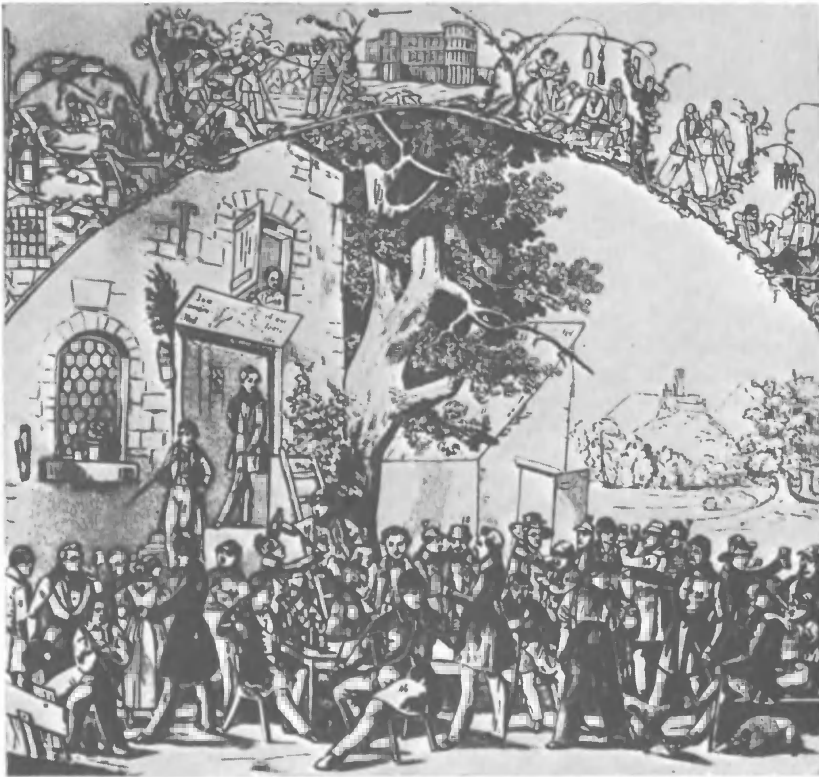
Трирская гимназия, в которой учился Маркс

Боннский университет

Маркс-студент

Студенты Трирского землячества Боннского университета

Дом в Берлине,
в котором жил Маркс-студент

Диплом Маркса о присуждении ему
степени доктора философии,
выданный Йенским университетом

Берлинский университет

Г. В. Ф. Гегель

Л. Фейербах

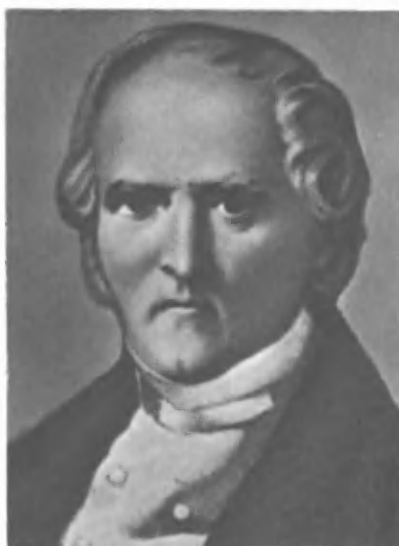
А. Смит

Д. Рикардо

А. Сен-Симон

Ш. Фурье

Р. Оуэн

В. Вейтлинг

Страница «Rheinische Zeitung»
со статьей Маркса
«Коммунизм и аугсбургская
«Allgemeine Zeitung»»

Прикованный Прометей.
Аллегория на запрещение
«Rheinische Zeitung»

Женни фон Вестфален в 30-е годы

Дом в Париже на улице Ванно,
№ 38, в котором жил Маркс
(октябрь 1843 — январь 1845 г.)

Г. Гейне

О. Бланки

Энгельс в 40-е годы

DEUTSCH-FRANZÖSISCHE
JAHRBÜCHER

herausgegeben

von

Arnold Ruge und Karl Marx.

1ste und 2te Lieferung.

PARIS,
IM BUREAU DER JAHRBÜCHER,
AU BUREAU DES ANNALES. } RUE VANNEAU, 22.
1844

Обложка журнала
«Deutsch-Französische Jahrbücher»

Страница «Vorwärts!»
со статьей Маркса
«Критические заметки к статье
«пруссак» «Король прусский
и социальная реформа»

Die heilige Familie,
oder
Kritik
der
kritischen Kritik.

Gegen Bruno Bauer & Consorten.

Von

Friedrich Engels und Karl Marx.

Frankfurt a. M.

Literarische Anstalt.
(J. Neuber.)
1845.

Титульный лист книги
«Святое семейство»

11

2. Die Wissenschaften haben die Welt nur
empirisch unter positiven Bedingungen
des Lebens zu erforschen

Одиннадцатый тезис
Маркса о Фейербахе

The image shows a page of handwritten text in cursive script, likely from a manuscript. The text is dense and covers most of the page, with some lines crossed out or corrected. There is a large, dark, irregular stain on the left side of the page, partially obscuring the text. The handwriting is consistent throughout, suggesting a single author. The page is numbered '11' at the top center.

Страница рукописи
«Немецкая идеология»

Чатамская библиотека в Манчестере,
в которой работали Маркс и Энгельс в 1845 г.

Дж. Дж. Гарни

Э. Джонс

В. Вольф

Г. Веерт

Ф. Фрейлиграт

Р. Даниельс

Дом в Брюсселе
на улице д'Орлеан, № 42,
в котором жил Маркс
(октябрь 1846 — февраль 1848 г.)

MISÈRE
—
LA PHILOSOPHIE.
—
RÉPONSE A
LA PHILOSOPHIE DE LA MISÈRE
DE M. PROUDON.
Par Karl Marx.

PARIS.
A. FRANK,
25, rue de la Harpe.

BRUXELLES.
C. G. VOGLER,
2, place royale de la Sablière.

1847

Обложка книги
«Нищета философии»

Manifest

der

Kommunistischen Partei.

Veröffentlicht im Februar 1848.

Proletarier aller Länder vereinigt euch.

London.

Gedruckt in der Office der „Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter“

von J. C. Burghard.

46, LIVERPOOL STREET, BISHOPSGATE.

Обложка «Манифеста Коммунистической партии»
издания 1848 г.

экономической теории. Все содержание «Манифеста Коммунистической партии» говорит о неразрывной связи между составными частями марксизма, об их органической слитности. «В этом произведении,— писал о содержании «Манифеста» В. И. Ленин,— с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мирозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»¹.

В первых строках «Манифеста» отражены историческая обстановка, в которой появился этот документ, тот страх и ненависть, с которыми отнеслись силы буржуазного мира к формирующемуся коммунистическому движению. «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские»². Открытое и смелое провозглашение принципов своего революционного учения Маркс и Энгельс считали лучшим способом опровержения клеветы на коммунизм.

В «Манифесте Коммунистической партии» нарисована картина возникновения и развития капитализма, обнажены свойственные ему внутренние противоречия, углубляющийся и растущий классовый антагонизм между буржуазией и пролетариатом. Утверждение пришедшего на смену феодализму капиталистического строя, подчеркивали авторы, сопровождалось небывалым ростом производительных сил, экономическим прогрессом, подъемом науки, культуры. Однако на определенной ступени развития, так же как это было и с предшествующими способами производства, производственные отношения буржуазного общества перестали соответствовать выросшим производительным силам, стали тормозить их дальнейшее развитие. Показателями этого несоответствия являются экономические кризисы, которые потрясают всю капиталистическую систему. Буржуазное общество в «Манифесте» образно сравнивается с волшебником, вызвавшим своими заклинаниями мощные подземные силы, с которыми он не в состоянии справиться. Из прогрессивного класса, каким буржуазия была во времена борьбы с феодализмом, она превращается в реакционный класс, становящийся препятствием на пути общественного прогресса.

С исключительной обличительной силой охарактеризовали Маркс и Энгельс в «Манифесте» сущность капиталистического общества с его жестокой эксплуатацией трудящихся, бесчеловечной моралью, безграничной властью денег, превращающей все чело-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 48.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 423.

веческие отношения в предмет купли-продажи, а личное достоинство человека, его знания, профессиональное мастерство в простую меновую стоимость. Не оставляя между людьми никаких других связей, кроме голого эгоистического интереса, бессердечного чистогана, капиталистический строй возвел эксплуатацию и грабёж сильным слабым в принцип, определяющий отношения между народами. Подобно тому, как деревню буржуазия сделала зависимой от города, так и отставшие в своем экономическом развитии страны «она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада»¹. Господство буржуазии привело к колониальному закабалению целых народов, породило кровавые истребительные войны.

Буржуазия придала производству общественный характер, сконцентрировав на крупных предприятиях сотни и тысячи рабочих, положив начало более высокому типу общественного разделения труда и более тесной связи между различными отраслями хозяйства. Однако частная капиталистическая собственность и частное присвоение продуктов производства составляют непримиримое противоречие этому общественному характеру производства. Уничтожение капиталистической собственности на средства производства, а вместе с тем и всей капиталистической системы объективно подготавливается действием самих же законов капиталистической экономики.

Доказав неизбежность гибели капитализма, Маркс и Энгельс подчеркнули в то же время, что крах его не произойдет автоматически. Роль могильщика изжившего себя строя предстоит выполнить определенному классу. И этот класс создан самим же капиталистическим обществом. Буржуазия, указывается в «Манифесте», «не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, *пролетариев*»².

Ни один из отживших господствующих классов не сходит с исторической сцены добровольно. Ниспровержение господства буржуазии также возможно лишь в результате ожесточенной классовой борьбы и пролетарской революции.

Этот революционный вывод авторы «Манифеста» сделали на основании глубокого раскрытия роли классовой борьбы в истории человеческого общества. Маркс и Энгельс показали, что борьба между угнетенными и угнетателями — со времени разложения первобытного общества — составляла главную движущую силу исторического развития. Буржуазное общество выдвинуло на первый план антагонизм между двумя главными классами: буржуазией и пролетариатом. Остальные классы и прослойки — крестьянство, мелкие

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 428.

² Там же. С. 430.

торговцы и ремесленники, интеллигенция, люмпен-пролетариат — занимают промежуточное положение. С развитием капитализма крестьянство и городские средние слои разоряются, приходят в упадок. Они могут способствовать делу прогресса, революции, лишь присоединившись к рабочему классу, действуя в союзе с ним и под его руководством.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс дали развернутое обоснование положения о всемирно-исторической роли рабочего класса — наиболее революционного из всех классов, которые знала история. Сконцентрированный на капиталистических предприятиях, непрерывно растущий, в то время как другие угнетенные классы расслаиваются и распадаются, пролетариат своим положением выдвигается на арену как грозный и непримиримый противник всей системы наемного рабства. Сама его обездоленность превращается в революционный фактор, делает его последовательным борцом против капитализма. «У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность»¹. В то же время рабочий класс ведет борьбу с капитализмом не только во имя своего освобождения. Свою освободительную миссию он выполняет в интересах всех угнетенных, в интересах всего трудящегося человечества, избавляя его навеки от всякого гнета и эксплуатации.

В «Манифесте» прослежены различные стадии, через которые проходит борьба рабочих против буржуазии: от стихийных бунтов и разрушения машин до организованных форм сопротивления осознанного свои цели и сумевшего объединить свои силы в национальных масштабах революционного пролетариата. Эта более или менее прикрытая гражданская война, которая идет в недрах буржуазного общества, неизбежно должна вылиться в открытую революцию, приводящую к ниспровержению буржуазии и установлению господства пролетариата.

Раскрывая основные закономерности пролетарской революции, Маркс и Энгельс писали, что первым ее шагом «является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии»². Пролетариат, указывали они, использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках пролетарского государства, возможно быстрее увеличить сумму производительных сил, что сделает возможным переход к бесклассовому, коммунистическому обществу.

Эта идея — идея установления диктатуры пролетариата, пролетарской власти, демократической по самой своей природе, выражаю-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 434.

² Там же. С. 446.

шей интересы и опирающейся на поддержку огромного большинства народа,— составила стержень всего содержания «Манифеста Коммунистической партии». В «Манифесте», правда, еще отсутствует термин «диктатура пролетариата». Потребовался опыт революции 1848—1849 гг., чтобы Маркс и Энгельс облекли идею политического господства революционного пролетариата в эту чеканную, законченную формулу. Но само понятие пролетарской диктатуры, пролетарского государства в «Манифесте» не только четко выражено, но и научно аргументировано.

Свою власть рабочий класс — единственный в этом отношении класс в истории — отнюдь не стремится увековечить. Он устанавливает свое политическое господство лишь на тот срок, который требуется для ликвидации эксплуататорских классов, уничтожения условий существования классов вообще и обеспечения окончательной победы общественных отношений нового, бесклассового общества¹.

С гениальной проницательностью авторы «Манифеста» обрисовали основные черты коммунистического строя, указав в то же время, что коммунизм утвердится не сразу, а в ходе постепенного преобразования старого общества в новое. В «Манифесте» были намечены мероприятия пролетарского государства, которые должны подготовить почву для этого преобразования. Маркс и Энгельс, однако, не придавали им самодовлеющего значения, считая, что сама практика строительства нового общества, конкретные ее условия будут вносить в них соответствующие коррективы. Отличительные черты будущего строя основоположники марксизма могли тогда выразить лишь в общей форме.

Коммунистическая революция, отмечали Маркс и Энгельс, навсегда покончит с эксплуатацией, со всеми видами социального порабощения и паразитического существования одного человека за счет другого. Полностью будет ликвидирован национальный гнет. Навсегда исчезнут колониальное угнетение и кровавые войны.

Коммунизм Маркс и Энгельс связывали с подлинным расцветом материального производства, с бурным развитием производительных сил, используемых в интересах полного и всестороннего удовлетворения материальных и духовных потребностей всех членов общества. «В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд — это лишь средство расширить, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих»². Одним из путей ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом явится «соединение воспитания с материальным производством»³.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 447.

² Там же. С. 439.

³ Там же. С. 447.

Постепенно будет уничтожена противоположность между городом и деревней. Сельское население избавится от «идиотизма деревенской жизни». Полностью исчезнет неравноправие женщин.

Маркс и Энгельс подчеркивали высокие гуманистические начала, которые будут пронизывать все человеческие отношения при коммунизме. Установится подлинная свобода личности, гармоническое единство личных и общественных интересов. Коммунистическое общество будет представлять собой братскую ассоциацию равных тружеников, в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹. Идеи провозвестников научного коммунизма явились высшим воплощением подлинного гуманизма. Маркс и Энгельс наметили реальные пути осуществления вековых чаяний трудящегося человечества, его стремлений к избавлению от гнета, к свободе, равенству, братству, к миру и счастью.

Великая заслуга творцов «Манифеста Коммунистической партии» состояла и в том, что они заложили в этом произведении основы учения о пролетарской партии как организаторе и вожде рабочего класса. Создание такой партии, подчеркивали они, является необходимым условием для завоевания пролетариатом политической власти и переустройства общества.

Авангардную роль коммунистической партии как передового отряда пролетариата Маркс и Энгельс выразили следующими словами: «Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения»².

В «Манифесте» были намечены основы революционной политики партии пролетариата. Маркс и Энгельс при этом не сочиняли универсальных рецептов. Они подчеркивали необходимость для коммунистов действовать не по шаблону, а сообразуясь с историческими условиями. Однако, указывали они, при выработке конкретной политики партия должна учитывать и общие, одинаково обязательные, независимо от местных особенностей, тактические принципы — умение подчинять ближайшие цели рабочего класса его конечным целям, соблюдать единство интернациональных и национальных задач пролетариата, поддерживать различные революционные и прогрессивные течения, критически относясь при этом к иллюзиям своих союзников.

Маркс и Энгельс обосновали положение о международном характере коммунистического движения и вытекающие отсюда принципы пролетарского интернационализма. Авторы «Манифеста» подчеркнули огромную важность установления единства взглядов и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 447.

² Там же. С. 437.

действий пролетариата различных стран, международной пролетарской солидарности. Великим призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» они ярко выразили общность классовых интересов и целей рабочих всего мира.

С разящим сарказмом Маркс и Энгельс дали в «Манифесте» отповедь буржуазным клеветникам, стремящимся приписать участникам коммунистического движения нелепые намерения уничтожить добытую своим трудом личную собственность, свести на нет свободу личности, упразднить отечество, семью, образование и т. д. Маркс и Энгельс показали, что идеологи буржуазии обвиняют коммунистов как раз в том, в чем больше всего повинно само же буржуазное общество, которое превращает в руины мелкую собственность крестьянина и ремесленника, низводит рабочего до положения простого придатка машины, обрекает его на невежество, делая образование привилегией богатых, лицемерными фразами о святости брака прикрывает официальную и неофициальную проституцию.

Касаясь обвинения коммунистов в намерении упразднить отечество, Маркс и Энгельс писали: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет»¹. Это положение подчеркивает враждебность пролетариата шовинизму буржуазии, стремящейся под фальшивым предлогом «защиты отечества» поработать и грабить другие народы. Оно выражает также интернациональную общность судеб рабочих разных стран, их солидарность с трудящимися угнетенных наций в противовес «своей» буржуазии, угнетающей эти нации.

Данное высказывание отражает лишь одну сторону отношения пролетариата к буржуазному отечеству. В «Манифесте» имеются и другие высказывания, свидетельствующие, насколько чужд был Марксу и Энгельсу национальный нигилизм. Маркс и Энгельс отмечали, что борьба рабочего класса развертывается прежде всего на национальной почве, что он в каждой стране должен покончить с господством своей буржуазии, сплотив вокруг себя все прогрессивные силы нации. В результате победы рабочего класса трудящиеся обретают подлинное отечество. Правильно понятые национальные интересы пролетариата, которому чужды всякая национальная ограниченность и национальное чванство, совпадают с его интернациональными интересами, целиком согласуются с принципами пролетарского интернационализма.

Специальное внимание уделено в «Манифесте Коммунистической партии» характеристике различных непролетарских идеологических течений, выступающих под флагом социализма. Глубоко раскрыты в нем классовая сущность и реакционная направленность феодального, христианского социализма, а также мелкобуржуазного социализма с его немецкой разновидностью — «истинным со-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 444.

циализмом». Весьма вредными и опасными считали Маркс и Энгельс течения реформистского толка, которые они объединили понятием буржуазного, или консервативного, социализма, отнеся к нему и реформистскую систему взглядов мелкобуржуазного социолога Прудона.

В «Манифесте» воздаётся должное великим социалистам-утопистам Сен-Симону, Фурье, Оуэну — предшественникам научного коммунизма. В своих произведениях эти мыслители дали ценный материал для критики капитализма и просвещения рабочего класса. Однако по мере развития классовой борьбы пролетариата и формирования научно-коммунистических идей утопический социализм становился все более оторванным от жизни и утрачивал практический смысл. Эпигоны социалистов-утопистов, догматически цеплявшиеся за слабые стороны их учения, выродились в реакционных сектантов.

«Манифест Коммунистической партии» заканчивается пламенными словами:

«Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»¹

Создание этой первой в истории программы международного рабочего движения явилось великим научным подвигом Маркса и Энгельса. С появлением «Манифеста Коммунистической партии» марксизм выступил как сформировавшееся в главных чертах, цельное революционное мировоззрение. Был сделан решающий шаг в превращении социализма из утопии в науку. Открылись новые горизонты и для дальнейшего развития революционной теории и для претворения ее в практику революционной борьбы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 459.

*Глава
пятая*

**В период революций
1848—1849 годов**

В течение обоих революционных лет, 1848—1849, Союз коммунистов вдвойне выдержал испытание: во-первых, тем, что его члены повсюду энергично участвовали в движении, что они и в печати, и на баррикадах, и на полях сражений стояли в первых рядах единственного решительно революционного класса, пролетариата. Союз, далее, выдержал испытание и в том смысле, что его воззрения на движение... оказались единственно правильными...

Карл Маркс и Фридрих Энгельс

***Начало революций в Европе.
Высылка Маркса из Брюсселя***

22—24 февраля 1848 г. французский народ сверг «короля банкиров» Луи-Филиппа и провозгласил республику. 13 марта произошло восстание в столице Австрии — Вене, 18 марта — в прусской столице — Берлине. Под натиском народных масс пал полицейский режим Меттерниха, австрийский император был вынужден обещать конституцию. В Пруссии к власти пришло министерство, сформированное из лидеров буржуазной оппозиции. Победа народа в Вене

и Берлине усилила революционное движение и в других германских государствах.

В результате героических боев 18—22 марта народ Милана изгнал австрийскую армию Радецкого. На борьбу поднялись народные массы Венеции, Пьемонта, Рима. Революционный поток, распространявшийся по Европе, все более приближался к границам буржуазно-аристократической Англии — на западе и крепостнической России — на востоке.

Историческими причинами революций 1848—1849 гг. явились главным образом обострившиеся противоречия между развивающимся капитализмом и абсолютистско-феодальными порядками, которые сохранились еще в большинстве стран Европы. Во Франции эти порядки были уничтожены еще в конце XVIII в.; новая буржуазно-демократическая революция была вызвана здесь теми препятствиями, которые ставило капиталистическому развитию политическое господство верхушки буржуазии — финансовой аристократии. В остальных странах основными задачами революции являлись свержение абсолютных монархий, уничтожение феодальной земельной собственности, освобождение от чужеземного ига, создание единых национальных государств.

Революции 1848 г. отличались от своего классического образца — Великой французской буржуазной революции — тем, что в ходе их на широкую политическую арену вышел новый класс — пролетариат. Особенно ярко его революционная роль проявилась во Франции. Французские рабочие завоевали республику с оружием в руках и потребовали провозглашения ее социальной республикой. Рабочий класс сыграл решающую роль также во время баррикадных боев в Вене и Берлине, хотя здесь, в отличие от своих французских собратьев, он не сумел сразу же выдвинуть собственных политических и социальных требований.

Противоречия между двумя основными классами капиталистического общества приобрели особо развитую форму в метрополии капитализма — Англии. Они проявлялись в той или иной степени и в других странах Европы. Так уже в самом начале революций 1848 г. получил подтверждение данный Марксом и Энгельсом на страницах «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*» прогноз относительно расстановки сил в революционных боях: «Повсюду за спиной буржуа стоит пролетариат...»¹

Маркс с величайшей радостью встретил первые вести о февральской революции во Франции и откликах на нее в других странах. Революционные периоды Маркс ценил как самые важные, решающие моменты во всемирной истории, когда народные массы совершают мощный рывок вперед, сметая препятствия на пути прогрессивного развития человечества.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 469.

События во Франции незамедлительно сказались и в Бельгии, где развернулось движение за провозглашение республики. Однако народным массам не хватало организованности и руководства. Маркс стремился преодолеть эти недостатки с помощью общин Союза коммунистов, Немецкого рабочего общества, Брюссельской демократической ассоциации. Комитет Ассоциации на своем заседании 27 февраля постановил развернуть широкую агитацию и потребовать от муниципалитета создания вооруженных сил, куда, помимо буржуазной гражданской гвардии, входили бы рабочие и ремесленники. В то же время Демократическая ассоциация сама приступила к вооружению рабочих. Маркс, который лишь за пару недель до того получил свою долю отцовского наследства, предоставил значительную сумму на закупку оружия.

Под влиянием Маркса Демократическая ассоциация предприняла ряд шагов для установления единства действий между демократами и пролетарскими революционерами разных стран. 28 февраля Комитет Демократической ассоциации направил приветствие временному правительству Франции и обратился с письмом к редактору «Northern Star», секретарю общества «Братские демократы» Гарни. В нем выражалась надежда, что чартистам удастся в скором времени добиться превращения Народной хартии в один из законов страны.

Куда бы ни забрасывала судьба Маркса, он не оставался в стороне от борьбы народных масс, а отдавал ей все свои знания, всю свою энергию. Этим он снискал огромное уважение среди многих демократов и социалистов не только Бельгии, но также Англии и Франции. 1 марта от имени французского народа ему прислал письмо член временного правительства Фердинан Флокон. «Тирания Вас изгнала, свободная Франция вновь открывает Вам свои двери...» — говорилось в нем¹.

Это приглашение как нельзя более соответствовало желанию Маркса, рвавшегося в центр революционной борьбы. Переезд его в Париж был ускорен бельгийским правительством, прибегшим к репрессиям против демократов, в первую очередь, иностранцев. 3 марта в 5 часов вечера Марксу был вручен приказ о том, чтобы он в течение 24 часов покинул Бельгию.

Незадолго до этого Маркс получил из Лондона решение Центрального комитета Союза коммунистов о передаче своих полномочий Брюссельскому окружному комитету. Шаппер, Бауэр, Молль и другие члены ЦК, собиравшиеся выехать на континент, считали, что в наступивший революционный период непосредственное руководство должно находиться в руках Маркса, подлинного вождя Союза. Однако обстановка в Брюсселе складывалась неблагоприятно в связи с приказом о высылке Маркса, арестом В. Вольфа и ряда других руководящих деятелей Союза. Поэтому перед отъездом

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 684.

Маркс собрал у себя на квартире только что конституированный Брюссельский ЦК. На этом заседании было решено перенести местопребывание Центрального комитета в Париж и поручить Марксу образовать там новый ЦК. После этого Брюссельский ЦК объявил себя распущенным.

Не успели пять человек, принявших это решение, разойтись, как в квартиру ворвались полицейские, произвели обыск и арестовали Маркса под лживым предлогом отсутствия у него документов. При аресте он подвергся грубому обращению, а затем был брошен в тюремную камеру.

Встревоженная Женни в сопровождении бельгийского коммуниста Жиго отправилась в полицейское управление узнать о судьбе мужа, но там оба они также подверглись аресту. Так как у арестованных не оказалось при себе паспортов, им предъявили обвинение в бродяжничестве! Однако явная нелепость этого обвинения вынудила судебного следователя на другой день освободить их.

Многочисленные протесты против произвола бельгийской полиции заставили ее выпустить из тюрьмы и Маркса. Он был освобожден тогда, когда предоставленный ему для выезда 24-часовой срок уже истек. Маркс и его семья вынуждены были покинуть Брюссель, не имея возможности взять с собой даже самые необходимые вещи.

В заявлении Маркса в газету «Réforme» и в письме Энгельса в редакцию «Northern Star» были разоблачены гнусные приемы, которые позволили себе в отношении Маркса и его жены правящие круги «образцовой конституционной страны». Выступления в печати и запросы в парламенте вынудили правительство Бельгии заявить об увольнении со службы непосредственных виновников расправы с Марксом.

Маркс в Париже.

Борьба против планов «экспорта революции»

Тотчас же по приезде в Париж Маркс приступил к созданию нового Центрального комитета Союза коммунистов. Вскоре он смог сообщить остававшемуся еще в Брюсселе Энгельсу, что новый ЦК сформирован, председателем избран Маркс, секретарем — Шаппер, а членами Комитета — Валлау, Вольф, Молль, Бауэр и Энгельс. Маркс торопил своего друга с приездом в Париж.

В это время среди находившихся в Париже иностранцев — немцев, поляков, бельгийцев, ирландцев, испанцев — приобрела огромную популярность идея создания вооруженных легионов, чтобы с их помощью освободить свои отечества, водрузить там республиканское знамя. Инициаторами создания немецкого легиона для организации рейда на территорию одного из пограничных германских государств выступили популярный поэт Гервег и бывший

редактор «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» Борнштедт, ставшие во главе основанного в Париже Демократического общества.

Агитация Гервега и Борнштедта среди немецких эмигрантов, жаждавших революционного дела, имела вначале значительный успех. Даже Веерт, до приезда Маркса избранный в комитет Демократического общества, одобрительно отзывался о его деятельности. За создание вооруженного легиона выступил на митинге немецких демократов 6 марта и Карл Шаппер. Вскоре Марксу удалось убедить их, а также и ряд других представителей пролетарской эмиграции в бессмысленности и вредности этой затеи. Один же из ее инициаторов, Борнштедт, 16 марта был исключен из Союза коммунистов.

Маркс и прибывший вскоре в Париж Энгельс стремились разъяснить рабочим глубокую порочность авантюристической идеи «экспорты революции». «Мы самым решительным образом,— вспоминал позднее Энгельс,— выступили против этой игры в революцию. Произвести вторжение в Германию в разгар происходившего там тогда брожения, чтобы насильственно навязать ей революцию извне, означало подрывать дело революции в самой Германии, укреплять правительства, а самих легионеров... выдавать безоружными немецким войскам»¹.

В противовес Демократическому обществу по инициативе Маркса был учрежден открытый Клуб немецких рабочих. 9 марта на объединенном заседании четырех парижских общин Союза коммунистов был утвержден представленный Марксом проект устава этого Клуба. На собраниях Клуба в кафе Пикар на улице Сен-Дени Маркс, Энгельс и их сторонники убеждали рабочих не вступать в легион, а поодиночке возвращаться на родину. Маркс разъяснял своим слушателям характер и перспективы революции во Франции. На одном из собраний в большом докладе он доказывал, что февральская революция — это только начало движения, что скоро развернется открытая борьба между французским пролетариатом и буржуазией, от исхода которой во многом будет зависеть судьба европейских революций. Воспитывая немецких рабочих в духе пролетарского интернационализма, Маркс советовал тем из них, кто оставался в Париже, готовиться к участию в предстоящей борьбе французского пролетариата. Он знакомил рабочих также с революционными событиями в других странах Европы. Но главное внимание Маркс и Энгельс уделяли разъяснению характера и особенностей революции, начавшейся в германских государствах.

«Требования Коммунистической партии в Германии»

Перед Марксом и Энгельсом встала неотложная задача — определить политическую платформу, стратегию и тактику комму-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 226.

нистов, сформулировать главные требования, которые могли бы послужить путеводной нитью для революционной борьбы народных масс Германии.

Общетеоретические основы тактики коммунистов были заложены в «Манифесте Коммунистической партии». Теперь предстояло их конкретизировать, исходя из того нового, что внесли февральская революция во Франции и мартовские события в Вене и Берлине. Уже первые дни после мартовской революции показали, что вставшая у власти либеральная буржуазия, напуганная революционной активностью масс, особенно рабочего класса Франции, склонялась к трусливому компромиссу с силами реакции. Только более прогрессивные, демократические силы нации могли довести буржуазно-демократическую революцию до конца.

Коренным вопросом революции в Германии Маркс и Энгельс считали вопрос о национальном объединении политически и экономически раздробленной страны. В выработанных ими «Требованиях Коммунистической партии в Германии» была сформулирована национальная программа пролетариата, отвечавшая интересам всего немецкого народа. Первый, отправной пункт «Требований» гласил: «Вся Германия объявляется единой, неделимой республикой»¹. Только с установлением такой республики можно было в тех исторических условиях покончить с препятствовавшим объединению Германии соперничеством Пруссии и Австрии, с многочисленными династиями, с провинциальной ограниченностью, завершить формирование немецкой нации и создать широкий плацдарм для объединения рабочего класса в национальном масштабе.

Борьбу за единство Германии Маркс и Энгельс органически связывали с борьбой за демократию. Они выдвинули ряд требований, направленных на демократическое преобразование всего политического строя, а именно: всеобщее избирательное право для мужчин, достигших 21 года, вознаграждение депутатов парламента, всеобщее вооружение народа, бесплатное судопроизводство, полное отделение церкви от государства, всеобщее и бесплатное народное образование. В противовес мелкобуржуазным демократам Маркс и Энгельс рассматривали эти общедемократические требования не как конечную цель революции, а как политические меры, создающие благоприятные условия для последующей борьбы пролетариата за социализм. Борьба за демократию была для Маркса и Энгельса составной частью борьбы за социализм.

Важнейшей задачей революции являлась ликвидация не только политического господства дворянства, но и его экономической основы — помещичьего землевладения. Поэтому в «Требованиях» сформулирована аграрная программа коммунистов. Здесь выдвинуты требования уничтожения без выкупа барщины, оброков, десятин

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 1.

и других феодальных повинностей, а также передачи в собственность государства коронных земельных владений и прочих феодальных имений, всех рудников, шахт и т. д. На национализированных землях земледелие должно было в дальнейшем вестись в интересах всего общества в крупном масштабе и самыми современными научными способами. Предусматривалось не только радикальное уничтожение всех пережитков феодализма, но и ограничение возможностей для капиталистической эксплуатации крестьян — мелких собственников и арендаторов. Ипотеки на крестьянские земли предлагалось объявить собственностью демократического государства, к которому переходили и уплачиваемые по ним проценты; земельная рента или арендная плата также должны были уплачиваться государству.

Ни одна партия в германской революции не выдвинула столь радикальной программы в аграрном вопросе. В ней, как и в ряде других пунктов «Требований», намечались мероприятия, которые должны были явиться не только «последним словом» буржуазно-демократической революции, но и шагом к социализму. К этим переходным мероприятиям кроме национализации феодальных имений, шахт, ипотек и земельной ренты относились замена всех частных банков государственным банком, национализация железных дорог, пароходов, почты, ограничение права наследования, введение высоких прогрессивных налогов и отмена налогов на предметы потребления, учреждение национальных мастерских, государственное обеспечение работой всех рабочих и попечение о неспособных к труду. Все это должно было облегчить в дальнейшем переход к пролетарской революции, к осуществлению ее главной цели — уничтожению буржуазной частной собственности. Эта цель, считали Маркс и Энгельс, могла быть достигнута в процессе непрерывной революции, развития ее по восходящей линии.

Общественную силу, способную в ходе революционной борьбы добиться проведения «Требований» в жизнь, Маркс и Энгельс видели в пролетариате и его ближайших союзниках — мелкой буржуазии и мелком крестьянстве. Какой исторический срок понадобится для осуществления намеченной программы, зависело не только от соотношения классовых сил в самой Германии, но и от хода революционной борьбы в наиболее развитых странах — во Франции и Англии.

«Требования Коммунистической партии в Германии» являлись первой конкретной программой пролетариата в буржуазно-демократической революции. Они были опубликованы в виде листовки в Париже в конце марта и в первых числах апреля появились в ряде газет в Германии. Этот важнейший документ Центрального комитета вместе с «Манифестом Коммунистической партии» вручался в качестве напутствия членам Союза коммунистов, уезжавшим в Германию.

Центральному комитету Союза удалось отправить поодиночке в Германию 300—400 рабочих. В начале апреля на родину направились Маркс и Энгельс, чтобы принять непосредственное участие в германской революции.

Начало деятельности в революционной Германии

На несколько дней Маркс и Энгельс остановились в Майнце. Еще будучи в Париже, Маркс направил сюда члена ЦК, уроженца Майнца, Карла Валлау, чтобы он предпринял первые попытки к централизации деятельности создававшихся в Германии рабочих обществ.

Эта важная задача была весьма трудной. В отличие от Англии и Франции, где промышленно развитые столицы являлись естественными центрами рабочего движения, в Германии оно было раздроблено по различным государствам, провинциям, отдельным промышленным районам. В составе рабочего класса преобладали ремесленники. Многие из них желали полного воскрешения цеховых порядков, видя в них панацею от капиталистической конкуренции. Маркс и его сторонники стремились помочь немецким рабочим пройти по ускоренной, революционной методе ту школу, которая была уже за плечами английских и французских рабочих, и поднять немецкий пролетариат до уровня тех задач, которые выдвигала перед ним история.

За три дня до приезда Маркса и Энгельса в Майнц, 5 апреля 1848 г., от имени комитета Рабочего просветительного союза в Майнце его первый председатель К. Валлау и секретарь А. Клусс обратились «Ко всем рабочим Германии». В воззвании, в частности, говорилось: «Когда мы разобщены... мы слабы, хотя нас и миллионы. Напротив, объединенные и организованные, мы будем представлять собой неодолимую силу. Поэтому, братья, создавайте повсюду в городах и деревнях рабочие союзы, где следует разъяснять условия, в которых мы находимся, предлагать меры для изменения нашего теперешнего положения, намечать и выбирать представителей рабочего класса в германский парламент и предпринимать все другие необходимые шаги для защиты наших интересов. ...Все рабочие союзы Германии должны как можно скорее установить связь между собой и поддерживать эту связь. Мы предлагаем вам временно избрать *Майнц* центром всех рабочих союзов...»¹

В Майнце Маркс и Энгельс вместе с Валлау и Клуссом обсудили план дальнейших действий, нацеленных на повышение политической активности эксплуатируемых и угнетаемых слоев немецкого населения, вовлечение в экономическую и политическую

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 521.

борьбу возможно более широких масс пролетариата, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства, повсеместное создание и объединение рабочих союзов и различных демократических обществ.

С самого начала революции Маркс и Энгельс подчеркивали необходимость создания массовой политической организации немецкого пролетариата, в известном отношении сходной с чартистской партией в Англии. Союз коммунистов должен был, по мысли Маркса и Энгельса, стать ядром, идейно-политическим центром будущей организации.

Первостепенную роль в деле консолидации немецкого пролетариата и повышения его классового сознания Маркс отводил революционному органу печати, который он намеревался издавать в Кёльне.

При подготовке издания газеты Марксу и Энгельсу пришлось преодолеть значительные политические и организационные трудности. Успеху их начинания благоприятствовала популярность Маркса как редактора «*Rheinische Zeitung*», а также поддержка со стороны друзей и сторонников. Чтобы подчеркнуть преемственную связь нового органа печати с прежней газетой, а с другой стороны, и его существенное отличие, было принято название — «*Neue Rheinische Zeitung*».

Главная тяжесть подготовительной работы легла на плечи Маркса. Благодаря его организаторскому таланту и редакторскому опыту удалось в чрезвычайно короткие сроки обеспечить выпуск большой газеты.

1 июня 1848 г. в Кёльне вышел № 1 ежедневной газеты «*Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie*», и в нем было опубликовано следующее уведомление от редакции: «Выход «*Neue Rheinische Zeitung*» был первоначально намечен на 1 июля... Но так как новые наглые выступления реакции заставляют ожидать в скором времени немецких сентябрьских законов, мы решили использовать каждый день в условиях свободы и начинаем выпускать газету уже с 1 июня. Наши читатели должны будут, следовательно, извинить нас, если в первые дни наши сообщения и различные корреспонденции еще не будут содержать того богатого материала, каким мы в состоянии располагать благодаря нашим обширным связям...

Редакционный комитет: Карл Маркс, главный редактор
 Генрих Бюргерс
 Эрнст Дронке
 Фридрих Энгельс
 Георг Веерт
 Фердинанд Вольф
 Вильгельм Вольф¹ } редакторы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 9.

Одновременно перед Марксом встали неотложные задачи по руководству Союзом коммунистов. Еще во время его пребывания в Париже в Германию для укрепления местных общин Союза были направлены Валлау, Борн, Веерт, а также Вольф, который посетил Майнц, Кобленц, Кёльн, Ганновер, Берлин и временно обосновался в своей родной Силезии. По приезде в Кёльн Маркса и других членов ЦК в разные города страны были посланы новые эмиссары. Энгельс посетил Эльберфельд, Бармен, Шаппер — Майнц, Гессен-Нассау и свой родной Висбаден, Дронке — Кобленц, Франкфурт-на-Майне, Майнц, Ханау и Кассель.

Сообщения посланцев ЦК и письма с мест свидетельствовали о том, что рабочие еще не сознавали своих классовых интересов и находились под влиянием буржуазии и мелкой буржуазии. Антикоммунистическая пропаганда после февральской и мартовской революций еще больше усилилась. Все это крайне затрудняло деятельность малочисленных общин Союза коммунистов. Трудности усугублялись разногласиями в Союзе коммунистов, еще не успевшем стать монолитной, сплоченной организацией.

Против позиций Готшалька и Борна

В качестве открытого противника линии Маркса и ЦК Союза коммунистов выступил член кёльнской общины популярный врач Андреас Готшальк. Встав во главе организованного им Кёльнского рабочего союза, Готшальк начал действовать на собственный страх и риск. Характерным для него являлась быстрая и неожиданная смена политических воззрений. Вначале он объявил себя сторонником «демократической монархии», но вскоре выступил с призывом бороться за «рабочую республику». В духе «истинного социализма» он игнорировал объективные исторические задачи буржуазно-демократической революции.

В вопросе о путях и средствах достижения «рабочей республики» Готшальк также отдавал дань «истинному социализму». Он внушал рабочим, что они могут законным путем добиться своих целей. Вместо разъяснения противоречий между трудом и капиталом Готшальк проповедовал им утопические идеи об общечеловеческом братстве. Он пытался дать религиозно-этическое обоснование коммунизму, лишая его классового содержания.

Путаные теоретические воззрения Готшалька обусловили его ошибочную, сектантскую тактику. Это ярко обнаружилось при выборах в общегерманское и прусское Национальные собрания. Ссылаясь на то, что выборы были не прямыми, а двухстепенными, Готшальк призывал рабочих бойкотировать их. Такая позиция вела к политической изоляции пролетариата.

Ультрареволюционная фразеология причудливо сочеталась у Готшалька с весьма умеренными делами. Деятельность Рабочего союза выразилась в целом потоке петиций правительству и местным властям, в которых щедро отдавалась дань цеховым настроениям и предрассудкам ремесленников.

Уже первые шаги Готшалька в Рабочем союзе не могли не вызвать решительного осуждения со стороны Маркса и ЦК Союза коммунистов. Не соглашаясь с мнением ЦК, Готшальк подал заявление о выходе из Союза. На заседании кёльнской общины 11 мая 1848 г. на вопрос Маркса о его отношении к Союзу коммунистов, Готшальк ответил, что в уставе Союза он видит угрозу для своей личной свободы. Для мелкобуржуазного социалиста оказались стеснительными уставные рамки пролетарской организации.

Маркс считал, что разрыв с Готшальком не должен означать прекращения связей с Кёльнским рабочим союзом. Учитывая, что влияние Готшалька было обусловлено уровнем тогдашнего рабочего движения, Маркс пока воздерживался и от открытых выступлений против него, которые могли быть еще непоняты рабочими массами. Даже тогда, когда Готшальк выступил на страницах редактируемой им газеты Кёльнского рабочего союза с клеветническими обвинениями против «*Neue Rheinische Zeitung*», Маркс с поразительной выдержкой обошел это молчанием. Он рассчитывал, что терпеливая и настойчивая работа его сторонников, а также собственный опыт рабочих масс помогут им убедиться в несостоятельности тактики Готшалька, левой по форме, но оппортунистической по существу. Жизнь полностью подтвердила эту политику Маркса.

Особую позицию занял и другой член Союза коммунистов — Стефан Борн. В письме Марксу 11 мая, посланном из Берлина, он хвастливо изображал себя главой рабочего движения, председателем чего-то вроде рабочего парламента, состоящего из депутатов многих профессий и фабрик. Борн писал, что буржуа доверяют его «*таланту посредника*» и даже сам прусский министр торговли вступил с ним в сношения. В письме отразилось пренебрежительное отношение Борна к Союзу коммунистов. И это было неслучайно. Концентрируя внимание рабочих и ремесленников главным образом на повседневных экономических нуждах, Борн отвлекал их от важнейших политических задач. Он уверял, что в Германии, в отличие от Англии и Франции, не существует резко разграниченных классов — капиталистов и рабочих — и что немецкие фабриканты протягивают рабочим «*дружески руку для соглашения*»¹.

Печать свойственного Борну реформизма и соглашательства лежала и на документах «Рабочего братства», основанного в Берлине в августе — сентябре 1848 г. Правда, в ряде статей Борна и доку-

¹ Berliner Zeitungs-Halle. 13.IV. 1848. N 89. Beilage.

ментов этой организации сказывалось и влияние Маркса. По словам Энгельса, Борн «был вовсе не из тех людей, которые способны внести единство в противоречивые стремления, внести свет в хаос. В официальных публикациях его «Братства» попадаетея поэтому пестрое смешение взглядов «Коммунистического манифеста» с цеховыми воспоминаниями и пожеланиями, с обрывками взглядов Луи Блана и Прудона, с защитой протекционизма и т. д., — одним словом, было желание всем угодить»¹.

Характеризуя разногласия между Марксом и Борном, В. И. Ленин позднее писал «о двух тенденциях в рабочем движении 1848 года в Германии, тенденции Борна (сродни нашим «экономистам») и тенденции марксистской»². Позиция Борна была одним из ранних проявлений оппортунизма в германском рабочем движении. Как ни отличалась эта позиция от «левых», сектантских воззрений Готшалка, их мелкобуржуазная суть была одина. И тот и другой мешали политическому воспитанию пролетариата, росту его классового сознания.

Однако самый факт организации «Рабочего братства», объединившего вскоре более сотни рабочих союзов, главным образом Восточной Пруссии, Мекленбурга и Саксонии, имел положительное значение. Поэтому Маркс не подверг открытой критике также и Борна. «*Neue Rheinische Zeitung*» опубликовала без каких-либо комментариев подготовленную Борном к берлинскому рабочему конгрессу программу, в которой сильно сказалось влияние идей Блана и Прудона. Но вскоре Маркс публично разъяснил, что опубликование этой программы не означает согласия с ней. В редакционной статье, направленной против туринской либеральной газеты «*Concordia*», «*Neue Rheinische Zeitung*» заявила протест в связи с тем, что эта газета «приняла программу, составленную комиссией по созыву рабочего конгресса, а нами лишь воспроизведенную, за нашу собственную программу»³.

На пролетарском фланге демократического движения

Воззвание Майнцкого рабочего просветительного союза не нашло широкого отклика. Созданию централизованной политической организации пролетариата препятствовали отсталость и политическая незрелость немецких рабочих, локальный характер движения, свойственный ему партикуляризм. Этому мешала и сепаратистская деятельность Готшалка и Борна. Одной из причин неудачи была

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 227.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 131.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 271.

также малочисленность и организационная слабость Союза коммунистов, недостаточная идейная зрелость многих его членов. «Как легко было предвидеть,— писал впоследствии Энгельс,— перед лицом поднявшегося теперь движения народных масс Союз оказался слишком слабым орудием воздействия. Три четверти членов Союза, которые жили раньше за границей, переменили с возвращением на родину свое местожительство; общины, в которые они до сих пор входили, были вследствие этого большей частью распущены, и всякая связь с Союзом была для них потеряна... Наконец, условия были настолько различны в каждом отдельном маленьком государстве, в каждой провинции, в каждом городе, что Союз был бы в состоянии давать лишь самые общие директивы; а такие директивы было гораздо лучше распространять через прессу»¹.

Всесторонняя оценка сложившейся обстановки побудила Маркса и руководимый им ЦК Союза коммунистов внести необходимые коррективы в формы и методы деятельности коммунистов и их тактику. Дальнейшее существование Союза как *тайной* организации обрело бы его на положение секты, что было равносильно отказу от активного участия в революции. Руководство малочисленными и разбросанными по всей Германии общинами и отдельными членами Союза, поскольку оно не могло тогда выйти за рамки общих политических директив, гораздо легче было осуществить через редактируемую Марксом газету. Исходя из всего этого, Маркс и большинство членов ЦК признали нецелесообразным дальнейшее существование тайного Союза. При этом речь шла не о роспуске Союза коммунистов, а об изменении организационных форм и методов его работы в связи с коренными переменами в условиях его деятельности. Члены Союза коммунистов, политически руководимые редакцией «*Neue Rheinische Zeitung*», должны были теперь широко использовать легальные возможности и развернуть работу в массах. Важным полем их деятельности являлись рабочие союзы, созданию и укреплению которых Маркс по-прежнему придавал громадное значение.

Другой ареной для деятельности коммунистов должны были стать возникшие повсюду демократические общества. Они представляли собой широкие политические организации, в состав которых наряду с мелкой буржуазией входили рабочие. Участие в демократических обществах давало коммунистам возможность идейно-политического воздействия на рабочих, еще не отделившихся от буржуазной демократии; с другой стороны, оно позволяло им оказывать влияние и на мелкобуржуазных демократов, вовлекать их в общий фронт борьбы за завершение буржуазно-демократической революции. Маркс и его ближайшие соратники вступили в Демокра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 227.

тическое общество, которое было создано в Кёльне в конце апреля 1848 г. Такую же тактику Маркс рекомендовал своим сторонникам, действовавшим в других городах Германии. Непременными условиями вступления коммунистов в демократические организации были сохранение своей самостоятельной политической позиции и открытая критика ими колебаний и непоследовательности мелкобуржуазных демократов.

Среди буржуазных кругов Кёльна участие Маркса и его сторонников в деятельности Демократического общества вызвало опасения. В середине мая либеральная «Kölnische Zeitung» выразила недовольство по поводу того, что на его собраниях сказывается влияние «злонамеренных коммунистов».

14—17 июня во Франкфурте-на-Майне состоялся общегерманский демократический конгресс. Активное участие в его работе принимали и члены Союза коммунистов. Конгресс избрал Центральный комитет и принял решение о создании окружных комитетов. В Кёльне также были предприняты шаги для создания окружного центра, который должен был объединить все демократические организации Рейнской провинции и Вестфалии, в том числе и рабочие союзы. Маркс вошел в состав общего комитета трех кёльнских организаций (Демократического общества, Рабочего союза и ремесленного Союза рабочих и работодателей), который стал выполнять роль Временного окружного комитета демократов. При этом Маркс стремился обеспечить и сохранение организационной самостоятельности рабочих союзов.

Вхождение Маркса и его сторонников в демократические общества, выработанная ими на этой стадии форма сотрудничества с мелкобуржуазными демократами обусловили и политическую платформу «Neue Rheinische Zeitung». «Это определяло наше знамя,— писал позднее Энгельс,— когда мы приступили к основанию в Германии большой газеты. Таким знаменем могло быть только знамя демократии, но демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфический пролетарский характер...»¹

Главный редактор «Neue Rheinische Zeitung»

31 мая вечером вышел первый номер «Neue Rheinische Zeitung» с подзаголовком «Орган демократии» и с датой 1 июня 1848 г. В редакционный комитет газеты вошли: Карл Маркс — главный редактор, Генрих Бюргерс, Эрнст Дронке, Фридрих Энгельс, Георг Веерт, Фердинанд Вольф, Вильгельм Вольф — редакторы. Самый

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 16.

состав редакции определял характер газеты не только как органа демократии, но и как органа Союза коммунистов, его направляющего и организующего центра.

Редакционный комитет отличался единством взглядов, слаженностью, оперативностью и четким разделением труда, при котором были учтены личные качества каждого из редакторов.

В «*Neue Rheinische Zeitung*» с наибольшей полнотой обнаружилось великолепное дарование Маркса как редактора и его выдающееся мастерство революционного публициста. «Именно его проницательности и твердой линии,— писал Энгельс,— газета была в первую очередь обязана тем, что стала самой известной немецкой газетой революционных лет»¹. Наряду с общим руководством газетой Маркс написал громадное количество передовых статей, печатавшихся без подписи. Его статьи узнаются по блестящему стилю, по характерным для них кратким, заостренным в виде антитез предложениям, по едкому сарказму, с которым он обличал врагов революции. Отпечаток стиля Маркса лежит и на той правке, которой подвергал он передовые, написанные его коллегам.

Стремясь придать газете характер единого целого, Маркс со свойственной ему тщательностью просматривал и редактировал также другие статьи и корреспонденции. Объем работы его как главного редактора был огромен: кроме очередных номеров ежедневной газеты, издавались ее экстренные выпуски, а также листовки, которые распространялись не только в Рейнской провинции, но и далеко за ее пределами. От имени редакции Маркс вел обширную переписку с корреспондентами газеты в Германии и других странах, поддерживал связи с рядом прогрессивных органов печати за границей.

Много времени отнимали у Маркса финансовые дела газеты, а еще больше сил и нервов требовала постоянная изнурительная борьба с властями, с судебными органами, с клеветой и угрозами со стороны реакционной и либеральной печати. Были случаи, когда редакции приходилось давать отпор наглым выходкам прусской военщины, представители которой вламывались в ее помещение.

Бок о бок с Марксом работал Энгельс, являвшийся правой рукой главного редактора. Насколько тесным, органичным было это сотрудничество, можно судить по свидетельству самого Энгельса: «Вообще относящиеся к тому времени статьи Маркса почти невозможно отделить от моих, потому что мы планомерно распределяли между собой работу»². Благодаря своему широчайшему кругозору, быстроте и легкости пера Энгельс был незаменим в газете. «...Он —

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 17.

² Там же. Т. 36. С. 269.

настоящая энциклопедия,— восторженно отзывался Маркс о журналистских способностях своего друга,— работоспособен в любое время дня и ночи, трезвый и навеселе, пишет и соображает быстро, как черт...»¹ Во время отъездов Маркса из Кёльна Энгельс замещал его на посту главного редактора.

Надежным помощником Маркса и Энгельса в редакционном комитете был Вильгельм Вольф. Особенно ярко проявился его публицистический талант в статьях по аграрному вопросу. Вольф близко знал жизнь крестьян, в особенности своих силезских земляков.

Блестящее применение нашли в «*Neue Rheinische Zeitung*» поэтический талант и неисчерпаемый юмор Георга Веерта. Большой успех имела серия его острых фельетонов «Жизнь и подвиги рыцаря Шнапганского», где в сатирической, гротескной форме был нарисован типичный портрет реакционного прусского юнкера.

В лице Эрнста Дронке Маркс привлек в газету опытного публициста, на счету которого было уже немало статей и большая книга «Берлин», стоившая автору заключения в крепость. В прошлом «истинный социалист», Дронке тем не менее оправдал надежды Маркса.

Несколько особое место в газете занимал Генрих Бюргерс. Член Союза коммунистов, он еще далеко не освободился от мелкобуржуазных воззрений. Уже первая статья Бюргерса побудила Маркса отказаться от его журналистских услуг. Номинально продолжая оставаться одним из редакторов газеты, Бюргерс, однако, с бóльшей пользой выступал в качестве ее представителя на народных собраниях и митингах.

В октябре 1848 г. в редакционный комитет вошел Фердинанд Фрейлиграт. Напечатанные в «*Neue Rheinische Zeitung*» стихи этого популярного революционного поэта, многие из которых были написаны по прямому заказу главного редактора, явились одной из лучших страниц в литературном наследии Фрейлиграта.

«*Neue Rheinische Zeitung*» была единственным органом печати не только в Германии, но и во всей Европе, в котором давался глубокий научный анализ важнейших событий германской и вообще европейской революций. Газета отличалась изумительной способностью предвидения, она стремилась помочь народным массам, творящим историю, разобраться в сложном лабиринте классово-борьбы, понять как общие цели революции, так и конкретные задачи, которые возникали на ее отдельных этапах. Она воспитывала в массах смелость, непоколебимую выдержку, готовность к решительному действию.

Последовательную борьбу за подлинные национальные интересы немецкого народа «*Neue Rheinische Zeitung*» органически сочетала

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 505.

с пролетарским интернационализмом. Она оказывала решительную поддержку всякому движению революционных масс, в какой бы стране оно ни происходило, разоблачала их врагов, срывала маску с их мнимых друзей.

Внимательно следя за маршрутами европейской революции, Маркс решающее значение придавал событиям во Франции и их влиянию на судьбы Германии и всей Европы. В материалы, присылаемые из Парижа (в частности, находившимися там одно время Фердинандом Вольфом и Дронке), он вписывал целые куски, раскрывающие смысл событий и содержащие выводы, которые он позднее развил в своих трудах «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

«*Neue Rheinische Zeitung*» поддерживала тесные связи с французскими, английскими, итальянскими, швейцарскими, бельгийскими, польскими и другими демократами, горячо защищая их дело на своих столбцах. Она по праву называла себя органом не только германской, но и европейской демократии.

Выступая под знаменем демократии, «*Neue Rheinische Zeitung*» не являлась официальным органом какой-либо демократической организации Германии. Начиная с первых номеров, она критиковала слабость и ошибки немецких демократов, неизменно отстаивала в общедемократическом движении точку зрения пролетариата.

Газета служила не только трибуной, с которой Маркс и его сторонники, обращаясь к массам, прежде всего к пролетариату, формулировали «истинные лозунги борьбы». Она была и организующим центром, своеобразным революционным штабом, стремившимся сплотить народные массы для претворения этих лозунгов в жизнь. «Это было революционное время,— вспоминал Энгельс о периоде издания «*Neue Rheinische Zeitung*»,— а в такое время работать в ежедневной печати — одно наслаждение. Воочию видишь действие каждого слова, видишь, как статьи буквально бьют подобно гранатам и как разрывается выпущенный снаряд»¹.

Редакция «*Neue Rheinische Zeitung*», заменившая на деле прежний ЦК, направляла деятельность членов Союза коммунистов. Через газету Маркс стремился обеспечить идейно-политическое единство коммунистов, научить их одновременно и согласованно откликаться на все волнующие Германию крупные события. Будучи самым массовым средством политического воспитания и организации пролетариата и его авангарда, газета подготавливала условия для формирования в будущем массовой партии немецких рабочих.

Руководимую Марксом и Энгельсом «*Neue Rheinische Zeitung*» В. И. Ленин считал «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 82.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 83.

Борьба за доведение буржуазно-демократической революции до конца

На страницах «*Neue Rheinische Zeitung*» Маркс решительно выступил против распространенных в Германии иллюзий, будто в результате мартовской революции одержали победу идеи свободы, равенства, братства, и силы реакции сломлены окончательно. Разоблачая эти вредные иллюзии, усыплявшие бдительность народных масс, «*Neue Rheinische Zeitung*» доказывала, что мартовская «полуреволюция» еще не сокрушила ни одного трона, что сохранилась старая армия с ее дворянским офицерским корпусом, государственный аппарат остался в руках алчного и бездушного чиновничества, помещики по-прежнему владели своими поместьями и угнетали крестьян. «...*Бастилия еще не взята*», — писал Маркс¹, убеждая народные массы, что решающие бои германской революции впереди. Когда рабочие и ремесленники Берлина 14 июня штурмом захватили цейхгауз, чтобы вооружиться, «*Neue Rheinische Zeitung*» оценила этот стихийный революционный порыв как первую зарницу предстоящей второй революции.

«*Neue Rheinische Zeitung*» направляла острие своей борьбы не только против открыто реакционных сил, но и против маскирующегося, а потому и более опасного врага — немецкой крупной буржуазии. Уже первые шаги либерального правительства, пришедшего к власти в Пруссии после мартовских дней, свидетельствовали о его измене революции. Из страха перед революционным народом это правительство пошло на сделку с реакционными силами, взяло на себя позорную роль «щита династии». Огромным завоеванием теоретической мысли Маркса, как подчеркивал В. И. Ленин, был сделанный им вывод, что в отличие от буржуазии Франции конца XVIII в. немецкая буржуазия с первых же дней революции в целом оказалась неспособной на прогрессивное историческое действие и явилась помехой на революционном пути. «Крупная буржуазия, антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, то есть перед рабочими и демократической буржуазией» — так четко и ясно характеризовала «*Neue Rheinische Zeitung*» в своем номере от 14 июня расстановку классовых сил в послемартовской Германии².

Либеральное правительство встало на путь выработки конституции «по соглашению с короной», оно стремилось к тому, чтобы ни народ, ни корона не смогли одержать полной победы, чтобы они как бы уравновесили друг друга. «*Neue Rheinische Zeitung*» предсказывала, что такое «равновесие» может быть весьма кратковременным, что сама же буржуазия будет с позором изгнана из правитель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 82.

² Там же. С. 64.

ства, как только реакция вновь почувствует под ногами твердую почву.

Предательской «теории соглашения» Маркс противопоставлял завоеванный в вооруженной борьбе суверенитет революционного народа. Он разъяснял, что стоящие перед народом — пролетариатом, крестьянством, трудящимися городов — революционные задачи можно разрешить только революционными методами. «Тяжелую болезнь нельзя исцелить розовым маслом», — писал Маркс¹.

В ходе революции, применительно к каждой ее задаче и каждому ее этапу, Маркс развивает и конкретизирует одно из основных положений исторического материализма — о роли народа как творца истории. Исходя из того, что коренным вопросом всякой революции является вопрос о власти, Маркс выдвигает лозунг революционной диктатуры народа. Он призывает народные массы к созданию подлинно революционной власти, смелой и решительной, способной смести начисто весь средневековый хлам, покончить с монархией, с помещиками и обеспечить победоносное завершение буржуазно-демократической революции. «Всякое временное государственное устройство после революции требует диктатуры, и притом энергичной диктатуры»². Одну из коренных задач революционной диктатуры народа Маркс видит в устранении старого государственного аппарата, «остатков старых учреждений», являющихся опорой реакционных сил.

О выдвинутом Марксом лозунге революционной диктатуры В. И. Ленин писал, что речь у Маркса шла об организации революционной власти еще на стадии буржуазно-демократической революции, что власть эта должна была обеспечить демократический переворот и ее задачи соответственно являлись «защита от контрреволюции и фактическое устранение всего противоречащего самодержавию народа»³.

Готовя народные массы к новому революционному натиску, Маркс и Энгельс стремились развеять иллюзорные надежды, связанные с деятельностью возникших после мартовской революции представительных учреждений. Газета справедливо критиковала общегерманское Национальное собрание во Франкфурте-на-Майне, призванное стать новой центральной властью в Германии и обеспечить действительное единство страны. «Учредительное Национальное собрание должно быть прежде всего *активным*, революционно-активным собранием. А Франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительствам действовать. Допустим, что этому ученому собранию удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет от наилучшего

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 30.

² Там же. С. 431.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 124.

порядка дня и от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня?»¹

Эта критика Франкфуртского собрания вызвала возмущение многих немецких обывателей, в том числе и некоторых акционеров «*Neue Rheinische Zeitung*», не замедливших отказать газете в своей финансовой поддержке. Но жизнь целиком подтвердила пронизательную характеристику, данную газетой «франкфуртской говорильне».

С большим вниманием следила редакция «*Neue Rheinische Zeitung*» за дебатами в прусском Национальном собрании, которое не могло под предлогом обсуждения «общегерманских проблем» уклоняться от требований реальной жизни. Коренной его порок Маркс и Энгельс видели в том, что в основу своей деятельности оно положило принцип выработки прусской конституции «по соглашению с короной». «Собрание, стоящее «на почве революции», не вступает в соглашение, оно декретирует», — писала «*Neue Rheinische Zeitung*»². Газета указывала депутатам единственный путь, достойный представителей революционного народа, — обращение за поддержкой к народным массам, которые со своей стороны должны оказывать давление на собрание. «Право демократических народных масс оказывать своим присутствием моральное воздействие на позицию учредительных собраний есть старое революционное право народа, которое со времен английской и французской революций использовалось во все бурные эпохи. Этому праву история обязана почти всеми энергичными шагами таких собраний»³.

Но вместо того, чтобы апеллировать к народу и опереться на него в своей деятельности, берлинское Собрание предпочло погрузиться в тихие воды парламентаризма. Тяжкой болезнью «парламентского кретинизма» были заражены не только правые и представители центра, но и те, кто сидел на скамьях левой. Критикуя левых, «*Neue Rheinische Zeitung*» писала: «Они отваживаются только на — *шиканье!*»⁴ Газета предсказывала, к каким печальным последствиям могут привести надежды левых добиться радикальных решений чисто парламентским путем.

Трусливая, соглашательская политика франкфуртского и берлинского Национальных собраний не могла не сказаться на решении основных вопросов революции.

Хотя немецкая буржуазия остро чувствовала потребность в ликвидации раздробленности страны, тем не менее, встав у власти, она стремилась решить и этот вопрос путем сделок с реакцией. Она намеревалась объединить Германию сверху: вокруг габсбургской импе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 39.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 436.

⁴ Там же. С. 92.

рии или более популярной в ее среде прусской монархии Гогенцоллернов.

Что же касается мелкобуржуазной демократии, то она делилась в этом вопросе на две фракции: северогерманскую, возлагавшую надежды на «демократического» прусского монарха, и южногерманскую, стремившуюся превратить Германию в федеративную республику по образцу Соединенных Штатов Америки или Швейцарии. В конкретных условиях тогдашней Германии это практически означало образование весьма пестрой федерации из конституционных монархий, карликовых княжеств и крошечных республик.

В противовес этому «*Neue Rheinische Zeitung*», в соответствии с «Требованиями Коммунистической партии в Германии», стремилась к созданию единой германской республики путем революционной борьбы народных масс. Тем самым газета последовательно и решительно защищала подлинные национальные интересы немецкого народа, его будущее как свободной демократической нации. Это целиком соответствовало и классовым интересам пролетариата. В условиях единой демократической Германии можно было быстрее покончить с раздробленностью рабочего движения, использовать более широкие возможности для организации и политического воспитания рабочего класса, для подготовки его к борьбе за социализм.

Задачу объединения Германии Маркс органически связывал не только с полной демократизацией ее политического строя, но и с глубокими социальными преобразованиями. «*Neue Rheinische Zeitung*» развернула решительную борьбу за уничтожение остатков феодализма в деревне.

Ко времени революции 1848 г. только наиболее зажиточная часть крестьян смогла воспользоваться плодами аграрных реформ 1807—1811 гг., предоставивших крестьянам право выкупа феодальных повинностей на крайне тяжелых условиях. Шел процесс медленного перерастания крепостнического помещичьего хозяйства в буржуазное, названный Лениным «прусским путем» развития капитализма в деревне. С началом революции развернулась стихийная антифеодальная борьба крестьянства. В ряде мест запылали помещичьи замки. Крестьяне отказывались нести какие бы то ни было повинности. «Правительству следовало,— писала «*Neue Rheinische Zeitung*»,— только облечь в законную форму *фактически уже осуществленную волей народа отмену всех феодальных повинностей*¹. Вместо этого либеральная буржуазия, из страха за свою буржуазную собственность, встала грудью на защиту собственности феодальной. В законопроекте, представленном прусским министром земледелия Гирке, предлагалось безвозмездно отменить лишь самые незначительные повинности, а наиболее обременительные подде-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 111.

жали выкупу или замене соответствующим по стоимости участком крестьянской земли.

Маркс расценил проект Гирке как самое убедительное доказательство того, что «немецкая революция 1848 г. есть лишь *пародия французской революции 1789 года*». «Французская буржуазия 1789 года,— писал он,— ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян. Она знала, что основой ее господства было уничтожение феодализма в деревне, создание свободного землевладельческого [grundbesitzenden] крестьянского класса.

Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предаёт этих крестьян, своих *самых естественных союзников*, которые представляют из себя плоть от ее плоти и без которых она бессильна против дворянства.

Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа — таков результат немецкой революции 1848 года. Гора родила мышь!»¹

Маркс боролся за радикальное разрешение аграрного вопроса, за полную и безвозмездную отмену феодальных повинностей, за превращение крестьянина в свободного собственника своей земли. В знаменитой серии статей Вольфа «Силезский миллиард» (весна 1849 г.) «*Neue Rheinische Zeitung*» в противовес помещикам и либеральной буржуазии, настаивавшим на выкупе феодальных повинностей, выдвинула требование возврата крестьянам тех сумм, которые «господа разбойники-рыцари украли у крестьян за последние тридцать лет»².

Кроме возвращения крестьянам всего того, что было у них нагреблено помещиками с начала аграрных реформ, газета потребовала раздробления части больших имений с целью наделения землей безземельных и малоземельных крестьян. Так, учитывая интересы широких слоев крестьянства, «*Neue Rheinische Zeitung*» дополнила аграрную программу, содержащуюся в «Требованиях Коммунистической партии в Германии».

В статьях «*Neue Rheinische Zeitung*» по аграрному вопросу ярко отразилась выработанная Марксом в ходе буржуазно-демократической революции тактика союза пролетариата со всем крестьянством при гегемонии рабочего класса.

Поддержка борьбы угнетенных народов. Внешнеполитическая позиция «Neue Rheinische Zeitung»

Решительно выступил Маркс и за активную поддержку широко развернувшейся в то время революционной национально-освободительной борьбы угнетенных народов. Исходным пунктом при этом

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 299.

² Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 74.

служили конкретно-исторический анализ того или иного национального движения, определение того места, которое оно занимало в происходившей схватке между двумя основными лагерями — лагерем революции и лагерем реакции. Пользуясь этим решающим критерием, редакция «Neue Rheinische Zeitung» поддерживала прогрессивные национально-освободительные движения, которые расширяли фронт буржуазно-демократической революции, умножали и укрепляли ее силы.

Основы интернационалистской политики «Neue Rheinische Zeitung» были сформулированы Марксом незадолго до выхода газеты в письме редактору итальянского демократического органа печати «Alba»: «Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, мы будем вести смертельную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как в Германии и в Польше»¹. В передовице «Внешняя политика Германии», написанной Энгельсом в начале июля 1848 г., подчеркивалась органическая связь и взаимозависимость между судьбами германской революции и освободительным движением поработенных наций. «Германия станет свободной в той же мере, в какой предоставит свободу соседним народам»².

Изо дня в день в «Neue Rheinische Zeitung» разоблачалась политика буржуазии, следовавшей и в национальном вопросе по стопам старых властей. Так же, как и по отношению к крестьянскому движению, буржуазное правительство пользовалось двумя методами — лживыми обещаниями и кровавыми карательными экспедициями. И то и другое было применено против восставших поляков Познани, доставшейся Пруссии в результате разделов Польши в конце XVIII в. Поднимая свой гневный голос против этих преступлений, газета апеллировала к немецкому и польскому народам — двум силам, которые должны были положить конец угнетению Польши и обеспечить самим полякам возможность решать свою судьбу.

«Neue Rheinische Zeitung» постоянно подчеркивала громадное значение восстановления Польши не только для польского народа, но и для народа Германии, для хода и исхода европейской революции. Сила реакции в Германии и в Европе зиждилась на русско-пруско-австрийском союзе, скрепленном разделами Польши. В польском народе Маркс и Энгельс видели надежного союзника в борьбе не только против Пруссии и Австрии, но и против главного врага европейской революции — русского царизма. «...Эта точка зрения, — писал В. И. Ленин, — была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, шляхет-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 4.

² Там же. С. 161.

ское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской¹.

С горячим сочувствием отнеслась «*Neue Rheinische Zeitung*» к пробуждению еще одного славянского народа — к чешскому восстанию в Праге в середине июня 1848 г. Она подчеркивала демократический характер этого восстания, его направленность не только против австрийского гнета, но и против чешских феодалов. Когда австрийская военщина залила кровью Прагу, газета гневно заклеймила эту позорную политику в отношении угнетенных народов и предсказала опасные последствия, которые повлечет за собой кровавая расправа в Праге, толкавшая чехов на сторону царской России².

Действительно, поражение пражского восстания нанесло тяжелейший удар демократическому движению чехов. Либерально-буржуазные элементы, захватившие руководство чешским национальным движением, сумели повернуть острие борьбы против германской революции. Таким образом, это движение объективно оказалось в одном лагере с австрийской и прусской реакцией, с русским царизмом, готовившим контрреволюционный поход на Запад.

Уже в начале июня «*Neue Rheinische Zeitung*» забила тревогу по поводу того, что русский царь стягивает войска к западной границе с намерением прийти на помощь «дружественным» монархиям Гогенцоллернов и Габсбургов. При отсутствии массового революционного движения в самой России сорвать эти контрреволюционные планы царизма можно было только извне, объединенными усилиями революционных народов Европы. Поэтому «*Neue Rheinische Zeitung*» призывала европейскую демократию к революционной войне против русского царизма. Маркс надеялся, что такая война вызовет новый мощный подъем в Германии и в других европейских странах. В. И. Ленин позднее отмечал, что эта тактика, провозглашенная Марксом от имени всей передовой демократии, отвечала объективным историческим условиям того времени, характеру эпохи завершения буржуазно-демократических преобразований. «Феодально-династическим войнам противопоставлялись тогда, объективно, революционно-демократические войны, национально-освободительные войны. Таково было содержание исторических задач эпохи»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 297. Далее Ленин указывал, что к XX в., когда в России и других славянских странах развернулось самостоятельное демократическое и рабочее движение, а шляхетская Польша уступила место Польше капиталистической, обстановка в корне изменилась и «при таких условиях Польша не могла не потерять своего *исключительного* революционного значения». (Там же. С. 298.)

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 85.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 13.

Июньское восстание в Париже

Еще во время своего пребывания в Париже Маркс предсказывал, что внутренние противоречия только что появившейся на свет Французской республики будут неизбежно возрастать и это приведет к решительной схватке между трудом и капиталом. События полностью подтвердили это предвидение. 23—26 июня 1848 г. Париж стал ареной мощного восстания пролетарских масс, поднявших на вооруженную борьбу против посягательств контрреволюционной буржуазии на завоевания февральской революции, на социальные интересы рабочих. Лозунгом восставших было установление демократической и социальной республики.

С волнением воспринимали в редакции «*Neue Rheinische Zeitung*» каждую весточку из Парижа. В серии статей, написанных Энгельсом по следам событий, освещались характер восстания, расстановка классовых сил, ход военных действий. В них закладывались основы марксистского учения о восстании как искусстве.

Маркс сразу же оценил великое историческое значение июньского восстания как первой гражданской войны между буржуазией и пролетариатом. Он посвятил восстанию изумительную по силе и революционной страсти статью «Июньская революция». Эта статья, написанная 28 июня, начиналась словами: «Парижские рабочие подавлены превосходящими силами врагов, но не сдались им. Они разбиты, но их враги побеждены»¹. Подавление восстания парижских рабочих, доказывает Маркс, куплено их врагами дорогой ценой — ценой крушения иллюзий февральской революции о свободе, равенстве и братстве, ценой раскола французской нации на две нации — нацию имущих и нацию рабочих.

В скупых, лаконичных выражениях Маркс характеризует путь, пройденный французской революцией от февраля до июня, вскрывает закономерности ее развития, приведшего к восстанию парижского пролетариата. Он показывает, что французская буржуазия всей своей политикой толкала рабочих на восстание. А когда доведенные до отчаяния рабочие поднялись, буржуазия залила мостовые Парижа кровью.

В противовес шквалу клеветы и ненависти, который обрушился на восставших парижских рабочих, Маркс поднимает свой страстный голос в их защиту. «Обвить лавровым венком их грозно-мрачное чело — это привилегия, это право демократической печати»². Этими проникновенными словами, гимном в честь июньских бойцов и их бессмертного дела заканчивает Маркс свою статью.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 138.

² Там же. С. 142.

Революционный орган пролетариата

Пролетарский характер газеты проявился не только в ее отношении к июньскому восстанию. Выдвигая в Германии задачу объединения всех демократических сил, «*Neue Rheinische Zeitung*» в то же время занимала особую позицию как представительница пролетариата.

Среди требований, сформулированных в политической платформе коммунистов — во время революции этот программный документ не раз перепечатывался¹, — редакция газеты на первый план выставляла те, которые относились к непосредственным задачам буржуазно-демократической революции. Исходя из трезвой оценки обстановки, она не выдвигала пока требований переходного характера, рассчитанных на длительный революционный процесс не только в Германии, но и в других европейских странах. Маркс считал, что еще не созрели объективные условия для того, чтобы эти требования вышли из сферы пропаганды и превратились в лозунги действия.

Однако, концентрируя внимание на ближайших целях революции, «*Neue Rheinische Zeitung*» уже на этой стадии начинала формировать политическую армию пролетариата для последующей борьбы за революцию социалистическую.

Исключительно важную роль в политическом воспитании пролетариата, в осознании им себя как класса должен был играть классовый анализ основных событий германской и европейской революций.

Огромный интерес в этом отношении представляли статьи и корреспонденции в газете, посвященные ходу революции во Франции. В противоположность мелкобуржуазной французской газете «*Réforme*», Маркс доказывал, что классовые бои во Франции после февраля — это не следствие каких-либо ошибок и случайностей, а закономерный результат классовых противоположностей, которые «покоятся на экономических основах, на существующем до сих пор материальном способе производства и обусловленных им отношениях обмена»². Он подчеркивал, что и различие идей, в котором «*Réforme*» ошибочно усматривала главный источник расхождения между пролетариатом и буржуазией, проистекает из разницы в положении того или иного класса в обществе, из общественных отношений. «А откуда возникают эти отношения? Из материальных, экономических условий жизни враждующих классов»³. Так на опыте французской революции Маркс подводил читателя к материалистическому пониманию борьбы классов и отражения ее в сфере идей.

Ценнейший конкретно-исторический материал для пропаганды своего учения давала Марксу классическая страна капитализма —

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 555.

² Там же. С. 486.

³ Там же. С. 487.

Англия. Особенно важным считал Маркс популяризацию среди немецких рабочих революционной борьбы чартистов, организованной партией пролетариата, и в первую очередь освещение деятельности ее революционного крыла, возглавлявшегося Гарни и Джонсом. На основе более богатого опыта английского пролетариата Маркс стремился убедить немецких рабочих в необходимости создания собственной пролетарской партии.

Опираясь на уроки прошлого и на факты живой действительности не только Германии, но и более передовых стран, Маркс разъяснял рабочим некоторые важнейшие положения исторического материализма, разрабатываемой им политической экономии, учения о классовой борьбе и о всемирно-исторической миссии пролетариата. Маркс подводил таким образом немецких рабочих к усвоению теоретических основ будущей пролетарской партии.

*Против наступления контрреволюции.
Деятельность Маркса в Кёльнском рабочем союзе
и Демократическом обществе*

После поражения июньского восстания, явившегося поворотным пунктом в ходе всей европейской революции, контрреволюция повсюду перешла в наступление. Менялось соотношение классовых сил в ее пользу и в Германии. Реакционные круги, вынужденные отступить в мартовские дни, стремились теперь к тому, чтобы отделаться от своей временной союзницы — буржуазии и восстановить домартовские порядки. Первый шаг в этом направлении был предпринят прусской реакцией еще накануне июньских событий в Париже. Либеральное правительство Кампгаузена получило отставку, политический смысл которой был следующим образом охарактеризован в «*Neue Rheinische Zeitung*»: «Министерство Кампгаузена облачило контрреволюцию в свой буржуазно-либеральный наряд. Контрреволюция чувствует себя достаточно сильной, чтобы сбросить эту стеснительную маску»¹.

На смену правительству Кампгаузена пришло правительство либерального аристократа Ауэрсвальда, в котором видную роль, однако, продолжал еще играть член предыдущего кабинета крупный рейнский капиталист Ганземан. Новое правительство рекламировало себя как «министерство дела». Свое правление оно сразу же ознаменовало рядом полицейских мер против демократического и рабочего движения, проводимых во имя восстановления «прочности законного порядка».

Главный удар «министерство дела» намеревалось нанести в центре Рейнской провинции — Кёльне. 3 июля были арестованы руково-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 99.

дящие деятели Кёльнского рабочего союза — Готшалк и Аннеке. Это вызвало сильнейшее возмущение среди рабочих. Догадываясь о провокационных планах правительства, редакция «*Neue Rheinische Zeitung*» поспешила предостеречь рабочих от преждевременного, изолированного выступления в переполненной войсками первой прусской крепости. Благодаря выдержке, трезвости, проявленных Марксом, попытки властей спровоцировать кёльнских рабочих на преждевременное восстание окончились провалом.

Маркс сразу же оценил серьезное значение кёльнских событий и поставил их в связь с общими замыслами прусских контрреволюционных кругов. В статье «Аресты», опубликованной 5 июля, говорилось: «Таковы, следовательно, дела *министерства дела*, министерства левого центра, министерства, являющегося переходом к стародворянскому, старобюрократическому, старопрусскому министерству. Как только г-н Ганземан сыграет свою переходную роль, он получит отставку»¹. Плачевная судьба, пророчески предсказывалось в статье, ожидает и берлинских левых, которые вместо того, чтобы апеллировать к народу в ответ на контрреволюционные действия правительства, возлагали все свои упования на собственное красноречие и жили предвкушением грядущих парламентских побед. «В одно прекрасное утро левая, возможно, убедится, что ее парламентская победа совпадает с ее действительным поражением»².

В связи с опубликованием статьи «Аресты» против «*Neue Rheinische Zeitung*» было возбуждено судебное преследование за содержащиеся якобы в статье оскорбления обер-прокурора Цвейффеля и производивших аресты жандармов. Таким образом, в план репрессивных действий «министерства дела» входило уничтожение редактируемой Марксом газеты. 6 июля главный редактор Маркс и ответственный издатель Корф были вызваны на допрос к судебному следователю. По окончании допроса следователь вместе с государственным прокурором Геккером произвели в редакции обыск, чтобы найти рукопись и установить имя анонимного автора статьи. Затем последовала целая серия допросов свидетелей — владельца типографии Клоута и наборщиков, редакторов газеты — Энгельса и Дронке, наконец, снова Энгельса, но уже не в качестве свидетеля, а как обвиняемого. Несмотря на служебное рвение судебных чиновников, дело со следствием продвигалось туго. Тогда была предпринята еще одна «акция», на этот раз непосредственно против Маркса.

Хотя кёльнский магистрат предоставил ему право гражданства, это решение подлежало утверждению королевского окружного управления, а последнее не торопилось с ответом. И вот теперь, почти через четыре месяца, Марксу было сообщено, что королевское

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 174.

² Там же.

окружное управление не сочло возможным предоставить ему это право, а посему он и впредь будет считаться иностранцем. Маркс заявил по этому поводу протест министру внутренних дел Кюльветтеру, прямо указав на политические причины отказа. «...Подобные тенденциозные мотивы,— писал он,— могли быть пущены в ход только в старом полицейском государстве, но ни в коем случае не в Пруссии, где совершилась революция и где существует ответственное правительство»¹.

Отказ кёльнских властей предоставить Марксу право гражданства вызвал протест со стороны рабочих и демократов Кёльна. Демократическое общество послало депутацию к местным властям с требованием отменить полицейские меры против Маркса. Тем не менее министр внутренних дел 12 сентября подтвердил постановление окружного управления. Хотя кампания протеста помешала реакции немедленно осуществить свои замыслы, угроза высылки из Пруссии, как дамоклов меч, нависла над Марксом.

В этих чрезвычайно трудных условиях Маркс стремился во что бы то ни стало удержать в своих руках такое могучее орудие воздействия на массы, как большая ежедневная газета. Отдавая ей львиную долю своего времени и сил, он в то же время вместе со своими друзьями и сторонниками принимал самое непосредственное участие в деятельности рабочих и демократических организаций Кёльна. Опыт Кёльнского рабочего союза и Демократического общества Маркс стремился сделать достоянием членов Союза коммунистов, а также рабочих и демократических организаций других частей Германии.

Своей деятельностью в общественных организациях Кёльна Маркс и его сторонники все больше завоевывали уважение и доверие масс. После ареста Готшалька и Аннеке, на заседании Комитета Рабочего союза 6 июля его председателем был избран друг Маркса Иосиф Молль. Вместе с только что приехавшим из Лондона Шаппером он представлял теперь Рабочий союз в комитете, объединившем, как уже указывалось, три демократические организации Кёльна и функционировавшем в качестве Временного окружного комитета демократов.

В центре внимания нового руководства Рабочего союза, постоянную помощь которому оказывал Маркс, встали теперь вопросы идейного и политического воспитания рабочих. Важной формой этого воспитания сделались дискуссии. Во время одной из них Молль и Шаппер разъясняли рабочим, что зло заключается не в машинах, как полагали многие рабочие и ремесленники, а в существующих общественных отношениях. В живой форме сторонники Маркса доносили до рабочих основные идеи «Манифеста Коммунистической партии». В ходе дискуссии об организации труда

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 410.

в современном обществе, по существу, обосновывался и пропагандировался ряд пунктов «Требований Коммунистической партии в Германии». В заключение дискуссии на заседании Комитета 11 сентября с докладом по социальному вопросу выступил Энгельс.

Идейно-политическая перестройка Кёльнского рабочего союза сопровождалась и некоторыми изменениями в его организационной структуре — отказом от прежнего узкоцехового принципа, введением твердо установленных членских взносов. Кёльнский рабочий союз становился все более надежной опорой Маркса и его сторонников.

Активно участвовали Маркс и его соратники в работе Демократического общества. Будучи членом Временного окружного комитета демократов, Маркс играл видную роль в руководстве Обществом и выступал на его собраниях в зале Штольверка. Летом 1848 г. в Обществе произошла дискуссия между Марксом и Вейтлингом, который, вернувшись из Америки, посетил Кёльн. В своем выступлении на собрании Общества 21 июля Вейтлинг, отрекомендовав себя «демократом, социалистом и коммунистом», ратовал за создание диктаторского временного правительства, состоящего из узкого круга лиц, имея в виду в первую очередь самого себя. 4 августа Маркс выступил с критикой Вейтлинга. Судя по весьма несовершенной протокольной записи, он доказывал несостоятельность попыток Вейтлинга отделить политические интересы от социальных, так как «политические и социальные интересы взаимно переплетаются друг с другом». Маркс показал, что вейтлинговское сектантское понимание диктатуры «непрактично», а его идея единоличной диктаторской власти вообще абсурдна. В противовес Вейтлингу, отрицавшему буржуазно-демократический характер революции, Маркс выдвинул задачу создания революционного правительства из представителей всех направлений демократического движения¹.

Маркс и его сторонники были инициаторами принятия Демократическим обществом ряда резолюций и адресов по важным политическим вопросам. Эти адреса скреплялись тысячами подписей, после чего их направляли берлинскому и франкфуртскому Национальным собраниям.

том, каким авторитетом и влиянием в революционно-демократических кругах пользовался Маркс, свидетельствует первый окружной конгресс демократов Рейнской провинции и Вестфалии, состоявшийся в Кёльне 13—14 августа. Когда на конгрессе в связи с сообщением делегата из Трира Шили о республиканских настроениях трирского гражданского ополчения председатель заявил, что и Карл Маркс является также уроженцем Трира, в честь главного редактора «*Neue Rheinische Zeitung*» участники конгресса прокричали трое-

¹ Der Wächter am Rhein. 2 Dutzend. 23. VIII. 1848. N 1.

кратное «ура». Боннский делегат студент Карл Шуц вспоминал, как на конгрессе он «увидел лицом к лицу наиболее выдающихся людей того времени, в том числе и вождя социалистов Карла Маркса. Ему было в то время 30 лет, но он уже считался признанным главой социалистической школы. Невысокого роста, крепко сложенный, с высоким лбом, с черными волосами, густой бородой и темными блестящими глазами, он сразу привлекал внимание. Про него говорили, что в своей специальности — это замечательный ученый... Все, что Маркс говорил, было действительно содержательно, логично и ясно... Я до сих пор помню тот резко саркастический тон, которым он произносил слово «буржуа»»¹.

Конгресс принял постановление о превращении действовавшего в Кёльне Временного окружного комитета в постоянный Рейнский окружной комитет демократов. В этот комитет, возглавленный адвокатом Шнейдером II, кроме Маркса входили также Молль и Шаппер.

Практическая революционная работа Маркса и его сторонников способствовала тому, что в Кёльне была создана наиболее крепкая и политически зрелая по сравнению с другими городами Германии организация демократов.

Поездка в Берлин и Вену

Вскоре после окружного конгресса демократов, 23 августа, Маркс отправился в Берлин и Вену. Целью этой поездки было укрепление связей с демократическими и рабочими организациями столиц двух крупнейших государств Германского союза, а также сбор средств для «*Neue Rheinische Zeitung*», от которой после статей об июньском восстании отреклись последние акционеры.

В Берлине у Маркса состоялись беседы с некоторыми левыми депутатами прусского Национального собрания, в первую очередь с членом Союза коммунистов Д'Эстером. Маркс встречался там и с другими деятелями демократического движения, в том числе с Бакуниным, возобновив с ним дружеские отношения, установившиеся еще в Париже.

Из Берлина Маркс направился в Вену. К этому времени политическая обстановка здесь накалилась. Австрийская контрреволюция, одержавшая поражение пражского и парижского восстаний и вторжением 6 августа войск Радецкого в Милан, перешла в наступление. Путем снижения заработной платы и отмены пособий для безработных она спровоцировала рабочие волнения, вылившиеся 23 августа в кровавое столкновение буржуазной национальной гвардии с демонстрацией рабочих.

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 285.

По приезде в Вену Маркс установил связи с руководителями рабочего и демократического движения. Имя редактора «*Neue Rheinische Zeitung*» было здесь широко известно. Газету ценили за превосходное понимание политической обстановки.

28 августа Маркс выступил в Демократическом союзе при обсуждении вопроса о последних событиях в Вене. В ходе дискуссии обнаружились серьезные разногласия между Марксом и приехавшим в Вену членом берлинского Центрального комитета демократов Юлиусом Фрёбелем. Последний поддержал предложение о посылке делегации к императору с просьбой о смещении министра труда Шварцера — непосредственного виновника событий 23 августа. Возражая против этого, Маркс с возмущением говорил о «берлинских теоретиках», которые называют себя демократами, а на практике стремятся к «соглашению» с государями. По сообщению венской демократической газеты «*Der Radikale*», его речь была «очень остроумной, резкой и поучительной». Маркс подчеркнул в ней, что в Вене, как и в Париже, «суть дела в борьбе между буржуазией и пролетариатом»¹.

30 августа Маркс сделал доклад в первом венском Рабочем просветительном союзе. Приветствуя членов Союза, он заявил, что считает для себя честью выступать перед представителями рабочих Вены, так же как до этого он выступал в рабочих обществах Парижа, Брюсселя и Лондона. Темой доклада были социальные отношения в Европе и роль пролетариата в революционной борьбе. Маркс отметил участие в июньском восстании в Париже немецких рабочих-эмигрантов, разделивших тяжелую, но славную участь своих французских собратьев. Немецкие рабочие, говорил он, могут гордиться поведением своих земляков. Маркс рассказал также о последних выступлениях английских чартистов, о борьбе за освобождение пролетариата Европы. Коснулся он и положения в Бельгии. 2 сентября Маркс выступил перед венскими рабочими с докладом о наемном труде и капитале.

Проявляя большой интерес также и к взаимоотношениям наций в Австрии, этой «тюрьме народов», Маркс встретился в Вене с популярным тогда депутатом австрийского парламента от Праги книготорговцем А. Боррошем, который был свидетелем недавнего Июньского пражского восстания. Причины и ход этого восстания весьма интересовали Маркса. В состоявшейся беседе Боррош среди прочего отмечал «фанатическую вражду чехов к богемским немцам»². Полученную информацию Маркс передал Энгельсу, проявлявшему специальный интерес к взаимоотношениям наций и народностей в Австрийской империи, в связи с написанием статей о положении дел во владениях Габсбургов.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 533.

² Там же. Т. 22. С. 420.

Обострение политической обстановки в Берлине и во Франкфурте-на-Майне заставило Маркса поспешить с возвращением в Кёльн. По пути он останавливался в Дрездене и в Берлине. В прусской столице Маркс присутствовал на заседании Национального собрания, снова вел переговоры с берлинскими левыми. Он встретился с польским деятелем Владиславом Косцельским, который от имени польской демократии передал ему две тысячи талеров для «*Neue Rheinische Zeitung*». Около середины сентября Маркс вернулся в Кёльн.

Сентябрьский кризис в Германии

К этому времени в Берлине вспыхнул острый политический конфликт в связи с повторным голосованием в Национальном собрании предложения левого депутата Штейна об удалении из армии реакционных офицеров. Собрание приняло это предложение еще 9 августа, но военный министр не пожелал ему подчиниться. 7 сентября Штейн вновь внес свое предложение, принятое большинством голосов. В результате правительство Ауэрсвальда — Ганземана заявило о своем намерении подать в отставку. Из этой острой политической коллизии, указывал Маркс на страницах «*Neue Rheinische Zeitung*», могло быть лишь два выхода: либо победит Собрание, власть короля будет сломлена и будет образовано правительство левых; либо победит корона, и тогда Собрание будет распущено, право союзов уничтожено, будет издан цензовый избирательный закон, то есть осуществлен с помощью пушек и штыков государственный переворот¹.

«*Neue Rheinische Zeitung*» разъясняла, что судьба Собрания зависит от того, призовет ли оно на свою защиту народные массы или, проявляя колебания, подчинится в конечном счете короне, что приведет к удалению его из Берлина как прелюдии к его роспуску. «Французское Учредительное собрание переехало из Версаля в Париж. По правде говоря, это соответствовало бы всему характеру германской революции, если бы согласительное собрание переехало из Берлина в Шарлоттенбург»².

История внесла лишь небольшую, чисто географическую поправку в этот прогноз: в ноябре новым официальным местопребыванием Собрания — перед его окончательным роспуском — был объявлен не Шарлоттенбург, а другой захолустный городишко — Бранденбург.

Другим очагом сентябрьского политического кризиса был Франкфурт-на-Майне. Здесь предстояло обсуждение общегерманским Национальным собранием заключенного Пруссией 26 августа

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 428—429.

² Там же. С. 437.

позорного перемирия с Данией. В отличие от контрреволюционных войн австрийской военщины в Италии и прусской в Познани война против Дании за населенный в основном немцами Шлезвиг-Гольштейн пользовалась популярностью. Перемирие с Данией справедливо было воспринято как предательство по отношению к революционному правительству и Учредительному собранию Шлезвиг-Гольштейна. Прусское правительство поторопилось его заключить не только под давлением Англии и России, но и по собственному побуждению, стремясь отозвать с фронта войска генерала Врангеля и использовать их в борьбе против народных масс.

Надежды на отпор этим контрреволюционным проидам «*Neue Rheinische Zeitung*» связывала исключительно с силами народа. Редакция выступила в качестве непосредственного организатора и руководителя масс. Вместе с Кёльнским рабочим союзом и Демократическим обществом она созывала широкие народные собрания в помещениях и под открытым небом. Они приобретали характер внутренних политических демонстраций.

13 сентября редакция «*Neue Rheinische Zeitung*», Кёльнский рабочий союз и Демократическое общество создали народное собрание на Франкен-плац. Присутствовало 5—6 тыс. человек. По предложению Вольфа, поддержанному Энгельсом, Г. Беккером и Дронке, был избран Комитет безопасности. В его состав вошло 30 человек, среди них — Маркс, Энгельс, Вольф, Бюргерс, Дронке, Шаппер и Молль. Затем был единогласно принят предложенный Энгельсом проект обращения к берлинскому Собранию с требованием, чтобы в случае попыток его роспуска депутаты не покидали своего поста даже под угрозой штыков.

Образование Комитета безопасности означало создание непосредственно избранного народом органа, который должен был стать организующим центром революционной борьбы, зародышем новой, подлинно революционной власти. Напуганная этим, кёльнская буржуазия в тот же день выступила с протестом от имени многих членов правления кёльнского конституционно-монархического Союза граждан. В результате ряд членов Комитета, в том числе и председатель Демократического общества Шнейдер II, заявили о своем отказе участвовать в его деятельности. Это свидетельствовало об обострении противоречий между мелкобуржуазным и пролетарским крылом Демократического общества.

В укреплении авторитета Комитета безопасности важную роль сыграло народное собрание, состоявшееся 17 сентября в окрестностях Кёльна — в Воррингене. Кроме жителей Кёльна сюда прибыли крестьяне соседних деревень, а также делегации из Нейсса, Дюсельдорфа, Крефельда и других городов. Вместе с черно-красно-золотыми флагами — символом германского единства — на трибуне развевалось и красное знамя. На этом собрании, как и 13 сентября, широко распространялись «Требования Коммунистической партии

в Германии». Собравшиеся высказались за демократическо-социальную красную республику и с энтузиазмом одобрили создание Комитета безопасности. Единогласно было принято предложенное Энгельсом обращение к Франкфуртскому собранию в связи с прусско-датским перемирием; в нем говорилось, что в случае конфликта между прусским правительством и общегерманским парламентом собравшиеся «готовы до последней капли крови бороться за Германию»¹.

Как и предвидела «*Neue Rheinische Zeitung*», Франкфуртское собрание 16 сентября ратифицировало прусско-датское перемирие. Тогда на защиту революционной чести Германии встали рабочие Франкфурта, Оффенбаха, Ханау, а также крестьяне окрестных деревень, поднявшие восстание.

В связи с этими событиями Комитет безопасности, Демократическое общество и Кёльнский рабочий союз созвали 20 сентября народное собрание в зале Эйзера, на котором присутствовали Маркс и остальные члены редакции «*Neue Rheinische Zeitung*». В яркой речи Энгельс заклеил предательское решение общегерманского Собрания и сообщил о ходе восстания во Франкфурте. Была принята прокламация, в которой ратификация перемирия объявлялась изменой немецкому народу, а депутаты Собрания, за исключением тех, кто заявил о своей готовности выйти из его состава, — предателями народа.

Опубликование этой прокламации в «*Neue Rheinische Zeitung*» послужило поводом для возбуждения властями еще одного судебного дела против газеты и ее главного редактора, на этот раз по обвинению их в клевете на депутатов Франкфуртского парламента.

После подавления франкфуртского восстания кёльнская прокуратура обвинила Энгельса, Вольфа и Бюргерса в заговоре против существующего строя в связи с их выступлениями на народных собраниях. Министр юстиции имперского правительства во Франкфурте отдал распоряжение возбудить судебное дело против Комитета безопасности, руководителей Демократического общества и Рабочего союза, а также против экспедиции «*Neue Rheinische Zeitung*», объявившей сбор взносов в помощь франкфуртским повстанцам и их семьям.

Обстановка в Кёльне становилась все более напряженной. Утром 25 сентября Маркс отправился на заседание второго окружного конгресса демократов. Однако открытие его не состоялось ввиду начавшихся в Кёльне арестов. Рано утром были арестованы Шаппер и Г. Беккер. Вольфа полиция не удалось отыскать. Была сделана попытка арестовать одного из самых популярных руководителей Рабочего союза — Молля, но он был освобожден собравшимся у его дома народом.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 542.

К полудню было созвано собрание Рабочего союза в гостинице «Им Кранц» на Старом рынке. Маркс призвал рабочих не поддаваться на провокации, предостерегая их от преждевременного и изолированного восстания. В 3 часа дня с таким же призывом он выступил на собрании в зале Эйзера, где присутствовали и члены Демократического общества.

Вечером на Старом рынке собралась толпа народа. Распространился слух о приближении прусских войск. Рабочие бросились строить баррикады. Но власти не решились пустить в дело войска ввиду «неблагонадежности» части гражданского ополчения. Эти события, однако, послужили предлогом для введения осадного положения. Были запрещены собрания, демократические и рабочие организации, приостановлен выход «*Neue Rheinische Zeitung*» и других демократических газет, разоружено и распущено гражданское ополчение.

Введение осадного положения в Кёльне вызвало волну возмущения по всей Германии. Левые депутаты Д'Эстер, Борхардт и Киль выступили в прусском Национальном собрании с решительным протестом. Правительство вынуждено было пойти на уступки. 2 октября кёльнская прокуратура получила приказ о снятии осадного положения. 3 октября вновь была объявлена подписка на «*Neue Rheinische Zeitung*».

Однако Марксу потребовалось время, чтобы возобновить ее выход. Газета лишилась ряда своих редакторов. Энгельс и Дронке, из опасения оказаться в горячее время в тюрьме, выехали в Брюссель. Местная полиция арестовала их и переправила на французскую территорию. Дронке остался в Париже, Энгельс же пешком отправился в Швейцарию. Обосновавшись в Берне, он принял активное участие в швейцарском рабочем движении. Он стремился помочь Марксу своими корреспонденциями. Вольф скрылся от ареста в Пфальце, а позже тайком переехал в Кёльн и поселился неподалеку от помещения редакции, находившейся на Унтер-Хутмахер, № 17. Ежедневно он проникал туда через двор, не выходя на улицу. Кроме Веерта и Вольфа у Маркса появился новый помощник — Фрейлиграт.

Приостановка выхода газеты еще более усугубила материальные затруднения, вызванные приобретением — еще до осадного положения — дорогостоящей скоропечатной машины. Чтобы спасти газету, Маркс вложил в нее все средства, оставшиеся по наследству от отца, — свыше 7 тыс. талеров. «*Neue Rheinische Zeitung*», в отличие от некоторых других газет, никогда не старалась «сделать из революции дойную корову», позднее писал Маркс. «...Только ценой больших денежных жертв и подвергаясь личной опасности мне удалось сохранить газету...»¹

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 418.

С 12 октября «*Neue Rheinische Zeitung*» снова продавалась на улицах Кёльна. Как бы бросая вызов властям, издавшим приказ об аресте почти всех редакторов газеты, главный редактор сообщал, что «редакционный комитет остается в прежнем составе. Недавно в него вошел Фердинанд Фрейлиграт»¹.

В сложном положении оказалось в эти дни и руководство Кёльнского рабочего союза. Шаппер сидел в тюрьме. Молль был вынужден эмигрировать в Лондон. Этим попытались воспользоваться сторонники Готшалка, чтобы вернуть утраченные позиции. Тогда Комитет Союза решил направить делегацию к Марксу с просьбой занять пост председателя. Несмотря на перегрузку работой в газете, непрочность своего положения в Кёльне из-за отказа восстановить его в правах гражданства и судебных преследований, Маркс согласился временно взять на себя эти обязанности. На заседании Комитета 16 октября он сказал: «Правительство и буржуазия должны убедиться в том, что, несмотря на все их преследования, всегда найдутся люди, готовые предоставить себя в распоряжение рабочих»². Избрание Маркса председателем было утверждено на общем собрании Союза 22 октября. Эти обязанности он выполнял до февраля 1849 г.

На заседании Кёльнского рабочего союза Маркс отметил выдающуюся роль рабочих в начавшемся в Вене вооруженном восстании. По его предложению единодушно было принято решение послать приветствие венскому Рабочему союзу.

Октябрьское восстание в Вене

В первом же номере «*Neue Rheinische Zeitung*» после снятия осадного положения Маркс поместил статью о восстании в Вене. Толчком к нему послужил императорский указ о роспуске венгерского сейма и о назначении губернатором Венгрии реакционного хорватского бана Елачича, незадолго до этого потерпевшего поражение от защитников венгерской независимости. Стоявшие в Вене войска 5 октября получили приказ выступить на соединение с разбитой армией Елачича для нового похода против венгерской революции. 6 октября народные массы, студенческий Академический легион и национальная гвардия Вены, воспротивившись отправке войск, подняли восстание. К вечеру народ оказался победителем.

Дальнейший ход борьбы во многом зависел от единства и организованности населения Вены. Но уже в первой статье Маркс предупреждал о возможном предательстве венской буржуазии, что и подтвердилось. Австрийская реакция сумела использовать также

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 448.

² Там же. С. 549.

национальные противоречия: кроме обманутых помещицей верхушкой южных славян на сторону Габсбургов перешла чешская буржуазная национально-либеральная партия. Что касается революционной Венгрии, то под давлением либералов и части офицерства ее руководители проявили робкую осмотрительность: венгерские войска не спешили на помощь венским повстанцам.

Особую важность поэтому приобретала поддержка восставшей Вены со стороны всех демократических сил Германии. В связи с предстоящим вторым общегерманским конгрессом демократов в конце октября в Берлине состоялось совещание левых депутатов Франкфуртского, Берлинского и некоторых других немецких парламентов. Маркс специально повидался с левыми депутатами Франкфуртского собрания — Симоном, Цицом, Шлёффелем и др., посетившими Кёльн проездом в Берлин. Через них он стремился воздействовать и на других левых депутатов парламентов. Однако совещание оказалось малочисленным и далеко не единым. Составленное Д'Эстером, Якоби и Симоном воззвание к немецкому народу встретило решительные возражения со стороны большинства берлинских левых, не желавших покидать «законной» почвы.

Столь же мало эффективным явился и второй общегерманский конгресс демократов, заседавший в Берлине с 26 по 30 октября. «*Neue Rheinische Zeitung*» с возмущением писала, что в момент, когда решается судьба Вены и, по-видимому, всей Германии, этот конгресс тратит время на бесконечные дебаты по мелким организационным вопросам. Лишь на третий день он приступил к обсуждению венских событий. Левые предложили провести народное собрание в Тиргартене и выпустить воззвание к народу с призывом к действию. В знак своего несогласия значительная часть делегатов покинула конгресс. Оставшиеся делегаты обратились с возванием к народным массам, призывая их потребовать от своих правительств, чтобы они оказали помощь Вене.

Маркс подверг суровой критике это воззвание. «Разве *«демократический»* конгресс имел право,— писал он,— хотя бы на минуту стать на эту детски наивную и консервативную точку зрения в отношении немецких правительств?» Маркс выражал надежду, что народ «окажет Вене ту единственную помощь, которую он еще может в данный момент ей оказать, и эта помощь — победа над контрреволюцией в своем собственном доме»¹.

Более радикальную позицию заняли оставшиеся участники конгресса при обсуждении 30 октября социального вопроса. Докладчиком выступил делегат Кёльнского рабочего союза Бейст, предложивший проект программы. В основу намечаемых после установления демократической республики практических мероприятий был положен ряд пунктов «Требований Коммунистической партии в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 481—482, 483.

Германии». Большинство из них воспроизводилось текстуально, часть же подверглась изменению в духе мелкобуржуазных демократов. Доклад был передан на обсуждение всем демократическим обществам.

Окончание второго демократического конгресса почти совпало с падением Вены. 6 ноября Маркс выступил по этому вопросу на заседании Комитета Кёльнского рабочего союза, а через несколько дней — на собрании Демократического общества. Присутствовавший на нем Лесснер вспоминал: «...Маркс сообщил о том, что Роберт Блюм расстрелян в Вене по приговору военно-полевого суда... В зале тотчас же воцарилась тишина. Маркс взошел на трибуну и прочел депешу из Вены о смерти Блюма. Мы окаменели от возмущения. Затем в зале разразилась настоящая буря»¹.

В статье «Победа контрреволюции в Вене» Маркс гневно заклеймил предательство буржуазии по отношению к венским повстанцам: «История не знает более позорной и низкой роли, чем роль *германской буржуазии*». Оценивая влияние венских событий на ход германской и в целом европейской революций, Маркс писал: «В Вене только что закончился второй акт драмы, первый акт которой был разыгран в Париже под названием «*Июньские дни*»... В Берлине мы скоро переживем третий акт»². Он предвидел решающее наступление контрреволюции в Пруссии и трезво учитывал сложившееся там соотношение сил. Поэтому главную свою надежду он возлагал на инициативу революционной Франции. С особой силой подчеркнул Маркс те уроки, которые должны извлечь народы из опыта прошедших боев: «Безрезультатная резня после июньских и октябрьских дней, бесконечные жертвоприношения после февраля и марта,— уж один этот каннибализм контрреволюции убедит народы в том, что существует лишь одно средство *сократить*, упростить и концентрировать кроважадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только *одно средство* — *революционный терроризм*»³.

Так на тяжелом опыте поражений Маркс вновь обосновывает необходимость установления подлинной революционной власти, способной предотвратить новые кровавые злодеяния контрреволюционных сил и тем самым облегчить и ускорить победу широких народных масс.

В борьбе против контрреволюционного переворота в Пруссии

Как и предвидел Маркс, поражение октябрьского восстания в Вене вдохновило прусскую реакцию на решительные действия.

¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 338.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 493, 494.

³ Там же. С. 494.

2 ноября король Фридрих-Вильгельм IV поручил образование нового правительства ярому реакционеру генералу Бранденбургу. 9 ноября был оглашен королевский указ о переводе Национального собрания из Берлина в провинциальный городок Бранденбург. «*Брандербург в Собрании и Собрание в Бранденбурге!.. Гауптвахта в Собрании, Собрание на гауптвахте!*» — так резюмировал Маркс суть указа 9 ноября, положившего начало государственному перевороту в Пруссии¹. Требуя от Собрания революционных мер, Маркс считал, что «оно должно было вынести решение об *аресте министров как государственных преступников — государственных преступников против народного суверенитета*. Всякого чиновника, повинующегося другим приказам, кроме приказов Собрания, оно должно было подвергнуть *изгнанию, объявить вне закона*»². Однако собрание оказалось неспособным на столь энергичные революционные действия. Правда, оно приняло решение продолжать заседать в Берлине, но одновременно заявило о своем намерении ограничиться лишь пассивным сопротивлением.

Маркс бичует тактику «брюзжащего, умничающего, нерешительного Национального собрания» и призывает его обратиться к народным массам, к солдатам прусской армии, применить якобинские, плебейские методы по французскому образцу. Обращаясь к народу, Маркс ставит перед ним вопрос:

«А что должны делать *мы* в этот момент?

Мы должны отказаться платить налоги»³.

Так в обстановке решающей политической схватки Маркс выдвинул 11 ноября исходный лозунг борьбы, осуществление которого, с одной стороны, ослабляло бы контрреволюцию, подрывая ее финансовую базу, а с другой, содействовало бы вовлечению в борьбу самых широких народных масс, непосредственно сталкивая их с государственной властью. Это должно было способствовать росту политической армии революции.

Стремясь выиграть время, контрреволюция спешно осуществляла свои планы. 11 ноября солдаты преградили депутатам доступ в здание театра — место заседаний Национального собрания. Депутаты вынуждены были собраться в стрелковом тире. Был издан указ о роспуске и разоружении берлинского гражданского ополчения, Берлин был объявлен на осадном положении. Расценивая эти действия властей как новую государственную измену, Маркс призвал депутатов к внепарламентским формам борьбы: «**Место Национального собрания — среди народа, а не в пределах той или иной каменной громады**»⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 10.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 20.

Отводя наиболее активную роль пролетариату и его авангарду — коммунистам, Маркс стремится объединить все прогрессивные силы страны, чтобы не только сорвать планы контрреволюции, но и нанести ей уничтожающий удар. Сам Маркс становится душой широкого революционного движения на Рейне. По его инициативе Демократическое общество и Рабочий союз проводят ряд народных собраний как в Кёльне, так и в его окрестностях. 11 ноября открылось собрание в зале Эйзера, на котором было принято обращение к берлинскому Национальному собранию с призывом продолжать не подчиняться королевскому указу. Уже к полудню 12 ноября это обращение подписало 7000 человек. Собрание объявило себя постоянно действующим и избрало 13 ноября Народный комитет в составе 25 представителей демократов всех направлений и коммунистов.

Народный комитет создавался на более широкой основе, чем Комитет безопасности, действовавший в Кёльне в сентябрьские дни. Кроме представителей рабочих и мелкой буржуазии в него вошли некоторые прогрессивные буржуа. Задачей Комитета было сплотить все силы на отпор реакции, посягавшей на завоевания революции.

Первостепенное значение приобретал вопрос о вооружении народа. Собрание в зале Эйзера еще 11 ноября потребовало от кёльского муниципалитета немедленно возвратить гражданам оружие, отнятое у них в сентябре. Однако «отцы города» остались глухи к этим требованиям. Демократическое общество предприняло шаги к восстановлению распущенного гражданского ополчения. Кёльский рабочий союз приступил к созданию своего «летучего отряда». Было выпущено воззвание о сборе средств на оружие. Экспедиция «*Neue Rheinische Zeitung*» объявила, что она охотно принимает деньги для этой цели.

Одновременно велась большая работа в армии. Демократическое общество 12 ноября приняло обращение к солдатам кёльского гарнизона с призывом перестать быть слепым орудием деспотов. В вышедшем 15 ноября экстренном приложении к № 143 «*Neue Rheinische Zeitung*» под заголовком «Отечество в опасности» было напечатано извещение о созываемом в этот день в зале Эйзера собрании бойцов ландвера и резервистов Кёльна. Это собрание потребовало от берлинского Национального собрания «обратиться с воззванием к ландверу, чтобы ландвер поднялся, как в 1813 г., и, подобно тому, как он уничтожил тогда внешнего врага, уничтожил бы теперь врага внутреннего»¹. Вопреки строгому запрету, на многих собраниях ландвера присутствовали солдаты кёльского гарнизона. Все это было симптомами того, что революционное брожение начинается и в армии.

¹ *Neue Rheinische Zeitung*. 17.XI. 1848. N 145.

Чтобы вовлечь в борьбу крестьянство, Демократическое общество, Рабочий союз и Народный комитет послали своих эмиссаров в окрестные деревни.

Маркс стремился также установить единство действий с демократами различных городов Рейнской провинции. В письме 13 ноября Фердинанду Лассалю, который играл видную роль в Дюссельдорфе, Маркс по поручению Окружного комитета демократов рекомендовал дюссельдорфцам принять решения: 1) о всеобщем отказе от уплаты налогов, в особенности о пропаганде этого требования в деревне; 2) о посылке отряда волонтеров в Берлин; 3) о посылке денежных средств Центральному комитету демократов в Берлине¹.

Важным шагом в деле превращения требования об отказе от уплаты налогов в лозунг действия масс было подписанное Марксом и Шнейдером II воззвание Окружного комитета демократов от 14 ноября. Комитет призвал все демократические организации Рейнской провинции, не теряя времени, проводить народные собрания, побуждая все население провинции отказываться от уплаты налогов. Однако до тех пор, пока этот лозунг еще не был признан берлинским Национальным собранием и не получил активной поддержки в остальных провинциях, Маркс считал необходимым временно удерживать народ от насильственного сопротивления взиманию налогов.

Воззвание Окружного комитета сразу же нашло сочувственный отклик народных масс ряда городов и сельских местностей Рейнской провинции. Поступали сведения и о революционном брожении в Саксонии, Силезии, Вестфалии. Но и на этот раз движение носило разрозненный, по преимуществу стихийный характер. Чтобы слить местные очаги сопротивления в общенациональную революционную борьбу, необходимо было действия снизу дополнить действиями сверху, со стороны берлинского Национального собрания, единственного органа, который мог бы централизовать движение.

Выдвигая лозунги борьбы, Маркс подсказывал тактику и прусскому Национальному собранию, в первую очередь его левому крылу. В то же время он готовил ему эффективную поддержку. Уже в передовице, напечатанной в «*Neue Rheinische Zeitung*» 14 ноября, он призвал народ Рейнской провинции **«поспешить на помощь берлинскому Национальному собранию людьми и оружием»**². В эти критические дни Маркс установил регулярную связь с берлинскими левыми, используя созданную специально для того курьерскую службу, которую несли главным образом члены Кёльского рабочего союза.

Под влиянием бесчисленных обращений, поступавших из Рейнской и других провинций, Национальное собрание приняло 15 нояб-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 415.

² Там же. Т. 6. С. 17.

ря постановление об отказе от уплаты налогов, которое должно было вступить в силу 17 ноября. Теперь, наконец, выдвинутому Марксом лозунгу придавалось общегосударственное значение и обязательная законная сила. Отныне, писал Маркс, «уплата налогов является государственной изменой, отказ от уплаты налогов — первый долг гражданина!»¹.

Искусство Маркса как революционного стратега и тактика состояло в его способности быстро учитывать изменения политической обстановки и соответственно изменять формы и методы борьбы. Постановление Национального собрания позволяло теперь выдвинуть лозунг вооруженного сопротивления насильственному взиманию налогов. В этот ответственный момент, когда оружие критики должно было смениться критикой оружием, Маркс снова взял на себя инициативу, наметив в новом воззвании Окружного комитета от 18 ноября программу действий для всей революционной демократии. Воззвание было подписано Марксом, Шнейдером II и Шаппером. В нем выдвигались три новых лозунга: 1) повсеместное сопротивление всеми средствами насильственному взиманию налогов; 2) организация народных ополчений для отпора врагу; 3) создание комитетов безопасности в противовес властям, отказывающимся выполнять постановление Национального собрания.

Контрреволюционные круги пытались пресечь революционную деятельность Маркса. Уже на другой день, после того как он на страницах «*Neue Rheinische Zeitung*» призвал к отказу от уплаты налогов, его вызвали к судебному следователю. 14 ноября слухи об угрозе ареста Маркса разнеслись по городу, во дворе суда собралась внушительная толпа народа. Как сообщал кёльнский обер-прокурор Цвейфель в министерство юстиции, собравшиеся были готовы силой освободить Маркса, если бы его вздумали арестовать. Когда Маркс вышел из здания, его встретили восторженными приветствиями и проводили до зала Эйзера, где он поблагодарил собравшихся за поддержку.

Воззвание Окружного комитета демократов от 18 ноября вызвало у властей новый переполох. Регирунгспрезидент Кёльна писал министру внутренних дел Мантёйфелю, что, если бы удалось арестовать авторов воззвания — Маркса, Шаппера и Шнейдера II, «главные элементы, вызывающие здесь возбуждение, были бы устранены»². Получив 20 ноября приказ о явке к судебным властям по обвинению в открытом призыве к мятежу, Маркс, Шаппер и Шнейдер II обратились к демократам Рейнской провинции с предупреждением, что в Кёльне затевается новая провокация и новое введение осядного положения. «Расстройте эти расчеты. Что бы ни случилось

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 29.

² Becker G. Karl Marx und Friedrich Engels in Köln 1848—1849. В., 1963. S. 159.

с нами, сохраняйте спокойствие», — писали они. В то же время они готовили массы к грядущим боям, заявляя, что Рейнская провинция «не подчинится господству сабли»¹.

Народный комитет направил депутацию к обер-прокурору Цвейфелю, которая потребовала разъяснений по поводу слухов о готовящихся арестах. Учитывая накаленную политическую атмосферу, власти на сей раз ограничились возбуждением судебного процесса. Однако это не исключало новых актов произвола, и Маркс со дня на день ждал ареста.

В этих труднейших условиях Маркс твердо и энергично проводил в жизнь намеченную им тактику. С 19 ноября вплоть до 17 декабря «*Neue Rheinische Zeitung*» выходила с напечатанным крупным шрифтом на первой полосе лозунгом «Долой налоги!!!». Выпускались также соответствующие плакаты и листовки.

Для обсуждения дальнейших революционных мер в Кёльне собрался второй окружной конгресс демократов, активное участие в котором принял Маркс. «*Neue Rheinische Zeitung*» поместила лишь следующее лаконичное сообщение: «Конгресс рейнских демократов, состоявшийся 23 ноября, утвердил постановления, принятые Окружным комитетом. — Подробные инструкции будут сообщены делегатами своим союзам»². Таким образом, конгресс одобрил выдвинутые Марксом лозунги действия. Делегаты получили инструкции, как практически претворять их в жизнь.

Благодаря Марксу и его сторонникам в Рейнской провинции было сделано все, чтобы подготовить народные массы к решающей схватке с контрреволюцией. Однако успех борьбы по всей стране зависел во многом от прусского Национального собрания. Оно же ограничивалось тактикой пассивного и легального сопротивления. Маркс саркастически сравнивал такую трусливую тактику, демобилизующую массы, с сопротивлением теленка, которого мясник тащит на убой.

Воспользовавшись этим, контрреволюционная королевская клика издала 5 декабря два указа — о роспуске Национального собрания и созыве в феврале 1849 г. новых палат, а также об октроировании (пожаловании) прусской конституции королем без всякого соглашения с каким бы то ни было собранием. Так был завершён государственный переворот в Пруссии.

Сообщая об этом читателям газеты, Маркс писал: «Национальное собрание пожирает теперь плоды своей длительной слабости и трусости. Оно дало возможность заговору против народа в течение ряда месяцев спокойно готовиться, усиливаться и окрепнуть — и теперь оно пало его первой жертвой»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 39.

² *Neue Rheinische Zeitung*. 26.XI. 1848. N 153.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 108.

Первые итоги и перспективы германской и европейской революций

В серии статей «Буржуазия и контрреволюция» Маркс дал непревзойденный анализ особенностей и основных этапов развития германской революции с марта по декабрь 1848 г.

Анализ существенных отличий германской революции от английской 1648 г. и французской 1789 г. позволил Марксу прийти к весьма важному теоретическому выводу о различных типах буржуазных революций. В английской и французской революциях «буржуазия, — писал Маркс, — была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса»¹.

Ничего подобного не было в прусской мартовской революции. «Немецкая буржуазия развивалась так вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она сама оказалась враждебно противостоящей пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи которых были родственны пролетариату... Без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без всемирно-исторического призвания — точно старик, над которым тяготеет проклятье, осужденный на то, чтобы извращать первые молодые порывы полного жизни народа и подчинять их своим старческим интересам — старик без глаз, без ушей, без зубов, полная развалина, — такой очутилась прусская буржуазия после мартовской революции у руля прусского государства»².

Подводя итог событиям в Пруссии на декабрь 1848 г., Маркс дает ответ и на волнующий народные массы вопрос о дальнейших перспективах германской революции: «История прусской, как и вообще немецкой буржуазии с марта по декабрь доказывает, что в Германии невозможна чисто буржуазная революция и установление буржуазной власти в форме конституционной монархии, что возможна либо феодально-абсолютистская контрреволюция, либо социально-республиканская революция»³.

Таким образом, Маркс четко формулирует две возможные перспективы: либо окончательная победа феодально-абсолютистской контрреволюции, полное уничтожение завоеванных в марте представительных учреждений, свободы собраний, союзов и печати, либо новая революция, в результате которой пролетариат, крестьянство и городская мелкая буржуазия создадут подлинно демократи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 114.

² Там же. С. 116—117.

³ Там же. С. 134.

ческую республику, способную осуществить социальные преобразования, программу, намеченную в «Требованиях Коммунистической партии в Германии».

Как и раньше, Маркс органически связывал перспективы революционного движения в Германии с ходом европейской революции. Итоги ее развития в 1848 г. и дальнейшие перспективы Маркс осветил, главным образом, в двух своих статьях — «Революционное движение в Италии», написанной 29 ноября, и «Революционное движение», над которой Маркс работал в самый канун 1849 г.

Проследивая в первой из них, как за триумфальным шествием европейской революции в феврале и марте последовало контрнаступление ее врагов, Маркс отметил следующие вехи этого контрнаступления: 10 апреля в Лондоне сорвана чартистская демонстрация и тем самым прегражден путь революции в Англию; 25 июня в Париже одержана победа над рабочими, нанесен тяжелый удар европейской революции; 6 августа — обратное завоевание австрийскими войсками Милана; 1 ноября — окончательное поражение октябрьского восстания в Вене. Вскоре после написания этой статьи добавилась еще одна веха — государственный переворот в Берлине.

Как ни безрадостен этот итог, Маркс не склонен был впадать в отчаяние — ведь народы учатся не только на своих победах, но и на поражениях. В начале революции народные массы повсюду оказались во власти иллюзий, елейных фраз о всеобщем братстве. Но жестокости контрреволюции многому научили участников революционной борьбы. «Главным плодом революционного движения 1848 года является не то, что выиграла народы, а то, что они потеряли, — *потеря их иллюзий*»¹.

Анализируя перспективы европейской революции в наступающем 1849 г., Маркс по-прежнему ждет революционной инициативы от Франции, нового крика галльского петуха, на который вновь должны отозваться европейские народы. Ниспровержение абсолютистских режимов, завоевание независимости угнетенными национальностями Маркс еще теснее связывает теперь с победоносным восстанием французских рабочих.

Главного врага пролетарской революции во Франции Маркс видит в капиталистической Англии, в ее промышленной и торговой гегемонии. «...Англия кажется скалой, о которую разбиваются революционные волны... Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии — только буря в стакане воды»². Чтобы социальный переворот во Франции не был подавлен английской буржуазией, необходимо сокрушить старую буржуазно-аристократическую Англию. Поэтому в тогдашних условиях Маркс считал,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 148.

² Там же. С. 159—160.

что первым последствием победоносной рабочей революции во Франции явится европейская война, а поскольку в ней будет замешана Англия, она приобретет характер мировой войны, в ходе которой могут созреть предпосылки и для успешного чартистского восстания. «Как в эпоху Наполеона, Англия будет стоять во главе контрреволюционных армий, но в результате этой войны она сама будет брошена в революционное движение, станет во главе его и испугит свою вину перед революцией XVIII века»¹.

Эта ориентация Маркса на восстание французского пролетариата, которое, как он полагал, должно было повлечь за собой грандиозное столкновение революционных и контрреволюционных сил на международной арене, обуславливалась сложившейся в то время исторической ситуацией. Переход европейской революции на новую, более высокую ступень был в то время невыносим без нового победоносного выступления рабочего класса Франции. Успех этого революционного процесса Маркс связывал также с победой пролетарской революции и в экономически самой развитой стране — Англии. Предпосылки пролетарской революции он усматривал в тяжелых последствиях экономического кризиса 1847 г., в свойственных раннему промышленному капитализму невероятно жестоких формах и методах эксплуатации рабочих, в массовом разорении ремесленников, в тяжелом положении крестьянства. Все это Маркс и Энгельс рассматривали в то время как признаки близости социалистической революции. Они преувеличивали «дряхлость» тогдашнего капитализма и ошибались в надеждах на близкую победу пролетарской революции. «Но *такие* ошибки гигантов революционной мысли,— писал В. И. Ленин,— поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач,— в тысячу раз благороднее, величественнее и исторически ценнее, правдивее, чем пошлая мудрость казенного либерализма, поющего, вопиющего, взывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы, о прелести контрреволюционных «конституционных» бредней...»²

За единство демократических сил

После государственного переворота в Пруссии временно наступило относительное затишье. Силы революции и контрреволюции как бы готовились к окончательной схватке.

В центре внимания Маркса в январе и начале февраля 1849 г. были выборы во вторую палату прусского ландтага, для которых в основном сохранялось введенное в апреле 1848 г. всеобщее, равное,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 160.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 249.

но не прямое избирательное право. При благоприятных для демократии результатах выборов во второй палате могла образоваться оппозиция, сопротивляющаяся дальнейшим планам контрреволюции. Поэтому Маркс и вернувшийся в Кёльн в середине января Энгельс придавали этим выборам большое политическое значение, придерживаясь и на сей раз тактики единства всех демократических сил.

Важным условием успеха демократии являлось окончательное разоблачение и изоляция либеральной буржуазии, которая, признав октроированную конституцию, тешила себя и народ надеждами на возможность ее частичного пересмотра. В серии статей «Монтескьё LVI» Маркс в саркастической форме разъяснял, что буржуазии будет предоставлена возможность пересматривать конституцию лишь постольку, «поскольку это будет угодно королю и второй палате, состоящей из захолустных юнкеров, финансовых баронов, высших чиновников и попов»¹. Он разоблачил маневры рупора либералов «*Kölnische Zeitung*», пытавшейся обмануть массы рассуждениями о том, что с помощью октроированной конституции можно якобы разрешить не только политические проблемы, но и социальный вопрос, не затрагивая при этом существующих общественных отношений.

Стремясь объединить все демократические силы, Маркс, однако, не затушевывал разногласий, которые существовали в демократическом лагере. Так, он подверг откровенной и суровой критике «*National-Zeitung*» — орган бывшей берлинской левой, которая, объявляя о своей приверженности «истинно демократически-конституционному строю», в то же время выступала против продолжения революции, за «законность, спокойствие и порядок». «Господа эти,— писал Маркс,— «хотят» все таких вещей, каких они никогда не добьются иначе, как путем новой революции. А новой революции они не хотят»². Критикуя мелкобуржуазных демократов, Маркс требовал от них последовательности, твердости и энергии в отстаивании общедемократических задач.

Вопрос о тактике в связи с выборами во вторую палату обсуждался на заседании Комитета Кёльнского рабочего союза 15 января. Некоторые приверженцы Готшалька, остававшиеся еще в Союзе, выступили против избирательного блока с демократами. Давая отпор сектантам, Маркс в большой речи вновь доказывал необходимость единства с демократами на выборах. Такая тактика увенчалась успехом. Из числа избранных 22 января в Кёльне выборщиков две трети принадлежало к демократическим кандидатам. Демократы одержали победу также во многих других городах и сельских местностях Рейнской провинции. Эти первичные выборы свидетель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 195.

² Там же. С. 220.

ствовали, по словам Маркса, о том, что «мелкая буржуазия, крестьянство и пролетариат освободились от влияния крупной буржуазии, высшего дворянства и высших чиновников»¹.

Выборы депутатов во вторую палату, проходившие 5 февраля, явились новым подтверждением правильности тактики Маркса. Выдвинутые общедемократическим фронтом кандидаты Киль и Шнейдер II одержали победу. Особенно большое политическое значение имело избрание Шнейдера II, который через три дня вместе с Марксом и Шаппером должен был предстать перед кёльнским судом присяжных. Своим голосованием большинство избирателей еще до начала процесса как бы вынесло подсудимым оправдательный приговор.

Два судебных процесса

К концу 1848 г. Маркс уже потерял счет затеянным властями судебным процессам против «*Neue Rheinische Zeitung*» и отдельных ее редакторов.

Первый судебный процесс, который был возбужден в связи с упомянутой выше статьей «Аресты», опубликованной 5 июля 1848 г., и откладывался властями в ожидании более благоприятной для них политической обстановки, состоялся 7 февраля 1849 г. Перед судом присяжных предстали Маркс, Энгельс и ответственный издатель Корф. Официальным защитником выступал адвокат Шнейдер II. Однако в центре процесса были речи самих обвиняемых, смело и мужественно вставших на защиту не только «*Neue Rheinische Zeitung*», но и вообще свободы печати в Рейнской провинции и во всей Германии.

Присутствовавший на процессе Лесснер вспоминал: «Было наслаждением видеть и слышать, с каким огромным превосходством и глубокими знаниями велась борьба против черно-белой реакции. Даже противники не могли скрыть своего восхищения этими двумя людьми!»²

Маркс задался целью побить своих противников на их же собственной почве, их же собственным оружием. И это ему блестяще удалось. Подвергнув детальному юридическому анализу обвинительный акт, Маркс неопровержимо доказал, что статьи уголовного кодекса, по которым было предъявлено обвинение в оскорблении кёльнского обер-прокурора Цвейфеля и в клевете на жандармов, абсолютно неприменимы к данному случаю. Отталкиваясь от этого факта, Маркс показал общеполитическое значение процесса: если применять законы таким образом, как их толкует прокуратура,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 228.

² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 361.

говорил он, обращаясь к присяжным, «вы отмените свободу печати, которая была признана вами в конституции и завоевана революцией. Вы санкционируете таким образом любой произвол чиновников, вы дадите простор всякой официальной подлости, карая лишь разоблачение этой подлости»¹.

Маркс, далее, заявил, что он лично предпочел бы заниматься событиями всемирно-исторического значения, вместо того чтобы возиться с местными кумирами: жандармами и прокуратурой. «Я считаю настоящей жертвой с нашей стороны, что мы решаемся ломать копыя с *подобными* противниками. Но, во-первых, таков уж долг печати — вступаться за угнетенных в непосредственно окружающей ее среде... Печати приходится выступать против *данного* жандарма, *данного* прокурора, *данного* ландрата. В чем причина крушения *мартовской революции*? — продолжал Маркс под возгласы одобрения присутствующих. — Она преобразовала только политическую верхушку, оставив нетронутыми все ее основы — старую бюрократию, старую армию, старую прокуратуру, старых, родившихся, выросших и посевших на службе абсолютизма судей. Первая обязанность печати состоит теперь в том, чтобы *подорвать все основы существующего политического строя*»².

Таким образом, Маркс использовал скамью подсудимых не только для защиты свободы печати, но и для пропаганды идеи народной революции, призванной сокрушить старые чиновничество, армию, судебные органы.

Выступивший после Маркса Энгельс доказывал, что факты, приведенные в статье «Аресты», подтвердились с буквальной точностью. Подтвердился также и общеполитический вывод статьи о «министерстве дела» как переходном к стародворянскому и старобюрократическому правительству. Наше преступление, заметил Энгельс, обращаясь к судьям и присяжным, состоит, по-видимому, в том, что «мы правильно указали на правильные факты и извлекли из них правильные выводы»³.

Речи Маркса и Энгельса прозвучали настолько убедительно, что присяжные заседатели вынуждены были вынести им оправдательный приговор, встреченный громким ликованием присутствующей многочисленной публики.

На другой день Маркс предстал вместе с Шаппером и Шнейдером II перед судом присяжных по обвинению в «призыве к мятежу» в связи со вторым воззванием Рейнского окружного комитета демократов (от 18 ноября 1848 г.). «Deutsche Londoner Zeitung» сообщила, что, как и накануне, в зале суда «наблюдалось необычайное скопление народа»⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 243.

² Там же. С. 246—247.

³ Там же. С. 253.

⁴ Там же. С. 633.

В большой речи Маркс дал глубокий теоретический анализ причин, приведших к государственному перевороту в Пруссии, раскрыл его характер, доказал правильность тактики Рейнского окружного комитета демократов.

Подвергая критике пресловутую теорию о соблюдении «почвы законности», Маркс сделал весьма важный теоретический вывод об отношении революции к устаревшей правовой надстройке. В противовес идеалистическим воззрениям юристов, полагавших, что общество основывается на законе, Маркс доказывал, что «закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей»¹. Старые законы, подчеркивал Маркс, нельзя сделать основой нового общественного развития. Поэтому важнейшей задачей революции является уничтожение старой юридической надстройки.

С материалистических позиций Маркс критиковал также и предательскую «теорию соглашения». Показав неизбежность конфликта между короной и Национальным собранием, он вскрыл его социальную суть: «...это был конфликт между двумя обществами, социальный конфликт, принявший политическую форму, — это была борьба старого феодально-бюрократического общества с современным буржуазным обществом, борьба между обществом свободной конкуренции и обществом цехового строя, между обществом землевладения и обществом промышленности, между обществом веры и обществом знания»².

Касаюсь воззвания Рейнского окружного комитета от 18 ноября, Маркс на исторических примерах обосновал закономерность отказа от уплаты налогов как средства самообороны народа против правительства, посягающего на его интересы. Почву законности в данном случае нарушила королевская власть, прибегнувшая к актам насилия. Сопrotивление этому произволу, вплоть до свержения существующего политического строя, ответ на насилие деспотов революционным насилием является неотъемлемым правом и обязанностью народа — такова была основная мысль Маркса. Возражая прокуратуре, поставившей в вину обвиняемым то, что они в своем воззвании пошли дальше, чем само прусское Национальное собрание, Маркс указал на непоследовательность Собрания и трусость его большинства. «Поведение Национального собрания отнюдь не предрешало поведения народа... Когда корона совершает контрреволюцию, народ с полным правом отвечает революцией». В заключение своей речи Маркс подчеркнул, что борьба еще не завершена, что закончился только первый акт драмы. Впереди либо «полная победа контрреволюции — или новая победоносная революция!»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 259.

² Там же. С. 267.

³ Там же. С. 272.

В лице Маркса перед буржуазными присяжными, как позднее писал Энгельс, выступил коммунист, которому приходилось разъяснять, что те действия, за которые он привлечен к суду, должны были совершить сами же буржуа. Речь Маркса произвела столь сильное впечатление, что старшина присяжных поблагодарил его от их имени за весьма поучительное разъяснение. Как и на первом процессе, обвиняемым был вынесен оправдательный приговор.

Неудача с судом присяжных заставила власть имущих подумать об ином способе расправы с Марксом. Комендант кёльнской крепости поставил вопрос о его высылке. От Маркса главным образом, утверждал он, «исходит возбуждение в Рейнской провинции»¹. Полицейские власти обратились в связи с этим в министерство внутренних дел, опасаясь, однако, народного протеста, который могла вызвать эта высылка. Министр внутренних дел Мантёйфель ответил, что он ничего не имеет против такой меры по отношению к Марксу, но предоставляет самим кёльнским властям выбор времени и повода. Последние выжидали лишь благоприятного момента, чтобы посредством этой меры избавиться от опасного революционера.

Маркс в феврале — марте 1849 года

Созыв второй палаты, открывшей свои заседания 26 февраля, преследовал единственную цель — легализацию совершенного государственного переворота. Чтобы заставить народ безмолвствовать, были внесены три реакционных законопроекта — о клубах и собраниях, о плакатах и о печати, — которые Маркс, по аналогии с английскими антинародными законами 1819 г., назвал «законами о затыкании рта».

В создавшихся условиях Маркс считал особенно важным систематическое и энергичное давление народных масс на депутатов. Не случайно пример такого давления подал именно Кёльн. На большом собрании выборщиков, которое состоялось 11 марта, был избран комитет из 9 человек. В него вошли и коммунисты, в том числе Маркс и Вольф. Избрание Маркса, формально не являвшегося избирателем ввиду отсутствия у него права гражданства, уже само по себе являлось политической демонстрацией. В задачу комитета входили созыв собраний выборщиков и передача их адресов, протестов и т. д. депутатам второй палаты. На этом же собрании был принят адрес к депутатам с требованием добиваться снятия осадного положения в Берлине. На собрании 16 марта обсуждались пресловутые законопроекты о клубах, плакатах и печати. Под адресом, составленным в духе «*Neue Rheinische Zeitung*»,

¹ *Becker G. Karl Marx und Friedrich Engels in Köln 1848—1849. S. 206.*

были собраны тысячи подписей. В специальном письме кёльнским депутатам Киллю и Шнейдеру II содержалось выдвинутое Марксом требование о выходе депутатов Рейнской провинции из второй палаты в случае, если она санкционирует упомянутые законы. Об этих собраниях комендант кёльнской крепости не замедлил сообщить военному министерству, подчеркнув ведущую роль редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*» в их организации.

Однако, несмотря на давление со стороны народных масс, депутаты палаты, даже левые, вели себя трусливо. Поэтому почти ни одна статья Маркса и Энгельса о второй палате не обходилась без острой критики левых.

Одной из форм политической работы среди масс сделались демократические банкеты, которые устраивались в ознаменование годовщин февральской и мартовской революций. Первый такой банкет был организован 11 февраля в Мюльгейме-на-Рейне местным Рабочим союзом. Выступая на этом многолюдном собрании, Маркс рассказал об участии немецких рабочих в революционном движении других стран: Франции, Англии, Бельгии и Швейцарии. Был провозглашен тост в честь гостей, «которые, подобно присутствующему на банкете главному редактору «*Neue Rheinische Zeitung*» Карлу Марксу, задолго до февральской революции словом и делом отстаивали права рабочего класса»¹.

Демократический банкет состоялся и в Кёльне 24 февраля. Он был организован Рабочим союзом и Демократическим обществом. Большой зал Эйзера был переполнен. Банкет прошел под знаком интернациональной солидарности демократов всех стран. Присутствующие почтили память жертв февральского и июньского восстаний в Париже.

В связи с приближением годовщины мартовской революции в Пруссии редакция «*Neue Rheinische Zeitung*» получила многочисленные приглашения принять участие в юбилейных банкетах. Однако она не была склонна праздновать этот юбилей: «Признаемся нашим читателям, что не находим сегодня темы для передовицы. Мартовская революция в Берлине, это слабое эхо революции в Вене, никогда не вызывало у нас восторга»².

Однако в банкете, организованном 19 марта Рабочим союзом и Демократическим обществом, но не по поводу прусской мартовской революции, а в честь баррикадных борцов Берлина, Маркс и другие редакторы «*Neue Rheinische Zeitung*» приняли участие. Собралось около шести тысяч человек. Энгельс поднял тост за июньских инсургентов в Париже, Шаппер — за английских чартистов, Дронке — за пролетарскую революцию. Специально по этому случаю Фрейлиграт написал стихотворение «Збря» — вдохновенный

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 634.

² Там же. С. 388.

революционный гимн на мотив «Марсельезы». В нем июнь противопоставлялся марту и содержался призыв к новой революции под красным знаменем. Банкет закончился всеобщей здравицей в честь красной республики. «Праздником пролетариев» назвала этот банкет «*Neue Kölnische Zeitung*».

Немалая заслуга в распространении коммунистического влияния в Кёльне принадлежала сторонникам Маркса в Рабочем союзе. В феврале был принят новый устав, в основу которого был положен территориальный принцип. Союз состоял из 9 филиалов, обладавших правом приема членов, обязанных ежемесячно вносить членские взносы. В филиалы был теперь перенесен центр тяжести политических дискуссий. Как правило, предметом их являлись актуальные политические вопросы, освещавшиеся в передовицах «*Neue Rheinische Zeitung*».

Большое внимание Союз уделял защите экономических интересов рабочих и ремесленников, положение которых, подорванное кризисом 1847 г. и безработицей, оставалось очень тяжелым. Опасаясь стихийного взрыва, городские власти Кёльна использовали небольшую часть безработных на общественных работах. Каждый занятый на них должен был подписать «рабочую книжку» и подчиняться крайне суровым дисциплинарным правилам. В своей статье «Буржуазный документ» (начало января 1849 г.) Маркс заклеймил эту жестокую и циничную систему, показав, что прусская буржуазия, подобно английской, учредившей для бедняков работные дома с тюремным режимом, благотворительность сочетает с местью.

Практические шаги по созданию массовой пролетарской партии

Стремясь превратить пролетариат в самостоятельную политическую силу, Маркс и его сторонники постепенно готовили рабочих к идейно-политическому и организационному отделению от мелкобуржуазной демократии, к созданию собственной партии. Однако, если в Кёльне члены Союза коммунистов находились в непосредственной связи с Марксом и другими членами ЦК, то иначе обстояло дело с теми из них, кто действовал в других местах. Организационные связи между общинами Союза коммунистов в других городах Германии, а также в Лондоне, Париже, Швейцарии, Бельгии и Кёльнским ЦК все больше ослабевали и мало-помалу сошли на нет.

Вскоре по приезде в Лондон Иосиф Молль, видимо, внутренне так и не согласившийся с прекращением тайной деятельности Союза коммунистов, образовал там вместе с Г. Бауэром и Эккариусом новый Центральный комитет. Зимой 1848—1849 гг. Лондонский ЦК направил Молля в Германию с тем, чтобы, в согласии с Марксом и Кёльнским ЦК или без их согласия, реорганизовать Союз комму-

нистов, вновь превратив его в тайное общество и положив в основу его новый, разработанный в Лондоне устав.

Как сообщал позже член Союза коммунистов Рёзер, весной 1849 г. в помещении редакции «*Neue Rheinische Zeitung*» состоялась встреча с Моллем, на которой присутствовали члены Кёльнского ЦК: Маркс, Энгельс, Вольф и Шаппер, а также члены организованной Шаппером в Кёльне тайной общины Союза: Рёзер, Нотьюнг, Рейф, Хауде, Эссер и Мюллер. На совещании Шаппер и Молль настаивали на восстановлении тайного Союза. Маркс, Энгельс и Вольф возражали против этого, поскольку в Германии еще существовали условия для легальной деятельности коммунистов. Они решительно высказались против предложенного Лондонским ЦК устава Союза. Видимо, боясь отпугнуть рабочих «призраком коммунизма», лондонцы назвали этот документ «Уставом революционной партии». Вместо четкой формулировки коммунистических целей Союза в первом параграфе прежнего Устава в новом он был сформулирован так: «Целью Союза является учреждение единой, неделимой социальной республики». Из второй статьи, формулирующей условия членства, исчезло требование признания коммунизма. Маркс справедливо заявил, что новый устав по существу не является коммунистическим. Он критиковал его также за сведение революционной борьбы к заговорщической деятельности. Такой устав не только не способствовал, но мешал созданию массовой пролетарской партии.

Разногласия между лондонцами и кёльнцами усугублялись интригами, которые еще раньше затеял председатель Парижского окружного комитета Союза коммунистов корреспондент «*Neue Rheinische Zeitung*» Эвербек вместе с Гессом и Готшалком. Приехав в качестве делегата немецких демократов Парижа на второй демократический конгресс в Берлин, Эвербек занялся осуществлением намеченных им с Гессом планов создания — в противовес Кёльнскому ЦК — нового руководящего центра Союза в столице Пруссии. Попутно была предпринята попытка вбить клин между Марксом и Энгельсом. В письме, посланном из Кёльна 14 ноября, Эвербек сообщал Гессу, как реагировал на это Маркс. Маркс, писал он, «в большом восторге от Энгельса, которого он считает выдающейся личностью в «интеллектуальном и нравственном отношении, а также в силу особенностей его характера»¹.

Несмотря на осложнившуюся обстановку в Союзе коммунистов, Маркс и его ближайшие соратники твердо и неуклонно проводили взятую ими еще в начале революции линию на создание массовой и открытой политической организации немецкого пролетариата, ядром которой должны были стать коммунисты. Как и рассчитывал Маркс, практика революционной борьбы, в особенности события

¹ Союз коммунистов — предшественник I Интернационала. С. 218.

ноября — декабря 1848 г., явились лучшей школой для политического воспитания рабочих. Сама жизнь ломала рамки узкоцеховых рабочих союзов, поворачивала их к политике. С другой стороны, те рабочие, которые оказались в фарватере мелкобуржуазных демократов, все более убеждались в их нерешительности и стремились занять собственную политическую позицию.

Опыт революции не мог не сказаться на «Братстве рабочих» и его руководителе Стефане Борне. Уже ноябрьские события, угроза роспуска Национального собрания заставили Борна заговорить необычным для него языком. Несомненно, под влиянием воззвания Рейнского окружного комитета от 18 ноября ЦК «Братства» обратился ко всем своим местным и окружным комитетам с призывом приложить все силы для вооружения рабочих. Борн писал, что немцы должны либо выбрать кнут, либо взяться за «меч свободы».

Глубокие изменения, которые наметились в рабочем движении Германии, нашли отражение на ряде съездов, состоявшихся зимой — весной 1849 г. На Гейдельбергском съезде в конце января 1849 г. было принято решение об объединении руководящих органов «Братства рабочих», влияние которого распространялось главным образом на Северную Германию, и «Всеобщего немецкого рабочего конгресса», объединявшего многие южногерманские рабочие союзы. Объединенному ЦК, местопребыванием которого должен был стать Лейпциг, поручалось созвать общенациональный рабочий съезд для основания всеобщего германского рабочего союза, ставящего перед собой как политические, так и социальные цели. Аналогичные решения были приняты на съездах северонемецких рабочих союзов (Гамбург), рабочих союзов Тюрингии (Альтенбург), Вюртемберга (Гёппинген) и Баварии (Нюрнберг).

Маркс и Энгельс учли эти новые тенденции в рабочем движении — тягу рабочих к объединению, стремление покончить с цеховщиной, с «экономизмом», разочарование в мелкобуржуазной демократии и поиски собственной политической позиции. Они считали необходимым присоединиться к формирующейся общенациональной организации немецких рабочих, чтобы превратить ее в массовую политическую партию германского пролетариата.

В связи с этим нужно было усилить пропаганду основ пролетарского мировоззрения, изменить форму сотрудничества с демократами и, наконец, принять ряд мер по обеспечению влияния коммунистов в будущей общегерманской организации пролетариата.

В идеологической подготовке передовых немецких рабочих к созданию собственной партии Маркс важное место отводил своей работе «Наемный труд и капитал». Лекции, которые он читал в декабре 1847 г. немецким рабочим в Брюсселе, стали с 5 апреля 1849 г. печататься в газете. Эта публикация, по словам Энгельса, определенно указывала на социальную цель политики «*Neue Rheinische Zeitung*».

В небольшом введении, предпосланном публикации, Маркс писал: «Теперь, после того как наши читатели видели развернувшуюся в грандиозных политических формах классовую борьбу 1848 года, настало время поближе рассмотреть сами экономические отношения, на которых основано как существование буржуазии и ее классовое господство, так и рабство рабочих»¹.

На заседании Комитета Кёльнского рабочего союза 11 апреля было решено предложить филиалам начать обсуждение социального вопроса на основе статей о наемном труде и капитале. Комитет обратился ко всем рабочим союзам Германии с призывом также обсудить эти статьи. В этом отношении Кёльнский рабочий союз выступил как идейный центр всего немецкого рабочего движения.

Чтобы способствовать не только идейно-политической, но и полной организационной самостоятельности рабочих, Маркс и его сторонники приняли 14 апреля весьма важное решение об организационном размежевании с мелкобуржуазными демократами — о выходе из демократических союзов. На состоявшемся в этот день заседании Рейнского окружного комитета демократов, в состав которого после выбытия Шнейдера II, избранного во вторую палату, входили Г. Беккер, К. Маркс, К. Шаппер, Фр. Аннеке и В. Вольф, последние четверо выступили со следующим заявлением:

«Мы считаем, что существующая организация демократических союзов включает в себя слишком много разнородных элементов, что не может не препятствовать плодотворной деятельности на пользу дела.

Мы, однако, считаем предпочтительным более тесное объединение рабочих союзов, состоящих из однородных элементов; поэтому настоящим заявляем о своем выходе с сегодняшнего дня из Рейнского окружного комитета демократических союзов»².

Выход Маркса и его сторонников из Рейнского окружного комитета отнюдь не означал отказа от союза с демократами. В новых политических условиях этот союз принимал лишь иную форму — единства действий двух самостоятельных организаций в борьбе против общего врага, против сил контрреволюции, готовившихся перейти в новое наступление.

Решение о размежевании с демократами принял и Кёльнский рабочий союз. На общем собрании 16 апреля он единогласно постановил: выйти из объединения демократических обществ Германии и присоединиться к объединению немецких рабочих союзов (с их Центральным комитетом в Лейпциге). На собрании было решено также послать делегатов на всеобщий рабочий съезд в Лейпциге, а до его созыва провести в Кёльне съезд всех рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии. Для его подготовки учреждалась комиссия,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 429.

² Там же. С. 462.

в состав которой вошел и Маркс. Однако ему не удалось принять непосредственное участие в работе комиссии. В середине апреля он временно выехал из Кёльна. В связи с этим печатание «Наемного труда и капитала» было прервано; оно так и не возобновилось. Причиной поездки Маркса, во время которой он посетил Бремен, Гамбург, Билефельд, Хамм, были не только новые финансовые затруднения газеты, но и стремление установить более тесные связи с коммунистами и рабочими союзами, особенно необходимые ввиду начавшейся во многих местах подготовки к созданию массовой партии германского пролетариата.

«Neue Rheinische Zeitung» и национально-освободительная борьба в Венгрии и Италии

В политической стратегии Маркса весной 1849 г. большое место отводилось революционной войне в Венгрии, в ходе которой венгерские революционные силы нанесли ряд тяжелых поражений австрийским войскам. Венгрия была тем очагом, где пылало яркое революционное пламя, искры которого, как надеялся Маркс, могли воспламенить горячий материал, вновь накапливавшийся в Германии, Франции и Италии.

По просьбе своего друга Энгельс вслед за первой статьей о борьбе в Венгрии, посланной из Швейцарии в январе 1849 г., написал серию статей, посвященных как политическому анализу венгерской национально-освободительной войны, так и обзору хода военных действий. В этих статьях Энгельс восхищался мужеством бойцов венгерской армии, быстрой организацией венгерскими революционерами производства оружия, их энергией и непримиримостью к тем элементам, которые препятствовали революционной борьбе.

Анализируя расстановку сил во время революционной войны в Венгрии, рассматривая каждое национальное движение под углом зрения интересов революции, Энгельс оценивал роль разных народов в этих событиях. Известно, что антагонизм классов в эксплуататорском обществе дополняется национальными противоречиями. Эксплуататорские классы в своих корыстных целях используют национальную рознь. Обманом или насилием, в зависимости от обстановки, они втягивают народы в захватнические войны и вовлекают те или иные нации в войны против народов, ведущих борьбу за социальное и национальное освобождение. В 1848—1849 гг. борьба против абсолютизма и остатков феодализма была осложнена национальными коллизиями и господствующие классы стремились натравить некоторые нации против тех народов, которые боролись за победу буржуазно-демократической революции. В зависимости от их отношения к революции Энгельс различал тогда революционные и реакционные народы.

Такую оценку народов в конкретно-исторических условиях 1848—1849 гг. В. И. Ленин считал правильной, нисколько не противоречащей пролетарскому интернационализму. «...Маркс и Энгельс *противопологали* тогда прямо и определенно «целые реакционные народы», служащие «русскими форпостами» в Европе, «революционным народам»: немцам, полякам, мадьярам. Это факт. И этот факт был *тогда бесспорно* верно указан: в 1848 г. революционные народы бились за свободу, главным врагом которой был царизм, а чехи и т. п. действительно были реакционными народами, форпостами царизма»¹.

Наряду с правильной оценкой объективной роли национальных движений славянских народов Австрии в революции 1848—1849 гг. в статьях «*Neue Rheinische Zeitung*» содержатся некоторые не совсем точные, даже ошибочные суждения. Так, Энгельс развивал мысль, что малые славянские народы, живущие на территории Австрийской империи, за исключением поляков, уже неспособны к самостоятельному национальному существованию и их неизбежной участью явится поглощение более сильным соседом. Подметив свойственную капитализму тенденцию к централизации, к созданию крупных государств, Энгельс не учел другой тенденции — борьбы малых народов против национального гнета за свою независимость, их стремления к созданию собственной государственности. Необходимо подчеркнуть, что Энгельс делает весьма существенную оговорку к своему прогнозу: «Если бы славяне в какую-нибудь эпоху своего угнетения начали *новую революционную историю*, они уже этим одним доказали бы свою жизнеспособность. Революция с этого самого момента была бы заинтересована в их освобождении, и частные интересы немцев и мадьяр отступили бы перед более важными интересами европейской революции»².

Эта возможность, которую допускала «*Neue Rheinische Zeitung*», стала позднее исторической действительностью. По мере экономического развития малых славянских народов Австрийской империи, втягивания все более широких масс в национально-освободительную борьбу, роста их сознательности и организованности их национальные движения приобретали все более демократический характер и вели к расширению фронта революционной борьбы. Малые славянские народы, некогда придавленные и поработанные в Австрийской империи, не только обнаружили способность к самостоятельному национальному развитию и созданию собственной государственности, но и, став на путь социализма, внесли достойный вклад в создание самого передового общественного строя.

Изо дня в день следя за героической и трудной борьбой венгров, Маркс и Энгельс учитывали, что исход ее зависит не только от со-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 38.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 299.

отношения сил в Австрийской империи. Русский царь давно уже подтянул войска к западным границам, выжидая лишь подходящего момента для интервенции. Единственным спасением для венгров мог быть лишь новый подъем германской и вообще европейской революций.

Важным и обнадеживающим событием явились возобновившиеся 20 марта военные действия в Италии между пьемонтской армией и войсками генерала Радецкого. Однако уже 23 марта пьемонтская армия потерпела поражение. Главной его причиной было то, что пьемонтцы не вели войну революционными методами. «Народ, который хочет завоевать себе независимость,— писал Энгельс по этому поводу в «*Neue Rheinische Zeitung*»,— не должен ограничиваться *обычными* способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды повсюду — вот единственный способ, при помощи которого малый народ может одолеть большой, при помощи которого менее сильная армия может противостоять более сильной и лучше организованной»¹.

Поражение восстаний на Рейне. Прекращение издания «Neue Rheinische Zeitung»

С начала мая 1849 г. ареной борьбы между силами революции и контрреволюции стали Саксония, Рейнская Пруссия и Юго-Западная Германия. Толчком послужила кампания за признание имперской конституции, в долгих муках, наконец-то, рожденной Франкфуртским собранием. Большинство немецких правительств отказалось ее признать. 15 апреля Австрия отозвала из Франкфурта своих депутатов. 27 апреля была распущена вторая палата прусского ландтага, осмелившаяся потребовать признания имперской конституции.

Фридрих-Вильгельм IV обратился к Франкфуртскому собранию и ко всем немецким правительствам с нотой, которую «*Neue Rheinische Zeitung*» расценила как прямую угрозу разгона собрания. И действительно, Пруссия концентрировала свои войска на саксонской границе и на Рейне. Эти контрреволюционные действия вызвали глубоко возмущение масс.

3 мая вспыхнуло восстание в Дрездене. Видную роль в нем играли Борн и Бакунин. Несмотря на храбрость повстанцев, главным образом рабочих и ремесленников, они после шестидневной борьбы оказались побежденными саксонскими и прусскими войсками.

5 мая, накануне того дня, когда в Кёльне должны были состояться окружные съезды различных политических организаций, распространился слух о намерении властей снова ввести осадное положение. Редакция «*Neue Rheinische Zeitung*» обратилась к рабо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 416.

чим с призывом не дать себя спровоцировать как раз в такое время, «когда вся Германия стоит на пороге *гражданской войны* и когда, быть может, в скором времени им представится возможность *выступить со своими собственными требованиями*»¹.

6 мая в Кёльне состоялись съезды демократических обществ и рабочих союзов. На совместном заседании делегатов было постановлено поддержать имперскую конституцию только при условии, если Франкфуртское собрание выступит в качестве суверенного революционного учредительного органа. Волнения в Рейнской провинции усилились в связи с объявленным прусским правительством призывом части ландвера, который намеревались использовать против народа. 9 мая вспыхнуло восстание в Эльберфельде. Узнав об этом, Энгельс тотчас же отправился в свои родные края. По поручению местного Комитета безопасности он взял на себя руководство постройкой баррикад. Планы Энгельса предусматривали распространение восстания на весь бергско-маркский округ. Но вскоре под давлением перепуганных эльберфельдских буржуа Комитет безопасности принял решение о его высылке из города. Несмотря на намерение рабочих защищать его любой ценой, Энгельс, не желая вносить раскол в среду повстанцев, удалился из Эльберфельда.

«Пусть бергские и маркские рабочие,— писала «*Neue Rheinische Zeitung*»,— проявившие по отношению к члену нашей редакции такое поразительное расположение и такую привязанность, поймут, что теперешнее движение — только пролог другого, в тысячу раз более серьезного движения, в котором дело будет идти об их, рабочих, кровных интересах. Это новое революционное движение явится результатом нынешнего движения, и как только оно начнется, Энгельс — в этом рабочие могут быть уверены! — подобно всем другим редакторам «*Neue Rheinische Zeitung*», окажется на своем посту, и никакие силы в мире не вынудят его тогда оставить этот пост»².

Вслед за эльберфельдским восстанием потерпели поражение и изолированные восстания в других городах Рейнской провинции: в Дюссельдорфе, Золингене, Изерлоне. Лишь в южнонемецких государствах Бадене и Пфальце восставшие добились известного успеха, создав временные правительства, опиравшиеся на повстанческую армию.

В критические дни майских восстаний голос «*Neue Rheinische Zeitung*» стал особенно страстным и гневным. «Во всей Германии,— вспоминал позже Энгельс,— удивлялись нашим смелым выступлениям в прусской крепости первого класса, перед лицом восьмидесятичного гарнизона и гауптвахты; но 8 пехотных ружей и 250 боевых патронов в редакционной комнате и красные якобинские колпаки наборщиков придавали нашему помещению в глазах

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 513.

² Там же. С. 545.

офицерства также вид крепости, которую нельзя взять простым налетом»¹.

Своими смелыми обличительными выступлениями «*Neue Rheinische Zeitung*» вызывала все большее беспокойство у правительства. В апреле и начале мая министр внутренних дел Мантёйфель не раз обращался к кёльнским властям с требованием привлечь к судебной ответственности ее редакторов. К этому времени число затеянных против них процессов возросло до двадцати трех. Однако прокуратура, уже дважды потерпевшая крах с судом присяжных, не решилась теперь состязаться с «*Neue Rheinische Zeitung*» на юридическом поприще. Лишь после подавления восстаний в Рейнской провинции власти отважились прибегнуть к давно уже заготовленному ими средству. 16 мая возвратившемуся из поездки Марксу было передано правительственное распоряжение о высылке его из Пруссии в течение 24 часов как иностранца, лишаемого права гостеприимства, «столь оскорбительно им нарушенного».

Вслед за тем посыпались репрессии на других редакторов. Дронке и Веерт как лица, не являющиеся прусскими подданными, также получили распоряжение покинуть Пруссию. Против Энгельса было возбуждено уголовное преследование за участие в эльберфельдском восстании. Судебное преследование угрожало и другим редакторам.

Все это означало конец «*Neue Rheinische Zeitung*». 19 мая вышел ее последний, отпечатанный красной краской, номер.

В передовой статье Маркс разоблачил лицемерную политическую мотивировку распоряжения о его высылке: будто в «последних номерах» газета возбуждает презрение к правительству и призывает к насильственному перевороту и установлению социальной республики. В ответ на это Маркс гневно заявил своим врагам: «Итак, только ли в «последних номерах» «*Neue Rheinische Zeitung*» мы сочли необходимым явно выступить в социально-республиканском духе? Разве вы не читали наших статей об *июньской революции* и *разве душа июньской революции не была душой нашей газеты?*

К чему же тогда ваши лицемерные фразы, цепляющиеся за нелепые предлоги?

Мы беспощадны и не просим никакой пощады у вас. Когда придет наш черед, мы не будем прикрывать терроризм лицемерными фразами. Но монархические террористы, террористы милостью бога и закона, на практике жестоки, презренны и подлы, в теории трусливы, скрытны и двуличны, в обоих отношениях бесчестны»².

Революционный орган пролетариата, с гордостью писал Маркс, был также мужественным и последовательным защитником подлинно национальных интересов немецкого народа: «Мы спасли революционную честь нашей родины»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 21.

² Там же. Т. 6. С. 548.

³ Там же. С. 549.

В обращении газеты к кёльнским рабочим говорилось: «Редакторы «*Neue Rheinische Zeitung*», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и повсюду будет: освобождение рабочего класса!»¹.

Прощальное слово «*Neue Rheinische Zeitung*» прозвучало и в стихах Фрейлиграта, написанных по просьбе Маркса.

Так прощай же, прощай, грохочущий бой!
Так прощайте, ряды боевые,
И поле в копоти пороховой,
И мечи, и копыа стальные!

Так прощайте! Но только не навсегда!
Не убьют они дух наш, о братья!
И час пробьет, и, воскреснув, тогда
Вернусь к вам живая опять я!..

На Дунае, на Рейне словом, мечом
Народу восставшему всюду
Соратницей верной в строю боевом,
Бунтовщица гонимая, буду!²

«Мы вынуждены были сдать свою крепость, — вспоминал Энгельс о последних днях «*Neue Rheinische Zeitung*», — но мы отступили с оружием и снаряжением, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера...»³

В Юго-Западной Германии

Тотчас же после выхода «красного номера» Маркс уехал из Кёльна. Но и после этого прусские власти не оставили его в покое. Был затеян новый судебный процесс против Маркса, Веерта, Дронке. Знаменательно, что даже в это время, когда контрреволюция в Пруссии уже торжествовала победу, суд исправительной полиции в Кёльне заочно вынес им 29 мая оправдательный приговор.

Покинув Пруссию, Маркс направился во Франкфурт-на-Майне. Вместе с прибывшим туда Энгельсом они пытались воздействовать на левых депутатов общегерманского Национального собрания, оказавшихся, после ухода реакционеров и либералов, в большинстве. В это время положение Франкфуртского собрания было отнюдь не безнадежным. Юго-Западная Германия взялась за оружие. Армия повсюду колебалась, Австрия была занята войной против венгров, внутренняя обстановка в Пруссии отличалась неустойчивостью. Очень многое зависело от поведения Собрания, от решительности его действий.

При встречах с левыми депутатами Собрания Маркс и Энгельс советовали им открыто примкнуть к уже вспыхнувшим восстаниям

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 564.

² Фрейлиграт Ф. Избранные произведения. С. 196.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 22.

и призвать народ повсеместно взяться за оружие, вызвать во Франкфурт для непосредственной защиты Собрания вооруженные силы повстанцев, объявить вне закона всех монархов, министров и других контрреволюционеров, создать крепкую и энергичную революционную исполнительную власть, привлечь крестьян отменой феодальных повинностей. Все это должно было придать восстанию общегерманский характер, способствовать переходу от оборонительной тактики к решительному наступлению. Однако этот смелый политический и военный план не встретил поддержки у левых депутатов Собрания. Они предпочитали предоставить событиям идти своим чередом. Убедившись в безрезультатности дальнейших усилий, Маркс и Энгельс выехали в восставший Баден.

Здесь они также столкнулись с нерешительностью и колебаниями мелкобуржуазных демократов. Созданное в Карлсруэ правительство, хотя и располагало армией, оружием и деньгами, пребывало в полной бездеятельности. При встрече с членами правительства Маркс и Энгельс заявили, что с самого начала следовало двинуться на Франкфурт; однако время для этого упущено, и теперь без решительных ударов в Венгрии или новой революции в Париже рассчитывать на победу нельзя. Такой взгляд вызвал возмущение у большинства присутствовавших. Однако события показали, что Маркс и Энгельс были правы.

Из Бадена Маркс и Энгельс отправились в другой центр восстания — Пфальц. В Кайзерслаутерне они застали ту же картину крайней беззаботности. Временное правительство, за исключением входившего в него Д'Эстера, не принимало мер даже для обороны. Через несколько дней Маркс и Энгельс покинули Кайзерслаутерн. По пути в Бинген они с несколькими друзьями были арестованы гессенскими солдатами; их отправили в Дармштадт, а оттуда во Франкфурт, где они, наконец, были освобождены.

Прибыв в Бинген, Маркс и Энгельс в последний раз выступили от имени редакции «*Neue Rheinische Zeitung*». В заявлении, посланном 31 мая во «*Frankfurter Journal*», Маркс сообщал бывшим корреспондентам и читателям своей газеты, что она не имеет ничего общего с «*Westdeutsche Zeitung*», начавшей с 25 мая выходить в Кёльне под редакцией Г. Беккера и претендовавшей на роль преемницы «*Neue Rheinische Zeitung*». Из заявления видно, что Маркс не оставлял мысли при первой же возможности возобновить выпуск газеты.

В Бингене друзья расстались. Маркс отправился с полученным им от Д'Эстера мандатом Центрального комитета демократов в Париж. Энгельс возвратился в Пфальц с намерением, «если представится удобный случай и вспыхнет борьба, занять в этом движении то место, которое только и могла занять «*Neue Rheinische Zeitung*», — место солдата»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 152.

Вскоре Энгельс вступил в должность адъютанта Виллиха, командовавшего отрядом волонтеров, в котором было много рабочих, показавших себя прекрасными, дисциплинированными бойцами. Энгельс принял участие в четырех сражениях, в том числе в битве под крепостью Раштатт. Отряд Виллиха, который прикрывал отступление разбитой баденско-пфальцской армии, 12 июля 1849 г. последним покинул немецкую территорию и пересек швейцарскую границу.

Снова в Париже. 13 июня

Маркс ехал во Францию с надеждой, что назревавший там революционный кризис завершится победой пролетариата, которая послужит могучей поддержкой для революционной борьбы в Юго-Западной Германии, Венгрии, Италии и даст новый толчок европейской революции.

Прибыв в Париж в начале июня, Маркс немедленно установил связи с руководителями демократического и социалистического движений, а также тайных пролетарских организаций. 7 июня он писал Энгельсу в Кайзерслаутерн: «Я встречаюсь со всей революционной партией...»¹ Это было как раз накануне решающих событий. Президент Луи Бонапарт возобновил военные действия против Римской республики, цинично нарушив конституцию, гласившую, что Французская республика никогда не посягнет на свободу другой страны. Левая печать призывала парламентскую оппозицию — мелкобуржуазную Гору — к энергичным действиям. 11 июня глава Горы Ледрю-Ролен заявил в Законодательном собрании: «Республиканцы сумеют заставить уважать конституцию всеми средствами, хотя бы даже силой оружия!».

О последовавших затем событиях Маркс рассказал в своей статье «13 июня», напечатанной в демократической газете «Volksfreund». Из статьи видно, что он был не только свидетелем, но и непосредственным участником событий, несомненно пытавшимся повлиять на их ход. Как сообщал Маркс, в Париже был создан тайный социалистический комитет, который требовал начать восстание, чтобы заставить правительство врасплох. В случае победы комитет хотел провозгласить себя Коммуной — пролетарской властью, которая должна была действовать рядом с новым официальным правительством. Однако предложение о немедленном восстании было решительно отвергнуто Горой. Пригрозив в Собрании действовать силой оружия, она решила теперь организовать 13 июня безоружную демонстрацию.

Приехавший ранним утром этого дня из Бельгии Веерт в письме своему брату 16 июня подробно описал эту демонстрацию. Вместе

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 129.

с некоторыми знакомыми, которые, как он писал, «принадлежат к нашей партии», Веерт отправился к Рю де Лилль, где в доме № 45 жил Маркс. Дальнейший путь Веерта был, по-видимому, и путем Маркса, а также Ф. Вольфа и Дронке.

Добравшись до кольца бульваров, Веерт и его спутники влились в головную колонну, двигавшуюся к Законодательному собранию. Как только колонна достигла Рю де ля Пэ, на демонстрантов ринулась кавалерия. Раздался крики: «К оружию!». Веерт и его товарищи поспешили к Пале-Насьональ, где должно было выдаваться оружие. Но приготовленные на случай восстания оружейные склады оказались уже захваченными правительственными войсками. Кое-где делались попытки построить баррикады, но они могли лишь на миг преградить путь кавалерии, рубившей саблями безоружных людей¹.

Так бесславно закончилось «парламентское восстание» Горы. Рабочие, отнесшиеся с самого начала с недоверием к ее планам, не поддержали Гору, когда она уже после разгона демонстрации вздумала призывать народ к оружию. «В общем и целом,— писал Маркс,— 13 июня 1849 года — это только возмездие за июнь 1848 года. Тогда пролетариат был покинут «Горой», теперь «Гора» была покинута пролетариатом»².

13 июня явилось не только днем поражения французской мелкобуржуазной демократии. Это был, писал Маркс, тяжелый день «для нашей партии во всей Европе»³.

В Париже было введено осадное положение, начались массовые репрессии. Маркс со дня на день ожидал ареста или высылки. Обстановка для него осложнилась еще и тем, что в начале июля в Париж приехала Женни с тремя детьми. Чтобы добраться до столицы Франции, ей пришлось с помощью Вейдемейера заложить во Франкфурте-на-Майне свое незадолго до того выкупленное из брюссельского ломбарда фамильное столовое серебро. Материальное положение Маркса оказалось критическим. При ликвидации дел газеты все деньги, полученные от подписчиков и за проданную скоропечатную машину, пошли на то, чтобы рассчитаться с наборщиками, печатниками, бумагопродавцами, корреспондентами и дать возможность скрыться редакторам газеты. Пришлось даже занять еще 300 талеров. В Париже Маркс оказался буквально без гроша. Это вынудило его обратиться с просьбой о кредите к Лассалю. Хотя Маркс просил его избегать огласки, Лассаль затеял публичный сбор денег, чем вызвал возмущенный протест крайне шепетильного в этих вопросах Маркса. «Я предпочитаю жесточайшую нужду публичному попрошайничеству», — писал он Фрейлиграту⁴.

¹ *Weerth G. Sämtliche Werke in fünf Bänden. B., 1957. Bd. 5. S. 309—318.*

² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 573.*

³ Там же.

⁴ Там же. Т. 27. С. 445.

19 июля Маркс был уведомлен французскими властями о высылке его в департамент Морбиан (Бретань). Он заявил протест министру внутренних дел, и его высылка была временно приостановлена.

В конце июля Маркс получил, наконец, первую весточку от Энгельса, о судьбе которого страшно беспокоился. В письме из Веве, адресованном жене Маркса, Энгельс сообщал обо всем, что с ним произошло после того, как он расстался со своим другом в Бингене. Энгельс с тревогой спрашивал Женни, верны ли дошедшие до него в Бадене слухи, будто Маркс арестован в Париже. «Вы представляете себе поэтому, как я встревожен; я очень прошу Вас как можно скорее успокоить меня, сообщив о судьбе Маркса»¹.

Маркс тотчас же ответил своему другу: «Я очень беспокоился за тебя и чрезвычайно обрадовался, получив вчера письмо, написанное твоей рукой»². Он советует Энгельсу написать историю баденско-пфальцской революции или памфлет об этом, выразив общую позицию «*Neue Rheinische Zeitung*», информирует о судьбе других редакторов газеты.

Дальнейшая судьба самого Маркса зависела от французских властей. 23 августа в его квартиру явился полицейский сержант с предписанием: «Карл Маркс и его жена должны покинуть Париж в течение 24 часов». Эта драконовская мера буквально преследовала Маркса с 1845 г., когда он был выслан из Парижа, затем в 1848 г. из Брюсселя, в 1849 г. из Кёльна и, наконец, опять из Парижа.

Сообщая о высылке его французским правительством в заболоченную, нездоровую местность Бретани, Маркс писал Энгельсу: «Ты понимаешь, что я не соглашусь на эту замаскированную попытку убийства. Поэтому я покидаю Францию». Так как Марксу не давали паспорта на въезд в Швейцарию, он принял решение уехать в Лондон, где к тому же у него имелись виды на создание журнала. Маркс уговаривал и Энгельса как можно скорее отправиться в Англию: «В Лондоне нам предстоят дела»³.

Из-за отсутствия средств Маркс вынужден был пока оставить свою беременную жену с детьми в Париже. Женни с трудом удалось добиться разрешения полиции задержаться до 15 сентября.

24 августа Маркс отправился в Лондон — новое и, как оказалось, пожизненное место своего изгнания.

Первая историческая проверка марксизма

В годы революции, потребовавшие от Маркса величайшего напряжения всех сил, во всей полноте проявились его черты: неисто-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 444.

² Там же. С. 131.

³ Там же. С. 134, 135.

щая энергия, негибкая воля, самоотверженность и страстность революционного борца. В. И. Ленин рассматривал непосредственное участие Маркса в массовой революционной борьбе 1848—1849 гг. «как центральный пункт» его деятельности¹.

При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма в различные исторические периоды особенно выдвигалась то одна, то другая сторона великой теории. Если до 1848 г. первостепенное значение имело формирование философии марксизма, то в 1848—1849 гг. на первый план выдвинулись политические идеи, вопросы стратегии и тактики.

Блестящие образцы тактики Маркса в 1848—1849 гг., первого в истории революционного деятеля, строившего свою политику на научной основе, вошли ценнейшим вкладом в сокровищницу революционного опыта международного пролетариата.

И если выработанная Марксом политика не увенчалась победой революции, то это объяснялось особенностями «той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не созрела*»².

Несмотря на поражение революции, бурные 1848—1849 годы не только доказали на практике жизненную силу марксизма, его превосходство над всеми другими социалистическими теориями, но и явились могучим источником для развития и обогащения этого великого учения. На опыте революционной борьбы этих лет базировались новые выводы и положения теоретической мысли Маркса, нашедшие классическую формулировку в его трудах, которые были посвящены обобщению уроков революции.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 24.

² Там же. Т. 21. С. 256.

*Глава
шестая*

Обобщение уроков революции

Такое время кажущегося затишья, как теперешнее, должно быть использовано именно для того, чтобы уяснить пережитый период революции, характер борющихся партий, общественные отношения, которые обуславливают существование и борьбу этих партий.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс

Первые месяцы в Лондоне

К моменту приезда Маркса в Лондон во всех европейских странах, где еще совсем недавно ярко пылало революционное пламя, обстановка резко изменилась. Во Франции контрреволюционная политика правящей «партии порядка», объединившей две монархические фракции — легитимистов и орлеанистов, — все больше расчищала почву для установления бонапартистской диктатуры. Летом 1849 г., вслед за ликвидацией последних революционных очагов в Германии, с помощью царских войск Габсбургами была подавлена революция в Венгрии. Объединенные силы европейской контрреволюции задушили также итальянское революционное движение.

Поражение революций 1848—1849 гг. не сломило энергии Маркса, не поколебало его уверенности в неизбежности преобразований в Европе. Его вера в способность рабочего класса играть решающую

роль в осуществлении этих преобразований еще больше возросла, получив свое подтверждение в позиции различных классов в ходе самой революции.

Как ни тяжела была горечь перенесенных неудач и утрат, Маркс ясно сознавал, что битвы 1848—1849 гг. были не напрасны. Они расшатали феодально-монархические устои в ряде стран, способствовали утверждению и развитию капитализма, подготовили почву для дальнейшего роста сознательности и организованности пролетариата. Революции 1848—1849 гг. положили начало избавлению масс от ложных иллюзий, они нанесли удар всем разновидностям мелкобуржуазного социализма, показав неоспоримое превосходство политики, основанной на теории научного коммунизма.

Создавшуюся ситуацию Маркс рассматривал как вынужденный перерыв в открытой революционной борьбе, за которым неизбежно последует второй акт революционной драмы. Ряд обстоятельств позволял рассчитывать, что перерыв этот не будет затяжным. Лишь спустя некоторое время Марксу суждено было убедиться в необоснованности расчетов на быстрое наступление нового революционного подъема. Но даже надеясь на кратковременность затишья, Маркс был совершенно свободен от того самообольщения, в которое впадали буржуазные и мелкобуржуазные эмигранты, внушившие себе, что со дня на день они будут призваны вершить судьбы народов. Он понимал, что, независимо от того, какой оборот примут дела, будет ли господство реакции непродолжительным или оно утвердится надолго, предстоит огромная работа по сплочению рассеянных революционных сил. Нужно было восстановить и расширить нарушенные связи, ободрить тех, кто впал в апатию и уныние, организовать и подготовить пролетарские кадры к предстоящим революционным боям. Таковы были неотложные практические задачи, вставшие перед Марксом в первые же месяцы лондонской эмиграции.

Организационной формой сплочения пролетарских революционеров должен был стать возрожденный Союз коммунистов, который Маркс по-прежнему продолжал рассматривать как ядро будущей, более широкой пролетарской партии. В новых условиях центр тяжести практической революционной работы приходилось опять переносить на нелегальную деятельность тайного Союза. «Как и до 1848 г., — писал впоследствии Энгельс, — обстоятельства делали невозможной какую бы то ни было открытую организацию пролетариата; приходилось, следовательно, опять организовываться тайно»¹. Сам Союз коммунистов нуждался в реорганизации и укреплении. Центральный комитет, как таковой, фактически не функционировал; большинство общин и округов распалось. Многие из деятельных членов Союза погибли в боях или были арестованы, часть отошла от движения, адреса и связи были утеряны.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 228.

Тотчас после приезда в Лондон Маркс воссоздал руководящий орган Союза коммунистов. К этому времени в столице Англии собралось большинство членов прежних центральных комитетов. Отсутствовали лишь Энгельс, Шаппер и Молль, погибший во время кампании за имперскую конституцию. По настоянию Маркса Энгельс покинул Швейцарию. Круглым путем, через Геную, после пятидневного плавания на парусной шхуне вокруг Пиренейского полуострова и по Бискайскому заливу, он прибыл около 10 ноября в Лондон и сразу же был включен в состав восстановленного ЦК Союза коммунистов. Карл Шаппер, отбывший заключение в Висбадене, попал в Лондон лишь в начале июля 1850 г. и также стал членом Центрального комитета. Наряду со старыми кадрами Комитет пополнился и новыми силами. В октябре 1849 г. в него был избран по предложению Маркса Август Виллих, проявивший себя во время баденско-пфальцской кампании способным военачальником. В Лондон он приехал из Швейцарии с рекомендацией Энгельса. Членом Центрального комитета стал также Конрад Шрамм, активный участник германской революции 1848—1849 гг., совершивший в сентябре 1849 г. смелый побег из прусской крепости. В состав Комитета вошли также видные деятели Союза Георг Эккариус и Карл Пфендер.

В начале сентября 1849 г. Маркс вступил в Лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих, тесно связанное с Союзом коммунистов. Придавая большое значение теоретическому обучению рабочих, Маркс с ноября 1849 г. вплоть до осени 1850 г. выступал в этом обществе с лекциями по политической экономике и о «Манифесте Коммунистической партии».

Одной из неотложных потребностей работы по собиранию рассеянных революционных сил стало оказание помощи эмигрантам-революционерам. В столицу Англии ежедневно прибывали сотни эмигрантов. Спасаясь от преследований на родине, они устремлялись в страну относительной политической свободы. Но здесь их ждали жестокие лишения. Большинство испытывало крайнюю нужду, не имея ни крова, ни хлеба.

Маркса самого ожидало в Лондоне почти нищенское существование. «Я нахожусь в самом затруднительном положении,— писал он Фрейлиграту 5 сентября 1849 года.— Моя жена должна скоро родить, 15-го она должна выехать из Парижа, и я не знаю, откуда мне взять денег на ее отъезд и на устройство здесь»¹. С большим трудом удалось достать средства на переезд семьи, и в середине сентября Женни с тремя детьми также приехала в Лондон. Однако невзирая на собственные невзгоды, Маркс делал все, чтобы спасти от нищеты, а иногда и от прямой гибели участников революционных боев.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 452.

По инициативе Маркса 18 сентября 1849 г. состоялось собрание Лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих совместно с только что прибывшими в Лондон эмигрантами. На этом собрании был избран Комитет помощи немецким эмигрантам, в состав которого вошел Маркс. Наряду с членами Союза коммунистов в него входили и мелкобуржуазные демократы.

Комитет объявил, что будет оказывать поддержку всем политическим эмигрантам, независимо от их убеждений и партийной принадлежности. Тем не менее начавшаяся борьба течений среди эмиграции очень скоро распространилась и на сферу организации помощи. Не желая превращать дело помощи нуждающимся в объект интриг различных эмигрантских группировок, Маркс и его сторонники решили отмежеваться от лидеров мелкобуржуазной демократии. В ноябре 1849 г. на общем собрании Лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих Комитет был преобразован в Социал-демократический эмигрантский комитет. На этот раз в него вошли лишь члены Союза коммунистов: Маркс, который был избран председателем, Энгельс, Бауэр, Пфендер и Виллих. Комитет открыто объявил, что при распределении помощи он будет ориентироваться прежде всего на пролетарское и социалистическое крыло эмигрантских кругов.

«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue»

Решение практических задач рабочего движения, по убеждению Маркса, должно было сочетаться с большой теоретической работой, которая помогала бы пролетарским массам извлечь правильные уроки из отгремевших революционных боев и лучше подготовиться к новому туру революционных событий. Необходимо было привести в систему мысли, рождавшиеся в годы революции, вновь проанализировать все перипетии классовой борьбы в разных странах, сделать надлежащие теоретические выводы, развивая дальше революционное учение пролетариата.

В. И. Ленин, касаясь теоретического обобщения Марксом и Энгельсом уроков революции 1848 г., писал: «Учение Маркса и здесь — как и всегда — есть освещенное глубоко философским миросозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*»¹.

Для научного подведения итогов революции, дальнейшего развития и пропаганды революционной теории Маркс считал очень важным возобновить выпуск собственного пролетарского периодического издания, пока в виде журнала. Мысли об этом не оставляли его с момента вынужденного прекращения выхода «*Neue Rheinische Zeitung*». Согласно замыслу Маркса, журнал должен был в новых

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 29.

условиях продолжить боевую революционную линию газеты, служить средством идейного воспитания и теоретического обучения членов Союза коммунистов и близких им пролетарских кругов. Он должен был стать органом Союза, рупором его идей. Поэтому журнал решено было назвать «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*». Названием также давалось понять, что редакторы не примирились с полицейским запретом пролетарской революционной газеты.

В течение всей осени и зимы 1849 г. Маркс усиленно занимался подготовкой к изданию журнала. Надо было изыскать средства, найти издателя, подобрать сотрудников, распространить акции. С этой целью он обратился ко многим друзьям и знакомым.

В конце 1849 г. с владельцем типографии в Гамбурге Кёлером и книготорговой фирмой Шуберт и К⁰ было заключено соглашение об издании и распространении журнала.

15 декабря 1849 г. Маркс и Энгельс написали «Извещение о выходе «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*», в котором говорилось, что журнал будет выходить под редакцией Карла Маркса с января 1850 г. и даст «возможность подробно и научно исследовать экономические отношения, которые составляют основу всего политического движения»¹.

Однако, несмотря на энергичные усилия друзей Маркса, добыть необходимое количество денег к январю не удалось. Нужные для издания журнала средства были найдены лишь к марту. 6 марта 1850 г. в Гамбурге вышел его первый номер. На обложке журнала наряду с Лондоном, где находились Маркс и Энгельс, и Гамбургом, где печатался журнал, был указан также и Нью-Йорк, так как в связи с эмиграцией большого числа участников революций 1848—1849 гг. в Америку Маркс и Энгельс рассчитывали найти там почву для его распространения.

В течение 1850 г. вышло шесть номеров журнала. Намерение Маркса и Энгельса выпускать его через более короткие промежутки времени осуществить не удалось. Последний, сдвоенный номер — пятый и шестой — вышел в свет в конце ноября 1850 г. Все дальнейшие попытки Маркса и Энгельса продолжить издание не увенчались успехом из-за полицейских преследований в Германии и отсутствия материальных средств.

Подавляющая часть материалов для «*Revue*» была написана Марксом и Энгельсом. В журнале были напечатаны работы Маркса «Классовая борьба во Франции», «Луи-Наполеон и Фульд», работы Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию», «Крестьянская война в Германии», «Английский билль о десятичасовом рабочем дне», а также ряд совместных рецензий и международных обзоров.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 1.

К сотрудничеству в «Revue» Маркс и Энгельс привлекли и своих соратников Вильгельма Вольфа и Георга Эккариуса. Маркс всячески содействовал написанию Эккариусом большой статьи «Портняжное дело в Лондоне, или борьба крупного и мелкого капитала». Он приветствовал выступление в печати передовых рабочих, обнаруживших большую наблюдательность и умение анализировать факты на основе усвоенных ими материалистических воззрений. «Еще до того как пролетариат завоеует свою победу на баррикадах и на полях сражений,— писали Маркс и Энгельс в редакционном примечании к статье Эккариуса,— он возвещает о наступлении своего господства рядом интеллектуальных побед»¹.

Несмотря на кратковременность издания журнала, он выполнил те задачи, которые ставили перед ним Маркс и Энгельс. Шесть сравнительно небольших его выпусков отличались исключительным богатством идей, огромным разнообразием рассмотренных теоретических и исторических проблем.

«Классовая борьба во Франции»

Одним из важнейших трудов Маркса, посвященных подведению итогов революции, является произведение о событиях во Франции. Основная часть его была написана в январе — марте 1850 г. и опубликована в первых трех выпусках «Revue» под лаконичным заглавием: «С 1848 по 1849». Переиздавая много лет спустя, в 1895 г., эту работу, Энгельс ввел в нее в виде последней, четвертой, главы разделы о Франции из написанного Марксом и им третьего международного обзора (октябрь 1850 г.) и дал всей публикации название «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.».

Обобщая опыт недавней революционной борьбы, Маркс не случайно обратился к Франции. Со времени Великой французской буржуазной революции Франция играла главную роль в европейской истории. Классовая борьба протекала здесь в наиболее четких и острых формах. Ни в одной другой стране рабочий класс не проявлял такой активности и такого героизма в период революции 1848—1849 гг., как во Франции.

В «Классовой борьбе во Франции» Маркс впервые применил метод материалистической диалектики к изучению целого исторического периода, дав непревзойденный анализ причин, характера и хода французской буржуазно-демократической революции 1848 г. В этой работе получили конкретизацию и дальнейшее развитие важнейшие положения исторического материализма: о взаимосвязи базиса и надстройки и определяющей роли экономического базиса в общественной жизни, о значении борьбы классов и партий, о месте револю-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 440.

ционных переворотов в истории и решающей роли народных масс, о роли государства и общественных идей в историческом процессе. Материалистическое понимание истории служило Марксу не универсальным шаблоном, а руководством для конкретного анализа. Признание решающего значения экономики отнюдь не вело у него к игнорированию роли политических и идеологических надстроек, государства, политических партий, идейных течений, отдельных исторических личностей. Наоборот, оно помогало ему уяснить конкретные формы, в которых проявляется активное воздействие надстроек — политики и идеологии — на исторический процесс. В то же время Маркс — в противоположность буржуазным историкам-идеалистам — ясно видел границы этого воздействия, зависимость позиций различных партий, идеологов, политических деятелей от тех или иных материальных, классовых интересов, отражающих тенденции развития общественного производства, которое в конечном счете и определяет ход истории.

Всесторонне развил Маркс в своей работе мысль о закономерном характере и огромном значении революционных периодов в жизни общества, о революциях как могучих двигателях общественного прогресса. Он образно назвал революции «локомотивами истории». Маркс показал, что революции чрезвычайно ускоряют исторический процесс, способствуют развитию неиссякаемой творческой энергии народных масс, которые в революционные периоды поднимаются к активной политической деятельности, ломают старые общественные отношения, создают новые, исторически прогрессивные формы общественной жизни. «...В этом вихре движения, в этом мучительном и беспокойном ходе истории,— писал Маркс,— в этом драматическом приливе и отливе революционных страстей, надежд и разочарований различные классы французского общества должны были исчислять неделями периоды своего развития, ранее исчислявшиеся полустолетиями»¹.

Французский опыт нагляднее всего подтвердил сделанный Марксом в ходе революции вывод о все большей утрате европейской буржуазией революционных традиций, восходивших к эпохе ее активной борьбы против феодального строя. С исключительным публицистическим мастерством и исторической проницательностью нарисовал он картину политического вырождения и сползания на реакционные позиции французской буржуазии. Ее контрреволюционность особенно проявилась в отношении к пролетарскому движению. С первых же дней революции буржуазия выступила не только как злейший враг пролетариата, спровоцировав его на восстание в июне 1848 г. и учинив над ним кровавую расправу, но и как косная сила, препятствовавшая развитию страны по революционному и демократическому пути.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 60.

В этих условиях рабочий класс становился главной силой революционного движения и исторического прогресса. Ему предстояло и довести до конца буржуазно-демократическую революцию, и приступить к разрешению социалистических задач.

Вследствие незрелости, обусловленной недостаточным развитием капиталистических отношений во Франции, французский пролетариат на первом этапе революции не осознал еще своих классовых задач. Он был в плену буржуазных иллюзий, полагая, что февральская победа якобы установила социальную республику, стоящую на страже интересов не только буржуазии, но и пролетарских масс. Маркс показал, что только в смертельной схватке с буржуазной контрреволюцией пролетариат мог осознать свои собственные классовые интересы. Таким переломным моментом в формировании классового сознания французского и в значительной мере международного пролетариата явилось июньское восстание 1848 г. в Париже. Маркс назвал его «первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество»¹.

Важнейшим положительным следствием восстания, несмотря на неудачу повстанцев и жестокую расправу с ними, Маркс считал избавление французского пролетариата от тех иллюзий, в плену которых он находился. Поражение открыло рабочему классу ту истину, что освобождение его от эксплуатации в рамках буржуазной республики остается утопией. Только после июньского поражения, отмечал Маркс, «выступил смелый революционный боевой лозунг: *Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!*»².

В «Классовой борьбе во Франции» Маркс дал исторически обоснованное решение вопроса о союзниках пролетариата в революции. В той или иной форме идея о необходимости для рабочего класса привлечь на свою сторону непролетарские слои трудящихся высказывалась им накануне и во время революции 1848—1849 гг. Уроки революционных лет позволили превратить ее в развернутое и четко сформулированное положение, вошедшее в арсенал марксистского учения о пролетарской революции, о стратегии и тактике революционной борьбы пролетариата. Одну из главных причин поражения июньского восстания, помимо незрелости самого пролетариата, Маркс справедливо увидел в том, что рабочих не поддержали крестьянство и городская мелкая буржуазия. Однако такая позиция этих слоев, по мнению Маркса, представляла собой преходящее явление и противоречила их собственным подлинным интересам. По мере развития классовой борьбы «крестьяне, мелкие буржуа, вообще средние слои общества становились на сторону пролетариата, приходили к открытому антагонизму по отношению к официальной республике, которая обращалась с ними, как с врагами»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 29.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 89.

К сближению с рабочим классом крестьян побуждает то обстоятельство, писал Маркс, что эксплуатация их отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме, в то время как эксплуататор у них общий — капитал. «Только падение капитала может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации»¹. Таким образом, на опыте французской революции Маркс сделал важнейший теоретический и политический вывод о том, что пролетариат не сможет поколебать буржуазный строй, если к нему в борьбе против капитала не примкнет масса крестьян и мелких буржуа, признав в нем своего передового борца.

Раскрывая роль и городских мелкобуржуазных слоев как союзника пролетариата, Маркс в то же время подверг острой критике их политических представителей и идеологов. На примере выступления мелкобуржуазной партии Горы 13 июня 1849 г. он показал ее полную неспособность руководить революционной борьбой.

В революции 1848—1849 гг. потерпела банкротство не только мелкобуржуазная демократия, но и мелкобуржуазный утопический социализм. В «Классовой борьбе во Франции» Маркс углубил критику непролетарских социалистических течений. Он показал не только их теоретическую, но и практическую несостоятельность, дав, в частности, развернутую характеристику мелкобуржуазному социализму Луи Блана. Поведение Блана во время революции, участие в буржуазном временном правительстве вытекало, подчеркнул Маркс, из его порочной доктрины, которая средством достижения социализма изображала классовое сотрудничество и помощь буржуазного государства рабочим ассоциациям. На практике Блан, претендуя на положение вождя социалистической демократии, играл роль прихвостня буржуазии, был «игрушкой в ее руках»². Сделавшись председателем комиссии по рабочему вопросу (Люксембургской комиссии), он сеял среди пролетариата вредные иллюзии о готовности буржуазных заправил Второй республики всерьез решать социальный вопрос путем «организации труда». Маркс саркастически называл Люксембургскую комиссию «социалистической синагогой», «министерством бессилия, министерством благих пожеланий»³. Он рассматривал провал ее деятельности как яркое выражение краха утопической доктрины и соглашательской тактики Блана.

Различным системам доктринерского социализма, игнорирующим борьбу классов, Маркс противопоставил революционный социализм, главным содержанием которого является идея завоевания в ходе классовой борьбы рабочим классом политической власти,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 86.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 311.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 16.

установления диктатуры пролетариата как орудия действительного преобразования общества. Маркс писал: «Этот социализм есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура* пролетариата как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще*, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений»¹.

Излагая краеугольные положения научного коммунизма о путях революционного переустройства общества, Маркс ввел здесь, впервые в своих печатных произведениях, выражение «диктатура пролетариата». Это было не просто терминологическое уточнение, а дальнейшее углубление идеи о пролетарской власти. Маркс подчеркивал, что эта власть должна быть результатом глубокого революционного процесса, средством и формой его дальнейшего развития. В 1848 г. он пришел к выводу, что для доведения до конца буржуазно-демократической революции необходима энергичная, способная подавить все происки контрреволюционеров власть — революционная диктатура народа. Этими качествами еще в большей степени должна обладать диктатура рабочего класса, перед которой стоят значительно более сложные и величественные задачи. Таков был ход мысли Маркса, приведший к рождению формулы, которая выражала самое существо его учения о коммунистической революции.

В «Классовой борьбе во Франции» была дана научная формулировка задач пролетарской диктатуры в деле экономического преобразования общества, его коренного переустройства: «присвоение средств производства, подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно, уничтожение наемного труда, капитала и их взаимоотношения»².

В борьбе за реорганизацию Союза коммунистов. Мартовское «Обращение ЦК»

Восстановленный Центральный комитет Союза коммунистов вскоре приступил к реорганизации Союза на местах. В начале 1850 г. Маркс направил в Кёльн письмо члену Союза Петеру Рёзеру, предлагая ему воссоздать общину в Кёльне и сделать все возможное для основания общин в других городах Рейнской провинции.

Весьма важное значение в деле реорганизации Союза имели обращения Центрального комитета к Союзу коммунистов, написанные Марксом и Энгельсом. В этих документах была намечена прог-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 91.

² Там же. С. 40.

рамма действия для членов Союза, прежде всего в Германии, и содержалась информация о его состоянии в разных странах, выдвигались актуальные лозунги и требования.

Идейной основой работы по восстановлению Союза стал первый из этих документов — «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов», написанное в марте 1850 г.

Историческое значение мартовского «Обращения» выходит, однако, далеко за пределы деятельности Союза в тот период. Это было одно из произведений Маркса и Энгельса, обобщавших опыт революции 1848—1849 гг. и намечавших тактику пролетариата в грядущих боях. Оно отразило развитие таких программных и тактических сторон марксистского учения, вся ценность которых раскрылась лишь на последующих стадиях освободительной борьбы пролетариата. В. И. Ленин назвал его «чрезвычайно интересным и поучительным»¹ и опирался на него при разработке революционной тактической линии пролетарской партии в буржуазно-демократической революции, при обосновании теории ее перерастания в социалистическую.

Авторы «Обращения» развили в нем свой вывод о необходимости закрепить самостоятельность политической позиции пролетариата не только идейным, но и организационным размежеванием с мелкобуржуазными демократами. Это было тем более важно, отмечалось в документе, что новая революция в Германии, ввиду банкротства либеральной буржуазии, вероятнее всего приведет к власти представителей мелкобуржуазной демократии. Из их политических доктрин и поведения в 1848—1849 гг. Марксу и Энгельсу нетрудно было заключить, что демократически-конституционные и республиканские мелкие буржуа будут препятствовать углублению революции. Они так же предадут народные массы, как их предала либеральная буржуазия в 1848 г. Поэтому пролетариат уже сейчас должен решительно противодействовать всем попыткам вовлечь его в организации мелких буржуа, низвести его до положения «хора, одобрительно рукоплещущего буржуазным демократам»². Главной задачей немецких рабочих и в первую очередь Союза коммунистов, подчеркивали Маркс и Энгельс, является создание в Германии самостоятельной рабочей партии, имеющей тайную и открытую организации, превращение каждой общины Союза в центр и ядро легальных рабочих союзов.

Выступая за размежевание пролетариата с мелкой буржуазией, Маркс и Энгельс, чуждые всякому сектантству, вовсе не отрицали значения совместных действий рабочих и мелкобуржуазных демократов на определенном этапе борьбы. Они разъясняли в «Обращении», что пролетарская партия для борьбы с контрреволюционными силами может вступать с демократами во временные союзы и блоки,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 233.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 262.

но она должна при этом сохранять свою самостоятельность и проводить независимую от мелкобуржуазной демократии революционную политику. С этой точки зрения рассматривается в «Обращении» и вопрос об участии рабочих в выборах в центральные и местные представительные учреждения. Подчеркивая необходимость такого участия, Маркс и Энгельс отмечали, что рабочий класс в противовес мелкобуржуазным демократам должен всюду выставлять своих собственных рабочих кандидатов, по возможности из числа членов Союза коммунистов. Маркс и Энгельс разъясняли, что вопреки стремлению мелкобуржуазных демократов быстрее закончить революцию, ограничившись проведением некоторых реформ, пролетариат заинтересован в непрерывном развитии и углублении революционного процесса.

Наброски учения о непрерывной революции содержались в предыдущих работах Маркса. Однако наиболее развернутую формулировку идея непрерывной революции получила в мартовском «Обращении».

Сущность Марксова учения о непрерывной революции заключалась в том, что революционный процесс должен пройти ряд фаз и между буржуазно-демократическим и пролетарским этапами революции не обязателен длительный период спокойного, неревolutionного развития. Напротив, Маркс и Энгельс допускали возможность сравнительно быстрого перехода от первого ко второму, причем перехода, который осуществится в обстановке постоянного нарастания революционной энергии масс, отстранения от власти буржуазных и мелкобуржуазных элементов вплоть до установления диктатуры пролетариата. Такой оборот событий основоположники марксизма считали наиболее благоприятным для трудящихся и всего исторического прогресса в целом. «...Наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти... Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества»¹.

В соответствии с этим авторы «Обращения» наметили программу действий пролетариата для обеспечения условий перехода к пролетарской революции. Рабочие должны наряду с новым официальным мелкобуржуазным правительством, которое возникнет в случае победы революции, образовать собственные революционные правительства в виде органов местного самоуправления или рабочих клубов и комитетов и поставить тем самым деятельность буржуазно-демократического правительства под контроль пролетариата. Кроме того, рабочим следует повсеместно вооружаться и создавать свои

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 261.

собственные военные организации, в том числе отряды пролетарской гвардии. В «рабочих правительствах» и военных организациях пролетариата Маркс и Энгельс видели силу, способную углубить и расширить революционный политический кризис. Они рассматривали эти «правительства» как зародыши будущей революционной власти пролетариата.

В «Обращении» затрагивался ряд проблем тактики пролетариата в аграрном вопросе. Развивая положения, сформулированные в «Требованиях Коммунистической партии в Германии», Маркс и Энгельс указывали, что рабочие должны добиваться после победы буржуазно-демократической революции превращения конфискованных феодальных поместий в государственную собственность, а не раздачи их крестьянам, как намеревались сделать мелкобуржуазные демократы. На этих землях следовало создавать крупные хозяйства ассоциированного сельского пролетариата. Этой мерой, по мнению Маркса и Энгельса, будут укреплены узы, связывающие рабочих с наиболее обездоленными и эксплуатируемыми слоями деревни, что было чрезвычайно важно для перехода к социалистической революции. Остальные слои крестьянства получают наглядный пример преимущества крупного земледелия, ведущегося на коллективных началах.

Авторы «Обращения» не ставили своей целью дать в нем развернутую программу по крестьянскому вопросу, акцентируя внимание лишь на задачах, встававших в этой области на второй, пролетарской фазе развития революции. Тем не менее отдельные аспекты великой идеи союза рабочего класса с крестьянством нашли здесь свое отражение. Это свидетельствует о том, что Маркс и Энгельс отводили ей серьезное место в своем учении о непрерывной революции. В противовес стремлению демократов создать устойчивый мелкобуржуазный крестьянский класс, в документе давалось понять, что только непрерывная революция сможет избавить немецких крестьян от последствий утверждения буржуазных отношений в сельском хозяйстве — обнищания и растущей задолженности. Поэтому объективно немецкие крестьяне, чтобы избежать судьбы своих французских собратьев, заинтересованы в победе пролетариата. С другой стороны, рабочий класс нуждается в опорных пунктах в деревне, в том числе, как считали Маркс и Энгельс, в виде крупных коллективных хозяйств на бывших помещичьих землях.

Все «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов» проникнуто единой идеей: необходимо продвинуть революцию как можно дальше вперед, вплоть до установления господства пролетариата. Боевой лозунг рабочих должен гласить: «Непрерывная революция!».

Мартовское «Обращение» было вручено Генриху Бауэру, посланному в конце марта 1850 г. Центральным комитетом в Германию для ускорения реорганизации Союза. Ему удалось с помощью членов

кёльнской и других общин Союза размножить и широко распространить этот документ.

Поездка Бауэра оказалась успешной. В результате его миссии помимо Кёльна были реорганизованы или созданы новые общины Союза во Франкфурте-на-Майне, Ханау, Майнце, Висбадене, Гамбурге, Шверине, Берлине, Бреславле, Гёттингене, Лигнице, Глогау, Лейпциге, Нюрнберге, Мюнхене, Бамберге, Вюрцбурге, Билефельде, Штутгарте и в ряде других мест. Общины Союза распространили свое влияние на многие рабочие легальные организации. По мысли Маркса и Энгельса, Союз коммунистов мог стать сильным и действенным лишь в том случае, если бы ему удалось наладить тесную связь с массами и превратить в свою опору легальные рабочие объединения.

Маркс предпринял также шаги для возрождения Союза коммунистов в других странах, в частности в Швейцарии, куда в качестве эмиссара отправился Эрнст Дронке. Однако результаты его миссии были довольно скромными. Это объяснялось прежде всего сильным мелкобуржуазным влиянием в среде швейцарской эмиграции.

В начале июня 1850 г. Маркс и Энгельс написали второе «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов». В нем содержалась подробная информация о состоянии организаций Союза в Германии, Бельгии, Швейцарии, Франции и Англии, а также давались указания деятелям Союза на местах по тактическим и организационным вопросам. Июньское «Обращение» было отправлено для распространения в Германии с эмиссаром Союза точильщиком Вильгельмом Клейном.

Важное значение для консолидации революционных сил имела деятельность Социал-демократического эмигрантского комитета в Лондоне. Его работа вышла за рамки организации помощи жертвам контрреволюции. Она все более приобретала ярко выраженную политическую направленность и способствовала восстановлению Союза коммунистов, сплочению вокруг него лучших сил политической эмиграции.

Все воззвания, отчеты и заявления Комитета помимо английских газет печатались также в немецкой демократической прессе. Они напоминали приверженцам освободительной борьбы в Германии, что революционные силы в эмиграции не бездействуют, а готовятся к новым битвам. Весьма важно было и то, что под всеми документами Комитета стояла подпись Маркса, хорошо известного в революционных кругах.

Усилия Маркса и его соратников по реорганизации Союза коммунистов дали плодотворные результаты. При этом особенно больших успехов Союз добился в Германии. Несмотря на отдельные неудачи, к середине 1850 г. Союз коммунистов стал функционировать как четко оформленная, слаженная организация, имеющая свои опорные пункты на местах.

Всемирное общество коммунистов-революционеров

Ожидая в скором времени новую европейскую революцию, Маркс считал, что интернациональное объединение революционных представителей рабочего класса разных стран будет способствовать ее победе. Весной 1850 г. он привлек представителей левого крыла чартистов и эмигрантов-бланкистов к созданию более широкой международной организации пролетариата, ядром которой мог бы стать Союз коммунистов. Это должно было повысить международное значение Союза и содействовать распространению идей Маркса и Энгельса в английском и французском рабочем движении.

К более тесному союзу с чартистами и бланкистами Маркса побуждало сознание той роли, которую они играли в освободительной борьбе рабочего класса, хотя он отлично видел и их слабости. Гарни, Джонс и другие представители левого крыла чартизма обнаружили тяготение к марксизму еще до революции 1848 г. В период общего спада пролетарской борьбы в Англии они продолжали выступать как выразители революционной тенденции в английском рабочем движении. Бланкисты из всех французских социалистических групп и течений были ближе всего к марксизму. Хотя мировоззрение Огюста Бланки и его ближайших сторонников в целом не выходило за пределы утопического коммунизма бабувистского толка и они продолжали придерживаться заговорщической тактики тайных революционных обществ 30-х гг., Маркс тем не менее питал большое уважение к Бланки, высоко ценил практический опыт и революционное чутье этого выдающегося политического борца. В годы революции Бланки находился на левом фланге демократического и пролетарского движения. Своей непреклонной позицией он снискал ненависть всех буржуазных кругов. Еще в апреле 1848 г. Бланки был брошен в тюрьму и приговорен к 10 годам лишения свободы. Маркс и Энгельс называли Бланки «благородным мучеником революционного коммунизма»¹. Воздав в «Классовой борьбе во Франции» должное этому отважному революционеру, Маркс искал пути для сближения с его приверженцами и совместных действий с ними.

В середине апреля 1850 г. в Лондоне было заключено соглашение об образовании Всемирного общества коммунистов-революционеров. От имени Союза коммунистов его подписали Маркс, Энгельс и Виллих, от имени левого крыла чартистов — Гарни, от имени эмигрантов-бланкистов — Видиль и Адан. Первая статья этого документа, в которой определялись программные основы Всемирного общества, гласила: «Целью общества является низложение всех

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 569.

привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариата путем поддержания непрерывной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой устройства человеческого рода»¹.

Таким образом, в программе Общества нашли отражение основополагающие марксистские идеи: о непрерывной революции и диктатуре пролетариата.

Однако связи с бланкистами оказались в то время непрочными. Вскоре они стали нарушать условия соглашения, пытаясь вступить в контакт с мелкобуржуазным Демократическим союзом — организацией, резко враждебной тем коммунистическим целям, о которых говорилось в статье первой договора о создании Всемирного общества коммунистов-революционеров. В дальнейшем лидеры эмигрантов-бланкистов заняли открыто враждебную позицию по отношению к Марксу и его сторонникам. Это побудило Маркса и Энгельса осенью 1850 г. расторгнуть соглашение с бланкистами.

Иначе складывались отношения Маркса и Энгельса с левыми чартистами. Еще до подписания соглашения о Всемирном обществе коммунистов-революционеров Маркс и Энгельс оказывали большую помощь Гарни в борьбе против реформистских примиренческих фракций, группировавшихся вокруг бывшего лидера движения О'Коннора. Они содействовали Гарни в создании журнала «Democratic Review» и пропаганде в нем революционных идей. После образования Всемирного общества связи Маркса и Энгельса с левым крылом чартизма еще более укрепились. Систематическим стало их участие в возрождаемой революционной чартистской прессе. На страницах «Democratic Review» печатались отрывки из работы Маркса «Классовая борьба во Франции», статьи Энгельса. В другом выходившем под редакцией Гарни журнале — «Red Republican» в ноябре 1850 г. был опубликован первый английский перевод «Манифеста Коммунистической партии».

Однако весной 1851 г. Гарни сблизился с мелкобуржуазными демократами и порвал с революционным крылом чартизма. Его позиция встретила резкое осуждение со стороны Маркса и Энгельса. Зато Джонса, сохранившего верность революционным чартистским традициям, они всемерно поддерживали. Восприняв ряд положений учения Маркса, он стремился не просто к возрождению чартистского движения, а к возрождению его на социалистической основе. В программе, принятой благодаря Джонсу на чартистском конвенте в 1851 г., впервые в истории чартизма официально провозглашались социалистические цели движения.

Маркс и Энгельс активно сотрудничали в издававшемся Джонсом в 1851—1852 гг. еженедельнике «Notes to the People». Маркс

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 551.

опубликовал, в частности, в этом журнале летом 1851 г. статью «Конституция Французской республики, принятая 4 ноября 1848 г.». Статья во многом дополняла критическую характеристику этой конституции, данную им в «Классовой борьбе во Франции». Он помог Джонсу написать серию статей по вопросу о кооперации. В них развенчивалась утопия о возможности ликвидации социальных бедствий пролетариата в рамках капиталистического строя посредством развития производственной и потребительской кооперации и разъяснялось, что кооперация лишь тогда сможет стать орудием социальных преобразований, когда политическая власть перейдет в руки рабочего класса. Вспоминая об этих статьях, Маркс писал в 1864 г., что он и Джонс по существу предвосхитили полемику против кооперативистских идей буржуазных теоретиков «рабочего вопроса» типа Шульце-Делича, заслугу разоблачения которых написал себе целиком Лассаль.

Маркс и Энгельс помогали Джонсу отстаивать принцип самостоятельности чартистского движения и бороться против попыток реформистских элементов лишить его пролетарского характера, подчинить его идейному и политическому влиянию буржуазных радикалов.

Рецензии в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue»

Важную сторону изучения уроков революции Маркс видел в уяснении влияния революционных событий на идеологическую сферу. Совместно с Энгельсом он написал несколько рецензий на книги буржуазных и мелкобуржуазных авторов, появившиеся в 1849—1850 гг. В этих рецензиях, опубликованных во втором и четвертом номерах «Revue», Маркс и Энгельс критиковали ту интерпретацию революционных событий 1848—1849 гг. и роли революций в истории в целом, которая исходила от идейных противников пролетариата. Они разобрали новейшие буржуазные исторические концепции, модные псевдосоциалистические теории, выяснили их классовый и политический смысл, дали им оценку с точки зрения революционного пролетарского движения.

С большой проницательностью Маркс и Энгельс уловили переломный рубеж в развитии взглядов буржуазных идеологов, который наступил в связи с революциями 1848—1849 гг. Они показали, что перед лицом развернувшихся в эти годы выступлений пролетариата даже прогрессивные в свое время буржуазные историки утратили способность к научно-объективному восприятию исторического процесса и по существу отреклись от собственных прежних рациональных идей.

Эту мысль Маркс и Энгельс развернули прежде всего в своем критическом разборе брошюры Ф. Гизо «Почему удалась англий-

ская революция?». Консервативный буржуазный политик Гизо как ученый принадлежал к блестящей плеяде историков периода Реставрации, признававших роль классовой борьбы в становлении современного буржуазного общества. Революция 1848 г. вызвала, однако, дальнейший сдвиг вправо в его мировоззрении. Его новая брошюра об английской революции, выпущенная в 1850 г., свидетельствовала, как отмечали Маркс и Энгельс, что «даже самые умные люди ancien régime [старого порядка], даже те, кому ни в коем случае нельзя отказать в своего рода таланте историка, до того сбиты с толку роковыми февральскими событиями, что утратили всякое понимание истории, даже понимание своих собственных прошлых поступков»¹.

Признававший в прошлом закономерность революций Гизо теперь стремился умалить их историческое значение и объявить революционные акты современной ему эпохи результатом случайных обстоятельств. В революционных событиях прошлых столетий Гизо выделял и изображал идеальными те, которые были связаны с меньшей ломкой традиционных институтов, развивались по компромиссному пути. Но и эти события он истолковывал идеалистически, уходя от выяснения их материальных и классовых причин.

В своей рецензии Маркс и Энгельс вскрыли полную несостоятельность рассуждения Гизо о том, что английская революция XVII в. «удалась», то есть обеспечила дальнейшее конституционное развитие Англии без революционных взрывов, якобы в силу своего религиозного характера, своей умеренности, в отличие от французской революции конца XVIII в., выступившей как разрушительная сила. Полемизируя с ним, они доказали превосходство французской революции над английской. Причину половинчатости и известной незавершенности английской революции, устойчивости конституционно-монархического устройства в Англии Маркс и Энгельс видели в длительном союзе между английской буржуазией и большей частью крупных землевладельцев, перестроивших на буржуазный лад свое хозяйство. В противоположность этому французская революция решительными революционными мерами, путем парцелирования, уничтожила крупное землевладение, феодальное по своей природе.

«Поистине... таланты буржуазии уходят», — такими словами заканчивалась рецензия на брошюру Гизо. Этот вывод подтверждался в значительной мере и эволюцией вправо взглядов видного английского историка и публициста Томаса Карлейля, книга которого «Современные памфлеты» стала также объектом специальной рецензии Маркса и Энгельса. Рецензия примечательна тем, что в ней развенчивается субъективно-идеалистическая концепция исторического процесса, в основе которой лежит реакционный «культ ге-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 218.

роев», противопоставление «мудрых и благородных» исторических деятелей массе, толпе. Под флагом культа личности, под покровом почитания героев, писали Маркс и Энгельс, Карлейль в действительности «оправдывает и даже усугубляет все гнусности буржуа»¹.

Раздувание и приукрашивание роли отдельных личностей было типичным и для мелкобуржуазной демократии. Против такого фальшивого возвеличения участников буржуазной и мелкобуржуазной оппозиции Маркс и Энгельс выступили в рецензии на книги о революционном движении во Франции двух французских полицейских агентов А. Шеню и Л. Делаода. «Было бы весьма желательно,— писали Маркс и Энгельс,— чтобы люди, стоявшие во главе партии движения,— будь то перед революцией, в тайных обществах или в печати, будь то в период революции, в качестве официальных лиц,— были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде. Во всех существующих описаниях эти лица никогда не изображаются в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих восторженно преобразенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения»².

В этой рецензии Маркс и Энгельс ярко выразили отрицательное отношение пролетарских революционеров к авантюризму, сектантству, заговорщической тактике в революционном движении. Заговорщики, эти «алхимики революции», подчеркивали авторы рецензии, ставят своей целью не организацию подлинной революционной борьбы, а стремятся к насильственному ускорению революционного процесса, к тому, чтобы «искусственно гнать его к кризису, делать революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий»³.

Банкротство идеологии немецкого мещанства, напуганного революцией, Маркс и Энгельс показали в рецензии на книгу немецкого теолога Даумера «Религия нового века». Раскрывая с материалистических позиций место религии в историческом процессе, как одной из форм общественного сознания, они обосновали неизбежность ее исчезновения по мере овладения людьми знанием подлинных законов общественного развития. Торжество материалистического мировоззрения не только в области естествознания, но и в области общественных наук,— такова, по мысли Маркса и Энгельса, одна из предпосылок преодоления религиозных предрассудков.

В последовательном разоблачении антинаучных социологических воззрений Маркс и Энгельс видели средство идейного воспитания участников пролетарской борьбы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 278.

² Там же. С. 280.

³ Там же. С. 287—288.

Международные обзоры. Оценка перспектив революции

На протяжении 1850 г. Маркс вместе с Энгельсом написали три международных обзора, которые были помещены во втором, четвертом и последнем номерах журнала «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*». В них был дан глубокий анализ текущих экономических и политических событий в европейских странах, Америке и Азии, делались новые прогнозы, подтвержденные ходом дальнейшего исторического развития. Пережитые в 1848—1849 гг. события побуждали Маркса и Энгельса уделять в этих обзорах самое серьезное внимание экономике. Доискиваясь до конечных причин этих событий, Маркс все больше убеждался в необходимости тщательного исследования экономических процессов.

В международных обзорах Маркс и Энгельс высказали положение о том, что экономические кризисы дают толчок революционным кризисам и что, наоборот, процветание в экономике задерживает революцию и создает почву для укрепления реакции. Впоследствии Маркс и Энгельс подробно развили эти соображения в своих письмах. Конспектируя их переписку, Ленин замечает: «Кризис подготавливает выступление пролетариата (как кавалерия атаку)»¹. В связи с высказыванием Энгельса о том, что долгий период процветания подействовал деморализующе, Ленин подчеркивает в своем конспекте: «Деморализация рабочих мирной эпохой»².

До середины 1850 г. Маркс и Энгельс были убеждены в скором наступлении революции. Они полагали, что в ближайшее время в Европе должен разразиться новый экономический кризис, который, в свою очередь, даст толчок новой революции. Эта точка зрения нашла отражение в первом и втором международных обзорах. Однако в результате более глубокого изучения новой экономической конъюнктуры, Маркс и Энгельс признали этот прогноз ошибочным и пришли к иным выводам относительно ближайших перспектив общественного развития Европы.

Оптимистические прогнозы о сроках наступления новой революции были отчасти вызваны присущей Марксу и Энгельсу в то время общей переоценкой зрелости капитализма и революционных возможностей пролетариата, их представлениями о том, что ожидаемая революция должна в силу этого вскоре принять социалистический характер. «История показала,— писал впоследствии, в 1895 г., Энгельс во введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции»,— что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития евро-

¹ Ленин В. И. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М., 1968. С. 30.

² Там же. С. 34.

пейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства»¹.

Изучив данные экономического развития за предшествующие десять лет, Маркс летом 1850 г. пришел к заключению, что последствия экономического кризиса 1847 г., сыгравшего огромную роль в подготовке революционных событий 1848 г., полностью изжиты и уже в период революции начался снова промышленный подъем. В 1849 и 1850 гг. он достиг значительного уровня и укрепил позиции европейской реакции. Эти выводы были обоснованы Марксом и Энгельсом в третьем международном обзоре, написанном ими осенью 1850 г. Показав на большом фактическом материале наличие экономического подъема в Англии, Франции, Германии и США, Маркс и Энгельс констатируют наступление временной неревolutionной полосы в развитии капиталистического общества. «При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна только в те периоды, когда *оба эти фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства, вступают между собой в противоречие... Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего*»².

Новая оценка перспектив революции привела к пересмотру Марксом и Энгельсом и тактики Союза коммунистов. Ориентировать Союз на вспышку революции в ближайшее время было уже нельзя. Следовало искать новые тактические формы партийной деятельности, исходя из сравнительно длительного периода господства реакции. Важно было убедить в этом и других членов Союза, его руководящее ядро. И тут Маркс и Энгельс как раз столкнулись с большими трудностями.

Борьба с сектантско-авантюристической фракцией Виллиха — Шаппера

Летом 1850 г. в Союзе коммунистов образовалась «левая» фракция, возглавляемая Августом Виллихом, коммунистом лишь по инстинкту, и Карлом Шаппером, не сумевшим целиком избавиться от сектантско-заговорческих традиций начального периода рабочего движения. Виллих, Шаппер и их сторонники не смогли уяснить особенностей новой исторической обстановки и учесть их при определении тактических задач рабочего движения. Они выступали

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 535.

² Там же. Т. 7. С. 467.

поборниками тактики, авантюристической по своему существу и особенно опасной в условиях спада революционного движения.

Разногласия между Марксом и Виллихом возникли еще зимой 1849—1850 г., когда Маркс выступил в Лондонском Коммунистическом просветительном обществе немецких рабочих с лекциями о «Манифесте Коммунистической партии». В них он проводил мысль, что коммунизм не может быть достигнут сразу, к нему можно прийти только через несколько фаз революционного развития, что прежде чем приступить к коммунистическим преобразованиям, необходимо разрешить задачи буржуазно-демократической революции. Виллих, далекий от понимания закономерностей развития общества и революционного процесса, отрицал необходимость определенных материальных предпосылок для установления коммунизма и намеревался учредить его одним махом, волей небольшого меньшинства.

Пока Маркс надеялся на скорый взрыв революции, идейные расхождения между ним и Виллихом не выступали на первый план. Положение, однако, изменилось после того, как летом 1850 г. Маркс и Энгельс, придя к выводу о временном наступлении неревolutionного периода в Европе, внесли уточнения в тактику Союза коммунистов. Сохраняя неизменным стратегический курс на неизбежность революции, они, однако, сочли основной задачей в сложившейся ситуации сохранение и соби́рание пролетарских кадров для новых боев, их теоретическую закалку.

Новая тактика была встречена в штыки Виллихом, Шаппером и их приверженцами. Они толкали Союз коммунистов на путь авантюристических действий, на немедленное развязывание революции в Германии. Это была вредная, авантюристическая «игра в революцию» вместо серьезной ее подготовки.

К середине сентября 1850 г. фракция Виллиха — Шаппера дезорганизовала работу Союза коммунистов в Лондоне. В нарушение устава она стала выступать против решений Центрального комитета в Просветительном обществе немецких рабочих, на общих собраниях Лондонского округа Союза коммунистов, в Социал-демократическом эмигрантском комитете. Фракционеры, составлявшие меньшинство в Центральном комитете, начали пропагандировать среди рабочих взгляды, прямо противоречащие «Манифесту Коммунистической партии» и обращениям ЦК.

На чрезвычайном заседании Центрального комитета 15 сентября 1850 г. произошел раскол. Представители большинства — Маркс, Энгельс, Шрамм, Пфендер, Бауэр, Эккариус — присутствовали на заседании в полном составе. Из группы, составлявшей меньшинство, явились Виллих, Шаппер и Леман. Френкель не смог прийти.

На заседании Маркс вскрыл истинную причину разногласий между большинством и меньшинством и показал, что они возникли не на личной почве, как потом утверждал Виллих, а носили глубоко

принципиальный характер. В своем выступлении Маркс разъяснил несостоятельность идейных и тактических позиций фракции Виллиха — Шаппера, ее стремления подменить действительные условия воображаемыми и приписать такому субъективному фактору, как воля, основную роль в революции. «На место универсальных воззрений Манифеста ставится немецкое национальное воззрение, льстящее национальному чувству немецких ремесленников,— говорил Маркс.— Вместо материалистического воззрения Манифеста выдвигается идеалистическое. Вместо действительных отношений главным в революции изображается *воля*. В то время как мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданской войны для того, чтобы изменить существующие условия и чтобы сделать самих себя способными к господству,— им, вместо этого, говорят: Мы должны *тотчас* достигнуть власти, или же мы можем лечь спать»¹.

Выступая против фракционеров, Маркс показал, что идейной основой их авантюризма в политике, сектантской, оторванной от жизни тактики являются волюнтаризм и субъективизм. При одобрении большинства он решительно отверг навязываемую Союзу группой Виллиха — Шаппера ориентацию на немедленный захват власти рабочим классом в Германии.

Маркс с полным основанием полагал, что большинство ЦК имеет предусмотренное уставом право исключить из Союза представителей меньшинства, как людей, взгляды которых противоречат принципам Союза. Однако он был против такого шага, так как рассчитывал, что под влиянием самой жизни они преодолют свои ошибки. Считая в то же время необходимым идейно порвать с фракцией Виллиха — Шаппера, Маркс предложил такую форму размежевания, которая не привела бы ни к расколу Союза, ни к переходу руководства в руки сектантских элементов: передать полномочия Центрального комитета Кёльнскому окружному комитету, а в Лондоне образовать два обособленных друг от друга округа — один из сторонников Маркса и Энгельса, другой — из сторонников Виллиха и Шаппера. Оба эти округа должны были состоять в том же самом Союзе и находиться под руководством одного и того же Центрального комитета, с которым каждый бы сносился самостоятельно, подчиняясь его решениям. Маркс несколько раз подчеркнул, что этот выход он предлагает ради сохранения единства Союза коммунистов.

От имени фракционеров Шаппер отклонил план Маркса. После окончания прений Виллих и Леман покинули заседание еще до голосования. Оставшийся на месте Шаппер демонстративно отказался принять в нем участие. Остальные участники заседания единодушно проголосовали за предложение Маркса.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 582.

Отказавшиеся подчиниться решению Центрального комитета Виллих, Шаппер и другие фракционеры провели на общем собрании Лондонского округа Союза коммунистов решение об образовании своего собственного Центрального комитета и об исключении из Союза Маркса, Энгельса и их сторонников. Они сумели добиться этого путем клеветы и спекуляции на ремесленнических предрассудках и наивной вере в близость революции многих членов организации. Новую сектантскую организацию Маркс и Энгельс иронически стали называть Зондербундом (Особым союзом) по аналогии с сепаратным объединением реакционных кантонов в Швейцарии в 40-х гг. XIX в.

Так как из-за раскольнического поведения фракции Маркс и Энгельс не смогли отстоять единства Союза, они сочли нецелесообразным сохранять и все прочие формы сотрудничества с группой Виллиха — Шаппера. 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и их сторонники заявили о своем выходе из Лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих, поскольку большинство его приняло сторону раскольников, а также из Социал-демократического эмигрантского комитета. В начале октября 1850 г. Маркс и Энгельс официально порвали с эмигрантами-бланкистами, поддерживавшими фракцию.

Во французских и швейцарских общинах, которые были весьма малочисленны и плохо организованы, Зондербунду удалось добиться преобладания. Однако почти все общины Союза коммунистов в Германии остались верными Марксу и Энгельсу.

Одобрив решения лондонцев от 15 сентября 1850 г., Кёльнский окружной комитет, поддерживаемый всеми кёльнскими коммунистами, конституировался в Центральный комитет. На заседании 29 сентября новый Центральный комитет аннулировал постановление Зондербунда об исключении Маркса, Энгельса и их сторонников из Союза, объявил распущенной лондонскую организацию и поручил Эккариусу и Шапперу образовать в Лондоне два самостоятельных округа¹.

Группа Виллиха — Шаппера отказалась подчиниться решениям Кёльнского Центрального комитета. Тогда вновь образованный Эккариусом из сторонников Маркса и Энгельса Лондонский округ 11 ноября 1850 г. обратился в Кёльнский ЦК с предложением исключить из Союза коммунистов всех членов Зондербунда. Кёльнский ЦК согласился с этим предложением и принял решение об их исключении.

После раскола Союза коммунистов группа Виллиха — Шаппера все больше перерождалась в узкую, оторванную от пролетарского движения секту. Фракционеры все более втягивались в авантюри-

¹ См.: Союз коммунистов — предшественник I Интернационала. С. 330—331.

стические затеи мелкобуржуазных эмигрантских кругов, а Зондербунд (он просуществовал до начала 1853 г.) превратился в простой придаток мелкобуржуазной эмиграции.

Переезд Энгельса в Манчестер. Переписка между друзьями

В ноябре 1850 г. Энгельс вынужден был переехать в Манчестер и начать работать в конторе фирмы «Эрмен и Энгельс». Его возвращение к «проклятой коммерции» было во многом продиктовано желанием оказывать систематическую материальную поддержку Марксу и его семье и создать ему условия для теоретической работы.

Несмотря на то, что Маркс и Энгельс жили теперь в разных городах, они по-прежнему находились в самом живом и постоянном духовном общении. Иногда Маркс ездил к Энгельсу в Манчестер, чтобы проделать вместе с ним ту или иную работу или отдохнуть. Энгельс тоже пользовался каждой возможностью, чтобы провести несколько дней с Марксом и его семьей в Лондоне. Однако главной формой связи между ними на долгие годы стала переписка. Регулярная отправка писем друг другу настолько вошла в привычку Маркса и Энгельса, что каждый даже небольшой перерыв в ней вызывал у того или другого острое беспокойство.

Переписка Маркса и Энгельса — своего рода летопись жизни и борьбы, составленная самими ее участниками. Наиболее ценной ее стороной является то, что она с большой полнотой отразила гигантскую теоретическую и практическую работу двух великих мыслителей, их творческое содружество в различных областях науки и революционной практики. Чрезвычайно дорожа мнением Энгельса, Маркс отдавал ему на суд свои научные открытия, наблюдения, выводы. В свою очередь, и Энгельс делился с Марксом ходом и результатами своих исследований.

Круг обсуждаемых вопросов был огромен. Друзья затрагивали в письмах проблемы философии и естествознания, политической экономии и социализма, истории и лингвистики, военного дела и техники, литературы и искусства. Переписка раскрывает картину развития всех составных частей их учения, а также творческого вклада в ряд специальных областей знания. Во многих случаях письма отражали и литературные планы Маркса и Энгельса, оставшиеся по ряду причин нереализованными. Поэтому наряду с набросками важных положений, сформулированных потом в более законченном виде в печатных трудах, в письмах имеются и ценнейшие мысли, которые не нашли развития в опубликованных произведениях.

Постоянно обсуждались и подвергались критическому рассмотрению в письмах взгляды буржуазных ученых. Нередко высказан-

ные замечания носили обобщающий характер, вскрывали существенные черты буржуазной исторической, философской и экономической науки. Многие страницы переписки заполнены оценками прочитанных книг, откликами на те или иные выдающиеся события в науке, на выход в свет важных работ.

В поле зрения Маркса и Энгельса постоянно была и сама живая действительность: экономические и социальные процессы, происходящие в окружающем мире, политические события в разных странах. Записи иногда служили материалом для статей и корреспонденций. Оценка политических деятелей в переписке, как правило, отличалась большей остротой, чем в статьях и корреспонденциях, так как здесь Маркс и Энгельс могли гораздо откровеннее выражать свое мнение.

Значительное место в письмах занимали вопросы стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата. Здесь особенно наглядно видно, какое огромное внимание уделяли Маркс и Энгельс положению рабочего класса в разных странах, различным формам сопротивления пролетариата капиталистам, освободительному движению его союзников — крестьянства, народов угнетенных стран, работе пролетарской тактической линии по ряду вопросов. Характеризуя эту сторону переписки Маркса и Энгельса, В. И. Ленин отмечал: «Перед читателем проходит с поразительной живостью история рабочего движения всего мира — в самые важнейшие моменты и в наиболее существенных пунктах. Еще ценнее история *политики* рабочего класса. По самым различным поводам, в разных странах старого мира и в новом мире, в различные исторические моменты Маркс и Энгельс обсуждают наиболее принципиальное относительно *постановки* вопросов о *политических* задачах рабочего класса»¹.

В. И. Ленин не раз указывал на огромное идейное богатство переписки Маркса и Энгельса. Он рассматривал ее как важнейшую часть сокровищницы марксистской мысли. «Если попытаться,— писал В. И. Ленин,— одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки,— тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее,— к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,— вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 263—264.

² Там же. С. 264.

План нового выступления против Прудона

В июле 1851 г. Маркс прочитал только что вышедшую в Париже книгу Прудона «Общая идея революции в XIX веке». В книге особенно рельефно отразились характерные черты мировоззрения Прудона как одного из идеологов мелкобуржуазного социализма, присущие ему реформистские и антиреволюционные тенденции. В новой работе Прудон проповедовал утопическую программу осуществления социальной революции мирным, чисто «экономическим путем» посредством организации взаимопомощи и кредита, основания обменного банка, понижения ссудного процента и тому подобных реформ. По его мнению, они должны были привести к основанию «общества без власти». Полнее, по сравнению с предыдущими работами Прудона, в этой книге излагались его анархистские взгляды. Он решительно отвергал всякую мысль об использовании политической власти в революционных и социалистических целях, объявлял любое государственное устройство реакционным, а демократию — лишней ценностью.

Ознакомившись с книгой Прудона, Маркс пришел к решению выступить в печати с ее критикой. Это было тем более важно, что прудонизм стал уже оформляться как определенное мелкобуржуазное реформистское течение, особенно опасное для рабочего класса в условиях реакции. После поражения революции наименее устойчивая его часть переживала апатию и уныние, сомневалась в целесообразности политической борьбы. Призывы Прудона к классовому миру и к решению социального вопроса путем реформ, его проповедь политического индифферентизма получили отклик среди этих элементов, принося колоссальный вред делу воспитания пролетариата в революционном духе.

В письмах Энгельсу 8 и 14 августа 1851 г. Маркс изложил основную концепцию книги Прудона, расценив ее в целом как «полемику против коммунизма»¹. Сообщая о своем намерении написать полемическую работу против Прудона, он просил Энгельса прислать замечания о новом прудоновском опусе.

Энгельс живо откликнулся на просьбу Маркса. В конце октября он отослал в Лондон критический разбор книги Прудона. Маркс с большим одобрением отозвался о комментариях Энгельса. «Я прочел здесь еще раз твою критику, — писал он ему 24 ноября 1851 г. — Жаль, что нет возможности ее напечатать. Если бы я еще добавил туда свою горчицу, она могла бы появиться под нашим общим именем...»² Мысль использовать материалы Энгельса для опубликования полемического сочинения против Прудона долго не покидала Маркса. Он ждал возможности для реализации этого плана. И, казалось

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 279.

² Там же. С. 333.

бы, она появилась. Осенью 1851 г. в США эмигрировал Иосиф Вейдемейер. В середине декабря Маркс узнал из его письма, что с января 1852 г. он собирается выпускать в Нью-Йорке еженедельный коммунистический журнал «Die Revolution». Вейдемейер приглашал Маркса и Энгельса сотрудничать в этом издании. Маркс попросил Вейдемейера дать в еженедельнике объявление о предстоящей публикации антипрудоновского памфлета. «Ты можешь объявить,— писал он 19 декабря 1851 г.,— что в дальнейших номерах будет печататься непрерывно отдельными статьями моя работа: «Новейшие откровения социализма, или «Общая идея революции в XIX веке» П. Ж. Прудона. Критика Карла Маркса»¹. В январе 1852 г. на страницах первого номера журнала такое объявление было напечатано.

Однако проект выступления против Прудона осуществить не удалось. До апреля 1852 г. Маркс был всецело поглощен работой, посвященной оценке только что происшедшего бонапартистского переворота во Франции, считая ее более неотложной. Когда же он освободился, шансы на публикацию памфлета против Прудона исчезли, так как журнал «Revolution» в качестве периодического издания уже прекратил свое существование из-за недостатка у его редактора средств.

«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»

2 декабря 1851 г. сторонники президента Луи Бонапарта совершили государственный переворот, разогнав Законодательное собрание. Во Франции установилась бонапартистская диктатура. Через год Луи Бонапарт объявил себя императором Наполеоном III.

В письме 16 декабря 1851 г. Энгельс подал Марксу мысль написать статью о французских событиях для журнала Вейдемейера «Revolution». Маркс тут же взялся за дело. Однако работа значительно переросла рамки статьи. За короткое время Маркс создал одно из самых замечательных своих произведений — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Последнюю, седьмую главу Маркс отправил в Нью-Йорк 25 марта 1852 г.

В ходе написания «Восемнадцатого брюмера» Маркс постоянно обменивался мыслями с Энгельсом и учитывал его советы. В качестве источника он, кроме прессы и официальных материалов, использовал также письма проживавшего в Париже секретаря Гейне Рихарда Рейнхардта. Ряд важных сведений Маркс почерпнул из бесед с французскими революционными эмигрантами.

Работать над новым произведением Марксу пришлось в тяжелых условиях. В течение почти всего января он серьезно болел. Мате-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 519.

риальное положение его семьи было столь бедственным, что в февралe ему пришлось заложить одежду, и он не мог посещать библиотеку. Однако, несмотря на все это, Маркс самозабвенно работал над своим произведением, придав ему редкую по отточенности стиля и художественной выразительности форму. «Слова «Восемнадцатого брюмера» — стрелы и копья, его стиль клеймит и убивает, — писал Вильгельм Либкнехт. — Если когда-либо ненависть, презрение, пламенная любовь к свободе нашли свое выражение в жгучих, уничтожающих, возвышающих словах, то именно в «Восемнадцатом брюмера», в котором соединились негодующая суровость Тацита, убийственная шутка Ювенала и священный гнев Данте»¹.

При опубликовании новой работы Марксу пришлось столкнуться с большими трудностями. Еженедельник Вейдемейера оказался недолговечным. Лишь в мае 1852 г. Вейдемейер смог издать «Восемнадцатое брюмера» отдельной книгой в виде первого «непериодического выпуска» журнала «*Revolution*». Попытки Маркса переиздать свое произведение в Германии или Англии оказались безрезультатными.

В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», как и в «Классовой борьбе во Франции», Маркс снова обращается к опыту французской революции 1848—1849 гг., рассматривая все перипетии политической жизни Франции под углом зрения их конечного результата — бонапартистского переворота 2 декабря.

Буржуазные и мелкобуржуазные современники Маркса не сумели объяснить социальных причин и подлинного смысла того, что произошло во Франции. Виктор Гюго в выпущенном почти одновременно с произведением Маркса памфлете «Наполеон Малый», желая развенчать героя государственного переворота, на деле чрезвычайно возвысил его. Он изображал происшедшее как результат злой воли французского президента — личности довольно посредственной, приписав ему, как позднее указывал Маркс, «беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы»². В изданной тогда же книге Прудона «Социальная революция в свете государственного переворота 2 декабря» попытка объяснения переворота превратилась в фальшивое оправдание его главного участника, в апологию бонапартизма. Лишь Марксу удалось распутать клубок сложных социальных и политических явлений, приведших Францию к государственному перевороту, и раскрыть его подлинный характер. «Такое превосходное понимание живой истории современности, такое ясное проникновение в смысл событий в тот самый момент, когда они происходили, поистине беспримерно», — писал Энгельс о той мощи исторического анализа, которую обнаружил Маркс в своей работе³.

¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 214.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 375.

³ Там же. Т. 21. С. 258.

Для Маркса ключом к истолкованию французских событий служило открытое им материалистическое понимание истории, его теория классовой борьбы. Он рассматривает бонапартистский переворот как неизбежный результат развития борьбы классов во Франции, ход которой создал «условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя»¹. Классовые антагонизмы буржуазного общества, отмечает Маркс, достигли во Франции той стадии, когда всякое дальнейшее углубление революции повлекло бы за собой осуществление социалистических мероприятий. Поэтому буржуазия отказалась от таких непосредственных и чистых форм своего господства, как буржуазная республика, и ради сохранения эксплуататорского строя передала власть в руки реакционной клики оголтелых авантюристов. Маркс видит, таким образом, в бонапартистском перевороте закономерное следствие усиления контрреволюционности буржуазии. Бонапартистский режим возник как результат такого соотношения классовых сил, при котором буржуазия уже не могла господствовать с помощью обычных парламентских методов, а пролетариат был еще чересчур слаб, чтобы успешно воспротивиться ее контрреволюционным поползновениям.

Показывая, что бонапартизм является диктатурой наиболее контрреволюционных элементов буржуазии, Маркс вскрыл его отличительные черты: политику лавирования между классами, создающую известную самостоятельность государственной власти, грубую демагогию, прикрывающую защиту интересов эксплуататорской верхушки и сочетающуюся с политическим террором, всеислие военщины, продажность и коррупцию, использование преступного мира, шантажа, подкупа и других грязных средств. Уже на опыте первых месяцев существования бонапартистского режима Маркс обнажил присущие ему внутренние противоречия. В момент, когда бонапартистская клика еще только праздновала победу, он пророчески предсказал обреченность этого режима.

Прослеживая позиции различных партий Франции, Маркс вскрыл характерные черты истории буржуазного общества, отражение в политической и идеологической сфере социальных процессов, столкновения различных классов. Важным вкладом в развитие исторического материализма является обоснование им положения о необходимости делать различие между объективной стороной социальных и политических явлений и тем, как они преломляются в сознании самих участников событий. Маркс писал, что «в исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной сущностью»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16 С. 375.

² Там же. Т. 8. С. 145.

Весьма важны мысли Маркса о соотношении между идеологами, политическими и литературными представителями того или иного класса и самим классом. Маркс предупреждает против того вульгарного воззрения, будто идеологи должны обязательно занимать то же общественное положение или вести тот же образ жизни, что и вся масса представляемого ими класса, будто, например, идеологи мелкой буржуазии должны быть лавочниками, владельцами мелких мастерских. Идеологом определенного класса тот или иной политик или писатель становится потому, разъясняет Маркс, что теоретически он приходит к тем же самым задачам и выводам, к которым рядовых представителей этого класса приводят их непосредственные материальные интересы, их жизненная практика.

Большое внимание Маркс уделяет положению самого многочисленного класса французского общества — крестьянства, его отношению к революции и бонапартистскому перевороту. Он отмечает, что оно отдало голоса Луи Бонапарту в силу своей политической отсталости и забитости, оторванности от культурной и политической жизни городов. Буржуазные правительства Второй республики своими налоговыми поборами разочаровывали крестьян в революции и толкали их на поддержку Бонапарта. Этому же способствовала привязанность к парцелле мелких собственников, видевших в представителе наполеоновской династии своего традиционного покровителя. «Историческая традиция,— пишет Маркс,— породила мистическую веру французских крестьян в то, что человек по имени Наполеон возвратит им все утраченные блага»¹.

Маркс вскрывает двойственную социальную природу крестьянина, подчеркивая, что в его мировоззрении соответственно заложены две тенденции — революционная и консервативная. Наряду со стремлением сохранить и укрепить парцеллу и порождаемые ею традиционные условия существования, жизнь вызывает у крестьянина и противоположное стремление вырваться из этих условий. Бонапарт, указывает Маркс, нашел себе временную опору как раз в консервативных устремлениях крестьянина. «Династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого...»² Неизбежное разорение парцельного хозяйства и закабаление его ростовщическим капиталом должно, отмечает Маркс, освободить крестьянина от вредного влияния «наполеоновских идей». И если предрассудки толкнули крестьянина в объятия династии Бонапарта, то рассудок, осознание им своих интересов должны привести его к единству действий с рабочим классом. «Крестьяне,— пишет Маркс,— поэтому находят своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате*, призванном ниспровергнуть

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 208.

² Там же. С. 209.

буржуазный порядок»¹. При этом Маркс подчеркивает, что в лице крестьян *«пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»*².

Маркс, таким образом, дал здесь еще более полное обоснование положения о союзе рабочего класса с крестьянством при руководящей роли пролетариата. Четырьмя годами позже он развил эту идею о значении союза рабочих и крестьян применительно к германским условиям, в связи с перспективами революционной борьбы в этой стране. В письме к Энгельсу 16 апреля 1856 г. он указывал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно»³.

В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» получила дальнейшее развитие сама теория революции. Маркс вновь подчеркнул, что революции являются могучим ускорителем общественных процессов, заставляют их развиваться «по способу сокращенному»⁴. С еще большей четкостью провел он здесь грань между буржуазными и пролетарскими революциями. В то время как первые «скоропреходящи, быстро достигают своего апогея», пролетарские революции представляют собой не кратковременную вспышку, а длительную полосу коренных преобразований общества. Законом их развития, говорит Маркс, является то, что они «постоянно критикуют сами себя», иными словами, им органически чуждо всякое проявление консерватизма, им свойственны неудовлетворенность достигнутым, выявление и преодоление собственных ошибок и непоследовательностей. Они отличаются неукротимым стремлением к движению вперед.

Огромное теоретическое значение имеет выдвинутое Марксом в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» положение об отношении пролетарской революции к буржуазному государству. В этой работе на основе опыта революций 1848—1849 гг. Маркс впервые формулирует вывод о необходимости слома победившим пролетариатом старой государственной машины. Проследившая на примере Франции возникновение и развитие военно-бюрократического государственного аппарата, Маркс доказывает, что «все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее»⁵. Пролетарская революция, нуждающаяся в совершенно ином типе власти, не может просто овладеть существующей государственной машиной буржуазии и пустить ее в ход, оставив в неприкосновенности это эксплуататорское по своей природе орудие угнетения тру-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 211.

² Там же. С. 607.

³ Там же. Т. 29. С. 37.

⁴ См. там же. Т. 8. С. 122.

⁵ Там же. С. 206.

дящихся масс. Поэтому, говорит Маркс, задача пролетарской революции состоит в том, чтобы «сконцентрировать против нее все свои силы разрушения»¹.

Анализируя эти выводы Маркса, В. И. Ленин писал: «В этом замечательном рассуждении марксизм делает громадный шаг вперед по сравнению с «Коммунистическим Манифестом». Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве»².

В ходе работы над «Восемнадцатым брюмера Луи Бонапарта» Маркс еще глубже осмыслил главное отличие своего учения о классах и классовой борьбе от взглядов тех буржуазных экономистов и историков, которые признавали существование классовых противоречий. Он сумел найти и необычайно ясную формулировку для характеристики этого коренного отличия. Свои выводы он суммировал в письме Вейдемейеру 5 марта 1852 г. «Что касается меня,— писал своему другу Маркс,— то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»³.

Критика мелкобуржуазной демократии. Памфлет «Великие мужи эмиграции»

Отстаивая чистоту идейных и тактических позиций пролетарских революционеров, Маркс всячески стремился оградить пролетарские круги от буржуазного и мелкобуржуазного влияния. Серьезный ущерб демократическому и рабочему движению наносила крикливая и шумная деятельность различных демократических эмигрантских группировок. Мелкобуржуазные эмигранты в Лондоне, Швейцарии, США выпускали трескучие прокламации и манифесты, в ко-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 205.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 28.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 424—427.

торых возвещалась близость нового революционного взрыва, формировали комитеты и временные правительства, стремясь искусственно поддержать авторитет своих лидеров, обанкротившихся в годы революции.

Маркс и Энгельс считали необходимым публично раскрыть авантюристический характер деятельности представителей мелкобуржуазной эмиграции, показать истинный облик многих эмигрантских «знаменитостей». К этому их побуждали также направленные против коммунистов злобные выпады, клевета и инсинуации главарей эмигрантских группировок и примыкавших к ним лидеров Зондербунда.

Весной 1851 г. Маркс и Энгельс выступили в печати с разоблачением организаторов так называемого «банкета равных» — собрания, созданного в Лондоне по случаю третьей годовщины февральской революции во Франции. Устроители собрания — Блан, Виллих и другие — скрыли от присутствовавших текст речи, которую Бланки сумел переслать на банкет из тюрьмы Бель-Иль. В ней он разоблачал предательское поведение членов французского временного правительства, в том числе Блана и Ледрю-Роллена. Маркс и Энгельс перевели эту речь на немецкий и английский языки и написали к ней краткое предисловие, в котором затрагивалась неприглядная история с ее умолчанием на «банкете равных».

Острой критике подверг Маркс лидеров мелкобуржуазной эмиграции и в ряде писем разным корреспондентам. Он разоблачал карьеризм и погоню за популярностью представителей эмигрантских кругов, заранее распределивших между собой высокие посты в будущих республиканских правительствах, высмеивал авантюристическую затею с распространением немецко-американского революционного займа, предназначенного для немедленной организации революции.

В апреле 1852 г. у Маркса созрел замысел написать вместе с Энгельсом специальный памфлет, направленный против лидеров мелкобуржуазной эмиграции. В течение мая — июня Маркс и Энгельс создали большое полемическое произведение, проделав значительную часть работы совместно во время пребывания Маркса в Манчестере. Они назвали его «Великие мужи эмиграции». В начале июля рукопись была отдана для напечатания в Германии предложившему свои услуги венгерскому эмигранту Бандье, находившемуся в близких отношениях с видными венгерскими революционерами. Однако вскоре стало известно, что Бандья — полицейский агент (Маркс позднее неоднократно разоблачал его в печати). Рукопись памфлета Бандья продал прусской полиции. У Маркса сохранился черновик, и он сделал несколько новых попыток издать памфлет в Германии и за ее пределами, в частности в США. Однако эти попытки не увенчались успехом. Впервые памфлет увидел свет лишь в 1930 г. в Советском Союзе.

Памфлет «Великие мужи эмиграции» представляет собой блестящую политическую сатиру на немецкие мелкобуржуазные эмигрантские круги начала 50-х гг. XIX в., подменявшие подлинную революционную деятельность бесплодной и псевдореволюционной болтовней. Он проникнут непримиримостью ко всякому опошлению великого революционного дела. В ярких художественных красках Маркс и Энгельс нарисовали портретную галерею «великих мужей» эмиграции, раскрыли неприглядную картину их нравов, пошлость и убожество их духовного мира, присущую им крайнюю неустойчивость в политике. Авторы памфлета приоткрыли завесу над буднями эмигрантской жизни немецких мелкобуржуазных лидеров и показали, что под маской принципиальных споров скрывается «война мышей и лягушек» — мелочная грызня и дразги различных эмигрантских клик. Тем самым были осуждены всякое пустозвонство и позерство, демагогическая спекуляция революционными фразами.

Особая опасность авантюристических действий эмигрантских лидеров — Кинкеля, Струве, Руге, Гейнца и др. — заключалась в том, что они давали «правительствам желанный повод подвергнуть аресту множество людей в Германии, повсюду внутри страны жазать в тиски всякое движение и нагнать страх на немецкого мещанина, пользуясь жалкими лондонскими соломенными чучелами, как огородными пугалами»¹.

В памфлете Маркс и Энгельс нашли способ изобличить также сектантскую группу Виллиха — Шаппера, хотя из конспиративных соображений они не могли открыто говорить о расколе Союза коммунистов и своих разногласиях с фракционерами. Поэтому авторы поместили Виллиха в общую галерею эмигрантских деятелей, тем более, что его мелкобуржуазные воззрения мало чем отличались от взглядов остальных «великих мужей». Маркс и Энгельс показали, что Виллих не способен понять большие стратегические и тактические задачи, стоящие перед революционным движением. Он обрисован как человек навязчивых идей с ограниченным кругозором и фанатическим упрямством. Вся его деятельность была проникнута стремлением подчинить общие интересы всего движения интересам узкой сектантской группы.

Кёльнский процесс коммунистов

В мае — июне 1851 г. по Германии прокатилась волна арестов, жертвами которых стали многие активные деятели Союза коммунистов, в том числе Нотъюнг, Бюргерс, Даниельс, Герман Беккер, Рёзер, Лесснер и др.

Стремясь окончательно задушить революционное движение, силы реакции готовили удар прежде всего против приверженцев

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 335.

Маркса и Энгельса. Наиболее дальновидные представители полицейских властей отлично сознавали, что не в ультрареволюционной шумихе участников различных эмигрантских организаций, а в строго законспирированной, самоотверженной деятельности пролетарских революционеров, группировавшихся вокруг Маркса, таится настоящая угроза для существующего строя. В секретных сводках берлинского полицейского-президиума за апрель 1852 г., основанных на донесениях из Лондона, сообщалось: «Уже сейчас можно с полным основанием сказать о партии Маркса — Энгельса, что она стоит намного выше всех членов «Эмиграций», «Агитаций» и центральных комитетов, ибо она, бесспорно, располагает гораздо большей силой знаний и таланта. Сам Маркс — известная личность, и следует признать, что у него в одном кончике пальца больше ума, чем в головах всей прочей компании»¹.

Прусское правительство решило устроить против арестованных членов Союза коммунистов судебный процесс в Кёльне, приписав им участие в «носящем характер государственной измены заговоре». Этот процесс, которому намеренно придавались широкие масштабы, прусские власти рассчитывали использовать как повод не только для окончательного разгрома рабочих организаций, но и для уничтожения демократической и даже либеральной оппозиции.

Главной фигурой в организации процесса, к которому приложили руку и самые высокопоставленные лица, включая прусского короля, был полицейский чиновник Штибер. На него и его подручных была возложена миссия добыть доказательства виновности арестованных. Штибер действовал в тесном контакте с руководителями полиции Франции и других стран. В Лондоне его секретные поручения выполняла целая группа шпионов: атташе прусского посольства Грейф, купец Флэри, торговый служащий Гирш и др. За видными коммунистами, проживавшими в столице Англии, была установлена слежка. Гиршу удалось даже втереться в декабре 1851 г. в круг лондонских коммунистов-эмигрантов, но он очень скоро был заподозрен в связях с полицией и с позором изгнан из Лондонского округа Союза коммунистов. Марксом и его друзьями были приняты необходимые меры предосторожности, изменено место и время еженедельных собраний членов Союза.

Задача, которую ставили полицейские провокаторы, облегчалась авантюристическим поведением представителей фракции Виллиха — Шаппера, а также той беспечностью, с которой они относились к хранению партийных документов и к соблюдению партийной тайны. Уже летом 1851 г. Флэри удалось в Лондоне выкрасть архив Зондербунда. Осенью этого же года совместными усилиями прусской и французской полиции в Париже было сфабриковано дело

¹ Obermann K. Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten 1849 bis 1852. В., 1955. S. 92.

о так называемом немецко-французском заговоре, в организации которого обвинялись лица, принадлежавшие к Зондербунду. Используя, в частности, выкраденные документы, полиция и следственные органы Пруссии пустили в ход лживую версию, будто между сторонниками Маркса и приверженцами Виллиха существовали лишь личные разногласия, а тактическая платформа у них общая, поэтому кёльнские обвиняемые должны нести ответственность за все выступления и документы виллих-шапперовского союза. Именно в таком духе было составлено обвинительное заключение.

После полутора лет предварительного следствия, 4 октября 1852 г., начался кёльнский процесс над одиннадцатью коммунистами.

С момента получения известия об аресте коммунистов Маркс с напряженным вниманием следил за судьбой своих товарищей, постоянно поддерживая связь с Германией. О положении заключенных его регулярно информировал кёльнский юрист Адольф Бермбах, который выступил на процессе свидетелем защиты. В течение многих месяцев усилия Маркса, Энгельса и их соратников были направлены на то, чтобы оказать помощь обвиняемым и разоблачить гнусные методы и произвол прусского правительства и полиции. 1 декабря 1851 г. Маркс послал в Париж ряд заявлений для печати. Однако бонапартистский переворот, произошедший на другой день, помешал опубликованию этих материалов. В конце января 1852 г. Маркс и Энгельс направили письмо в английские буржуазные газеты «Times» и «Daily News». В нем они приводили факты жестокого обращения с заключенными и указывали на незаконные действия прусских судебных властей, начавших следствие заново даже после решения одной из судебных инстанций об отсутствии состава преступления. Но и это письмо Маркса и Энгельса не было напечатано.

Особенно энергичной стала деятельность Маркса в поддержку своих товарищей по партии во время процесса в кёльнском суде присяжных. На этот раз Марксу и Энгельсу удалось выступить перед общественным мнением с разоблачением прусских властей. 28 и 30 октября они опубликовали в пяти английских газетах заявление, подписанное, помимо них, также Вольфом и Фрейлигратом. В заявлении процесс был охарактеризован как серия «совершенных полицией мошеннических проделок, клятвпреступлений, подделок документов, подтасовок дат, краж и т. д., которые не имеют прецедентов даже в анналах прусской политической юстиции»¹.

В дни кёльнского процесса Маркс фактически сосредоточил в своих руках защиту подсудимых. Почти ежедневно он обменивался письмами с Энгельсом, обсуждая с ним наиболее эффективные способы помощи кёльнским коммунистам. Проявив большую изобретательность и незаурядные качества конспиратора-револю-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 397—398.

ционера, Маркс организовал, несмотря на многочисленные препятствия и фактический негласный надзор, установленный за ним прусской полицией, доставку в Кёльн материалов, опровергающих предъявленные коммунистам обвинения. Зная, что его переписка перлюстрировалась и конфисковывалась, Маркс отправлял письма с необходимыми материалами и документами окольными путями, через Франкфурт, Дюссельдорф, Париж и другие города. Для надежности он часто дублировал их и посылал сразу несколько копий. Чтобы сбить с толку полицейских ищек, многие письма отправлялись под видом коммерческой корреспонденции по адресам, которые давал Энгельс, нередко не из Лондона, а из Манчестера и других городов. Таким путем Маркс регулярно переправлял своим оставшимся на свободе кёльнским друзьям документы, давая в руки защитников средство разоблачения всей системы подлых методов, с помощью которых был сфабрикован процесс, и по существу определяя линию их поведения на суде.

Атмосферу огромной напряженности, в которой жил Маркс в течение пяти недель процесса, ярко обрисовала Женни Маркс в письме 28 октября 1852 г. члену Союза коммунистов Адольфу Клуусу, эмигрировавшему в США. «Вы, конечно, понимаете, что «партия Маркса» работает днем и ночью, работает головой, руками и ногами... У нас теперь тут целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раздобывают пенсы, чтобы те, которые пишут, могли существовать и бросать в лицо старому официальному миру доказательств неслыханнейшего скандала. А вдобавок ко всему раздастся пение и свист трех моих неугомонных ребят, которые то и дело получают нагоняй от своего строгого папы»¹.

Маркс разгадал весь механизм процесса, все его скрытые пружины, хотя прусское правительство держало в строгой тайне значительную часть обвинительного материала вплоть до самого момента обнародования его на процессе. Он сразу же нащупал наиболее уязвимые места обвинения и стремился именно в этих пунктах нанести сокрушительный ответный удар. Немедленно по получении немецких газет, публиковавших новые факты о процессе, Маркс брался за перо и сообщал адвокатам свои соображения и необходимую информацию.

Для того чтобы защита опровергла причастность подсудимых к заговорщической деятельности, Маркс послал адвокату Шнейдеру два разъяснения, пользуясь которыми тот смог отличить документы Союза коммунистов от документов Зондербунда и показать их принципиальное различие². Маркс отправил в Кёльн данные, доказывающие полную невиновность кёльнских обвиняемых и Союза коммунистов в целом. Особенно важным Маркс считал разоблачение

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 542, 544.

² См. там же. С. 141.

такой фальшивки, как «подлинная книга протоколов» Центрального комитета Союза коммунистов, представленная Штибером на заседании 23 октября в качестве главного обвинительного материала. Маркс помог адвокатам доказать, что эта «книга» — грязная подделка, состряпанная самим Штибером на основе вымышленных донесений полицейского агента. Он предоставил защите целый ряд документов, в том числе образцы почерков членов Союза коммунистов Либкнехта и Рингса, которым Штибер приписал ведение мнимых протоколов. Благодаря Марксу Штибер и другие организаторы процесса были буквально приперты к стене адвокатами обвиняемых. Прокурор Зедт вынужден был публично признать штиберовскую книгу протоколов «недостовойной».

С помощью Маркса и Энгельса защитники подсудимых полностью опровергли все предъявленные арестованным коммунистам вздорные обвинения, на фабрикации которых прусские полицейские и судебные власти потратили полтора года. Посланные из Лондона в Кёльн обличительные материалы, по словам Маркса, заложили контрмину, от которой суждено было взлететь на воздух всему правительственному обману¹.

И все же, несмотря на отсутствие улик, большинству заключенных 12 ноября 1852 г. был вынесен обвинительный приговор. Подсудимые фактически были заранее осуждены, потому что в их лице, как писал Маркс, «перед господствующими классами, представленными судом присяжных, стоял безоружный революционный пролетариат»². Чтобы не допустить оправдания коммунистов, правительство подобрало беспрецедентный в истории Рейнской провинции состав присяжных: шестерых реакционеров-дворян, четырех представителей финансовой аристократии и двух высших чиновников. Семь подсудимых были приговорены к заключению в крепости: Бюргерс, Нотьюнг и Рёзер — к 6 годам, Рейф, Отто и Беккер — к 5 годам, Лесснер — к 3 годам. Четверо — Даниельс, Клейн, Якоби и Эрхардт — были оправданы.

После процесса по инициативе Маркса в Лондоне был создан комитет по оказанию материальной помощи осужденным коммунистам и их семьям. В него вошли многие соратники Маркса. От имени комитета Маркс написал 7 декабря 1852 г. воззвание, в котором, обращаясь к рабочим США, указывал, что облегчение участи передовых борцов пролетариата является обязанностью каждого сознательного рабочего.

Своим партийным долгом Маркс считал также разоблачить в специальной брошюре прусское государство и те методы, которые оно применяло в борьбе с коммунистическим движением. Замысел такой работы родился у Маркса в дни процесса. Он приступил к ее

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 140.

² Там же. Т. 8. С. 490.

написанию еще в конце октября и закончил в начале декабря 1852 г. Своей брошюрой Маркс придал остро сатирическую, памфлетную форму, назвав ее «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Работа над брошюрой протекала при особенно тяжелых обстоятельствах, так как Маркс и его семья переживали в то время исключительно острую нужду. Пересылая рукопись брошюры Адольфу Клуссу для напечатания ее в Америке, Маркс писал ему 7 декабря 1852 г.: «Вы сможете оценить юмор брошюры, если учтете, что за отсутствием штанов и обуви автор ее находится как бы под домашним арестом, а *семье его* каждую минуту угрожала и угрожает действительно крайняя нищета. Из-за процесса мое положение еще ухудшилось, так как в течение пяти недель, вместо того чтобы зарабатывать на хлеб насущный, я должен был работать для партии, разоблачая махинации правительства. Кроме того, процесс окончательно оттолкнул от меня немецких издателей, с которыми я надеялся заключить договор об издании моей «Политической экономики»¹.

Памфлет «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» был напечатан в Базеле в январе 1853 г. Однако в марте почти весь тираж (2000 экземпляров) конфисковала полиция в баденской пограничной деревушке Вейль при транспортировке его в Германию. В Америке работа сначала печаталась по частям в демократической бостонской газете «*Neu-England-Zeitung*», а в конце апреля 1853 г. была опубликована в издательстве этой газеты отдельной брошюрой. Но и бостонское издание, которое получило значительную известность среди немецких рабочих-эмигрантов в США, в самой Германии в то время широко распространить не удалось. Брошюра попала здесь к массовому читателю лишь после ее переиздания в 1875 г.

В памфлете «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» Маркс выступил не только как страстный борец, мужественно поднявший голос в защиту чести пролетарской партии. Он предстал как грозный обвинитель организаторов бесчестной судебной и полицейской травли передовых представителей рабочего класса. Он не только уличил в преступных действиях непосредственных организаторов расправы с коммунистами, но и пригвоздил к позорному столбу все прусское государство с его полицейско-бюрократическим режимом. Маркс вскрыл тенденциозность и пристрастность прусской юстиции, классовый характер буржуазного суда присяжных, представлявшего собой карательный инструмент в руках привилегированных классов, используемый для того, чтобы «заполнить пробелы в законе широтой буржуазной совести»².

Если до кёльнского процесса коммунистов Маркс из конспиративных соображений не мог открыто говорить о разногласиях

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 470.

² Там же. Т. 8. С. 491.

с виллих-шапперовской группировкой, то теперь, когда широкая публика из материалов процесса узнала о существовании Союза коммунистов и его расколе, эта необходимость отпала. И Маркс в своей брошюре убедительно показал, что фракция Виллиха — Шаппера является выразительницей мелкобуржуазных умонастроений, волонтаристских и догматических взглядов, что авантюристско-заговорщическая тактика приносит лишь вред рабочему движению, ведет к отрыву от масс и создает благоприятную обстановку для всевозможных полицейских провокаций.

Роспуск Союза коммунистов. Новые формы борьбы за партию

Аресты членов Союза коммунистов и кельнский процесс привели к тому, что организация его в Германии по существу распалась. Такова же была судьба общин Союза и в других странах Европейского континента.

В условиях все более усиливавшейся реакции Маркс и Энгельс пришли к выводу, что Союз коммунистов исчерпал свои возможности и продолжение его деятельности в прежней форме нецелесообразно. 17 ноября 1852 г. на собрании Лондонского округа Союза коммунистов по инициативе Маркса было принято решение о роспуске местной организации Союза. Собрание объявило также, что оно считает несвоевременным дальнейшее существование Союза и на континенте. Это постановление знаменовало собой окончание деятельности Союза коммунистов как такового, хотя отдельные его общины и группы еще продолжали некоторое время существовать кое-где в Европе и США.

Маркс считал, однако, что с роспуском Союза коммунистов не должна прекратиться борьба за сплочение передовых пролетариев в революционную партию. Сохранение и воспитание кадров революционных борцов пролетариата, укрепление их связей с рабочими организациями там, где они еще существовали, использование всех возможностей для пропаганды коммунистических идей — таковы, по мысли Маркса, были направления партийной деятельности в новой ситуации. Этим задачам и посвятили теперь свои силы Маркс и Энгельс.

При всех достоинствах Союза коммунистов Маркс отнюдь не считал его пригодным для всех времен образцом организации пролетарской партии. Непреходящее значение имели его общие программные, тактические и многие организационные принципы. Однако в целом деятельность Союза коммунистов отражала борьбу за пролетарскую партию на ранней стадии освободительного пролетарского движения, когда оно отличалось значительной идейной незрелостью и организационной слабостью и главной фигурой в нем был еще не рабочий крупного промышленного предприятия, а про-

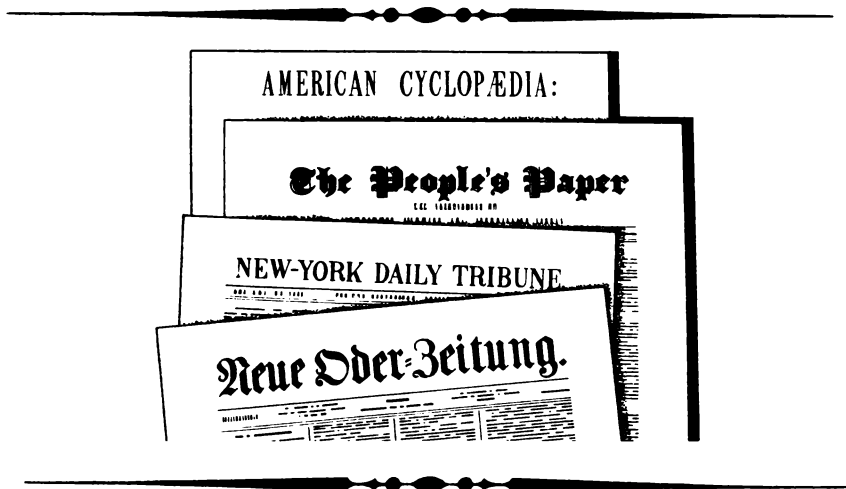
летаризирующийся ремесленный подмастерье. Всем этим в значительной мере была обусловлена малочисленность Союза (он объединял в своих рядах не более 400 членов). Неоднократные попытки Маркса и Энгельса превратить его в ядро более широкой, сплоченной и влиятельной пролетарской организации так и не увенчались успехом. В этот период был сделан первый, может быть, самый трудный шаг к созданию пролетарской партии как подлинного авангарда рабочего класса, ведущего за собой широкие пролетарские массы. Но сама эта цель еще не была достигнута. Предстояла длительная и упорная борьба за ее достижение, в тех формах и теми методами, которые отвечали новым историческим условиям.

Опираясь на идейное наследие Союза коммунистов, Маркс, Энгельс и их соратники продолжали эту борьбу. Они неустанно подчеркивали выдающуюся роль Союза в истории освободительной борьбы пролетариата, преемственную связь между его деятельностью и последующим развитием рабочего движения. Это была первая в истории политическая организация пролетариата, которая на заре рабочего движения провозгласила своим идейным знаменем принципы научного социализма и стала распространять их в пролетарских массах. Программой Союза был бессмертный «Манифест Коммунистической партии». Пропагандой его идей Союз подготовил почву для последующего развития пролетарской борьбы.

Как первая историческая форма пролетарской партии, возникшей на основе учения Маркса и Энгельса и положившей начало его соединению с рабочим движением, Союз коммунистов явился предшественником более поздних широких революционных рабочих и коммунистических организаций. Союз коммунистов объединял не только немецких рабочих, он выступал инициатором международного сплочения передовых сил пролетариата на платформе революционного марксизма. Это была первая международная коммунистическая организация пролетариата — предтеча Первого Интернационала.

Велика роль Союза коммунистов в деле формирования первых кадров пролетарских революционеров. Энгельс писал, что Союз был великолепной школой политической деятельности для участников революционной борьбы. Из его среды вышел ряд будущих лидеров Интернационала.

Самим Марксу и Энгельсу их деятельность в Союзе коммунистов дала чрезвычайно много. Здесь впервые развернулись их дарования как стратегов и тактиков пролетарской борьбы, окреп и возмужал их организаторский и пропагандистский талант. Руководство первой коммунистической организацией рабочего класса, как и участие в революционных событиях 1848—1849 гг., неизмеримо обогатили жизненный и политический опыт Маркса, позволили ему в недалеком будущем непосредственно возглавить массовое международное пролетарское движение.

Глава
седьмая

В годы реакции

Маркс в самые мирные, казалось бы, «идиллические», по его выражению... времена умел нащупывать близость революции и *поднимать* пролетариат до сознания им его передовых, революционных задач.

В. И. Ленин

Под гнетом реакции и нужды

В 50-е гг. XIX в. в Европе господствовала глухая реакция. Во многих государствах был восстановлен абсолютистский режим, дополненный кое-где, например в Пруссии, уродливыми подобиями представительных учреждений. Демократическая и рабочая печать была задущена, рабочие союзы разгромлены. У пролетариата не оставалось легальных возможностей для объединения своих сил. По словам Маркса, он «открыто был лишен igni et aqua [огня и воды], лишен свободы печати, слова и союзов»¹.

Торжество реакции на континенте наложило свой отпечаток и на внутреннюю жизнь буржуазно-аристократической Англии. Обе правящих партии — виги и тори — яростно противились прогрессивным преобразованиям. Не осмелившись прямо посягнуть на

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 481.

право убежища для политических эмигрантов, они держали революционных эмигрантов под страхом выдачи их деспотическим правительствам; нередко за ними устанавливалась полицейская слежка. Реакционная печать изображала их опасными злоумышленниками.

Маркс остро ощущал на себе те тиски, в которых оказались в годы реакции революционные деятели. Он лишился возможности обращаться к пролетарским массам континента через революционную печать, которая была почти всюду, за исключением Англии, уничтожена. Для выпуска собственных периодических изданий не было ни средств, ни соответствующих условий. Крайне затруднены были связи с революционными рабочими и единомышленниками других стран. Публикация крупных работ, которая и раньше постоянно срывалась преимущественно из-за полицейских рогаток, теперь стала встречать непреодолимые препятствия. В Германии с момента неудавшейся попытки Г. Беккера начать в 1850 г. издание сочинений Маркса — он смог опубликовать лишь первый выпуск с двумя статьями Маркса 1842 г. — двери издательств оказались надолго закрытыми для пролетарского ученого.

Необычайно тяжелым было в эти годы и бремя материальных лишений. Постоянные источники существования длительное время у Маркса вообще отсутствовали. Энгельс щедро делился своими средствами с другом, но скромное положение приказчика в первые годы службы в манчестерской конторе фирмы «Эрмен и Энгельс» сильно ограничивало размеры его помощи. Только с лета 1851 г. Маркс получил постоянную корреспондентскую работу в американской газете «New-York Daily Tribune». Однако скудный и весьма нерегулярный заработок журналиста не давал возможности покрыть накопившиеся долги и создать более или менее обеспеченное положение семье.

Материальные невзгоды преследовали Маркса из года в год. Иногда не хватало средств на удовлетворение самых элементарных потребностей: приобретение газет, писчей бумаги, оплату врачей и лекарств, почтовые расходы. Случалось, что Маркс не мог выйти на улицу из-за того, что его сюртук и брюки находились в ломбарде. Приходилось ограничивать себя во всем, неделями питаться одним хлебом и картофелем. Кредиторы осаждали Маркса грубыми домогательствами, угрожая выбросить семью из квартиры, прислать брокера — судебного чиновника, описывающего имущество за долги.

Бесплодные усилия улучшить жизнь своих близких, постоянные заботы о куске хлеба, бесконечная, отнимавшая уйму времени, беготня ради улаживания денежных дел, получения ссуды под ожидавшийся гонорар, отсрочки платежей — все это доставляло Марксу тяжелые страдания. «Моему злейшему врагу не пожелал бы я, — писал он в один из таких наиболее тяжелых моментов, — пробираться через трясины, в которой я барахтаюсь уже восемь недель, с вели-

чайшим бешенством к тому же, ибо из-за гнуснейших мелочей гибнет мой интеллект и утрачивается моя работоспособность»¹.

Нелегкими были и жилищные условия семьи Маркса. Снимать сколько-нибудь сносную квартиру Марксу долгое время было не по средствам. С осени 1849 г. по апрель 1850 г. его семья ютилась в небольшой квартире в юго-западном районе Лондона Челси, на Андерсон-стрит, 4. Здесь 5 ноября 1849 г. родился четвертый ребенок — сын Генрих Гвидо. Выезд из этой квартиры, которую пришлось покинуть из-за произвола домохозяйки, односторонне расторгнувшей контракт и потребовавшей досрочной уплаты долга, происходил при поистине трагических обстоятельствах. В письме Иосифу Вейдемейеру 20 мая 1850 г. Женни Маркс писала: «Так как денег у нас не оказалось... являются два судебных пристава и описывают все мое небольшое имущество — кровати, белье, платье — все, даже колыбель моего бедного ребенка и лучшие игрушки девочек, которые стояли тут же, обливаясь слезами. Судебные пристава угрожали через два часа забрать все имущество. Я, с больной грудью, остаюсь бы тогда на голом полу с моими дрожащими от холода детьми»².

Раздобыв деньги у друзей и расплатившись с хозяйкой, Маркс добился снятия ареста с имущества, которое, однако, было тут же все продано для уплаты различных мелких долгов аптекарю, булочнику, мяснику и другим кредиторам.

Временный приют семья Маркса нашла в немецком отеле на Лейстер-стрит. В первых числах июня 1850 г. она переселилась на Дин-стрит, сначала в дом № 64, а с декабря 1850 г. в маленькую двухкомнатную квартиру в доме № 28. Густонаселенный, расположенный в самом центре города квартал Сохо, где находилась квартира Маркса, отличался неблагоустроенностью. Во время эпидемии холеры в 1854 г. Сохо был одним из главных очагов ее распространения. Здесь жили многие французские и итальянские эмигранты. В сыром и тесном помещении Марксу и его родным пришлось провести почти шесть лет. Передняя комната служила и кабинетом, и гостиной, и столовой, в задней была спальня для всех членов семьи. Лишь осенью 1856 г., после получения небольшого наследства умершей матери Женни, Маркс смог снять коттедж на северо-западной окраине Лондона. Дом № 9 на Графтон-террас, Мейтленд-парк, Хаверсток Хилл (впоследствии номер этого дома изменился, он стал 46), в котором семья Маркса обитала до марта 1864 г., находился в более здоровой части Лондона. Однако в то время это был пустынный район застройки. Кругом торчали кучи мусора, глинистая почва делала в дождливую погоду улицы непроходимыми, освещение отсутствовало.

Борьба с нуждой и напряженнейший труд подтачивали здоровье Маркса. Болезни стали частыми гостями в его семье, находя себе

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 280—281.

² Там же. Т. 27. С. 531.

союзников в нищенских условиях жизни, скверном питании и постоянных заботах. Сам Маркс начал страдать воспалением глаз, ревматизмом, с марта 1853 г. обнаружилась болезнь печени. Очень часто болели жена и дети.

Семья Маркса стала нести и прямые утраты. Из семи детей выжили только трое. 19 ноября 1850 г. умер от воспаления легких годовалый Генрих Гвидо. Всего несколькими днями больше его прожила родившаяся 28 марта 1851 г. Франциска. Ее смерть последовала 14 апреля 1852 г., совпав с периодом самой острой нужды в доме. Только благодаря помощи отзывчивого француза-эмигранта удалось купить гробик и уплатить за похороны. Родившийся у Женни Маркс в начале июля 1857 г. еще один ребенок умер сразу же после родов.

Самым мучительным для Маркса ударом была кончина 6 апреля 1855 г. его восьмилетнего сына Эдгара. Это был одаренный, любознательный и приветливый мальчик, общий любимец всего дома. За ним утвердилось ласковое прозвище «Муш» — «Воробышек», к которому Маркс и Энгельс нередко, шутки ради, прибавляли звание «полковник». Весной 1855 г. у Эдгара обнаружилось тяжелое желудочное заболевание, приведшее к роковому последствию. В течение всей болезни сына Маркс и его жена жили как в бреду, переходя от надежды к отчаянию, в зависимости от улучшения или ухудшения состояния ребенка. Смерть Муша потрясла всю семью. «Я перенес уже много несчастий, но только теперь я знаю, что такое настоящее горе», — писал Маркс Энгельсу¹.

Пережитые Марксом и его семьей страдания следует прежде всего отнести за счет жестокости буржуазного мира, обрекавшего великого революционного мыслителя на нищенское прозябание. «Для такого гения, — писал Меринг, — у буржуазного общества нет ничего, кроме мучений и пыток; они с виду, может быть, и не кажутся столь грубыми, но внутренне они еще более жестоки, чем мученический крест древности и костры средневековья»².

Стоицизм, с которым Маркс переносил все эти бедствия, был поистине героическим. Никакие испытания не могли заставить его свернуть с избранного пути. Он был неизменно верен своей жизненной цели. «Вы знаете, что я принес все свое состояние в жертву революционной борьбе. Я не сожалею об этом. Наоборот. Если бы мне нужно было снова начать свой жизненный путь, я сделал бы то же самое», — писал он в августе 1866 г. своему будущему зятю Лафаргу, добавив при этом: «Только я не женился бы»³. Последняя фраза показывает, какую боль причиняла Марксу мысль, что его близким пришлось разделить с ним все превратности судьбы пролетарского революционера.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 371.

² Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. М., 1957. С. 251.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 436.

Подлинным гуманизмом, душевным величием и благородством пронизаны написанные им строки: «Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре»¹. Высокая идея служения трудящемуся человечеству помогала Марксу мужественно переносить все личные испытания и невзгоды.

Маркс в кругу семьи

Как ни тягостно было видеть Марксу страдания своих близких, семья для него была не обузой, а опорой в борьбе, источником не только забот, но и многих радостей. Маркс был глубоко счастлив в семейной жизни. В каких бы условиях ни оказывалась его семья, в ней — прежде всего благодаря примеру родителей — преобладал дух оптимизма, атмосфера полного взаимного доверия, сердечной теплоты и радушия к друзьям дома.

В трудной обстановке эмигрантской жизни для Маркса в полной мере раскрылись душевные сокровища его жены. Она была не только его заботливым другом, нежной матерью и воспитательницей детей, умело направлявшей их развитие, формирование их характеров и вкусов, но и верным единомышленником, разделявшим его убеждения и лучше многих других понимавшим грандиозность его идей и творческих замыслов. В своих воспоминаниях Женни Маркс писала, какое громадное удовлетворение доставляли ей чтение и переписывание рукописей мужа. Помимо этих обязанностей она вела от его имени корреспонденцию.

Маркс оставался по-юношески влюбленным в свою «милую, дорогую, единственную» Женни. «Бесспорно, на свете много женщин, и некоторые из них прекрасны, — писал Маркс жене 21 июня 1856 г. из Манчестера в Трир, куда Женни в то время выехала, чтобы повидаться со смертельно больной матерью. — Но где мне найти еще лицо, каждая черта, даже каждая морщинка которого пробуждали бы во мне самые сильные и прекрасные воспоминания моей жизни? Даже мои бесконечные страдания, мою невозместимую утрату читаю я на твоём милом лице, и я преодолеваю это страдание, когда осыпаю поцелуями твоё дорогое лицо»².

Невзгоды и бедствия, поистине подвижнический труд, вызвавшие преждевременное появление седых прядей в иссиня-черной шевелюре Маркса, не изменили его открытого, жизнерадостного характера. Его дочь Элеонора с полным правом писала, что не было более забавной легенды, чем ходячее изображение суровым и неприступным Юпитером-громовержцем «самого живого и самого веселого из всех когда-либо живших людей, человека с бьющим через край

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 454.

² Там же. Т. 29. С. 435—436.

юмором и жизнерадостностью, искренний смех которого был заразителен и неотразим, самого приветливого, мягкого, благожелательного из товарищей»¹.

Сердечность и доброта Маркса особенно проявлялись в отношении к детям. Для него, вспоминает Вильгельм Либкнехт, «общество детей было потребностью, с ними он отдыхал и набирался сил»². Особенно горячее сочувствие вызывали у него дети бедняков. Сотни раз посещая рабочие кварталы, он всегда терял душевное спокойствие при виде обездоленных детей в нищенской одежде. Он всячески старался ободрить их ласковым жестом и словом, доставить им хоть какую-нибудь маленькую радость.

К своим детям Маркс был привязан всем сердцем. Присутствие детей, сидел ли он за письменным столом, отдыхал ли после напряженного труда, никогда его не тяготило. Его не раздражали ни их возня, ни смех, ни шумные игры, участником которых нередко бывал он сам, отдаваясь общему веселью почти с детской непосредственностью. Обычной в доме была игра в «кавалерию», когда девочки катались на спине у отца, или в «омнибус», когда они «запрягали» его в стулья. В тазу с водой разыгрывались «морские сражения» между эскадрами бумажных корабликов. Особенно памятными для детей и взрослых были воскресные прогулки в холмистое, покрытое пышной зеленью предместье Лондона Хэмпстед-хис, куда обычно направлялись всей семьей в сопровождении нескольких близких друзей. Здесь устраивались шумные состязания: бег вперегонки, борьба, сбивание камнями на приз спелых каштанов с деревьев и т. д. Однажды Маркс с таким азартом участвовал в этой игре, что потом в течение недели не мог шевельнуть правой рукой. Когда девочки подросли, появились и более сложные игры: шахматы, шуточные анкеты с вопросами, ответы на которые требовали немалого интеллектуального развития.

Маркс любил читать детям вслух, рассказывал сказки и забавные истории, нередко сочиняя их сам. Придуманные им сказки вырастали иногда в целые циклы. Героем одной из них был волшебник Ганс Рекле — владелец игрушечной лавки, который, несмотря на все свое магическое искусство, не мог освободиться от долгов и вынужден был отдавать игрушки кредиторам. Однако после множества удивительных приключений эти игрушки в конце концов снова возвращались в его лавку. Маленьких слушателей Маркса очаровывал юмор и поэтический колорит этих сказок, символически передававших превратности жизни самого рассказчика и подкупавших верой в торжество добрых начал.

Марксу и его жене удалось привить детям огромную любовь к чтению. Они познакомили дочерей с сокровищами мировой литера-

¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 107.

² Там же. С. 232.

туры, приоткрыв им чудесный мир сказок братьев Гримм, Гофмана «Тысячи и одной ночи», поэм Гомера, средневековых легенд Любимыми писателями и поэтами в доме были Эсхил и Софокл Данте и Сервантес, Филдинг и Бёрнс, Гёте и Бальзак, Гейне и Фрейлиграт, Рюккерт и Шамиссо. Но особо почитаем был Шекспир. Целые сцены из его пьес девочки знали наизусть. Как сам Маркс, так и его домашние отдавали дань увлечению приключенческими и историческими романами. Вальтер Скотт, капитан Марриэт и Александр Дюма принадлежали к числу любимых авторов.

Отцом Маркс был кротким и снисходительным; не прибегая к отцовской власти, он добивался редкостного послушания. Он никогда не позволял себе пренебрежительного отношения к детям и невнимания к их детским переживаниям. Для них он был старшим товарищем, авторитетным советчиком, другом. У него, как и у всех в семье, было свое прозвище — «Мавр», из-за смуглого цвета лица.

Родители сумели воспитать в детях правдивость, отвращение к фальши и лицемерию. В семье царили сочувствие к борцам за свободу и страстное желание участвовать в этой борьбе.

Две старших дочери Маркса — Женни и Лаура — радовали окружающих своими успехами в занятиях. Обе получали награды в школе, отлично писали на английском языке, который стал для них родным, свободно владели французским, в оригинале читали Данте. Однако немецкий язык им давался с трудом, несмотря на все усилия родителей. Женни хорошо рисовала, ее рисунки украшали стены комнат. Лаура проявила большую склонность к музыке и пению.

Баловнем семьи была младшая дочь Элеонора (Тусси), родившаяся 16 января 1855 г., незадолго до смерти Эдгара. Вся нежность, которую старшие сестры питали к умершему брату, была перенесена на нее. Живая, шаловливая девочка, страстная любительница спортивных игр, была наделена с детских лет ярким воображением и приводила всех в изумление своими детскими выдумками.

Неизменным спутником семьи Маркса была Ленхен — Елена Демут. Здесь, в условиях эмигрантской жизни, в полной мере раскрылись ее привязанность к этой семье, ее умение скрашивать скудный стол, шить, латать, штопать, поддерживать в доме уют и порядок. Маркс считал, что Елена Демут обладала подлинным организаторским и административным талантом. Большой любитель шахмат, он очень часто избирал в партнеры именно Ленхен, и не раз ему случалось за шахматной доской признавать себя побежденным.

Дружба, окрепшая в годы испытаний

Невозможность постоянного личного общения с Энгельсом весьма удручала Маркса. «...Меня злит то, — писал он другу, — что мы теперь не можем вместе жить, вместе работать, вместе смеять-

ся...»¹ Однако их творческое сотрудничество ни на минуту не прекращалось. Духовно они продолжали жить одной жизнью. Творческие усилия одного постоянно дополняли, а часто и восполняли научные поиски другого. В письмах и, разумеется, при нечастых встречах, они делились результатами своих изысканий.

Маркс и Энгельс продолжали сотрудничать во всем: и в науке, и в партийных делах, сообщая друг другу о связях с деятелями рабочего движения. Продолжалось и их соавторство, приняв несколько иные формы, чем в те времена, когда оба сидели за одним столом и работали над одним произведением. Теперь вырабатывались общая позиция, тематика и планы отдельных печатных выступлений, но каждый сам освещал, как правило, близкую ему область. Правда, бывали случаи, когда написанное Энгельсом Маркс включал как раздел в ту или другую свою корреспонденцию, или когда один из друзей обрабатывал и редактировал наброски другого.

В эти годы Маркс смог полностью оценить всю самоотверженность Энгельса как друга, его отзывчивость и бескорыстие. Денежные переводы из Манчестера выручали семью Маркса в самые трудные минуты. Стремясь создать Марксу возможность заниматься экономическими исследованиями, Энгельс брал на себя значительную часть его журналистских обязанностей. Забота Энгельса о семье Маркса проявлялась и в большом, и в малом: от оплаты долгов до посылки рождественских подарков детям, фруктов и вина заболевшим членам семьи. Приезды Энгельса в Лондон вызывали всеобщее ликование в доме Маркса. В Манчестере у Энгельса Маркс встречал самое радушное гостеприимство. Именно здесь Маркс и его жена нашли приют после кончины их сына весной 1855 г.

Маркс чрезвычайно дорожил этой дружбой. Он крайне тревожился, когда у Энгельса бывали неприятности или когда он заболел. «Улучшение слова здоровья — самое приятное известие для меня», — писал он ему, например, 21 сентября 1857 г.² Чрезвычайно горько было для Маркса сознавать, что ради помощи его семье и в силу других житейских причин Энгельс должен был убивать время в конторе, с трудом выкраивая часы для научной работы. Он был счастлив чем-либо помочь своему другу: приобрести для него нужную книгу, сделать выписки из редких источников, собрать в столице необходимую информацию.

Как Маркс, так и Энгельс были скупы в словесных выражениях дружеских чувств, предпочитая проявлять их делами. Тем больший вес имели слова сердечной признательности, высказанные в минуты острых душевных переживаний. В день, когда на руках Маркса угас его сын, он писал Энгельсу: «Я никогда не забуду, как твоя

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 265.

² Там же. Т. 29. С. 141.

дружба облегчила нам это ужасное время»¹. После похорон Муша он добавил в письме 12 апреля: «При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что нам вдвоем предстоит сделать еще на свете кое-что разумное»².

Отношения Маркса и Энгельса были проникнуты духом высокой принципиальности и полной искренности. Они никогда не кривили друг перед другом душой, никогда не опошляли своих отношений малейшей фальшью. Никто из них не упорствовал, если оказывался в чем-либо неправ. Дружба Энгельса была неоценима для Маркса в его научной творческой деятельности, во всей его жизни и борьбе.

Экономические исследования

В лондонской эмиграции Маркс возобновил экономические исследования, которые были прерваны революцией 1848—1849 гг. С весны 1850 г. он вновь с исключительным упорством и целеустремленностью погрузился в работу по изучению проблем политической экономии.

Маркс ставил себе задачу раскрыть экономические законы движения капиталистического общества, вооружить пролетариат ясным пониманием перспектив исторического процесса, неизбежной гибели капиталистического строя. Он вновь возвратился к мысли о написании большого труда по политической экономии.

К исследованию предмета Маркс подошел теперь с гораздо более зрелых позиций, чем в предреволюционные годы. Он понимал и важность изучения новых фактов экономической жизни, проявившихся в революционные годы и особенно в первые годы после революции. Плодотворным занятиям Маркса немало способствовало и то обстоятельство, что он поселился в Лондоне, который был в то время центром капиталистического мира и представлял собой «удобный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества»³. В столицу самого развитого капиталистического государства и крупнейшей колониальной империи поступала разнообразная информация о состоянии промышленности и сельского хозяйства не только Великобритании, но и многих других стран, о положении на внутреннем и внешнем рынках, о банковских и биржевых делах. В Лондоне Маркс получил возможность систематически работать в Британском музее — одной из крупнейших библиотек мира, основанной в 1753 г. В ней была собрана литература, книги и публика-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 371.

² Там же.

³ Там же. Т. 13. С. 8.

ции, в частности по политэкономии, истории народного хозяйства и о положении рабочего класса, отсутствовавшие в других местах.

Работал Маркс с огромной энергией и напряжением сил. Почти ежедневно с 9 часов утра до 7 часов вечера он проводил в читальном зале Британского музея. На долгие годы эта книжная сокровищница сделалась местом его дневного труда. По вечерам, а нередко и в ночное время Маркс работал дома.

Материал, над которым работал Маркс, был «дьявольски обширен»¹. Сделанные им в период с лета 1850 по август 1853 г. выписки из работ буржуазных экономистов, из официальных документов и периодической прессы объединены в 24 тетрадях. Как показывают эти тетради, Маркс проделал глубокое и всестороннее исследование теоретических проблем политической экономии, истории народного хозяйства, экономической действительности современного ему капиталистического мира.

Вместе с тем Маркс считал для себя необходимым обращаться к сопредельным областям естествознания и техники. Так, в связи с исследованием земельной ренты он ознакомился с агрономическими науками, прежде всего агрохимией. Именно в это время он законспектировал книгу выдающегося немецкого ученого Юстуса Либиха «Химия в приложении к земледелию и физиологии» и другие работы в этой области. Маркс стремился постичь технологическую сторону капиталистического производства, быть в курсе технических изобретений и научных открытий. Он посещал Всемирную промышленную выставку 1851 г. в Лондоне, специально интересуясь техническим прогрессом, в частности новым сырьем (гуттаперча), машинами и технологическими процессами. Глубокое понимание значения развития техники в эволюции капиталистического производства побудило Маркса много внимания уделить истории прикладных наук. Используя различные пособия, в частности работы немецкого технолога и экономиста Бекмана, историка науки и техники Поппе, «Технический словарь» Юра и другие книги, Маркс в выписках 1851—1853 гг. воспроизвел картину применения физики, математики и других наук в разных видах производства на протяжении нескольких веков.

Нередко Маркс возвращался к книгам, прочитанным им в 40-е гг. Так, он заново составил конспект труда Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения», сделав при этом ряд весьма глубоких обобщающих и критических замечаний. Более высокая ступень была достигнута им в уяснении места экономистов-классиков в развитии экономической теории, как их научных заслуг, так и исторической ограниченности их взглядов.

Маркс подчеркивает с полной определенностью научное превосходство Рикардо над Смитом. Смит — экономист мануфактурного

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 489.

периода, относительная неразвитость его научных концепций, непоследовательное проведение принципа трудовой стоимости происходили из неразвитости реальных общественных отношений. Рикардо же выступал, когда капиталистические отношения были более зрелыми, поэтому взгляды его более последовательны и совершенны, чем взгляды Смита. «У Рикардо, — писал Маркс в своем новом конспекте, — важно то, что, в то время как даже А. Смит и Сэй все еще принимают за регулятор [стоимости] некий *определенный продукт* труда, он повсюду берет [в качестве регулятора] труд, деятельность, само производство — не продукт, а производство, акт создания. С этим связана целая эпоха буржуазного производства»¹.

Обострение капиталистических противоречий и классовой борьбы побудило идеологов буржуазии порвать в области политической экономии с традициями и выводами Смита и Рикардо. В частности, под всеобщий обстрел буржуазных экономистов попадает развитая Смитом и Рикардо трудовая теория стоимости. Это был процесс вульгаризации экономической науки. В письме Энгельсу 2 апреля 1851 г. Маркс указывал: «В сущности эта наука со времени А. Смита и Д. Рикардо не продвинулась вперед, хотя в области отдельных исследований, часто чрезвычайно тонких, сделано немало»².

В высказываниях Маркса уже четко проступает, хотя еще и не формулируется прямо, положение о различии между классической школой буржуазной политической экономии и вульгарным направлением, отмеченным печатью вырождения и прямого прислужничества капиталу.

Значительная часть Марксовых выписок касается теории денег и денежного обращения. Сводя воедино и систематизируя свои записи по этой проблеме, Маркс приблизительно уже в марте 1851 г. написал небольшую (примерно в 5 печатных листов) черновую рукопись под заглавием «Слиток. Завершенная денежная система»³. В деньгах, как в фокусе, сконцентрирована противоречивая сущность капиталистического мира. Деньги связаны с такими категориями, как товар, стоимость, цена, издержки производства и т. д., понимание которых является обязательной предпосылкой правильного научного рассмотрения и анализа капитализма в целом.

В этой рукописи, сопоставляющей и резюмирующей высказывания из 63 произведений и 52 авторов, четко выделяются две функции денег — всеобщего инструмента обмена, т. е. средства обращения, и всеобщего измерителя стоимости товаров, т. е. меры их стоимости, обстоятельно трактуется вопрос о необходимости существования денег в обращении, по существу показывается несостоятельность буржуазной количественной теории денег. Обращение, указывает

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 44. С. 107.

² Там же. Т. 27. С. 207.

³ MEGA. B., 1986. Abt. IV. Bd. 8. S. 3—85.

Маркс, зависит от всей организации промышленности, а цены товаров в конечном счете не зависят от увеличения или уменьшения обращающихся денег, напротив, они определяются массой обращающихся товаров.

В эти важные идеи, знаменующие существенный прогресс в разработке денежной теории, Маркс посвящает Энгельса. В письме Энгельсу 3 февраля 1851 г. он доказывает, что количество денег в обращении регулируется не приливом и отливом благородных металлов, как полагали Рикардо, Лойд и многие другие теоретики и практики финансово-банковского дела, а состоянием промышленности и торговли. «Денежное обращение, — говорит Маркс, — возросло бы *лишь в том случае*, если бы дела разрослись настолько, что для их ведения требовалось бы больше средств обращения... Рост его в конечном счете есть *следствие* увеличения вложенного в дело капитала, а не наоборот»¹. Солидаризируясь с этими взглядами, Энгельс считал, что такая постановка вопроса «поможет свести запутанную теорию обращения к простым и ясным основным положениям»².

В VII тетради с выписками, заполненной тоже приблизительно в марте 1851 г., заслуживает особого внимания еще один итоговый текст Маркса — «Размышления», написанные, возможно, чуть позже упомянутого выше «Слитка»³. Здесь Маркс подвергает критике не только отдельные положения и аргументы буржуазной политэкономии, но идет дальше — вскрывает ее внутренние связи и классовую основу. Для буржуазных экономистов, подчеркивает он, характерным является не качественный анализ общественных отношений, а количественно-функциональный анализ отношений между вещами, между товарами и деньгами. Тем самым делается важный гносеологический шаг в сторону рассмотрения денег как вещной оболочки общественных отношений буржуазного общества, как средства маскировки этих отношений. Позднее такую обусловленную классовую позицию буржуазной политэкономии подмену отношений между людьми отношениями между вещами Маркс обозначит понятием товарного фетишизма.

В экономических конспектах и рабочих обобщениях 1851—1853 гг. Маркс углубляет понимание сущности капитала. По поводу рикардовской трактовки капитала как части богатства какой-либо страны, которое применено с целью будущего производства и может быть увеличено таким же способом, как и само богатство, Маркс сделал следующее замечание: «Рикардо смешивает здесь капитал с тем *материалом*, из которого состоит капитал. Богатство является лишь материей капитала. Капитал всегда есть *сумма стоимостей*, которая снова предназначена для производства; он не является лишь

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 163.

² Там же. С. 186.

³ MEGA. Abt. IV. Bd. 8. S. 227—234; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 44. С. 146—149.

суммой продуктов и равным образом предназначен для производства не продуктов, а стоимостей»¹.

Из этого и других высказываний нетрудно увидеть принципиальную разницу во взглядах на капитал у Рикардо и Маркса. Согласно Рикардо, капитал — это простая сумма вещей, тогда как Маркс считает капитал определенным общественным отношением, отношением, характерным для определенной исторической ступени развития товарного производства.

Полемизируя с Рикардо, Маркс пока еще общими штрихами намечает пути научного раскрытия тайны капиталистического обогащения, иными словами, подступы к разработке теории прибавочной стоимости. «Буржуазное богатство и цель всего буржуазного производства есть *меновая стоимость*, а не удовлетворение потребностей,— пишет он.— Чтобы увеличить эту меновую стоимость, нет иного средства — если отвлечься от взаимных надувательств,— кроме одного: умножать количество продуктов, производить больше». Однако, говорит далее Маркс, «возрастание производства товаров *никогда* не является целью буржуазного производства, его целью является возрастание производства *стоимостей*»².

Маркс подвергает критике теории вульгарных буржуазных экономистов, согласно которым прибыль представляет собой исключительно результат искусного распределения и перераспределения внутри класса капиталистических собственников «совокупного избытка». Прежде чем приступить к дележу, необходимо иметь то, что может быть распределено и перераспределено. Появление самого избытка невозможно вывести, говорит Маркс, из торговли, хотя «частные случаи сверхприбыли» и могут возникнуть в этой сфере. Избыток, подчеркивает Маркс, возникает не в обмене, хотя и реализуется только в нем. Он возникает потому, что из «продукта, который стоит 20 рабочих дней, рабочий получает только продукт 10 и т. д. рабочих дней. В той же самой мере, в какой увеличивается производительная сила труда, стоимость заработной платы уменьшается»³. Термин «прибавочная стоимость» здесь еще не употреблен, но источник ее возникновения, та сфера, где следует искать корни капиталистической эксплуатации и наживы, указаны.

Среди кардинальнейших научных достижений Маркса начала 50-х гг. следует упомянуть его теорию земельной ренты, краткое изложение которой он привел в письме Энгельсу 7 января 1851 г. Разрабатывая ее, Маркс убедился в ошибочности рикардовской теории ренты и произвел коренной пересмотр ее основных положений.

Рикардо склонен был думать, что вовлечение в обработку худших земель обуславливает возможность повышения общей суммы ренты

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 44. С. 103.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 130.

лишь путем повышения хлебных цен. Такая точка зрения, не учитывавшая экономических последствий научно-технического прогресса, означала признание действительным пресловутого «закона убывающего плодородия почвы», пропагандируемого мальтузианцами, которые пытались изобразить нищету народных масс результатом действия «непреодолимых» природных явлений. Маркс показал ошибочность взглядов Рикардо, а заодно и полную несостоятельность мальтузианского закона убывающего плодородия почвы. Он раскрыл связь между образованием дифференциальной ренты и процессом развития производительных сил в земледелии, подчеркнув при этом, что падающие цены на продукты сельского хозяйства не обязательно должны вызывать сокращение ренты. На практике, отмечал Маркс, как раз падение цен при повышении продуктивности сельского хозяйства сопровождается ее ростом.

Энгельс сразу же объявил себя горячим сторонником этой теории Маркса. «Ты внес в это дело полную ясность,— писал он Марксу,— и это еще одна лишняя побудительная причина, чтобы ты поторопился с окончанием и опубликованием труда по политической экономии»¹.

Несколько менее интенсивно Маркс занимался политической экономией в 1854—1856 гг. Это объясняется и загруженностью журналистской работой, и изучением других научных проблем, непосредственно не связанных с политической экономией, и, наконец, отсутствием пока еще перспектив на издание задуманной книги. В этот период он, в частности, перечитывает свои конспекты «если не с целью обработки материала, то, во всяком случае, с целью овладеть им и иметь в готовом для обработки виде»², вновь кратко аннотирует собственные тетради прежних лет, озаглавив соответствующую рукопись «Деньги, кредит, кризисы».

К 1857 г., когда Маркс снова интенсивно взялся за экономические исследования, он уже располагал огромным запасом фактического материала и в теоретическом отношении продвинулся настолько далеко, что смог совершить вскоре настоящий переворот в политической экономии.

Научные занятия в других областях

Уделяя главное внимание разработке нового экономического учения, Маркс создавал его на основе всестороннего учета достигнутых человечеством знаний во всех областях общественных и естественных наук.

Первостепенное значение он придавал изучению естествознания. Его радовало, что этой областью занимался Энгельс. Замысел фило-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 159.

² Там же. Т. 28. С. 363.

софски обобщить достижения естественных наук — физики, физиологии и т. д. находил полное его одобрение. Все научные произведения Маркса были воплощением диалектико-материалистической методологии и весьма обогащали ее, но у него в эти годы, к сожалению, не оставалось времени для создания специальных философских трудов. Между тем он считал весьма важным делом дальнейшую разработку как общих проблем философии, так и ее отдельных сторон.

Весной 1857 г. Маркс некоторое время уделил занятиям эстетикой, намереваясь написать соответствующую статью. В связи с этим он изучил капитальное сочинение Ф. Фишера «Эстетика, или Наука о прекрасном», книгу Э. Мюллера «История теории искусства у древних» и другие работы.

Научные интересы Маркса и Энгельса, несмотря на известное «разделение труда» между ними, во многих случаях совпадали и переплетались. Маркс, например, часто в порядке сбора необходимых материалов для Энгельса — большого знатока военной теории и истории, — а иногда и для собственных целей занимался военно-историческими проблемами. Однако систематически военную историю он не изучал, всецело полагаясь здесь на Энгельса — «военное министерство в Манчестере»¹. Специальной областью Энгельса было и языкознание. Маркс и в этом отношении признавал приоритет своего друга. Но и он сам, в свою очередь, высказал много принципиальных положений по проблемам языка. Неумолимо совершенствовал он свои языковые знания. Как вспоминали позднее его ученики, одним из любимых изречений Маркса было: «Иностранный язык есть оружие в жизненной борьбе»².

В годы лондонской эмиграции для Маркса стало привычкой говорить, думать и писать на трех европейских языках — немецком, английском и французском. В научной работе и при чтении художественной классики Марксу оказывало значительную услугу великолепное знание древнегреческого и латинского языков. Ко времени переезда в Лондон он хорошо умел читать и по-итальянски. В оригинале он читал не только любимую им «Божественную комедию» Данте, но и поэмы Ариосто и Боярдо, стихи сатирика Пьетро Аретино, комедии и исторические работы Макиавелли, произведения итальянских писателей и публицистов XIX в. Гверрацци, Массимо д'Адзельо и др. На итальянском и латинском языках он знакомился с произведениями великого итальянского мыслителя и ученика науки Джордано Бруно.

Весной 1854 г. Маркс взялся за самостоятельное изучение испанского языка. Он стремился овладеть им по лучшим образцам классической литературы, избрав «Чудодейственного мага» Кальдерона и «Дон-Кихота» Сервантеса. Через пять-шесть месяцев

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 252.

² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 144.

Маркс уже смог привлечь к изучению истории Испании источники на испанском языке.

Филологические изыскания занимали известное место и в экономических и исторических исследованиях Маркса. Так, он просмотрел разные филологические справочники, в том числе словарь средневековой латыни Дюканжа, для того чтобы установить происхождение и употребление в средние века таких терминов, как «капитал», «процент», «прибыль», «продукт».

Одним из главных предметов занятий Маркса в эти годы была всемирная история. Постоянно обращаться к ней побуждал Маркса и сам его подход к экономическим проблемам. Разработанный им метод требовал, чтобы логическое исследование с помощью научных абстракций сочеталось с анализом конкретно-исторического развития исследуемого явления и опиралось на него. В то же время Маркс создавал, насколько важно было совершенствовать исторический материализм на основе учета развития исторической науки и суммирования ее достижений. Большим стимулом к историческим занятиям служила также журналистская работа Маркса, его стремление глубоко разобраться в современных ему событиях, выяснить их исторические корни.

Хотя Марксу нередко приходилось менять темы исследования в зависимости от хода разработки экономической теории или потребностей корреспондентской деятельности, в целом его исторические занятия были подчинены задаче выяснения прежде всего общих закономерностей исторического процесса и их конкретного проявления. В центре внимания было буржуазное общество, его исторический генезис, его торжество над феодализмом, развитие в нем классовой борьбы, а также отражение буржуазной идеологии в концепциях исторической науки.

Свое отношение к буржуазной историографии Маркс ярко выразил в письме Энгельсу 27 июля 1854 г. по поводу книги одного из самых крупных историков периода Реставрации Огюстена Тьерри «Очерк истории происхождения и успехов третьего сословия». Стержень истории Франции Тьерри видел в борьбе третьего сословия против феодальной знати, подробно рассматривая возвышение вольных городов (коммун) — колыбели французской буржуазии. Маркс называл Тьерри «отцом «классовой борьбы» во французской историографии»¹.

Отдавая должное заслугам Тьерри, Маркс в то же время на примере его книги вскрыл пороки, присущие буржуазной историографии даже в пору ее наивысшего подъема. Тьерри и другие историки его школы не сумели до конца разобраться в материальных основах классовых противоречий, считая главной причиной деления общества на классы завоевание той или другой страны иноземными

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 321.

пришельцами. Маркс подчеркнул, что Тьерри неправомерно отождествляет третье сословие с буржуазией, трактует его как единый класс, не замечая зарождения внутри него антагонистических противоречий. Узость взглядов и непоследовательность Тьерри особенно проявились, указывал Маркс, в стремлении ограничить сферу действия закона классовой борьбы только феодальным обществом, в нежелании даже поставить вопрос о ее природе и характере при капитализме. Критика Марксом взглядов Тьерри вскрыла глубокую противоположность пролетарско-революционного и буржуазно-либерального толкования классовой борьбы.

Пришедшая на смену школы Тьерри позитивистская социология и историография сделала значительный шаг назад в понимании существа исторических процессов. Это попятное движение в развитии буржуазной исторической науки не осталось незамеченным Марксом. Весной 1853 г. он прочитал некоторые произведения одного из основоположников позитивизма английского философа и социолога Герберта Спенсера — его книгу «Социальная статика» и статью «Теория народонаселения, выведенная из общего закона плодovitости животных». Уже в этих работах сказалась свойственная позитивизму вульгарная тенденция к механическому перенесению биологических законов на общественную жизнь.

Большое внимание Маркс уделил изучению докапиталистических эпох. Выписки, которые он сделал в 50-е гг. из различных книг, свидетельствуют, что его интересовали и история древнего мира, и судьба кельтских, германских и славянских народов во времена раннего средневековья, и период расцвета феодализма.

Сознавая важную роль, которую играла в прошлом и приобрела особенно в середине XIX в. колониальная политика, Маркс сделал одним из важнейших объектов своих занятий историю колониальных захватов. Осенью 1851 г. он изучил ряд книг по истории колонизации Азии и Африки, о завоевании испанцами Мексики и Перу. Особенно интенсивно стал заниматься Маркс историей стран Востока с апреля 1853 г., когда поставил перед собой задачу разоблачения в печати колониальной системы. Он изучал парламентские Синие книги и отчеты парламентских комиссий, посвященные английской политике в Индии, географические и статистические справочники и другую литературу об Индии, Китае, Индонезии. В частности, Маркс знакомился с древней и средневековой историей Востока, читал записки о восточных странах путешественников-европейцев Франсуа Бернье, А. Д. Салтыкова и др.

В процессе изучения истории восточных стран Маркс пришел к важным выводам, в частности в вопросе о материальных предпосылках возникновения ислама, о его сущности, а также вообще о классовых корнях религиозных движений на Востоке.

Рассматривая социальный строй Индии, Ирана, Аравии, Маркс отметил чрезвычайно слабое развитие здесь частного землевладе-

ния. «...В основе всех явлений на Востоке...— писал он Энгельсу 2 июня 1853 г.,— лежит *отсутствие частной собственности на землю*. Вот настоящий ключ даже к восточному небу»¹. Преобладание государственной собственности на землю было, по мнению Маркса, в значительной степени обусловлено необходимостью искусственного орошения, осуществляемого центральной властью. Сосредоточение общественных работ в руках деспотического государства, живучесть сельских общин, их изолированность и замкнутость он рассматривал как факторы, определившие замедленный, «застойный характер» развития стран Азии². В момент, когда Запад переходил от феодализма к капитализму, на Востоке созревание более прогрессивного общественного уклада было заторможено. Это обстоятельство, подчеркивал Маркс, имело роковые последствия. Оно ослабило сопротивление народов Азии европейским колонизаторам и повлекло за собой колониальное подчинение многих азиатских стран.

Многочисленные и разнообразные проблемы встали перед Марксом в связи с выработкой им революционной тактики в вопросах внешней политики. Для того чтобы лучше разобраться в исторических корнях так называемого восточного вопроса, Маркс собрал в своих тетрадях с выписками за 1853—1854 гг. обширные материалы по истории народов Балканского полуострова. Он изучил также ряд публикаций дипломатических документов, в том числе помещенных в альманахе «Portfolio».

В течение ряда месяцев 1856 г. и первой половины 1857 г. Маркс особенно интенсивно изучал русско-английские отношения в XVIII в. Им был собран материал из памфлетов, мемуаров, внешнеполитических документов, трудов по истории того времени (например, «Истории XVIII века» Шлоссера) и истории отдельных государств: Англии, Швеции, России.

Из выписок видно, что Маркс — решительный противник царизма — уже на той стадии проявил интерес к положению, обычаям, быту, историческому прошлому народных масс России. Интересовался он историческими и литературными памятниками русского народа. Обнаружив в книге французского литературоведа Эйххофа «История языка и литературы славян» французский перевод древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве», Маркс отметил героико-эпический характер этого выдающегося произведения. «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашим собственным монгольским полчищем»,— писал он Энгельсу 5 марта 1856 г.³

Занимался Маркс в эти годы также и историей Польши, прочитав в начале 1857 г. труд на эту тему историка-демократа Лелевеля,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 215.

² См. там же. С. 228.

³ Там же. Т. 29. С. 16.

книгу Мерославского «О польской национальности и системе европейского равновесия» и другие работы.

Как пролетарский ученый Маркс проявлял особое внимание к истории народных движений и революционных событий, в частности, в тех странах, где они переплетались с национально-освободительной борьбой. В мае — июне 1854 г. он специально собирал материал об итальянской революции 1848—1849 гг., о деятельности во время нее мадзинистов. «Мое основное занятие теперь — Испания», — сообщал он Энгельсу 2 сентября 1854 г.¹ в разгар революционной борьбы, развернувшейся на Пиренейском полуострове. Пять обширных тетрадей с выписками из разнообразных источников показывают, что Маркс изучал эпоху буржуазных революций в Испании в связи со всей историей этой страны и международной обстановкой.

*Воспитание пролетарских революционеров.
Борьба за сохранение революционных традиций
среди немецких рабочих*

Пока условия не позволяли практически ставить вопрос о создании пролетарской партии, Маркс и Энгельс прилагали усилия к тому, чтобы исподволь готовить для этого почву. Маркс пользовался каждым случаем, чтобы поддерживать контакты с участниками рабочего движения, собирать информацию о положении и настроении рабочих, о существовавших кое-где подпольных группах. В Англии и Америке, где имелись легальные возможности для рабочего движения, Маркс через своих друзей и соратников стремился повлиять на его развитие. Он содействовал борьбе за создание в этих странах рабочей печати, помогал налаживать пропаганду научного социализма. Несмотря на все трудности, он способствовал установлению интернациональных связей между пролетарскими деятелями разных стран.

В первую очередь Маркс стремился оказать идейное воздействие на кадры пролетарских революционеров, сформировавшиеся в рядах Союза коммунистов, побуждая своих товарищей использовать перерыв в боях для приобретения нужных знаний. Настойчиво, упорно прививал он своим ученикам и соратникам — Либкнехту, Вольфу, Эккариусу, Шрамму, Пфендеру, Лохнеру, Имандту, Пиперу и другим — стремление к расширению кругозора, революционную стойкость, умение преодолевать все трудности тяжелого времени, сохранять твердость духа и веру в торжество революционного дела. «Учиться! Учиться! — писал в своих воспоминаниях о Марксе Либкнехт. — Таков был категорический императив, с которым он

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 327.

достаточно часто обращался к нам, который, однако, заключался уже в его личном примере и даже в одном лишь зрелище этой постоянной, могучей работы великого ума»¹.

Сам испытывая постоянные лишения, Маркс тем не менее проявлял неустанную заботу о партийных друзьях. Он не раз делился с ними последними грошами. Как ни скромен был домашний очаг Маркса, он много раз служил прибежищем для представителей революционной эмиграции. Маркс тепло принял прибывшего в июне 1853 г. в Лондон врача Абраама Якоби, подсудимого на кельнском процессе коммунистов. Несмотря на оправдательный приговор, Якоби опасался нового ареста и был вынужден выехать за границу. Нередко на квартире у Маркса подолгу жил Вильгельм Пипер. Постоянно бывали здесь и другие эмигранты.

Много усилий затрачивал Маркс, чтобы помочь товарищам уладить их материальные дела и найти заработок. В 1853 г. он пытался подыскать платную корреспондентскую работу в Америке для Эккариуса, которого плохо кормило его портновское ремесло. Когда в феврале 1859 г. у Эккариуса обострился туберкулез, Маркс заложил платье своей жены в ломбард, чтобы прийти на выручку своему другу и его семье. Вместе с Энгельсом Маркс взял на себя заботу о Конраде Шрамме, когда тот после тщетных поисков работы в Америке вернулся летом 1857 г. в Англию и по состоянию здоровья должен был поселиться на острове Джерси.

Маркс тяжело переживал каждый урон, который несла когорта первых пролетарских революционеров в годы реакции. Особенно опечалила его кончина 29 августа 1855 г. Роланда Даниельса, умершего от туберкулеза. «Он пал прямой жертвой гнусных действий прусской полиции», — возмущенно писал Маркс Энгельсу², имея в виду тяжелые последствия полугодового пребывания Даниельса в прусской тюрьме в период подготовки кельнского процесса. 30 июля 1856 г. на острове Куба от тропической лихорадки скончался Георг Веерт, а в середине января 1858 г. умер заболевший туберкулезом Конрад Шрамм, которого незадолго до смерти Маркс навещал на острове Джерси.

Глубоко огорчало Маркса и проявление у некоторых бывших членов Союза коммунистов неустойчивости и обывательского обмельчания, неспособности противостоять соблазнам буржуазного мира. Мещанская атмосфера оторвала от активного участия в рабочем движении некоторых соратников Маркса (Дронке и др.).

Маркс непримиримо относился к политическому отступничеству. Он без колебаний рвал с людьми, изменившими рабочему классу. Так, в конце 50 — начале 60-х гг., убедившись, что бывшие деятели Союза коммунистов — Герман Беккер, Бюргерс и Микель пере-

¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 220.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 382.

шли в лагерь буржуазии, он навсегда вычеркнул их из списка друзей и знакомых. Наоборот, по отношению к людям, осознававшим свои ошибки, он проявлял терпимость и снисходительность. Весной 1856 г. произошло примирение Маркса с одним из руководителей сектантской фракции в Союзе коммунистов Шаппером.

Несмотря на все трудности, Маркс находил возможность поддерживать контакты с представителями пролетарских и демократических кругов разных стран. Особенно дорожил Маркс своими связями с деятелями рабочего движения Германии, где в нелегальных условиях бывшие члены Союза коммунистов продолжали вести революционную работу.

В конце декабря 1853 г. к Марксу приехал из Дюссельдорфа немецкий социалист Густав Леви, в качестве представителя прежних общин Союза коммунистов в Западной Германии. Леви информировал Маркса о революционных настроениях рабочих Рейнской провинции и пытался получить у него моральную санкцию на их вооруженное выступление. Маркс всячески старался разъяснить несвоевременность и авантюристический характер, при существующих условиях, подобного акта.

Через пару лет, в феврале 1856 г. в доме Маркса вновь появился Леви с поручением дюссельдорфских рабочих. Из его информации Маркс выяснил, что среди рабочих Рейнской провинции ведется революционная пропаганда и они по-прежнему считают его и Энгельса своими признанными вождями. В случае пролетарского восстания в Рейнской области они просили Маркса и Энгельса приехать и взять на себя политическое и военное руководство. С большим терпением и тактом Маркс разъяснял посланцу немецких рабочих основы революционной тактики. Он просил Леви передать рейнским рабочим, что без общего революционного подъема в Германии и возникновения революционной ситуации в Европе восстание в Рейнской провинции обречено на неуспех. Если бы парижский пролетариат подал сигнал к революции, тогда, подчеркивал Маркс, следовало бы действовать с величайшей решительностью и революционной энергией. Пока же необходимо проявлять выдержку и терпение.

В поддержании связей с немецкими рабочими, в сохранении и упрочении среди них традиций Союза коммунистов Маркс видел одно из важных средств революционного и интернационального воспитания немецкого пролетариата.

Маркс и чартизм 50-х годов

Постоянную помощь оказывал Маркс руководителям левого революционного крыла чартизма, предпринимавшим в 50-е гг. поистине героические усилия для возобновления чартистской агитации

на новой, социалистической основе. По убеждению Маркса и Энгельса, Национальная чартистская ассоциация, хотя численность ее значительно упала, могла бы при благоприятных условиях превратиться в ядро массовой пролетарской партии Англии — почти единственной страны в то время, где вообще имелись известные шансы для создания подобной партии. Именно поэтому Маркс и Энгельс уделяли такое внимание английскому рабочему движению.

Особенно большую поддержку оказал Маркс лидеру чартистов Джонсу в налаживании издания еженедельной чартистской газеты «*People's Paper*», которая стала выходить с 8 мая 1852 г. Маркс не только сам безвозмездно сотрудничал в ней, но и привлек к корреспондентской работе Эккариуса, Пипера, Клусса. За первые же полтора года существования газеты в ней было напечатано, не считая заявлений, 17 статей Маркса, в том числе знаменитая серия «Лорд Пальмерстон». Перед читателями рабочей газеты он раскрывал основы революционно-пролетарской тактики применительно к конкретным условиям Англии 50-х гг.

В критическое для «*People's Paper*» моменты, когда редакция испытывала недостаток материалов или финансовые трудности, Маркс всегда приходил на помощь Джонсу. «Несмотря на свои собственные денежные затруднения, я целыми днями таскался вместе с ним от Понтия к Пилату по денежным делам его газеты», — писал он Энгельсу 2 сентября 1852 г.¹ Нередко Маркс непосредственно участвовал в ее редактировании. Благодаря его помощи «*People's Paper*» стала боевой, подлинно революционной пролетарской газетой.

В 1853 г. чартисты пытались использовать поднявшуюся в Англии волну забастовок для вовлечения рабочих в борьбу за Народную хартию. Маркс в своих статьях подчеркивал значение этого стачечного движения. Если бы рабочие не оказывали сопротивления наступлению хозяев на их экономические интересы, писал он, «рабочий класс Великобритании и всей Европы был бы подавленной, умственно отсталой, внутренне опустошенной, покорной массой, для которой освобождение собственными силами было бы так же невозможно, как для рабов Древней Греции и Рима»². В то же время Маркс весьма одобрительно относился к выступлениям Джонса на митингах и в печати, в которых доказывалась недостаточность борьбы только за экономические нужды и необходимость сочетания ее с политической борьбой.

В конце 1853 — начале 1854 г. чартистами были предприняты шаги к созданию широкой рабочей организации под названием «Массовое движение». Она должна была охватить и тред-юнионы, и неорганизованных рабочих, и чартистские группы. Руководящим ор-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 103.

² Там же. Т. 9. С. 175.

ганом «Массового движения» предполагалось сделать периодически созываемый рабочий парламент.

С 6 по 18 марта 1854 г. в Манчестере заседал первый Рабочий парламент Англии, созданный по инициативе Джонса. Маркс был приглашен в качестве почетного делегата. 9 марта 1854 г. он послал письмо Рабочему парламенту — лично приехать в Манчестер он не мог,— опубликованное в «People's Paper». В этом документе Маркс выдвинул перед английским пролетариатом боевую задачу «организации рабочего класса в национальном масштабе»¹.

Надежды Маркса на Рабочий парламент, однако, не оправдались. В нем возобладали представители типичных тред-юнионистских слоев, которые вместо практически важных для рабочего движения дел посвятили большую часть времени обсуждению планов разрешения социального вопроса в духе идей мелкобуржуазного социализма. При составлении программы Джонс и его товарищи пошли на серьезные идейные уступки тред-юнионистам и буржуазным кооперативистам, отказавшись от включения в нее чартистских политических требований. Подобная программа не могла служить основой для борьбы за создание пролетарской партии. Организация «Массовое движение» вскоре прекратила свое существование.

Летом 1855 г. чартисты организовали в Лондоне две мощные народные демонстрации против принятых парламентом актов о запрещении воскресной торговли, ущемлявших интересы рабочих, которые получали, как правило, недельный заработок в субботу вечером. В воскресенье 24 июня 1855 г. и через неделю 1 июля в лондонском Гайд-парке собиралась многотысячная толпа. Маркс вместе с Либкнехтом был участником происходивших событий и едва избежал ареста во время второй демонстрации, подвергшейся нападению отрядов констеблей.

Несмотря на подобные вспышки активности масс, движение рабочего класса под знаменем чартизма в целом все больше шло на убыль. Среди английских рабочих наблюдались разочарование в политической деятельности и апатия. Но даже в этот тяжелый период Маркс не уставал поддерживать чартистов, ободрять их, вселять в них стойкость. 14 апреля 1856 г. на банкете, посвященном четырехлетнему юбилею «People's Paper», Маркс произнес одну из самых вдохновенных речей, полную непоколебимой веры в неизбежность социалистической революции, в творческие революционные силы пролетариата.

Беспокойство и огорчение начало вызывать у Маркса поведение самого Джонса. Вместо настойчивой работы в массах он стал втягиваться в мимолетные и бесперспективные политические кампании по созданию вместе с буржуазными радикалами и мелкобуржуазными эмигрантами различных международных комитетов, ассоциаций

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 123.

и т. д. Маркс постоянно предупреждал Джонса, что сближение с радикалами в сложившейся обстановке чревато опасностью утраты самостоятельности пролетарского движения. Он советовал ему перенести центр деятельности в фабричные округа и не растрчивать энергию на поддержку буржуазных и мелкобуржуазных элементов.

Однако Джонс не внял советам Маркса. Компромисс, заключенный Джонсом с радикалами, сделал невозможным дальнейшее сотрудничество Маркса в «People's Paper». В начале 1858 г. фактически распалась Национальная чартистская ассоциация. В июне того же года «People's Paper» попала в руки буржуазных дельцов. Как ни тяжело было Марксу прекращать дружеские связи с одним из своих бывших боевых товарищей, однако непримиримое отношение к подобному рода шатаниям побудило его пойти на разрыв с Джонсом. «С Эрнестом Джонсом я порвал», — с горечью писал Маркс 1 февраля 1859 г. Вейдемейеру¹. В начале 60-х гг. старый чартистский лидер снова стал выступать с революционных позиций, и Маркс возобновил с ним дружбу.

Идейные колебания Джонса Маркс и Энгельс связывали с усилением в английском рабочем движении реформистских тенденций. Причину этого они видели в мировой промышленной и колониальной монополии Англии, в избытке богатств, накапливаемых английской буржуазией за счет колониального грабежа, в ее гибкости, готовности подкармливать из своих барышей верхушку рабочего класса. Силы английского пролетариата были парализованы расколом, вызванным переходом на сторону буржуазии рабочей аристократии. Ее влияние нашло выражение в господстве либерально-тред-юнионистских элементов, в забвении революционных традиций чартизма.

Связи с рабочим движением США

Республиканский строй и известные демократические свободы открывали возможности для организации рабочего класса в северных штатах Американской республики. Правда, система плантационного рабства на Юге сковывала экономическое и политическое развитие страны. Часть рабочего класса постоянно уходила на свободные земли Запада. Существовала рознь между коренными американскими рабочими и рабочими-иммигрантами из Германии, Италии, Ирландии. В идейном отношении массы пролетариата отличались большой незрелостью.

Посредниками между Марксом и передовыми американскими рабочими были члены Союза коммунистов Иосиф Вейдемейер

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 466.

и Адольф Клусс. Маркс вел регулярную переписку с Клуссом, продолжавшуюся с 1851 г. вплоть до второй половины 1854 г. (она прекратилась в связи с отходом Клусса от коммунистической пропаганды). С Вейдемейером до конца его дней (он умер в 1866 г.) Маркса связывали узы прочной дружбы. Клусс и Вейдемейер были пионерами распространения марксизма в США. Они предприняли издание ряда произведений Маркса в Америке, пропагандировали идеи научного социализма в печати. Известное содействие им в этом оказал и эмигрировавший в 1853 г. в Америку А. Якоби.

Маркс поддерживал стремления Вейдемейера создать в США пролетарскую организацию по образцу Союза коммунистов. Особенно одобрил он участие Вейдемейера в основании широкого Американского рабочего союза, созданного в марте 1853 г. В большинстве своем он состоял из рабочих-эмигрантов. Вейдемейер стремился превратить Союз в костяк будущей политической партии американских рабочих.

Друзья Маркса старались использовать для распространения социалистических идей в США нью-йоркскую газету «Die Reform», издававшуюся на немецком языке. Она была основана 5 марта 1853 г. и вскоре стала органом Американского рабочего союза. Просуществовала эта газета до конца апреля 1854 г. Маркс горячо одобрил попытки Вейдемейера и Клусса утвердить свое влияние в редакции газеты и добиться превращения ее в пролетарский орган. Он старался обеспечить их материалами из Европы, привлечь к сотрудничеству в газете Джонса, Эккариуса, Пипера. Маркс предоставил Клуссу возможность безвозмездно публиковать в «Reform» в немецком переводе статьи, которые сам он и Энгельс писали для американских газет в порядке постоянной корреспондентской работы. Он подсказывал Клуссу и Вейдемейеру важные для американских читателей темы, помогал вести борьбу против буржуазной идеологии, в частности против входившей тогда в моду теории американского вульгарного экономиста Кэри.

Благодаря помощи Маркса «Reform» стала одной из лучших рабочих газет США. Маркс весьма сожалел, когда в результате денежных затруднений, а также внутренних разногласий, вызванных позицией мелкобуржуазных членов редакции, выпуск газеты прекратился. «Досадна гибель «Reform»», — писал он Энгельсу 22 мая 1854 г.¹

В октябре 1857 г. немецкие эмигранты, связанные с Вейдемейером, Фридрих Камм, Альберт Комп и другие основали в Нью-Йорке Коммунистический клуб. Одним из активных деятелей этого Клуба был участник баденского восстания Фридрих Адольф Зорге. Члены Клуба изучали произведения Маркса и Энгельса и использовали их для пропаганды среди рабочих. Его руководители стреми-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 306.

лись и непосредственно связаться с Марксом. «Нет никакого сомнения,— писал Камм Марксу 19 декабря 1857 г.,— что, поскольку Вы продолжаете вести борьбу в области теории и критики за идею коммунизма и всегда будете ее вести, Вы являетесь также учителем и партийным вождем коммунистов Старого света, и что в силу этого нити организации сходятся к Вам, как к центральному пункту...»¹

Представители Коммунистического клуба предлагали Марксу возродить Союз коммунистов в Европе, на что он ответил, что новые условия развития рабочего движения в европейских странах исключают возврат к такой сравнительно узкой форме сплочения пролетарских сил. Поэтому главную задачу он видит в том, чтобы готовить почву для создания массовой организации и в первую очередь разрабатывать революционную теорию.

Сотрудничество в прогрессивной буржуазной печати

Даже в благоприятные для пролетарской публицистики времена Маркс считал целесообразным выступление пролетарских революционеров на страницах буржуазно-демократических и вообще прогрессивных газет и журналов. Тем более важным было использование этого канала воздействия на общественное мнение в обстановке реакции. И Маркс принял полученное в начале августа 1851 г. от редакции американской буржуазной газеты «New-York Daily Tribune» приглашение стать ее лондонским корреспондентом. Корреспондентская работа была необходима Марксу в те годы и как единственный для него вид заработка.

«New-York Daily Tribune» являлась одним из наиболее распространенных американских периодических изданий. Основанная в апреле 1841 г. Хорасом Грили, который сам выбился в ряды крупных издателей из народных низов, «Tribune» сделалась выразительницей экономических и политических идеалов прогрессивных буржуазных кругов. Она выступала за ограничение территории распространения рабства негров, в целом поддерживала движение за их освобождение, хотя и не солидаризировалась с его наиболее решительными представителями. Линия газеты в условиях назревавшего конфликта между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом отвечала настроениям и более широких общественных слоев, постоянно привлекала к ней массового читателя. Немало способствовала этому и ее дешевизна.

Более радикальных взглядов, чем Грили, придерживался другой влиятельный член редакции — Чарлз Дана, тесно связанный в свое время с кругами американских фурьеристов и долго сохранивший

¹ MEGA. Abt. IV. Bd. 8. S. 518.

интерес к социалистическим учениям. Осенью 1848 г. Дана познакомился в Кёльне с Марксом, ум и знания которого произвели на него сильнейшее впечатление. Именно по его инициативе Маркс и был приглашен в сотрудники «New-York Daily Tribune».

Энгельс одобрительно отнесся к решению Маркса принять предложение Дана. Для того чтобы Маркс, занятый экономическими исследованиями, мог сразу же подкрепить свое согласие сотрудничать в газете чем-то ощутимым, Энгельс по его просьбе взялся написать серию статей «Революция и контрреволюция в Германии». С августа 1852 г. Маркс сам включился в авторскую работу. Первоначально он писал статьи по-немецки. В Нью-Йорк рукописи отправлялись обычно из Манчестера в переводе Энгельса. Однако уже в январе 1853 г. Маркс «рискнул сам написать статью для Дана *по-английски*»¹. Ознакомившись с одной из первых статей Маркса, написанных на английском языке, Энгельс поспешил порадовать своего друга: «Прими мои поздравления. Английский язык не просто хорош, он прямо блестящ»².

Позднее между друзьями сложилось некое разделение тематики. Маркс в большинстве случаев освещал в своих статьях экономическое положение, внутреннюю и внешнюю политику европейских государств, развитие рабочего и демократического движения. Энгельс почти целиком взял на себя анализ военных событий, им были написаны также многие статьи по другим вопросам. Некоторые корреспонденции были результатом прямого сотрудничества обоих.

К своим журналистским обязанностям Маркс относился с чрезвычайной научной добросовестностью. Нередко для составления одной корреспонденции или небольшой группы статей он предварительно проделывал большую исследовательскую работу. Энгельс позднее писал о статьях Маркса для «Tribune», что это были «не обычные корреспонденции, а основанные на тщательном изучении и часто состоящие из целой серии статей обстоятельные обзоры политического и экономического положения отдельных европейских стран»³. По сравнению с другими публикуемыми в «Tribune» материалами они выделялись прежде всего глубиной и точностью характеристики ситуаций, событий, деятелей, содержали важные теоретические обобщения.

Корреспондентская работа Маркса тесно переплеталась с его теоретическими занятиями, особенно в области политической экономики. Многие собранные им материалы и сделанные научные выводы он использовал в статьях. С другой стороны, обусловленное корреспондентской работой постоянное обращение к текущим событиям и фактам, к конкретной экономике расширяло базу и для теоретического анализа. Содержание ряда статей из «Tribune»

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 177.

² Там же. С. 212.

Там же. Т. 22. С. 354.

Маркс позднее использовал в своих крупных экономических трудах. В предисловии к книге «К критике политической экономии» он отмечал, что регулярная журналистская деятельность обогатила его знакомством с многими «практическими деталями, лежащими за пределами собственно науки политической экономии»¹.

Статьи Маркса очень скоро привлекли особое внимание читателей «Tribune» и повысили ее авторитет. Редакция также должна была признать необычное в тогдашней газетной практике теоретическое богатство этих работ. 7 апреля 1853 г., например, она сочла нужным в передовой статье воздать должное «замечательным способностям» своего корреспондента: «Г-н Маркс имеет свои собственные весьма определенные взгляды, которые мы в известной части далеко не разделяем, но тот, кто не читает его статей, лишает себя одного из наиболее поучительных источников информации по великим проблемам современной европейской политики»². В письме Женни Маркс 1 июля 1853 г. Дана заверял, что статьи ее мужа высоко котируются у издателей и публики³. Некоторые статьи Маркса перепечатывались или цитировались другими американскими газетами, например «New-York Times». Они становились известными и в Европе.

Однако при всей прогрессивности редакторам «Tribune» был свойствен чисто предпринимательский подход к корреспондентам, стремление выжать из них максимум за минимальную плату. Оплата работы Маркса первоначально вообще не была регламентирована каким-либо соглашением. Скучный гонорар выплачивался с большими задержками.

Многие статьи Маркса и Энгельса редакция не печатала, исходя из меняющихся запросов буржуазной публики или по причинам несогласия с их содержанием. Летом 1856 г. Дана вернул Марксу целую серию статей Энгельса о панславизме. Такая же участь постигла и статьи самого Маркса, направленные против политики царской России и бонапартистской Франции в Дунайских княжествах. Весьма бесцеремонно обращалась редакция и с публикуемыми статьями. Довольно часто она произвольно сокращала текст или делала добавления, нередко совершенно противоречащие его содержанию. Значительную часть корреспонденций Маркса и Энгельса редакторы публиковали в виде передовых статей, без подписи. Маркса глубоко возмущала такая «политика аннексий»⁴, но протесты не помогали.

Иногда требование редакции не высказывать определенной партийной точки зрения служило непреодолимым препятствием для освещения той или иной темы. Предлагая в декабре 1853 г. Марксу

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 9.

² Там же. Т. 28. С. 201.

³ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 663.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 258.

написать серию статей о немецкой философии, Дана в то же время подчеркнул, что они не должны задевать религиозных чувств американцев, иными словами, требовал обойти борьбу за атеистическое мировоззрение¹. Такое предложение, разумеется, было для Маркса неприемлемым. Подобное же условие поставил Дана Марксу, когда в апреле 1857 г. предложил ему сотрудничать в «Новой американской энциклопедии», одним из редакторов которой он был. Это делало невозможным написание статей по проблемам истории философии, о чартизме, социализме и коммунизме. Пришлось ограничиться главным образом военной тематикой, «бравой военщиной», как в шутку писал Энгельс², а также биографиями исторических деятелей. Большую часть статей взял на себя Энгельс. Маркс написал для энциклопедии несколько биографических очерков о наполеоновских маршалах и дипломатах — Брюне, Бертье, Бесьере, Бернадоте, Бурьенне, о руководителе национально-освободительного движения латиноамериканцев Боливаре и участнике революции 1848 г. в Германии Роберте Блюме.

Бывали моменты, когда Маркс готов был порвать с «Tribune», но его останавливало сознание важности сохранения хотя бы этого средства общения с читательской массой. Прибегая к гибкой форме изложения, иногда к полунамёкам, ему удавалось проводить в своих статьях революционно-пролетарскую точку зрения. Маркс и Энгельс фактически использовали буржуазную газету, помимо воли ее редакторов, для обличения буржуазного строя. Даже сотрудничая в «Новой американской энциклопедии», Маркс по существу обходил требование редакции о составлении статей в академическо-справочном духе. И здесь его работы отражали революционно-материалистические убеждения, партийное отношение к описываемым событиям.

Осенью 1854 г. Маркс через Лассалья получил еще одно приглашение — сотрудничать в немецком буржуазно-демократическом органе «Neue Oder-Zeitung». Основанная в Бреславле (Вроцлаве) в период революции, в марте 1849 г., «Neue Oder-Zeitung» являлась одной из немногих оппозиционных газет, сумевших продолжить свое существование и в первые годы реакции. При всех недостатках она была тогда единственным легальным демократическим органом в Германии. ««Neue Oder-Zeitung», — отмечал Маркс в письме ее редактору Эльснеру, — печатает максимум того, что возможно при теперешнем положении печати»³. Сотрудничество в ней открывало для Маркса возможность непосредственно связаться с немецким читателем. Отдавая себе отчет, с какими цензурными и прочими трудностями приходится сталкиваться издателям прогрессивного органа в реакционной Германии, он считал своим долгом посылить

¹ Письмо Ч. Дана — Ж. Маркс, 16 декабря 1853 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 705.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 102.

³ Там же. Т. 28. С. 528.

поддержать «*Neue Oder-Zeitung*» в ее «скрытой борьбе против властей предрежащих»¹.

Первая статья Маркса была опубликована в «*Neue Oder-Zeitung*» 2 января 1855 г. В течение ряда месяцев Маркс регулярно посылал каждую неделю по две корреспонденции, а иногда и более. Узнав о тяжелом финансовом положении газеты, он выразил готовность снабжать ее материалами бесплатно. Некоторые свои корреспонденции он писал параллельно и в «*New-York Daily Tribune*», и в «*Neue Oder-Zeitung*», а также переводил для последней военные обзоры о ходе Крымской войны, написанные Энгельсом по-английски для Америки.

Осенью 1855 г. дела газеты еще более ухудшились. Нависла угроза закрытия. Выпуск ее едва удалось дотянуть до конца года.

Свои выступления в «*Neue Oder-Zeitung*» Маркс и Энгельс использовали для того, чтобы подсказать передовым демократическим кругам Германии и Европы революционную тактику в сложной международной ситуации, вызванной Крымской войной. Ряд их статей был направлен против продолжавшегося заигрывания прусской правящей клики с русским царизмом. В иносказательной форме критиковались и позиции немецкой, прежде всего прусской, буржуазии. Раскрывая антинародные черты английской конституции, многие статьи Маркса развенчивали политические идеалы либералов, рассматривавших ее как образец для будущего германского государственного устройства, наносили удар конституционным иллюзиям и самих буржуазных демократов. Описанием ряда выступлений английского пролетариата Маркс давал понять немецкому читателю, что существуют симптомы, предвещающие наступление нового подъема революционной энергии масс, что и в годы реакции не угас боевой дух рабочего класса.

Маркс-публицист

Статьи и корреспонденции Маркса в «*New-York Daily Tribune*» и в «*Neue Oder-Zeitung*» ярко отражают его черты как пролетарского публициста, умевшего в невероятно трудных условиях реакции пробуждать революционные чувства масс страстным обличением капитализма, реакционного политического строя европейских государств, антинародной политики господствующих классов. Беспощадно развенчивал Маркс тот лицемерный оптимизм, с которым реакционеры и благомыслящие буржуа пытались представить период реакции как начало эры стабильности и устойчивости, якобы исключавших из жизни общества революционные потрясения. С нескрываемым презрением отзывался он об «официальных экономических прорицателях», изображавших временное оживление промышлен-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 518.

ности и торговли как наступление непрерывного благоденствия. Маркс писал, что «не было еще ни одного периода процветания, когда бы они не воспользовались случаем для утверждения, что *на этот раз* медаль не имеет оборотной стороны, что *на этот раз* неумолимый рок побежден»¹. В противовес буржуазным экономистам он в самый разгар экономического подъема предсказывал, что будущий кризис значительно превзойдет по своим масштабам и глубине кризис 1847 г.

Глубоко фальшивы были, показывал Маркс, и утверждения идеологов буржуазии, будто экономическое процветание принесло прочное благополучие трудящимся массам. Он приводил сотни фактов, свидетельствовавших, что подъем экономики ни в малейшей степени не смягчил бедствий, от которых страдали трудящиеся, не устранил растущего обнищания низших слоев, социальной обездоленности, духовного и физического калечения людей труда на фабриках; не устранил он и тяжкого бича рабочего класса — безработицы.

Два общественных явления, указывал Маркс, с особой силой раскрывают подлинную цену для трудящихся масс капиталистического процветания, — это голод и вынужденная эмиграция: случаи смерти от истощения людей в расцвете лет в заваленной товарами, концентрирующей у себя богатства всего мира Англии, и переселение за океан тысяч тружеников, которых нужда, лишения, обезземливание гнали с родных мест. Рост общественного богатства в капиталистическом обществе, неустанно подчеркивал Маркс, происходит ценой разорения и невероятных страданий огромного большинства людей, в то время как плодами его пользуется кучка эксплуататоров. Прогресс в таком обществе подобен «отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых»².

Реалистически изображая капиталистическую действительность, Маркс при этом никогда не впадал в сентиментальный тон мелкобуржуазных писателей, у которых ее отрицательные стороны вызывали лишь сетования и жалобы. Как истинный революционер, он видел в успехах капиталистической экономики и соответственно в углублении противоречий капитализма источник созревания предпосылок для будущей социальной революции, призванной заложить основы нового общественного строя. «Буржуазная промышленность и торговля создают эти материальные условия нового мира подобно тому, как геологические революции создали поверхность земли», — писал Маркс³.

С неослабевающим революционным пафосом выражал Маркс свою уверенность в растущей мощи пролетариата, в приближении

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 391.

² Там же. Т. 9. С. 230.

³ Там же.

с каждым поступательным шагом истории того момента, когда он приступит к осуществлению своей великой миссии преобразователя мира. Маркс чутко улавливал и отражал в статьях каждый симптом консолидации сил рабочего класса, возлагая на него главные надежды в борьбе против реакционных режимов. Какова бы ни была внешняя обстановка, бушевало ли вокруг пламя революции, или царствовала глухая реакция, Маркс был верен своей цели: помогать пролетариату осознать его исторические задачи, непреклонно звать его к борьбе.

Статьи о политическом строе Англии

Много внимания Маркс уделял наиболее развитой из тогдашних капиталистических стран — Англии. Процессы, происходившие в капиталистическом мире, он изучал прежде всего на основании экономического развития этой «метрополии капитала». Всестороннему анализу подверг Маркс и государственный строй Англии, политику правящих классов, позицию различных политических партий и группировок. Положению Англии были посвящены его статьи «Выборы в Англии.— Тори и виги», «Чартисты», целая серия корреспонденций, содержащая характеристику коалиционного министерства Абердина 1852—1855 гг., памфлет «Джон Рассел», статьи «Британская конституция», «Пальмерстон и английская олигархия», «Английские выборы» и многие другие.

Одной из задач, которую ставил Маркс, было развенчание либеральной легенды о капиталистической Англии как оплоте свободы и политического равенства. Он стремился уничтожить этот мнимый ореол, окружавший страну, в которой «деспотизм капитала и рабство труда достигли наибольшего развития»¹. В своих работах Маркс показал, что, несмотря на наличие некоторых завоеванных английским народом демократических свобод, политический строй Англии в целом покоится на консервативных основах. Политические привилегии земельной аристократии и верхушки буржуазии (главным образом финансовой и торговой), монополизировавших правительственные посты, почти все государственные должности и парламентские места, не были поколеблены. Политическая власть попеременно переходила в руки то одной, то другой из двух правящих партий: то к тори — прямым выразителям интересов земельной аристократии, «ревностным приверженцам одной лишь земельной ренты», то к вигам — «аристократическим представителям буржуазии, промышленного и торгового среднего класса»². Эта двухпартийная система позволяла правящей буржуазно-аристократической олигархии ма-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 122.

² См. там же. Т. 8. С. 354, 356.

неврировать в интересах укрепления своего господства, обманывать массы видимостью свободного соревнования политических сил.

Маркс подметил происходивший в тот период процесс слияния земельной и финансовой аристократии с промышленной буржуазией, все большего приспособления олигархического режима к интересам последней, начавшуюся перестройку старых партий, которые постепенно приобретали открыто буржуазный характер. Тори трансформировались в партию крупной буржуазии — консерваторов, виги — в либеральную партию, вокруг которой группировались более широкие слои средней и мелкой буржуазии.

Буржуазно-олигархический режим, подчеркивал Маркс, накладывал оковы на развитие страны, препятствуя всяким демократическим преобразованиям. Законодательная деятельность парламента была сведена к паллиативным мерам, что особенно наглядно обнаруживалось в бюджетах и финансовых реформах. Составляя бюджеты, представители олигархии всячески остерегались, отмечал Маркс, перешагнуть ту грань, «за которой начинаются выгоды для рабочих и убытки для аристократии и буржуазии»¹.

Английскую олигархию Маркс-публицист нередко разоблачал в форме политических зарисовок ее наиболее видных представителей. Созданная им портретная галерея государственных деятелей Англии XIX в. — Пальмерстона, Рассела, Абердина, Кларендона, Гладстона, Дерби, Дизраэли и др. — отличается сочностью красок, сатирической заостренностью и в то же время удивительно точно передает характерные черты английских буржуазно-аристократических политиков. Весьма критически отзывался Маркс и о буржуазных противниках олигархии, лидерах фритредерской промышленной буржуазии — Брайте и Кобдене. Политика фритредеров, указывал он, была проникнута духом половинчатости, боязнью массовых выступлений, враждебностью к самостоятельному движению рабочего класса. Фритредеры, писал Маркс, «предпочитают вступить в сделку с умирающим противником, нежели усиливать не показными, а реальными уступками растущего врага, которому принадлежит будущее»².

Осуждая антинародные английские политические порядки, Маркс в то же время подходил к ним конкретно-исторически, как объективный пролетарский политик. При всей консервативности тогдашнего режима Англии для рабочих он был более благоприятен, чем те порядки, которые утвердились на континенте. Хотя и в урезанном виде, в Англии существовала свобода собраний, союзов, печати. Английский пролетариат имел некоторую возможность воздействовать на парламент и правительство путем так называемого «давления извне» (*pressure from without*). В отличие от всех других

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 67.

² Там же. Т. 8. С. 361.

стран Европы значительное большинство населения Англии составлял рабочий класс. Не было в Англии в то время и развитого военно-бюрократического государственного аппарата континентального типа. Учитывая эти обстоятельства, Маркс допускал тогда для Англии — в отличие от стран европейского континента — возможность мирного перехода власти в руки рабочего класса. Для обеспечения завоевания английским пролетариатом политического господства — мирными или немирными средствами, в зависимости от обстановки, — Маркс считал необходимым радикальное преобразование существующей парламентской системы, демократизацию всего политического строя страны. Именно поэтому он придавал такое большое значение чартистской программе и столь активно поддерживал попытку возродить чартистскую агитацию.

В условиях Англии, отмечал Маркс, чартистское требование всеобщего избирательного права приобрело иное содержание, чем на континенте. Если там оно не выходило за рамки буржуазно-демократической программы, а иногда даже демагогически использовалось, например, в бонапартистской Франции, контрреволюционными силами, то в Англии оно — в сочетании с другими радикальными требованиями — сделалось пролетарским лозунгом. Маркс писал, что введение всеобщего избирательного права в Англии и проведение в жизнь других пунктов чартистской Хартии привело бы к завоеванию рабочим классом политической власти. Важнейшую предпосылку этого он видел в росте политической сознательности и организованности английских рабочих, в создании ими революционной партии.

Борьба против реакционных режимов континентальной Европы

Одним из главных противников рабочего класса и демократии не только во Франции, но и во всей Европе Маркс и Энгельс считали бонапартизм. Борьба с ним стала первостепенной задачей международного рабочего движения.

В своих печатных выступлениях Маркс дополнял ту глубокую характеристику бонапартистского режима, которая была дана им в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта». Каждая его статья на эту тему была и своего рода памфлетом, гневно клеймившим хозяйничание бонапартистской клики во Франции и новой страницей, вписанной в научное исследование контрреволюционной эволюции господствующей верхушки буржуазного общества и ее государства, в изучение природы такой его формы, как бонапартистская монархия.

Бонапартистское государство, подчеркивал Маркс в статьях «Франция Бонапарта Малого», «Покушение на Бонапарта», «Прав-

ление преторианцев» и других, отражает рост контрреволюционных тенденций буржуазии, переход ее к открыто диктаторским формам господства с помощью «обнаженной сабли», посредством прямого насилия и полицейского деспотизма. На бонапартистском режиме лежала также печать разложения верхушки буржуазного общества. Огромных размеров достигли коррупция, взяточничество, расхищение государственных средств, охватившие все сферы паразитического государственного аппарата, в том числе и военное ведомство. «Рак, разъедающий французскую армию,— воровство и растраты — составляет органический принцип империи времен упадка»,— писал Маркс весной 1856 г.¹

В статье «Проект регулирования цен на хлеб во Франции» и в других работах Маркс отмечал типичное для бонапартизма лавирование Наполеона III между различными классами общества, стремление его сыграть роль одновременно и покровителя сельской Франции, и чего-то «вроде социалистического провидения в отношении городского пролетариата», и «спасителя собственности» в глазах французской буржуазии². Указывая в своих корреспонденциях на внутреннюю фальшь этой политики «умиротворения всех классов», Маркс в то же время отнюдь не считал безобидным фарсом попытки бонапартистских властей «подкупить совесть французского рабочего класса»³. Он считал своей обязанностью предупреждать об опасности бонапартистской социальной демагогии, о ее развращающем воздействии на неустойчивые элементы рабочих.

Большую угрозу видел Маркс и в стремлении бонапартистской клики использовать в своих интересах национальные движения. Маркс предостерегал Кошута и Мадзини от сближения с ней, которое могло превратить их в невольное орудие бонапартистских интриг и нанести ущерб делу национального освобождения Венгрии и Италии. В марте 1858 г. в статье «Мадзини и Наполеон» он с удовлетворением отмечал, что выдающийся итальянский демократ стал распознавать суть бонапартистской политики в национальном вопросе.

Своими статьями Маркс приподнял завесу над классовой подоплекой режима Второй империи, открывавшего широкий простор для хищнической наживы крупных финансовых воротил и промышленников. Безудержный ажиотаж, писал он, превратил Францию «в игорный дом», биржевая спекуляция стала «жизненным принципом» империи, грубо пренебрегавшей экономическими законами⁴. Целую серию статей Маркс посвятил банку «Crédit Mobilier», пользовавшемуся особым покровительством Наполеона III. В деятельно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 11. С. 630.

² См. там же. Т. 12. С. 665.

³ См. там же. С. 426.

⁴ См. там же. Т. 11. С. 668; Т. 12. С. 216.

сти этого банка, который занимался не только сферой кредита, но и вкладывал свои капиталы в промышленные предприятия, каналы, железные дороги, Маркс подметил начало изменения экономической роли банков, зародыши процесса, который получил развитие гораздо позднее, на империалистической стадии капитализма. Он пророчески писал, что «применение формы акционерных компаний в промышленности знаменует новую эпоху в экономической жизни современных народов»¹.

Маркс отлично видел, что раздувание бонапартистской печатью экономических «успехов» Франции, парадная пышность двора, перестройка столицы, тайной целью которой было в то же время облегчение обороны «на случай взрывов недовольства в самом городе»², служили для Второй империи лишь средством маскировки внутренней неустойчивости и грозящего банкротства, спасение от которого правящая клика искала во внешних авантюрах. Недовольство режимом все более распространялось на самые широкие слои. Во Франции, указывал Маркс в 1857 г., «социальная поверхность уже колыхается и вздымается под действием подземного огня»³.

Маркс стремился показать, что в неизбежном свержении режима Второй империи решающее слово будет принадлежать не буржуазной оппозиции, а народным массам и прежде всего доблестному французскому пролетариату. «Как видишь, пролетарский лев не умер», — писал Маркс Клуссу 25 марта 1853 г.⁴ по поводу участия парижских рабочих в похоронах жены видного революционера Распайля, вылившихся в демонстрацию против бонапартистского режима. Большие надежды возлагал он на неукротимую революционную энергию вождя французских рабочих Бланки, томившегося в заточении.

Реакция в Европе, как об этом неоднократно писал Маркс, поддерживалась объединенными усилиями контрреволюционных правительств. Активное участие в этом своеобразном жандармско-полицейском сообществе принимала гогенцоллерновская Пруссия.

Положению этой страны Маркс посвятил немало корреспонденций. Все они проникнуты духом непримиримой борьбы против реакционного пруссачества, против полицейско-бюрократических порядков прусской монархии — цитадели контрреволюции во всем Германском союзе, против засилия косного, заскоружлого юнкерства.

Усилия прусских реакционеров, доказывал Маркс в статьях «Умопомешательство прусского короля», «Положение в Пруссии» и других, были направлены к тому, чтобы выкорчевать все следы политических реформ, осуществленных в период революции 1848 г.,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 34.

² См. там же. С. 451.

³ Там же. С. 245.

⁴ Там же. Т. 28. С. 484.

вытравить само воспоминание об этом грозном для них годе. Таков был смысл многочисленных пересмотров конституции 1848 г. «Весь этот канительный процесс,— отмечал Маркс,— был проделан с целью стереть последние черты, напоминающие о революционном происхождении этого лоскутного творения»¹. Маркс называл прусский ландтаг «простой бутафорией», «шутовским учреждением»².

В статье «Божественное право Гогенцоллернов» Маркс показал, что сама история возвышения этой династии вскрывает специфически реакционные черты прусской политики, сохранившиеся и в XIX в. Мелкое хищничество и вероломство, предательский сговор с сильными державами за спиной у соседей с целью поживиться за их счет — таковы были традиционные средства достижения захватнических целей бранденбургскими курфюрстами, ставшими позднее прусскими королями.

Фактическое восстановление абсолютизма в Пруссии Маркс считал результатом трусости и половинчатой позиции немецкой буржуазии. Он окончательно пришел к выводу, что буржуазия в Пруссии, и вообще в Германии, утратила способность к решительным антиправительственным действиям, что она смертельно боится народных движений. Все ее помыслы и устремления направлены на увеличение прибылей. Ее перестала интересовать прогрессивная философия, отражавшая оппозицию существующим порядкам; «спекуляция в области идей уступила место спекуляции ценными бумагами»³.

Заносчивость юнкерства и бюрократии и рабская покорность буржуазии, отмечал Маркс, отнюдь не свидетельствовали о незыблемости реакционных устоев в Германии. В стране бурно росли промышленность и торговля. Берлин из плацпарадного аристократического города превращался в центр машиностроения. Число новых банков намного превысило количество князей в Германском сейме. Последствия совершавшегося промышленного переворота — формирование пролетариата, разорение мелкой буржуазии и крестьянства,— нерешенность исторической задачи объединения страны делали социальную обстановку в Германии напряженной. Это позволяло Марксу надеяться на близкие социальные и политические перемены и в этой части Европы.

Одним из столпов реакции в Европе была Австрийская империя. Это лоскутное многонациональное абсолютистское государство должно держаться за счет разжигания распри между подвластными Габсбургам народами. И тем не менее ход истории, подчеркивал Маркс в статье «Банкротство Австрии» и в других работах, подтачивал основы многовековой реакционной монархии. Никакими

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 631.

² См. там же. Т. 9. С. 528, 529.

³ Там же. Т. 11. С. 668.

бюрократическо-полицейскими усилиями невозможно было предотвратить роста центробежных сил, национально-освободительной борьбы, углубления внутреннего кризиса, финансовых и других затруднений.

Окруженные своими армиями, виселицами, тюрьмами, заметил Маркс еще в 1853 г., реакционные правители «чувствуют, что все троны Европы сотрясаются до самого основания при первых же предвестниках революционного землетрясения»¹. Нетрудно предвидеть, какая участь ждет эти прогнившие режимы, давал понять своим читателям Маркс, когда снова забушует революционный ураган.

Разоблачение колониальной политики капиталистических государств

С 50-х гг. XIX в. в научной и публицистической деятельности Маркса проявляется все возрастающий интерес к историческим судьбам колониальных и зависимых народов. К этому времени процесс колониального закабаления отсталых стран капиталистическими государствами значительно продвинулся вперед. Аннексией Пенджаба Англия завершила в 1849 г. завоевание Индии, захватила в 1852 г. бирманскую провинцию Пегу, вела колониальные войны против Китая (1840—1842, 1856—1858, 1860), Афганистана (1838—1842), Ирана (1856—1857), расширила свои владения в Южной Африке. Французские колонизаторы участвовали в завоевательных авантюрах на Дальнем Востоке, предпринимали карательные походы против арабских и кабилских племен Алжира. Активное участие в колониальной экспансии стала принимать буржуазия США. Вместе с тем усилилось сопротивление народных масс стран Азии и Африки колонизаторам.

Маркс и Энгельс внимательно следили за событиями на Востоке и постоянно откликались на них в печати. Раскрывая существенные черты колониальной политики и вырабатывая позицию рабочего класса по отношению к освободительной борьбе угнетенных народов, они развили основы революционно-пролетарского учения по национально-колониальному вопросу, углубили теоретическое обоснование принципов пролетарского интернационализма. Изучение колониальных проблем дало Марксу также дополнительный материал для исследования важных сторон капиталистического способа производства и позднее нашло отражение в «Капитале».

Однако Маркс не ограничивал свою задачу только теоретическим анализом вопроса. Целью его печатных выступлений было прежде всего прямое обличение колониальной политики и ее вдохновителей. В середине XIX в., когда даже многие видные представители евро-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 553.

пейской демократии не были свободны от высокомерного отношения к народам Востока, страстное выступление в защиту прав этих народов на самостоятельное развитие было актом большого мужества, выражением последовательной пролетарской революционности. Маркс шел здесь наперекор укоренившимся традициям и предубеждениям.

Особенно много места Маркс уделял Индии — крупнейшей английской колонии. Положение этой страны он рассмотрел в статьях «Британское владычество в Индии», «Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности», «Будущие результаты британского владычества в Индии» и в ряде других. С пристальным вниманием следил он за событиями в Китае. В статьях «Революция в Китае и в Европе», «Англо-китайский конфликт», «История торговли опиумом» Маркс клеймил завоевательную политику на Дальнем Востоке английских, французских и других колонизаторов, жертвой которой стал Китай. Касался он и действий европейских захватчиков, направленных против Ирана, Турции, Афганистана и Бирмы. В статьях «Вопрос об Ионических островах», «Индийский вопрос.— Ирландское арендное право», «Возбуждение в Ирландии» Маркс осветил положение греческого населения острова Корфу и других Ионических островов, подчиненных с 1815 г. английскому протекторату (до 1864 г.), а также и Ирландии, которая стала колонией Англии еще в средние века.

Колониальная политика, отмечал Маркс, отражала самые отвратительные и кровавые стороны капиталистического строя. «Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство предстают пред нашим взором в обнаженном виде, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает respectable формы, а в колониях, где она выступает без всяких покровов», — писал он относительно британского господства в Индии¹. Его глубоко возмущали лицемерные попытки буржуазных идеологов приписать колонизаторам цивилизаторскую роль, изобразить их радетелями о благе покоряемых народов. Колониальные войны, неоднократно отмечал он, являются формами самого неприкрытого разбоя, актами грубейшего беззакония и произвола.

Английское завоевание Индии, сопровождавшееся жестокой борьбой Англии с конкурирующими колониальными державами — Португалией, Голландией, Францией, — представляло собой, как отмечал Маркс, целую цепь захватнических актов, осуществлявшихся с наглым цинизмом, грубым вероломством и неслыханной жестокостью. Немалую роль в этом кровавом процессе покорения огромной страны с древнейшей цивилизацией сыграла Ост-Индская компания — «компания английских купцов-авантюристов, завоевавшая Индию для выколачивания из нее денег»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 229.

² Там же. С. 185.

Маркс показал в своих статьях, какими грязными способами достигали колониальные захватчики своих целей. Одним из их главных методов, писал он, явилось широкое применение древнеримского принципа «*divide et impera*» («разделяй и властвуй»), использование феодальной раздробленности, соперничества между местными правителями, кастовой и религиозной неоднородности страны, подкупа склонных к предательству представителей местной знати и т. д.

С возмущением отзывался Маркс о военных авантюрах английских и других колонизаторов с целью закабаления Китая. Так называемые опиумные войны капиталистических держав против этой страны он рассматривал как осуществление пиратской политики по отношению к китайскому народу. Он гневно клеймил европейских завоевателей за зверские методы ведения этих войн, за грубейшее попрание всех норм международного права. «Насилование женщин, насаживание детей на штыки, сжигание целых деревень — факты, зарегистрированные не мандаринами, а самими же британскими офицерами ...» — писал Маркс по поводу действий английской военщины.

Разоблачая методы колониального хозяйничания европейских завоевателей в покоренных странах, Маркс показал, что развитие колониальной системы капитализма происходило на основе самой отвратительной формы эксплуатации человека человеком, возрождавшей давно изжитые и осужденные самим человечеством варварские институты. Подневольный труд под плетью надсмотрщика, плантационное рабство, торговля «человеческим мясом и кровью»² — все эти способы угнетения вновь расцвели в колониях. Капиталистическая Англия, указывал Маркс, широко применяла в своих колониальных владениях феодально-крепостнические методы внеэкономического принуждения. Главным орудием изъятия прибавочной и части необходимого продукта были налоги, земельный, соляной и другие, носившие характер настоящей дани. Налогово-земельные системы, введенные англичанами в Индии, указывал Маркс, по существу закрепляли феодальные отношения в индийской деревне, приспособлявая их к колониальным потребностям английского капитализма. В Бенгальском президентстве колонизаторы подчинили крестьян целой армии местных эксплуататоров, помещиков-заминдаров, которые играли роль земельных посредников между крестьянской массой и Ост-Индской компанией. В Мадрасском и Бомбейском президентствах крестьяне-райяты были превращены в кабальных арендаторов самой компании.

Использование докапиталистических форм эксплуатации было характерно для английского владычества не только в Индии. В своей европейской колонии — Ирландии, подчеркивал Маркс, английские

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 297.

² См. там же. С. 525.

завоеватели установили и поддерживали такие отношения между чужеземными лендлордами и местными крестьянами-арендаторами, которые напоминали «отношение между грабителем, извлекающим свой пистолет, и путешественником — свой кошелек»¹. Огромным паразитическим наростом явился колониальный чиновничий, судебный и военный аппарат, состоявший как в Индии, так и в значительной мере в Ирландии и других колониях во всех своих высших звеньях из англичан, что особенно подчеркивало бесправие покоренного народа.

В своих работах Маркс показал, что формы и методы эксплуатации колоний претерпели эволюцию в процессе развития капитализма. На ранней стадии, которую Маркс позднее назвал эпохой так называемого первоначального накопления, они носили характер открытого хищнического ограбления местного населения. Со времени промышленного переворота в странах Европы к дележу колониальной добычи стремились приобщиться все новые слои поднимающейся буржуазии — промышленники, фабриканты. В силу этого главной формой колониальной эксплуатации становится превращение колоний в выгодный рынок сбыта промышленных товаров и получения дешевого сырья. Колонии делались аграрно-сырьевым придатком капиталистических стран. Их экономика, целиком подчиненная интересам метрополии, развивалась однобоко и уродливо, природные ресурсы расхищались. Торговля с колониями велась на неравноправной основе, нередко принимая открыто хищнический характер, вроде контрабандного ввоза опиума в Китай.

Даже такому знатоку истории, как Маркс, нелегко было подобрать сопоставимый масштаб, чтобы охарактеризовать трагические последствия колониального порабощения для народов завоеванных стран. Обращаясь к примеру Индии, он писал, что бедствия, причиненные Индостану британским владычеством, не идут в сравнение со всеми вражескими нашествиями, истребительными войнами, завоеваниями, которые пережил в прошлом этот край. На Востоке при хозяйничании англичан пришла в состояние запущенности ирригационная система, о поддержании которой проявляли заботу даже местные деспотические правители. Результатом были упадок земледелия, частые неурожаи, постоянно повторяющийся голод, уносивший жизни миллионов людей. Господство колонизаторов обрекло население Индии, Ирландии и других колоний на беспросветную нищету, превратило его в бесправных париев, подчиненных двойному гнету местных эксплуататоров и иноземных поработителей.

Разоблачая систему колониального господства, Маркс уже в то время подметил присущие ей внутренние противоречия, ее уязвимые стороны. Он прозорливо улавливал тенденцию будущего экономи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 164.

ческого и социального развития Индии и других покоренных стран. Маркс указывал, что, разрушая патриархальные общинные порядки и допуская — в интересах колониальной наживы — возникновение зачатков капиталистической экономики, хотя и в колониально изуродованном виде, англичане, против собственной воли, содействовали созданию предпосылок для роста антиколониальных сил — национальной буржуазии и местного пролетариата. Тем самым они подрывали основы и собственного господства.

На заре возникновения антиколониальных движений Маркс уже ставил вопрос о путях освобождения колоний. «Население Индии, — писал он, — не сможет пожать плодов созревания тех элементов нового общества, которые посеяла среди него британская буржуазия, пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом, или пока сами индийцы не станут достаточно сильными, чтобы навсегда сбросить с себя английское иго»¹. В этом рассуждении содержится плодотворнейшая мысль об освобождении колоний либо в результате пролетарской революции в метрополии, либо посредством победоносной национально-освободительной борьбы народных масс самих колониальных стран. При этом Маркс отнюдь не считал эти два пути взаимоисключающими друг друга. Наоборот, он уже тогда склонен был видеть в них две стороны одного революционно-освободительного процесса.

Одним из ярких проявлений роста сопротивления угнетенных народов колонизаторам Маркс считал великое национально-освободительное восстание в Индии 1857—1859 гг. Анализу причин, характера, движущих сил этого восстания Маркс посвятил целую серию статей («Расследование о попытках в Индии», «Предстоящий индийский заем», «Доходы англичан в Индии», «Аннексия Ауда», «Налоги в Индии» и др.). Он решительно опроверг тенденциозную попытку английской буржуазной печати изобразить восстание солдатским бунтом. Маркс писал, что движение, которое Джон Буль «считает военным мятежом, на самом деле является национальным восстанием»². Несмотря на свое поражение, оно нанесло могучий удар владычеству английских колонизаторов, заставило их видоизменить методы своего господства, в частности упразднить в 1858 г. Ост-Индскую компанию.

С пристальным вниманием отнесся Маркс и к другому крупному событию на Востоке — восстанию тайпинов в Китае (1850—1864), мощной крестьянской войне, направленной против феодального и национального гнета Маньчжурской династии, а косвенно и против иностранных колонизаторов, посягавших на независимость Китая. В 1853 г. Маркс писал в «New-York Daily Tribune» о движе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 228—229.

² Там же. Т. 12. С. 259.

нии тайпинов, как о революции, призванной потрясти устои древнейшей империи. За 9 лет до открытой интервенции капиталистических держав против Тайпинского государства Маркс предсказал их выступление в поддержку маньчжурских реакционеров под лицемерным предлогом восстановления в Китае «порядка»¹. Позже, в 1862 г., когда в Тайпинском государстве произошли перемены и у тайпинов появилась собственная знать и бюрократия, Маркс в статье «Китайские дела» отмечал консервативные черты, обнаружившиеся на этой стадии тайпинского движения. В то же время он не переставал считать его революционным. Не впадая в идеализацию крестьянских движений на Востоке, отчетливо сознавая их слабые стороны, в частности, отрицательную роль монархистско-религиозной идеологии, которыми отличались восстание тайпинов и индийское восстание 1857—1859 гг., Маркс в то же время всегда подчеркивал их прогрессивную историческую роль.

Примером победоносной борьбы колоний за независимость Маркс считал освободительную войну народов Латинской Америки против испанского господства в 1810—1826 гг. В написанной им для «Новой американской энциклопедии» статье «Боливар-и-Понте» он показал роль народных масс в этой борьбе. Правда, личность Боливара Марксом была охарактеризована односторонне из-за отсутствия у него объективных источников. Свои сведения о латиноамериканском патриоте он вынужден был черпать из тенденциозных сочинений различных европейских авантюристов, в которых было сильно преувеличено стремление Боливара к диктаторской власти. Однако само движение латиноамериканцев Маркс оценил как освободительное, революционное.

Лейтмотивом многих статей Маркса по колониальному вопросу была мысль о глубокой внутренней связи между национально-освободительными движениями на Востоке и созреванием социально-экономических предпосылок пролетарской революции на Западе. Втягивание колониальных и зависимых стран в орбиту мирового капиталистического развития, внутренние потрясения, которые они переживали, и прежде всего развертывание мощной народной борьбы против колонизаторов — все это, подчеркивал Маркс, неизбежно должно было отразиться на капиталистической системе в целом, ускорить рост ее противоречий, обострить экономические и политические кризисы. Маркс исходил из убеждения, что национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах ослабляет общие позиции капитализма и облегчает тем самым победу рабочего класса. Во время индийского восстания Маркс писал Энгельсу в середине января 1858 г.: «Индия, с тем отливом людей и денег, которого она будет стоить Англии, является теперь нашим лучшим союзником»².

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 103.

² Там же. Т. 29. С. 212.

С другой стороны, Маркс все настойчивее призывал пролетарских революционеров поддерживать борьбу колониальных народов за свое освобождение. В значительной мере под его влиянием интернационалистскую позицию по отношению к колониальным и зависимым народам занял лидер чартистов Джонс, гневно разоблачавший в 1853 г. в «People's Paper» политику английских колонизаторов в Индии и Китае. Джонс мужественно поднял голос в защиту индийских повстанцев.

Сделанный Марксом вывод о взаимодействии и взаимообусловленности освободительного движения угнетенных народов и борьбы пролетариата против капитализма имел первостепенное значение для развития революционной теории по национально-колониальному вопросу. На эти идеи опирался В. И. Ленин, разрабатывая учение о национально-освободительной революции в колониях как важной составной части революционного антиимпериалистического процесса.

Критика внешней политики господствующих классов

Много места в своей публицистике Маркс отводил международным отношениям, вопросам внешней политики. Еще в годы революции 1848—1849 гг. он убедился в важности для рабочего класса и революционных кругов научиться проникать в тайны дипломатии, вырабатывать — в противовес правящим классам — свою собственную революционную позицию по всем внешнеполитическим вопросам. В 50-е гг. у Маркса и Энгельса сложилось твердое убеждение, что рабочий класс является единственной силой буржуазного общества, способной, сплотив вокруг себя все прогрессивные элементы, создать преграду для завоевательной политики, что он, еще до прихода к власти, должен стремиться активно воздействовать на внешнеполитический курс правительств, добиваясь их отказа от контрреволюционных и агрессивных планов. Своими выступлениями в печати Маркс способствовал пробуждению интереса рабочих к внешнеполитическим вопросам, рассматривая разоблачение антинародной сущности внешней политики господствующих классов как одну из форм мобилизации пролетарских и демократических сил, подготовки их к будущим революционным боям.

Маркс затрагивал подоплеку и различные стороны современных ему международных конфликтов: соперничества Австрии и Пруссии из-за главенства в Германии; осложнений, вызванных стремлением Наполеона III к гегемонии в Европе; столкновений интересов держав на Балканах и Ближнем Востоке; франко-пруссских противоречий, связанных с династическими притязаниями прусского короля на швейцарские кантоны Невшатель и Валанжен; порождавшие

го международные трения вмешательства России, Англии, Пруссии и других государств в борьбу немецкого населения Шлезвига и Гольштейна против централизаторской политики правящих монархических кругов Дании (эта борьба продолжалась и после революции 1848—1849 гг.) с целью укрепить свои позиции в бассейне Балтийского и Северного морей и подавить очаги национально-освободительного движения в этом районе и т. д. Прослеживая исторические корни этих конфликтов, Маркс выявил традиционные черты международной политики, восходящие к эпохе абсолютизма, к периоду борьбы феодальных монархий против французской буржуазной революции, к деятельности Священного союза 1815 г. Контрреволюционные поползновения, циничное нарушение международного права в отношении слабого противника или партнера, разжигание и корыстное использование национальных распрей, вероломство, сговор с врагом за спиной у союзника — все это Маркс неоднократно фиксировал в своих статьях и письмах. Примером грубого произвола Маркс и Энгельс считали дипломатическую подготовку и осуществление Пруссией, Австрией и царской Россией трех разделов Польши в конце XVIII в. Маркс раскрывал в своих статьях и контрреволюционную роль держав Священного союза, как душителей революционных движений 20-х гг., заклеив самым принципом вмешательства во внутренние дела того или иного народа и вооруженной интервенции с целью укрепления пошатнувшихся тронов «легитимных» монархов.

Освещая историю дипломатии нового времени, Маркс показал, что буржуазные государственные деятели заимствовали грязные дипломатические приемы у феодально-абсолютистских правительств и даже усовершенствовали выработанную ими систему дипломатических козней. Встав у власти, буржуазия унаследовала и методы использования внешней политики в контрреволюционных целях. Так, в постановлениях Венского конгресса 1814—1815 гг. нашли свое выражение, подчеркивал Маркс, не только реставраторское стремление дворянско-аристократических кругов Австрии, Пруссии, России, но и контрреволюционные побуждения западноевропейской буржуазии, мечтавшей после революционных бурь о твердом «порядке». Недаром одной из главных фигур на конгрессе был французский дипломат Талейран — кумир крупной буржуазии.

Международную систему, базировавшуюся на Венских договорах, Маркс считал реакционным анахронизмом. Ее главными целями было увековечение контрреволюционных режимов, сохранение раздробленности Германии, Италии, возведение барьеров для восстановления национальной независимости польского, венгерского, итальянского и других угнетенных народов. В сохранении остатков *status quo* 1815 г. контрреволюционные правительства, в том числе и буржуазные, видели прежде всего средство противодействия назревавшим революционно-демократическим преобразованиям.

Ярким обличением буржуазной дипломатии явился памфлет Маркса «Лорд Пальмерстон», написанный в октябре — декабре 1853 г. и получивший широкое распространение. Он был напечатан в Англии, в США и — в сокращенном виде — в Германии. В этом шедевре публицистической литературы портретная характеристика Пальмерстона — крупнейшего государственного деятеля буржуазно-аристократической Англии, вдохновителя на протяжении многих лет ее внешней политики — сочеталась с критикой всей английской правительственной системы. В своем произведении Маркс обнажил подлинную классовую подопку политики Пальмерстона и других английских государственных деятелей, вскрыл связь между их внешнеполитическим курсом и позицией во внутренних делах. Они пеклись, писал он, прежде всего о том, чтобы никакие тучи не омрачали «безоблачный небосвод земельных и денежных магнатов»¹. Защиту корыстных интересов землевладельцев и финансовых воротил Пальмерстон умел маскировать мнимым попечением о национальном престиже Англии, становясь в позу «истинно английского министра».

Особенно неприглядной, указывал Маркс, была роль Пальмерстона по отношению к итальянскому, венгерскому и польскому национально-освободительным движениям. Надевая на себя личину поборника конституционализма, друга угнетенных, «истинно английский министр» пользовался фальшивой игрой в сочувствие борющимся за независимость народам как приманкой для того, чтобы завлечь их в западню. Виртуоз в области провокаций и дипломатических каверз, Пальмерстон выдавал эти народы на расправу деспотическим державам. Такая позиция ярче всего выражала контрреволюционную роль Англии на международной арене.

Революционная тактика в восточном вопросе. Отношение к Крымской войне

В связи с обострением отношений между царской Россией и западными державами на Ближнем Востоке и Балканах, вызвавшим вскоре новую европейскую войну, Маркса и Энгельса стал все больше интересовать так называемый восточный вопрос. Было чрезвычайно важно разобраться в его существе и выработать правильную тактическую линию революционных сил.

Маркс и Энгельс стремились найти пути для такого решения восточного вопроса, которое в наибольшей степени отвечало бы интересам угнетенных народов, европейского пролетариата и демократии. Они подходили к этому вопросу с позиций «шестой державы», как образно называли они европейскую революцию. По просьбе

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 366.

Маркса еще весной 1853 г. на эту тему выступил в печати Энгельс. Вскоре Маркс и сам стал освещать в своих корреспонденциях развитие восточного конфликта, а затем и политическую сторону Крымской войны, в то время как Энгельс занимался в первую очередь анализом военных действий.

Существо проблемы Маркс и Энгельс видели в переплетении противоречий между европейскими державами, ведущими борьбу за ключевые позиции на Ближнем Востоке и Балканах, за проливы, за раздел турецких владений, с коллизиями, вызванными национально-освободительным движением балканских народов против Османской империи. Греция, Сербия, отчасти Молдавия и Валахия уже завоевали к этому времени фактическую самостоятельность и добились уничтожения последних остатков зависимости от Турции. Болгария, Македония, Босния, Герцеговина, Албания продолжали находиться под турецким игом. Сложность обстановки усугублялась стремлением крупных европейских держав — Англии, Франции, Австрии и России — подчинить своему влиянию эти страны и собственно Турцию.

Завоевательные тенденции обнаружили в конфликте обе борющиеся стороны. Наряду с Англией и Францией очагом внешней агрессии Маркс и Энгельс считали царскую Россию, в которой они справедливо видели также цитадель международной реакции, душиителя свободы своего собственного народа и народов других стран, опору контрреволюционных сил всей Европы.

«Полвека тому назад, — писал В. И. Ленин в 1909 г., — за Россией прочно укреплена была слава международного жандарма. Наше самодержавие в течение прошлого века сделало не мало для поддержки всяческой реакции в Европе и даже для прямого военного подавления революционных движений в соседних странах»¹. В своих публицистических выступлениях Маркс гневно клеймил деспотический режим, господствовавший в царской России, обличал царизм как вдохновителя захватнической внешней политики, раскрывал происки царских дипломатов. Он разъяснял, что царское правительство стремилось использовать в завоевательных и контрреволюционных целях те симпатии, которые народы Балканского полуострова, особенно южные славяне, искони питали к русскому народу. Победы русского оружия в войнах с Турцией объективно помогали этим народам освободиться от турецкого гнета, однако царизм, прикрываясь маской «покровителя единоверцев-славян», фактически стремился утвердить свое владычество на Балканах.

Соперники царской России — правящие круги Англии и Франции, — отмечал Маркс, руководствовались в своей политике на Ближнем Востоке не менее корыстными побуждениями. Лицемерно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 52.

маскируя свои цели показной защитой целостности Турецкой империи, они на деле столь же алчно, как и царское правительство, жаждали прибрать к рукам турецкие владения. Под флагом помощи своему турецкому «союзнику» они бесцеремонно вмешивались в его внутренние дела, распоряжались его вооруженными силами, усиливали финансовые тиски, в которые уже давно попало правительство султана. «Турки... — писал Маркс в апреле 1854 г., — начинают видеть в Англии и Франции врагов более опасных, чем сам царь...»¹ Вероломное поведение английской дипломатии по отношению к союзному государству Маркс разоблачил и в памфлете «Падение Карса».

Резко расходились цели и главных участников антирусской коалиции — Франции и Англии. Если английская буржуазная олигархия, отмечал Маркс, добивалась уничтожения русского военного флота, захвата Крыма, Кавказа, установления в этих районах своего господства, то бонапартистская Франция стремилась не только к преобладанию на Ближнем Востоке, но и к гегемонии во всей Европе, к округлению своих границ за счет соседних государств. Маркс не сомневался, что вслед за Крымской войной правители Франции развяжут новые войны. Он видел неизбежность развала англо-французского союза, что и произошло во время Парижского мирного конгресса 1856 г.

В одном, однако, отмечал Маркс, правящие круги Англии и Франции сходились. Добиваясь ослабления России как своего соперника на Востоке и во многих районах Европы, они отнюдь не помышляли уничтожить царское самодержавие. Консервативная Европа, считали Маркс и Энгельс, Европа монархов, феодалов, капиталистов, нуждалась в царизме как защитнике антинародных режимов и эксплуататорского социального строя. Больше всего западноевропейские политики страшились революционных последствий крушения царизма. Они стремились на деле упрочить условия Венского договора 1815 г., полагая, что благодаря этому будет положено начало «тысячелетнему царству консерватизма»². Этим контрреволюционным устремлениям соответствовала и стратегия западных держав. Во избежание революционных осложнений они старались перенести военные действия в периферийные районы России, удалить театры войны от возможных очагов революционных восстаний и национально-освободительных движений. Ориентация на «локальную войну во имя локальных целей», подчеркивали Маркс и Энгельс, диктовалась отнюдь не желанием сократить жертвы и военные разрушения. Такая стратегия, отмечали они, проводилась, дабы избежать превращения Крымской войны в народную войну против царизма, грозившую существованию и антидемократических режимов во Франции и Англии.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 202.

² См. там же. Т. 11. С. 321.

Маркс коснулся также позиции Австрии и Пруссии в Крымской войне. Двойственность политики правящих классов империи Габсбургов он объяснял, с одной стороны, опасением усиления национального движения угнетенных народов (венгров, чехов, поляков, южных славян), подавить которое можно было только с помощью царизма, а с другой — захватническими поползновениями на Балканах, побуждавшими рассматривать Россию как соперника и стремиться к ее ослаблению. Боязнь революционных событий в центре Европы, в случае перенесения туда военных действий, обусловила, в конечном счете, по мнению Маркса, нейтралитет в войне прусской правящей клики.

Маркс и Энгельс полагали, что европейский пролетариат и демократия заинтересованы в совершенно ином обороте военных событий. Маркс отнюдь не разделял вульгарных представлений, будто войны постоянно являются предпосылкой революций. Однако коль скоро, помимо воли народных масс, война стала фактом, рабочий класс и демократические силы, по убеждению Маркса и Энгельса, должны были постараться обернуть в свою пользу вспыхнувший военный кризис. В этом заключалась одна из центральных посылок революционной тактики Маркса и Энгельса в период Крымской войны.

Маркс и Энгельс рассчитывали, что «локальная» война англо-французского блока против России будет превращена в революционную войну европейских народов против царского самодержавия и поддерживающих его контрреволюционных сил. Если произойдет такое изменение в характере войны, подчеркивали они, то новый подъем революционной и национально-освободительной борьбы будет неизбежен. В этом случае возникнет возможность решить революционно-демократическим путем исторические задачи, оставшиеся нерешенными в 1848—1849 гг., антинародные режимы в Европе — в том числе во Франции и Англии — будут сметены. Европейский пролетариат смог бы тогда, писал Маркс в статье «Ближайшие перспективы во Франции и Англии», «занять положение, утраченное им в результате июньской битвы 1848 г. во Франции»¹.

Только народная революция, по мнению Маркса и Энгельса, могла открыть подлинный путь к свободе для угнетенных национальностей Турецкой империи. Тезису западноевропейских политиков о сохранении этого реакционнейшего угнетательского государства, оплота феодального варварства, Маркс противопоставил идею о необходимости его разрушения революционным путем и создания на его обломках независимых национальных государств. Он разъяснял, что защита «целостности» султанской Турции западными державами угрожала национально-освободительному движению балканских народов, толкала их в объятия царизма. Революционно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 11. С. 191.

демократическое решение восточного вопроса, подчеркивал Маркс, заключалось прежде всего в полном освобождении южных славян и всех народов Балканского полуострова от гнета султанской империи. Маркс понимал, что формы государственного устройства, которые установят у себя завоевавшие независимость народы, нельзя предусмотреть заранее. Не исключал он, однако, и возможности создания на Балканах «федеративной республики славянских государств»¹.

Маркс и Энгельс считали, что превращение войны в революционную должно было вызвать к жизни и силы сопротивления царизму в самой России. Заглядывая в будущее, великие пролетарские революционеры предвидели возможность расширения сферы действия европейской революции, распространение ее и на Россию. «Начиная с 1789 г., границы революции неизменно передвигаются все дальше,— отмечал Энгельс, выражая и точку зрения Маркса.— Ее последними рубежами были Варшава, Дебрецен, Бухарест; аванпостами ближайшей революции должны быть Петербург и Константинополь. Это два наиболее уязвимых пункта, в которых должен быть атакован русский антиреволюционный колосс»².

Перспективы развития революционного движения в России уже в эти годы стали глубоко интересовать Маркса и Энгельса. Маркс следил за русской революционной литературой, издававшейся за границей, продолжал поддерживать связи с русскими эмигрантами, в частности с Н. И. Сазоновым, жившим в Париже.

Не прошло мимо его внимания основание А. И. Герценом «Вольной русской типографии» в Лондоне в 1853 г. По некоторым данным, он был знаком с рядом произведений этого выдающегося русского революционного писателя, в частности с работой «О развитии революционных идей в России». Однако близость Герцена к эмигрантским мелкобуржуазным кругам, развиваемые им утопические идеи («обновления» Европы посредством русской крестьянской общины и др.) заставляли Маркса относиться к нему весьма настороженно. Этому способствовало участие Герцена в 1853 г. в кампании, поднятой против Маркса на страницах либеральной газеты «Morning Advertiser» русским либеральным помещиком И. Г. Головиным и немецким вульгарным демократом Руге. Они обвиняли Маркса в клевете на Бакунина, ссылаясь на заметку против него за подписью «Ф. М.», которая в действительности принадлежала перу английского консервативного публициста Фрэнсиса Маркса. Маркс вынужден был поместить опровержения в печати. В целом его знакомство с положением дел в России было тогда недостаточным. Он не мог в то время в надлежащей мере оценить и самобытность передовой общественной мысли России.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 219.

² Там же. С. 33.

Развитие Крымской войны пошло по-иному, чем надеялись Маркс и Энгельс. Она не привела к непосредственным революционным переменам в Западной Европе. Нерешенной осталась проблема национальной независимости народов, подвластных Турции. Для России, однако, последствия войны, как отмечали Маркс и Энгельс, были гораздо более значительны. Через 15 лет после ее окончания Маркс писал в набросках «Гражданской войны во Франции», что поражение в Крымской войне обострило кризис крепостнической системы, — пусть Россия защитой Севастополя даже спасла свою честь и ослепила иноземные государства своими дипломатическими триумфами в Париже»¹. Назревавшая в России революционная ситуация не только предвещала крупные внутренние социальные перемены, но и вносила существенные изменения в общее соотношение революционных и контрреволюционных сил в Европе, — изменения, которые в последующие годы были учтены Марксом и Энгельсом.

«Разоблачения дипломатической истории XVIII века»

Под живым впечатлением Крымской войны и тех усилий, которые в ходе ее прилагала западноевропейская дипломатия для того, чтобы борьба с Россией как с соперником не изменила сути реакционного царского режима, у Маркса возник план нового разоблачения закулисной стороны политики западных держав, прежде всего буржуазно-аристократической Англии. Еще в декабре 1855 г. он опубликовал статью «Традиционная английская политика», в которой потворство царизму было представлено как характерная черта английской дипломатии не только в XIX, но и в XVIII в. В новой работе он намеревался обосновать этот тезис на широком историческом материале, начиная с периода Северной войны 1700—1721 гг.

Замысел работы родился у Маркса весной 1856 г., когда, занимаясь в Британском музее, он натолкнулся на старинные собрания дипломатических документов и политических памфлетов. В марте того же года Маркс вел переговоры с немецким издателем в Лондоне Трюбнером о написании на основе этих и других материалов книги объемом в 20 печатных листов. Переговоры, однако, не дали результатов, и Маркс решил публиковать задуманную работу в периодических изданиях, выпускавшихся английским публицистом и политическим деятелем Давидом Уркартом и его сторонниками.

Вокруг Уркарта сложилась небольшая группа журналистов и политиков, недовольных правящей олигархией, особенно вигами. Это

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 520—521.

были люди по преимуществу консервативного толка, хотя среди них встречались и радикальные элементы, к которым принадлежал, в частности, редактор лондонского органа уркартистов «Free Press» Чарлз Добсон Коллет. Уркарт стремился привлечь на свою сторону и рабочих, оставаясь при этом ярым врагом самостоятельного рабочего движения. И надо сказать, какими бы мотивами ни руководствовались уркартисты, их критика внешней политики правительства, его колониальных авантур на Востоке, методов подавления восстания в Индии находила отклик среди рабочих.

Инициатива приглашения Маркса выступить в уркартистских изданиях исходила от самих уркартистов. После появления его статей из серии «Лорд Пальмерстон» Уркарт написал Марксу 9 декабря 1853 г. письмо, передав в нем предложение близкого к уркартистам издателя Такера перепечатать одну из этих статей отдельно¹. Вскоре Уркарт стал искать и личной встречи с Марксом. Свидание состоялось в начале февраля 1854 г. В ходе беседы выяснилось, что они сходились «только в одном — в оценке Пальмерстона», во всем остальном мнения были диаметрально противоположны². И до и после этой встречи Маркс показывал в печати несостоятельность идеалистических и субъективистских взглядов Уркарта, этого «прирожденного консерватора», особенно приписывания им дипломатии решающей роли в общественном развитии, вздорность его попыток изобразить царя тайным участником европейской революции, идеализацию им Турецкой и Австрийской империй. Тем не менее Маркс счел возможным воспользоваться уркартистской печатью, поскольку в выступлениях уркартистов против внешней политики Пальмерстона имелись рациональные элементы, полезные для рабочего движения. Маркс делал различие между субъективными мотивами этих выступлений и их объективным значением. «Субъективно он безусловно реакционер (романтик)...— писал он об Уркarte в 1860 г.,— но это нисколько не мешает руководимому им движению в области внешней политики быть объективно революционным»³.

Отношения Маркса с уркартистами показывают, что революционная пролетарская тактика допускает возможность временных соглашений даже с противниками ради борьбы против более опасного в данный момент врага. «В политике,— писал Маркс по другому поводу,— ради известной цели можно заключать союз даже с самим чертом,— нужно только быть уверенным, что ты проведешь черта, а не черт тебя»⁴. При этом сотрудничество с уркартистами, подчеркивал Маркс, не означало каких-либо идеальных уступок, отказа от критики враждебных пролетарскому мировоззрению взглядов.

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1353.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 515.

³ Там же. Т. 30. С. 451.

⁴ Там же. Т. 8. С. 410.

Помимо памфлета «Лорд Пальмерстон» Маркс в 1856—1859 гг. поместил в периодических изданиях уркартистов некоторые другие материалы. Наиболее крупной явилась упомянутая выше работа по истории дипломатии Англии и России XVIII в., которая была написана в период с июня 1856 по март 1857 г. Первоначально она печаталась летом 1856 г. в провинциальной «Sheffield Free Press» частями, по мере поступлений от автора. Однако публикация осуществлялась небрежно, с произвольными пропусками, что заставило Маркса прекратить отправку в Шеффилд материалов. Сведения о течениях Маркса с редакцией дошли до Уркарта, и он предложил перенести печатание рукописей на столбцы лондонской «Free Press». Работа печаталась под заглавием «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» в нескольких номерах газеты с 1 августа 1856 по 1 апреля 1857 г.¹

Это был разделенный на 5 глав свод документов разного рода, в том числе донесения английских послов в Петербурге, с более или менее пространным комментарием самого Маркса. Эти документы Маркс обнаружил в Британском музее в коллекции английского историка У. Кокса. При жизни Маркса и Энгельса работа не перепечатывалась. Посмертное ее издание было подготовлено дочерью Маркса Элеонорой и вышло в свет отдельной брошюрой в 1899 г., уже после смерти Элеоноры, под заглавием «Секретная дипломатическая история восемнадцатого века».

В целом работа не имеет фактически ни начала, ни конца, носит фрагментарный характер, не содержит четкой и сколько-нибудь достаточной системы доказательств, в ней отсутствуют ссылки на литературные источники. Можно лишь предполагать на основе ее фактуры и выводов, что едва ли не главным литературным источником, помимо обильно цитированных донесений и писем дипломатов, послужила тенденциозная, в концептуальном и фактологическом отношениях весьма слабая книга французского аристократа, участника наполеоновского похода в Россию генерала Ф. Сегюра «История России и Петра Великого», выпущенная в свет в 1829 г.

Цель своего исследования Маркс видел в том, чтобы главным образом на примерах эпохи Петра Великого показать «русский характер английской дипломатии», ставший традиционным в XVIII в., заклеить «потворство» британских государственных мужей русским властям, «оказание [Англией] постоянной помощи России и ведение войны против Швеции с помощью тайных интриг или открытым применением силы», разоблачить Англию как «орудие и сообщника России», пригвоздить за все это английское правительство навечно «к позорному столбу истории»². Энгельс позднее пи-

¹ Новейшая публикация этой работы на языке оригинала содержится в издании ИМЛ при ЦК КПСС: Karl Marx. Frederick Engels. Collected Works. Moscow, 1987. Vol. 15. P. 25—96.

² Ibid. P. 40, 41, 56, 57.

сал, что работа была посвящена разоблачению «постоянной корыстной зависимости английских вигских министров от России»¹.

Отмечая общность контрреволюционных устремлений русского царизма и английской олигархии, «узурпировавшей после «славной революции» богатство и власть в ущерб массам английского народа»², Маркс не избежал, однако, известной односторонности в освещении англо-русских отношений. Характер этих отношений определялся не только желанием английских господствующих классов использовать царизм как контрреволюционную силу, но и их собственными завоевательными стремлениями, побуждавшими обычно рассматривать Россию как нежелательного и опасного соперника. И в период Северной войны, и во времена Пальмерстона руководители британской внешней политики не раз вынашивали планы усиления Англии за счет царской России и поддерживали ее противников, в частности и прежде всего Швецию. В действительности, сохраняя видимость нормальных и даже дружественных отношений в период главной войны Петра I — Северной, Англия вела ожесточенное наступление против России по всему дипломатическому фронту. Британская дипломатия пыталась вредить России везде, где только могла. В статьях по восточному вопросу Маркс указывал на англо-русские противоречия как на важный фактор международных осложнений. В «Разоблачениях дипломатической истории» и отчасти в «Лорде Пальмерстоне» эти моменты, однако, были оставлены в тени, а сочувственное отношение английских правящих кругов к военным акциям царизма было преувеличено, приобрело как бы самодовлеющее значение. Конечно, выдвинутый здесь общий тезис о порочности всякой политики попустительства агрессивным силам, трусливой и своекорыстной уступчивости по отношению к ним принципиально важен для оценки дипломатии западноевропейских держав и выработки самостоятельной позиции рабочего класса в вопросах внешней политики.

Наряду с раскрытием основной темы в «Разоблачениях дипломатической истории XVIII века» Маркс уделил некоторое внимание вопросам общей истории России. К сожалению, его суждения по этим вопросам, его «предварительные замечания»³ не соответствуют выводам более поздних и более основательных исторических исследований. Так, он выделяет некий «готический период» в истории России, связанный с норманскими (варяжскими) завоеваниями, считает, что эти завоевания сыграли решающую роль в формировании Киевской Руси. Эта так называемая «норманская теория» была тогда общепринятой в исторической науке, не отвергалась также и русской историографией. История страны трактуется Марк-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 359.

² Collected Works. Vol. 15. P. 61.

³ Ibid. P. 74.

сом как сумма деяний разных правителей. Из поля зрения выпали народные массы, народные движения, объективные социально-экономические процессы становления русской государственности, самобытной национальной культуры.

Правда, нельзя не отметить того, в каких сильных выражениях и с какой глубиной клеймит Маркс монголо-татарское иго, под которым стонала Россия в XIII—XV вв. Это был, пишет он, режим систематического террора, опустошения, поголовного истребления людей, не только подавлявший, но унижавший и иссушавший «самую душу народа, ставшего его жертвой»¹.

Рассматривая процесс образования абсолютной монархии в России в XV в. (позднее и Маркс, и Энгельс не раз отмечали в целом историческую прогрессивность этого процесса), Маркс в «Разоблачениях» раскрывает неприглядные черты абсолютистского строя, проявившиеся уже на этой ранней стадии. Даже в осуществлении централизации и других прогрессивных задач (подчинение удельных князей и т. д.), отмечал он, носители самодержавной власти постоянно прибегали к деспотическим и вероломным приемам. Большой интерес представляют замечания Маркса относительно причин падения в борьбе с московскими князьями феодальных республик средневековой Руси. В Новгородской республике, указывал он, немалую роль в этом сыграла внутренняя классовая борьба, использованная Иваном III, «разногласия между патрициями и плебеями, бушевавшие в Новгороде так же, как и во Флоренции»².

В политике Петра I Маркс увидел не только черты самодержавного деспотизма и просто жажду завоеваний, но широту и смелость государственных замыслов. Он отмечал его гений, смелость, с которой он «перенес столицу империи из континентального центра к морской окраине», его стремление к «воде», морям, к тому, что было «абсолютно необходимо для естественного развития его страны»³, для обеспечения безопасности ее границ, его роль как преобразователя, его борьбу с косностью и рутинной, желание цивилизовать Россию, стряхнуть с нее застой и азиатчину, открыть «окно в Европу»⁴.

Однако и в характеристике политики и наследия Петра I верные суждения перемежаются определенными отступлениями от исторической истины. Так, преувеличивается значение «балтийских провинций» в процессе превращения «татаризованной Московии» в «цивилизованную Россию», той роли, которую будто бы сыграли в реализации планов Петра I на сближение с Западом, на придание России «лоску» цивилизации «балтийские», т. е. немецкие, дипломаты, генералы, вообще «умы»⁵. По сути, невольной данью завистникам

¹ Collected Works. Vol. 15. P. 77.

² Ibid. P. 83.

³ Ibid. P. 89.

⁴ Ibid. P. 90.

⁵ Ibid. P. 91.

Петра I и недругам, клеветникам России является, например, и такая констатация: «Московию вскормила и возрастила ужасная и омерзительная школа монгольского рабства. Она выказывала силу, только становясь *виртуозом* в искусстве раболепия. После освобождения [от монголо-татарского ига] Московия продолжала мастерски выполнять свою традиционную роль раба. В конце концов и Петр Великий соединил политическое искусство монгольского раба с гордым устремлением монгольского владыки, которому Чингис-хан завещал завоевание всего мира»¹.

В работе «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» содержится первый экскурс Маркса в историческое прошлое России. Он был предпринят на ограниченной, как говорилось, в общем тенденциозной источниковой базе. Маркс познакомился, хотя и сквозь призму чужих, как правило, необъективных оценок, с некоторыми страницами русской истории, подготовил себе почву для дальнейшего более обстоятельного и вдумчивого изучения России.

«Революционная Испания»

В конце июня 1854 г. на Пиренейском полуострове начались события, составившие резкий контраст общей обстановке реакции в Европе. Военное восстание, поднятое генералами, недовольными реакционной королевской камарильей, переросло в буржуазную революцию, четвертую в истории Испании XIX в. Власть перешла в руки либеральной партии прогрессистов.

Маркс воспринял революцию в Испании как предвестника нового подъема народных движений. Освещая ее ход в своих корреспонденциях, он отмечал и общеисторические черты, и специфические национальные особенности испанских революций, «некоторые моменты, свойственные только им»². В Испании со времен средневековья сохранилась провинциальная обособленность народных движений, армия долгое время была единственной силой, способной противостоять двору в национальном масштабе. Однако в основе и здесь лежали общие для всех буржуазных революций классовые предпосылки; роль главной движущей силы, как и везде, играли народные массы. Именно они не раз создавали ситуацию, при которой «из чисто военного мятежа» на Пиренейском полуострове возникает «всеобщее восстание»³.

Высоко ценя революционную энергию испанских народных масс, Маркс в то же время проявил большое недоверие к их политическим руководителям — буржуазным либералам. Он не сомневался, что

¹ Collected Works. Vol. 15. P. 87.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 407.

³ См. там же. С. 321—322.

испанские либералы пойдут по стопам трусливой, соглашательской либеральной буржуазии других европейских стран.

Опасения Маркса подтвердились. Политика либерального правительства привела к возвращению к власти летом 1856 г. реакционеров, почти полностью ликвидировавших завоевания четвертой буржуазной революции в Испании.

Чтобы глубже понять революционные процессы, происходившие на Пиренейском полуострове, Маркс обратился к его истории. В августе 1854 г. он начал публиковать в «New-York Daily Tribune» серию статей «Революционная Испания», намереваясь связать современные ему события с революционным прошлым испанского народа, с традициями его борьбы против абсолютизма, против наполеоновского господства, с предшествующими испанскими революциями 1808—1814, 1820—1823 и 1834—1843 гг. Серия осталась незаконченной. Всего было опубликовано девять статей (последняя — 23 марта 1855 г.¹), в которых изложение доводилось до начала второй буржуазной революции (1820—1823). Три последующие статьи, посланные Марксом в «Tribune», не были напечатаны. Сохранился лишь рукописный набросок одной из них с анализом причин поражения революции 1820—1823 гг.

В этой серии Маркс по-новому рассмотрел проблему исторической роли абсолютной монархии, внес на основе испанских материалов существенные уточнения в свои прежние выводы, подчеркнув необходимость конкретно-исторического подхода и к этому вопросу. Он показал, что абсолютизм на стадии своего возникновения не всегда и не всюду выполнял функции рычага прогрессивного централизаторского процесса. В Испании, например, он, по мнению Маркса, носил характер деспотической формы правления восточного, в частности турецкого, типа, сочетая неограниченную власть монарха с местным партикуляризмом и тем самым немало способствуя экономическому и социальному упадку страны.

Однако абсолютистский режим не мог, подчеркивал Маркс, навсегда сковать жизненную энергию испанского народа, мощь которого особенно проявилась в борьбе против иноземного поработителя — Наполеона. Освободительную войну против наполеоновского господства Маркс рассматривал как героическую эпопею, показавшую, что «испанское общество полно жизни, и в каждой его части бьют через край силы сопротивления»². Правда, в движении сопротивления он отмечал и наличие противоречивых тенденций: освободительным усилиям народных масс противостояло стремление феодальной верхушки к сохранению своих социальных и политических привилегий. Национально-освободительное движение, замечал в связи с этим Маркс, лишь тогда приобретает подлинную устойчи-

¹ Collected Works. Vol. 15. P. 621—630.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 433.

вость, когда оно сочетает «социальные преобразования с мерами национальной обороны»¹.

Подчеркивая неспособность буржуазно-дворянских руководителей движения соединить эти две задачи, Маркс определяет главное уязвимое место испанских буржуазных революций первой половины XIX в., а именно то, что «революционная партия не сумела связать интересы крестьянства с движением городов». Поэтому крестьянство оставалось в лучшем случае «пассивным наблюдателем борьбы между партиями»², а иногда и использовалось контрреволюционными кругами.

Уроки последней испанской революции, подчеркивал Маркс в своих итоговых статьях об Испании, написанных в июле — августе 1856 г., были глубоко симптоматичны. Они показали, что и в отсталой полуфеодальной Испании сказались происходившие в Европе сдвиги: процесс контрреволюционного перерождения буржуазии и выход на историческую арену пролетариата как силы, призванной в союзе с крестьянскими массами довести до конца буржуазную революцию. В событиях 1854—1856 гг. впервые принял участие зарождавшийся испанский рабочий класс, хотя он еще не самоопределился и шел в фарватере буржуазных республиканцев. Горячо поддерживали революцию на этот раз и крестьяне. Революционное движение 1854—1856 гг. стало утрачивать традиционный военный, а также династический облик. Все это, несмотря на временную победу контрреволюции, позволило Марксу высказать надежду, что «ближайшая европейская революция найдет Испанию созревшей для совместных действий с нею»³.

Навстречу новому революционному подъему

Ни тягостная атмосфера реакции, ни бремя житейских невзгод не смогли ослабить творческой энергии Маркса. Его плодотворная многогранная научная и публицистическая деятельность в эти тяжелые годы имела чрезвычайно важное значение для развития революционной теории и тактики. В своих экономических исследованиях этих лет Маркс вплотную подошел к крупным открытиям. Дальнейшее углубление и конкретизацию получило материалистическое понимание истории, примененное Марксом и к анализу общеисторических процессов, и к изучению конкретной истории ряда стран, в том числе тех, которыми он ранее столь обстоятельно не занимался (Россия, Испания, страны Балканского полуострова, страны Востока). Крупнейшим завоеванием марксистской мысли было преодоление известной географической узости буржуазной исторической науки, ограничивавшей, как правило, предмет своего исследования

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 471.

² Там же. С. 632.

³ Там же. Т. 12. С. 49.

историей Европы, а нередко и сочетавшей этот «европоцентризм» с расистским высокомерием по отношению к неевропейским народам. Подвергнув анализу историю народов Азии, и отчасти Африки и Латинской Америки, показав ее органическую связь с развитием европейских стран, подчеркнув тесное переплетение процессов, происходивших в метрополиях и на колониальной периферии капиталистического мира, Маркс тем самым заложил основы научного восприятия истории как исторического процесса развития всего человечества, как всемирной истории в подлинном смысле этого слова.

Постоянно освещая в печати современные ему явления, Маркс дал наглядные образцы глубокой характеристики самых различных сторон жизни буржуазного общества, самых различных сфер проявления капиталистических отношений — в экономике, политическом строе отдельных государств и его эволюции, во внутренней и внешней политике, в идеологии. В своей публицистической деятельности, как и при создании капитальных трудов, он проявил себя выдающимся экономистом, социологом, историком и политиком.

Много сделал Маркс в эти годы для развития революционной стратегии и тактики рабочего класса. Разработаны были принципы, определяющие позицию пролетариата по отношению к освободительному движению колониальных народов, выработаны основы самостоятельной линии рабочего класса в международных конфликтах и войнах, выдвинуты плодотворные идеи о временных блоках и соглашениях пролетарских революционеров с другими оппозиционными силами и о тех условиях, на которых возможно их заключать. Считая, что главными очагами ближайшей революции будут страны, в которых с 1848 г. все острее ощущалась потребность в буржуазно-демократических преобразованиях, по-прежнему ожидая от французского пролетариата революционной инициативы, Маркс и Энгельс увидели, однако, возможность изменения маршрутов революции, в частности дальнейшего распространения ее на Восток, в Россию. Этот вывод был сделан благодаря учету социальных сдвигов, которые происходили после 1848—1849 гг.

Как ни трудно было в годы реакции воздействовать на массы, голос Маркса, революционные идеи его статей и корреспонденций доходили до передовых рабочих. Своей публицистикой он содействовал росту революционных настроений, ненависти к существовавшим контрреволюционным режимам, что особенно сказалось с началом нового революционного подъема. Продолжая поддерживать контакты с рабочими деятелями разных стран, Маркс использовал все средства для установления более тесных связей с пролетарским движением. Он шел навстречу новым революционным событиям, сплотив вокруг себя группу соратников, во всеоружии теоретических знаний и ясного понимания назревающих тактических задач, с готовностью опытного борца начать новые открытые сражения с врагом.

*Глава
восьмая*

Решающий этап формирования марксистской политической экономии

С тех пор как политическая экономия выдвинула положение, что труд является источником всякого богатства и всякой стоимости, неизбежно возник вопрос: как же это возможно совместить с тем, что наемный рабочий получает не все произведенное его трудом количество стоимости, а должен часть ее отдавать капиталисту? Тщетно пытались и буржуазные экономисты и социалисты дать научно обоснованный ответ на этот вопрос, пока наконец не выступил Маркс со своим решением.

Фридрих Энгельс

Статьи об экономическом кризисе 1857 года

В годы реакции Маркс с неослабевающим интересом следил за всем, что определяло тогдашние экономический и политический горизонты капиталистического мира. За непродолжительный период заметно выросли производительные силы. Значительных успехов достигла фабричная система. Были введены в строй сотни фабрик, объединявших под одной крышей невиданные прежде массы рабочих. Пар и механические станки на крупных предприятиях быстро

вытесняли ручные формы промышленного труда. Одновременно происходил переворот в средствах транспорта и связи. Общая протяженность линий железных дорог во всем мире увеличилась с 25 тыс. км в 1847 до 83 тыс. км в 1857 г.

Объем сделок на мировом рынке только с 1850 по 1860 г. увеличился почти вдвое. Исключительный размах приобрело кредитно-банковское дело. Быстро возрастало число всевозможных банков, их операции приняли невиданные еще масштабы. На биржах постоянно царил ажиотаж. Все это использовалось буржуазной экономической наукой и печатью для восхваления капиталистического строя.

Однако точный научный анализ экономического развития капиталистического строя позволил Марксу предсказать наступление нового циклического кризиса перепроизводства, который должен был прийти на смену фазе подъема промышленности и торговли. И это предсказание полностью подтвердилось. В 1857 г. начался кризис, проявившийся в резком сокращении объема производства, массовом закрытии фабрик, многочисленных банкротствах, переполнении рынка, падении товарных цен, росте безработицы и т. д. В истории капитализма это был первый экономический кризис, который приобрел поистине мировой характер.

Свои оценки экономического положения в Европе Маркс регулярно излагал в статьях для газеты «New-York Daily Tribune». Многие из этих статей раскрывают предпосылки, причины, симптомы и особенности кризиса 1857 г.

Маркс уделял кризису 1857 г. особенно большое внимание, поскольку, во-первых, связанные с ним факты и процессы позволяли глубже разрабатывать теоретические проблемы политической экономики; и, во-вторых, кризис сулил непосредственное обострение политической обстановки в развитых капиталистических странах.

В статьях, написанных Марксом по свежим следам событий, на основе собственных наблюдений, по материалам газет и специальных журналов Англии, Франции и Германии, содержатся не только яркие публицистические зарисовки перипетий предкризисного периода и самого кризиса, но и обобщения, которые вошли в золотой фонд марксистской теории экономических кризисов и циклов.

Маркс доказывал, что кризис 1857 г., каковы бы ни были его частные симптомы и проявления, не случайная заминка или срыв в торгово-финансовой сфере, а свойственный капитализму и неизбежный на его основе типичный циклический кризис перепроизводства, который не в силах предотвратить никакое правительство. Он был подготовлен всем противоречивым ходом развития промышленности и торговли.

В политической экономии того времени весьма распространенным было убеждение, что эмиссионные банки, регулируя денежное обращение, могли оказывать влияние на уровень цен и тем самым

приводить к необходимой норме соотношение спроса и предложения на промышленные товары, стимулировать или, наоборот, сдерживать текущее производство. В частности, не было недостатка в утверждениях, будто перепроизводство вызывается выпуском денег сверх необходимого их количества и обусловленным этим сильным ростом цен. На материалах Английского банка Маркс доказал нелепость подобного представления. Столь же мало было оснований отнести к числу причин кризиса сопутствовавшие промышленному подъему биржевые спекуляции. Маркс высмеивал тех теоретизирующих «ясновидцев», которые доказывали, что дело не в экономике, что она-де сама по себе здорова, «нездоровы» только покупатели промышленных изделий¹.

Самим своим фактом кризис опрокинул все легковесные декларации буржуазных журналистов, уверявших в течение ряда лет, что «с введением свободы торговли эра торговых потрясений закончилась навсегда»².

Оборотной стороной завершившегося кризисом процветания промышленности и торговли была жестокая эксплуатация рабочего класса. В обход существовавших решений парламента, так называемых фабричных актов, которые были приняты в итоге упорной классово-борьбы, английские предприниматели удлинляли рабочий день. Они сокращали заработную плату, предпочитали принимать на работу детей вместо взрослых рабочих. В одной из своих статей Маркс называет капиталистов Англии вампирами, которые тучнеют на крови, высасываемой из поколения молодых рабочих³. Кризис еще более ухудшил и без того тяжелое положение трудящихся масс. «Паралич промышленной деятельности» имел своим следствием быстрое распространение нужды рабочего класса по всей Европе. Маркс разоблачает практику буржуазных правительств, старавшихся всеми способами возместить убытки фабрикантов и крупных торговцев «за счет богатства всего общества»⁴, в частности путем усиления налогового пресса в отношении подавляющего большинства народа, выдачи владыкам промышленности и торговли щедрых правительственных субсидий и гарантий. Это была практика бесстыдного перекалывания последствий кризиса на плечи беднейших слоев населения.

Маркс выступает против тенденции преувеличивать своеобразие кризиса 1857 г., видеть в нем некое изолированное явление, указывая, что «нельзя допускать, чтобы отличительные черты, присущие каждому новому торговому кризису, затушевывали то общее, что свойственно им всем»⁵. Согласно взглядам Маркса, экономические

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 329.

² Там же. С. 346.

³ См. там же. С. 191.

⁴ См. там же. С. 352.

⁵ Там же. С. 586.

кризисы закономерно, органически присущи капиталистической системе производства. «...До тех пор, пока существует данная система,— указывал он,— они будут неизбежно порождаться ею, подобно тому как происходит естественная смена времен года»¹.

Создание нового цикла экономических рукописей

Маркс и Энгельс, верившие в недолговечность торжества реакции, надеялись, что потрясение капиталистического мира в сфере экономики, связанное с кризисом 1857 г., будет иметь политические последствия, повлечет за собой наступление «потопа» — новой революции. В этих условиях Маркс считал первоочередной задачей скорейшее завершение труда по политической экономии, который должен был вооружить рабочий класс знанием экономических законов развития общества. Такой труд, полагал он, поможет пролетарским борцам осознать их революционные задачи, содействовать росту классового сознания и сплочения пролетариата. В самый разгар кризиса Маркс принимается за обобщение своих экономических исследований, выполненных до этого времени. Однако, прежде чем обращаться к публике, он решает с целью уяснения проблем для самого себя создать предварительный черновой вариант своего труда.

Так возникла серия экономических работ, написанных в период с января 1857 по май 1858 г. Главная из них — рукопись в 50 печатных листов, известная со времени ее первой публикации ИМЛ при ЦК КПСС под заглавием «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie».

Нельзя не поражаться тому, что столь грандиозный труд был создан в очень короткое время, да еще в условиях, когда «нужда прямо душила Маркса и его семью»². Дошедшие до нас письма Маркса и его близких воссоздают весь ужас той нищеты, которую он переживал как раз тогда. «Итак,— писал он Энгельсу еще 20 января 1857 г.,— я совсем на мели; живу в квартире, в которую вложил свою небольшую наличность... Абсолютно не знаю, что предпринять, и положение мое, поистине, более отчаянное, чем было пять лет тому назад. Я думал, что я испил до дна горькую чашу. Но нет. При этом хуже всего то, что кризис этот не временный. Я не вижу, как мне из этого выкарабкаться»³. В дальнейшем положение сделалось еще более тяжелым. Когда начался экономический кризис 1857 г., редакция «New-York Daily Tribune» отказалась от услуг всех своих европейских корреспондентов. Лишь для Маркса было сделано исключение из опасений, что он будет приглашен сотрудничать в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 586.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 49.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 76.

другие американские газеты. Однако теперь ему гарантировалась публикация только 4 статей в месяц вместо 8, которые раньше обычно принимала газета. Фактически это означало сокращение гонора вдвое.

В это трудное время Энгельс оказывал своему другу помощь, какую только мог. «...Не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса,— подчеркивал В. И. Ленин,— Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты»¹.

Несмотря на все невзгоды, Маркс трудился с величайшим вдохновением. «Я работаю,— пишет он Энгельсу 8 декабря 1857 г.,— как бешеный, ночи напролет над подытоживанием своих экономических исследований, чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах»². Источник этого вдохновения — беззаветная преданность делу революции, святое чувство долга перед рабочим классом.

«Введение» из экономических рукописей 1857—1858 годов

Существенной частью серии рукописей 1857—1858 гг. является «Введение». Это один из наиболее богатых в теоретическом отношении документов зрелого марксизма. Его научное значение определяется прежде всего тем, что Маркс здесь полнее, чем где-либо, сформулировал свое понимание предмета и метода политической экономии.

Политическая экономия изучает общественно-производственные отношения между людьми в процессе производства материальных благ, объективные экономические законы, управляющие его движением. В ее задачу входит изучение специфических особенностей и отличий отдельных исторических форм общественного производства. Но одновременно исследуются и общие моменты всех способов производства. Таково все то, что характеризует единство универсального «производства вообще», все «общие признаки, общие определения», вытекающие из того факта, что в материальном производстве всегда «субъект, человечество, и объект, природа,— одни и те же»³.

Во «Введении» разработан важнейший вопрос о роли и диалектическом взаимодействии отдельных сторон общественного производства. В процессе производства люди приспосабливают к своим потребностям продукты природы; распределением устанавливается

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 49.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 185.

³ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 21.

пропорция пользования произведенными благами; обмен доставляет индивидууму те продукты, которых он сам не имеет, но желает иметь; в потреблении продукты становятся предметами индивидуального присвоения. В этой цепи производство, таким образом, составляет исходный пункт, потребление — конечный, а распределение и обмен — ее середину, то звено, которым опосредуются производство и потребление. Маркс специально подчеркивает мысль о примате производства в отношении распределения. Всегда способ распределения определяется в общем способом производства. Выступая в качестве предпосылки производства, распределение является в то же время и продуктом производства — производства вообще и его определенных исторических форм.

В разделе о методе политической экономии Маркс обстоятельно освещает роль, которую в политической экономии призвана играть научная абстракция, и развивает основные принципы правильного научного исследования и изложения.

Абстракция — это выделение из действительного мира изучаемых отношений определенного элемента их, определенного отношения, являющегося исходной основой анализа совокупности таких отношений, которые имеют свою историческую специфику и свои законы. Поэтому абстракция как логическая категория, как своеобразное орудие исследования выражает одновременно свойства действительности и движение познания, следовательно, она одинаково применима для характеристики реальных явлений и для характеристики научного понятия.

По Марксу, плодотворный путь исследования должен вначале идти от поверхности, от того, что дано в представлении, в самую глубь явлений, пока наконец не удастся достичь простейших определений. Потом уже исследователь может отправиться в «обратный путь» — от анализа к синтезу, от частных абстракций и определений к «богатой совокупности многочисленных определений и отношений»¹. Так, например, если категория населения вообще, сама по себе, мало содержательная абстракция, то в совокупности частных ее определений (классы, экономический базис их существования и т. д.), предварительно исследованных, подвергнутых научному анализу, она становится осязаемо ясной, конкретной, она не выступает больше как некое хаотическое целое.

Восхождение от простейшего (например, от труда, разделения труда, потребности, меновой стоимости и т. д.) к более сложному (например, к государству, международному обмену, мировому рынку и т. д.) и есть метод «правильный в научном отношении»². Однако такой метод восхождения от абстрактного к конкретному, под которым понимается «синтез многих определений», «единство многооб-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 37.

² Там же.

разного», есть лишь способ усвоения мышлением конкретного, воспроизведения этого конкретного в процессе познания. Этот путь отнюдь не является процессом возникновения самого конкретного. Категории отражают действительность, но не создают ее.

Особый методологический интерес представляет толкование во «Введении» вопроса о соотношении исторического и логического в процессе познания. Показывая преимущества логического метода, Маркс подчеркивает, что он дает возможность рассматривать экономические категории не в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль, а с учетом того отношения, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе. Для правильного понимания существующих и исчезнувших форм важно всякий раз в ряду логических категорий найти определяющие. Но отсюда отнюдь не вытекает, что Маркс отвергает исторический метод, воспроизводящий явления в соответствии с их действительной исторической последовательностью. Политическая экономика в сущности своей историческая наука, так как изучает экономические законы развития общества, условия функционирования и смены форм производства. Познание исторически менее развитых форм требует анализа более развитых. «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»¹.

Раскрывая методологические основы своего подхода к анализу категорий политической экономики, Маркс сформулировал принцип единства исторического и логического в исследовательской работе. Он показал, что это единство носит диалектический характер; оно основывается не на тождественности обоих методов, а на их взаимодействии, на их взаимопроникновении и обогащении. Логический анализ не может быть произвольной мыслительной операцией: он определяется характером самих изучаемых экономических явлений и тех объективных связей, которые между ними существуют. И те и другие носят печать своего исторического происхождения, без выяснения которого нельзя до конца понять их сущность. Применение логического метода к изучению экономических явлений поэтому должно органически сочетаться с выяснением их эволюции во времени, с детальным и скрупулезным историческим анализом. Такое сочетание является необходимым условием всестороннего и углубленного исследования предмета и средством получения правильных, научно достоверных результатов.

«Введение» ярко показывает, что проблемы политической экономики, метод анализа экономических явлений Маркс разрабатывал в тесной связи с общефилософскими вопросами революционно-пролетарского мировоззрения. Рассматривая производственные отношения как экономический базис развития общества, он постоянно обращался к процессам, относящимся к сфере политической и идео-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 42.

логической надстройки, прослеживал их зависимость от базиса и обратное воздействие на него.

Маркс глубоко изучал и такую форму общественного сознания, как художественное творчество, искусство. Опираясь на свою огромную эрудицию, на знание лучших образцов мировой культуры, он уже в 40-е гг. сформулировал ряд выводов, составивших основу новой, материалистической эстетики.

Впервые в науке Марксом были выявлены материалистические предпосылки художественного творчества. Еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он указывал на роль труда в развитии способностей человека воспринимать и воспроизводить прекрасное, формировать материю «также и по законам красоты»¹. В то же время он подчеркивал, что способность к созданию произведений искусства определяется не столько антропологическими, природными свойствами человека, сколько социально-историческими, общественными условиями его существования. Изменение этих условий вызывает и изменение эстетических идеалов, потребностей, вкусов.

Высоко ставил Маркс роль искусства в общественной жизни. Он видел в художественном творчестве одну из форм отражения мира и в то же время один из способов его освоения. Передовое искусство, считал он, оказывает прогрессивное влияние на общественный процесс, на воспитание и духовное развитие членов общества.

Маркс вскрыл подлинно общественную, исторически развивающуюся природу искусства, показал влияние на него — в классово-антагонистическом обществе — классовых противоречий, политики и идеологии определенных классовых сил. Уровень развития общества и его социальная структура определяют содержание художественных произведений, преобладание того или иного жанра в литературе и искусстве. В этом Маркс видел и основную причину неповторимости искусства разных эпох, невозможности, в частности, в современных ему условиях воспроизвести образцы мифологии и эпической поэзии древних греков. «Разве тот взгляд на природу и на общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, а потому и греческой [мифологии], возможен при наличии сельфакторов, железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа?»²

Отражение общественной жизни, идеологии определенных классов, подчеркивал Маркс, как бы предупреждая против вульгарно-социологического истолкования этих проблем, происходит в сфере искусства отнюдь не прямолинейно, не механически. Подчиняясь общим законам общественного развития, художественное творчество как особая форма сознания имеет и свои особенности, свои спе-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 94.

² Там же. Т. 46. Ч. I. С. 47.

цифические закономерности. Одной из них Маркс считал возможность несовпадения между периодами бурного расцвета искусства и периодами общественного подъема в других областях, в том числе в области материального производства. Он подчеркивал необходимость учитывать также относительную самостоятельность в развитии идеологии и особенно искусства. Если произведения искусства исторически связаны с определенными общественными формами, то это не значит, что их значение утрачивается с исчезновением этих форм. Маркс ссылаясь при этом на искусство и эпос древних греков, которые «все еще доставляют нам художественное наслаждение и в известном отношении признаются нормой и недостижимым образцом»¹. Тут же Маркс дает и глубокое объяснение этому феномену. Причина его заключается в том, что греческое искусство отразило свойственное человечеству тех ранних ступеней развития, периода его детства, наивное и в то же время здоровое, нормальное восприятие действительности, стремление к «натуральной правде», таящее в себе неповторимую привлекательность, особое общечеловеческое обаяние².

В этом примере выражен важный эстетический принцип марксизма: рассматривая произведения искусства в конечном счете как отражение определенных общественных условий и социальных отношений, необходимо выделять в них то, что составляет непреходящую ценность этих произведений, является подлинным общечеловеческим элементом, отвечает эстетическим потребностям и последующих поколений. Марксизму глубоко чуждо нигилистическое отношение к художественному наследию прошлого. Маркс показал пример бережного отношения к сокровищам мирового художественного творчества, тщательного изучения и использования в интересах прогресса всех великих достижений человечества в области духовной культуры, всех форм и методов художественного творчества.

Размышляя о месте искусства в современном ему капиталистическом мире, Маркс еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» высказал мысль о враждебности капиталистической действительности подлинно художественному творчеству. Эта идея отнюдь не означала отрицания развития литературы и искусства при капитализме. Ее смысл заключался в том, что сама природа капиталистического эксплуататорского строя глубоко противоречит тем гуманистическим началам, которые вдохновляют подлинных художников и мастеров искусств. Чем глубже сознают они противоречие между их идеалами и реальным капиталистическим миром, тем сильнее и ярче в их произведениях, нередко вопреки классовой принадлежности автора, звучит протест против бесчеловечных капиталистических отношений. Враждебность буржуазного общества

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 48.

² См. там же.

художественному творчеству порождает даже в буржуазной художественной литературе критику капитализма в тех или иных формах, изображение капиталистической действительности как реальности, полной драматических и трагических коллизий. Такова, по мнению Маркса, диалектическая черта развития художественного творчества при капитализме. Именно поэтому буржуазное общество оказалось способным выдвинуть Шекспира, Бальзака и других гениальных писателей, сумевших как художники подняться выше своей эпохи и классовой среды и с огромной художественной силой осудить пороки эксплуататорского строя: черствость по отношению к обездоленным, власть денег, попрание достоинства человеческой личности и т. д.

Сделанные Марксом во «Введении», а также в других произведениях и письмах обобщения прочно вошли в сокровищницу эстетических идей марксизма. Они составили фундамент научной теории и истории искусства и литературы.

Основная рукопись из серии 1857—1858 годов

Следующая за «Введением» основная рукопись состоит из двух глав.

В первой из них — «Главе о деньгах» — довольно подробно разработаны важные вопросы общей теории стоимости и денег. Маркс пересматривает свою прежнюю точку зрения на деньги, когда он, в частности в «Нищете философии», вслед за Рикардо, относил золото и серебро к той исключительной категории товаров, стоимость которых будто бы не определяется издержками производства.

Критикуя ложную теорию спроса и предложения, как фактора стоимости денег, Маркс указывает, что издержки производства благородных металлов, а не их количество в обращении определяют товарные цены, измеренные в стоимости металла. «...Если издержки производства благородных металлов повышаются, то все товарные цены падают; если издержки производства благородных металлов падают, то все товарные цены повышаются. Это — всеобщий закон...»¹

Маркс прослеживает шаг за шагом весь долгий путь денег. Деньги не возникают путем договора, как не возникает таким путем и государство. Они продукт обмена, который, в свою очередь, является продуктом и результатом разделения труда. «Товарное обращение, — указывает Маркс, — есть первоначальная предпосылка денежного обращения»². Первоначально в роли денег выступал товар, чаще всего принимавшийся в обмен, будучи предметом потребле-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 137.

² Там же. С. 131.

ния всего общества или известной его части. На ранней стадии обмена в качестве денег функционировали соль, кожи, скот, рабы. И лишь много времени спустя нужды обмена, как такового, начинает обслуживать тот товар, который менее всего используется для целей индивидуального или производительного потребления. «В первом... случае товар становится деньгами в силу своей особенной потребительной стоимости; во втором случае он получает свою особенную потребительную стоимость потому, что он служит деньгами»¹.

Также постепенно развиваются и функции денег. На низших ступенях обмена и меновой торговли деньги в основном выполняют свое назначение меры стоимости. Как орудие или средство обмена, они либо не выступают, либо выступают лишь в исключительных случаях. Маркс замечает, что у Гомера волю служили в первую очередь мерой, коль скоро шла речь о них как о деньгах. Главную задачу, подход к решению которой в общих чертах намечен в данной рукописи, Маркс видит в том, чтобы раскрыть товарную природу денег в буржуазном обществе, показать, как и почему «продукт (или деятельность) становится товаром, товар — меновой стоимостью, меновая стоимость — деньгами»².

Преобладающую часть основной рукописи составляет «Глава о капитале». Она занимает почти шесть тетрадей рукописи из семи.

«Глава о капитале» содержит первоначальное изложение теории прибавочной стоимости, являющейся краеугольным камнем экономического учения Маркса. Маркс прослеживает здесь исторический процесс развития товарного производства от низшей формы к самой развернутой его форме, когда товаром становится рабочая сила, когда процесс купли и продажи приобретает всеобъемлющий характер, подчиняя своим законам весь образ жизни и деятельности общества.

Маркс исходит из понимания денег как первой формы проявления капитала и подробно анализирует метаморфозы промышленного капитала. В рукописи показано, как капитал попеременно становится товаром и деньгами. Сам капитал означает смену обоих этих определений, причем такую смену, конечным результатом и целью которой является известное приращение денег по сравнению с суммой, первоначально брошенной владельцем средств производства в промышленно-торговый оборот. Таким образом подчеркнута существенное различие между деньгами, как таковыми, как одним из товаров, хотя и привилегированным, и между деньгами, обретшими способность «самовозрастания».

Однако деньги на определенной ступени общественного производства превращаются в капитал не сами по себе, не благодаря ка-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 109.

² Там же. С. 94.

кой-то особой своей природе, а исключительно благодаря тому факту, что предметом купли и продажи, т. е. товаром, наряду с бесчисленным множеством других товаров, становится способность рабочего к труду, или иначе, его рабочая сила. Покупающий рабочую силу капиталист оплачивает ее стоимость, в среднем равную стоимости средств существования рабочего и затрат на его подготовку как рабочего. Приобретает же он в свое единоличное пользование потребительную стоимость рабочей силы и использует ее таким образом, чтобы, возместив стоимость рабочей силы, издержки капитала на содержание этой рабочей силы, выражающиеся в заработной плате, получить даровую часть готового продукта. Как и весь продукт, эта часть произведена наемным рабочим. В ней воплощена прибавочная стоимость — источник всех форм нетрудовых доходов эксплуататорских классов буржуазного общества.

Следовательно, обмен между капиталом и трудом лишь по видимости является обменом эквивалентов, и эту видимость буржуазные экономисты выдают за реально существующий факт с целью оправдания капиталистических отношений.

Здесь Маркс впервые сформулировал понятия постоянного капитала (стоимость средств производства) и переменного капитала (стоимость рабочей силы). Это открытие имело решающее важное значение, так как отныне становилось ясным, что прибыль порождается в процессе производства не вообще капиталом, не совокупным капиталом, а только той его частью, которая расходуется на заработную плату. Что же касается капитала, представленного в основных фондах, в стоимости сырья и материалов, то его стоимость в процессе производства не возрастает, а просто переносится на готовый продукт.

Классики буржуазной политической экономии никогда не исследовали неоплаченную часть продукта, которую рабочий вынужден отдавать своему предпринимателю, «в ее совокупности, как целое»¹, хотя и знали, что прибыль и рента являются лишь долями, частями этой неоплаченной части. В «Главе о капитале» своей рукописи Маркс отмечает, что «прибавочная стоимость,— в той мере, в какой она хотя и является основой прибыли, но также и отличается от того, что обычно называют прибылью,— *au fond* [в сущности] никогда еще не была раскрыта»².

Исследование прибавочной стоимости независимо от ее особых форм — прибыли, процента, земельной ренты — составляет великую научную заслугу Маркса. Это одна из главных линий водораздела, который отделяет экономическое учение марксизма от классической буржуазной политической экономии, постоянно смешивавшей особые формы прибыли с ее общей формой.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 32.

² Там же. Т. 46. Ч. I. С. 352.

Большой научный интерес в экономической рукописи 1857—1858 гг. представляют те несколько десятков страниц, где рассматривается, как пишет Маркс, «историческое происхождение буржуазной экономики» или форм производства, получивших «теоретическое или идеальное выражение в категориях политической экономики», разумеется, политической экономики домарксистской¹.

Размышления Маркса по этой теме сформировались в результате глубокого изучения античности, истории Древней Азии, Древней Греции, Древнего Рима. В самом тексте цитируется лишь один источник — «Римская история» Нибура, второе издание 1827 г., однако обилие и разнообразие фактического материала, широта обобщений дают основание полагать, что Марксом была проработана, изучена и освоена значительная масса литературы, посвященной истории, особенностям хозяйственной жизни докапиталистической и даже дофеодальной эпохи. Эти страницы представляют тем больший интерес, так как содержание их оказалось за рамками более поздних вариантов «Капитала», включая прижизненные издания его I тома.

Каждая историческая эпоха, указывает Маркс, имеет «свою экономику и экономическую основу». Иначе говоря, «жизнь людей искони покоилась на производстве, на того или иного рода *общественном* производстве»². Это истина, составляющая исходный принцип и самую суть материалистического понимания истории. Следовательно, различие исторических эпох в конечном счете и главным образом сводится к различию в характере общественного производства, различию экономических отношений между людьми.

Маркс прослеживает несколько форм уже отжившей земельной собственности. Первоначально работник относился к земле как объективному условию своего собственного труда, вещной предпосылке его собственного труда. В одном случае, однако, он владеет землей индивидуально, в другом случае она для него — общая собственность, собственность объединения, общины.

Рождение наемного труда и капитала, так называемого свободного труда и обмена этого свободного труда на деньги с целью воспроизведения и увеличения их стоимости, предполагает отделение работника от земли, лишение его, обеспечиваемого его собственностью на землю, свободной возможности осуществления своего труда.

Наряду с такими формами общинной собственности, как славянская и германская, которые фактически существуют только «в их *действительном собрании* ради общих целей», реализуют свое «экономическое существование в виде совместно используемых районов охоты, пастбищ и т. п.»³, представляют собой агрегацию равноправ-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 477.

² Там же.

³ Там же. С. 472.

ных индивидуальных собственников, Маркс более или менее подробно анализирует основные азиатские формы. Здесь над отдельными мелкими общинами возвышается некое объединяющее их «начало», фактически единственный собственник, по отношению к которому все мелкие общины и общинники находятся в зависимом положении и являются только владельцами. Это единое начало воплощается в «отце множества общин», в «деспоте», который присваивает себе прибавочный продукт всех общин и общинников. Делом его, предметом специальных забот служат ирригационные каналы, средства сообщения, необходимые для ведения хозяйства и поддержания жизни данного сообщества общин. При наличии благоприятных условий для внешней торговли вместе с деревнями начинают существовать городские поселения.

Для античного мира характерен город с принадлежащими ему землями. Форма собственности античных народов, наиболее классическим представителем которых были римляне, заключала в себе противоположность государственной земельной собственности и частной земельной собственности, но при этом последняя опосредовалась первой. Частный земельный собственник, крестьянин, был в то же время и жителем города, в отличие, например, от крестьянина в германской общине, которая не делала его городским жителем.

По мысли Маркса, выражающей «древнее воззрение», человек в младенческом древнем мире, до разложения общинно-племенного строя, всегда выступает «как цель производства» и такое положение вещей куда возвышеннее буржуазного мира, где наблюдается извращение цели — «производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства». В буржуазной экономике «полное выявление внутренней сущности человека выступает как полнейшее опустошение... как принесение самоцели в жертву некоторой совершенно внешней цели». Современное, т. е. буржуазное, состояние мира, заключает Маркс, «пошло»¹.

В рукописи затрагивается также и вопрос об исторических тенденциях капитала. Маркс заглядывает вперед на целые десятилетия, предвосхищает общее направление развития производительных сил, свидетелями которого стали последующие поколения. Он говорит об исследовании «всей природы с тем, чтобы открыть новые полезные свойства вещей»², о всеобщем взаимном обмене продуктами всех климатических зон и стран, об открытии новых методов обработки «природных предметов» и изготовления предметов личного и производительного потребления, о всестороннем исследовании земли, как с целью открытия новых пригодных для употребления предметов, так и для открытия новых потребительных свойств ста-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 476.

² См. там же. Т. 26. Ч. I. С. 386.

рых предметов. Обязательной предпосылкой всего этого должен быть весьма высокий уровень естествознания.

Капитал способствует развитию производительных сил, и в этом его «великое цивилизующее влияние»¹. Однако рано или поздно он наталкивается на внутренние границы своего развития: «капиталистическое производство движется в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но столь же постоянно полагаются»². Тенденции к безграничному и всеобщему развитию производительных сил на известной ступени капитализма начинают все больше и больше противодействовать собственной природе этого общественного строя.

Поистине пророческое звучание имеют мысли Маркса о будущем применении науки. Уже в условиях крупного капиталистического производства, отмечал Маркс, развивается тенденция к тому, чтобы «придать производству научный характер», сделать его важнейшим фактором «технологического применения науки»³. Технический уровень, достигнутый в первую очередь промышленностью, «развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу»⁴. Еще более высокую ступень этот процесс превращения науки в непосредственную производительную силу, указывал Маркс, достигнет в обществе, в котором развитие производства, производительных сил будет освобождено от сковывающих их общественных антагонизмов.

Чрезвычайно важна мысль Маркса о некоторых других чертах коммунистической формации. При коммунизме, отмечает Маркс, коллективность становится основой производства, а труд отдельного лица с самого начала выступает как коллективный труд. Не обмен будет придавать труду характер всеобщности, а коллективный характер производства с самого начала сделает продукт коллективным, всеобщим достоянием.

Маркс отмечает, что в условиях коллективного производства экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, становится первым экономическим законом, законом «в гораздо более высокой степени». Всякая действительная экономия выражается в сбережении рабочего времени, в сведении издержек производства к минимуму. Это идентично развитию производительной силы труда. Сбережение рабочего времени равнозначно увеличению свободного времени, то есть времени для полного и всестороннего развития трудящихся, которое, в свою очередь, должно оказывать обратное воздействие на производительную силу труда. Свободное время — как время

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. С. 387.

² Там же.

³ См. там же. Т. 46. Ч. II. С. 206.

⁴ Там же. С. 215.

досуга, так и время для более высокой деятельности — позволит каждому члену общества достигать полного расцвета своих духовных и физических сил.

Если учитывать всю совокупность вопросов и уровень их научного анализа в экономической рукописи 1857—1858 гг., то эту рукопись можно по праву считать первым вариантом «Капитала», первой рабочей, лабораторной формой того фундаментального произведения, над созданием которого Маркс трудился затем практически до самого конца своей жизни.

Подготовка к печати нового экономического труда

Еще до окончания работы над экономической рукописью 1857—1858 гг. Маркс начал подготовку ее к печати. Прежде всего был составлен подробный предметно-тематический указатель, облегчавший пользование отдельными рукописными тетрадями. В период между началом августа и серединой ноября 1858 г. Маркс написал на основе этой рукописи первоначальный текст «К критике политической экономии». Были предприняты также и поиски издателя. Помощь Марксу в этом отношении оказал Лассаль. Ему удалось договориться с берлинским издателем Дункером об издании работы отдельными последовательно выходящими выпусками объемом не менее 4 и не более 6 листов каждый. Такой порядок издания предложил сам Маркс, так как тогда у него не было возможности для издания всего труда в целом. Первый выпуск автор первоначально намеревался представить в набор еще к концу мая 1858 г. В качестве этого выпуска Маркс хотел издать относительно цельную работу, которая составляла бы теоретическую основу всего последующего изложения в дальнейших выпусках.

Подготовка рукописи к печати весьма затруднялась болезнью и материальными бедствиями Маркса. Из-за физических страданий он бывал совершенно неработоспособен, часто настолько плохо себя чувствовал, что почти не мог «держать в руке перо», а если, преодолевая боль, ему и удавалось немного поработать, то потом он был «вынужден несколько дней лежать пластом»¹. Болезнь затягивала сроки завершения работы, сказывалась на стиле изложения. Написанное не удовлетворяло самого Маркса, тем более что создаваемый труд был фактически результатом пятнадцатилетних упорных исследований, и завершить его хотелось наилучшим образом. «Это сочинение,— писал Маркс,— впервые научно выражает имеющий важное значение взгляд на общественные отношения. Поэтому я обязан перед партией не допускать того, чтобы вещь была изуродована...»² Высокая требовательность к себе была незыблемым эти-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 260, 264.

² Там же. С. 462.

ческим принципом, нормой поведения, которым Маркс неукоснительно следовал в своей научно-политической деятельности.

Во время работы над рукописью Маркс узнал из журнала «Economist» о выходе в свет труда буржуазного экономиста Дж. Макларена «Очерк истории средств обращения». Книга очень заинтересовала Маркса. «...Моя теоретическая совесть, — говорил он, — не позволяет мне писать дальше, не познакомившись с ней»¹. В библиотеку Британского музея по обыкновению новые издания поступали со значительным запозданием. А купить книгу Маркс не имел возможности, хотя стоила она всего лишь 9 шиллингов 6 пенсов. Семья великого мыслителя и революционера по-прежнему задыхалась в тисках материальных лишений. Не оказалось у Маркса «ни гроша» и для оплаты почтовых расходов по пересылке рукописи из Лондона в Берлин². Совершенно готовая работа лежала без движения, пока не поступил денежный перевод от Энгельса.

Наконец, 26 января 1859 г. рукопись была отправлена издателю Дункеру. Ее объем вдвое превышал условленный. Спустя примерно месяц, 23 февраля, было выслано и предисловие.

Печатался первый выпуск довольно долго. Маркс выражал недовольство тем, что Дункер ведет дело в «канительном стиле»³. Книга увидела свет 11 июня 1859 г., выйдя из печати тиражом в тысячу экземпляров.

Первый выпуск «К критике политической экономики»

«К критике политической экономики» — одно из гениальных произведений Маркса. Работа открывается авторским предисловием, в котором Маркс дает сжатый очерк истории своих экономических исследований. В предисловии содержится классическая формулировка материалистического понимания истории, из которого вытекают в высшей степени революционные выводы, одинаково важные как для теории, так и для практики. «В общественном производстве своей жизни, — пишет Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 269.

² См. там же. С. 314.

³ См. там же. С. 479.

их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»¹.

Предисловие «К критике политической экономии» заканчивается словами великого флорентийца Данте, которые Маркс цитирует как собственный девиз в науке и в революционной борьбе:

Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета.

Помимо предисловия, первый выпуск «К критике политической экономии» состоял из двух глав: «Товар» и «Деньги, или простое обращение».

Глава «Товар» — самая трудная глава и для изложения, и для понимания. Выяснив в простейшей форме товара противоречивый характер капиталистического производства, Маркс в этой главе создал исходные теоретические позиции для дальнейшего анализа и критики экономических категорий буржуазного общества. Избранный путь исследования от более элементарных форм к более сложным отражает важную особенность метода Маркса. Анализ товара и стоимости — не самоцель. Этот анализ Маркс развертывает, имея в виду осуществить логический переход к анализу денег и капитала.

Буржуазное богатство на первый взгляд выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как элементарное бытие этого богатства. Товар — предмет купли и продажи — определяется Марксом как противоречивое единство потребительной стоимости и меновой стоимости.

Потребительная стоимость означает способность вещи быть необходимой, полезной, быть предметом человеческой потребности. Потребительная стоимость всегда, в любом обществе, при всех общественных формах производства образует вещественное содержание богатства. Ее создает конкретный труд — труд сапожника, портного, столяра, земледельца и т. д.

Напротив, меновая стоимость представляет собой экономическое отношение. Создающий ее, воплощенный в товаре труд различен к особому веществу потребительных стоимостей и к особой, конкретной форме самого труда. Это лишенный различий, бескачественный труд, «труд, в котором индивидуальность работающих стерта»². Такой образующий субстанцию стоимости труд Маркс называет абстрактно-всеобщим. Выдвинув положение

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6—7.

² Там же. С. 15.

о двойственном характере труда, об абстрактном труде как источнике меновой стоимости еще в экономической рукописи 1857—1858 гг., Маркс обстоятельно раскрыл его в первом выпуске «К критике политической экономии». Абстракция всеобщего человеческого труда, показал он, заключается в сведении различных видов труда к простому среднему труду, то есть к тому труду, который в состоянии выполнить средний индивидуум данного общества. Представленный в стоимости труд осуществлен как труд обособленного отдельного лица, однако через посредство обмена и рыночных отношений он принимает форму своей противоположности, становится абстрактно-всеобщим трудом. Таким образом, этот труд является специфически общественной формой труда.

Признавая труд единственным источником стоимости, Маркс разделяет основную концепцию происхождения и сущности стоимости, которой придерживались классики буржуазной политической экономии. Вместе с тем он делает существенный, качественно новый шаг вперед, в частности, по сравнению с Рикардо, наиболее последовательным сторонником трудовой теории стоимости.

Предшественники Маркса, в том числе Рикардо, хотя и проводили различие между потребительной стоимостью и стоимостью, но не смогли выявить их действительного соотношения. Открыв, что труд является источником стоимости, они не смогли установить специфику труда, создающего стоимость. Занимаясь только величиной стоимости, определяя ее воплощенным в товаре рабочим временем, они не сумели схватить качественной стороны, показать своеобразие форм труда, представленных в потребительной стоимости и в стоимости.

Это впервые удалось только Марксу. Обстоятельно изложенное в главе «Товар» учение о двойственной природе товара, как единстве потребительной стоимости и меновой стоимости, и двойственном характере труда, как конкретного труда и абстрактно-всеобщего труда, составляет великую научную заслугу Маркса.

В главе о товаре Маркс разоблачает мистификацию товарного мира, как отношения вещей, закладывает научные предпосылки для глубокой критики вообще всех извращенных форм проявления экономических законов капитализма.

Вторая глава «Деньги, или простое обращение» оказалась более обширной и по существу более разработанной, чем глава «Товар». Если в первой главе некоторые пункты, получившие дальнейшее развитие в «Капитале», едва намечены, то во второй, наоборот, имеются «обстоятельно разработанные» положения, которые при резюмировании Марксом всего выпуска в I томе «Капитала» были воспроизведены лишь вкратце. Материал первой главы для I тома «Капитала» расширен примерно вдвое и в общем основательно переработан, материал же второй главы, наоборот, примерно вдвое был сокращен и не подвергся существенной переработке.

В целом эта глава представляет собой вполне зрелое и самое обстоятельное изложение марксистской теории денег и денежного обращения. То, что она значительно подробнее соответствующей главы в I томе «Капитала» и содержит важный исторический экскурс, которого нет в «Капитале», определяет, наряду с другими моментами, самостоятельное научное значение книги «К критике политической экономии» как выдающегося произведения марксистской мысли.

Маркс создал подлинно научную теорию денег и денежного обращения. Он показал, что деньги не вносятся в обращение для его удобства, а порождаются самим обращением. В роли денег начинает функционировать один особый товар, природные свойства которого — легкая транспортабельность, делимость и др. — позволили именно ему служить адекватным бытием стоимости, выступать в процессе обмена между частными товаропроизводителями в качестве воплощения общественного труда. Деньги имеют стоимость не потому, что ими выполняется известная общественная функция, а потому, что они продукт труда, следовательно, они обладают не воображаемой или условной, а вполне реальной стоимостью, как и все другие товары. Деньги представляют собой законченное высшее выражение стоимости, сложившееся из развития заложенного в товаре противоречия между конкретным трудом и абстрактным трудом, между потребительной стоимостью и стоимостью. Это та форма, в которой частный труд выступает как труд общественный.

Исследовав функции денег — деньги как мера стоимости, как средство обращения, как средство образования сокровищ, как средство платежа и мировые деньги, — Маркс сформулировал закон количества денег, необходимого для обращения, и другие законы денежного обращения.

Работой «К критике политической экономии» Маркс в буквальном смысле революционизировал политическую экономию. «Я надеюсь, — сообщал он в письме Вейдемейеру от 1 февраля 1859 г., — добиться для нашей партии научной победы»¹. С выходом «К критике политической экономии» такая задача была решена.

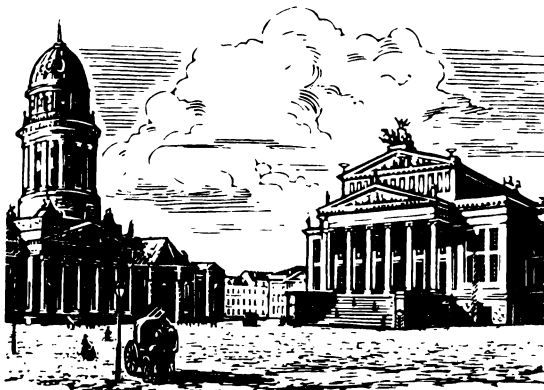
Маркс показал полное превосходство своих экономических взглядов над теориями и догмами буржуазных экономистов. Огромные преимущества выработанного им метода и единственно верное понимание предмета политической экономии позволили Марксу прийти в исследовании исходных категорий буржуазной экономики к таким выводам, которые опрокидывали установившиеся и, как казалось многим, незыблемые представления. Вместе с тем была вновь доказана теоретическая несостоятельность прудоновской критики буржуазной собственности и всех планов устранить ее «дурные стороны» путем реформ, которые пропагандировал «лже-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 469.

брат» научного коммунизма — прудонизм. Следовательно, появление «К критике политической экономии» означало двойную теоретическую победу революционной партии рабочего класса — и над буржуазной политической экономией, и над такой разновидностью мелкобуржуазной политической экономии, как учение Прудона и его последователей.

Первый выпуск «К критике политической экономии» был и остается лучшей работой в мировой литературе по вопросам денег и денежного обращения, но что особенно важно, в этой работе впервые изложена марксистская теория стоимости, являющаяся основой экономического учения Маркса.

Большое значение для пропаганды идей «К критике политической экономии» имела рецензия Энгельса, который оценивал работу Маркса как выдающееся научное достижение и видел в ней новый этап в развитии политической экономии. Тираж книги быстро распространился. Она стала известной не только в Европе, но и в Америке. Вдохновленный успехом, Маркс принялся сразу же за подготовку второго выпуска. Одновременно он хотел подготовить английское издание первого выпуска своего труда, однако из-за разных житейских невзгод ему пришлось отказаться от этого плана.

*Глава
девятая*

Новый подъем демократических и пролетарских движений

...Маркс заботился больше всего, как и в 1848 году, о расширении и обострении буржуазно-демократических движений путем участия более широких и более «плебейских» масс, мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности, наконец, неимущих классов.

В. И. Ленин

Мировой экономический кризис хотя непосредственно и не привел к революции, однако дал толчок новому революционному подъему в Европе и Америке, наступившему в конце 50— начале 60-х гг. В Германии и Италии, где все еще не были разрешены основные задачи буржуазно-демократической революции, вновь развернулось движение за национальное объединение. Складывалась революционная ситуация в России и Соединенных Штатах Америки. В новую фазу вступила борьба против национального гнета в Польше и Ирландии. Революционным брожением были охвачены народные массы в бонапартистской Франции и Австрийской империи.

Росла политическая активность рабочего класса Германии, Англии, Франции, США и других стран. Пролетарское движение

все больше обособлялось от буржуазно-демократического и становилось на путь самостоятельного развития.

Насущные потребности рабочего движения заставили Маркса все больше заниматься практической стороной борьбы за пролетарскую партию. Необходимо было давать отпор враждебным пролетариату кругам, всячески способствовать освобождению рабочих от политического влияния буржуазных партий, обеспечить самостоятельную роль рабочего класса в процессе завершения буржуазно-демократических преобразований. Желание теоретически подготовить рабочий класс к этой роли побуждало Маркса торопиться и с завершением экономических исследований. После издания первого выпуска «К критике политической экономии» он неустанно, не жалея сил, трудился над переработкой своих прежних экономических рукописей и созданием новых. Ценой невероятного напряжения Маркс сумел сочетать гигантскую теоретическую работу с выполнением возросших в новых условиях обязанностей пролетарского организатора и публициста.

Особенно много внимания приходилось уделять Марксу выработке тактической линии пролетарских революционеров в новых международных конфликтах и войнах, а также в связи с революционными событиями в ряде стран.

В начале 1859 г. Маркс предпринял шаги к расширению и укреплению международных пролетарских связей. С февраля 1859 г. вновь оживилась его переписка с Вейдемейером, которому он оказал помощь в налаживании издания газеты для чикагских рабочих. Установление в 1860 г. контактов между Марксом и ветераном немецкого и швейцарского революционного движения Иоганном Филиппом Беккером способствовало переходу Беккера на позиции коммунизма. Расширился круг корреспондентов Маркса в Германии. В конце 1862 г. он завязал регулярную переписку с ганноверским врачом Людвигом Кугельманом, участником революции 1848—1849 гг., давно с симпатией следившим за деятельностью Маркса.

Теснее становятся связи с проживавшими в Лондоне и других городах Англии бывшими членами Союза коммунистов — Лесснером, Пфендером, Лохнером, Имандтом и др. Маркс стремился к тому, чтобы ни один из его соратников не остался в стороне от выполнения задач, вставших перед пролетарскими революционерами в период революционного подъема.

В новых условиях особенно важным был вопрос о создании собственного пролетарского органа печати — открытой партийной трибуны для пропаганды революционных идей, а также центра организации пролетарских борцов. «...Существенно важно, — писал Маркс Энгельсу 18 мая 1859 г., — чтобы не только наши враги, но и мы сами имели возможность высказывать свои взгляды в какой-нибудь лондонской газете»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 354.

Газета «Das Volk»

Вопрос о пропаганде пролетарской точки зрения в печати обсуждался Марксом и его соратниками в начале мая 1859 г. Через несколько дней после этого Маркс получил приглашение сотрудничать в новой еженедельной газете «Das Volk», начавшей выходить с 7 мая 1859 г. первоначально в качестве печатного органа Лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих и других немецких рабочих обществ Лондона. Предложение исходило от редактора газеты мелкобуржуазного демократа Элларда Бискампа. Ответ Маркса был уклончивым. Он хотел предварительно проверить, существует ли возможность для идейного воздействия на газету. Отказавшись от официального сотрудничества, Маркс, однако, обещал Бискампу постоянную поддержку. Выполняя свое обещание, он принял участие в редактировании статей, организации денежной помощи газете и подборе для нее материала. Так, уже во втором номере «Volk» была помещена заметка о вышедшей в это время брошюре Энгельса «По и Рейн». В № 4 28 мая была опубликована написанная Энгельсом по просьбе Маркса статья «Итальянская кампания». Под влиянием Маркса постепенно стал меняться характер передовых статей. Оценка внутривнутриполитических и внешнеполитических событий приобрела в них классовый, пролетарский характер. Из эмигрантского листка, отражавшего узкие интересы преимущественно немецких мелкобуржуазных кругов, газета стала превращаться в боевой революционный орган, выражавший позицию пролетариата. Это позволило Марксу и его соратникам установить с ней в июне 1859 г. более тесные отношения. 11 июня в № 6 редакция официально объявила о сотрудничестве в газете Маркса, Энгельса, Фрейлиграта и Вольфа. С начала июля Маркс стал фактически редактором и администратором газеты, окончательно превратившейся в орган пролетарских революционеров.

На страницах «Volk» Маркс и Энгельс освещали вопросы революционной теории и тактики пролетариата. В газете было опубликовано предисловие Маркса к книге «К критике политической экономии», а также рецензия на нее Энгельса. Энгельс показал огромное значение не только для науки, но и для практики, для революционного движения открытого Марксом материалистического понимания истории. Он разъяснил существенные черты метода материалистической диалектики, разработанного Марксом.

Защищая интересы пролетарских масс, газета «Volk» откликнулась на классовые бои пролетариата. Так, она информировала читателей о стачке строительных рабочих Лондона в конце июля 1859 г., сыгравшей крупную роль в пробуждении активности английского рабочего класса.

Одной из важнейших задач газеты Маркс считал борьбу против мелкобуржуазной идеологии. В ряде номеров «Volk» в разделе «По

страницам печати» были опубликованы написанные Марксом при участии Бискампта обзоры с уничтожающей критикой политической беспринципности мелкобуржуазных идеологов, их проникнутых духом филистерства и национализма взглядов.

Особенно много внимания газета «Volk» уделяла Итальянской войне (так современники называли австро-итало-французскую войну 1859 г.), тактике пролетариата в этой войне, а также разоблачению бонапартизма и внешней политики Англии, Пруссии и России.

Газета «Volk» выходила недолго. Финансовые трудности, стоявшие на ее пути с самого начала, в августе 1859 г. сделались непреодолимыми. Маркс прилагал огромные усилия, чтобы достать денег на продолжение издания, но это не удалось. Последний, шестнадцатый номер газеты вышел 20 августа 1859 г. Однако несмотря на кратковременность существования, газета внесла существенный вклад в пропаганду идей научного социализма и тактических принципов пролетарской партии.

За революционный путь объединения Италии

В начале 1859 г. Италия была близка к революционному взрыву. Все острее ощущалась необходимость объединения страны и освобождения ее северной части (Ломбардии, Венеции) от австрийского гнета. Итальянская крупная буржуазия и либеральное дворянство надеялись осуществить объединение «сверху», династическим путем, без участия народных масс. Главным вдохновителем такой политики был премьер-министр Сардинского королевства (Пьемонта), крупный помещик граф Кавур. Средство для осуществления своих планов Кавур видел в совместной войне Пьемонта и Франции против Австрии. С другой стороны, и Наполеон III при помощи успешной «локальной» военной кампании под фальшивым лозунгом «освобождения» Италии надеялся укрепить пошатнувшийся бонапартистский режим во Франции и получить за счет Италии новые территориальные приобретения.

Однако, начавшаяся в конце апреля 1859 г. война Франции и Пьемонта против Австрии, вопреки ожиданиям Наполеона III и Кавура, привела к мощному революционному подъему в Италии. Народные восстания охватили Тоскану, Парму, Модену. Существовавшие в этих государствах абсолютистские режимы были свергнуты. Восстания произошли также в Романье и других провинциях Папской области. Революционное возбуждение нарастало повсюду в стране.

Маркс и Энгельс справедливо придавали итальянскому вопросу общеевропейское значение, считая, что от борьбы в Италии зависит развитие революционного движения и в других странах. Еще в январе 1859 г., до начала войны, Маркс писал, что «успешная революция

в Италии послужит сигналом к общей борьбе всех угнетенных национальностей с целью освобождения от своих угнетателей»¹.

Маркс и Энгельс решительно отстаивали революционный метод разрешения итальянского вопроса. В статье «Вопрос об объединении Италии», написанной в начале января 1859 г., Маркс выражал уверенность, что «жгучая ненависть итальянцев к своим угнетателям в сочетании с их все возрастающими страданиями найдет себе выход во всеобщей революции»². Разоблачая антинародную и контрреволюционную сущность династических планов объединения Италии под эгидой правившей в Пьемонте Савойской династии, Маркс поддерживал подлинно патриотические силы Италии, которые называл «национальной партией». Он надеялся, что итальянским демократам удастся сплотить вокруг себя среднюю и мелкую буржуазию, крестьянство, передовую интеллигенцию и еще малочисленный в то время рабочий класс и «начать великое национальное восстание»³. Только таким путем, считал Маркс, можно было бы достигнуть национального освобождения и объединения Италии на подлинно демократических началах, а также разрешения назревших феодализма, ликвидации монархических режимов и т. д. — в интересах широких народных масс.

В статьях, посвященных событиям в Италии, Маркс с большой симпатией отзывался об итальянском народе. Он верил в его способность парализовать контрреволюционные пробонарпистские действия блока дворянства и крупной буржуазии. Маркс высоко оценил разоблачение вождем итальянских демократов Мадзини контрреволюционных планов Наполеона III в отношении Италии, отмечая, что этим Мадзини «совершил замечательный акт нравственного мужества и патриотического самопожертвования»⁴.

Со своей стороны Маркс также делал все, чтобы сорвать покров с подлинной политики Наполеона III в Италии. В ряде статей, написанных еще в период, когда шла дипломатическая и военная подготовка войны, — «Перспективы войны в Европе», «Положение Луи-Наполеона», «Перспективы войны во Франции» и др. — Маркс показал, что вмешательство Наполеона в итальянские дела диктуется стремлением предупредить революционный взрыв в этой стране, сохранить ее раздробленность и контрреволюционные режимы, а также укрепить свое положение во Франции. «Фальшивая слава Второй империи быстро исчезает, — писал Маркс, — и, чтобы снова скрепить это чудовищное жульничество, требуется кровь»⁵. Предположения Маркса о действительных намерениях Наполео-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 173.

² Там же. С. 168.

³ Там же. С. 173.

⁴ Там же. С. 381.

⁵ Там же. С. 178.

на III полностью подтвердились уже в самом начале Итальянской войны.

Маркс надеялся, что революционно-демократические силы используют создавшуюся обстановку для пробуждения активности народных масс и тем самым будут способствовать превращению династической войны в революционную.

Итогам войны, закончившейся подписанием 11 июля 1859 г. Виллафранкского прелиминарного мира, Маркс посвятил статьи «Что выиграла Италия?», «Мир», «Виллафранкский договор». Причина спешного заключения Наполеоном III мира состояла, отмечал Маркс, в том, что Итальянская война, помимо воли ее инициаторов, «начинала превращаться в революционную войну»¹. В то же время Виллафранкский мир особенно наглядно обнаружил, как далеки были цели Луи-Наполеона, лицемерно выступавшего под флагом защиты угнетенных национальностей, от задачи освобождения и объединения Италии. Маркс подчеркивал унижительный характер договора для итальянцев: Ломбардия сначала передавалась Франции, а потом уже «в качестве французского дара Савойской династии»², причем Наполеон предусмотрел за это себе компенсацию в виде Савойи и Ниццы. Венеция продолжала (до 1866 г.) оставаться в руках Австрии. «Пройдет... много времени,— указывал Маркс,— прежде чем Луи-Наполеон снова сможет даже людям сентиментальным и энтузиастам внушить иллюзию, будто он является борцом за свободу»³.

Гарибальдийское движение

«Весьма возможно, однако,— писал Маркс в июле 1859 г. под непосредственным впечатлением от Виллафранкского договора,— что в дело может вмешаться итальянская революция, чтобы изменить картину всего полуострова и еще раз вывести на сцену Мадзини и республиканцев»⁴. Маркс не ошибся в своем предвидении. Не прошло и десяти месяцев, как в Сицилии в апреле 1860 г. вспыхнуло народное восстание против социального и политического гнета монархии Бурбонов. На помощь восставшим поспешил выдающийся итальянский революционер Гарибальди, который в мае 1860 г. во главе отряда добровольцев — знаменитой «тысячи» — высадился в Сицилии. Из Сицилии победоносная гарибальдийская армия двинулась на Неаполь и в начале сентября вступила в него, завершив освобождение всей Южной Италии от неаполитанских Бурбонов. После этого Гарибальди стал готовиться к походу на Рим.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 439.

² Там же. С. 443.

³ Там же. С. 439—440.

⁴ Там же. С. 445.

Маркс и Энгельс внимательно следили за событиями в Италии. С исключительной симпатией отнеслись они к героической борьбе Гарибальди и его волонтеров, высоко оценив революционную тактику этого подлинно народного полководца.

С удовлетворением отмечал Маркс, как решительно Гарибальди борется против интриг Наполеона III в Италии. Характеризуя отрицательное отношение национального героя Италии к французскому императору, Маркс писал Лассалю 15 сентября 1860 г.: «Гарибальди разделял мой взгляд на *миссию Бонапарта*, совершенно так же, как и Мадзини»¹. Успехи Гарибальди, по мнению Маркса, не только открывали перспективы революционного объединения Италии, но и расшатывали основы европейской политики Наполеона III и всего бонапартистского режима.

Маркс разоблачал контрреволюционную политику правящих кругов Пьемонта, противившихся революционным действиям Гарибальди. С тревогой воспринял он известие, что правительство Сардинского королевства договорилось с Луи-Наполеоном о вторжении пьемонтских войск в Папскую область с целью сорвать поход Гарибальди на Рим. «Кавур является прямым орудием Бонапарта...» — писал Маркс².

Несмотря на большие успехи, Гарибальди не удалось довести революционную борьбу до конца. Вопреки настояниям Мадзини и других демократов, он не решился провозгласить в Неаполе демократическую республику и продолжить под ее знаменем борьбу за объединение всей Италии. В октябре 1860 г. Гарибальди отказался от похода на Рим, допустил в Неаполь пьемонтские войска и сложил свои полномочия. Здесь проявились присущие Гарибальди политическая недалекость и непоследовательность. Дорожа больше всего единством Италии, он недооценивал вопроса о форме этого единства и, хотя был республиканцем и демократом, не стал возражать против объединения страны в рамках конституционной монархии. Как политик Гарибальди оказался, вопреки надеждам Маркса и Энгельса, много ниже, чем как революционный генерал.

В конце октября 1860 г. в Южной Италии был проведен плебисцит, утвердивший ее присоединение к королевству Пьемонт. Плоды победы, одержанной итальянским народом под руководством Гарибальди, были присвоены Савойской династией и поддерживавшим ее блоком либерального дворянства и крупной буржуазии.

Тактика борьбы за единство Германии

Итальянская война вызвала национальный подъем в Пруссии и других государствах Германского союза. Выступление Наполеона III против Австрии в общественных кругах Германии справедливо

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 464.

² Там же. С. 467.

рассматривалось как прелюдия к открытым захватническим приятиям на левый берег Рейна. В печати, на собраниях, в клубах раздавались требования организации общенационального отпора захватническим планам Наполеона III. Национальный подъем в Германии в 1859 г. вновь поставил на повестку дня вопрос об объединении многочисленных немецких государств в единое государство.

Маркс и Энгельс разработали пролетарскую тактику по этому вопросу, тесно связывая ее с тактической позицией пролетарских революционеров по отношению к итальянскому конфликту. Они исходили из того, что серьезнейшим препятствием на пути объединения Германии является бонапартизм — душитель революционных и национально-освободительных движений в Европе. Рассматривая в тот период разгром бонапартистской Франции как важнейшую предпосылку европейской революции, Маркс и Энгельс считали необходимым добиваться вступления Пруссии и других германских государств в Итальянскую войну на стороне Австрии. Разумеется, их тактика ни в малейшей степени не означала призыва к поддержке реакционного режима Австрийской империи и его господства в Италии. Маркс и Энгельс не переставали гневно обличать Австрию как палача свободы итальянского и других угнетенных народов. «Решительно становясь на сторону Италии против Австрии, немецкий народ в то же время не может не стать на сторону Австрии против Бонапарта», — писал Маркс в статье «Перспективы войны в Пруссии»¹. Таков был в данном случае диалектический подход к решению одной из сложнейших проблем тогдашней мировой политики в интересах пролетарского и демократического движений.

Вступление германских правительств в Итальянскую войну на стороне Австрии, по убеждению Маркса, создало бы помимо их воли наиболее благоприятные условия для перерастания династической войны в революционную, а следовательно, и для подлинного освобождения Италии от австрийского гнета. Поражение Франции в случае совместных действий Австрии и германских государств могло бы привести к революционному взрыву в Европе. Следствием явилась бы ликвидация не только бонапартистского строя во Франции, но и реакционных режимов в самой Австрии, Пруссии и других государствах Германского союза, объединение как Германии, так и Италии революционно-демократическим путем. Развивая эту мысль, Маркс отмечал в статье «Шпее и Минчо», что союз Пруссии с Австрией в сложившейся обстановке «означает революцию»². В случае такого развития событий неизбежно было бы выступление царской России против Германии на стороне Франции. Это, по мнению Маркса и Энгельса, сделало бы европейскую револю-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 295.

² См. там же. С. 407.

цию еще более вероятной, ускорило и усилило бы революционный кризис.

В статьях «Прусская точка зрения на войну», «Quid pro quo», «Шпрее и Минчо» и др. Маркс заклеил трусливую нейтралитетскую политику прусского правительства как прямое пособничество бонапартизму. Он показал, что отказ прусских правящих кругов выступить против Наполеона III продиктован страхом перед революционным взрывом, а также стремлением, воспользовавшись ослаблением Австрии, осуществить династический план объединения Германии под главенством Пруссии, «жюльническим путем учьсть свой вексель на гегемонию в Германии»¹. В блестящей по форме и глубокой по содержанию статье «Эрфуртовщина в 1859 году» Маркс прямо указывал на альтернативу, которая выдвинута ходом истории перед Германией: либо назревшие задачи — национальное объединение страны и необходимые преобразования — будут осуществлены революционным путем, либо они будут проведены сверху правящей кликой в том виде и такими методами, которые соответствуют ее интересам. Предупреждая об опасности такого оборота событий, Маркс отмечал, что «программа революции в руках реакции превращается в сатиру на соответствующие революционные стремления»².

Выступая в печати, Маркс подчеркивал, что с окончанием войны в Италии вовсе не снимается вопрос о революции в Европе. И действительно, после заключения Виллафранкского мира национальный подъем в Германии продолжался. Новый толчок движению за объединение Германии дал конституционный конфликт в Пруссии, который возник в 1860 г. из-за отказа нижней палаты ландтага утвердить правительственный проект реорганизации армии, требовавший увеличения военных расходов. В Германии стала складываться революционная ситуация. В статье «Настроения в Берлине», написанной в апреле 1860 г., Маркс отмечал значительное усиление революционного брожения.

Во время кульминационной фазы конфликта в 1862 г. Маркс и Энгельс, как об этом свидетельствует их переписка, считали, что в Пруссии обстановка еще больше обострилась и возможен революционный выход из создавшегося кризисного положения. Однако они весьма опасались, что, как и в 1848 г., либеральная оппозиция проявит трусость и предательски капитулирует перед юнкерским правительством. И действительно, прусские либералы не пошли дальше оппозиционной болтовни, позволив контрреволюционным силам укрепить свои позиции. В сентябре 1862 г. Вильгельм I, ставший в 1861 г. королем Пруссии, назначил министром-президентом померанского юнкера князя Отто Бисмарка, который начал прово-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 477.

² Там же. С. 432.

дить военную реформу без всякой санкции ландтага. Его либеральное большинство, прогрессисты, ограничилось словесными протестами, по существу дав возможность Бисмарку приступить к осуществлению объединения Германии сверху, «железом и кровью», как он сам выразился в одной из своих речей.

Разногласия с Лассалем

В период подъема пролетарского и демократического движений резко обозначились разногласия между Марксом и Лассалем. На протяжении ряда лет Маркс стремился приобщить Лассалья к революционной теории и направить его деятельность на служение пролетариату. Однако в письмах Энгельсу и самому Лассалю Маркс неоднократно критиковал теоретические воззрения последнего. Маркс отмечал, что Лассаль стоит на идеалистических гегельянских позициях. Он подчеркивал поверхностный характер лассалевских философских произведений, их эклектичность и в то же время свойственную автору претенциозность.

В письме Энгельсу 1 февраля 1858 г. Маркс сделал острый критический разбор книги Лассалья «Философия Гераклита Темного из Эфеса». С тонкой иронией и глубоким смыслом он писал: «Гераклит Темный» Лассалья Ясного, в сущности, весьма пошлое, жалкое произведение. По поводу каждого из многих образов, при помощи которых Гераклит уясняет себе единство утверждения и отрицания, выступает Лассаль и преподносит нам по этому случаю какой-либо отрывок из гегелевской «Логики», — которая вряд ли выигрывает от этого, — всегда многословно, как школьник, который на заданном ему уроке хочет сразу показать, что усвоил и его «сущность», и его «явление», и «диалектический процесс»¹.

Поддерживая связь с Лассалем, Маркс надеялся, что он учтет его критику и преодолет свои ошибочные взгляды. Но Лассаль фактически продолжал оставаться мелкобуржуазным демократом, хотя и уверял Маркса, что является сторонником его взглядов. Социалистические воззрения Лассалья того времени были чрезвычайно далеки от научного социализма. Источником их служили доктрины представителей различных школ утопического социализма. Глубокое различие в мировоззрении и в подходе к проблемам современной политики вылилось в конце 50-х гг. в принципиальные расхождения между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лассалем, с другой, по теоретическим вопросам, а также по вопросу о тактике участников революционного движения.

В 1859 г. Маркс и Энгельс подвергли дружеской и в то же время весьма острой критике историческую драму Лассалья «Франц фон

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 222.

Зиккинген» о рыцарском восстании 1522—1523 гг. накануне Крестьянской войны в Германии. В письмах Лассалю (Маркса — от 19 апреля, Энгельса — от 18 мая 1859 г.) они сформулировали важные принципы марксистской эстетики. В центре внимания Маркса и Энгельса при рассмотрении литературных сторон драмы Лассалья стояла проблема реализма. Высказывания на этот счет представляли собой как бы основу их воззрений на теорию и историю литературы.

Реализм как направление в литературе и как метод художественного творчества Маркс и Энгельс считали высшим достижением в развитии мирового искусства. Реалистический метод, по их мнению, позволял наиболее адекватно, разносторонне и глубоко отображать действительность в художественной форме. Реалистическое изображение — отнюдь не копирование действительности, а способ проникновения в существо явлений, художественного обобщения их, раскрытия типических черт определенной эпохи. Именно это Маркс и Энгельс ценили в творчестве великих писателей-реалистов Шекспира, Сервантеса, Гёте, Бальзака, Пушкина и др. В частности, Бальзака, создателя непревзойденной картины жизни и нравов французского буржуазного общества первой половины XIX в., художника, вообще отличавшегося, по словам Маркса, «глубоким пониманием реальных отношений»¹, он ставил настолько высоко, что намеревался по окончании работы над «Капиталом» написать специальное исследование о знаменитом бальзаковском цикле-романов «Человеческая комедия». Об английских реалистах XIX в. — Диккенсе, Теккерее, Бронте и Гаскелл Маркс писал в одной из своих статей 1854 г. как о блестящей плеяде романистов, «которые в ярких и красноречивых книгах раскрыли миру больше политических и социальных истин, чем все профессиональные политики, публицисты и моралисты вместе взятые...»²

К оценке драмы Лассалья Маркс подошел с критериями, отражавшими глубокое понимание художественного творчества. Он отметил ее достоинство: удачную композицию, «живость действия»³. В то же время он указал Лассалю и на отступления от реалистических принципов: риторичность, чересчур абстрактную характеристику героев. Превращая их «в простые рупоры духа времени», Лассаль лишал их конкретной индивидуальности, жизненности. Существенным недостатком было, с точки зрения Маркса и Энгельса, фактическое отсутствие в драме подлинно социального фона: представителей народных масс. Лассаль не сумел по-настоящему изобразить историческую обстановку, передать ее колорит.

В этих критических замечаниях были выражены важные принципы реалистического художественного творчества. Маркс и Эн-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 46.

² Там же. Т. 10. С. 648.

³ См. там же. Т. 29. С. 483.

гельс требовали от художника правдивости изображения, конкретно-исторического подхода к изображаемым явлениям, наделения героев живыми, индивидуальными чертами, отражавшими типичные стороны характера и психологии той классовой среды, к которой эти герои принадлежали. Свои идеи автор подлинно реалистических произведений передает читателю не в форме резонерских назидательных рассуждений, а посредством полнокровных и сочных образов, воздействуя на его сознание и чувства средствами художественной выразительности. Маркс и Энгельс считали, что Лассаль усугубил некоторые слабости творческого метода великого немецкого поэта и драматурга Шиллера — его склонность к отвлеченной риторике, ведущей к превращению героев в абстрактных и односторонних выразителей определенных идей. Они отдавали в этом отношении предпочтение Шекспиру. Оба указывали Лассалю, что, подражая манере Шиллера, он забывает о важности для писателя-реалиста сочетать идейную глубину, возвышенные идеалы со стремлением воспринять шекспировское умение изображать подлинные страсти и разносторонние человеческие характеры.

Высокие требования предъявлял Маркс к писателям и в отношении художественной формы произведения. «...Раз уж ты писал стихами,— обращался Маркс к Лассалю,— ты мог бы отделать свои ямбы несколько более художественно»¹.

В своих письмах Лассалю Маркс и Энгельс затронули вопрос о связи литературы с жизнью, с современностью. Маркс отнюдь не осуждал Лассаля за его замысел: провести известную аналогию между событиями XVI в., изображенными в драме, и ситуацией середины XIX в., выявить действительно трагическую коллизию, которая «привела к крушению революционную партию 1848—1849 годов»². Ошибкой он считал идеалистическое, неправильное толкование самой этой коллизии, сведение ее причин к якобы извечной абстрактной «трагедии революции», лишенной конкретно-исторического, классового содержания. Маркс критиковал Лассаля не за наличие политической тенденции в его драме, а за то, что она была неверна по существу с точки зрения материалистического понимания истории и воззрений пролетарских революционеров. В целом Маркс и Энгельс считали политическую тенденцию, отражение того или иного мировоззрения, тех или иных политических взглядов неотъемлемым свойством всякого литературного произведения. Они весьма критически относились к попыткам поставить литературу над политикой, к теориям «искусства для искусства». В эти же годы Маркс осудил пренебрежение партийными интересами со стороны Фрейлиграта, с огорчением отметив, что отход от революционных позиций отрицательно сказался и на творчестве поэта.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 483.

² Там же.

Передовая литература, согласно глубокому убеждению Маркса и Энгельса, должна быть правдивым выразителем в яркой художественной форме современных жизненных процессов, глашатаем передовых идей, защитником интересов прогрессивных сил общества. В этом высоком смысле слова они понимали партийность художественной литературы. Органическое соединение идейности с художественностью и мастерством — именно то, чего недоставало драме Лассалья, — они считали необходимым качеством для подлинно реалистического искусства.

Критика Марксом и Энгельсом драмы Лассалья не сводилась к разбору ее литературных достоинств и недостатков, а имела принципиальный политический характер. Маркс решительно осуждал Лассалья за то, что тот представил в своем произведении подлинным носителем революционных идей дворянскую оппозицию во главе с рыцарем Зиккингеном. «Не совершаешь ли ты сам до известной степени, подобно твоему Францу фон Зиккингену, дипломатическую ошибку, — писал он Лассалю, — ставя лютеровско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской?»¹

Эта ошибка не была случайной. Взгляды Лассалья на Крестьянскую войну в Германии вытекали из общей недооценки революционных возможностей народных масс, и в первую очередь крестьянства, которое он вообще считал реакционным классом. В период борьбы за разные пути национального объединения Германии и решения важных социально-политических задач, стоящих перед страной, Лассаль склонялся на сторону буржуазно-юнкерского блока. Разбирая политические тенденции драмы Лассалья, Маркс по существу вел с ним дискуссию о движущих силах не только прошлых революционных событий, но и будущего развития Германии.

Попытки Маркса и Энгельса переубедить Лассалья не имели успеха. В ответ на критические замечания он писал им, в частности, что крестьянские войны «не революционны», а «в конечном счете — реакционны»².

Особенно серьезные расхождения по вопросу о путях объединения Германии возникли у Маркса с Лассалем в связи с Итальянской войной 1859 г. Точку зрения Маркса и Энгельса Лассаль хорошо знал из брошюры «По и Рейн». Однако он не поддержал их и более того — выступил во враждебном им духе. В мае 1859 г. он выпустил в Берлине анонимную брошюру «Итальянская война и задачи Пруссии», в которой, солидаризируясь с пруссофильской буржуазией и прусским юнкерством, защищал план объединения Германии династическим путем под главенством Пруссии. В противовес выдви-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 484.

² Lassalle F. Nachgelassene Briefe und Schriften. Herausgegeben von Gustav Mayer. Stuttgart; B., 1922. Bd. 3. S. 205.

нугому Марксом еще в 1848 г. лозунгу объединения страны в форме демократической республики он ориентировался на поглощение других государств прусской монархией. В своей брошюре он обращался не к немецкому народу, а к прусским правящим кругам.

Лассаль оправдывал нейтралистскую политику прусского правительства, рекомендуя ему воспользоваться затруднениями Австрии и осуществить свою объединительную программу. Вместо разоблачения бонапартистской демагогии в итальянском вопросе Лассаль утверждал, что Наполеон III в Италии будто бы осуществляет «великое и справедливое, цивилизаторское и в высшей степени демократическое, а потому родное *всем* народам дело»¹.

Маркс и Энгельс с негодованием встретили появление брошюры Лассаля. Они справедливо рассматривали ее как открытую полемику с их взглядами на объединение Германии. «Брошюра Лассаля — громадная ошибка», — сообщал Маркс Энгельсу 18 мая 1859 г.² Маркс недвусмысленно указал Лассалю, что его позиция не имеет ничего общего с точкой зрения пролетарских революционеров. Однако Маркс продолжал поддерживать отношения с Лассалем, надеясь на изменение его воззрений.

Раскрывая принципиальный характер разногласий между Марксом и Лассалем в 1859 г., В. И. Ленин писал: «Лассаль приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики. Маркс же поощрял, развивал самостоятельную, последовательно-демократическую, враждебную национально-либеральной трусости политику (вмешательство Пруссии против Наполеона в 1859 г. подтолкнуло бы народное движение в Германии)»³.

Памфлет «Господин Фогт»

Важной задачей в борьбе за создание пролетарской партии Маркс и Энгельс считали ограждение ее передовых борцов от клеветы и травли со стороны идеологов и агентов буржуазии. В декабре 1859 г. вышла брошюра К. Фогта «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»». Автор этой клеветнической поделки пытался опорочить деятельность Маркса и его соратников в Союзе коммунистов. Он изображал их заговорщиками, находящимися в тайной связи с полицией, приписывал им изготовление фальшивых денег с целью искусственного вскармливания революций, пытался бросить тень на газету «Volk», заявив, что она будто бы была филиалом реакцион-

¹ Lassalle F. Gesammelte Reden und Schriften. B., 1919. Bd. 1. S. 43.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 350.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 138.

ной баварской «Allgemeine Zeitung» и получала средства из сомнительных источников.

Маркс справедливо расценивал выступление Фогта как попытку буржуазии дискредитировать формирующуюся пролетарскую партию в глазах общественного мнения. Обычно он не считал нужным отвечать на выпады, направленные против него лично. Однако в данном случае, когда была задета честь партии, он не мог оставаться в стороне. «Лишь в самых редких, исключительных случаях,— писал Маркс,— когда речь шла об интересах партии, как, например, в кёльнском процессе коммунистов,— отвечал я в печати на бесчисленные ругательства, которыми меня осыпали в течение десяти лет в немецкой и немецко-американской прессе»¹.

Ответом Маркса на брошюру Фогта явился памфлет «Господин Фогт», вышедший в Лондоне в декабре 1860 г. Создавая его, Маркс ставил перед собой двойную задачу. Он считал необходимым целиком разоблачить самого Фогта как отнюдь не случайную фигуру, а «индивидуума, представляющего целое направление»², одного из типичных прислужников буржуазии. К тому же Фогт, выступавший под маской демократа и пользовавшийся репутацией ученого-естествоиспытателя, в политической сфере играл роль, как в этом убедился Маркс, тайного бонапартистского агента.

С другой стороны, в интересах укрепления авторитета пролетарских революционеров в массах Маркс стремился показать их прошлую и настоящую деятельность, их взгляды и цели в истинном, неискаженном виде. Маркс писал Фрейлиграту 23 февраля 1860 г., что борьба с Фогтом имеет «решающее значение для исторического оправдания партии и для ее будущего положения в Германии»³.

К собиранию материала для книги Маркс приступил в конце января 1860 г. Он трудился над ней, не жалея сил, почти около года, временно прервав даже экономические занятия. Чтобы получить сведения для опровержения фогтовских измышлений и разоблачения самого Фогта, он разослал более 50 писем во многие города Европы друзьям, знакомым и даже незнакомым лицам, изучил большое количество документов и обширную литературу. Не довольствуясь этим, Маркс в середине февраля 1860 г. выехал к Энгельсу в Манчестер, где пробыл до 25 марта. С ним он обсудил план полемической работы против Фогта и просмотрел находившиеся у него материалы по истории Союза коммунистов. Многие друзья Маркса не понимали такой настойчивости и искренне думали, что он напрасно теряет время. Но для Маркса вопрос был ясен. Надо было довести до масс идеи пролетарской партии во всем их величии и чистоте и не позволить врагам рабочего класса опорочить и очернить ее.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 624.

² Там же. С. 400.

³ Там же. Т. 30. С. 373.

Характеризуя в памфлете Фогта в основном как политическую фигуру, Маркс не оставил в стороне и его философские взгляды, которые тот развивал в работах по естествознанию. В сатирически заостренных высказываниях Маркс высмеял примитивные воззрения Фогта, принадлежавшего наряду с Бюхнером и Молешоттом к направлению немецких вульгарных материалистов середины XIX в.

Шаг за шагом разоблачает Маркс клевету Фогта на пролетарскую партию, уличая его в самом бессовестном обмане. Все злопыхательское повествование Фогта, показывает Маркс, было настолько соткано из противоречащих друг другу лживых утверждений, что «жирный негодяй» не смог и сам свести концы с концами. Бросая пролетарским революционерам гнусное обвинение в связях с полицией, Фогт старательно замалчивал факты собственного грязного пособничества полицейским властям.

Клеветническим вымыслом Фогта Маркс противопоставил подлинную картину развития международного коммунистического движения. На основании многочисленных документов он обрисовал героическую борьбу пролетарских революционеров за создание революционной пролетарской организации. Сжато, но чрезвычайно рельефно изложил Маркс историю Союза коммунистов, осветив исторические условия, в которых протекала его деятельность, его характер и цели, значение борьбы против сектантских элементов и вульгарных мелкобуржуазных демократов.

Центральное место в памфлете Маркса занимает разоблачение Фогта как платного бонапартистского агента. Ознакомившись с другой книжкой Фогта «Исследования о современном положении Европы», выпущенной в марте 1859 г., Маркс убедился, что она была написана прямо по указке из Франции и понадобилась Наполеону III для идеологической обработки общественного мнения Европы. «...Фогт был лишь одним из бесчисленных рупоров,— писал Маркс,— которыми шутовской чревоушатель из Тюильри пользовался для вещания на чужих языках...»¹ Услуги Фогта Наполеону III этим не ограничились. Маркс показал, что Фогт был связан с разветвленной сетью бонапартистских агентов во многих странах и фактически играл роль одного из их вербовщиков.

Обнародованные позже документы, неизвестные Марксу в то время, целиком подтвердили правильность его мнения, что «демократ» Фогт фактически состоял на службе у бонапартистского правительства. В опубликованных после падения Второй империи ведомостях о расходовании секретных фондов Наполеона III значилось, что Фогт в августе 1859 г. получил от французского императора 40 тыс. франков.

В своем памфлете Маркс раскрыл контрреволюционную сущность политики Наполеона III, в том числе его роль в развязывании

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 527—528.

Итальянской войны. Маркс разоблачил бонапартистскую демагогию в национальном вопросе, пресловутый «принцип национальностей», прикрываясь которым французский император стремился использовать в контрреволюционных целях национальное движение малых народов. Не менее важным было и предупреждение Маркса об опасности для рабочего движения заигрывания правящих кругов бонапартистской империи с неустойчивыми элементами пролетариата.

Маркс показал, что проявлением пробонапартистской позиции применительно к Германии является пруссофильство Фогта и ему подобных, их старание пропагандировать «объединительную миссию» Пруссии. Содержащаяся в памфлете критика приверженцев объединения Германии под эгидой Пруссии была, безусловно, направлена и против Лассалья, хотя Маркс открыто не называл его имени. Недаром Маркс писал Энгельсу 26 ноября 1859 г., что Лассаль на деле «дует в одну дудку с Фогтом»¹.

Памфлет «Господин Фогт» отличается не только глубиной содержания, но и блестящей формой. По своим художественным достоинствам он может соперничать с лучшими образцами мировой сатирической литературы. «Это, конечно, лучшее полемическое произведение, какое ты когда-либо написал», — отзывался об этом ярком памфлете Энгельс в письме Марксу 19 декабря 1860 г.²

Болезнь Женни Маркс

Клевета Фогта тяжело подействовала на жену Маркса. В течение ряда месяцев, когда Маркс работал над памфлетом против Фогта, Женни постоянно находилась в состоянии нервного возбуждения и часто проводила ночи без сна. Много сил она потратила и на то, чтобы переписать памфлет. 19 ноября 1860 г., едва успев закончить переписку рукописи своего мужа, она вовсе слегла. Врач установил, что Женни заболела черной оспой. Хотя ей дважды делали прививку против этой страшной болезни, ее истощенный организм не смог сопротивляться инфекции.

Для Маркса наступили особенно тяжелые дни. Детей пришлось отправить к жившим по соседству Либкнехтам. Сам он и Елена Демут не отходили от постели больной. «Я очень, очень много выстрадала, — описывала позднее Женни первые дни своей болезни Луизе Вейдемейер. — Сильные жгучие боли лица, абсолютная бессонница, смертельный страх за Карла, который с величайшей нежностью ухаживал за мной, наконец, потеря всех внешних чувств, тогда как внутреннее чувство, сознание, оставалось все время ясным.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 416.

² Там же. Т. 30. С. 101.

Я лежала у открытого окна, чтобы меня все время обвевал холодный ноябрьский ветер. При этом жарко натопленная печь, лед на пылающих губах и от времени до времени несколько капель вина. Я уже едва могла глотать, слух все слабел, наконец, закрылись глаза — и я не знала, не настала ли для меня вечная ночь!»¹

В течение недели врач и близкие опасались за жизнь больной. Потом наступил спасительный кризис, и дело пошло на поправку. «Состояние моей жены, насколько это возможно при данных обстоятельствах, улучшилось,— писал Маркс Энгельсу 26 ноября 1860 г.— Это будет длинная история. Но то, что можно назвать сильным приступом болезни, прошло»². Однако для полного выздоровления понадобилось около двух месяцев.

Болезнь Женни выбила Маркса из колеи. В первый период он вообще не был в состоянии работать. «Писать статьи для меня теперь почти невозможно,— сообщал он Энгельсу.— Единственное занятие, которым я поддерживаю необходимое душевное равновесие, это — математика»³.

К концу декабря больной стало настолько лучше, что врач решил Марксу забрать детей домой. Это было большой радостью для родителей, которым причиняла глубокое огорчение даже временная разлука с дочерьми. Однако волнения и переутомление во время болезни Женни не прошли бесследно для здоровья Маркса. Не успела Женни немного окрепнуть, как в начале января тяжело заболел он сам. На этот раз в особенно острой форме проявилась мучительная хроническая болезнь печени, так что почти весь январь он должен был пролежать в постели.

Поездка в Голландию и Германию

Болезнь Маркса совпала с новым ухудшением материального положения его семьи. В начале 1861 г. резко сократились денежные поступления из США. В связи с назреванием Гражданской войны издание «Новой американской энциклопедии» было приостановлено, а редакция «New-York Daily Tribune» вновь, как и во время кризиса 1857 г., рассчитала всех своих европейских корреспондентов, за исключением Маркса, предложив, однако, и ему на некоторое время воздержаться от посылки корреспонденций, а в дальнейшем посылать не две, а одну статью в неделю.

Чтобы хоть немного поправить денежные дела, Маркс в конце февраля отправляется в голландский город Залтбоммел к дяде Лиону Филипсу, довольно крупному коммерсанту. Он рассчитывал с помощью Филипса, который ведал имуществом его матери, полу-

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе. С. 252.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 88.

³ Там же.

чить некоторую сумму денег в счет своей доли наследства. Этот расчет оправдался. «У своего дяди я пока выжал 160 фунтов, так что мы смогли выплатить большую часть наших долгов», — писал Маркс Энгельсу 7 мая 1861 г. по возвращении в Лондон¹.

Из Голландии Маркс поехал в Берлин, где находился с 17 марта по 12 апреля. В столице Пруссии он предполагал обсудить с Лассалем проект совместного издания газеты, а также добиться восстановления в прусском подданстве на основе указа прусского правительства об амнистии, объявленной в связи с восшествием на престол короля Вильгельма I. В Берлине Маркс был гостем Лассала, с которым встретился впервые после революции 1848—1849 гг. Лассаль и его близкий друг графиня София Гацфельдт приняли Маркса радушно, в то же время афишируя свою близость к знаменитому революционному мыслителю в кругу аристократических знакомых. Они старались ввести его в «избранное общество», устроили в его честь званый обед, на котором присутствовали высокопоставленные лица, приглашали на театральные представления. В оперном театре, в ложе, находящейся рядом с королевской, Марксу пришлось скучать на помпезном балетном спектакле. Еще меньше понравилась ему «полная прусского самовосхваления» комедия писателя Фрейтага «Журналисты».

Маркс присутствовал на одном из заседаний палаты депутатов, находясь в ложе для журналистов. Сравнивая ее с прусским Национальным собранием, в котором ему довелось побывать в сентябре 1848 г., он находил, что изменения в представительных учреждениях Пруссии произошли отнюдь не к лучшему. «Тесный зал заседаний. Крохотные ложи для публики. Депутаты сидят на скамьях («господа» же — в креслах), странная смесь канцелярии со школой. Бельгийская палата по сравнению с этим просто импозантна. Председатель Симсон или Самсон вознаграждает себя за пинки, полученные им от Мантёйфеля, тем, что ныне с помощью своих ослиных челюстей набрасывается на притаившихся внизу филистеров — со всей уродливой и грубой начальственностью министерского швейцара»².

Впечатления от других берлинских встреч также не были благоприятными. Своей кузине Антуанетте (Наннетте) Филипс, с которой Маркс подружился во время пребывания в Залтбоммеле, он писал, что «окружен толпой филистеров»³. Зато он с удовольствием навестил друга своих студенческих лет известного историка Кёпена.

Как ни неприятна была для Маркса та обстановка, в которой ему приходилось находиться в прусской столице, он с удовлетворением наблюдал признаки роста оппозиционных настроений и всеобщего

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 127.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 488.

брожения. «Тон, царящий в Берлине, дерзкий и фривольный,— сообщал Маркс Энгельсу.— Палаты презираются... Среди значительной части общества сильно недовольство существующей прессы... При таких обстоятельствах было бы действительно очень кстати, если бы мы с будущего года могли издавать газету в Берлине...»¹

Однако переговоры Маркса с Лассалем о совместном издании газеты к успеху не привели. Лассаль выдвинул такие условия, которые позволили бы ему поставить газету под свой единоличный контроль. По возвращении в Англию, Маркс, посоветовавшись с Энгельсом, ответил Лассалю отказом. К сотрудничеству с Лассалем Маркса не располагало также непомерное тщеславие последнего, его барские замашки, стремление вести великосветский образ жизни, в чем Маркс имел случай наглядно убедиться.

В Берлине Маркс с помощью Лассаля предпринял шаги для своего восстановления в прусском подданстве. Он добивался этого, чтобы иметь возможность переселиться или хотя бы время от времени приезжать на длительные сроки в Германию и непосредственно участвовать в руководстве немецким рабочим движением. 25 марта 1861 г. Маркс обратился с соответствующим ходатайством на имя столичного полиции-президента фон Цедлица.

Однако просьба Маркса была отклонена еще до его отъезда из прусской столицы под тем предлогом, что он в 1845 г. сам вышел из прусского подданства. Власти считали Маркса слишком опасным революционером, чтобы разрешить ему проживание в Пруссии. Маркс оставил Лассалю доверенность на дальнейшие хлопоты, но и поданные Лассалем от его имени прошения были отклонены в июне 1861 г. полицией-президентом Берлина, а в ноябре того же года — министром внутренних дел. Маркс писал в связи с этим, что «так называемая амнистия просто обман, притворство и ловушка»².

Из Берлина Маркс на короткое время заехал в Эльберфельд, Бармен и Кёльн. В Кёльне он встретился с адвокатом Шнейдером, выступавшим защитником на кёльнском процессе коммунистов в 1852 г., а также с бывшим членом Союза коммунистов, обвиняемым по этому процессу Клейном. 19 апреля он приехал на два дня в Трир к матери. Это было их последнее свидание. Через два с половиной года, 30 ноября 1863 г., Генриетта Маркс умерла.

Из Трира Маркс через Ахен вновь направился в Голландию, где помимо Залтбоммела, посетил Роттердам и Амстердам. 29 апреля он вернулся в Лондон.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 128—129.

² Там же. С. 501.

Защита Бланки

Во время пребывания в Берлине Маркс узнал, что в марте 1861 г. Бланки, вернувшийся во Францию после амнистии 1859 г., был арестован в Париже и обвинен в организации тайного общества. София Гацфельдт сообщила Марксу, что демократически настроенные круги Берлина возмущены действиями бонапартистской полиции и выражают сочувствие Бланки. До вынесения приговора Бланки находился в Мазасской тюрьме, где подвергался жестокому обращению со стороны тюремных властей. Несмотря на отсутствие улик, летом 1861 г. он был осужден на 4 года тюремного заключения.

Возвратясь в Лондон, Маркс развернул активную деятельность по оказанию помощи Бланки. Он договорился с французским эмигрантом, участником революции 1848 г. Симоном Бернаром и с бывшим чартистским лидером Эрнестом Джонсом об устройстве митинга протеста против ареста Бланки и жестокого обращения с ним в тюрьме. В это же время Маркс завязал переписку с французским революционером, близким другом Бланки Луи Ватто, проживавшим в эмиграции в Брюсселе и выступавшим в печати под псевдонимом Денонвиль. Через него ему удалось связаться с Бланки. Сообщая об этом факте Энгельсу, Маркс писал 19 июня 1861 г.: «Сам Бланки, через Денонвиля, очень тепло благодарил и меня, и немецкую пролетарскую партию... за наши симпатии. Очень от радно, что мы вновь установили непосредственную связь с крайней революционной партией во Франции»¹.

Маркс предпринял энергичные шаги для того, чтобы через прессу организовать движение в защиту Бланки. В мае он написал письмо графине Гацфельдт, прося ее содействовать опубликованию сведений о тяжелых условиях заключения Бланки и распространению требования о его освобождении. В результате усилий Маркса сообщения о новой расправе с Бланки появились не только в немецких, но и в итальянских и американских прогрессивных газетах.

Маркс целиком поддержал намерение Луи Ватто выпустить брошюру с материалами, разоблачающими бонапартистских преследователей и тюремщиков пламенного французского революционера. С просьбой о сборе денег на брошюру Маркс через Гацфельдт обратился к демократическим кругам Германии. Кроме того, он принял меры для сбора средств среди эмигрантов с помощью Лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих. Собранные этим обществом деньги Маркс 10 ноября 1861 г. переслал Ватто вместе с письмом, в котором писал, что он больше, чем кто-либо, интересуется судьбой Бланки, всегда считал его головой и сердцем пролетарской партии во Франции»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 141.

² Там же. С. 507.

Маркс и социальные сдвиги в России

С конца 50-х гг. Маркс с пристальным вниманием стал следить за развитием внутренних событий в России. В результате своих наблюдений он все больше приходил к выводу, что позиции царизма после поражения в Крымской войне ослабли. Война не только обнаружила экономическую и политическую отсталость царской России, но и дала толчок бурному росту волнений крепостных крестьян, подрывавшему основы феодально-крепостнического строя. «Русская война 1854—1855 гг. ...ускорила нынешний поворот событий в России», — писал Маркс Энгельсу 8 октября 1858 г.¹, делаясь с ним мыслями о росте революционных настроений в Российской империи. Уже в этом году Маркс констатировал быстрое назревание кризиса крепостнической системы, признаки складывающейся революционной обстановки в России, что ослабляло, в свою очередь, мощь царизма как твердыни европейской реакции. Именно на это обстоятельство указывал он в письмах Энгельсу, подчеркивая, что «движение за освобождение крепостных в России» знаменует начало такого внутреннего развития, которое «может встать поперек дороги ее традиционной внешней политике»².

Маркс ясно увидел и социально-экономическую подоплеку назревавших в России перемен. Отжившие крепостнические отношения чрезвычайно тормозили развитие капитализма. Становление капиталистического уклада в этих условиях сопровождалось особенно острыми страданиями и бедствиями эксплуатируемых масс, испытывавших двойной гнет: и крепостников-помещиков, и капиталистических элементов. Это еще больше усиливало революционное брожение.

Предвидя неизбежность падения крепостного права, Маркс учитывал, что Россия стоит перед выбором того пути, по которому произойдет ликвидация крепостничества, что вокруг этого в стране кипит борьба между противоположными классовыми силами. Правящие круги Российской империи, сознававшие невозможность управлять по-старому, искали выхода из кризиса посредством реформ. Многомиллионное крестьянство стремилось разрешить его радикальным, революционным способом. Маркс писал, что «русские крепостные... понимают освобождение иначе, чем правительство»³. Не игнорируя разногласий внутри господствующего класса по вопросу о реформе, споров между либеральными помещиками и крепостниками, Маркс отнюдь не в них видел движущие пружины реформы. В отличие от западноевропейской печати он рассматривал ее прежде всего как результат непримиримой классовой борьбы между крестьянством и помещиками.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 295.

² Там же. С. 267.

³ Там же. Т. 14. С. 510.

Еще до проведения крестьянской реформы Маркс на основании сведений, проникавших в печать, раскрыл ее некоторые важные черты в статьях, которые были в 1858—1860 гг. напечатаны в «New-York Daily Tribune». Две из них — «Вопрос об отмене крепостного права в России» и «Об освобождении крестьян в России» — он целиком посвятил подготавливаемой царским правительством реформе. Он подчеркивал, что абсолютистские правительства идут на освобождение крестьян лишь «под напором революции или в результате войны»¹. Маркс заранее предвидел половинчатый характер подготавливаемой реформы, как и всяких подобных мероприятий, проводимых сверху. Реформа, отмечал он, явится лишь шагом на пути необходимых буржуазных преобразований России и не может решить всех назревших вопросов. Свое окончательное разрешение они смогут получить лишь в результате революции.

Касаясь содержания будущей реформы, Маркс еще до появления манифеста Александра II от 19 февраля 1861 г. раскрыл ее антинародный характер, ее тенденцию по возможности полнее соблюсти интересы помещиков и сохранить в силе пережитки крепостного права. В то же время он считал, что эти меры не могут надолго предотвратить деградацию такого по существу гибнущего класса, как помещичье дворянство. Для крестьян же реформа — это лишь иллюзия освобождения, смена видов кабалы, средство ограбления их путем выкупных платежей и т. д. Их зависимость от помещиков реформа не устраняла. Она, по словам Маркса, должна была ее «патриархальную форму» заменить «новой, цивилизованной формой»².

Маркс надеялся, что царское правительство не сумеет реформой остановить революционный поток крестьянских выступлений, что по мере того, как крестьяне будут узнавать о ее содержании, их движение будет нарастать. Он прямо говорил о возможности русской буржуазно-демократической революции, указывая, что попытка правительства осуществить реформу в предполагаемом виде может послужить «сигналом для вспышки массового восстания среди сельского населения России»³. В этом случае, отмечал Маркс, «настанет русский 1793 год» с господством террора, и это явится «поворотным пунктом в истории России», принесет ей «подлинную и всеобщую цивилизацию»⁴. Ожидая вспышки революции в России, Маркс видел ее особенность в том, что в силу недостаточного развития капиталистических отношений в стране она примет характер аграрной революции. Об этом Маркс, в частности, писал Лассалю 4 февраля 1859 г.⁵

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 606.

² См. там же. Т. 15. С. 185.

³ Там же. Т. 12. С. 701.

⁴ Там же.

⁵ См. там же. Т. 29. С. 471.

Если в период, предшествовавший Крымской войне и во время самой войны, Маркс считал революционные перспективы в России еще сравнительно отдаленными и поэтому рассматривал ее прежде всего как оплот реакции в Европе, то теперь его точка зрения начинает меняться. Продолжая оставаться непримиримым противником самодержавия, Маркс все больше внимания начинает уделять неофициальной России, России народных масс, которые в самой стране противостояли царизму. Он с радостью убеждается в бурном росте этих сил, в назревании народной революции в России. С этого момента русское революционное движение, революционная Россия — в противовес царской России — в глазах Маркса становится постоянным фактором, который следует учитывать в общих революционных стратегических планах, в определении возможных маршрутов будущей европейской революции. «Существует еще одна великая держава, которая десять лет тому назад чрезвычайно энергично сдерживала напор революции,— писал в июне 1858 г. Маркс в «New-York Daily Tribune».— Мы имеем в виду Россию. Но в настоящее время у нее самой под ногами накопился горячий материал, который, при сильном порыве ветра с Запада, может внезапно воспламениться». И если летом 1858 г. Маркс еще считал, что толчком для взрыва революции в России должны послужить революционные выступления в Западной Европе, то по мере роста крестьянских волнений он вскоре пришел к заключению, что революционное пламя может разгореться в России раньше, чем на Западе, и именно из России перекинуться в западные страны. Уже в декабре 1859 г. Маркс писал Энгельсу: «В России движение развивается быстрее, чем во всей остальной Европе»².

В русском революционном движении Маркс видел союзника пролетариата и демократии на Западе. Сопоставляя то, что происходило в России, с борьбой против рабства негров в США, Маркс писал Энгельсу 11 января 1860 г.: «По моему мнению, величайшие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов... и, с другой стороны,— движение рабов в России»³.

И после обнародования крестьянской реформы в марте 1861 г. Маркс продолжал рассчитывать на революционный взрыв в России. Эти расчеты подкреплялись сведениями о продолжавшихся, а кое-где и усиливавшихся выступлениях крестьян. Оценка Марксом обстановки в России периода подготовки и проведения реформы как предреволюционной была исторически обоснована. Впоследствии В. И. Ленин писал: «...при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 519—520.

² Там же. Т. 29. С. 425.

³ Там же. Т. 30. С. 4.

вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹. Тот факт, что революционная ситуация 1859—1861 гг. не переросла в революцию, несколько не умаляет ценности выводов Маркса о назревании народной революции в России, о том, что в ее народе таятся подлинно неиссякаемые запасы революционной энергии.

Сотрудничество в газете «Die Presse»

Еще в 1859 г. Маркс Фридендер, редактор венской либеральной газеты «Die Presse», сделал попытку привлечь Маркса в качестве сотрудника. В начале июня 1861 г. Маркс получил от него новое приглашение работать в газете.

«Presse» насчитывала 30 тыс. подписчиков и читалась не только в Австрии, но и в Германии. Значительная популярность газеты в эти годы объяснялась ее антибонапартистской позицией во внешнеполитических вопросах. Однако Маркс начал посылать статьи в «Presse» только с октября 1861 г., когда убедился, что газета и во внутренней политике заняла прогрессивную позицию, перестав поддерживать реакционный внутривнутриполитический курс канцлера Антона фон Шмерлинга. 28 сентября 1861 г. он с удовлетворением писал Энгельсу: «Венская «Presse»... наконец-то повернула свой фронт против Шмерлинга. Таким образом, теперь, пожалуй, можно будет наладить связь с этой газетой»². Для Маркса было чрезвычайно важным получить возможность пропагандировать свои взгляды непосредственно среди немцев.

В октябре 1861 г. Маркс по просьбе редакции послал в Вену две пробных статьи о Гражданской войне в США. Обе они были одобрены и помещены на первых страницах газеты. Маркс получил извещение, что с ноября месяца 1861 г. он зачисляется постоянным сотрудником «Presse» с оплатой в один фунт стерлингов за статью и 10 шиллингов за корреспонденцию.

Большая часть статей Маркса, написанных для «Presse», была посвящена Гражданской войне в Соединенных Штатах и ее международному влиянию. С полным основанием полагая, что эта война будет способствовать усилению революционного движения в Европе, Маркс придавал огромное значение снабжению европейских читателей точной информацией о событиях в Америке. Он писал Энгельсу 28 апреля 1862 г. о необходимости «распространять в Германии через печать правильные воззрения на это важное дело»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 30.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 157.

³ Там же. С. 185.

Ряд статей, напечатанных в «*Presse*», Маркс посвятил экономическому положению Англии, уровню жизни трудящихся масс. Выразительными красками обрисовал он катастрофическое положение английской хлопчатобумажной промышленности, вызванное прекращением во время Гражданской войны ввоза хлопка из США. Статьи «Кризис в Англии», «Нужда рабочих в Англии» давали картину потрясающей нищеты безработных ткачей. Отмечал Маркс и пробуждение политической активности английского рабочего класса, находившегося со времени упадка чартистского движения под сильным влиянием тред-юнионистской идеологии.

На страницах «*Presse*» Маркс продолжал развенчивать прогнивший режим Второй империи с его чрезвычайными расходами на вооружение, расточительностью двора и неслыханной коррупцией. Разоблачая внешнеполитические авантюры Наполеона III, Маркс ряд статей посвятил начавшейся в 1861 г. вооруженной интервенции Франции, Англии и Испании в Мексике. Действительной целью интервенции, осуществляемой под фальшивым предлогом борьбы с анархией, было, подчеркивал он, свержение прогрессивного правительства Хуареса и превращение Мексиканской республики в колонию европейских держав. Статьями об интервенции в Мексике Маркс внес еще один вклад в борьбу против колониализма.

Многие статьи Маркса представлялись буржуазной редакции «*Presse*» чересчур революционными. К концу 1861 г. для Маркса стало очевидным, что ряд посланных им статей не был принят к публикации. «Паршивая «*Presse*» не печатает и половины моих статей», — жаловался он Энгельсу 27 декабря 1861 г.¹ В частности, «*Presse*» не напечатала некоторых статей Маркса о мексиканской экспедиции, гневно обличавших грабительскую колониальную политику европейских держав.

В 1862 г. редакция «*Presse*» еще более сократила публикацию статей Маркса. Перед открытием в 1862 г. в Лондоне второй Всемирной промышленной выставки Фридендер вообще пытался ограничить тематику Маркса вопросами, связанными с выставкой. По остальным вопросам ему предлагалось посылать не более одной статьи в неделю. Подобная позиция редакции привела к тому, что с декабря 1862 г. Маркс прекратил свое сотрудничество в «*Presse*».

Гражданская война в США. Конец сотрудничества в «Tribune»

С весны 1861 г. внимание Маркса и Энгельса приковывают к себе события в Соединенных Штатах Америки. Избрание в 1860 г. на пост президента кандидата республиканской партии Авраама

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 173.

Линкольна — противника рабства негров, считавшего необходимым в качестве первого шага к его отмене ограничить территорию его распространения,— побудило южных плантаторов-рабовладельцев встать на путь открытого мятежа. Один за другим южные штаты объявляли о своем отделении — сепарации — от Американского союза. 4 февраля 1861 г. представители отколовшихся штатов образовали сепаратную Южную конфедерацию. 12 апреля 1861 г. войска мятежников открыли военные действия против вооруженных сил Союза. Началась гражданская война невиданного еще масштаба.

Маркс считал Гражданскую войну в США, продолжавшуюся до апреля 1865 г., событием всемирно-исторического значения. Им было написано о ней более 40 статей, опубликованных преимущественно в «*Presse*». Военную сторону событий по-прежнему комментировал Энгельс. Однако с декабря 1862 г. Маркс лишился возможности освещать ход войны в периодической печати. С «*Presse*» ему пришлось порвать; посылка статей в «*New-York Daily Tribune*» прекратилась еще раньше. Сотрудничество в этой газете, с которой Маркс в течение десяти лет был непрерывно связан, пошло на убыль уже с начала 1861 г., когда редакция предложила ему временно прервать корреспондентскую работу. Публикация его статей возобновилась лишь в октябре. Однако в марте 1862 г. связь Маркса с «*Tribune*» прерывается окончательно.

Прекращение корреспондентской работы в «*Tribune*», а потом и в «*Presse*» вновь поставило Маркса на грань материальной катастрофы. Вместо того чтобы спокойно продолжать возобновленную в 1861 г. работу над созданием экономического труда, он буквально вынужден был метаться в поисках заработка. У Маркса было даже намерение поступить в начале 1863 г. на службу в одну из железнодорожных контор, однако из-за плохого почерка ему было в этом отказано. Лишь в конце 1863 г. положение несколько поправилось с получением небольшого материнского наследства.

Таким образом, публицистические выступления Маркса, по независимым от него обстоятельствам, отразили лишь первые стадии Гражданской войны в США. Существенно дополняют их, однако, его письма Энгельсу и другим лицам, которые охватывают весь период войны и содержат острые политические характеристики событий и деятелей.

К событиям в Америке Маркс подошел и как проницательный социолог, и как пламенный борец против реакции, защитник общих интересов американских и европейских трудящихся. В своих статьях и письмах он показал экономические и социальные корни развернувшейся в США войны, проанализировал ее характер и движущие силы. Гражданская война, указывал он, была вызвана борьбой двух социальных систем — утвердившейся в северных штатах капиталистической «системы свободного труда», иными словами, наемного труда промышленных рабочих, труда ремесленников, а также фер-

меров в сельском хозяйстве, и господствовавшей на юге системы рабства — докапиталистической формы эксплуатации непосредственных производителей. «Эта борьба вспыхнула потому,— писал Маркс,— что обе системы не могут долее мирно существовать бок о бок на североамериканском континенте»¹. Дальнейшее сохранение рабства становилось все более несовместимым с капиталистическим развитием Соединенных Штатов.

Маркс подчеркивал, что именно вопрос о рабстве составлял сущность Гражданской войны. «Все движение, как это ясно видно, покоилось и покоится на *вопросе о рабстве*,— писал Маркс в октябре 1861 г.— Не в том смысле, должны ли рабы быть немедленно освобождены внутри существующих рабовладельческих штатов, а в том, должны ли 20 миллионов свободных жителей Севера и далее подчиняться олигархии 300 тысяч рабовладельцев; должны ли огромные территории республики служить основой для создания свободных штатов или стать рассадниками рабства; наконец, должна ли национальная политика Союза сделать своим девизом вооруженное распространение рабства в Мексике, Центральной и Южной Америке»².

Касаюсь исторического происхождения Гражданской войны, Маркс указывал, что борьба между антагонистическими сторонами — промышленным Севером и рабовладельческим Югом — была «движущей силой истории Соединенных Штатов в течение полувека»³. В этой борьбе, подчеркивал он в статье «Гражданская война в Северной Америке», Юг постоянно действовал как воинствующая, наступательная сила, одерживавшая над Севером в вопросе о рабстве одну победу за другой. Успех рабовладельческой олигархии объяснялся тем, что она всегда встречала поддержку представителей крупной буржуазии северных штатов, связанной с плантаторами-рабовладельцами и наживавшейся на торговле хлопком и другими продуктами рабского труда. Маркс отмечал, что именно об этот контрреволюционный блок «разбивались все периодически повторявшиеся с 1817 г. попытки оказать сопротивление непрерывно возраставшему натиску рабовладельцев»⁴. В то же время усиливалась и борьба прогрессивных кругов буржуазии, преимущественно промышленной, особенно же борьба народных масс против рабства, которая и привела к победе Линкольна на президентских выборах.

Маркс разоблачал ложь английской буржуазной печати о якобы мирном характере сессии. Он давал решительный отпор распространенным в европейской печати попыткам затушевать истинные цели рабовладельцев Юга, изобразить их защитниками прав отдельных штатов от централизаторских посягательств федерального

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 355.

² Там же. С. 347.

³ Там же. С. 316.

⁴ Там же. С. 342.

правительства, поборниками местной автономии, прибегающими к мерам самообороны. Действия южан, подчеркивал он, явились узурпаторским актом узкой эксплуататорской клики, идущим вразрез с интересами огромного большинства населения даже самих южных штатов. Не говоря уже о неграх, рабовладельческой олигархии на Юге, писал Маркс, «противостоят многие миллионы так называемых «белых бедняков»... положение которых можно сравнить лишь с положением римских плебеев во времена крайнего упадка Рима»¹. В действительности сецессия, отмечал он, явилась контрреволюционным мятежом, бунтом рабовладельцев, отнюдь «не оборонительной, а захватнической войной, войной за распространение и увековечение рабства»².

Подчеркивая прогрессивный характер войны со стороны Севера, Маркс вместе с тем резко осуждал нерешительность и колебания, проявленные в войне буржуазными кругами северных штатов. Он критиковал буржуазное республиканское правительство за его нежелание на первых порах придать войне общенародный, революционный характер. В этом, по его мнению, проявилась ограниченность американской буржуазной демократии. Именно такая политика на начальной стадии войны была главной причиной военных неудач северян, несмотря на превосходство их по сравнению с Югом в отношении экономического потенциала и людских резервов.

Маркс с возмущением писал, что армия северян засорена реакционным офицерством, сочувствующим южанам. Особенно резко он критиковал руководителей северных штатов за их политику в негритянском вопросе. Опасаясь революционных потрясений, они не решались в первое время допустить негров в армию. Привлечение негров в армию северян, по мнению Маркса, оказало бы огромное влияние на ход войны, намного подняло бы шансы Севера, ослабив тыл южных рабовладельцев. «Один только полк, составленный из негров,— писал Маркс Энгельсу 7 августа 1862 г.,— окажет поразительное действие на нервы южан»³.

Маркс не устал подчеркивать, что борьба против рабства соответствует коренным интересам американских трудящихся и в первую очередь пролетариата в США. Рабство препятствовало сплочению американского рабочего класса, раскалывало белых и черных в их борьбе против эксплуататоров, ослабляло силы рабочего движения. «В Соединенных Штатах Северной Америки всякое самостоятельное рабочее движение оставалось парализованным, пока рабство уродовало часть республики»,— писал Маркс⁴.

Именно народным массам отводил Маркс решающую роль в борьбе против рабства. От свободолюбивых американских ферме-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 345.

² Там же. С. 349.

³ Там же. Т. 30. С. 222.

⁴ Там же. Т. 23. С. 309.

ров, от рабочего класса Америки ждал он мощного воздействия на правительство Севера, чтобы заставить его изменить способ ведения войны. Все возрастающая активность народных масс в ходе Гражданской войны должна превратить ее в настоящую революцию, в огне которой рухнут и господство олигархии плантаторов, и предательские замыслы их пособников на Севере. Маркс выражал уверенность в том, что «Север, наконец, начнет вести войну всерьез и прибегнет к революционным средствам, отстранив от руководства деятелей из пограничных рабовладельческих штатов»¹. В августе 1862 г. Маркс писал: «Мы присутствовали пока лишь при первом акте гражданской войны — войны, которая велась *по-конституционному*. Второй акт — ведение войны *по-революционному* — еще впереди»².

Прогнозы Маркса полностью оправдались. Со второй половины 1862 г. под давлением народных масс правительство Линкольна начало проводить целый ряд мероприятий революционно-демократического характера, которые в конечном итоге привели к победе Севера. Маркс приветствовал линкольновские акты — разрешение создавать военные отряды из негров, закон о конфискации имущества мятежников и т. д. Особенно с большим удовлетворением встретил он обнародованную 22 сентября 1862 г. прокламацию Линкольна об освобождении негров-рабов, принадлежащих южным плантаторам — участникам мятежа. Маркс ясно видел недостатки прокламации, освобождавшей рабов без земли. И все же он подчеркивал огромное революционное значение этой меры. В статье «К событиям в Северной Америке» он охарактеризовал линкольновскую прокламацию как «важнейший документ американской истории со времени основания Союза»³. Она знаменовала собой переход к новому этапу войны — войны по-революционному.

Маркс дал яркую характеристику президенту Линкольну как выдающемуся государственному деятелю, сумевшему прислушаться к голосу народных масс. Марксу весьма импонировал облик Линкольна, человека, вышедшего из народа, плебея по своим симпатиям и привычкам. Он отмечал присущие ему простоту, деловитость, отсутствие позерства и склонности к пышным фразам. Критикуя Линкольна за буржуазную ограниченность, за известную непоследовательность, Маркс тем не менее высоко оценил его деятельность. «...В истории Соединенных Штатов и в истории человечества Линкольн займет место рядом с Вашингтоном!» — писал он⁴.

События Гражданской войны Маркс оценивал, исходя также из общих перспектив революционного движения. Он считал, что борь-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 222.

² Там же. Т. 15. С. 542.

³ Там же. С. 570.

⁴ Там же.

ба за уничтожение рабства негров является фактором первостепенного значения для сплочения как рабочего класса США, так и всего международного пролетариата. Маркс отмечал, что мятеж рабовладельцев прозвучал «набатов для всеобщего крестового похода собственности против труда»¹ и что от победы или поражения северных штатов зависят судьбы трудящихся всего мира. Как бы ни стремилась американская буржуазия присвоить себе плоды народной победы, как бы ни старалась она сохранить неравноправие негров, само падение рабства в США, достигнутое революционным путем, полагал Маркс, должно было дать могучий толчок освободительной борьбе по обе стороны Атлантического океана. Поэтому Маркс и придавал такое значение солидарности европейского рабочего класса с американскими борцами за уничтожение рабства, с самим поработанным негритянским населением Америки. Идеи, которыми были пронизаны его статьи о Гражданской войне в США, — об общности интересов трудящихся всех стран, независимо от национальности и цвета кожи — явились дальнейшим развитием принципов пролетарского интернационализма.

Движение английских рабочих в поддержку северных штатов

Крупную роль в воспитании пролетарских масс в духе интернациональной солидарности трудящихся, по мнению Маркса, сыграли выступления английского рабочего класса против намерения правящих кругов Англии открыто вмешаться в американские дела на стороне Юга. С самого начала войны английское правительство оказывало поддержку южным рабовладельцам. Англия поставляла им оружие и другие материалы, на английских верфях для южан строились суда. Английская буржуазия и аристократия вынашивали планы интервенции против Севера, создания коалиции реакционных европейских государств для оказания вооруженной помощи Югу. Однако замыслы правящих классов встретили энергичное противодействие народных масс Англии, в первую очередь рабочего класса.

Рассматривая активное воздействие на внешнюю политику как одну из важнейших задач революционного пролетариата, Маркс в статьях «Общественное мнение Англии», «Рабочий митинг в Лондоне» и других показал, что английский рабочий класс остался верным своему интернациональному долгу. На многочисленных митингах, начавшихся зимой 1861 г., английские рабочие заявляли о своей решимости воспрепятствовать позорной агрессии в защиту рабства. Стойкость английского рабочего класса, отмечал Маркс, не могли сломить даже жесточайшие материальные лишения, вызванные кризисом в хлопчатобумажной промышленности в связи с Граждан-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 18.

ской войной в США. Правительству не удалось провокационно использовать нужду рабочих и пробудить среди них ненависть к северным штатам.

Вопреки усилиям правящей верхушки, симпатии к Северу в Англии росли. В 1862 и 1863 гг. в Лондоне, Манчестере и Шеффилде проходили массовые митинги рабочих, на которых выражалась солидарность с борцами против рабства негров. 26 марта 1863 г. Маркс присутствовал на организованном Лондонским советом тред-юнионов грандиозном рабочем митинге в Сент-Джемс-холле. Участники его заявляли о том, что они — в противовес английским буржуазно-аристократическим кругам — решительно поддерживают правительство северных штатов. Обмениваясь с Энгельсом впечатлениями об этом митинге, Маркс писал 9 апреля 1863 г.: «Сами рабочие говорили *превосходно*, без всяких следов буржуазного фразерства, и ничуть не скрывая своего антагонизма по отношению к капиталистам...»¹

Маркс высоко оценил эту интернационалистскую позицию английского пролетариата. «Английский рабочий класс,— отмечал он в октябре 1863 г.,— снискал себе неувядаемую славу в истории, отразив посредством массовых, полных энтузиазма митингов неоднократные попытки господствующих классов организовать интервенцию в пользу американских рабовладельцев, и это несмотря на то, что продолжение Гражданской войны в Америке означает для миллиона английских рабочих самые тяжкие страдания и лишения»².

Статьи Маркса об антиинтервенционистской кампании английских рабочих учили пролетариат умению вырабатывать и отстаивать в международных конфликтах свою собственную революционную линию.

Позиция Маркса во время польского восстания 1863—1864 годов

В начале 1863 г. запылал еще один очаг революционной борьбы. 22—23 января в польских землях, принадлежавших царской России, завязались партизанские бои, вспыхнуло национально-освободительное восстание.

Весьма существенным обстоятельством Маркс считал то, что оно — в отличие от предыдущих польских восстаний — началось в обстановке революционного подъема не только на западе Европы, но и в восточной ее части, в России, где в массах продолжалось революционное брожение на почве недовольства реформой 1861 г. Это открывало перед восстанием в польских землях новые перспективы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 280.

² Там же. Т. 15. С. 597.

По мнению Маркса и Энгельса, при благоприятном развитии событий оно могло стать исходным моментом общеевропейской революции. Они рассчитывали, что польское восстание, дав толчок русской революции и соединившись с ней, перенесет революционные пламя в соседнюю Германию, и прежде всего в Пруссию, которая переживала острый политический кризис, а также в другие западноевропейские страны. Маркс писал Энгельсу 13 февраля 1863 г.: «Что ты скажешь по поводу польской истории? Ясно одно — в Европе снова широко открылась эра революций... Будем надеяться, что на сей раз лава потечет с востока на запад, а не наоборот...»¹

На протяжении всего восстания Маркс и Энгельс в своих письмах анализировали шансы повстанцев на победу, воздействие польских событий на революционное движение в других странах, тщательно прослеживали борьбу партий в повстанческом лагере, давали оценку внешнеполитическим силам, влиявшим на ход восстания.

Успех восстания Маркс и Энгельс ставили в зависимость прежде всего от двух факторов: от вовлечения в борьбу широчайших масс польского крестьянства и от аграрной революции в России, которая должна была привести к объединению освободительной борьбы польского народа с русским революционным движением. Эта точка зрения вождей пролетариата совпадала со взглядами русских революционных демократов и представителей революционной партии «красных» в Польше, образовавшейся в 1861 г. Наиболее дальновидные русские и польские революционеры настойчиво добивались слияния революционных сил России и Польши. Еще в 1862 г. между ними было заключено соглашение о поддержке русскими революционерами польского восстания, намечавшегося на весну 1863 г. Хотя Маркс и Энгельс не знали об этом союзе, но и они рассчитывали на то, что польское восстание при определенных условиях станет стимулом для революционных выступлений крестьянских масс в России и получит в свою очередь мощную поддержку со стороны русской революции.

Однако уже летом 1863 г. Маркс и Энгельс пришли к выводу, что у польского восстания становится все меньше перспектив для благоприятного исхода. Они с огорчением отмечали, что движение в Польше не вылилось в аграрную революцию, а в России крестьянские волнения к этому времени стали стихать. Главную причину неудачного развития польского восстания Маркс усматривал в захвате общего руководства повстанческими силами партией «белых», ориентировавшейся не на революционную борьбу масс, а на помощь со стороны Франции и Англии. Выражавшая интересы крупных помещиков и верхушки буржуазии партия «белых» всячески стремилась не допустить, чтобы восстание в Польше переросло в крестьянскую революцию. «Белые» выдвинули притязания на украин-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 266.

ские и белорусские земли. Они установили связь с аристократической польской эмиграцией. Через проживавшего в Париже князя Чарторьского они поддерживали отношения с правительствами Наполеона III и Пальмерстона. Прозападная политика «белых», как и их консервативная позиция в крестьянском вопросе, пагубно отражалась на повстанческом движении. «Польское дело,— писал Маркс Энгельсу 15 августа 1863 г.,— совершенно испорчено тем же Бустрой и влиянием, которое получила благодаря его интригам партия Чарторьского»¹.

В ряде писем Энгельсу Маркс разоблачил провокационную политику Франции и Англии в отношении польских повстанцев, показав, что правящие круги этих государств фактически сыграли роль соучастников подавления восстания, скрытых пособников палаческих действий царизма. Правительства Франции и Англии, лицемерно прикрываясь сочувствием повстанцам, в решающий момент бросили их на произвол судьбы. Они ограничились лишь показными дипломатическими демаршами, а реальной помощи полякам не оказывали. Вмешиваясь в польские дела, Франция и Англия, подчеркивал Маркс, преследовали исключительно корыстные цели. Наполеон III рассчитывал обострить международную обстановку, создав благоприятную ситуацию для захвата левого берега Рейна и для других авантур. Этот скрытый замысел французского императора сразу же был разгадан Марксом. «Чего я больше всего опасаясь в этой польской истории,— писал он Энгельсу 21 февраля 1863 г.,— так это того, что свинья Бонапарт найдет какой-нибудь повод, чтобы двинуться к Рейну и таким путем выкарабкаться из своего весьма скверного положения»².

Очевидной для Маркса была и подлинная цена заявлений кабинета Пальмерстона о сочувствии восставшей Польше. Английский премьер рассчитывал осложнить дипломатическое положение России, спровоцировать Францию на выступление и расстроить наметившееся после Крымской войны франко-русское сближение.

У Маркса с самого начала не было никакого сомнения в том, что самую активную помощь в подавлении восстания окажет царизму прусское правительство, возглавляемое Бисмарком. И Маркс не ошибся. 8 февраля 1863 г. между представителями царского и прусского правительств была подписана конвенция о совместной борьбе против повстанцев. Прусская либеральная буржуазия, по существу, поддержала этот контрреволюционный акт, ограничившись в ландтаге лишь робкой критикой конвенции. Гневно заклеил Маркс трусость прусских либералов, их пресмыкательство перед Бисмарком.

Со своей стороны Маркс делал все возможное, чтобы оказать поддержку борющейся Польше. Он считал, что симпатии к угнетен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 303. Бустройства — ироническое прозвище Наполеона III.

² Там же. С. 272.

ному польскому народу среди рабочих и демократических кругов западноевропейских стран следует использовать и для организации возможно более эффективной помощи полякам, и для укрепления интернационального братства между рабочими разных стран. Маркс всячески поощрял выступления Лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих в пользу поляков, организовывал среди немецких рабочих в Англии, Швейцарии и Соединенных Штатах, а также и в самой Германии сбор средств в фонд помощи участникам польского восстания.

В сентябре 1863 г. Маркс горячо откликнулся на просьбу польского полковника Лапинского помочь сформировать немецкий легион для поддержки повстанцев. «Дело само по себе превосходно», — сообщал он 12 сентября 1863 г. Энгельсу¹, прося его наладить в Манчестере сбор необходимых для этого денег. Если в начале 1848 г. Маркс справедливо считал опасной авантюрой затею Гервега и Борнштедта искусственно вызвать революцию в Германии путем вторжения эмигрантского легиона, то с посылкой немецкого добровольческого отряда в Польшу в 1863 г. дело обстояло совершенно иначе. Это, по мнению Маркса, явилось бы эффективной формой интернациональной поддержки уже развернувшегося в самой стране повстанческого движения, революционной акцией, подобной участию волонтеров-иностранцев в походах Гарибальди в Сицилии и Южной Италии. Впрочем, экспедиция Лапинского не состоялась, и не только из-за недостатка средств, но, по-видимому, в силу отрицательного отношения партии «белых» к самой идее отправки иностранных революционных легионов в помощь повстанцам.

Из опыта польского восстания и кампании солидарности с ним Маркс и Энгельс сделали вывод, что только тесный союз с революционным движением в России и с европейским рабочим классом может обеспечить успех национально-освободительной борьбы польского народа. Важным условием победы угнетенной нации они считали сочетание борьбы за национальную независимость с внутренними революционными преобразованиями, в первую очередь с демократическим решением аграрного вопроса в интересах широких масс крестьян.

Работа над брошюрой о Польше

Помощь повстанцам Маркс надеялся оказать и путем выступления в печати. Как только ему стало известно, что между Пруссией и Россией заключена конвенция о совместном подавлении восстания, он решил написать вместе с Энгельсом специальную брошюру о Польше. Изданием брошюры о Польше Маркс рассчитывал содейст-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 306.

водить разоблачению полицейского сотрудничества Берлина и Петербурга и побудить демократические круги Германии как к решительным действиям в защиту Польши, так и к борьбе против внутренней реакции. Было решено, что Маркс напишет историко-дипломатическую, а Энгельс военную часть задуманной брошюры. В конце февраля 1863 г. Энгельс в письме Марксу набросал ее примерный план, предложив дать следующее заглавие: «Германия и Польша. Размышления военно-политического характера в связи с польским восстанием 1863 года».

Работа Маркса и Энгельса над брошюрой затянулась — главным образом из-за состояния здоровья Маркса. В марте у него началось резкое обострение болезни печени, которое продолжалось до конца мая. Тем не менее за эти три с половиной месяца больной Маркс проделал огромную подготовительную работу. Он сделал выписки почти из 50 книг, заполнив ими две тетради и записную книжку. Рассматривая польский вопрос в связи с политикой ведущих европейских держав, Маркс привлек к изучению документы, мемуары, переписку и исторические труды, относящиеся к дипломатической и внутренней истории не только Польши, но и России, Пруссии, Франции. Записную книжку Маркс заполнил также многочисленными выписками из сообщений прессы о ходе восстания 1863 г.

В дальнейшем Маркс систематизировал собранный материал и расположил его тематически, а в рамках каждой темы — в хронологическом порядке. Так возникли две черновых рукописи. Одна из них, озаглавленная Марксом «Пруссаки-каналы», была посвящена прусско-польским отношениям с 1640 по 1863 г. Другая, не имеющая авторского названия, представляла собой хронологические записи по истории польско-французских отношений. Приступив к написанию самой брошюры, Маркс на основе подготовительных материалов создал два варианта первой главы. Изложение событий он начал со средних веков и довел его в первом варианте до 1792 г., а во втором, более отработанном, носящем заглавие «Польша, Пруссия и Россия», до 1770 г. В таком состоянии оказалась работа в конце мая. Энгельсу Маркс сообщал 29 мая 1863 г., что «несмотря на многочисленные попытки, *не мог довести до конца польской штуки*¹. Убедившись, по-видимому, в том, что завершение брошюры потребует слишком много времени и она не сможет выйти к тому сроку, когда она оказалась бы практически полезной восстанию, Маркс и Энгельс прекратили работу над ней.

Сохранившиеся рукописи позволяют, однако, не только понять общий замысел Маркса, но и определить содержание значительной части работы, которую он собирался написать. В черновой рукописи «Пруссаки-каналы» и частично в первоначальных вариантах первой главы Маркс проследил на протяжении двух веков грабительскую

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 287.

политику Пруссии и царской России по отношению к Польше. При этом основное внимание он уделит разоблачению Пруссии, «нападению на обветшалый дом Гогенцоллернов»¹. Задуманная брошюра являлась продолжением и развитием тех статей Маркса, в которых он, начиная еще с периода, предшествовавшего революции 1848 г., бичевал реакционное пруссачество.

Маркс подробно осветил историю возвышения бранденбургского княжеского дома Гогенцоллернов. Он показал, как путем мелких интриг, обмана и вероломства Гогенцоллернам удалось завладеть подвластным Польше герцогством Пруссией, увеличить таким путем свою территорию и приобрести королевский титул. Пользуясь упадком польской аристократической республики, бывший вассал с лакейской подлостью мстил своему сюзерену, как мелкий хищник выжидал каждого удобного случая, чтобы урвать кусок добычи. В рукописях Маркса раскрывается коварная роль Пруссии в трех разделах Польши, осуществленных ею в конце XVIII в. в тесном союзе с царской Россией и Австрией. Именно участие в разделах Польши, по мнению Маркса, сыграло решающую роль в возвышении Пруссии. С этих пор Пруссия взяла на себя роль жандарма по отношению к каждому восстанию польского народа. Марксом ярко нарисована картина вероломных и жестоких методов, с помощью которых Пруссия осуществляла свои захваты. «С начала 1771 г.,— характеризовал он действия прусской военщины в Польше накануне первого раздела,— целые области прусской Польши были наводнены прусскими наемниками, которые совершали неслыханные грабежи, жестокости, подлости и всевозможные зверства»².

На примере политики гогенцоллерновской Пруссии и царской России по отношению к Польше Маркс в своих рукописях проводил мысль, что участие в совместном порабощении чужих народов приковывает грабителей друг к другу, усиливает их взаимную зависимость, причем более сильный становится в значительной мере вершителем судеб более слабого. В том, что прусские короли опирались при захвате польской территории на царскую Россию, Маркс увидел одну из главных причин преданности Гогенцоллернов царизму, их прислужнической роли по отношению к самодержцу всея Руси. Пруссию и царскую Россию объединяла также, по его убеждению, общая ненависть к европейскому революционному движению, к французской революции конца XVIII в. и ее освободительному влиянию на Европу. Гогенцоллерны и Романовы постоянно рассматривали стремление польского народа к восстановлению независимой Польши как проявление революционных тенденций. «Со време-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 272.

² Маркс К. К истории польского вопроса. Рукописи 1863—1864 гг.//Архив Маркса и Энгельса. М., 1973. Т. 14. С. 213.

ни якобинской войны...— пишет Маркс,— Пруссия видела в Польше восточную параллель Франции и революционный кратер»¹.

Через рукописи Маркса красной нитью проходит мысль о том, что на протяжении всего существования Пруссии Гогенцоллерны по отношению к Польше проводили политику, не только ничего общего не имеющую с подлинными интересами Германии, но в корне противоречащую этим интересам и наносящую ущерб как соседним славянским народам, так и самим немцам. Как и в 1848—1849 гг., Маркс развивал ту мысль, что прусская монархия является главным препятствием объединению Германии революционно-демократическим путем. Ее свержение должно быть первым шагом в революционном развитии Германии. «Так как существование Польши необходимо для Германии, но немыслимо наряду с государством Пруссией,— писал Маркс Энгельсу в разгар своей работы над брошюрой,— то сие государство, Пруссию, надо стереть с лица земли»².

Другой задачей, которую ставил перед собой Маркс в задуманной брошюре, было разоблачение коварной политики западных держав, особенно бонапартистской Второй империи, по отношению к борющейся Польше. На примере истории франко-польских отношений Маркс показал, что и во времена абсолютизма, и в период господства буржуазии правители Франции неизменно использовали Польшу как разменную монету в своих дипломатических расчетах и маневрах, заставляли поляков проливать кровь во имя чуждых им интересов. Возбуждая у них надежды на независимость, они на деле препятствовали ее восстановлению. Аналогичной была политика в польском вопросе английской буржуазии.

Дипломатическую борьбу держав вокруг Польши Маркс прослеживал в неразрывной связи с анализом внутреннего социально-экономического и политического развития как этих держав, так и самой Польши. В своих рукописях Маркс исследовал социальную структуру польского общества и классовый состав национально-освободительного движения. Он отмечал, что антипольская политика Пруссии, Австрии и России находила поддержку у продажной польской аристократии, которая шла ради сохранения своих феодальных привилегий даже на утрату национальной независимости. Из-за неразвитости национальной буржуазии носителем борьбы против аристократической олигархии, за национальную самостоятельность страны стала на длительные сроки прогрессивная часть польского дворянства, шляхты. Польскую аристократию, пишет Маркс, «нужно отличать от польской шляхты, занимавшей в Польше такое же положение, как буржуазия в европейских государствах»³.

¹ Маркс К. К истории польского вопроса. Рукописи 1863—1864 гг. // Архив Маркса и Энгельса. Т. 14. С. 259.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 273.

³ Архив Маркса и Энгельса. Т. 14. С. 49.

Прогрессивность передовых кругов польского дворянства, восприимчивость их к освободительным идеям времени, к идеалам французской буржуазной революции Маркс показал на примере их сопротивления разделам Польши и попыток расчистить внутри страны пути для политического и социального прогресса. С этой точки зрения он высоко оценил конституцию 3 мая 1791 г., возникшую в результате борьбы польских патриотических сил против аристократической клики. При всей классовой ограниченности шляхетско-революционеры, отмечал Маркс, играли и в дальнейшем видную роль в борьбе за освобождение Польши, в польских восстаниях против чужеземного гнета, начиная с восстания Костюшко 1794 г.

Рукописи Маркса о Польше составляют одну из важных частей его теоретического наследства по национальному вопросу. Они позволяют также заглянуть в творческую лабораторию Маркса, ближе познакомиться с методом его научной работы. Они служат подтверждением огромной научной добросовестности Маркса, проявляемой им в любой области, в любых занятиях, направленных на защиту интересов угнетенных.

В Лондонском Коммунистическом просветительном обществе немецких рабочих

В 60-е гг. весьма активной становится деятельность Маркса в Лондонском Коммунистическом просветительном обществе немецких рабочих. В свое время, в сентябре 1850 г., вместе с Энгельсом он вышел из этой организации, в которой тогда преобладающее влияние получили сектантские элементы. К концу 50-х гг. положение, однако, изменилось. Видную роль в Обществе стали играть Эккариус, Лесснер и другие пролетарские революционеры, стремившиеся преодолеть сектантские ошибки прежнего руководства, добиться более тесной связи Общества с английскими рабочими организациями и пролетарскими элементами других национальностей. Это позволило Марксу возобновить свое участие в работе Общества.

Свое участие в деятельности Просветительного общества Маркс стремился использовать для воспитания рабочих в духе интернационализма. По его инициативе Общество провело в 1861 г. митинг французских и немецких рабочих, на котором единогласно был принят протест против ареста Бланки.

Во время польского восстания Маркс потратил много усилий, чтобы Общество немецких рабочих в Лондоне сделалось одним из центров организации солидарных действий западно-европейского пролетариата в поддержку польского национально-освободительного движения. Общество вместе с другими эмигрантскими пролетарскими и демократическими кругами приняло участие в выступлениях английских и французских рабочих в защиту Польши, его

представители присутствовали на созывавшихся с этой целью в Лондоне митингах и собраниях, в частности в Сент-Джемс-холле 22 июля 1863 г.¹

От имени Лондонского Коммунистического просветительного общества Маркс в октябре 1863 г. написал воззвание о сборе средств для участников польского восстания. В этом документе он обобщил мысли о значении польского вопроса для Германии, высказанные им в незавершенных рукописях о Польше. «Без независимой Польши не может быть независимой и единой Германии» — таков был главный тезис. Обвиняя немецкую буржуазию в том, что она «безмолвно, пассивно и равнодушно взирает на избиение героического народа», Маркс подчеркивал в воззвании, что борьба за независимость Польши является кровным делом пролетариата, особенно немецкого. «*Восстановление Польши* — вот что должно быть огненными буквами начертано на знамени немецкого рабочего класса...»¹

Воззвание о Польше было напечатано в виде листовки и во второй половине ноября разослано представителям немецкой эмиграции в Англии. 50 экземпляров по поручению Маркса были посланы в Германию для распространения среди рабочих.

Благодаря деятельности в Просветительном обществе укрепились связи Маркса с передовыми представителями пролетарского движения. Его имя стало шире известно не только среди немецких рабочих-эмигрантов, но и в тех кругах английского и французского рабочего движения, с которыми Общество находилось в постоянном контакте.

Утрата друга

Деятельное участие в борьбе Маркса и Энгельса за организацию рабочего класса принимал Вильгельм Вольф, который с осени 1853 г. жил в Манчестере. Он горячо поддержал составленное Марксом воззвание о Польше. 2 декабря 1863 г. Вольф писал Женни Маркс: «Уже при чтении первых строк я увидел, что это короткое энергичное обращение могло исходить только от Маркса»². Он всячески содействовал распространению воззвания среди немецких эмигрантов в Манчестере, считая, что оно поможет изжить имеющиеся у некоторой их части националистические настроения.

По важнейшим вопросам политики Маркс постоянно советовался с Вольфом, считая его, после Энгельса, своим ближайшим другом. Со своей стороны Вольф стремился оказать помощь Марксу в его партийно-политической деятельности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 597.

² Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры. С. 193—194.

В 60-е гг. Вольф много болел. Пребывание в прусских тюрьмах, а также тяжелые годы эмигрантской жизни не прошли для него бесследно. Чувствуя приближение смерти, Вольф составил в конце декабря 1863 г. завещание, по которому основную часть своих небольших сбережений оставлял Марксу и его семье. Эти деньги в значительной мере помогли Марксу закончить работу над первым томом «Капитала».

3 мая 1864 г. Маркс приехал в Манчестер навестить умирающего друга. Находившийся в бессознательном состоянии больной на короткое время пришел в себя и узнал его и Энгельса, но потом снова впал в беспамятство. 9 мая он скончался. «С ним от нас ушел один из наших немногих друзей и соратников. Он был человеком в лучшем смысле этого слова», — писал Маркс об этой утрате жене¹.

Во время похорон Вольфа, которые состоялись 13 мая, Маркс произнес небольшую надгробную речь. Он был так взволнован, что его голос несколько раз срывался.

Маркс и Всеобщий германский рабочий союз

Оживление активности рабочего класса в Германии, тяга немецких рабочих к объединению своих сил, их стремление занять самостоятельную позицию в волновавших народные массы вопросах побудили Лассалья развернуть агитацию за создание политической рабочей организации. Претендуя на роль теоретика и руководителя немецкого рабочего движения, он стремился взять в свои руки выработку его программы и тактики.

Маркс познакомился с основными положениями платформы Лассалья во время пребывания последнего в Лондоне в июле — августе 1862 г., еще до того, как тот начал массовую агитацию в Германии. Согласно Лассалю, рабочие должны были добиваться своего социального освобождения путем завоевания всеобщего избирательного права и создания производительных ассоциаций с государственной помощью. Эта программа не открывала перед рабочим классом никакой революционной перспективы и сеяла в его рядах иллюзии о возможности достижения социализма без классовой борьбы. Во время лондонских бесед с Лассалем Маркс доказывал ему, что такие установки коренным образом расходятся с принципами «Манифеста Коммунистической партии».

Взгляды Лассалья были неоригинальны. Идею ассоциаций с государственной помощью развивали еще идеолог французского христианского социализма 40-х гг. Бюше, мелкобуржуазный социалист Луи Блан и др. Требование всеобщего избирательного права Лассаль заимствовал у чартистов, не учитывая при этом различия условий

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 543.

в Англии и Германии. В такой стране, как Германия, подчеркивал Маркс, с преобладающим крестьянским населением, с рабочим классом, уровень сознания которого был еще низок, это требование могло быть использовано и контрреволюционными силами, подобно тому, как бонапартисты использовали его во Франции во время государственного переворота 1851 г. Маркс осуждал, конечно, не лозунг всеобщего избирательного права, как таковой, а стремление Лассаля представить его в качестве важнейшего средства освобождения рабочего класса.

Маркс осуждал Лассаля и за то, что тот игнорировал всякую преемственную связь с прежней борьбой рабочего класса в Германии, с революционными традициями 1848 г. и Союза коммунистов. Маркса возмущало непомерное честолюбие Лассаля, его стремление всячески выпячивать собственную фигуру. «За год, что я его не видел, он совсем рехнулся...— писал он Энгельсу о беседах с Лассалем.— Он убежден теперь, что он не только величайший ученый, глубочайший мыслитель, гениальнейший исследователь и т. д., но и, сверх того, Дон-Жуан и революционный кардинал Ришелье»¹. Крайне неприятное впечатление произвел Лассаль на жену Маркса. «Он с трудом нес бремя славы, которую стяжал себе как ученый, мыслитель, писатель и политический деятель»,— иронически писала она² о свойственной Лассалю мании величия, подчеркнув также его склонность окружать себя льстецами и прихлебателями.

Вскоре после этой встречи Маркс окончательно порвал с Лассалем. Позднее в письме Кугельману 23 февраля 1865 г. он следующим образом объяснял причины разрыва: «Во время его агитации наши отношения были прерваны: 1) вследствие его назойливого самохвальства, которое в то же время сочеталось у него с бесстыднейшим плагиатом моих и иных сочинений, 2) потому, что я решительно осудил его политическую тактику, 3) потому, что здесь, в Лондоне, еще до начала его агитации я подробно разъяснил и «доказал» ему, что непосредственно социалистическое вмешательство «государства П р у с с и и» — это бессмыслица. В своих письмах ко мне (с 1848 по 1863 г.), как и при личных свиданиях со мной, он всегда объявлял себя сторонником представляемой мной партии. Но как только он убедился в Лондоне (в конце 1862 г.), что со мной ему не удастся вести свою игру, он решил выступить в качестве «рабочего диктатора» против меня и старой партии»³.

Однако и после разрыва с Лассалем Маркс внимательно следил за его деятельностью. Когда в мае 1863 г. был основан Всеобщий германский рабочий союз, возглавляемый Лассалем, он увидел в этом начало возрождения самостоятельного рабочего движения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 211.

² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 104.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 380.

в Германии, серьезный шаг на пути освобождения рабочих от опеки либералов, стремившихся в лице Шульце-Делича и других ограничить задачи пролетариата созданием кооперативных обществ, ссудно-сберегательных касс и т. д. «Лассаль — и это остается его бесмертной заслугой — вновь пробудил рабочее движение в Германии после пятнадцатилетней спячки», — указывал Маркс¹. Учитывая положительную роль, которую объективно играла борьба за политическое объединение немецкого пролетариата, Маркс и Энгельс временно воздержались от публичных выступлений против ошибочных догм и тактики Лассалья.

В то же время они ясно видели, что под руководством Лассалья Всеобщий германский рабочий союз действует как сектантская и реформистская организация. Программными принципами Союза сделались ошибочные догмы Лассалья о производительных ассоциациях с государственной помощью, о всеобщем избирательном праве как универсальном политическом средстве. Исходя из вульгарного представления, будто заработная плата рабочего не может подняться выше определенного минимума (в этом якобы проявлялось действие некоего «железного закона заработной платы»), Лассаль отрицал значение борьбы за улучшение экономического положения рабочего класса. В силу этого Всеобщий германский рабочий союз отказался на первых порах от участия в создании профессиональных объединений и организации стачек. Под влиянием Лассалья, причислявшего крестьянство к реакционным классам, Союз совершенно обходил задачу вовлечения крестьянских масс в освободительную борьбу, не выдвигал требований ликвидации пережитков феодализма. Националистические тенденции руководства Союза проявились в отказе развивать интернациональные связи с зарубежными пролетарскими организациями. Организационная структура Союза соответствовала диктаторским замашкам Лассалья и противоречила демократическим принципам рабочего движения. Полномочия президента — пост, который занимал Лассаль, — были столь широки, что он мог единолично и почти бесконтрольно распоряжаться делами Союза. Лассаль по существу насаждал культ личности президента.

Порочность тактики Лассалья Маркс и Энгельс видели прежде всего в том, что он пытался направить рабочую организацию на опасный путь заигрывания с правящими юнкерскими кругами. Выступлениям против эксплуататорских классов он придавал односторонний характер. Нападая на буржуазных либералов (прогрессистов), что само по себе имело важное значение, Лассаль при этом не вел борьбы с правительством Бисмарка и юнкерством, а наоборот, ориентировал рабочий класс на союз с этими силами против буржуазии.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 474.

Марксу и Энгельсу не было известно, что Лассаль в то время негласно переписывался и несколько раз встречался с Бисмарком, вступив с ним в прямой сговор. Он обещал ему содействие рабочей организации в борьбе с прогрессистами и поддержку его объединительных планов в обмен на обязательство ввести всеобщее избирательное право и помочь организовать производительные товарищества. Однако по выступлениям Лассаля Маркс догадывался о его связях с представителями прусской королевской власти. Уже после смерти Лассаля — он был убит на дуэли 31 августа 1864 г. — Маркс и Энгельс в январе 1865 г. узнали, что его заигрывания с Бисмарком зашли еще дальше, чем они думали, и что Лассаль обещал главе прусского правительства содействие Всеобщего германского рабочего союза в аннексии Шлезвиг-Гольштейна. Поэтому они оценили его поведение — хотя все обстоятельства отношений Лассаля с Бисмарком выяснились только спустя десятки лет — как предательский акт по отношению к рабочему движению.

Критикуя Лассаля, Маркс и Энгельс не отождествляли с ним Всеобщий германский рабочий союз, а тем более немецкое рабочее движение в целом. Они надеялись, что, опираясь на здоровые элементы внутри Союза, на рабочих, сохранивших верность революционным традициям, удастся изменить его программу, тактику и организационные принципы, превратить его в боевую организацию рабочего класса. Известия, которые они получали из Германии, свидетельствовали о наличии таких революционных сил как в самом Союзе, так и вне его, особенно среди пролетариата Рейнской провинции. Лассалю и его приверженцам не удалось вытравить из памяти передовых рабочих воспоминания о Союзе коммунистов, о его руководителях Марксе и Энгельсе. Весной 1864 г. во время празднования годовщины Всеобщего германского рабочего союза в рейнском городе Ронсдорфе упоминание их имен вызвало воодушевление среди присутствовавших. О приверженности рабочих Рейнской провинции идеям Маркса и Энгельса рассказали Марксу летом 1864 г. два рабочих из Золингена, которые приехали в Лондон, спасаясь от преследования прусских властей.

Большие надежды возлагали Маркс и Энгельс на деятельность во Всеобщем германском рабочем союзе своих соратников, в частности Вильгельма Либкнехта, возвратившегося в 1862 г. на родину. От него они получали регулярную информацию о состоянии рабочего движения в Германии. Своими знаниями и советами Маркс и Энгельс помогали ему налаживать пропаганду идей научного социализма. В распространении этих идей они видели лучшее средство преодоления определенного влияния взглядов Лассаля, разоблачения его сектантской и реформистской тактики, формирования — в противовес лассальянству — революционного крыла в немецком пролетарском движении.

На пути к Интернационалу

Новый революционный подъем конца 50 — начала 60-х гг. был ознаменован значительными сдвигами в международном рабочем движении. Широкий размах приняла стачечная борьба рабочих. Во многих странах возникали рабочие организации, начиная от обществ взаимопомощи и профессиональных союзов, кончая политическими объединениями, вроде Всеобщего германского рабочего союза. Рабочий класс энергично реагировал на политические события как внутри отдельных стран, так и на международной арене, обнаруживая стремление занять самостоятельную позицию. Активность пролетарских масс была обусловлена важными изменениями и в самом составе рабочего класса. Он не только численно вырос. Изменилась его структура. В связи с прогрессом промышленной революции значительно увеличился удельный вес в нем рабочих крупной промышленности по сравнению с полуремесленным пролетариатом, преобладавшим во времена Союза коммунистов. Возрастала роль рабочего класса и в тех странах, которые сравнительно поздно вступили на путь капиталистического развития.

Подъем рабочего движения выдвигал в качестве неотложной задачи сплочение сил международного пролетариата. Среди рабочих усилилось стихийное стремление к установлению интернациональных связей. Рождались идеи создания массовой международной рабочей организации. Одним из поводов для принятия практических мер в этом направлении послужил упомянутый выше лондонский митинг солидарности с польскими повстанцами 22 июля 1863 г., после которого английскими и французскими рабочими был создан организационный комитет для подготовки такого объединения.

Для образования массовой революционной международной пролетарской организации одной стихийной тяги рабочих к объединению было, однако, недостаточно. Нужна была идейная основа для сплочения их сил, которой могла быть только революционная теория, научно выражавшая коренные интересы рабочего класса всех стран. Такой теорией было учение Маркса и Энгельса. Несмотря на то, что к 60-м гг. большинство рабочих находилось под влиянием буржуазной идеологии и домарксовского утопического социализма, рабочее движение было уже достаточно зрелым для того, чтобы постепенно воспринимать идеи марксизма. Теория Маркса давала средство для преодоления среди рабочих буржуазного и мелкобуржуазного влияния, идейного разброда, сектантской изолированности и национальной замкнутости.

Научно обосновав идею пролетарского интернационализма еще накануне революции 1848—1849 гг., Маркс и Энгельс основанием Союза коммунистов создали прообраз будущей широкой международной пролетарской организации. Они воспитали революционные

кадры, которые могли составить ее руководящее ядро. И в годы реакции, и особенно в годы подъема пролетарского и демократического движений Маркс вел напряженную борьбу за сплочение пролетарских сил вокруг знамени научного социализма. Его публицистические выступления этих лет способствовали формированию революционных взглядов у передовых участников тогдашнего рабочего движения, их воспитанию в духе интернационализма и усилению среди них стремлений к объединению.

Интернациональному сплочению международного пролетариата способствовала также практическая деятельность Маркса: его участие в начале 60-х гг. в работе Лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих, выступления в защиту Бланки, поддержка митингов, организованных английскими рабочими в знак солидарности с польским национально-освободительным движением, с борцами против рабства в США, связи с передовыми революционными элементами во Всеобщем германском рабочем союзе. Контакты Маркса с представителями рабочего движения разных стран способствовали вовлечению рабочих в общую интернациональную борьбу.

Теоретическая и практическая деятельность Маркса и его соратников, их борьба за распространение идей научного социализма и пролетарского интернационализма, за пролетарскую партию сыграли решающую роль в создании идейных основ Международного Товарищества Рабочих (Интернационала).

Стремясь дать рабочему классу теоретическое оружие в его борьбе с капиталистическим строем, Маркс все это время усиленно работал над созданием своего главного труда — «Капитала».

*Глава
десятая*

«Капитал» — главный труд Маркса

«Капитал» — это наш меч, наша броня,
оружие нападения и защиты.

И. Ф. Беккер

Работа над вторым выпуском «К критике политической экономии»

После отправки в январе 1859 г. издателю первого выпуска «К критике политической экономии» Маркс сразу же приступил к подготовке второго выпуска. Это была глава, которая должна была завершить первый отдел — «О капитале» — задуманного труда по политической экономии. На основе экономической рукописи 1857—1858 гг. Маркс прежде всего набросал подробный план этой главы¹.

В первом ее разделе он намечал раскрыть процесс производства капитала. Второй раздел предусмотрено было посвятить процессу обращения капитала. Третий раздел назван «Капитал и прибыль». В последнем разделе плана под рубрикой «Разное» значатся пункты:

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 515—521.

земледелие, земельная собственность и капитал. Здесь, очевидно, предполагалось изложение теории земельной ренты.

Маркс рассчитывал подготовить второй выпуск очень быстро и издать его сразу же вслед за первым. Однако, по свидетельству Энгельса, едва вышел в свет первый выпуск, Маркс стал чувствовать, что ему еще не вполне ясны все детали развития основных идей второго и дальнейших выпусков¹. Возникла необходимость дополнительного изучения целого ряда вопросов, прежде чем излагать предмет для печати. И Маркс начинает новый штурм хранилищ библиотеки Британского музея. Опять было поднято множество новых материалов. В числе других работ он перечитал книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», очень внимательно изучил отчеты фабричных инспекторов Англии за 1855—1859 гг.

Эти интенсивные и плодотворные исследования в самом начале 1860 г. были прерваны, вплоть до середины 1861 г., главным образом из-за работы над памфлетом против Фогта.

Экономическая рукопись 1861—1863 годов

Лишь летом 1861 г. Маркс снова смог почти целиком отдаться разработке политической экономии. По его собственным словам, он работал, «как вол»². Отвлечения от занятий, а иногда и перерывы в них на целые недели происходили преимущественно в связи с непрекращающимися «домашними неурядицами»³, болезнью членов семьи и всевозможными другими спутниками крайней материальной нужды и постоянных лишений.

С августа 1861 по июль 1863 г. была создана огромная рукопись «К критике политической экономии» в составе 23 тетрадей общим объемом около 200 печатных листов. Таким оказалось на деле продолжение первого выпуска. Фактически это второй, после экономической рукописи 1857—1858 гг., вариант всего «Капитала».

18 июня 1862 г. Маркс сообщал Энгельсу: «Я значительно расширяю этот том, так как немецкие собаки определяют ценность книг по их физическому объему»⁴. Однако было бы ошибкой объяснить огромные размеры рукописи 1861—1863 гг. только этим обстоятельством. Скорее всего, величина труда определялась грандиозностью творческого замысла и тем поистине огромным материалом, который был мобилизован Марксом с целью написания поначалу одной-единственной, хотя и очень важной главы.

В рукописи нашли подробное изложение важнейшие вопросы общей проблемы производства капитала: превращение денег в капи-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 354.

² См. там же. Т. 30. С. 207.

³ См. там же. С. 184.

⁴ Там же. С. 204.

тал, абсолютная прибавочная стоимость, относительная прибавочная стоимость, формальное и реальное подчинение труда капиталу, кооперация, разделение труда, машины и последствия их капиталистического применения, обратное превращение прибавочной стоимости в капитал (накопление капитала), первоначальное накопление капитала. Таким образом, эта рукопись отражает проблематику будущего первого тома «Капитала», представляя, как указывал Энгельс, «первую из имеющихся редакций этой книги»¹.

В ряде тетрадей рукописи освещаются темы, относящиеся ко II и III томам «Капитала»: движение денег в процессе капиталистического воспроизводства, воспроизводство (главным образом простое), прибавочная стоимость и прибыль, превращение прибыли в среднюю прибыль, ссудный и торговый капитал, торговая прибыль, тенденция нормы прибыли к понижению с прогрессом капиталистического производства.

В процессе работы над рукописью у Маркса к концу 1862 г. сложился план издания не второго выпуска работы, как прямого продолжения вышедшей в 1859 г. книги «К критике политической экономии», а самостоятельного сочинения под заглавием «Капитал» с подзаголовком «К критике политической экономии». Как следует из его письма Кугельману 28 декабря 1862 г., уже тогда он считал рукопись этой книги в основном готовой. Она содержала изложение «начал политической экономии» и вместе с первым выпуском должна была, по собственному мнению Маркса, представить теоретическую квинтэссенцию, на основе которой будет сравнительно легко разрабатывать дальнейшие разделы политической экономии, так как в них пойдет речь о более конкретных отношениях. В этом же письме Маркс высказывает намерение приступить к переписке рукописи начисто и окончательной отделке ее для печати.

В действительности, однако, рукопись не только переписывалась и отделялась, но и расширялась за счет новых материалов. В первой половине 1863 г. Маркс немало усилий затратил на дополнительное углубленное исследование истории техники и технологии производства, характера и специфики промышленной революции, влияния ее на положение и борьбу рабочего класса². Великий труженик опять подолгу работает в Британском музее, изучая эти вопросы, а также и литературу по истории политической экономии.

Скорейшему завершению труда мешала болезнь Маркса. О некоторых подробностях его работы и причинах ее затяжки Женни Маркс сообщала в письме своей знакомой Маркгейм 6 июля 1863 г.: «Мой дорогой Карл этой весной много выстрадал из-за печени; но, несмотря на все препятствия, книга его продвигается к своему

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 4.

² См. там же. Т. 30. С. 261—264.

завершению гигантскими шагами. Она была бы готова еще раньше, если бы он придерживался старого плана, рассчитанного на 20—30 листов. Поскольку немцы теперь верят только «толстым книгам», и более концентрированная подача и отбрасывание всего лишнего для достопочтенных людей ничего не значит, то Карл добавил много исторического материала, и теперь получается том в 50 листов, который и обрушится на немецкую землю, как бомба»¹.

Значительное место (почти 100 печ. л. из 200) в рукописи 1861—1863 гг. занимает историко-критический анализ взглядов буржуазных экономистов. Сам Маркс называл эту рукопись «махиной», в которой «пришлось решительно все опрокинуть и даже историческую часть обработать на основе частью совершенно неизвестного до тех пор материала»². В июле — августе 1863 г. Маркс приступил к созданию, как он тогда полагал, окончательного варианта своего произведения. Но тем временем сложился план выпуска этого произведения в нескольких книгах. Примерно год продолжалась работа над первой книгой. Рукопись ее, за исключением последней «Главы шестой» и некоторых страниц из других глав, не сохранилась, однако и эти части свидетельствуют о громадных усилиях Маркса по организации и систематизации материала, его стремлении полнее осветить отдельные вопросы, которые в рукописи 1861—1863 гг. не были разработаны в достаточной мере.

Экономическая рукопись 1863—1865 годов

Не оставляя размышлений и литературной работы над первой книгой «Капитала», совершенствуя ее структуру и изложение напечатанных разделов, Маркс вплотную занимается также проблемами будущих II и III томов «Капитала» — обращением капитала, превращенными формами прибавочной стоимости и др. Причем, сначала он приступил к III тому, — очевидно, полагая, что II том, представляющий собой промежуточное звено, легче будет создать, если прежде будут написаны начальная и заключительная теоретическая части. Однако в первой половине 1865 г. работа над III томом была, видимо, прервана, и Маркс довольно быстро набросал первый вариант II тома, а затем, окончательно уяснив себе предмет и структуру II тома, вновь вернулся к III тому. Над ним Маркс трудился, вероятно, до самого конца 1865 г. Насколько позволяли обстоятельства, создание новых рукописей он сочетал, как и прежде, с интенсивным изучением новых источников и литературы. Его внимание привлекли французские источники, новые

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 42.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 302.

данные по Японии, работы немецких агрохимиков Либиха и Шёнбейна.

Однако и в этот период работа шла с перерывами. Маркса снова настигла серьезная болезнь. Почти весь декабрь 1863 г., январь и февраль 1864 г. понадобились ему для поездки в Германию и Голландию по личным делам. В сентябре 1864 г. было основано Международное Товарищество Рабочих. Практическая работа отнимала уйму времени, так как приходилось «руководить всем Товариществом»¹. Деятельность в Интернационале, естественно, сильно отвлекала от регулярных занятий политической экономией, вносила неизбежные поправки в сроки творческих планов.

Интересы революционной науки и рабочего движения для Маркса были превыше всего. «Капиталу» он отдавал каждую минуту своего времени, свободного от занятия другими неотложными делами. Когда здоровье немного налаживалось, Маркс работал без отдыха, днем и ночью, стремясь скорее завершить свое произведение. В шутку он рассказывал, что в своей научной работе применил систему смен, наподобие той, которую практиковали английские фабриканты («фабричные псы») в отношении рабочих на протяжении 1848—1850 гг. «День я проводил в Музее, а по ночам писал»².

Уже 31 июля 1865 г. Маркс сообщил Энгельсу, что для завершения теоретической части «Капитала» (первых трех книг) осталось написать только три главы³. Первую книгу можно было бы отправить в типографию, но Маркс этого не сделал, так как предпочитал иметь перед собой все сочинение в целом.

К тому же, по предварительной договоренности с гамбургским издателем Мейснером, который брался выпустить «Капитал», труд не должен был превышать 60 печатных листов. Учитывая это условие, Маркс находил, что ему абсолютно необходимо сначала закончить всю рукопись, «чтобы знать, сколько нужно ужать и вычеркнуть»⁴ для равномерного и пропорционального изложения отдельных частей в рамках предписанного объема.

В результате сверхчеловеческих усилий, предельного напряжения воли новый вариант рукописи всего «Капитала» был готов в конце декабря 1865 г.⁵ Рукопись оказалась настолько большой по объему, что только одна ее глава о земельной ренте могла составить целую книгу.

Экономическая рукопись 1863—1865 гг. была по существу третьим вариантом «Капитала», где Маркс впервые дал цельное изложение теоретических результатов всего своего исследования,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 448.

² Там же. С. 150.

³ См. там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ См. там же. С. 150.

условно разделенного теперь уже на три книги — о процессе производства капитала, о процессе обращения капитала, о капиталистическом производстве в целом.

Подготовка к печати и выход в свет I тома «Капитала»

По совету Энгельса, Маркс с 1 января 1866 г. приступил к отделке для печати не всего труда сразу, а только одной первой книги о процессе производства капитала. Делал он это с огромным удовольствием и подлинным вдохновением. Марксу было «приятно вылизывать дитя после столь длительных родовых мук»¹. По сути, разумеется, создавался еще один новый вариант. Но тут снова пришла беда. В одном из апрельских писем 1866 г. Женни Маркс писала жене Вильгельма Либкнехта — Эрнестине: «На новый год Карл, чувствовавший себя до этого более или менее прилично, как раз начал переписывать свою книгу. Дело у него спорилось, и я не могу Вам описать, с каким внутренним удовлетворением глядела я после столь долгих, мучительных и почти безнадежных ожиданий на эту разросшуюся до больших размеров рукопись. И вдруг, в конце января, снова обнаружились у Карла признаки прежней злосчастной болезни»².

Будучи на два с лишним месяца прикован к постели, Маркс тем не менее «продолжал усердно работать, хотя только урывками в дневное время»³. Так, он расширил историческую часть раздела о «рабочем дне».

Маркс считал своим неперенным долгом учесть абсолютно все опубликованные работы, которые могли представить известный интерес, обработать абсолютно все доступные документальные источники, из которых можно было взять необходимые сведения. В самом конце 1866 г. он обратился к Энгельсу с просьбой достать по возможности скорее книгу Роджерса «История сельского хозяйства и цен в Англии». «Я должен обязательно просмотреть эту книгу и специально из-за этого оставил пропуск в одной из глав. Хотя книга вышла уже довольно давно, ее все еще нет в библиотеке»⁴. В феврале 1866 г. Маркс просил Энгельса помочь ему приобрести книгу Дж. Уотса «Профессиональные общества и стачки. Машины. Кооперативные союзы», упоминание о которой он встретил в одном из отчетов фабричных инспекторов⁵. В течение 1866 г. он вновь и вновь просматривает парламентские «Синие книги», официальные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 150.

² ЦПА ИМЛ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 42.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 146.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ См. там же. С. 147.

отчеты о применении в английской промышленности детского и женского труда, о жилищных условиях пролетариата Англии. В напряженном и самоотверженном труде проходят день за днем, месяц за месяцем.

Следует отметить, что будущая первая книга в первой прикидке планировалась без воспроизведения и переработки в ней того, что составило содержание первого выпуска «К критике политической экономии» (1859). Она была сделана в основном в 1863—1864 гг. Но рукопись ее не сохранилась, кроме упомянутой выше рукописи так называемой шестой главы «Результаты непосредственного процесса производства», которая мыслилась как своеобразный переходный мостик к проблематике обращения капитала. В период окончательной подготовки текста для печати первый выпуск пришлось переработать в первую главу, а «шестая глава» вовсе отпала; она стала известна читателю лишь благодаря публикациям ИМЛ при ЦК КПСС¹.

Наконец «родовые муки» закончились, и 2 апреля 1867 г. Маркс сообщил Энгельсу, что книга готова и он сам с рукописью отправляется в Гамбург, к издателю Отто Мейснеру. 10 апреля Маркс покинул берега Темзы, а 12 апреля в полдень был уже в Гамбурге. Путешествие протекало в непогоду и шторм, но после долгого добровольного заточения в читальном зале и рабочем кабинете Маркс не замечал превратностей стихии, ему в этой новой обстановке было «по-каннибальски любо». При встрече с Мейснером выяснилось, что на месте не хватало печатников и обученных корректоров. Поэтому было принято решение печатать книгу в Лейпциге в типографии Отто Виганда². 29 апреля 1867 г. началось печатание³.

Из Гамбурга Маркс направился в Ганновер к своему другу Людвигу Кугельману. С ним Маркс переписывался с 1862 г., но для личной встречи все никак не представлялось случая. В доме Кугельмана он был окружен трогательной заботой. Хозяева и гость без труда нашли общий язык и прониклись глубокой взаимной симпатией. Воображению жены Кугельмана Гертруды раньше рисовался образ «мрачного революционера». Каково же было ее удивление, когда глазам предстал «высокий элегантный господин, в приятном рейнском говоре которого она сразу же почувствовала что-то особенно родное. Под густыми седыми волосами блестели молодые темные глаза... Маркс был скромен и любезен, принимал во всем участие, и, когда кто-нибудь особенно нравился ему или когда он слышал оригинальное замечание, он вставлял в глаз монокль и весело, с живым интересом смотрел на этого человека»⁴.

¹ См.: Архив Маркса и Энгельса. М., 1933. Т. 2 (7); *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 49. С. 3—119.

² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 244.

³ См. там же. С. 250.

⁴ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 2. С. 147.

У Кугельманов Маркс пробыл около месяца. В их доме он получил первые листы верстки.

В корректурах живейшее участие принимал Энгельс, которому Маркс посылал для просмотра набранные листы. После прочтения около 36 листов Энгельс от души поздравил своего друга с тем совершенством, с каким он самые запутанные экономические проблемы сделал простыми и осязательно ясными¹. Энгельс советовал Марксу несколько подробнее показать историческое развитие формы стоимости и тем самым подтвердить на примере истории доказанное уже диалектическим путем. По мнению Энгельса, следовало бы сделать «ход мыслей этого относительно абстрактного исследования более наглядным при помощи более мелких подразделений и отдельных подзаголовков»². Такого же рода совет давал Марксу и Кугельман.

Пожелание друзей Маркс сразу же реализовал. Он писал Энгельсу 22 июня: «Что касается развития *формы стоимости*, то я и последовал твоему совету и *не* последовал ему, желая также и в этом отношении остаться диалектиком. Это значит, во-первых, что я написал *приложение*, в котором излагаю *тот же вопрос* возможно более просто и возможно более по-школьному, и, во-вторых, что я по твоему совету выделил каждый этап развития в *параграф* и т. д. *со своим заголовком*»³.

Волнующим и поистине историческим документом является письмо Маркса, написанное Энгельсу в 2 часа ночи 16 августа 1867 г.:

«Дорогой Фред!

Только что закончил корректуру *последнего* (49-го) листа книги. Приложение о *формах стоимости*, напечатанное мелким шрифтом, занимает $1\frac{1}{4}$ листа.

Предисловие тоже прокорректировал и вчера отослал. Итак, *этот том готов*. Только *тебе* обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования ради меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу по трем томам. Обнимаю тебя, полный благодарности!»⁴

Позади 25 лет самозабвенного труда и упорных исканий. Вполне естественно, что Маркс в таких трогательных словах выражает идущие от самого сердца чувства горячей любви и признательности Энгельсу, который поддерживал его всегда и помогал ему с беспокойством настоящего друга.

«Капитал» — это та самая книга, которой Маркс, говоря его же словами, «принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью»⁵.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 275—276.

² Там же. С. 257.

³ Там же. С. 260.

⁴ Там же. С. 275.

⁵ Там же. С. 454.

Женни Маркс имела все основания сказать: «...вряд ли какая-нибудь книга писалась в более тяжелых условиях, и я вполне могла бы написать тайную историю ее создания, в которой открылось бы много, бесконечно много скрытых забот, тревог и мучений. Если бы рабочие имели представление о жертвах, которые пришлось принести для завершения этого труда, написанного лишь для них и в защиту их интересов...»¹ Из рук гения рабочий класс получил великое идейное оружие. «Капитал» явился, как об этом говорил сам Маркс, самым страшным снарядом, пущенным когда-либо в голову буржуа и земельных собственников.

Том вышел из печати 14 сентября 1867 г. тиражом в 1 тыс. экземпляров. Маркс рассчитывал с помощью гонорара поправить свои материальные дела, ликвидировать образовавшиеся долги и прикупить кое-что для дома. Но гонорар оказался настолько мал, что, как остроумно заметил сам Маркс, не возмещал даже расходов на табак, выкуренный во время работы над книгой.

Свой труд Маркс посвятил Вильгельму Вольфу. Маркса и Энгельса связывали с этим замечательным человеком годы большой личной дружбы и совместной революционной работы. На титульном листе книги было написано: «Посвящается моему незабвенному другу, смелому, верному, благородному, передовому борцу пролетариата *Вильгельму Вольфу*. Родился в Тарнау 21 июня 1809 года. Умер в изгнании в Манчестере 9 мая 1864 года».

Как и в случае с первым выпуском «К критике политической экономии», немецкая буржуазия старалась окружить I том «Капитала» «заговором молчания». Это беспокоило Маркса и его друзей. В самый канун выхода тома из печати Энгельс спрашивал Маркса, не следует ли рассмотреть книгу как бы «с буржуазной точки зрения» и таким путем привлечь к ней внимание широкой общественности². Марксу определенно понравилась инициатива Энгельса. «Твой план, — писал он ему 12 сентября 1867 г., — напасть на книгу с *буржуазной точки зрения — лучшее военное средство*»³. Вслед за тем Энгельс опубликовал в буржуазной прессе ряд рецензий на вышедший том.

В рецензиях, внешне выглядевших так, будто они принадлежали объективному буржуазному ученому, Энгельс отмечал, что немцы в области политической экономии сделали чрезвычайно мало. Официальные немецкие дипломированные экономисты обходили противоречия и трудности развития экономики, подражая ненаучным взглядам Бастиа и отрицая учение классиков — Рикардо, Сисмонди и других. «Ради мимолетной популярности» они отреклись от классического наследия. На этом фоне, подчеркивал Энгельс,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 500.

² См. там же. С. 293.

³ Там же. С. 294.

тем заметнее фигура Маркса, уже прежние работы которого, особенно появившаяся в 1859 г. книга о деньгах, «выделялись своим строго научным характером и беспощадностью критики». Если официальная экономическая наука Германии ничего не могла противопоставить выводам Маркса раньше, то еще труднее ей будет оспаривать выводы его нового сочинения — I тома «Капитала», который отличается величайшей научной точностью, мастерским диалектическим построением исследования, дает убедительное и тонкое изображение различных исторических состояний общества. С подчеркнутой деловитостью Энгельс перечислил важнейшие открытия Маркса.

Статьи Энгельса безусловно сыграли большую популяризаторскую роль. Положительное значение имела также организованная друзьями Маркса публикация выдержек из авторского предисловия к тому в немецких, английских и французских газетах.

Вскоре немецкая буржуазная наука вынуждена была признать провал «заговора молчания». Было просто верхом глупости делать и дальше вид, будто книга Маркса не существует. Ее значение начинают публично признавать. Характерной в этом отношении являлась опубликованная в одном немецком журнале рецензия вульгарного философа и экономиста приват-доцента Берлинского университета Е. Дюринга, в которой сквозили «сплошное смятение и страх»¹. Кстати, в рукописи будущего II тома имеется одно принципиально важное высказывание Маркса, сделанное по поводу этой рецензии: «В рецензии на первый том настоящего труда доктор Дюринг отмечает, что моя неизменная привязанность к скелету гегелевской логики заходит так далеко, что даже в формах обращения я открываю гегелевские фигуры умозаключений. Мое отношение к диалектике Гегеля очень просто. Гегель — мой учитель, и болтовня умничающих эпигонов, полагающих, что они покончили с этим выдающимся мыслителем, мне просто смешна. Однако я позволил себе отнестись к моему учителю критически, снять с его диалектики покров мистицизма и тем самым существенно ее изменить и т. д., и т. д.»².

Интересен отзыв великого немецкого философа-материалиста Фейербаха. В своем труде «К этике: Эвдемонизм» Фейербах отмечал обличительную силу и фактологическое богатство «Капитала». «Там,— писал он,— где люди битком набиты, как, например, на английских фабриках и в жилищах рабочих, если вообще эти свиарники можно называть жилищами, там, где людям не хватает даже кислорода в воздухе — стоит посмотреть по этому поводу интереснейшую, по меньшей мере своими неоспоримыми фактами, убедительнейшую, богатую работу К. Маркса «Капитал»,— там

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 5.

² Там же. Т. 50. С. 34.

мораль лишена всякой почвы, так как добродетель является, в лучшем случае, монополией лишь господ фабрикантов, капиталистов»¹.

Восторженный прием встретила книга Маркса в передовых кругах научной интеллигенции России.

Для самого Маркса лучшей наградой было то понимание, которое встретил его труд среди рабочих. «Капиталу» сразу же по выходе его посвятила свои страницы рабочая печать. Официальный орган немецких секций I Интернационала в Швейцарии журнал «Vorbote» указывал в своем сентябрьском номере за 1867 г., что труд Маркса означает для рабочего класса «выигранное сражение». В сентябре 1868 г. по предложению немецких делегатов на Брюссельском конгрессе Интернационала была принята резолюция, рекомендовавшая рабочим всех стран изучать «Капитал», содействовать его переводу на различные языки. В ней подчеркивалась неоценимая заслуга автора «Капитала», впервые давшего научный анализ капиталистического строя.

Русское издание I тома «Капитала»

В сентябре 1868 г. молодой служащий Общества взаимного кредита в Петербурге, революционный народник, впоследствии видный деятель либерального народничества Н. Ф. Даниельсон вступил в переписку с Марксом по поводу издания «Капитала» на русском языке. Даниельсон писал Марксу: «Значение Вашего последнего труда — «Капитал. Критика политической экономии» — побудило одного из здешних издателей (Н. П. Полякова) предпринять перевод этой работы на русский язык»².

Среди инициаторов перевода «Капитала» на русский язык виднейшую роль сыграл горячий последователь Н. Г. Чернышевского, воспитанник Петербургского университета Г. А. Лопатин, вокруг которого объединялась революционно настроенная молодежь Петербурга и ряда других городов.

В 1870 г. Лопатин приехал в Лондон специально для встречи с Марксом. В первых числах июля Маркс радушно принял молодого русского революционера. Вскоре они подружились. Лопатин стал любимцем Маркса, который высоко ценил в своем 25-летнем друге критический ум, образованность, благородный и стойкий характер. Он говорил о Лопатине: «Немногих людей я так люблю и уважаю, как его»³. Лопатин преклонялся перед Марксом. Он называл его «одним из замечательнейших писателей по части политической экономии и одним из наиболее разносторонне образованных людей

¹ Feuerbach L. Sämtliche Werke. Zehnter Band. Stuttgart, 1911. S. 266—267.

² К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 158.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 403.

в целой Европе»¹. В Лондоне Маркс и Лопатин неоднократно обсуждали вопросы, связанные с осуществлением русского издания I тома «Капитала». Лопатиным была предложена основная терминология «Капитала» в русском переводе. По его просьбе Маркс намеревался переработать для этого издания первую главу («Товар и деньги»), чтобы она стала более популярной.

Начав перевод, по совету Маркса, со второй главы («Превращение денег в капитал») и успев перевести кроме нее третью («Производство абсолютной прибавочной стоимости») и не полностью четвертую («Производство относительной прибавочной стоимости») главы, то есть примерно одну треть книги, Лопатин в конце ноября 1870 г. прервал работу и отправился в Россию для организации побега Н. Г. Чернышевского из сибирской ссылки. В Сибири Лопатин был арестован, и вырваться из заточения ему удалось лишь летом 1873 г.

Закончил работу по переводу «Капитала» друг Лопатина Н. Ф. Даниельсон при участии Н. Н. Любавина, впоследствии профессора химии Московского университета. Глава первая переводилась в непереработанном виде. Маркс не смог выполнить своего обещания ввиду большой занятости другими неотложными делами. Правда, он сделал ряд частных поправок и дополнений как к этой, так и к другим главам.

Печатание русского перевода было завершено 27 марта 1872 г. Тираж книги составлял 3 тыс. экземпляров. По тому времени он был довольно велик. Но не мал был и спрос на нее. Уже к 15 мая того же года были проданы 900 экземпляров, а к концу года разошелся почти весь тираж.

Русский перевод был первым переводом «Капитала» на другой язык. Маркс чрезвычайно высоко отзывался о его качестве. Переводчики при непосредственной помощи самого автора отлично справились с задачей исключительной сложности. Многие из введенных ими терминов получили признание русских читателей и прочно вошли в научный обиход.

Появление I тома «Капитала» в русском переводе было большим событием. Близко знавший Маркса немецкий рабочий Ф. Лесснер вспоминает: «Он придавал огромное значение тогдашнему движению в России и с большим уважением говорил о людях, которые приносят там такие большие жертвы ради изучения и распространения теоретических сочинений, и о понимании ими современных идей. Когда готовый экземпляр «Капитала» на русском языке дошел до него из Петербурга, то это событие как важное знамение времени превратилось для Маркса, его семьи и его друзей в настоящее торжество»².

¹ Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 45—46.

² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. I. С. 330—331.

Видный чиновник царской цензуры, давая согласие на выпуск труда Маркса в свет, пророчествовал, что «Капитал» «немногие прочтут в России, а еще менее поймут»¹. Жизнь посмеялась над этим «пророчеством». В 1880 г. Маркс с чувством удовлетворения отмечал, что в России «Капитал» читают и ценят больше, чем где бы то ни было². Знакомство русских революционеров с идеями «Капитала» способствовало распространению марксизма в России, образованию первых марксистских кружков и групп. Первые издания «Капитала» сыграли огромную роль в подготовке почвы для создания в будущем марксистской партии российского пролетариата.

Второе немецкое издание I тома «Капитала»

К осени 1871 г. весь тираж первого немецкого издания I тома «Капитала» был распродан. Возрастающий спрос на книгу побудил издателя Мейснера предложить Марксу подготовить и в короткий срок осуществить ее второе издание.

Подготовка этого издания потребовала от Маркса большой работы. Внесенные изменения затронули прежде всего структуру книги. Вместо 6 глав в первом издании весь труд был разделен теперь на 7 самостоятельных отделов и 25 глав. В свою очередь, почти все главы подверглись разбивке на более мелкие параграфы или разделы. Улучшая структуру книги, Маркс учел замечания Энгельса, сделанные еще в 1867 г.

Для второго издания было написано много новых примечаний. Некоторые из них подсказал Лопатин. Общее количество внесенных в текст изменений и добавлений огромно. Как свидетельствует старшая дочь Маркса, Женни, он был доволен сделанными улучшениями. А это бывало с ним «не так часто»³.

В самую горячую пору работы над вторым изданием «Капитала» Маркс должен был уделять много времени делам Интернационала. Ему приходилось заниматься и устройством быта спасавшихся в Лондоне от репрессий участников Парижской Коммуны. Женни Маркс рассказывала в письме Кугельману от 21—22 декабря 1871 г., что отцу ее тогда приходилось не только сражаться со всеми правительствами господствующих классов, но в придачу еще вести постоянные схватки с «толстыми, белокуроыми и сорокалетними» квартирными хозяйками, которые неистово нападали на него из-за того, что тот или другой коммунары не внес квартирную плату⁴. Видимо, и тогда для спокойной работы над «Капиталом» у Маркса оставалась, как правило, только ночь.

¹ Красный архив. М., 1933. Т. 1 (56). С. 7.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 380.

³ Там же. Т. 33. С. 565.

⁴ См. там же. С. 557.

Второе издание вышло в 1872—1873 гг. сначала 9 отдельными выпусками. Первый выпуск появился в середине июля 1872 г. В январе 1873 г. Маркс написал развернутое, богатое содержанием послесловие к этому изданию. Особый интерес представляют указания автора на характер и масштабность переработки первого издания для второго издания книги, его суждения о научном бессилии политической экономии в Германии, об эволюции классической политической экономии в Англии, об особенностях примененного в «Капитале» диалектического метода, его кардинальной отличии от гегелевского метода. Целой книгой том был издан в начале июня 1873 г. Тираж его второе превышал тираж первого издания.

Авторизованное французское издание I тома «Капитала»

В течение 1872—1875 гг. было осуществлено отдельными выпусками французское издание I тома «Капитала». После русского это было второе издание книги на иностранном языке. В подготовке его Маркс принял самое непосредственное участие, желая сделать «Капитал» еще более совершенным и максимально доступным для читателя.

Годы подготовки французского издания относятся к периоду, который наступил после поражения Парижской Коммуны, явившейся первым опытом пролетарской власти.

Даже члены Коммуны в основной своей массе были социалистами лишь по инстинкту, совершенно далекими от ясного понимания важнейших положений научного социализма. В письме Кугельману от 18 мая 1874 г. Маркс отмечал, что «во Франции очень чувствуется отсутствие теоретической основы и практического здравого смысла»¹. Источником опасного влияния на рабочих продолжал оставаться прудонизм. В письме Бюхнеру от 1 мая 1867 г., касаясь причин, в силу которых он хотел бы после издания «Капитала» в Германии опубликовать его и на французском языке в Париже, Маркс указывал: «Я считаю чрезвычайно важным освободить французов от тех ложных воззрений, во власти которых они находятся благодаря Прудону с его идеализацией мелкой буржуазии»². Научной логикой «Капитала» опрокидывались основные прудоновские иллюзии, расчищалась почва для подлинно пролетарского движения.

К тому же французский язык более близок, чем немецкий, для Бельгии, Испании и Италии, рабочее движение в которых, особенно в Испании и Италии, старались подчинить своему влиянию анархистские элементы. Распространение идей «Капитала» в этих странах подрывало позиции лидеров анархизма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 527.

² Там же. Т. 31. С. 456.

Маркс согласился с предложением издателя Лашатра опубликовать «Капитал» отдельными, периодически появляющимися выпусками. «В такой форме,— писал он,— сочинение станет более доступным для рабочего класса, а это для меня решающее соображение»¹.

Французский перевод I тома «Капитала» вчерне был выполнен Жозефом Руа — переводчиком произведений Фейербаха. И хотя Руа, по отзывам Маркса, был большим знатоком обоих языков, перевод получился слишком буквальным, не удовлетворивший автора. С этим переводом у Маркса, как он сам признавал, было очень много работы. «Рукопись Руа... от начала до конца пришлось переделывать...» — пишет он Лашатру 12 мая 1874 г.² Не ограничиваясь правкой самого перевода, Маркс дал во многом новое изложение.

Французское издание существенно отличается от первых двух немецких изданий. Имеются также различия между ним и считающимся окончательным четвертым немецким изданием, вышедшим в 1890 г. под редакцией Энгельса, хотя большую часть того, что было сделано Марксом для второго немецкого и французского изданий, Энгельс учел в издании 1890 г.

Во втором и последующих немецких изданиях имеется 7 отделов, объединяющих 25 глав. Во французском издании — 8 отделов и 33 главы. Глава 24 «Так называемое первоначальное накопление» выделена во французском издании в самостоятельный восьмой отдел, который называется просто «Первоначальное накопление».

На титульном листе французского издания I тома «Капитала» по праву написано: «Совершенно переработанное автором». В своей переписке с друзьями Маркс часто цитирует отдельные положения «Капитала» именно по этому изданию, причем оговаривается, что здесь они даны не мимоходом, как в других изданиях. Он настоятельно рекомендовал переводчикам I тома «Капитала» на другие языки использовать французское издание. «1) Я желал бы,— писал Маркс Даниельсону 15 ноября 1878 г. по поводу второго русского издания,— чтобы *разделение на главы* — то же относится и к их *подразделению* — было сделано по французскому изданию.

2) Чтобы переводчик постоянно и тщательно сравнивал второе немецкое издание с французским, так как последнее содержит много важных изменений и добавлений...»³ Более популярный характер французского издания I тома, считал Маркс, облегчит переводы книги с французского на английский и на романские языки.

В обращении Маркса к читателю, написанном 28 апреля 1875 г. и опубликованном во французском издании в виде послесловия, говорится: «Каковы бы ни были литературные недостатки этого

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 25.

² Там же. Т. 33. С. 526.

³ Там же. Т. 34. С. 277.

французского издания, оно имеет самостоятельную научную ценность наряду с оригиналом, и потому им должны пользоваться и читатели, знакомые с немецким языком»¹. Более того, Маркс находил «французский перевод во многих отношениях выше немецкого оригинала»².

Работа над II и III томами «Капитала»

К доработке имевшихся рукописей, которые были созданы к концу 1865 г. и должны были составить последующие книги «Капитала», Маркс приступил еще в 1867 г. Эта работа с известными перерывами продолжалась вплоть до самой смерти Маркса.

Прежде всего Маркс основательно углубился в исследование аграрных отношений разных стран и новых явлений в экономике капитализма. В письме деятелю немецкого и американского рабочего движения З. Мейеру 4 июля 1868 г. он просит посылать ему время от времени американские газеты. «В особенности было бы для меня ценно, если бы Вам удалось собрать кое-что антибуржуазное о земельной собственности и об аграрных отношениях в Соединенных Штатах»³. Этот материал был нужен Марксу для полемики с буржуазным экономистом Кэри при рассмотрении вопроса о земельной ренте. 7 октября 1868 г. он пишет Даниельсону, что не может подготовить II том к печати, «пока не будут доведены до конца некоторые официальные обследования, предпринятые в течение прошлого и 1866 г. во Франции, Соединенных Штатах и Англии, или пока данные этих обследований не будут опубликованы»⁴. Наконец, в глазах Маркса все более вырисовывается особая важность русских материалов. В результате в 1871 г. он приходит к решению о необходимости радикальной переработки всей рукописи второй и третьей книг.

В конце 60 — начале 70-х гг. Маркс делал все возможное, чтобы ускорить завершение «Капитала». Однако помимо «Капитала» на нем лежали другие важные обязанности. В письме Даниельсону 9 ноября 1871 г. он сетовал, что за последние месяцы был так занят, что не мог приняться за свою теоретическую работу. 28 мая 1872 г. Маркс признавался ему: «Я так переутомлен и встречаю столько помех в своих теоретических занятиях, что после сентября намерен выйти из торгового дела, которое в настоящее время лежит главным образом на моих плечах и, как Вам известно, имеет свои разветвления по всему свету»⁵. Ради конспиративных целей Маркс называет здесь «торговым делом» Генеральный Совет I Интернацио-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 26.

² Там же. Т. 45. С. 479.

³ Там же. Т. 32. С. 459.

⁴ Там же. С. 469.

⁵ Там же. Т. 33. С. 403.

нала. Об этом своем намерении отказаться от текущей практической работы в Интернационале Маркс говорил неоднократно и раньше. «Я уже говорил Вам в Лондоне, что часто задаюсь вопросом,— писал он 24 ноября 1871 г. деятелю бельгийского рабочего движения Де Папу,— не пришло ли время мне выйти из Генерального Совета. Чем сильнее развивается Товарищество, тем больше уходит у меня времени, а, в конце концов, ведь нужно когда-нибудь покончить с «Капиталом»¹. Действительно, разработка «Капитала» и руководство Интернационалом — две совершенно разные сферы деятельности, и нельзя не дивиться, сколько сил и энергии отдавал Маркс тому и другому делу, как мог вообще совмещать это человек, притом уже немолодой и нездоровый физически, терзаемый горькой нуждой и бесконечными неурядицами быта. Поистине великая цель рождает великую энергию, способную на чудеса.

В конце 1869 г. Маркс взялся за изучение русского языка. Своего рода стимулятором глубокого интереса к русскому языку и русской общественной мысли для Маркса послужила присланная ему из Петербурга книга Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России», которая уже при первом ознакомлении произвела на него сильное впечатление. Маркс считал абсолютно необходимым изучить русскую экономическую литературу и первоисточники, особенно по вопросу об отношениях земельной собственности.

Проштудировав в короткий срок элементы грамматики, Маркс сразу приступил к чтению русских текстов со словарем. Для первых занятий послужил экземпляр герценовской «Тюрьмы и ссылки» (части «Былого и дум»), по которому в свое время занимался Энгельс. Выписанные им на полях переводы и русские корни очень облегчили Марксу процесс усвоения языка. Вскоре Маркс смог приняться и за книгу Флеровского. 10 февраля 1870 г. он с удовлетворением сообщил Энгельсу, что прочитал уже 150 страниц.

Маркс записывал на полях книги перевод непонятных слов, и чем ближе к концу, тем меньше становилось таких записей: он уже читал довольно бегло. Тут же делались замечания по существу прочитанного, среди них и критические. Как ни высоко оценил Маркс содержание этого труда и имевшийся в нем материал, который свидетельствовал о наличии в России капиталистического уклада, о разложении общины и развитии товарного производства, он не прошел мимо слабых сторон мировоззрения автора, идеализации им общинных порядков, свойственных ему иллюзий о «гармонии классов», бывших сродни некоторым взглядам Прудона. Так, на той странице книги, где Флеровский высказал пожелание, чтобы капиталист и рабочий чувствовали себя не как «наниматель и наемник», а как «товарищ» и «брат», Маркс сделал следующее многозначительное замечание: «Старая иллюзия!»²

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 287.

² Архив Маркса и Энгельса. М., 1929. Т. 4. С. 376.

В целом обширная, насыщенная фактическими данными книга Флеровского дала Марксу то, что он лишь отчасти мог найти в других источниках, искаженных официальным оптимизмом или субъективистскими представлениями. «После изучения его труда приходишь к глубокому убеждению, что в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция — разумеется, в тех начальных формах, которые соответствуют современному уровню развития Московии, — писал Маркс Лафаргам. — Это — добрые вести. Россия и Англия — два великих столпа современной европейской системы»¹.

Вслед за книгой Флеровского Маркс, по-видимому, уже в первой половине 1870 г. познакомился с третьим томом женеvского издания собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, в который входила работа «Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Джона Стюарта Милля». Летом того же года он заказал в Женеве четвертый том. Труды великого русского социалиста и демократа Маркс считал превосходными.

Год спустя Маркс уже мог подвести первые итоги своим занятиям по изучению русского языка: «Результат стоит усилий, которые должен потратить человек моих лет на овладение языком, так сильно отличающимся от классических, германских и романских языков, — писал он Мейеру. — Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко в низах идет брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа»².

Овладев русским языком, Маркс приступил к систематическому изучению официальных публикаций и монографической литературы об аграрных отношениях и социально-политическом развитии России. В течение десяти с лишним лет между Петербургом и Лондоном — в обоих направлениях — путешествовали целые ящики с русскими книгами. Русские друзья Маркса (Даниельсон и другие) посылали их в Лондон, а из Лондона эти книги совершали обратный путь уже по прочтении их Марксом.

Обширные и многочисленные выписки с комментариями из «Трудов податной комиссии», «Докладов комиссии по исследованию положения сельского хозяйства», «Свода отзывов губернских присутствий по крестьянским делам», сборников «Статистики поземельной собственности и населенных пунктов европейской России», из работ различных русских авторов отражают сами по себе широту кругозора и интересов Маркса, показывают, сколько сил и труда отдавал он экономическим исследованиям и после того, как первый том «Капитала» стал фактически настольной книгой передовых пролетариев разных стран и имелась также предварительная рукопись следующих томов.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 549.

² Там же. Т. 33. С. 147.

Данные, относящиеся к одному географическому району или к одной стране, Маркс стремился дополнить данными по другим регионам и странам.

Например, обращаясь к Де Папу, он писал 24 января 1870 г.: «...поскольку во II томе *«Капитала»* я исследую вопрос о земельной собственности, я считаю полезным остановиться в этом томе несколько подробнее на структуре земельной собственности в Бельгии и на бельгийском сельском хозяйстве. Не будете ли Вы так любезны сообщить мне названия основных работ, с которыми мне следует ознакомиться¹. Очень скоро Де Пап выполнил эту просьбу.

В апреле 1876 г. Маркс спрашивал у Зорге, нельзя ли за плату получить из Нью-Йорка американские книжные каталоги, чтобы узнать, «не вышло ли чего-нибудь дельного» в США после 1873 г. об американском земледелии и земельной собственности, о кредите и финансово-денежных отношениях². Тут же он отметил, что по английским газетам невозможно разобраться в нынешних скандальных историях (очевидно, земельных спекуляциях и финансовых аферах, связанных с широким железнодорожным строительством и др.) в США, и поинтересовался, не сохранились ли у Зорге американские газеты.

В то же время он продолжает штудировать мировую литературу по агрономии, агрохимии, физиологии растений. Новейшие достижения сельскохозяйственных наук должны были послужить для более глубокой и убедительной критики антинаучного «закона убывающего плодородия почвы», для разработки вопроса о технологическом применении науки в земледелии, об интенсивных технологиях в этой области производства.

В мае — августе 1875 г. Маркс произвел обширные вычисления для иллюстрации различия между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли. Эти вычисления составили основу третьей главы будущего III тома *«Капитала»* — «Отношение нормы прибыли к норме прибавочной стоимости». В середине февраля 1876 г. он написал небольшую рукопись «Дифференциальная рента и рента как всего лишь процент на вложенный в землю капитал». В изданном тексте III тома *«Капитала»* этот материал был включен Энгельсом в состав 44-й главы³.

В период между ноябрем 1870 г. и июлем 1878 г. Маркс подготавливал к печати рукопись «Кругооборот денежного капитала» — первую главу нынешнего II тома *«Капитала»*. В течение 1880 г. он был занят написанием нового варианта отдела «Закон тенденции нормы прибыли к понижению» для третьей книги. Велась работа и над другими главами и отделами второй и третьей книг.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 534.

² См. там же. Т. 34. С. 143.

³ См. там же. Т. 25. Ч. II. С. 295—305.

Однако к концу 70 — началу 80-х гг. Маркс сознательно медлил с подготовкой окончательного текста. Мотивы этого авторского «моратория» объяснены в ряде писем. *«Во-первых:* я ни за что не согласился бы, — писал Маркс Даниельсону 10 апреля 1879 г., — выпустить второй том, прежде чем нынешний английский промышленный кризис не достигнет своей высшей точки. Его проявления на этот раз весьма своеобразны, они во многих отношениях отличны от тех, которые наблюдались в прошлом...

Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынешним ходом событий до их полной зрелости, прежде чем вы окажетесь в состоянии «потребить» эти факты «производительно», я имею в виду *«теоретически»*...

Во-вторых: огромная масса материалов, полученных мною не только из *России*, но и из *Соединенных Штатов* и т. д., дает мне приятный «предлог» продолжать мои исследования, вместо того, чтобы окончательно обрабатывать их для опубликования.

В-третьих: мой врач предостерегает меня, требуя значительно сократить мой «рабочий день», если я не желаю оказаться в том же состоянии, в котором я находился в 1874 г. и в последующие годы, когда у меня были головокружения и я становился неработоспособным после нескольких часов серьезных занятий¹. Выражение «рабочий день» Маркс берет в кавычки, видимо, потому, что «день» этот продолжался нередко до глубокой ночи, вопреки всем предостережениям.

Незадолго до смерти Маркс просил свою дочь Элеонору передать рукописи «Капитала» Энгельсу, который должен был из них «что-нибудь сделать»². Воля Маркса была осуществлена.

Второй том под редакцией Энгельса вышел из печати в 1885 г., третий — в 1894 г. В предисловии ко II тому Энгельс специально указал на желание Маркса вторую и третью книги «Капитала» посвятить своей жене — Женни Маркс.

В намерение Энгельса входило и издание историко-критической части труда — «Теории прибавочной стоимости» — в виде четвертого, заключительного тома «Капитала». Однако этот замысел он осуществить не успел.

Процесс производства капитала

«Капитал» — труд всей жизни Маркса, его главное произведение. Первый том этого великого труда посвящен процессу производства капитала. В начале тома (первая глава первого немецкого издания и соответственно первый отдел последующих немецких

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 288, 290.

² Там же. Т. 24. С. 9.

изданий) Маркс, как он сам говорит об этом, «резюмировал» содержание первого и единственного выпуска «К критике политической экономии».

Маркс начинает свое исследование вновь с анализа товара, как элементарной клеточки буржуазного богатства. Рассмотрение товара было совершенно необходимым условием анализа более высоких и сложных форм капиталистического производства. Человечество в течение двух с лишним тысячелетий тщетно пыталось постигнуть товарную форму — форму стоимости, хотя на первый взгляд она кажется очень простой. Эта исключительно трудная задача оказалась по плечу только Марксу. Глубокое исследование формы стоимости вплоть до денег, являющихся своеобразным товаром товаров, составляет одну из величайших научных заслуг Маркса. Исследование формы стоимости предопределило успех исследования капитала.

Основное содержание I тома «Капитала» составляет анализ определяющего производственного отношения капитализма — отношения эксплуатации наемного труда капиталом.

В процессе развития товарного производства происходит превращение денег в капитал, перерастание простого товарного хозяйства в капиталистическое, основанное на эксплуатации наемного труда.

Маркс открыл тайну капиталистической эксплуатации и дал подлинно научную теорию прибавочной стоимости, которая, по выражению Энгельса, произвела такое впечатление, как удар грома с ясного неба. Классическая буржуазная политическая экономия не смогла объяснить происхождения прибавочной стоимости и ее истинной природы.

Подобно тому как сам товар есть единство потребительной стоимости (способности удовлетворять какую-либо потребность) и стоимости (вплоченного в продукте общественно необходимого рабочего времени), так и процесс производства товара должен выражать одновременно процесс труда и процесс созидания стоимости. Поскольку речь идет о капиталистическом производстве, то созидание стоимости предполагает также производство известного излишка стоимости, ради которого, собственно, капиталист и организует производство. «Он хочет произвести не только потребительную стоимость, но и товар, не только потребительную стоимость, но и стоимость, и не только стоимость, но и прибавочную стоимость»¹.

Марксу принадлежит открытие того факта, что товаром, который продает рабочий и покупает капиталист, является рабочая сила, то есть способность к труду, а не сам труд, как полагали представители буржуазной политической экономии. Это открытие дает ключ к глубокому объяснению механизма капиталистической эксплуата-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 197.

ции и разрешает одно из затруднений школы Рикардо — невозможность согласовать обмен между капиталом и трудом с определением стоимости товара трудом. Рабочая сила, как и всякий товар, имеет потребительную стоимость и стоимость. Потребительная стоимость рабочей силы есть ее свойство создавать стоимость, притом бóльшую, чем та, которую имеет сама рабочая сила. Ее стоимость равна стоимости средств существования рабочего и его семьи. Стоимость рабочей силы определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и для воспроизводства этого специфического предмета торговли. Денежным выражением стоимости рабочей силы служит заработная плата, которая в зависимости от конкретной экономической конъюнктуры, от традиционно сложившегося уровня жизни в данной стране, от организованности и силы рабочего класса и от многих других обстоятельств может колебаться в ту или иную сторону от стоимости рабочей силы и выступать в различных своих формах. Заработная плата лишь по видимости является ценой труда. В качестве превращенной формы стоимости и цены рабочей силы она выступает как цена труда и тем самым маскирует процесс эксплуатации. Дело представляется таким образом, что рабочий продает труд и весь труд оплачен. В действительности же заработная плата всегда ниже общей стоимости продукта, создаваемого наемным трудом. Рабочий создает стоимость средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы в течение определенной части рабочего дня (необходимое рабочее время). В течение же остальной части рабочего дня (прибавочное рабочее время) он создает дополнительную стоимость сверх стоимости своей рабочей силы, или прибавочную стоимость.

Буржуазная политическая экономия объявляла капиталом всякий накопленный труд, любое средство производства и рассматривала капитал в качестве вечного условия существования человеческого общества. Маркс опрокинул это представление и показал, что средства производства становятся капиталом лишь при определенных условиях, а именно, когда они являются собственностью капиталистов и применяются для эксплуатации наемного труда, следовательно, капитал — это исторически определенное общественное отношение.

Громадное значение для научного объяснения капиталистической эксплуатации имеет анализ роли живого труда и средств производства в процессе образования стоимости товаров. Классики буржуазной политической экономии признавали лишь одно деление капитала — на основной и оборотный. Не отвергая этого деления, Маркс вместе с тем проводит и более важное деление с точки зрения роли капитала в производстве прибавочной стоимости, а именно — на постоянный (средства производства) и переменный (рабочая сила). Средства производства не создают новой стоимости, источником новой стоимости является лишь живой труд. В процессе

производства живой труд переносит стоимость средств производства на новый продукт по мере их износа.

Установленное Марксом деление капитала на постоянный и переменный позволило дать глубокий анализ процесса эксплуатации наемного труда и вместе с тем найти количественное выражение степени эксплуатации рабочих в виде отношения прибавочной стоимости не ко всему вложенному, а лишь к переменному капиталу. Это отношение Маркс назвал нормой прибавочной стоимости, или нормой эксплуатации. По мере развития капитализма норма эксплуатации возрастает, а вместе с тем углубляются и обостряются противоречия между пролетариатом и буржуазией.

В первом томе «Капитала» Маркс исследовал методы повышения нормы прибавочной стоимости. Капиталист увеличивает норму прибавочной стоимости двумя путями: 1) при данной неизменной величине необходимого рабочего времени он увеличивает прибавочное рабочее время за счет увеличения продолжительности рабочего дня (абсолютная прибавочная стоимость); 2) при данной неизменной величине рабочего дня, повышая интенсивность и производительность труда, он изменяет в свою пользу соотношение необходимого и прибавочного рабочего времени (относительная прибавочная стоимость). Первый путь в основном был характерен для начальных стадий развития капиталистического производства, главным образом на базе ремесленной техники и еще сравнительно примитивной организации труда. Второй путь характерен для более развитых стадий капиталистического производства, когда выросли технические и организационные условия производства, а нарастающая борьба рабочего класса вынуждает буржуазию идти на известное сокращение рабочего дня. На большом фактическом материале Маркс развывает картину борьбы рабочего класса за ограничение рабочего времени.

Стремясь к абсолютному росту прибавочной стоимости, капитал, однако, фактически всегда старается увеличивать продолжительность рабочего дня и принуждать рабочего к большим затратам труда в каждый час работы, то есть к повышению интенсивности труда. Предел его неутолимой жажды ставят только физические возможности живых «машин» и страх перед силой их возмущения.

В ряде глав, по преимуществу на материалах Англии, которая, являясь классической страной развитого капитализма, указывала менее развитым странам картину их собственного будущего, Маркс дал блестящий исторический очерк методов производства относительной прибавочной стоимости. Эти методы — простая кооперация, мануфактура, крупная машинная промышленность — в то же время представляли собой этапы развития самого капитализма. Маркс специально и особенно подробно исследовал историю, условия и последствия применения машин при капитализме. Тот факт, что машины и другие технические изобретения не облегчают труд

рабочих, обусловлен исключительно целью, которая ставится перед всеми новыми и новейшими техническими средствами труда: удешевляя товары, сокращать необходимый труд и удлинять добавочное рабочее время, т. е. быть простым средством производства прибавочной стоимости для «знатных бездельников».

Рост производительности труда в результате разделения труда и капиталистического применения машин сопровождается в целом ухудшением положения рабочих. Машины в капиталистических странах вызывают рост безработицы и массовый травматизм, их спутниками являются интенсификация, монотонность и бессодержательность труда, усиление деспотизма капитала и казарменной дисциплины.

В мануфактуре скорость и качество выполнения работы зависят непосредственно от рабочего — его квалификации, опыта, прилежания и т. д. На фабрике темп работы в решающей степени зависит от машины и установленного технологического процесса. В связи с этим Маркс характеризует стадию машинного производства как стадию реального подчинения труда капиталу. В машине и машинной промышленности капитализм обретает адекватную себе материально-техническую базу.

Рассмотрев сущность капиталистической эксплуатации и развитие производства прибавочной стоимости, Маркс подверг обстоятельному анализу проблему капиталистического накопления, то есть превращения прибавочной стоимости в капитал.

Всякий процесс производства, возобновляющийся снова и снова, есть по сути своей процесс воспроизводства. В процессе капиталистического производства рабочий в стоимости продукта воспроизводит авансированный капитал и сверх того создает прибавочную стоимость. Если бы прибавочная стоимость целиком потреблялась капиталистом, тогда налицо было бы простое воспроизводство, т. е. повторение процесса производства в неизменном масштабе. Но капитализму присуще расширенное воспроизводство, накопление капитала.

Рабочие своим трудом создают прибавочную стоимость в значительно больших размерах, чем это требуется для личного потребления капиталистов. Часть прибавочной стоимости превращается в капитал, ее используют для расширения масштабов производства. Следовательно, рабочий создает не только средства личного потребления капиталиста, но и дополнительные средства для расширения аренды эксплуатации.

Накопление капитала, или расширенное капиталистическое воспроизводство, сопровождается ростом органического строения капитала, под которым Маркс подразумевал отношение между постоянной и переменной частями капитала, т. е. между стоимостью средств производства и общей суммой заработной платы. В результате введения все более совершенных машин, благодаря развитию

техники производства постоянный капитал растет быстрее переменного. Это имеет своим следствием усиление эксплуатации рабочего класса, повышение нормы прибавочной стоимости.

Рост органического строения капитала вместе с тем приводит к относительному снижению спроса на рабочую силу, так как этот спрос определяется размерами не всего капитала, а лишь его переменной частью, которая относительно уменьшается.

Выдвинутому Мальтусом «вечному» и «естественному» закону народонаселения Маркс противопоставляет действующий при капитализме действительный закон народонаселения, который имеет преходящий характер и обусловлен исключительно природой капитализма.

Часть рабочего населения вытесняется из производства, образуя так называемое относительное перенаселение, или промышленную резервную армию. Безработица вызывает крайнюю неустойчивость материального положения рабочих, неуверенность у них в завтрашнем дне, давит на общий уровень заработной платы, облегчает капиталистам интенсификацию труда занятых рабочих.

Таким образом, по мере накопления капитала на одном полюсе буржуазного общества растут огромные богатства, роскошь, паразитизм, расточительство эксплуататорских классов, а на другом — все более усиливается гнет эксплуатации, безработица и необеспеченность трудящихся. «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии... Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления»¹.

Открытый и сформулированный Марксом абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления является теоретической основой для понимания антагонистических противоречий между наемным трудом и капиталом.

Своими исследованиями Маркс решительно опроверг легенду буржуазных ученых о первоначальном накоплении капитала как результате особого трудолюбия и бережливости отдельных предприимчивых людей, постепенно скапливающих добытые своим трудом богатства. Суть процесса первоначального накопления, которому Маркс посвятил особую главу, состоит в полном отделении

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 659.

непосредственных производителей от средств производства. Этот процесс ускорялся методами грубого насилия со стороны господствующих классов. На большом историческом материале Маркс рисует картину насильственного обезземеливания мелких и средних крестьян, изгнания их из деревень и превращения в резерв дешевой рабочей силы для развивавшейся промышленности. Накопление богатства в немногих руках происходило также с помощью хищнического грабежа и кровавого разбоя в колониях. Характеризуя процесс первоначального накопления, Маркс писал, что «новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»¹.

В заключительной части 24-й главы I тома «Капитала» подводятся итог всего исследования и делается вывод о судьбах капитализма и неизбежности социалистической революции. Развитие капиталистического накопления означает все большее обобществление труда, в связи с чем все более обостряется основное противоречие капитализма — между общественным характером производства и частной формой присвоения. Анализ исторической тенденции капиталистического накопления Маркс заканчивает словами, полными твердой уверенности в победе пролетариата: «Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала... возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»².

Процесс обращения капитала

Во второй книге (втором томе) своего труда Маркс продолжает исследовать движение промышленного капитала. Но в этом движении специально изучается уже не процесс производства, как в I томе, а та смена форм и обмен веществ, которые промышленный капитал претерпевает в сфере обращения.

В первом отделе Маркс анализирует метаморфозы капитала и его кругооборот. Он начинает с кругооборота денежного капитала. Затем в отдельных главах анализируется кругооборот производительного и товарного капитала.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 770.

² Там же. С. 772—773.

Действующее капиталистическое предприятие — это определенные средства производства (земля, здания, машины, инструменты, сырые материалы и т. п.), используемые наемными рабочими и служащими для производства определенных товаров. Ни средства производства, ни рабочая сила наемных рабочих сами по себе не являются капиталом. Они становятся капиталом только в соединении друг с другом, только в силу того, что первые являются собственностью капиталистов, а рабочие и служащие вынуждены продавать им свою рабочую силу, чтобы жить.

Денежный капитал, уже превращенный в средства производства и рабочую силу, соединение этих двух вещных форм капитала в процессе производства образует в своей совокупности форму производительного капитала. Если производство совершается непрерывно, то капитал постоянно находится в этой форме.

В процессе производства весь авансированный капитал рано или поздно превращается в товары, приобретает форму товарного капитала. В этой своей форме капитал также совершает особый кругооборот — кругооборот товарного капитала. Здесь капиталист сталкивается с проблемой реализации произведенных товаров. Реализация товаров должна обеспечить капиталисту возвращение всей затраченной им капитальной стоимости и кроме того дать ему прибавочную стоимость, произведенную его наемными рабочими. Выяснение условий и особенностей реализации товаров составляет одну из главных сторон исследований Маркса во второй книге.

До Маркса никто из экономистов не рассматривал кругооборотов капитала во всех его формах, в их взаимосвязи и в деталях. Только благодаря ему понятие капитала впервые предстало как единство производства и обращения, как непрерывное движение капитальной стоимости во времени и пространстве, от одной формы к другой форме, от одной величины к другой, большей величине. А это чрезвычайно важно, ибо, как указывал Маркс, «капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое»¹.

Любой кругооборот капитала занимает известный период времени. Какова бы ни была продолжительность этого периода, он объективно делится на две части — на время производства и на время обращения.

Во втором отделе Маркс подробно исследует оборот капитала. Для капиталиста время оборота его капитала представляет собой время, на которое ему приходится авансировать капитал для того, чтобы он не только возвратился к нему в своей первоначальной форме, но и возрос по своей стоимости. Время оборота различных индивидуальных капиталов в любом случае равно сумме времени обращения и времени производства. Различия во времени оборота оказывают существенное влияние на величину авансированного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 121.

капитала, на годовую массу прибавочной стоимости, на весь ход капиталистического процесса производства и обращения.

В процессе производства стоимость различных частей постоянного капитала переносится на товары по-разному. Так, сырье потребляется целиком, и вся его стоимость, включая даже стоимость производственных отходов, входит в стоимость произведенных товаров. Напротив, стоимость машин, с помощью которых это сырье перерабатывалось, вошла в стоимость произведенных товаров лишь в той мере, в какой эти машины подверглись износу. После продажи товаров капиталист получит обратно, соответственно, всю стоимость сырья и лишь ту часть стоимости машин, которая была потреблена в процессе производства. Поэтому с точки зрения обращения и оборота капитальной стоимости весь постоянный капитал распадается на основной и оборотный.

Маркс впервые в истории политической экономии установил, что основным или оборотным капиталом средства производства становятся лишь в зависимости от того, как их стоимость переносится на товар — постепенно или сразу, частями или целиком.

Переменный капитал, затраченный капиталистом на рабочую силу, по характеру своего оборота ничем не отличается от той доли постоянного капитала, которая составляет оборотный капитал. Следовательно, оборотный капитал состоит из двух частей, играющих совершенно различную роль в производстве стоимости и прибавочной стоимости, но в процессе обращения капитала выступающих как одно целое. Это обстоятельство маскирует эксплуататорскую сущность капиталистического производства. Оно порождает иллюзию, будто прибавочная стоимость возникает в сфере обращения при сбыте произведенных товаров. Буржуазные экономисты используют эту иллюзию в апологетических целях.

В анализе оборота капитала в целом и особенностей оборота его основной и оборотной составных частей Маркс научно показал, какую именно роль играет оборот капитала в различных отраслях и сферах капиталистического производства, как именно различное деление капитала на основной и оборотный сказывается на развитии материального производства, на положении капиталистов и рабочих.

В отличие от какого-либо отдельного производства, которое по разным причинам может быть временно или совсем прекращено, все общественное производство всегда является непрерывным производством. Наиболее важной проблемой II тома является исследование условий воспроизводства капитала.

Первым экономистом до Маркса, сделавшим попытку анализа закономерностей общественного воспроизводства, был физиократ Кенэ. В своей «Экономической таблице» он показал, каким образом совокупный годовой продукт определенной страны (Франции) циркулирует и в конечном счете распределяется между классами

данного общества так, что становится возможным воспроизводство этого продукта в прежнем масштабе, т. е. его простое воспроизводство. Но Кенэ производительной сферой считал только земледелие, полагая, что только в нем труд создает стоимость и прибавочную стоимость. Кенэ и его школа не исследовали капиталистического воспроизводства на основе развитого промышленного производства и при широком разделении всего общественного труда.

Анализ простого воспроизводства Маркс начал с выяснения товарной и стоимостной структуры всего общественного продукта. По своей натуральной форме вся совокупность товаров, образующих годовой продукт общества, делится на два больших подразделения. Первое образуют средства производства, которые должны снова войти в производительное потребление или, во всяком случае, могут войти в него. Второе подразделение составляют предметы потребления, входящие в индивидуальное потребление класса капиталистов и класса рабочих. Соответственно и все общественное производство распадается на два больших подразделения: на производство средств производства и производство предметов личного потребления. Это деление имеет большое методологическое значение: оно относится не только к капиталистическому, а ко всякому общественному производству и воспроизводству.

Стоимость потребленного постоянного капитала в любом из двух подразделений целиком переносится на стоимость их годового продукта.

Рабочая сила в течение года производит новую стоимость и присоединяет ее к стоимости потребленного постоянного капитала. Стоимость переменного капитала, затраченного капиталистами на оплату рабочей силы, в стоимости годового продукта не только воспроизводится, но и возрастает на величину прибавочной стоимости. Общая величина новой стоимости, создаваемой наемными рабочими в стоимости годового продукта, зависит от их численности и степени капиталистической эксплуатации.

Таким образом, стоимость всего годового продукта каждого из двух подразделений общественного производства состоит из потребленного постоянного капитала (c), из переменного капитала (v) и прибавочной стоимости (m). В обозначениях Маркса она состоит из суммы: $c + v + m$.

Огромную научную заслугу Маркса составляет выяснение условий и пропорций обмена внутри каждого из упомянутых двух больших подразделений общественного производства, а также между обоими этими подразделениями. Им были выработаны схемы обмена и указаны относительные величины составных частей продукта по стоимости и его материальному содержанию в каждом подразделении общественного производства, которые необходимы для реализации общественного продукта и, следовательно, для непрерывного воспроизводства. Впервые в политической экономии

Марксу удалось показать, каким образом в процессе общественного производства происходит возмещение как той части продукта, которая служит личному потреблению рабочих и капиталистов, так и той части продукта, которая используется для образования элементов производительного капитала.

Маркс определил те идеальные пропорции, которые необходимы для непрерывного воспроизводства. Вместе с тем было показано, что осуществление этих пропорций при капитализме невозможно, что на деле неизбежно возникают различные диспропорции, частичные и общие кризисы перепроизводства, денежные кризисы. Сам механизм капиталистического воспроизводства таков, что он не может не порождать постоянно диспропорциональности и периодических колебаний. Внутренняя слаженность капиталистической экономики существует лишь как постоянно исчезающий момент ее в общем процессе беспорядочного и анархического развития.

Исследования закономерностей общественного воспроизводства имели огромное значение в практике революционной пропаганды рабочего класса, в борьбе учеников и последователей Маркса как против вредных мелкобуржуазных теорий «автоматического краха» или «самоудушения» капитализма, так и против апологетических теорий «вечного процветания» и «гармонического развития» капиталистической экономики. Всецело опираясь на выводы марксовой теории воспроизводства общественного капитала, В. И. Ленин особенно ярко и наглядно раскрыл образование внутреннего рынка при капитализме, когда масса народа обречена на бедность. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал также всю важность Марксовой теории общественного воспроизводства для построения социалистического и коммунистического общества.

Планомерное развитие производства средств производства, внедрение наиболее экономичных и прогрессивных орудий труда и технологий, образцовая организация и дисциплина труда, кооперационные связи между предприятиями и объединениями должны обеспечивать максимальный выход конечного продукта с высокими качественными характеристиками для полного удовлетворения всестороннего и разумного спроса. Таковы неперемennые требования и условия расширенного воспроизводства интенсивного типа в народном хозяйстве социалистических стран.

Процесс капиталистического производства, взятый в целом

Третий том «Капитала» завершает теоретический анализ всего капиталистического способа производства. Здесь Маркс исследует процесс капиталистического производства как неразрывное единство производства и обращения.

В масштабе всего общества особые интересы отдельных фракций класса капиталистов проявляются по-разному. Между промышленностью, транспортом, сельским хозяйством, торговлей, банками идет постоянная борьба за «место под солнцем» — за большую долю выжатой из наемных рабочих прибавочной стоимости. Разобраться в этом сложном и многоликом конгломерате особых интересов, во внутренних противоречиях, раздирающих класс собственников средств производства, найти и показать особое место и роль каждой большой группы капиталистов по отношению к другим группам капиталистов и к рабочему классу — далеко не просто. Вся буржуазная политическая экономия до Маркса сделать этого не смогла.

Опираясь на содержание I и II томов «Капитала», Маркс в III томе показывает, когда и каким образом возникли и постоянно возникают вновь те конкретные виды и формы капитала, в которых он выступает на поверхности капиталистического общества и действует на глазах у всех. Впервые становится ясной закономерная связь разных форм и видов капитала и капиталистов, особая роль и перспектива развития каждой крупной сферы производства и обращения, а потому и всего капиталистического способа производства во всей его конкретной сложности. «Видоизменения капитала,— пишет Маркс,— как мы их развиваем в этой книге, шаг за шагом приближаются таким образом к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства»¹.

Маркс прежде всего показывает, каким именно образом стоимость товаров превращается в их рыночные цены, как вся прибавочная стоимость, созданная рабочим, превращается в прибыль капиталистов, как эта прибыль делится на определенные части между разными капиталистами и как в результате такого дележа разные по величине нормы прибыли — отношение массы прибавочной стоимости к сумме постоянного и переменного капитала — в разных сферах вложения капитала превращаются в общую среднюю норму прибыли на определенный капитал любого капиталиста.

Экономисты до Маркса не смогли решить вопроса о том, как на основе действия закона стоимости может и действительно образуется одинаковая средняя норма прибыли. Если два действующих капитала, равных по своей стоимости, применяют одинаковое число рабочих и служащих, если они одинаково эксплуатируют их рабочую силу и одинаково ее оплачивают, то при прочих равных условиях кругооборота эти капиталы должны дать их собственникам равную прибыль. Это необходимо следует из действий закона стоимости. Но если эти капиталы эксплуатируют разное число рабочих и служащих, и притом эксплуатируют их в различной сте-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 29.

пени, — один больше, другой меньше, — то по тому же закону стоимости они уже не могут произвести и затем присвоить равную прибыль.

Однако в повседневной капиталистической практике наблюдается нечто прямо противоположное. Фактически равновеликие капиталы в одно и то же время дают одинаковую прибыль, независимо от того, много или мало живого труда они эксплуатируют. Поэтому возникает и постоянно существует видимость, будто стоимость товаров и их продажная цена определяются не затратами живой рабочей силы, не общественно необходимым трудом, который воплощен в товарах. Следовательно, если положиться на эту видимость, трудовая теория стоимости неверна и на практике постоянно происходит нарушение закона стоимости.

Своими исследованиями Маркс на основе трудовой теории стоимости убедительно объяснил механизм образования равновеликой прибыли на равновеликие капиталы с различным органическим строением.

Каждый капиталист и каждая отраслевая группа капиталистов стремятся, чтобы на каждую долю всего капитала, вложенного в то или иное предприятие, в ту или иную отрасль производства, приходилась соответствующая часть всей прибавочной стоимости (или прибыли), созданной в масштабе общества. Маркс математически точно доказал, что в тех отраслях производства, где органическое строение капитала совпадает с органическим строением всего общественного капитала, продажная цена товаров этих отраслей будет совпадать с их действительной стоимостью. Во всех других отраслях продажные цены товаров необходимо отклоняются от их стоимостей. В одних отраслях, где относительно велика доля постоянного капитала (основного и оборотного) цены товаров будут выше их стоимости. В других, с более низким строением капитала, чем среднее общественное, цены товаров ниже их стоимости. Общая сумма всех этих цен выражает в деньгах стоимость всего общественного продукта. Однако цены регулируются непосредственно не стоимостью в собственном смысле, а ее модифицированной формой — ценой производства, представляющей собой сумму издержек производства товара и средней прибыли.

В III томе «Капитала» детально исследован внутренний механизм капиталистической конкуренции и выяснены причины превращения стоимостей в цены производства. Цена производства является величиной, которая определяет рыночные цены товаров, она образует центр колебания рыночных цен.

Понятие цены производства было известно и буржуазным экономистам. Однако никто из них фактически не исследовал отличия цен производства от стоимости и не смог также доказать «кровного» родства между этими двумя категориями, лишь внешне друг друга отрицающими. Это сделал только Маркс.

Буржуазные экономисты разных школ до Маркса тщетно пытались решить вопрос, почему по мере развития капитализма общая норма прибыли имеет тенденцию к падению.

Норма прибыли, как показал Маркс, является лишь превращенной формой нормы прибавочной стоимости. В масштабе всего общества размер годовой прибыли совпадает с массой прибавочной стоимости. Но общая годовая норма прибыли всегда меньше годовой нормы прибавочной стоимости. При прочих равных условиях норма прибыли будет тем меньше нормы прибавочной стоимости, чем больше в производстве применено и потреблено постоянного капитала, чем меньше, напротив, доля переменного капитала. Поэтому свойственное капитализму постоянное повышение органического строения всего общественного капитала ведет к снижению общей нормы прибыли.

Вместе с тем ряд обстоятельств противодействует понижению нормы прибыли, прежде всего 1) повышение степени эксплуатации труда; 2) удешевление элементов постоянного капитала; 3) открытая и скрытая безработица; 4) широкое развитие внешней торговли и вывоз капитала в колонии для эксплуатации дешевой рабочей силы. В силу этого закон понижения нормы прибыли имеет лишь характер тенденции.

В III томе подробно исследуются особые виды и формы капитала, которые он принимает в торговле, в кредитно-денежном обращении, наконец, в сельском хозяйстве. Перед глазами читателя в живом облики предстают уже не только промышленные капиталисты, но и купцы, банкиры, крупные фермеры, лендлорды. А вместе с ними — противостоящая им сила, различные слои и отряды рабочего класса. Одновременно исследуется процесс распада всей общественной прибавочной стоимости на ее особые части и формы, соответствующие особым формам самого капитала.

Часть капитала, как это было доказано во II томе, всегда пребывает в сфере обращения, в товарной или денежной форме. По мере развития промышленного капитала его торговая деятельность, объем его операций по купле и продаже товаров постоянно возрастает, а потому возрастает и та часть капиталистических издержек, которая требуется для закупки и сбыта массы товаров, для обращения капитала в товарной форме. Торговый капитал не производит прибыль. Однако, сокращая издержки обращения, выполняя необходимую и полезную работу для промышленного капитала, он претендует на известную долю его прибыли. Средняя прибыль делится между промышленниками и купцами в соответствии с размерами их капитала. В результате этого дележа возникают два вида прибыли — промышленная и торговая.

Промышленные и торговые капиталисты, продавая и покупая товары в кредит и давая свои наличные деньги в долг друг другу, выступают как кредиторы и должники. Масштабы операций и де-

нежных взаимосвязей внутри класса капиталистов по мере развития капитализма постоянно возрастают. В связи с этим обособляется и развивается кредитно-банковская система капитализма. Вместо древних собирателей сокровищ и мелких ростовщиков на арену капитализма выходят современные банкиры.

С развитием капитализма возникает особый рынок, на который поступает свободный, избыточный денежный капитал. Концентрация и централизация денежного капитала с помощью кредитно-банковской системы усиливает процессы концентрации и централизации капитала в промышленности и торговле, дает банкирам возможность контролировать ход дел у активных капиталистов, своих должников, а при удобном случае и самим стать совладельцами или даже полными собственниками их предприятий. На основе мобилизации и накопления денежного капитала возникают огромные акционерные общества, развивается биржевая торговля облигациями, акциями и прочими «ценными бумагами», биржи становятся центром спекулятивных сделок и взаимного обмана капиталистов.

В III томе исследуется также превращение части прибавочной стоимости в земельную ренту. Это исследование логически завершает предыдущее изложение конкретных форм прибавочной стоимости и прибыли в капиталистическом обществе. Марксистская теория земельной ренты вскрывает особенности развития капитализма в сельском хозяйстве, проливает истинный свет на положение сельского пролетариата, указывает промышленному пролетариату союзников в борьбе за ликвидацию капитализма.

Земля со всеми ее естественными богатствами является всеобщим предметом человеческого труда. Всякое общественное производство существует и развивается на земле. Любой продукт труда представляет собой лишь вещество природы, приспособленное человеком для удовлетворения тех или иных потребностей. Рассматривая главным образом капиталистическое земледелие и попутно другие отрасли производства, непосредственно использующие землю, ее недра, воды, леса и т. д., Маркс бичует хищническую эксплуатацию капиталистами богатств природы. Возникновение и все развитие капитализма не отменяет, а лишь преобразует частную собственность на землю. Узурпация земельной собственности непосредственных производителей послужила исторической предпосылкой капиталистического способа производства.

Маркс различал две основные формы земельной ренты: дифференциальную и абсолютную.

Дифференциальная рента представляет собой избыток прибыли сверх средней прибыли, получаемой в хозяйствах, которые ведутся при более благоприятных условиях сельскохозяйственного производства.

Добавочная прибыль сельских капиталистов связана с монополией на землю как объект хозяйства. Внутриотраслевая конкурен-

ция этих капиталистов приводит к образованию таких рыночных цен на их товары, которые регулируются ценой производства не на лучших или средних, а на худших из обрабатываемых земель. В силу этого становится возможным получение добавочной прибыли на более производительных участках, которая выступает в форме дифференциальной ренты.

Маркс первый теоретически доказал возможность образования при капитализме абсолютной земельной ренты. Абсолютная рента — это дань, которую общество платит земельным собственникам за один лишь титул собственности. Лендлорды и помещики — это своего рода рантье, которые стригут купоны со «своей» земли, совершенно не участвуя в организации и ведении сельскохозяйственного производства. Из-за более низкого органического строения капитала и более низкой производительности труда в сельском хозяйстве стоимость и цена его продуктов в среднем выше стоимости и цены производства промышленных продуктов. В то же время монополия частной собственности на землю исключает возможность привести цены сельскохозяйственных продуктов путем конкуренции к данному уровню общественной цены производства. Разница между высокой стоимостью сельскохозяйственных продуктов и ценами производства на другие товары образует абсолютную ренту.

Существование абсолютной ренты не является необходимым условием капиталистического производства. Напротив, отвлекая часть прибавочной стоимости и капитала в пользу паразитического класса — земельной аристократии, она мешает развитию этого производства. Требование национализации земли по существу отвечает интересам буржуазии. И если буржуазия воздерживается от покушения на частную земельную собственность, то только потому, что нападение на этот вид частной собственности может вызвать цепную реакцию восстания против принципа частной собственности на все средства производства.

Буржуазные экономисты не в состоянии были выяснить природу дарового дохода земельных собственников. Даже лучшие из них, например Смит и Рикардо, в конечном счете свели движение земельной ренты к действию законов природы и тем самым широко распахнули двери для апологии капитализма. Одной из наиболее распространенных догм, которые питались ошибочной теорией земельной ренты Рикардо, стал пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Теория земельной ренты Маркса выбила опору из-под ног буржуазной апологетики.

Исследования III тома «Капитала» показывают также, что при капитализме и в сфере сельского хозяйства постоянно идет процесс разорения одних и обогащения других, что пресловутая «устойчивость» мелкого и среднего крестьянства существует лишь в рассказах буржуазных апологетов, что подавляющая масса земледельцев обречена на тяжелый и изнурительный труд, не гарантирована от

разорения и полной нищеты. Фактическое материальное положение основной части сельского населения по существу мало чем отличается от положения наемных фабричных рабочих. Единственное их спасение — в союзе с промышленными рабочими защитить свои жизненные интересы, подготавливать почву для сокрушения власти магнатов крупного капитала.

В конце III тома Маркс говорит, что, достигнув известной степени своей зрелости, буржуазная форма производства и распределения сбрасывается, освобождая место для более высокой новой формы. Основой этого исторического процесса смены способов производства и распределения является «конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой»¹. Своим исследованием капиталистического процесса в целом Маркс вновь и, на этот раз более детально, доказал необходимость социалистической революции.

«Теории прибавочной стоимости»

К тем разделам рукописи 1861—1863 гг., где изложены «Теории прибавочной стоимости», Маркс в последующие годы не возвращался. Он не имел времени для отделки этой части «Капитала».

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс в историческом аспекте прослеживает интерпретацию законов капиталистической формации буржуазными экономистами, причем эволюцию буржуазной политической экономии он рассматривает как отражение эволюции самого буржуазного общества, развития присущих ему противоречий. Для всестороннего понимания закономерностей капитализма Марксу необходимо было выяснить, как базис влиял на надстройку, как капиталистическая действительность отражается в идеологической сфере, в частности в экономической науке. Критический анализ истории политической экономии логически завершает теоретическое исследование в первых трех томах «Капитала».

Вместе с тем этот анализ был для Маркса и предпосылкой более глубокого проникновения в сущность экономических отношений капитализма. «...Для себя, я начал «Капитал» как раз в обратном порядке,— писал впоследствии Маркс,— по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой (начав работу с третьей, исторической, части)....»² Маркс следовал здесь Гегелю, который говорил: «Чтобы овладеть теорией предмета, надо знать историю предмета».

«Теории прибавочной стоимости» представляют собой, по выражению Энгельса, «критическую историю центрального пункта политической экономии»³ — учения о прибавочной стоимости.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 456.

² Там же. Т. 34. С. 238.

³ Там же. Т. 24. С. 4.

Первая часть «Теорий прибавочной стоимости» посвящена в основном тем экономистам (Смиту и др.), вклад которых в развитие теории прибавочной стоимости так или иначе связан с проблемой обмена между капиталом и трудом на основе закона стоимости. Во второй части рассматриваются вопросы средней прибыли и цены производства, земельной ренты и кризисов. Центральным пунктом является здесь учение Рикардо. В третьей части охарактеризована послерикардовская буржуазная политическая экономия.

Первая часть открывается рассмотрением школы физиократов. И это закономерно. Маркс высоко ценил физиократов как «первых методических (не только случайных, как Петти и т. д.) толкователей капитала и капиталистического способа производства»¹. Они сделали первый крупный шаг в решении проблемы обмена труда и капитала на основе закона стоимости, впервые в истории политической экономии перенесли вопрос об источнике образования прибавочной стоимости из сферы обмена в сферу производства.

Значительно дальше физиократов в развитии теории прибавочной стоимости пошел Смит. По Смиту, стоимость создается всяким общественным трудом, независимо от того, какие потребительные стоимости производит этот труд. Поэтому прибавочная стоимость выступает у Смита не только в форме земельной ренты, как у физиократов, но также и в формах прибыли и процента. Но хотя Смит рассматривает прибавочную стоимость как общую категорию, как продукт неоплаченного труда рабочего (Маркс говорит, что «Смит уловил истинное происхождение прибавочной стоимости»²), он смешивает ее с прибылью. А это означает, что Смит не исследовал категорию рабочей силы как товара, и стало быть, не мог научно решить проблему обмена между капиталом и наемным трудом. Заслугой Смита является фиксирование того обстоятельства, что в условиях капиталистического способа производства при обмене труда и капитала закон стоимости фактически превращается в свою противоположность. Однако, не зная категории товара рабочая сила, Смит не сумел дать решения этой проблемы.

В тесной связи с проблемой обмена труда и капитала находится вопрос о производительном и непроизводительном труде в капиталистическом обществе. Решение вопроса о критерии производительного труда при капитализме представителями той или иной школы буржуазной политической экономии (Маркс показывает это на примере меркантилистов, физиократов и Смита) прямо вытекало из их взглядов на происхождение прибавочной стоимости, являясь следствием решения проблемы обмена труда и капитала.

В «Теориях прибавочной стоимости» всесторонне обосновано понимание производительного труда в капиталистическом обществе

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 33.

² Там же. Т. 26. Ч. I. С. 53.

и в капиталистическом смысле как труда, производящего прибавочную стоимость.

Центральное место во второй части «Теорий прибавочной стоимости» принадлежит собственно Марксовой теории земельной ренты, и прежде всего теории абсолютной земельной ренты. Марксистская теория земельной ренты явилась одним из доказательств ложности предпосылки Смита и Рикардо о тождестве стоимостей и цен производства.

«Теории прибавочной стоимости» во многом предвосхищают и дополняют в известном смысле анализ земельной ренты, содержащийся в III томе «Капитала». Маркс рассматривает здесь два вида монополии в сельском хозяйстве (монополия частного собственника земли и монополия капиталистического хозяина-фермера) и развивает в связи с этим вывод о национализации земли в условиях капитализма как такой буржуазной мере, которая освобождает сельское хозяйство от пут, сковывающих его прогресс по капиталистическому пути. Он показывает далее, что цена сельскохозяйственных продуктов, коль скоро она заключает в себе абсолютную или дифференциальную ренту, необходимо является монопольной ценой. Большое внимание Маркс уделяет рассмотрению внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции в сельском хозяйстве, которая приводит к частичному или полному подрыву обоих видов монополии.

Многие страницы «Теорий прибавочной стоимости» уделены вопросу о причинах экономических кризисов и об условиях перехода от возможности кризиса к его «действительности».

Абстрактная возможность кризисов вытекает уже из простой товарной формы обмена продуктов и из функции денег как средства платежа. Однако для реализации этой возможности необходимы противоречия развитой, капиталистической формы производства. Буржуазное богатство не есть совокупность потребительных стоимостей, и в буржуазном способе производства не доминирует потребительная стоимость. Напротив, буржуазное богатство представляет собой совокупность меновых стоимостей, в буржуазном способе производства господствует меновая стоимость. Буржуазное производство, подчеркивает Маркс, «не является производством богатства для *производителей*», т. е. для рабочих, «производство буржуазного богатства отнюдь не есть производство «изобилия», предметов необходимости и роскоши для людей, которые их производят»¹. С развитием производительных сил все большие размеры приобретают противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью, между товаром, производимым на рынок, и деньгами, между покупками и продажами, между производством и потреблением, между капиталом и наемным трудом. Буржуазная форма

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III. С. 50.

производства предполагает специфическую ограниченность распределения. С другой стороны, производство на капиталистической основе имеет тенденцию такого развития, которому будто бы не свойственна внутренняя ограниченность. В этом противоречии и кроется «глубокая и самая сокровенная причина кризисов»¹, представляющих собой форму временного и насильственного его разрешения.

Если в первой и во второй частях Маркс анализирует в основном поступательное движение буржуазной политической экономии от ее зарождения до вершины (теория Рикардо), то в третьей части показан процесс вульгаризации буржуазной экономической науки по мере обострения классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией.

Касаясь разложения рикардианской школы буржуазной политической экономии, Маркс анализирует прежде всего взгляды Джемса Милля, сделавшего попытку возвести теорию Рикардо посредством формально-логического истолкования в некий абсолюте. У Рикардо противоречия его теории отражали реальные противоречия капиталистической действительности. Материалом же для Милля явилась уже не сама действительность, а ее выражение в теории Рикардо. С целью устранить противоречия этой теории Милль прибегал к чисто формальным, словесным доводам.

В заключительной части «Теорий прибавочной стоимости» Маркс вскрывает классовые и гносеологические корни вульгарной политической экономии, подчеркивает существенную разницу между классической и вульгарной политической экономией и остро критикует воззрения вульгарного социализма. В отличие от классической буржуазной политической экономии, которая «хочет понять внутреннюю связь целого»², не смешивая это целое с многообразием форм проявления, вульгарные экономисты обычно воспроизводят поверхностные явления капиталистической действительности. Особенностью вульгарной политической экономии является то, что она ничего не создает сама, она получает пищу от классиков, но вместо движения вперед пятится назад, становясь по мере обострения классовой борьбы все более и более апологетической.

Правда, некоторые буржуазные экономисты послерикардовского периода обнаружили в частности определенное понимание характера капиталистического способа производства. Социалисты-рикардянцы вообще выступили с открытой критикой буржуазного общества и защитой промышленного пролетариата. Однако они не смогли преодолеть буржуазную основу своих воззрений.

«Теории прибавочной стоимости» являются замечательным образцом глубоко научного, объективного и подлинно партийного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III. С. 81.

² Там же. С. 525.

подхода к различным школам и системам буржуазной экономической мысли. Поскольку же новейшая буржуазная политическая экономия во многих случаях занимается гальванизацией мертвых догм, от которых Маркс не оставил камня на камне, то Марксова критика буржуазных экономических теорий — это вовсе не страница давно минувшей истории, а острое оружие для разоблачения модернизированного варианта старых в сущности концепций буржуазной апологетики.

Проблемы коммунизма в «Капитале»

В «Капитале» Маркс исследовал капиталистический способ производства как живое целое, как исторически определенную, а следовательно, исторически преходящую ступень в развитии человеческого общества, на смену которой должен прийти другой строй — коммунистический. В отличие от социалистов-утопистов, вместе с острой критикой капитализма рисовавших фантастические картины идеальных отношений между людьми, Марксова характеристика коммунизма органически вытекает из анализа самых глубоких основ и тенденций развития капитализма. Маркс не дал, да и не мог дать, детальной картины будущего общества, однако его высказывания о коммунизме характеризуют ряд коренных черт этой формации и представляют огромный научный и практический интерес.

Основное противоречие капитализма (между общественным характером капиталистического производства и частнокапиталистической формой присвоения) и его неизбежные следствия — анархия общественного производства, циклические и другие кризисы, использование научно-технических достижений не на благо человека, а в корыстных, эгоистических интересах ничтожного меньшинства, для разрушительных целей и т. д. — мешают развитию производительных сил, культуры и цивилизации.

Развивающиеся в недрах капитализма производительные силы рано или поздно оказываются несовместимы с их общественной оболочкой, с капиталистическими производственными отношениями. Развитие капиталистического способа производства само порождает предпосылки его неизбежной гибели. Однако переход к коммунизму не может произойти сам по себе. Для этого необходимы революционные действия, свержение господства класса капиталистов и завоевание политической власти рабочим классом. Положение о необходимости социалистической, пролетарской революции для замены капиталистического способа производства коммунистическим является важнейшим выводом из экономической теории Маркса. При этом Маркс и Энгельс отмечали, что при определенных условиях отнюдь не исключена возможность осуществления революции «всецело мирными и легальными средствами». Такая

возможность, по их мнению, теоретически существовала, например, во второй половине XIX в. на Британских островах, хотя, отмечал Маркс, «вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту рабства»»¹.

Социалистическая революция утверждает общественную собственность на основные средства производства. Тем самым восстанавливается единство между производителями и условиями производства; эти последние утрачивают свою отчужденность по отношению к трудящимся. Создаются возможности для того, чтобы производство носило планомерный и организованный характер. Такое «сознательное переустройство человеческого общества» обеспечивает реализацию главной цели коммунизма — полное, всестороннее развитие «каждого индивидуума»².

В I томе «Капитала» Маркс дает характеристику коммунистического общества на стадии его социалистической, когда еще имеет место распределение по труду. Маркс характеризует это общество как «союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу... Весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двойную роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении»³.

Социалистическое преобразование общества предполагает смену стихийного действия законов капиталистической экономики разумным ведением хозяйства на основе объективных экономических

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 34.

² См. там же. Т. 25. Ч. I. С. 101; Т. 23. С. 605.

³ Там же. Т. 23. С. 88—89.

законов, сознательный общественный контроль и целенаправленное регулирование общественного процесса производства на благо всего общества.

Важнейшей функцией и особенностью коммунистического общества является сознательное и разумное распределение общественного труда между отраслями производства. «Только там,— писал Маркс,— где производство находится под действительным предопределяющим это производство контролем общества, общество создает связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определенного предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого предмета»¹. Установление такой связи предполагает хорошо поставленный учет общественных потребностей и затрат общественного труда.

Для социалистического общества характерна «всеобщность труда». Уже в результате этого сокращается рабочий день и возрастает свободное время. Рабочее время регулируется исключительно необходимостью расширенного воспроизводства для удовлетворения возрастающих разумных потребностей всех членов общества.

Прибавочный труд — труд сверх меры потребностей данного индивидуума — выступает при коммунизме как необходимая составная часть производительного труда. Граница между необходимым и прибавочным трудом становится в известной мере условной, поскольку прибавочный труд столь же необходим для работников коммунистического общества, как и их необходимый труд. Рассматривая категорию необходимого труда в условиях коммунистического способа производства, Маркс включает в нее также и «тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления»².

Расширение рамок необходимого труда произойдет, как отмечает Маркс, еще и потому, что условия жизни рабочих должны стать богаче, чем когда-либо, должны неизмеримо возрасти их жизненные потребности.

Маркс прослеживает основные черты процесса воспроизводства в коммунистическом обществе. Те закономерности расширенного капиталистического воспроизводства, которые вытекают из материальных условий процесса труда, а не из его общественной формы, в основном действительно также и для коммунистического способа производства.

Сохраняется фундаментальное по своей значимости деление всего общественного производства на два подразделения: производство средств производства и производство предметов потребления; сохраняются также основные структуры этих подразделений

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 205.

² Там же. Т. 23. С. 539.

и экономически оправданные соотношения между ними. Рассматривая движение капитала внутри I подразделения общественного производства, Маркс подчеркивает, что такое же движение имело бы место и в том случае, «если бы производство было общественным, а не капиталистическим»¹. Потребностью возмещения основных фондов в натуральной форме вызывается необходимость материальных резервов или того, что Маркс называет особым, относительным перепроизводством. В условиях коммунистического общества «такой вид перепроизводства равнозначен контролю общества над материальными средствами его собственного воспроизводства», так как он, помимо всего прочего, создает возможность «устранения последствий тех чрезвычайных разрушений, которые вызываются случайностями и силами природы»². Маркс уделяет также много внимания такой важной стороне процесса общественного воспроизводства, как долгосрочные капиталовложения. В этой связи он рассматривает также и коммунистическое общество, которое «наперед должно рассчитать», сколько труда, сколько средств производства и жизненных средств оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые безусловно необходимы, но не сразу дают какой-либо полезный эффект³.

Коммунизм меняет самый характер труда в материальном производстве. Свойственного капитализму «частичного рабочего», жертву уродующего человеческую личность капиталистического разделения труда, заменяет всесторонне развитая личность. Сам труд, ставший под совместный контроль самих производителей, приобретает рациональный, подлинно свободный характер. И все-таки область труда в материальном производстве остается «царством необходимости». Царство свободы возникает хотя и за пределами обязательного труда, однако только на его основе. «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 481.

² Там же. С. 533, 199.

³ См. там же. С. 354, 402.

общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие»¹.

Сокращение рабочего дня предполагает высокий уровень производительности общественного труда. Мощная производительная сила труда, создающего материальные ценности, позволит расширить рамки свободного времени, а свободное время, в свою очередь, будет оказывать существенное влияние на характер всякой деятельности. Свободное время — время досуга, время разумной деятельности индивидуума в той области, которая не обязательно должна совпадать с областью его преимущественных профессиональных занятий. Оно станет в конечном счете истинной мерой богатства и уровня развития общества ассоциированных производителей.

В «Капитале» содержатся ценнейшие высказывания относительно воспитания детей и семейных отношений в «эпоху будущего». Маркс отмечает, что в эту эпоху, то есть при коммунизме «для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей». По мысли Маркса, в школах будущего надлежащее место будет отведено «для технологического обучения, как теоретического, так и практического»². «...Крупная промышленность, — говорил далее Маркс, — отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоюбого пола, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами». Если при капитализме вовлечение семьи рабочего в сферу общественного производства становится «зачумленным источником гибели и рабства», то в коммунистическом обществе оно «должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития»³.

Таким образом, в «Капитале», посвященном специально исследованию законов капитализма, Маркс со свойственной ему глубиной и проницательностью сформулировал целый ряд существенных закономерностей, предвосхитил некоторые существенные черты коммунистического строя, включая первую его фазу — социализм.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 386—387.

² Там же. Т. 23. С. 495, 499.

³ Там же. С. 500, 501.

Метод «Капитала» и его общенаучное значение

Величайший труд Маркса — «Капитал» выдержал самое серьезное испытание — испытание временем. Исторический опыт подтвердил его главные научные выводы. Перед судом многолетней истории в полную меру предстает также сила научного метода «Капитала» — его логика, цельность композиции и внутренние связи категориального аппарата этого гигантского произведения¹.

Еще в 1857—1858 гг., когда Маркс осуществлял первую целостную разработку своей экономической теории, перед ним во весь рост встала проблема метода обработки эмпирического материала. Во «Введении» из рукописей 1857—1858 гг. Маркс сформулировал основные принципы своего метода экономического исследования, а в одном из писем Энгельсу в начале 1858 г. высказал намерение когда-нибудь написать специальную работу о диалектике. «Если бы когда-нибудь,— писал он,— снова нашлось время для таких работ, я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал»². После выхода в свет I тома «Капитала» Маркс в письме Иосифу Дицгену снова упоминает об этом замысле: «Когда я сброшу с себя экономическое бремя, я напишу «Диалектику»»³. Но недостаток времени не позволил Марксу создать специальный труд о методе, о диалектической логике, как особой науке. Однако он оставил после себя логику «Капитала». Именно это имел в виду Ленин, когда он подчеркивал: «Если Маркс не оставил *Логики*» (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала»... В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания... материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»⁴. В этих словах В. И. Ленина заключается глубочайшая оценка универсального значения общеметодологических принципов главного произведения Маркса.

Метод «Капитала» воплощает все основные положения материалистической диалектики и материалистического понимания истории, которые Маркс начал разрабатывать еще в 40-х гг. «Мой диалектический метод,— писал Маркс в послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» (24 января 1873 г.),— по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее прояв-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 154.

² Там же. Т. 29. С. 212.

³ Там же. Т. 32. С. 456.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 301.

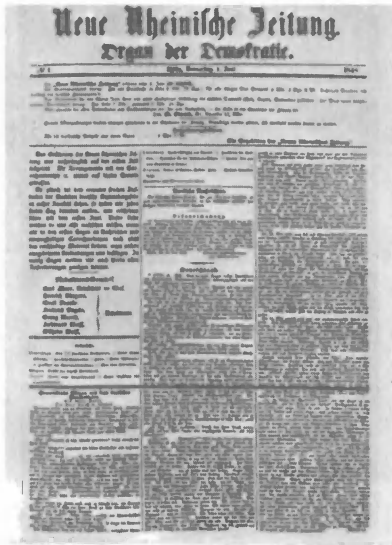
Тюрьма Амиго в Брюсселе, куда был заключен Маркс в марте 1848 г.

Forderungen der Kommunistischen Partei in Frankreich.

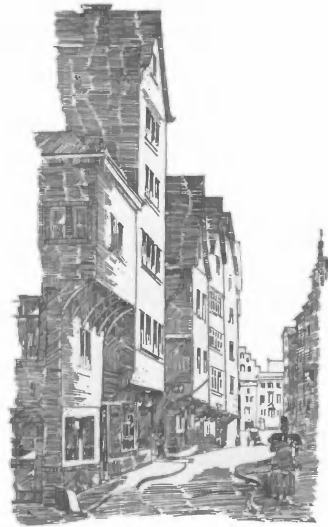
- „Nennen alle diese Punkte klar“
1. Dem Zwölfsten nur je eine einzige unteilbare Forderung ertheilen.
 2. Dem Zwölfsten, bei 21 Jahren alt, 4 Heller ein wöchentlich, sonst je nach dem Alter 2 bis 4 Heller ein wöchentlich, zu zahlen.
 3. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 4. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 5. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 6. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 7. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 8. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 9. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 10. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 11. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 12. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 13. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 14. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 15. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 16. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.
 17. Dem Zwölfsten nur eine Forderung zu stellen, nämlich die Forderung, dass die Forderungen der Arbeiter nicht durch die Forderungen der Arbeiter zu sein.

Письмо
члена временного правительства
Французской республики Флокона
Марксу с приглашением
переселиться во Францию

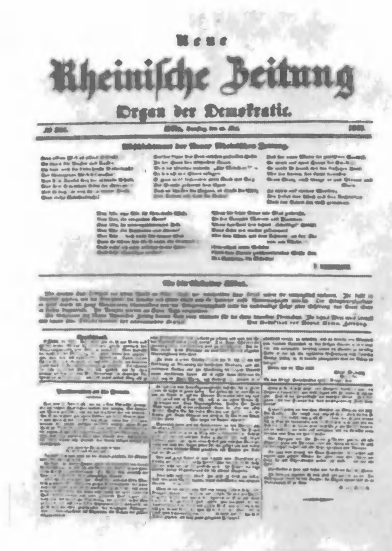
Листовка с текстом «Требований
Кommunistической партии
в Германии»

Страница первого номера
«Neue Rheinische Zeitung»

Улица Унтер-Хутмахер в Кёльне,
на которой находилась редакция
и типография «Neue Rheinische
Zeitung»

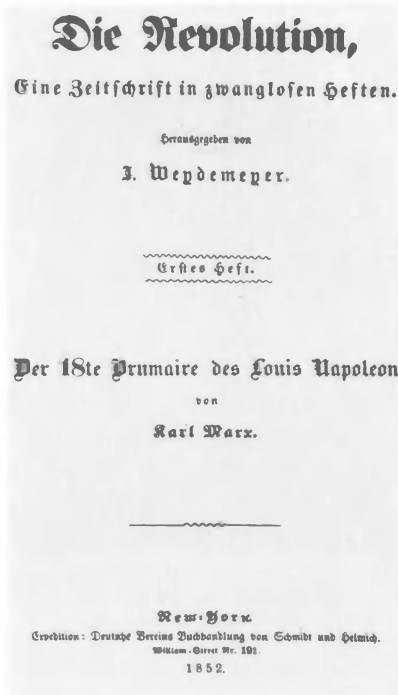
Страница последнего номера
«Neue Rheinische Zeitung»

Дом в Лондоне на Дин-стрит, № 28,
в котором жил Маркс
(декабрь 1850—1856 г.)

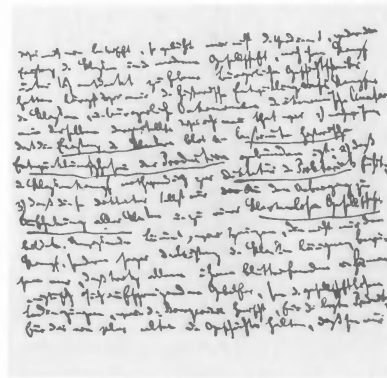
Сын Маркса Эдгар (Муш)

Титульный лист журнала «Die Revolution» с работой Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»

И. Вейдемейер в 60-е годы

Страница письма Маркса Вейдемейеру 5 марта 1852 г.

Читальный зал библиотеки
Британского музея

Дом в Лондоне на Графтон-террас,
Мейтленд-парк, Хаверсток Хилл,
№ 9, в котором жил Маркс
(октябрь 1856—1864 г.)

Страница экономической рукописи
1857—1858 годов

Титульный лист книги
Маркса «К критике
политической экономики»

ADDRESS
AND
PROVISIONAL RULES
OF THE
WORKING MEN'S
INTERNATIONAL ASSOCIATION,

ESTABLISHED SEPTEMBER 28, 1864,

AT A PUBLIC MEETING HELD AT ST. MARTIN'S
HALL, LUDGATE CHURCH, LONDON.

PRICE ONE PENNY.

PRINTED AT THE "BEE-HIVE" NEWSPAPER OFFICE,
10, BOLT COURT, FLEET STREET,
1864.

MANIFESTE
DE
L'ASSOCIATION INTERNATIONALE
DES TRAVAILLEURS
OUVERT
DU RÈGLEMENT PROVISOIRE.

Prix : 10 centimes.

BRUXELLES
ALLIANCE TYPOGRAPHIQUE. — M. J. POOT ET COMPAGNIE
Rue des Choux, 55 1°
1866

ПЕРВЫЙ МАНИФЕСТЪ
МЕЖДУНАРОДНАГО ТОВАРИЩЕСТВА
РАБОЧИХЪ

(1864 года)

ЖЕНЕВА
ПЕРВОЙ РУССКОЙ СЕКЦИИ
МЕЖДУНАРОДНАГО ТОВАРИЩЕСТВА
РАБОЧИХЪ

ЖЕНЕВА
Типография Народнаго Дѣла
Rue de la Nord, 18
1871

Первые издания Учредительного Манифеста
Международного Товарищества Рабочих на английском,
французском, немецком и русском языках

Маркс, Энгельс и дочери Маркса в 60-е годы

Дом в Лондоне на Хай Холборн,
№ 256, где проходили заседания
Генерального Совета
Интернационала (июнь 1868 —
февраль 1872 г.)

ление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹.

Гегель дал всеобъемлющее изображение всеобщих форм движения. Поэтому Маркс прямо и решительно объявил себя учеником этого великого философа. Однако у Гегеля диалектика была мистифицирована, объектом ее анализа было саморазвитие идеи, ее самоотчуждение в природе и ее самопознание в развитии духа. Сознвая эту кардинальную слабость гегелевского мышления, Маркс поставил гегелевскую диалектику с головы на ноги, на прочную, материальную основу реальных жизненных отношений. «...Мой метод исследования,— подчеркивал Маркс в письме Кугельману вскоре после выхода в свет I тома «Капитала»,— не тот, что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь *после* освобождения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает от нее мой метод»².

Однако метод «Капитала» не есть простое приложение неких общих категорий диалектики к конкретному эмпирическому материалу. Логика «Капитала» выступает как метод политической экономии, выработанный применительно к задачам конкретного исследования. Опираясь на материалистическую диалектику, как всеобщую методологию научного познания, Маркс выработал исключительно богатый и разнообразный арсенал конкретных способов и приемов исследования противоречивой сущности буржуазного строя.

«Капитал» — это развитая и стройная система научных категорий, правильно отражающая видимые и невидимые простым глазом явления экономической системы капитализма. Вместе с тем диалектика, методологические принципы «Капитала» применимы также для изучения других общественно-экономических формаций. Они имеют и более широкое значение, выходя далеко за пределы политической экономии. «...Диалектика буржуазного общества у Маркса,— указывал В. И. Ленин в своих «Философских тетрадах»,— есть лишь частный случай диалектики»³.

Метод исследования, примененный и развитый Марксом в «Капитале»,— это прежде всего специфический метод политической экономии; но будучи методом отдельной науки, он выражает не только особые моменты и специфику логического аппарата данной науки, но нечто большее — общие моменты, свойственные теоретическому мышлению как таковому, науке как одной из главных форм освоения действительности. Для всех наук «Капитал» может

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 21.

² Там же. Т. 32. С. 448.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

служить образцом анализа предмета, расчленения предмета на частности с последующим синтезом, объединением этих частных в конкретное целое во всем его живом и сложном многообразии.

Одним из самых главных проявлений диалектического подхода к исследованию капиталистического способа производства является *историзм* в понимании как капитализма в целом, так и каждой категории капиталистической экономики. Маркс рассматривает этот способ производства и все его элементы как находящиеся в процессе постоянного движения, в их возникновении, развитии и неминуемо предстоящей им гибели. В отличие от своих предшественников, представителей классической буржуазной политической экономии, для которых капитализм был чем-то раз навсегда данным, неизменным, Маркс рассмотрел его исторически. В предисловии к I тому «Капитала» он подчеркивал, что буржуазное общество — это не какой-то «твердый кристалл», а организм, находящийся в постоянном процессе превращения. Аналогичную мысль развивал он и в послесловии к этому тому.

Маркс в «Капитале» последовательно применяет принцип историзма к анализу всех категорий буржуазного общества, начиная с товара. Впервые в истории политической экономии он исследует происхождение и развитие формы стоимости, прослеживает генезис денежной формы, превращение денег в капитал, выясняет специфически историческую природу закона стоимости, различие между действием его при простом товарном производстве и в условиях капитализма.

Выяснив историческую природу категорий буржуазного общества, как элементарных, так и более сложных, Маркс уже тем самым показал, что капиталистический способ производства не может быть вечной естественной формой общественного производства, что этот способ производства является исторически преходящим, а его законы, следовательно, отнюдь не являются равносильными законам природы. Только исторический подход к анализу капитализма позволил Марксу осуществить также научное предвидение некоторых основных черт будущего общества.

Исследуя капиталистический способ производства с точки зрения диалектики, Маркс применил весь арсенал законов и категорий теории развития: законы перехода количества в качество, единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, категории качества, количества и меры, сущности, явления и видимости, содержания и формы, внутреннего и внешнего, причины и следствия, необходимости и случайности, возможности и действительности, единичного, особенного и всеобщего, абстрактного и конкретного, исторического и логического и т. д. Стояла задача раскрыть объективную диалектику исследуемого предмета, т. е. капиталистического способа производства, и вместе с тем выработать адекватный этому предмету метод исследования, т. е. диалектику как логику

и теорию познания. Опираясь на тот мыслительный материал, который он унаследовал от Гегеля, Маркс в материалистическом духе переработал все сформулированные и развитые Гегелем законы и категории диалектики. Владение всей совокупностью средств диалектического метода позволяло Марксу правильно ориентироваться в конкретном экономическом материале. Подобно тому как применение материалистического понимания истории к анализу буржуазной общественной формации завершило процесс превращения этой концепции в научно обоснованную теорию, так и применение материалистической диалектики к анализу капиталистического способа производства явилось одним из решающих научных обоснований универсальности этого метода исследования. А без диалектического метода исследование капитализма было бы невозможно, ибо, как указывал Энгельс, диалектика является единственным в высшей инстанции, т. е. при анализе сложнейших явлений, методом исследования. В товаре — этом первоначальном структурном элементе предмета своего исследования — Маркс различает качественную сторону (потребительную стоимость) и количественную сторону (стоимость). С точки зрения качества и количества Маркс рассматривает затем деньги, капитал и все другие экономические категории. Развитие этих категорий, их взаимные превращения друг в друга подчиняются, в частности, закону перехода количественных изменений в качественные и обратно, и поэтому знание этого диалектического закона открывает путь к пониманию реальных экономических процессов. Наиболее ярким примером действия закона перехода количества в качество является анализ превращения денег в капитал и соответственно — простого товарпроизводителя в капиталиста. Анализируя этот процесс, Маркс показывает, что необходимо сосредоточение определенного минимума стоимостей (денег) в руках одного производителя, для того чтобы они начали функционировать как капитал, а сам этот производитель стал капиталистом. В заключение своего анализа Маркс делает обобщение: «Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия»¹. В письме Энгельсу от 22 июня 1867 г. Маркс специально обратил его внимание на это обстоятельство.

Впоследствии Энгельс на этом примере демонстрировал принципиальное различие между идеалистической диалектикой Гегеля и материалистической диалектикой Маркса. «Извращение диалектики у Гегеля, — писал Энгельс, — основано на том, что она должна быть, по Гегелю, «саморазвитием мысли», и потому диалектика вещей — это только ее отблеск. А на самом-то деле ведь диалектика в нашей голове — это только отражение действительного развития, которое

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 318

совершается в мире природы и человеческого общества и подчиняется диалектическим формам.

Сравните хотя бы у Маркса развитие от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к сущности, и у Вас будет прекрасная параллель: с одной стороны, конкретное развитие, как оно происходит в действительности, и, с другой стороны, абстрактная конструкция, в которой в высшей степени гениальные мысли и местами очень важные переходы, как, например, качества в количество и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие одного понятия из другого»¹.

Все экономическое учение Маркса пронизано анализом противоречивой сущности категорий капиталистического способа производства и буржуазного общества в целом. Противоречия составляют внутреннюю движущую силу развития каждого явления действительности, и поэтому их анализ — это единственный путь познания развивающейся действительности, единственный способ последовательного осуществления принципа историзма.

Анализ капитализма Маркс начинает с раскрытия противоречий товара и завершает его рассмотрением антагонистических противоречий капиталистической формации в целом, неизбежно ведущих ее к гибели; он показывает, что только переход от капитализма к коммунизму явится разрешением социальных антагонизмов буржуазного общества. Результатом такого анализа является выяснение двойственной природы всех без исключения экономических категорий: труда, товара, денег, капитала и т. д.

Маркс не только констатирует раздвоение единого на противоположные части, но и прослеживает процесс развития самого противоречия, а именно: переход тождества в различие, превращение в противоположность, преодоление противоречий; различает противоречие внутреннее и внешнее; показывает, что движение есть способ осуществления противоречия и что развитие противоречия ведет к качественному превращению одного явления в другое.

Метод логически последовательного диалектического анализа противоречий со всей ясностью выступил уже в работе Маркса «К критике политической экономии». В рецензии на эту работу Энгельс классически точно охарактеризовал его сущность: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения... из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстракт-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 38. С. 177.

ный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс... то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.»¹. Общая структура теоретической части «Капитала» также соответствует данной особенности метода Маркса.

Последовательно применяя закон единства и борьбы противоположностей, Маркс подвергает критике гегелевскую концепцию «опосредствования», примирения противоречий. Он постоянно обращает внимание на неразрывную связь обеих сторон того явления, которое выражает этот закон: неразрывность *единства* и *борьбы* противоположностей. Это ярко проявляется в экономических кризисах при капитализме, в которых одновременно обнаруживается как единство, так и противоположность взаимосвязанных моментов.

Проследивая общую тенденцию развития капиталистического способа производства, Маркс устанавливает, что это развитие подчиняется общему диалектическому закону отрицания отрицания. Этот закон проявляется в связи капиталистического способа производства с предшествующими общественными формациями, с одной стороны, и с будущей, коммунистической формацией — с другой. Выявление действия этого закона применительно к эпохе капитализма в целом лежит в основе гениального вывода Маркса об исторической неизбежности «экспроприации экспроприаторов». Маркс показал, что капитализм развивается из мелкого производства, основанного на частной собственности работника на его средства производства. Капиталистический способ производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, «есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»². Первоначальное единство труда и собственности доводится при капитализме до крайнего разрыва, но имманентная диалектика развития производства необходимым образом ведет к восстановлению этого единства на более высоком уровне, который создается социализмом.

Разумеется, необходимость перехода от капитализма к коммунизму Маркс выводит не из закона отрицания отрицания, а из

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 13. С. 497—498.

² Там же. Т. 23. С. 773.

конкретного анализа законов движения капиталистического способа производства. Но, сделав этот вывод благодаря чисто фактическому исследованию, Маркс констатирует, что процесс возникновения, развития и гибели капитализма подчиняется закону отрицания отрицания, и эта констатация, в свою очередь, позволяет ему еще глубже понять общую закономерность всего этого процесса, в том числе и особенности будущего общества. В этом — существенное отличие материалистического понимания этого закона Марксом от его идеалистической интерпретации Гегелем.

Действия закона отрицания отрицания обнаруживаются и во многих частных процессах экономического развития при капитализме. Уже общая формула движения капитала $D - T - D'$ дает наглядный пример отрицания отрицания. Этот закон проявляется и в развитии производства от первоначального союза земледелия и промышленности через разрыв этого союза — к новому синтезу на более высокой основе: «Капиталистический способ производства довершает разрыв... первоначального... союза земледелия и промышленности... Но он создает в то же время материальные предпосылки нового, высшего синтеза...»¹

Помимо трех основных законов диалектики и непосредственно связанных с ними категорий Маркс в полную меру использует при анализе капитализма и все другие категории диалектики.

Из диалектико-материалистического понимания категорий формы и содержания вытекает важный методологический прием различения вещественного содержания и общественной формы каждого экономического явления. Это различие позволяет выяснить как исторический характер каждой экономической категории, так и выявить в ней элементы, свойственные не только данной исторической стадии развития. Анализируя развитие экономических кризисов, Маркс разработал категории возможности и действительности, проследил сложный процесс превращения возможности в действительность.

Кардинальной проблемой, вставшей перед Марксом при разработке системы категорий или понятий, был выбор исходного пункта исследования, того первоначального элемента, анализ которого позволил бы распутать сложную цепь экономических отношений, помог бы логически безупречно и исторически верно воссоздать в теории капиталистическую формацию.

Таким исходным пунктом в «Капитале» является товар — эта простейшая экономическая конкретность.

Но товар — это не только основа и предпосылка капиталистического способа производства, он является еще и его результатом, и в качестве такового «каждый отдельный товар выступает как носитель определенной части капитала и созданной им прибавоч-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 514.

ной стоимости»¹. В товаре в скрытом виде заложены и все основные элементы капиталистического способа производства, все его противоречия. Ленин очень глубоко и верно определил Марксов анализ капитала. «У Маркса в «Капитале», — писал он в «Философских тетрадах», — сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (respective зародыши всех противоречий) современного общества*»².

Вся совокупность средств научного исследования, примененных Марксом в «Капитале», образует определенную систему, целостность которой проявляется в методе восхождения от живого созерцания к абстрактному мышлению, от простого к сложному, от абстрактного к конкретному.

Вся логическая структура «Капитала» выражает и воплощает в изложении результатов исследования также процесс восхождения от абстрактного к конкретному. В I томе «Капитала» Маркс прослеживает производство капитала, отвлекаясь от сферы обращения. Во II томе он рассматривает обращение капитала, а процесс производства имеет в виду только как момент процесса обращения производительного капитала. В III же томе Маркс рассматривает капиталистический процесс, взятый в целом, в его конкретности. Здесь ставится задача «найти и показать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое*»³, и которые приближаются к формам, выступающим на поверхности капиталистического общества. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс специально и подробно разбирает историю развития теоретических представлений о капитализме.

В процессе исследования глубинных закономерностей развития капиталистических отношений и специфических форм их проявления Марксу приходится постоянно решать двуединую задачу. С одной стороны, он сводит процессы, происходящие на поверхности капиталистического общества, к их сущности. Это важнейший, но лишь первый этап исследования, ибо дальше надо показать, каким образом сущностные процессы и категории капиталистического производства видоизменяются в сфере обращения и внешне выступают в таком виде, который не только скрывает их сущность, но и зачастую искажает ее, создавая видимость, противоречащую сущности.

В основе этой особенности метода Маркса лежит диалектико-материалистическое понимание категорий сущности, явлений и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III. С. 112.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 29.

видимости, понимание прежде всего того, что хотя эти категории и взаимосвязаны, но они не совпадают. «...Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали,— писал Маркс,— то всякая наука была бы излишня...»¹

Процесс восхождения от абстрактного к конкретному, от сущности к явлению у Маркса выступает как процесс познания сущности и закона ее выражающего, как процесс конкретизации более общего закона в ряде законов частных сфер. Так, закон стоимости как общий закон товарного производства получил развитие в законе спроса и предложения, законах денежного обращения и др. Закон прибавочной стоимости Маркс раскрыл в форме абсолютной и относительной прибавочной стоимости, в законах, регулирующих норму и массу прибавочной стоимости, движение прибыли, земельной ренты, процента, и в других законах. Таким образом, сложная цепь экономических отношений была представлена в виде системы законов. Будучи важнейшей характеристикой качественного анализа, конкретизация экономических законов позволила выявить количественные зависимости между отдельными величинами и категориями.

Существенное значение для анализа противоречий между общим законом и внешними формами его проявления имело открытие Марксом специфики действия экономических законов капитализма, заключающейся в том, что «при капиталистическом производстве общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»². Абсолютное осуществление того или иного закона, то есть его реализация в каждом конкретном случае «задерживается, замедляется и ослабляется противодействующими обстоятельствами»³. Понимание специфики действия общих законов, анализ этих противодействующих обстоятельств и той степени, в какой они модифицируют действие общих законов в том или ином конкретном случае, позволили Марксу не только разрешить те проблемы, над выяснением которых безуспешно бились лучшие умы буржуазной экономической науки, но и создать надежный инструмент исследования социального организма, дающий возможность глубже понять связь между деятельностью отдельных индивидов в процессе производства и осуществлением общих законов в рамках этой деятельности.

Единство процесса «сведения» явления к сущности, случайной формы к закономерности и обратного процесса — «выведения» данного явления из сущности, данной, конкретной формы проявления из общего закона Маркс считал обязательным принципом

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 384.

² Там же. Т. 25. Ч. I. С. 176.

³ Там же. С. 257.

всякой науки. «Конечно,— писал он в I томе «Капитала»,— много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод»¹.

В «Капитале» Маркс блестяще применил важнейший научный принцип сочетания логического и исторического, сформулированный им, как уже говорилось выше, в общем виде во «Введении» из экономических рукописей 1857—1858 гг.

Суть вопроса состоит в следующем: как соотносится научный, логический анализ капитализма, результатом которого является создание системы экономических категорий, находящихся в определенной субординации, с реальным историческим процессом возникновения и развития экономических форм, выражаемых этими категориями. Другими словами, должен ли метод исследования какого-либо процесса повторять все зигзаги его истории для того, чтобы правильно понять и воспроизвести в теории его нынешнее состояние. Отвечая на этот вопрос, Маркс доказывает, что в каждую эпоху существует господствующая система производственных отношений, которая модифицирует и подчиняет себе элементы старых производственных отношений. Поэтому последовательность изложения экономических категорий, в частности при рассмотрении капитализма, должна отражать не тот порядок, в котором они играли решающую роль до эпохи капитализма, а наоборот, эта их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе. Так, например, хотя торговый и ростовщический капитал исторически возникли раньше промышленного капитала и сыграли значительную роль в его появлении, тем не менее их надлежит рассматривать после анализа промышленного капитала, ибо в условиях развитого капитализма они являются лишь подчиненными моментами, обособившимися формами промышленного капитала.

В то же время логический метод анализа отнюдь не означает произвольного конструирования связей и отношений между явлениями, он представляет собой отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме — отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс.

В «Капитале» содержатся образцы глубокой критики не только выводов, но и самих методологических основ буржуазной политической экономии, обусловивших ее неспособность дать последовательно-научный анализ капиталистического строя. Раскрывая существо своего диалектико-материалистического метода, Маркс од-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 383.

новременно на многих примерах выяснил ограниченный эмпиризм, метафизичность, а часто эклектизм и поверхностность метода буржуазных экономистов. Он показал, что присущая им тенденция к апологетике капитализма помимо своих социальных истоков имеет и свои гносеологические корни в порочных чертах самого буржуазного мировоззрения.

Наиболее ярким выражением метафизичности буржуазной политической экономии, ее враждебности диалектике является ее антиисторизм. В послесловии к I тому «Капитала» Маркс вскрывает сущность и классовые корни этой методологической слабости всех без исключения буржуазных экономистов. «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях»¹. С развитием классовой борьбы пролетариата создаются объективные предпосылки для возникновения в противовес буржуазной политической экономии подлинно научной пролетарской политической экономии. Не случайно поэтому, что именно Маркс как теоретик этого восходящего класса явился ее основоположником.

Образ мышления буржуазных экономистов прямо противоположен методологии «Капитала». Это сказывается в самом подходе их к экономическим явлениям, в выхолащивании и искажении ими диалектической природы этих явлений. Маркс подверг систематической критике апологетическую концепцию буржуазных экономистов, пытавшихся отрицать самый факт существования антагонистических противоречий в буржуазном обществе. Так, например, по поводу порочной сущности метода Джемса Милля, он писал: «Где экономическое отношение... заключает в себе противоположности, является противоречием и именно единством противоречий, он подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности*. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей»². Как один из наиболее характерных недостатков буржуазной политической экономии Маркс отмечает то, что она игнорирует качественную сторону экономических явлений, ограничиваясь, как правило, анализом лишь количественной стороны. Для нее характерно также непонимание диалектики формы и содержания, сущности и явления, смешение диалектики с сущностью, неумение осмыслить связь между экономическими законами, постигнуть противоречивый процесс действия общих законов в конкретных условиях.

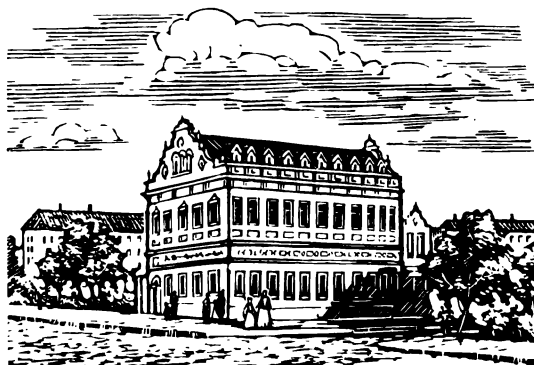
¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 14.

² Там же. Т. 26. Ч. III. С. 86.

Даже буржуазные экономисты-классики стремились разрешить противоречия между общим законом и конкретными формами его проявления не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное. А поскольку такое подведение оказывалось неплодотворным, то они либо отрицали самый закон, либо по существу признавали противоречие неразрешимым. Так было с противоречием между законом стоимости и законом равенства прибыли на капиталы одинаковой величины. И только Маркс сумел разрешить это противоречие своей теорией цены производства.

«Капитал» — яркое свидетельство методологического превосходства учения Маркса над буржуазной политической экономией. Вместе с тем Маркс отнюдь не рассматривал историю буржуазной политической экономии как сплошную цепь заблуждений, достойных сожаления, либо осуждения. Критический анализ ее служил созданию пролетарской политической экономии. Маркс не отбросил с порога наследие своих предшественников, а критически переработал его и по-новому осмыслил накопленный ими громадный фактический материал.

«Капитал» — глубоко партийное произведение, но его партийность не имеет ничего общего с субъективистским предвосхищением выводов исследования, подгонкой эмпирического материала под заранее составленную схему. Партийность «Капитала» — это синоним и высшая форма научной объективности, безупречно точного анализа антагонистических противоречий капиталистического способа производства на всех его ступенях. Маркс показывает, что развитие капиталистических отношений не ликвидирует этих противоречий, а создает форму их движения, временного и частичного их разрешения, переводит их на новый уровень, обостряет их и вместе с тем создает предпосылки для их снятия революционным путем, для замены капитализма более высокой формой организации общества.

Глава
одиннадцатая

Основатель и вождь I Интернационала

Маркс был душой этого общества...

В. И. Ленин

Международный митинг в Сент-Мартинс-холле

28 сентября 1864 г. в малом зале лондонского Сент-Мартинс-холла, где нередко проходили рабочие и демократические митинги, состоялось многолюдное собрание представителей английских и французских рабочих, а также пролетарских и демократических эмигрантских организаций. Скромный зал, традиционно разукрашенный флагами различных наций, стал в тот вечер местом зарождения первой массовой международной организации пролетариата — Интернационала.

Под гром аплодисментов собрание постановило создать Международное Товарищество Рабочих. Избранному тут же комитету поручалось подготовить проект устава и представить его на утверждение международного рабочего конгресса, который намечалось созвать в Брюсселе в 1865 г.

Среди всех участников собрания в Сент-Мартинс-холле, как писал впоследствии Энгельс, «был только один человек, который ясно понимал, что происходит и что нужно основать: это был тот человек,

который еще в 1848 г. бросил в мир призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹ Мысли Маркса о характере новой организации существенно отличались от планов других участников собрания. Лидеры лондонских рабочих, например, стремились к международному объединению тред-юнионов для регулирования заработной платы, сокращения рабочего дня и координации стачечной борьбы. Парижские делегаты мечтали о возможности посредством такого объединения установить «гармонию» классов, об осуществлении в международном масштабе дарового кредита для поощрения кооперации. Лишь в речи Георга Эккариуса, который приветствовал собрание от имени немецких рабочих и накануне обсудил свое выступление с Марксом, прозвучал голос сознательного пролетарского революционера, рассматривавшего интернациональное объединение пролетариата как средство борьбы с существующим эксплуататорским строем.

Перед Марксом открылась возможность осуществить свое заветное желание: основать интернациональное пролетарское объединение, которое, по словам Энгельса, «во плоти представляло бы международный характер социалистического движения как в глазах самих рабочих, так и в глазах буржуазии и правительств, на радость и укрепление пролетариата, на страх его врагам»².

Зародившееся в результате стихийной тяги рабочих различных стран к интернациональному единству Международное Товарищество Рабочих благодаря руководству Маркса и Энгельса сыграло выдающуюся роль в истории революционной освободительной борьбы пролетариата.

Учредительный Манифест и Временный Устав

Важнейшее значение для судеб Интернационала имел тот факт, что уже первые его программные документы вышли из-под пера Маркса. 28 сентября он был избран в состав руководящего комитета (поздее стал именоваться Центральным Советом, затем Генеральным Советом и под этим названием вошел в историю), но с опозданием узнал о том, что выдвинут также и в состав Подкомитета для написания проекта Временного (вплоть до утверждения его конгрессом) Устава и программы. Комитет к этому времени уже успел обсудить многословную декларацию принципов, составленную оуэнистом Дж. Уэстоном, и предложенный последователем Мадзини Луиджи Вольфом проект Устава. Объединение этих двух документов поручили молодому французу Виктору Ле Любе. Сообщая об этом Марксу 12 октября, Эккариус призывал его вмешаться, чтобы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 355.

² Там же. Т. 19. С. 109.

«наложить на первенца европейской рабочей организации печать» присущего Марксу «содержательного лаконизма»¹.

Но Маркс только 18 октября попал на заседание, где обсуждался уже готовый вариант, составленный Ле Любе. Он писал Энгельсу 4 ноября: «...я явился и прямо ужаснулся, услышав прочитанное милейшим Ле Любе чрезвычайно фразистое, плохо написанное и совершенно незрелое введение, претендующее быть декларацией принципов, в котором то и дело проглядывал Мадзини сквозь оболочку самых расплывчатых обрывков французского социализма»². После длительного обсуждения, во время которого Маркс подверг документ осторожной критике, вариант Ле Любе был возвращен в Подкомитет для окончательной редакции.

Попытки Мадзини и его ближайшего окружения навязать свою программу Международному Товариществу Рабочих отражали общую тенденцию республикански и демократически настроенной буржуазии использовать подъем рабочего движения для осуществления своих политических целей. В составе Совета было много итальянских эмигрантов; Мадзини также пользовался авторитетом в глазах английских членов Генерального Совета. Это весьма осложняло положение Маркса, у которого в Совете, кроме Эккариуса, сторонников в то время еще не было, хотя он и завоевал признание как революционер, посвятивший себя делу рабочего класса.

20 октября на квартире у Маркса состоялось очередное заседание Подкомитета: пришли английский тред-юнионист Кример, Ле Любе и итальянец Фонтана. По предложению Маркса начали с обсуждения параграфов Устава, однако до часа ночи смогли утвердить лишь первый пункт из 40. Как того и желал Маркс, Кример при поддержке других участников заседания высказался за то, чтобы отложить утверждение программного документа Генеральным Советом до 1 ноября, предварительно рассмотрев его 27 октября на Подкомитете. До этого срока все материалы были оставлены Марксу для доработки.

Маркс коренным образом переделал Устав. Он целиком заменил введение и заново сформулировал организационные принципы, полностью отбросив мелочную регламентацию, которую предусматривал мадзинистский проект. От прежнего варианта, по существу, сохранились лишь название организации и пункт о созыве общего конгресса в Брюсселе в 1865 г. Кроме того, Маркс написал и первоначально не предусмотренный документ — Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих.

Предложения Маркса были приняты Подкомитетом. 1 ноября Генеральный Совет единогласно утвердил составленные им документы. Таким образом, потерпела поражение попытка навязать

¹ Основание Первого Интернационала. Сентябрь — ноябрь 1864. М., 1934. С. 65.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 12.

новой организации буржуазно-демократическую программу; с первых шагов удалось отстоять ее классовый пролетарский характер.

В первых документах Интернационала Маркс сформулировал цели и пути освободительной борьбы пролетариата в самых общих чертах, чтобы они могли быть приняты представителями различных течений тогдашнего рабочего движения. Массовый характер организации можно было обеспечить только такой программой, которая не закрывала бы дверей ни перед английскими тред-юнионистами, ни перед французскими и бельгийскими прудонистами, ни перед немецкими лассальянцами. Эту сложную задачу Маркс выполнил с величайшим мастерством. «Было очень трудно,— писал он Энгельсу,— сделать так, чтобы наши взгляды были выражены в форме, которая делала бы их приемлемыми для современного уровня рабочего движения... Требуется время, пока вновь пробудившееся движение сделает возможной прежнюю смелость речи»¹. Сильный по существу, мягкий по форме — так сам Маркс определил особенность Учредительного Манифеста. Он предвидел, что совместные действия и обмен опытом в рядах Интернационала в дальнейшем приведут рабочих к признанию единой теоретической программы, основанной на принципах научного социализма. Утверждение Учредительного Манифеста и Временного Устава явилось важнейшей предпосылкой для будущей победы этих принципов.

Особое место в составленных Марксом документах занимает вводная часть (преамбула) Временного Устава; в ней сформулированы отправные программные положения пролетарского движения. «...Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом...» — гласила первая строка этого документа². Целью борьбы пролетариата провозглашалось уничтожение всякого классового господства. Средством для освобождения трудящихся от гнета капиталистической системы, в основе которой лежит их экономическая зависимость от владельцев средств производства, служит политическая борьба против господствующих классов. Жизненно необходимыми для рабочего движения являются принципы классового объединения и пролетарского интернационализма.

«Обязательным комментарием» к этой программе Энгельс считал Учредительный Манифест. Манифест начинается с обзора судеб рабочего класса между 1848 и 1864 гг. С большим обличительным пафосом Маркс нарисовал рост обездоленности европейского пролетариата именно в тот «золотой век свободной торговли», который по уровню промышленности не имел пока себе равных в истории. «...Ни усовершенствование машин, ни применение науки к производству, ни улучшение средств сообщений, ни новые колонии, ни эмиграция, ни новые рынки, ни свободная торговля,— писал

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 13.

² Там же. Т. 16. С. 12.

Маркс,— ни все это вместе взятое не устранит нищеты трудящихся масс ...на современной порочной основе всякое дальнейшее развитие производительной силы труда неизбежно углубляет общественные контрасты и обостряет общественные антагонизмы»¹.

Маркс отмечал успехи, достигнутые рабочим движением за этот период,— завоевание 10-часового рабочего дня и рост кооперативного движения. Если законодательное ограничение рабочего дня принципиально опровергало догму либеральной буржуазии о недопустимости вмешательства государства в экономические отношения, то успехи кооперации доказывали, что рабочие могут справиться с организацией производства без капиталистов. Однако в рамках капиталистического общества кооперация не может принести заметного улучшения положения рабочего класса. Кооперативный труд послужит рычагом освобождения трудящихся только в том случае, писал Маркс, если будет развиваться в общенациональном масштабе, на общенациональные средства. А этому препятствуют магнаты земли и капитала, которые «всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий». И Маркс подводит рабочих к выводу: «Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса». Один из элементов успеха — численность — у рабочих есть, отметил он, но тут же добавил: «...численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание»².

В Учредительном Манифесте глубоко обоснована идея международной солидарности рабочего класса. «Опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий»³. Маркс призывал рабочих бороться против преступной внешней политики господствующих классов, которые играют на национальных предрасудках и развязывают грабительские войны, проливая кровь и расточая богатство народов. Этой политике, подчеркивал он, рабочий класс должен противопоставить собственную классовую позицию в международных вопросах, основанную на принципах пролетарского интернационализма.

В заключительной фразе Манифеста с новой силой прозвучал выдвинутый Марксом и Энгельсом 16 лет тому назад призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В структуре Международного Товарищества Рабочих, отраженной во Временном Уставе, с самого начала проводился принцип демократизма, обеспеченного выборностью должностных лиц Гене-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 7.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 10—11.

рального Совета (секретаря, казначея, секретарей-корреспондентов для отдельных стран и т. д.), и централизма, выразившегося в четком определении полномочий руководящих органов Товарищества: конгресса, Генерального Совета, федеральных советов в отдельных странах.

Во главе международной пролетарской организации

Деятельность Товарищества прежде всего определялась его центральным руководящим органом: Поэтому огромное значение имела ведущая роль, которую очень скоро Маркс стал играть в Генеральном Совете, официально выполняя в нем функции секретаря-корреспондента для Германии. Первоначальный состав Совета был весьма пестрым. Решительно отстаивая классовый характер Интернационала, Маркс добивался превращения Совета в боевой, авторитетный орган и с первых дней стремился укрепить его пролетарское ядро. В состав Совета были введены старые члены Союза коммунистов: Лесснер, Лохнер, Пфендер, Кауб. Понимание и поддержку встретил Маркс со стороны участника июньского восстания, мастера духовых музыкальных инструментов Эжена Дюпона (весной 1865 г. он стал секретарем-корреспондентом для Франции), часовщика Германа Юнга, секретаря-корреспондента для Швейцарии. К весне 1865 г. Генеральный Совет уже довольно полно представлял различные отряды европейского пролетарского движения. Его члены регулярно собирались на еженедельные заседания по вторникам в небольшом помещении на Грик-стрит, № 18.

Подкомитет, или Постоянный комитет, назначенный для составления программных документов, продолжал действовать в качестве более узкого исполнительного органа: здесь готовились материалы для заседаний Совета, принимались решения по текущим, неотложным делам. Маркс был непременным участником еженедельных заседаний этого Подкомитета, которые происходили большей частью по субботам. Нередко он предоставлял для заседаний свой рабочий кабинет. К дому № 1 на Модена-виллас, Мейтленд-парк, куда Маркс с семьей переселился в марте 1864 г. и где прожил 11 лет, вскоре узнали дорогу почти все члены Генерального Совета и многие иностранные рабочие, прибывавшие в Лондон по делам Интернационала. Квартира Маркса все более стала походить на боевой штаб пролетарского движения.

Успех Интернационала в значительной степени был обусловлен умением Маркса правильно определить очередную задачу, выдвинуть своевременно лозунг, который мог обеспечить наиболее широкую поддержку Генеральному Совету со стороны местных секций. Это искусство опиралось не только на глубокое понимание общих закономерностей общественного развития, но и на весьма детальное знакомство с конкретными формами борьбы рабочих, с их идейным

уровнем, с особенностями, характерными для каждого из национальных отрядов международного пролетариата.

Рабочая и социалистическая печать, отчеты о местных съездах и общих конгрессах Интернационала, постоянный контакт с рабочими деятелями, с членами Генерального Совета, множество писем в адрес Совета с мест, личная переписка с соратниками в Германии, Франции, Швейцарии, Бельгии, Америке, — вот тот источник, из которого Маркс черпал материал для своих стратегических и тактических обобщений. Он внимательнейшим образом следил за рабочим движением во всем мире. Особенно радовало его, когда рабочие, повинувшись верному классовому инстинкту, выдвигали требования, во многом совпадающие с теми выводами, к которым он сам пришел в результате теоретических исследований.

С великим уважением прислушивался Маркс к голосу масс. Но он не допускал никаких уступок отсталым настроениям. Линия, вырабатываемая Марксом для международной организации, определялась трезвым анализом общей обстановки и была рассчитана в первую очередь на укрепление самостоятельного классового движения пролетариата. Поднимая рабочих от частных и местных требований к пониманию более общих классовых задач, Маркс неизменно стремился обеспечить поступательное развитие пролетарского движения.

Каждая новая ступень, достигнутая тем или иным отрядом рабочего класса, становилась в Интернационале достоянием всего международного пролетариата. Думая о завтрашнем дне движения, Маркс добивался закрепления в программных документах каждого важного достижения, завоеванного в практической борьбе. Историческое развитие Интернационала представляло собой в этом смысле последовательную разработку боевой программы международного пролетариата и утверждение в ней шаг за шагом принципов марксизма. В этом заключался и смысл борьбы течений в Интернационале, отразившей процесс преодоления рабочим классом Европы и Америки утопических и сектантских воззрений.

В 1871 г., оглядываясь на пройденный за семь лет путь, Маркс писал, что история Интернационала была *«непрерывной борьбой Генерального Совета против сект и дилетантских опытов, которые стремились упрочиться внутри самого Интернационала вопреки подлинному движению рабочего класса»*¹.

Догмы и «всеисцеляющие» рецепты, выдвинутые приверженцами различных сект, разумеется, выражали в известной мере жизненный опыт определенных слоев пролетариата, специфические условия каждой страны. Но поскольку этот ограниченный опыт абсолютизировался, выведенные из него представления носили субъективный, антинаучный характер, они эклектически соединялись в случай-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 279.

ных и противоречивых сочетаниях. Секта видит смысл своего существования не в том, что у нее есть общего с классовым движением, а в наличии у нее «особенного талисмана», отличающего ее от общего движения¹.

Независимо от специфических для каждого направления особенностей, различные разновидности тогдашнего мелкобуржуазного социализма (прудонисты, анархисты различного толка в Бельгии, Италии, Испании и др.) имели то общее, что они отражали не только протест трудящихся против капиталистической эксплуатации, но и протест мелкого производителя против централизаторской тенденции капиталистического развития, его желание остановить развитие капитализма, повернуть историю вспять.

Иными были позиции либерального тред-юнионизма. В отличие от мелкобуржуазных социалистов его представители признавали прогрессивный характер крупного капиталистического производства. Но многие из них вслед за вульгарными экономистами, апологетами буржуазного общества, преклонялись перед капитализмом, верили в непоколебимость его устоев, не ставили иной цели рабочему движению, как только подправить и «улучшить» буржуазный строй; либеральные тред-юнионисты были убежденными реформистами.

Рассматривая существование в рабочем движении реформистских и сектантских течений и как результат влияния буржуазной идеологии на определенные слои пролетариата, и как проявление их отсталости, Маркс был уверен, что этот этап неизбежно будет преодолен в ходе развития классовой борьбы. Однако он вовсе не считал, что можно сложа руки наблюдать, как этот процесс свершается. Самое активное содействие процессу роста классового сознания, применение различных форм идеологического воздействия в сочетании с кропотливой воспитательной работой и энергичной поддержкой самодеятельности самих рабочих — так Маркс понимал задачу руководства международной пролетарской организацией. «Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школок, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах»².

Путь к массам

Для того чтобы с первых шагов придать Интернационалу массовый характер, требовалось установить самые разнообразные контакты между Генеральным Советом и представителями рабочих раз-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 475.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 49.

личных стран. Стачечное движение, развернувшееся в странах Западной Европы, способствовало выявлению наиболее активных элементов рабочего класса. К этим боеспособным резервам формирующейся пролетарской армии Маркс обратился в первую очередь. По его инициативе Генеральный Совет стал организатором моральной и материальной поддержки стачечной борьбы. В задачу Совета входило разоблачение действий предпринимателей, широко практиковавших вербовку рабочих за границей для замены бастующих. В борьбе против этой практики Маркс видел средство, способствующее уяснению единства интересов рабочих различных стран и воспитывающее чувство классовой солидарности.

На заседании Генерального Совета 25 апреля 1865 г. Маркс огласил письмо, полученное им от берлинского Союза печатников. Сообщая о стачке 500 лейпцигских наборщиков и призывая оказать им помощь, руководители Союза писали: «Каждое выступление рабочих, каждая стачка имеет интернациональное значение, так как, добиваясь частных и местных целей, рабочие по существу ведут бой за дело всего своего класса...»¹ Генеральный Совет решил обратиться за поддержкой к лондонскому тред-юниону наборщиков. В делегацию, которая должна была его посетить, вошел и Маркс. Так в практику Совета и всего Товарищества была введена систематическая организация интернациональной взаимопомощи в стачечной борьбе.

Правильное отношение к стачкам в Интернационале выработалось не сразу. Сектантское отрицание стачечной борьбы было свойственно как французским, швейцарским и бельгийским прудонистам, так и немецким лассальянцам. Несмотря на то, что английское рабочее движение имело богатый опыт организации забастовок, даже не все английские члены Генерального Совета относились к ним положительно. Активным противником стачек являлся, в частности, плотник Уэстон, приверженец утопической системы Оуэна. В этом духе он неоднократно высказывался в газете «Bee-Hive». На заседаниях Генерального Совета он пытался доказать, что требования улучшения условий труда рабочих якобы практически бессмысленны и что тред-юнионы, возглавляющие экономическую борьбу пролетариата, на деле приносят не пользу, а вред, так как всякое повышение уровня заработной платы будет иметь своим следствием общее повышение цен на потребительские товары.

В борьбе против подобных взглядов наглядно можно было продемонстрировать, какое громадное значение для выработки правильной тактики классовой борьбы имели экономические исследования Маркса. В данном случае с помощью аргументов нового экономического учения было важно развенчать плоскую теорию о том, будто

¹ Bee-Hive Newspaper. 29.IV. 1865. N 185.

цены товаров определяются уровнем заработной платы, теорию, подрывавшую боевой дух рабочего класса и внушавшую ему мысль о необходимости смириться со своим положением. По мысли Маркса, Интернационал, наоборот, должен был всемерно поддерживать рабочих, охваченных «эпидемией стачек»¹.

Критическому разбору взглядов Уэстона и изложению в связи с этим научных основ теории стоимости, цены и заработной платы Маркс посвятил специальный доклад на двух заседаниях Генерального Совета — 20 и 27 июня 1865 г. В своей основной части доклад Маркса, широко известный со времени его первой публикации в 1898 г. под названием «Заработная плата, цена и прибыль», представлял собой предварительное изложение в популярной форме важнейших положений I тома «Капитала».

В простых и доходчивых выражениях Маркс разъяснил происхождение прибыли из безвозмездно присваиваемой собственниками капитала прибавочной стоимости. Заработная плата рабочего и прибыль капиталиста были рассмотрены как составные части вновь созданной стоимости продукта. Их соотношение может изменяться в пределах неизменной стоимости. Заработная плата может быть увеличена за счет прибавочной стоимости, выступающей в форме прибыли, и наоборот. Это соотношение устанавливается также и под влиянием классовой борьбы пролетариата. Рабочие могут добиваться повышения заработной платы, хотя общая тенденция капиталистического производства состоит в понижении ее среднего уровня. Важное значение для борьбы рабочего класса имеют и общие условия жизни в той или другой стране. Рабочий класс не должен недооценивать вслед за теми, кто разделяет взгляды Уэстона, возможностей своей повседневной экономической борьбы, но он также не должен и преувеличивать, подобно лидерам английских тред-юнионов, ее возможностей. Радикальное решение социальных проблем буржуазного общества возможно только путем уничтожения всей системы наемного труда. Профессиональные союзы важны поэтому не только как центры сопротивления посягательствам капитала на жизненный уровень и права рабочих, но и как школа подготовки рабочих к решительным боям против капитализма.

Доклад Маркса имел большой успех. Генеральный Совет в дальнейшей деятельности руководствовался высказанными в нем теоретическими и тактическими положениями.

Для укрепления Международного Товарищества Рабочих первостепенное значение имело вовлечение в его ряды английских тред-юнионов, единственных массовых организаций английского пролетариата со времени распада Национальной чартистской ассоциации. Маркс, на протяжении более 20 лет наблюдавший развитие англий-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 103.

ского рабочего движения, не питал никаких иллюзий относительно идейного уровня таких реформистских лидеров, как Оджер, Кример и другие тред-юнионисты; но он учитывал, что за ними стоит многотысячная масса членов тред-юнионов, поэтому поддерживал с ними тесный деловой контакт. В то же время он с первых дней боролся против свойственной лидерам тред-юнионистов либерально-буржуазной идеологии.

22 ноября 1864 г. Маркс предложил Генеральному Совету обратиться к английским рабочим обществам и тред-юнионам с призывом присоединиться к Интернационалу в коллективном порядке. Организации, находившиеся в Лондоне и его окрестностях, получили право посылать каждая своего представителя в Совет. Эти новые члены Совета, более тесно связанные с рабочими массами, явились в ряде случаев для Маркса опорой в его борьбе против реформизма лидеров тред-юнионов.

Благодаря Марксу утвердился обычай, сохранявшийся до последних дней Интернационала,— направлять на рабочие собрания членов Генерального Совета для устной пропаганды идей Товарищества. Назначение таких делегатов и заслушивание их отчетов вскоре стало составной частью работы Совета. В числе делегатов нередко бывал и сам Маркс. Из английских членов Совета особенно выделялся своими пропагандистскими и организаторскими способностями маляр Роберт Шо, одно время являвшийся секретарем Генерального Совета. «Главным образом благодаря его постоянным усилиям *тред-юнионы* объединились вокруг нас»,— писал Маркс в 1870 г.¹ об этом рано погибшем от туберкулеза замечательном сыне английского рабочего класса.

Большое значение Маркс придавал вовлечению тред-юнионов в непосредственную политическую борьбу. Он горячо поддержал Кримера, когда тот в январе 1865 г. предложил Генеральному Совету принять участие в широкой кампании за реформу избирательного права, начатой буржуазными радикалами. Маркс четко сформулировал условия, на которых можно было согласиться на совместные действия с радикальной буржуазией. Он рассчитывал, что участие рабочих в общедемократическом движении подготовит почву для образования самостоятельной политической партии пролетариата в Англии. Это, в свою очередь, имело бы далеко идущие последствия для развития революционного рабочего и демократического движения на континенте. «Если удастся этим путем вновь оживить политическое движение английского рабочего класса,— писал Маркс Энгельсу 1 мая 1865 г.,— то наше Товарищество, без всякого шума, сделает для европейского рабочего класса больше, чем это было возможно каким-либо другим путем»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 410.

² Там же. Т. 31. С. 93.

Основанная в марте 1865 г. по инициативе Генерального Совета и по плану, задуманному Марксом, Лига реформы оказала значительное влияние на политическую жизнь Англии. В ее ряды вступили тысячи рабочих. Широкий размах приняла начатая кампания за демократическую избирательную реформу. Однако представители рабочего класса в руководстве Лиги — тред-юнионистские лидеры — в решающий момент пошли на поводу у радикалов и не обеспечили проведение этой организацией линии Генерального Совета.

Стремясь использовать также внешнеполитические вопросы для воспитания английских рабочих в духе пролетарского интернационализма, Маркс составил по поручению Генерального Совета 29 ноября 1864 г. обращение к Линкольну в связи с его вторичным избранием на пост президента США. Он нашел проникновенные слова для того, чтобы выразить отношение международного пролетариата к борьбе прогрессивных сил Америки против системы рабовладения.

Весьма положительно оценил Маркс тот факт, что и во Франции еще до основания Международного Товарищества группа рабочих, находившаяся под сильным влиянием мелкобуржуазной реформистской доктрины Прудона, тем не менее выступила в 1863 г. за выдвижение на выборах в Законодательный корпус самостоятельных рабочих кандидатур. Именно представители этой группы — Толен, Фрибур и Лимузен — были утверждены корреспондентами Международного Товарищества во Франции. С первых дней Маркс занес их парижские адреса в свою записную книжку. Он послал им Учредительный Манифест и Временный Устав через своего друга немецкого эмигранта во Франции Виктора Шили.

К этому времени в Париже в скромном помещении на улице Гравилье, № 44, на заднем дворе, где располагалась мастерская гравера Фрибура, начала свою деятельность первая секция Интернационала во Франции. Во главе ее стояло правление в составе трех утвержденных в Лондоне корреспондентов. Правление уже успело напечатать французский перевод Временного Устава. Однако в первом абзаце были опущены слова об уничтожении всякого классового господства как конечной цели освободительной борьбы пролетариата, а в третьем, гласившем, «что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство», исключены слова «как средство».

Маркс сразу же обратил внимание на неточности, искажавшие в прудонистском духе смысл важнейшего документа. В них нашло отражение прежде всего свойственное прудонистам непонимание значения политической борьбы. На соответствующий запрос Генерального Совета правление ответило ссылкой на необходимость считаться с определенными трудностями, вытекающими из полицейского режима Второй империи.

Политическая тенденция французского перевода Устава не ускользнула от внимания той группы буржуазных республиканцев, которая в свое время поддержала идею создания Международного Товарищества, стремясь подчинить его своему влиянию. Искаженный перевод Устава дал повод буржуазным республиканцам обвинить Толена в заведомом отказе от политической борьбы против бонапартистской империи. Кампания была подхвачена представителями лондонской буржуазно-демократической эмиграции.

Руководители парижской секции обратились за поддержкой в Генеральный Совет, который впервые должен был выступить в роли арбитра по внутренним делам местных организаций. Понадобились высокая принципиальность и весь организационный опыт Маркса, чтобы добиться успешного разрешения конфликта. Удалось пресечь посягательства буржуазных элементов, которые ставили под удар международный и классовый характер организации. Действуя через Шили и Дюпона, специально отправившегося в Париж, Маркс добился проведения 26 апреля 1865 г. общего собрания членов парижской секции для реорганизации ее руководства. В комиссию содействия правлению вошли представители рабочих обществ, в том числе будущие коммунары — бронзовщик Зефирен Камелина и переплетчик Эжен Варлен; последний уже успел проявить себя как выдающийся организатор французских рабочих.

Уполномоченным Товарищества в Бельгии был назначен бельгийский демократ Леон Фонтен. Но он был далек от пролетарских кругов и тормозил установление контактов Генерального Совета с бельгийскими рабочими. Это выяснилось, когда весной 1865 г. на Маркса временно легли обязанности секретаря-корреспондента и для Бельгии. Здесь, как и в других местах, первые шаги секций Интернационала сопровождались попытками буржуазных элементов подчинить себе пролетарскую организацию. Этим попыткам Маркс дал отпор и вступил в непосредственную переписку с представителями бельгийских рабочих, возглавляемых социалистом Сезаром Де Папом.

Секретарь-корреспондент для Германии

Немало усилий приложил Маркс для вовлечения в Международное Товарищество немецких рабочих. На первых порах это встретило большие трудности, отчасти из-за существовавшего законодательства, запрещавшего немецким рабочим обществам объединяться с зарубежными организациями, отчасти из-за сектантской позиции лассальянского руководства Всеобщего германского рабочего союза. Считая, что при соответствующих изменениях в руководстве Союза можно будет добиться его внутренней перестройки и освобождения от вредного влияния лассальянских догм, Маркс настойчиво

добивался присоединения его к Интернационалу. Он неоднократно возвращался к этому вопросу на заседаниях Генерального Совета, писал об этом Либкнехту, Зибелю и другим своим сторонникам в Германии.

Чтобы иметь возможность вести пропаганду идей Интернационала в Германии, Маркс и Энгельс дали согласие на сотрудничество в газете «*Social-Demokrat*», которую с 15 декабря 1864 г. начал выпускать в Берлине один из идейных преемников Лассаля — франкфуртский адвокат И. Б. Швейцер. Благоприятным обстоятельством Маркс считал отсутствие в проспекте газеты специфических лассальянских лозунгов. Некоторой гарантией, обеспечивающей, казалось бы, правильное направление газеты, являлось участие Либкнехта в ее редакции.

Свое сотрудничество Маркс начал с того, что послал в «*Social-Demokrat*» немецкий текст Учредительного Манифеста. Манифест был напечатан в №№ 2 и 3 газеты в конце декабря 1864 г. 3 января Маркс с удовлетворением смог сообщить об этом важном для Интернационала событии на заседании Генерального Совета.

В связи со смертью Прудона в январе 1865 г. Маркс написал о нем статью, уступая в данном случае настоятельной просьбе Швейцера.

Маркс мастерски нарисовал портрет Прудона, выявив специфические стороны его мировоззрения и его деятельности, показав с научной объективностью как заслуги своего идейного противника, так и ошибочность его взглядов. Вместе с тем статья «О Прудоне» — блестящий образец комбинированного удара по различным разновидностям реформизма и сектантства. Маркс сумел выделить те общие черты, которые роднили Прудона с другими представителями мелкобуржуазного социализма, а также были присущи и взглядам Лассаля, хотя имя последнего даже не упоминалось. Неумение пользоваться диалектическим методом, непонимание исторического материализма, незнание политической экономии, подмена исторических категорий метафизическими — эти пороки методологии Прудона свойственны были и Лассалю. Склонности к верхоглядству в науке соответствуют, указывал Маркс, и неустойчивость, беспринципность в политике у людей, снедаемых непомерным тщеславием и погоней за минутным сенсационным успехом. Критика приспособленчества Прудона к бонапартистскому режиму в статье Маркса звучала как прямое осуждение заигрываний Лассаля и его последователей с прусскими правящими кругами.

Когда Маркс писал статью о Прудоне, ему уже было известно — из информации Либкнехта — о соглашении между Бисмарком и Лассалем, заключенном незадолго до смерти последнего. Эти факты проливали новый свет и на поведение Швейцера. Стало ясно, что Швейцер не только знал о тайных переговорах Лассаля с Бисмарком, но и сам был не менее тесно связан с прусскими властями.

Когда Маркс прямо потребовал от Швейцера устранить всякую видимость заигрывания рабочей партии с Бисмарком, тот ответил просьбой учесть трудное положение газеты и необходимость дать ей сперва окрепнуть¹, а сам тем временем продолжал печатать серию статей «Министерство Бисмарка», в которой восхвалял политику Пруссии.

В начале 1865 г. в прусском ландтаге по требованию прогрессистов обсуждался вопрос о пересмотре тормозившего развитие промышленности «промыслового устава» 1845 г. Берлинские рабочие развернули кампанию за отмену в первую очередь тех параграфов «устава», которые запрещали коалиции и стачки. Маркс и Энгельс придавали большое значение этому движению. Однако, вопреки их советам, Швейцер игнорировал кампанию за право коалиций, выдвигая на первый план агитацию за государственную помощь производительным товариществам. В письме Швейцеру 13 февраля 1865 г. Маркс вновь резко критиковал это реформистское «всеисцеляющее» средство. «Нет никакого сомнения,— писал он,— что разочарование в злосчастном заблуждении Лассаля относительно «социалистического» вмешательства прусского правительства непременно наступит... Но честь рабочей партии требует, чтобы она отказалась от таких иллюзий еще до того, как их призрачность будет обнаружена на опыте. Рабочий класс либо революционен, либо он ничто»².

23 февраля 1865 г. в «Заявлении в редакцию газеты «Social-Demokrat» Маркс и Энгельс объявили о своем отказе от сотрудничества в газете. Разрыв, говорилось в заявлении, был обусловлен коренными политическими разногласиями: Маркс и Энгельс требовали, «чтобы против министерства и феодально-абсолютистской партии выступали, по крайней мере, столь же смело, как против прогрессистов»; редакция же газеты продолжала действовать в духе «королевско-прусского правительственного социализма».

Заявление получило широкий отклик среди передовых немецких рабочих и было одобрено рядом их организаций, в том числе берлинским Союзом печатников. С органом лассальянцев порвали также Либкнехт и некоторые другие сотрудники.

Требовалась и развернутая критика политической позиции лассальянцев. Во время своего пребывания в Манчестере в январе 1865 г. Маркс просил Энгельса написать для «Social-Demokrat» статью по поводу бисмарковского проекта реорганизации армии. Законченная к началу февраля работа переросла объем газетной статьи, а так как к этому времени уже наметился разрыв со Швейцером, было решено напечатать ее отдельным изданием под заглавием «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия». Брошюра содержала четкий анализ расстановки классовых сил в Гер-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 87, 88.

² Там же. Т. 31. С. 376.

мании. Обосновывая необходимость создания независимой рабочей партии, Энгельс намечал ее тактику в условиях незавершенного еще конституционного конфликта в Пруссии. В противовес лассальянцам он доказывал необходимость не только беспощадно критиковать непоследовательность и трусость буржуазной партии прогрессистов, но вести также самую непримиримую борьбу с военно-бюрократической монархией, разоблачать социальную демагогию Бисмарка. Маркс одобрил брошюру Энгельса и написал о ней несколько небольших заметок для немецких газет.

Разрыв с «Social-Demokrat» означал для Маркса отказ на этом этапе от попыток непосредственно вовлечь в Интернационал Всеобщий германский рабочий союз. Однако он настойчиво искал другие пути установления прочных связей Интернационала с немецким рабочим движением. Учитывая обстановку в Германии, он уже в начале 1865 г. выдвинул для немецких рабочих организационную форму индивидуального членства, которая позволяла отдельным лицам вступать в Товарищество, формально не нарушая существующих законов. Эта тактика оправдала себя и способствовала расширению и укреплению связей между немецкими пролетариями и Интернационалом. Однако необходимо было известное время, чтобы она дала ощутимые результаты.

Польский вопрос

Много внимания в первые же месяцы деятельности в Международном Товариществе Рабочих уделил Маркс обоснованию интернационалистской позиции в польском вопросе, который из всех международных проблем больше всего волновал в то время демократические и пролетарские круги. Маркс продолжал придавать большое значение польскому национально-освободительному движению, рассматривая его как революционную силу, которую следует всячески поддерживать рабочему классу. В то же время он считал необходимым отстаивать в этом вопросе самостоятельную позицию пролетарской организации в противовес взглядам буржуазных радикалов — руководителей Национальной лиги независимости Польши, основанной в 1863 г. в Лондоне. Ряд ее членов — Фокс, Делл, Хартуэлл — вошли в Генеральный Совет Интернационала. Уже в декабре 1864 — январе 1865 г. Марксу пришлось выступить с докладами в связи с обсуждением обращения к польскому народу, которое от имени английских членов Совета было составлено радикальным публицистом, присоединившимся к рабочему движению, — Питером Фоксом. Этот горячий сторонник восстановления национального суверенитета Польши разделял, однако, франкофильские настроения, свойственные многим английским радикалам, и пытался доказать, будто различные французские правительства своей внешней политикой покровительствовали Польше.

Чтобы опровергнуть концепцию Фокса, Маркс поднял большой фактический материал, частично используя подготовительные рукописи своей начатой весной 1863 г., но не законченной брошюры о Польше. Он раскрыл сначала перед членами Постоянного комитета, а затем и в Генеральном Совете «исторически неопровержимую картину систематической измены французов полякам, начиная с Людовика XV вплоть до второго Бонапарта»¹. С еще большей силой прозвучала мысль, что истинными друзьями Польши на Западе являются не правящие круги, а рабочие.

Маркс активно участвовал в подготовке празднования годовщины польского восстания 1863 г. Митинг состоялся 1 марта 1865 г. Единогласно была принята выдвинутая от имени Интернационала резолюция, гласившая, что «целостная и независимая Польша является непременным условием существования демократической Европы»². Выступивший в поддержку резолюции Эккариус подчеркнул необходимость уничтожения прусской монархии как одного из главных препятствий на пути восстановления Польши и демократического объединения Германии.

Английская буржуазная печать, поместившая отчеты о митинге, умолчала об участии в нем Интернационала. Это дало повод Марксу опубликовать соответствующую «Поправку» в немецко-швейцарской газете «Der weiße Adler». Маркс рассчитывал, что таким образом линия Товарищества в польском вопросе станет известна немецким рабочим. Он особенно подчеркнул значение речи Эккариуса, публично демонстрируя тем самым враждебное отношение Интернационала к прусскому правительству и заигрыванию лассальянцев с Бисмарком.

На отдыхе в Залтбоммеле

Руководство Интернационалом в сочетании с огромной теоретической работой требовало от Маркса поистине сверхчеловеческих усилий. На его плечи свалились десятки крупных и мелких организационных дел: встречи и переписка с рабочими деятелями, участие в заседаниях, подготовка резолюций и собственных выступлений, структурирование соратников и т. д. «Наряду с моей работой над книгой, — писал он Энгельсу весной 1865 г., — невероятно много времени отнимает у меня *Международное Товарищество*, так как *in fact* [фактически] я являюсь его главой. И какая потеря времени! ... Вот, например, французская кутерьма:

28 февраля. Приехали из Парижа Толен и Фрибур. Заседание *Центрального Совета*, которому они дают свои объяснения и спорят

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 33—34.

² Там же. Т. 16. С. 96.

с Ле Любе до 12 часов ночи. После этого ночное заседание в кабачке Боллетера, где мне пришлось подписать около 200 билетов. (Я теперь изменил этот idiotский порядок таким образом, чтобы наши подписи вошли в самое клише... Но имеющиеся еще 1 000 билетов ... приходится еще подписывать по-старому.)

1 марта. Польский митинг.

4 марта. Заседание Подкомитета по французскому вопросу до часу ночи.

6 марта. Заседание Подкомитета по тому же поводу до часу ночи.

7 марта. Заседание Центрального Совета до 12 ночи»¹.

Переутомленный, измученный приступом тяжелого хронического заболевания, Маркс решил сделать небольшой перерыв и на короткий срок переменить обстановку. Три недели, с 19 марта по 8 апреля 1865 г., он провел у своих голландских родственников в Залтбоммеле. В старинном бюргерском особняке царила атмосфера тишины и уюта. Но мысли пламенного борца и здесь, на отдыхе, то и дело обращались к злободневным политическим вопросам. Дядя Маркса, голландский коммерсант Лион Филипс, был человеком широких взглядов и демократического образа мыслей. В откровенных беседах он обсуждал с Марксом итоги Гражданской войны в США, перспективы объединения Германии, польский и итальянский вопросы. К рабочему движению старый Филипс относился скептически, однако вовсе не считал своего племянника сумасбродом, признавая огромные масштабы и ответственность взятых им на себя задач.

Трехнедельная передышка благотворно подействовала на Маркса. Особенно скрасило его пребывание в Залтбоммеле общество кухни Наннетты, с которой еще раньше у него установились неприкрытые, дружеские отношения. Свою собеседницу Маркс шуточно называл «голландским секретарем» Генерального Совета.

Об этом кратковременном «безмятежном» периоде жизни Маркса нам напоминает одно весьма интересное свидетельство. Это — «Исповедь», — написанные им 1 апреля 1865 г. ответы на шутивную анкету, которую он в эти годы не один раз заполнял по просьбе своих дочерей. Вместе с залтбоммелским сохранилось еще два, во многом совпадающих с ним, варианта этих ответов. Юмористический тон перемежается в «Исповеди» с серьезными нотами, в которых проявляются цельность личности и подлинный гуманизм Маркса. Вот некоторые из этих вопросов и ответов:

Достоинство, которое Вы больше всего цените в людях	Простота
Ваша отличительная черта	Единство цели
Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение	Угодничество

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 84.

Недостаток, который Вы скорее всего	Легковерие
склонны извинить	
Ваше представление о счастье	Борьба
» » о несчастье	Подчинение
Ваш любимый герой	Спартак, Кеплер
Ваше любимое изречение	Ничто человеческое мне не чуждо

В отсутствие Маркса в Лондон был прислан из Гамбурга договор на издание «Капитала». Накопилось и множество неотложных дел в Интернационале. Вновь предстояло напряженное и трудное время.

На Лондонской конференции 1865 года

Временный Устав Интернационала предусматривал созыв в Бельгии в 1865 г. общего рабочего конгресса. Однако Маркс считал его преждевременным, поскольку секции на местах не окрепли еще ни в организационном, ни в идейном отношении. «Дело еще не созрело...» — писал он Энгельсу 24 июня 1865 г. по поводу конгресса. Того же мнения придерживался и Энгельс¹.

Между тем члены Интернационала во Франции и Швейцарии торопили с конгрессом. Руководители парижской секции рассчитывали, что им удастся добиться признания прудонизма официальной доктриной Товарищества. 7 июля они, опережая Генеральный Совет, выпустили воззвание, в котором предлагали свою повестку дня конгресса.

Но к этому моменту Марксу уже удалось убедить Генеральный Совет в целесообразности предварительно созвать в Лондоне конференцию руководителей важнейших секций для подготовки конгресса. 25 июля 1865 г. пленарное заседание Генерального Совета утвердило составленный Марксом проект повестки дня будущего конгресса. Маркс включил в нее и предложенные парижанами пункты, уточнив, однако, формулировки, которым он придавал большее соответствие действительным задачам, стоящим перед Интернационалом.

Маркс был очень озабочен тем, чтобы в конференции участвовали представители немецких рабочих, особенно Либкнехт. Но тот не смог этого сделать и прислал на конференцию обстоятельный доклад о состоянии рабочего движения в Германии. Принципиальный противник восхваления руководителей, критиковавший за это лассальянцев, Маркс счел, что Либкнехт чрезмерно акцентировал его роль в развитии освободительной борьбы немецкого рабочего класса. «...Я не мог огласить его на конференции, — писал он Либ-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 106, 118.

кнехту 21 ноября 1865 г. об этом докладе,— так как мне лично уделялось в нем слишком много внимания»¹.

Конференция продолжалась с 25 по 29 сентября. В дневных заседаниях, происходивших в таверне Фримэсонс-армз на Лонг-Эйкр, участвовали делегаты, приехавшие с континента, и члены Постоянного комитета. Вечерние заседания в помещении на Адельфи-Террас, в Стрэнде, носили более торжественный характер и были открыты для публики; на них присутствовало помимо делегатов с мест и некоторое количество гостей. Маркс участвовал во всех заседаниях конференции, как дневных, так и вечерних, присматривался к приезжим, подолгу с ними беседовал. 28 сентября 1865 г. в Сент-Мартинс-холле состоялось торжественное юбилейное собрание по случаю годовщины основания Интернационала, закончившееся товарищеским ужином с участием членов семей. Пока Варлен и Лимузен танцевали с его дочерьми Лаурой и Женни, Маркс рассказывал Толену и Фрибуру о причинах своих разногласий с Прудонем. 1 октября на обед к Марксу собрались Беккер, Юнг, Де Пап и другие делегаты конференции.

Лондонская конференция явилась важным этапом в борьбе Маркса за конституирование Интернационала. Она значительно укрепила руководящую роль Генерального Совета и авторитет Маркса в самом Совете, содействовала установлению контактов между наиболее активными членами Совета — Эккариусом, Лесснером, Дюпоном, Юнгом и делегатами с континента — Варленом, Де Папом, Беккером. Вполне оправдался также и тот способ, каким Маркс использовал предложения парижской секции при составлении проекта повестки дня конгресса. На заседаниях конференции проект Маркса обсуждался как совместное предложение Маркса и Фрибура и получил общее одобрение.

При этом отвергнуто было требование французов, чтобы к участию в конгрессе допускался любой рабочий. Конференция решительно высказалась за строгое соблюдение принципа представительства: было постановлено допускать на конгресс только делегатов, имеющих полномочия от организационно оформленных и уплативших членские взносы секций.

Обсуждение на конференции польского вопроса показало, что большинство членов Генерального Совета, в первую очередь немцы и англичане,— сторонники обоснованной Марксом ориентации на поддержку рабочим классом борьбы за независимость Польши. Однако почти все французские участники конференции выступили против включения польского вопроса в повестку дня конгресса. Парижские прудонисты доказывали, что это «политический» вопрос, которому не место в программе «экономического» рабочего конгресса. Представители мелкобуржуазных демократов со своей стороны

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 410.

обвинили Генеральный Совет в том, что он, якобы отстаивая «принцип национальностей», идет на поводу у бонапартистов.

Учитывая, что нигилистическое отношение прудонистов к национальному вопросу являлось отчасти протестом против демагогического использования его Наполеоном III, Маркс настоятельно просил Энгельса осветить польскую проблему в печати. И тот с готовностью откликнулся на просьбу серией статей «Какое дело рабочему классу до Польши?»¹. Энгельс показал в них коренную противоположность бонапартистского «принципа национальностей» и пролетарского признания права наций на самоопределение.

Маркс и Энгельс и в последующие годы деятельности Интернационала не раз выступали с обоснованием интернационалистской позиции в польском вопросе. Страстную речь в защиту угнетенной Польши Маркс произнес 22 января 1867 г. на митинге в Кембридж-холле в Лондоне, организованном в годовщину польского восстания 1863 г. Генеральным Советом совместно с польской революционной эмиграцией.

Создание секций Интернационала в Германии. Австро-прусская война и немецкий рабочий класс

Зимой 1865—1866 гг. в германском рабочем движении начали сказываться плоды неустанной пропаганды принципов Интернационала, которую вели Маркс и Энгельс. В различных городах образовывались немецкие секции Товарищества, действовавшие нелегально. Их стали создавать в первую очередь члены Всеобщего германского рабочего союза, которые хранили традиции Союза коммунистов и были оппозиционно настроены по отношению к лассальянскому руководству. Легальным прикрытием деятельности секций нередко служили потребительские и производственные кооперативы, просветительные общества, кассы взаимопомощи и другие дозволенные властями организации. Несмотря на свою сравнительную малочисленность, секции способствовали распространению идей Интернационала в Германии, добивались участия германского рабочего класса в общих действиях международного пролетариата.

Одновременно происходил процесс консолидации революционных сил внутри основанного в 1863 г. либералами Союза немецких рабочих просветительных обществ. Союз начинал постепенно освобождаться от их опеки, от влияния кооперативистских идей Шульце-Делича и все больше тяготел к Интернационалу. Одним из наиболее талантливых выразителей этих революционно-пролетарских тенденций был молодой токарь Август Бебель, под председательством которого в июле 1865 г. объединилось 29 рабочих обществ Сак-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 156—166.

сонии. Бебель входил в состав правления всего Союза и влиял на его эволюцию.

В развитии немецкого рабочего движения немалую роль сыграл прочный союз между учеником Маркса Либкнехтом и Бебелем. После высылки в апреле 1865 г. из Берлина и скитаний по разным местам Германии Либкнехт обосновался в Лейпциге. В августе 1865 г. состоялось его знакомство с Бебелем, которое весьма облегчило последнему усвоение марксизма. Несмотря на разницу в возрасте — Либкнехту было уже 39, а Бебелю только 25 лет — между ветераном революции 1848 г. и молодым рабочим, который уже завоевал себе авторитет как организатор и пролетарский трибун, установилось многолетнее содружество. Оба ясно понимали, что перед немецкими рабочими стояла задача создания подлинной пролетарской партии.

С напряженным вниманием следили Маркс и Энгельс за назреванием военного конфликта в Германии летом 1866 г., стремясь помочь революционному крылу немецкого рабочего движения выдержать с честью испытания, связанные с военными событиями. Бисмарк готовился силой оружия решить многолетний спор между Пруссией и Австрией о гегемонии в Германии. На фоне антипруссских настроений широких масс и военной тревоги активизировались революционные элементы в рабочем классе. Именно поэтому Бисмарку важно было создать видимость оборонительной войны; он всячески провоцировал нападение со стороны Австрии.

Выход из кризиса Маркс, Энгельс и связанные с ними немецкие пролетарские деятели видели в осуществлении единства Германии революционным путем. Весной 1866 г. в Германии развернулось массовое движение, в котором ведущую роль играл Союз немецких рабочих просветительных обществ. На народном собрании в Лейпциге Бебель выдвинул резолюцию, в которой были сформулированы боевые требования пролетариата, как ведущей силы в приближающейся, казалось, буржуазно-демократической революции. Требование единой германской демократической республики поддержал также женевский комитет немецких секций Интернационала, основанный в январе 1866 г. видным деятелем Товарищества в Швейцарии И. Ф. Беккером.

В середине июня между Пруссией и Австрией начались военные действия. Маркс и Энгельс, ожидая быстрого продвижения австрийских войск, связывали перспективы демократической революции с военным разгромом Пруссии. Однако события приняли другой оборот. Прусская армия в результате проведенной Бисмарком военной реформы оказалась значительно сильнее австрийской и нанесла ей сокрушительный удар при Садове. Победа Пруссии имела далеко идущие последствия. Был распущен Германский союз, и Австрия оказалась отстраненной от решения вопроса о национальном объединении Германии. Аннексией ряда мелких немецких го-

сударств и образованием Северогерманского союза, в котором прусская монархия обеспечила себе главенство, Пруссия фактически подчинила себе Германию. Военные лавры положили конец и конституционному конфликту в самой Пруссии, где либеральная буржуазия в шовинистическом угаре полностью капитулировала перед Бисмарком. Объединение Германии осуществлялось «сверху», в худшем варианте. Влияние прусской военщины и юнкерства в Германии усилилось. В центре Европы, наряду с бонапартистской Францией, возник очаг новых военных авантур.

С другой стороны, нельзя было закрывать глаза и на то, что многие препятствия, которые создавала для рабочего движения политическая раздробленность Германии, оказались теперь устранены. «Для рабочих, конечно, выгодно все, что централизует буржуазию», — писал Маркс ¹. Но в отличие от Швейцера и других лассальянских лидеров, которые безоговорочно поддерживали Бисмарка, Маркс и Энгельс видели в образовании Северогерманского союза лишь расчистку плацдарма для дальнейшей, еще более напряженной революционной борьбы против окрепшего противника. Перед немецкими рабочими и их руководителями, отмечал Энгельс, теперь встала непосредственная задача использовать как можно шире открывающиеся возможности для «национальной организации и объединения германского пролетариата» ², для создания самостоятельной политической партии немецких рабочих.

Платформа экономической борьбы международного пролетариата

По мере роста Интернационала в различных странах расширялась сфера деятельности Маркса и увеличивалась его загруженность делами Товарищества. Между тем Марксу вновь пришлось столкнуться с попытками, как и при выработке первых программных документов Товарищества, превратить его в мелкобуржуазную демократическую организацию.

Противники революционно-пролетарского крыла Интернационала свили себе гнездо в лондонской Французской секции, основанной осенью 1865 г. Их глашатаем был французский публицист Пьер Везинье, тесно связанный с мадзинистскими кругами эмиграции и уже выступавший в печати с нападками на Генеральный Совет. Французская секция опубликовала проект нового устава Товарищества, предусматривавший ликвидацию Генерального Совета и замену его чисто техническим секретариатом. Это было лишь одним из звеньев широкой интриги с целью устранения Маркса от руково-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 205.

² Там же. С. 203.

дядей роли в Интернационале. Воспользовавшись отсутствием Маркса и его ближайших соратников, на заседании Генерального Совета 6 марта 1866 г. представители этой группы мелкобуржуазных демократов добились принятия резолюции, тянувшей к «старому мадзинизму» и выражавшей благодарность Мадзини и Вольфу за какие-то мнимые заслуги.

10 марта секретари-корреспонденты Совета Дюпон, Юнг, Лонге, Лафарг, Бобчинский, собравшись на очередное заседание Постоянного комитета у Маркса на дому, постановили, что он непременно должен на ближайшем заседании Совета опротестовать эту резолюцию. Превозмогая обострившуюся болезнь, Маркс выступил 13 марта в Генеральном Совете с речью, в которой разъяснил коренные отличия принципов Интернационала от воззрений Мадзини. Резолюция от 6 марта была аннулирована. Этот эпизод показал, что Маркс пользуется поддержкой лучших представителей рабочего движения не только Англии, но и континентальной Европы.

Ввиду угрожающего развития болезни требование врачей было категорическим: немедленно прочь из столицы, подальше от ее вредоносного тумана, от письменного стола, от шумной обстановки рабочих собраний. На спешном выезде Маркса из Лондона для лечения решительно настаивал и Энгельс.

15 марта к вечеру Маркс приехал в Маргет, приморский городок в Восточной Англии. Местность славилась на редкость чистым и бодрящим воздухом. В это время года курорт был безлюден. Маркс устроился на частной квартире во избежание случайных встреч и неминуемых в гостиницах и пансионатах докучливых разговоров. Он рано ложился, старался меньше читать, совершал дальние прогулки пешком, пребывая в том душевном состоянии «небытия, которое буддизм рассматривает как вершину человеческого блаженства»¹.

Почти месячное пребывание на море пошло Марксу на пользу, но его не оставляла забота об Интернационале: близился срок конгресса, назначенного на конец мая в Женеве. От того, как пойдет работа этого первого конгресса, призванного утвердить Устав Международного Товарищества и определить пути его дальнейшей деятельности, зависела во многом будущая судьба организации, ее стратегия и тактика, состав ее Генерального Совета.

Как и в прошлом году, французы настаивали на скорейшем созыве конгресса. Между тем англичане были поглощены движением за избирательную реформу, а немецкие секции только формировались. Маркс очень опасался засилья в Женеве парижских прудонистов, которые могли найти поддержку среди швейцарских ремесленников. Он готов был ехать в Париж, чтобы на месте отговорить руководителей парижской секции от чрезмерной спешки

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 425—426.

с конгрессом. Энгельс счел такую поездку рискованной ввиду враждебного отношения к Товариществу бонапартистских властей. Как мог, он успокаивал друга. Но будущие «хозяева» конгресса — руководители женеvских секций уже сами просили Генеральный Совет об отсрочке: они не поспевали с организационной подготовкой. 1 мая Совет в присутствии Маркса, который с 10 апреля возобновил участие в заседаниях, решил назначить открытие конгресса на первый понедельник сентября 1866 г.

Летом 1866 г. началась подготовка к Женевскому конгрессу. Ехать на конгресс Маркс отказался. «...Я решил содействовать здесь, насколько смогу, его успеху, но сам я туда не поеду», — писал он Энгельсу 23 апреля¹.

Прежде всего, Маркс не считал возможным прерывать даже на непродолжительный срок подготовку к печати «Капитала». «То, что даст эта моя работа, — писал он Кугельману 23 августа 1866 г., — я считаю гораздо более важным для рабочего класса, чем все, что я мог бы сделать лично на каком бы то ни было конгрессе»². К тому же он не раз имел случай убедиться в правильности избранной им тактики — добившись предварительно единой точки зрения по определенному вопросу у большинства членов Генерального Совета, предоставлять затем им самим действовать публично.

Немало хлопот Марксу стоила организационная подготовка конгресса. Он снабдил напутствиями отъезжавших в Женеву Дюпона и Юнга; написал Беккеру подробное письмо, в котором настоятельно рекомендовал добиться избрания председателем конгресса Юнга, хорошо владевшего тремя языками.

Идейной подготовке лондонской делегации к предстоящей полемике с представителями мелкобуржуазных течений служила составленная Марксом специальная Инструкция по отдельным вопросам. Этот документ оглашался на конгрессе по пунктам в качестве доклада Генерального Совета и в значительной части вошел в текст принятых резолюций.

При составлении Инструкции Маркс в первую очередь был озабочен тем, чтобы нацелить вступивших в Интернационал рабочих на совместные действия. Он подчеркивал, что вопрос об интернациональном объединении действий в борьбе между трудом и капиталом, стоящий в повестке дня конгресса, охватывает по существу всю деятельность Международного Товарищества, которое создано именно для того, чтобы направить в единое русло борьбу различных отрядов рабочего класса. Как «особую функцию», успешно выполняемую Товариществом, он выделил противодействие штрейкбрехерству и поддержку стачечного движения. Интернационал должен добиться, подчеркивал он, чтобы «рабочие различных стран не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 176.

² Там же. С. 437.

только чувствовали, но и действовали как братья и товарищи, боющиеся за свое освобождение в единой армии»¹.

Тут же Маркс сформулировал предложение о статистическом обследовании положения рабочего класса. Предложенный им вопросник представлял собой образец методики социальных исследований посредством анкет. Он касался не только уровня заработной платы в разных странах, которым лишь и интересовались английские тред-юнионисты в своих проектах статистики труда, но и многих других сторон: характера производства, условий труда и жизни различных категорий рабочих². Обследование должно было проводиться самими рабочими (что исключало фальсификацию со стороны буржуазии), способствовать уяснению ими своего места в капиталистическом хозяйстве и укреплению интернациональных связей. Пункт о рабочей статистике был включен в дальнейшем в Общий Устав; многие секции во Франции, Германии и Англии приступили к его осуществлению.

С одобрения Генерального Совета Маркс внес в Инструкцию требование 8-часового рабочего дня. В августе того же года за 8-часовой рабочий день высказался съезд американских рабочих в Балтиморе. Включение этого требования в программу Интернационала превращало его в общую платформу рабочего класса во всем мире.

Центральное место в Инструкции занял пункт, посвященный профессиональным союзам. Профсоюзное движение в подлинном смысле слова в то время еще только начинало складываться. Мало кто тогда улавливал коренное отличие таких распространенных форм организации рабочих, как общества взаимопомощи и страхования, просветительные, певческие или гимнастические организации и т. п., от тех рабочих союзов, которые, подобно английским тред-юнионам, возникали на почве экономической борьбы пролетариата против капиталистической эксплуатации и носили поэтому четко выраженный классовый характер. В этот вопрос необходимо было внести ясность. Именно это и сделал Маркс в пункте «Профессиональные рабочие союзы (тред-юнионы). Их прошлое, настоящее и будущее».

При составлении Инструкции Маркс не только учел весь положительный опыт английских тред-юнионов, но дал в то же время прямую критику ограниченного понимания их задач английскими реформистскими лидерами. Слабую сторону деятельности тред-юнионов Маркс видел в узком практицизме, заставлявшем их довольствоваться борьбой за мелкие уступки и оставаться в стороне от «общего социального и политического движения». В будущем тред-юнионы (и профессиональные союзы вообще) должны «на-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 195.

² См. там же. С. 195—196.

учиться сознательно действовать в качестве организующих центров рабочего класса, ставя своей великой задачей его *полное освобождение*¹. Они должны вовлекать в борьбу все более широкие массы неорганизованных неквалифицированных низкооплачиваемых рабочих, в том числе и сельскохозяйственных батраков.

В. И. Ленин высоко ценил решение о профессиональных союзах, принятое Женевским конгрессом на основе составленной Марксом Инструкции. «Резолюция этого конгресса точно указала значение экономической борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны, от недостаточной оценки ее значения (что замечалось у французов и у немцев, особенно у лассальянцев)»². Благодаря Марксу, подчеркивал Ленин, убеждение в том, что единая классовая борьба пролетариата необходимо должна соединять в себе политическую и экономическую борьбу, вошло в плоть и кровь международного пролетарского движения.

В процессе подготовки к Женевскому конгрессу Маркс вернулся и к вопросу о кооперации. Это было важно ввиду популярности среди рабочих различных мелкобуржуазных кооперативных учений: прудонистского мюгюэлизма, лассальянских идей государственной помощи производительным товариществам, утопических оуэнистских кооперативных рецептов.

В Инструкции Маркс вновь напомнил, что превращение общественного производства «в единую, обширную и гармоническую систему свободного кооперативного труда» возможно только в результате «перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям»³. Учитывая в то же время, что к Интернационалу уже присоединились многочисленные кооперативные общества во Франции и Германии и участие в них прививает рабочим полезные организаторские и хозяйственные навыки, Маркс внес в Инструкцию несколько конкретных рекомендаций, которые должны были препятствовать перерождению рабочих кооперативов в «обыкновенные буржуазные акционерные общества». Он советовал рабочим предпочтительно отдавать не кооперативной торговле, а кооперативному производству.

Важное значение имели сформулированные в Инструкции положения о труде подростков. Инструкция призывала рабочими всеми силами ограждать подрастающее поколение от разрушительного — в физическом и моральном отношении — действия современной капиталистической системы. В то же время в противовес прудонистам,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 201.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 171.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 199.

ратовавшим за то, чтобы не выпускать женщин и детей из сферы «благотворного» влияния домашнего очага, Маркс доказывал огромную роль, которую играет разумное приобщение к общественному производству детей и подростков в формировании деятельных членов общества. В Инструкции был обоснован принцип политехнизации образования, соединения умственного воспитания с физической подготовкой и техническим обучением.

Женевский конгресс прошел успешно. Первый международный форум рабочих принял предложенные Генеральным Советом программные документы, одобрил его двухлетнюю деятельность и переизбрал его в прежнем составе на новый срок. Конгресс показал, что за два года Интернационал пустил прочные корни среди передовых представителей европейского рабочего класса. Этот успех был замечен и буржуазной прессой, и правящими кругами, которые теперь обратили особое внимание на Интернационал. Так, во Франции конгресс послужил сигналом к полицейским преследованиям членов Товарищества, которые не прекращались до падения Второй империи.

Разногласия с лидерами английских тред-юнионов. Ирландский вопрос

После Женевского конгресса положение Интернационала укрепилось во всех странах, в том числе и в Англии. В известной мере это объяснялось влиянием экономического кризиса 1866—1867 гг., который побудил рабочих искать поддержки у международной пролетарской организации.

Осенью 1866 г. начались переговоры о присоединении к Интернационалу Лондонского совета тред-юнионов, стоявшего во главе многотысячных профессиональных объединений столицы. Влияние Совета на организованный пролетариат распространялось далеко за пределы Лондона. Маркс активно участвовал в переговорах, видя в их успешном завершении один из путей к революционизированию английского рабочего класса. Если Лондонский совет тред-юнионов объявит себя британской секцией Международного Товарищества, писал он Кугельману 13 октября 1866 г., то «руководство рабочим классом перейдет здесь, в некотором смысле, к нам, и мы в состоянии будем сильно «подталкивать» движение»¹.

За присоединение к Интернационалу высказывались представители низовых организаций тред-юнионов. Однако под давлением реформистских лидеров вопрос был решен в отрицательном смысле. Было постановлено и впредь сотрудничать с Товариществом,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 448—449.

но воздержаться от организационного оформления этого сотрудничества.

Весной 1867 г. рост безработицы и недовольства английских рабочих совпал с новой волной массового движения за всеобщее избирательное право и с активизацией национально-освободительной борьбы ирландского народа. Друзья Маркса в Генеральном Совете полагали, что возможен революционный взрыв. Дюпон писал, что «более 200 000 человек из провинции ждали лишь сигнала, чтобы двинуться с оружием на Лондон, на помощь сторонникам реформы»¹.

Однако большинство руководителей Лиги реформы, среди которых преобладали буржуазные радикалы и правые тред-юнионисты, напуганные ростом революционных настроений масс, согласилось на урезанный избирательный законопроект, предоставивший право голоса лишь верхушке рабочего класса. Неблагоприятные последствия имел и отказ Лиги поддержать национальные требования ирландцев, что сузило ее опору в массах. Вскоре билль о второй избирательной реформе, внесенный торийским правительством, был утвержден парламентом.

Правящим классам удалось частичными уступками расколоть массовое движение английских рабочих. В то же время они сурово расправились с ирландскими борцами за независимость. Перед судом предстало 169 участников вспыхнувшего в марте 1867 г. восстания. Половина обвиняемых была приговорена к каторжным работам. Аресты и суровые приговоры не прекращались, вызывая возмущение демократической общественности. Ирландский вопрос стал в центре политической жизни страны.

Организаторами ирландского освободительного движения выступали члены Революционного братства фениев. Отражая в первую очередь интересы ирландского крестьянства, фениев по своему социальному составу принадлежали главным образом к городской мелкой буржуазии и трудовой интеллигенции. Маркс не одобрял заговорщическую тактику фениев, видел их ошибки сектантского и буржуазно-националистического характера, но высоко ценил присущую им революционную отвагу. Эту оценку разделял и Энгельс.

В сентябре 1867 г. в Манчестере группа ирландских революционеров совершила вооруженное нападение на тюремную карету для освобождения двух руководителей фениев. Во время стычки был убит полицейский. Пять человек, схваченных на месте и обвиненных в убийстве, оказались перед угрозой смертного приговора. В Англии и самой Ирландии развернулась кампания в защиту обвиняемых, в которую активно включился и Генеральный совет.

¹ Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1964. С. 253.

Маркс считал, что для выработки единой тактики пролетариата в национальном вопросе и для пропаганды идей пролетарского интернационализма среди английских рабочих полезно было бы широко обсудить ирландский вопрос в самом Совете. Начало дискуссии назначили на 19 ноября 1867 г. Приглашены были представители английских и ирландских газет. На следующем, чрезвычайном заседании 20 ноября — к этому времени стало известно решение манчестерского суда, приговорившего 4 из 5 обвиняемых фениев к смертной казни, — Совет принял составленное Марксом обращение к министру внутренних дел, в котором приговор расценивался как акт политической мести и решительно требовалась его отмена.

Уроки движения за реформу, ход переговоров с Лондонским советом тред-юнионов и антиирландские настроения тред-юнионистских лидеров Оджера, Лекraftа и др., осуждение ими фениев показали Марксу, что рабочие массы Англии пребывают в плену реформистской идеологии. Возрождения «чартистского пыла» в ближайшее время ожидать не приходилось. В то же время национально-освободительная борьба ирландцев достигла большой силы. В связи со всем этим изменился и взгляд Маркса на соотношение ирландского национально-освободительного и английского рабочего движения. Если раньше он полагал, что освобождение Ирландии будет следствием революции в Англии, то теперь у него складывалось убеждение, что в данных условиях, наоборот, падение господства английских лендлордов в Ирландии станет стимулом для революционных выступлений рабочих, будет способствовать освобождению их от реформистского влияния.

Предполагалось, что Маркс выступит на дискуссии 26 ноября. Но за три дня до этого смертный приговор в отношении трех обвиняемых был приведен в исполнение. В создавшейся обстановке Маркс счел уместным, чтобы со словами солидарности с борцами за независимость Ирландии выступил англичанин, и передал слово Фоксу.

Сохранился набросок не произнесенной Марксом в тот день речи. Во введении поднимается принципиальный вопрос о праве на восстание угнетенного народа. При этом Маркс не собирался апеллировать только к чувству «гуманности и справедливости». Не смущаясь тем, что слушать его должна была рабочая, неискушенная аудитория, Маркс подготовил обоснованное строгим экономическим анализом изложение исторических судеб Ирландии. Он доказал — а этого раньше не понимали даже те англичане, которые, подобно Фоксу, горячо вставали на защиту ирландского народа, — что с 1846 г. колониальная эксплуатация Ирландии вступила в новую фазу. За сухими данными статистики скрывалась трагедия целого народа: повсеместный сгон мелких арендаторов с участков, которые они обрабатывали из поколения в поколение, превращение земель, захваченных еще в XVI и XVII вв. английскими лендлордами, в

сплошные пастбища ради удовлетворения потребностей капиталистической Англии в дешевых продуктах скотоводства, массовая эмиграция наиболее жизнеспособной части ирландского крестьянства, сокращение населения (за 20 лет оно уменьшилось на два миллиона человек), физическое вырождение жителей в самой Ирландии, небывалый рост пауперизма.

Новая система, подчеркивал Маркс, представляет собой «без шума, по-деловому осуществляемое истребление»¹. Неудивительно поэтому, что и борьба за национальное освобождение ирландского народа приняла такие острые, революционные формы. Завоевание независимости стало для него жизненной потребностью, единственным средством предотвратить последствия истребительной колониальной политики, проводимой в интересах лендлордов и английской буржуазии.

Мелкобуржуазные революционеры-фениии, указывал Маркс, выражали стихийный протест крестьян против сгона с земли, их борьбу с лендлордами. В этом смысле движение фениев носило социалистический оттенок. Фениии выступили как антиклерикалы и республиканцы. Все это делало их естественными союзниками пролетариата.

Каково же должно быть отношение английского рабочего класса к фениеям? Ответ Маркса был определенным. Предоставление Ирландии независимости прямо послужило бы интересам английских рабочих. Угнетение Ирландии укрепляло позиции земельной аристократии, господствующих классов в целом и в самой Англии, оправдывало существование постоянной армии, которая всегда могла быть обращена против рабочих. Нищенский уровень существования ирландских трудящихся косвенно отражался и на заработной плате англичан. Национальная рознь, разжигаемая капиталистами, раскалывала пролетариат Англии, подрывала его силу. Национальное освобождение Ирландии поэтому должно входить в число «требований английской демократической партии»². Так заканчивал Маркс свой рукописный набросок.

Содержание этой произнесенной речи не осталось неизвестным членам Генерального Совета. Маркс, как и обычно, щедро делился мыслями со своими товарищами. Об этом свидетельствовали уже речи Юнга, Лесснера и Дюпона в первый день дискуссии на заседании Совета 19 ноября. Спустя несколько недель Маркс получил возможность изложить свои взгляды на ирландский вопрос перед довольно широкой аудиторией. В Просветительном обществе немецких рабочих 16 декабря собралось более 100 человек. Оратор смог более подробно остановиться на истории порабощения Ирландии и ее многовекового угнетения англичанами. Эккариус, который

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 463.

² Там же. С. 464.

записывал доклад Маркса, сохранил для нас одну из его заключительных фраз: «Ирландский вопрос является... не просто национальным вопросом, а вопросом о земле, вопросом о существовании. Гибель или революция — таков теперь лозунг»¹.

Борьба за социалистическую программу Интернационала

Руководя Интернационалом, Маркс неизменно связывал отдельные требования рабочих и различные формы их борьбы с главной целью пролетарского движения — свержением капитализма и построением нового, коммунистического общества. Однако до 1868 г. ни в одном из документов Товарищества не был затронут непосредственно кардинальный вопрос всякой социалистической программы — вопрос об отношениях собственности. Приходилось до поры до времени считаться с иллюзиями тех полуремесленных элементов рабочего класса, которые рассматривали индивидуальную собственность на орудия производства и на parcelлу как гарантию независимости мелкого производителя.

Но Маркс рассчитывал, что в скором времени почва для открытого провозглашения социалистических принципов в программе Интернационала будет подготовлена. Он знал, что может при этом опереться на передовых рабочих.

Показательной для распространения идей социализма среди членов Интернационала явилась дискуссия о земельной собственности, неожиданно возникшая на Лозаннском конгрессе Интернационала в сентябре 1867 г. Ее открыл Де Пап, выдвинув тезис, что только радикальные меры, как, например, передача земли в общественную собственность, могут устранить пороки существующего экономического строя. В защиту частной собственности на землю выступили Толен и другие прудонисты. Де Папа поддержали лондонские делегаты Лесснер и Эккариус, а также Беккер из Женевы, Ладендорф из Берлина, старый член Союза коммунистов Штумпф из Майнца.

Весьма подготовленным к дискуссии оказался Эккариус, который зимой 1866—1867 гг. напечатал в «Commonwealth» серию статей, написанных с помощью Маркса и посвященных критике взглядов вульгарного экономиста Дж. Ст. Милля, в том числе его предложения о возрождении в Англии класса мелких крестьян путем дробления обширных земель на небольшие участки.

В подготовке Лозаннского конгресса Маркс смог принять лишь небольшое участие. В апреле — мае 1867 г. он находился в Германии, куда выехал для передачи рукописи «Капитала» издателю, а позднее был занят чтением корректур. Итоги конгресса свидетель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 581.

ствовали о значительной поляризации сил в рядах Интернационала. Перед лицом сплотившихся социалистических элементов парижские прудонисты выступили как воинствующие носители мелкобуржуазной идеологии в рабочем движении. Определяя направление главного удара на этом этапе, Маркс писал Энгельсу: «На ближайшем конгрессе в Брюсселе я лично покончу с этими ослами-прудонистами»¹.

Подготовке почвы для усвоения социалистических идей и для преодоления влияния мелкобуржуазных утопий среди рабочих чрезвычайно способствовал выход в свет в сентябре 1867 г. I тома «Капитала». Широкое участие передовых рабочих в организации изучения произведения Маркса, в разъяснении его содержания, отклики на книгу в пролетарской и демократической печати — все это внесло новую живительную струю в идейную жизнь Международного Товарищества Рабочих. Ярко донесла до рабочих читателей идеи «Капитала» лучшая из тогдашних рецензий в пролетарской прессе — статья Энгельса, опубликованная в марте 1868 г. в немецком рабочем органе «*Demokratisches Wochenblatt*». Сам Маркс читал в 1867—1868 гг. в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих лекции по тематике «Капитала», использовал его положения в своих выступлениях в Генеральном Совете. В пропаганде великого труда в той или другой форме приняли участие И. Ф. Беккер, Ф. А. Зорге, И. Дицген, Л. Кугельман, П. Лафарг, В. Шили, Ф. Леснер, Г. Эккариус. Значение «Капитала» разъяснялось на рабочих собраниях, организовывались кружки для его изучения. Либкнехт использовал для популяризации его идей даже трибуну Северогерманского рейхстага.

Проникновение идей «Капитала» в пролетарские массы, объединенные в Интернационале, облегчало поворот их к научному коммунизму. Оно ускорило тот процесс развития классового сознания, без которого невозможно было бы торжество на Брюссельском и последующих конгрессах социалистических принципов. Недаром спустя год после выхода «Капитала» Дицген писал Марксу: «Уже за тот короткий период, который протек на моих глазах, Ваши идеи оказали огромное влияние»².

С зимы 1868 г. Маркс стал уделять значительное внимание подготовке Брюссельского конгресса, назначенного на 6—13 сентября. Добиваясь признания членами Генерального Совета социалистической программы, он стремился воспитать у них научный подход к вопросам социализма. Он заострял их внимание на необходимости определенных объективных экономических предпосылок для перехода к нему. В речи о последствиях применения машин при капитализме, произнесенной перед членами Совета 28 июля 1868 г.,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 290.

² Вопросы философии. 1958. № 3. С. 143.

он подчеркнул, что важнейшим историческим результатом применения машин, при всех отрицательных чертах капиталистической фабричной системы, явился новый фактор — организованный «ассоциированный» труд, предвестник нового общественного строя. «...Развитие машинного производства, — гласил составленный Марксом проект резолюции, — создает материальные условия, необходимые для замены системы наемного труда подлинно общественной системой производства»¹. К вопросу о материально-технической базе социалистического строя, об условиях перехода к социалистической общественной организации труда Маркс снова вернулся, обосновывая на заседании Генерального Совета 11 августа 1868 г. требование сокращения рабочего дня.

Отголоски лондонских дискуссий благодаря письмам Эккариуса, Лесснера, Дюпона доходили до Женевы, Парижа, Брюсселя. Это было тем более важно, что среди сторонников общественной собственности в Интернационале не выработалось еще единого мнения относительно наиболее целесообразной ее формы. В то время как Маркс и его соратники понимали, что именно коллективная собственность в общенациональном масштабе обеспечит условия для наиболее разумной, плановой организации производства, значительная часть даже социалистически настроенных членов Интернационала представляла себе обобществление земли и всех средств производства как передачу их либо непосредственно отдельным группам кооперированных рабочих и крестьян, либо сельским и городским муниципалитетам, или коммунаам.

Маркс первоначально рассчитывал сам выступить на Брюссельском конгрессе с докладом о земельной собственности, но вскоре отказался от этой мысли. Доклад взял на себя Де Пап. В ходе его подготовки он перепроверялся с Лондоном, получая оттуда консультации и некоторые фактические данные. Единомышленники Маркса старались оказать на Де Папа, который в то время еще выступал за муниципализацию земли, определенное влияние. Характерно в этом отношении письмо Дюпона. «...Мне кажется, — писал он Де Папу 13 мая 1868 г., — что коммуна должна исчезнуть в общей ассоциации. Карл Маркс говорит, что следует установить *экономическую централизацию*. Я склонен с ним согласиться, ибо как же иначе установить гармонию, которая должна существовать между различными отраслями производства?»²

В докладе на Брюссельском конгрессе Де Пап, подчеркнув тенденцию капиталистического развития к укрупнению производства, как промышленного, так и сельскохозяйственного, сделал вывод об исторической обреченности парцеллы, о преимуществах ведения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 328. (О ходе дискуссии по этому вопросу см.: Генеральный Совет Первого Интернационала, 1866—1868: Протоколы. М., 1963. С. 163—166, 168—171.)

² Из истории марксизма и международного рабочего движения. С. 257—258.

хозяйства в крупном масштабе. Вопрос о формах коллективной собственности он, однако, оставил открытым, очевидно считая нужным в генеральном бою против защитников мелкой частной собственности сплотить коллективистов всех оттенков. «Будущее решит этот вопрос», — сказал он. Тем не менее в заключительном слове, выражая личную точку зрения, он высказался против муниципализации, приверженцем которой был раньше, и почти дословно повторил аргументацию Дюпона.

Вопреки сопротивлению французских прудонистов — главным оппонентом Де Папа был снова Толен — большинством в 30 голосов против 4 конгресс признал, что «экономическое развитие современного общества создаст социальную необходимость превращения пахотной земли в общественную собственность»¹. Землю предлагалось передать для обработки сельскохозяйственным товариществам на условиях, гарантирующих интересы общества и сельскохозяйственных рабочих. Резолюция о пахотной земле являлась лишь одним из пунктов принятого конгрессом почти без прений общего решения о передаче лесов, рудников, угольных копей, железных дорог и шоссейных путей, каналов, почт, телеграфа в общественную собственность.

Это решение Брюссельского конгресса было крупной победой линии Маркса в Интернационале, важным шагом по пути сплочения международного пролетариата на социалистической платформе.

Вопросы войны и мира

Одним из центральных пунктов повестки дня Брюссельского конгресса был вопрос о войне и мире. В характерной для Европы 60-х гг. XIX в. атмосфере нарастающей военной опасности этот вопрос постоянно находился в поле зрения руководителей Интернационала, дебатировался на его конгрессах, в Генеральном Совете, на рабочих собраниях и страницах рабочей печати.

Марксу пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться выработки у членов Интернационала классового пролетарского подхода к войнам. Ясное понимание необходимости и готовность вести последовательную борьбу за мир должны были сочетаться с умением разбираться в характере того или иного военного конфликта и в зависимости от этого занимать определенную тактическую позицию. Следовало предостеречь рабочих от пацифистских иллюзий мелкобуржуазных и буржуазных кругов, помочь им преодолеть одностороннюю пацифистскую точку зрения, побуждавшую видеть во всякой войне, даже освободительной, абсолютное зло.

¹ Генеральный Совет Первого Интернационала, 1868—1870: Протоколы. М., 1964. С. 223.

Горячее обсуждение военных проблем в Интернационале началось еще со времени австро-прусской войны 1866 г. Уже во время дискуссии об этой войне в Генеральном Совете обнаружилась незрелость многих деятелей Интернационала. Она сказалась в неумении понять диалектику общественного развития, прежде всего в игнорировании задач национального объединения раздробленных стран и установления национальной независимости, с которыми были связаны многие войны того времени. Показательной в этом смысле была позиция журналиста Шарля Лонге и студента-медика Поля Лафарга — активнейших членов Генерального Совета с 1866 г. Оба во многих вопросах поддерживали линию Маркса. Лафарг вскоре стал его верным и последовательным учеником. Однако сильно сказывалось и влияние на них концепций Прудона. Лафарг доказывал во время дискуссии, что нации — устарелый предрассудок, что рабочим и социалистам нет дела до политических требований, что все внимание следует направлять на страны, которые якобы уже «созрели» для социальной революции. На заседании 19 июня 1866 г. Маркс подверг критике прудонистский нигилизм в национальном вопросе, дружески показав Лафаргу, что он, «сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает... их поглощение образцовой французской нацией»¹.

В вопросах внешней политики Маркс особенно настаивал на трезвой оценке ситуации. Он предостерегал руководителей Интернационала не допускать ни широковещательных заявлений, толкающих массы на неподготовленные действия, ни авантюристических призывов к импорту революции. Делясь мыслями с Энгельсом, Маркс подчеркивал необходимость «в особенности избегать всякой демонстрации, которая увлекла бы наше Товарищество на путь односторонности»². В этом духе и была составлена резолюция, принятая Советом 17 июля 1866 г. после прений, в которых одним из главных ораторов выступил Маркс. В ней ответственность за военный конфликт возлагалась целиком на правительства. Самостоятельность позиции международного пролетариата в данном случае была выражена в отказе встать на чью-либо сторону. Призывая рабочих «в единстве почерпнуть силы, необходимые для их социального и политического освобождения»³, резолюция Генерального Совета нацеливала их на укрепление своей классовой организации, как единственное реальное средство противодействия политике господствующих классов.

Летом 1867 г. перед Генеральным Советом встал вопрос об отношении Интернационала к создававшейся международной пацифистской организации — Лиге мира и свободы. Организационный

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 193.

² Там же.

³ Генеральный Совет Первого Интернационала, 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года: Протоколы. М., 1961. С. 151.

комитет, в котором тон задавали французские демократы, заручился поддержкой видных радикальных и демократических деятелей — Милля, Гюго, Гарibaldi, Бакунина. Циркуляр с персональным приглашением на учредительный конгресс Лиги в Женеве получил и Маркс.

Маркс в принципе осуждал сектантскую тенденцию отгораживать рабочие массы от общедемократических движений. Участие в таких движениях способствовало, считал он, осознанию рабочими своей роли передового класса и ведущей силы общественного прогресса. При этом, однако, требовалось ясное понимание не только общности, но и различия классовых целей пролетарских и буржуазных демократов. Совместные действия с буржуазными демократами ни в коем случае не должны были ставить под угрозу самостоятельную классовую организацию пролетариата.

Поэтому Маркс решительно высказался 13 августа 1867 г. в Генеральном Совете против официального участия Интернационала в конгрессе Лиги. По его мнению, это повело бы к укреплению авторитета буржуазных пацифистов и способствовало бы укоренению иллюзий о возможности покончить с войнами в рамках капиталистического строя. «Те люди, — говорил он, — которые отказываются принять участие в деле преобразования отношений между трудом и капиталом, оставляют без внимания действительное условие всеобщего мира»¹. Поскольку все же создание Лиги отражало антивоенные настроения широких народных масс и буржуазной интеллигенции, Маркс предложил Совету, не направляя на конгресс Лиги официальных делегатов, рекомендовать членам Интернационала принять участие в его работе в индивидуальном порядке. Они должны были продемонстрировать готовность рабочих бороться против милитаризма и в то же время всячески отстаивать пролетарскую линию в данном вопросе.

Разработанная Марксом тактика по отношению к Лиге мира и свободы была подтверждена решениями Брюссельского конгресса. Конгресс отверг претензию Лиги объединить все антивоенные силы, в том числе и рабочий класс, под знаменем буржуазного пацифизма и сентиментально-космополитических фраз о братстве народов. Отстаивая ведущую роль Интернационала в борьбе за мир, он отметил в своей резолюции, что существование такой международной организации, как Лига мира и свободы, не оправдано «при наличии Международного Товарищества Рабочих». Членам Лиги предлагалось вступать в секции Интернационала в соответствующих странах. С другой стороны, демонстрировалась и готовность членов Интернационала сотрудничать с другими прогрессивными организациями.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 557.

Важной была и другая резолюция Брюссельского конгресса — о позиции пролетариата в случае европейской войны. Инструктируя по этому вопросу Эккариуса и Лесснера, выехавших на конгресс, Маркс писал им в Брюссель: «Резолюция, которую следует принять... должна попросту гласить, что рабочий класс еще недостаточно организован, чтобы оказывать сколько-нибудь решающее влияние на ход событий, но что конгресс от имени рабочего класса заявляет протест и обличает зачинщиков войны; что война между Францией и Германией есть междоусобная война, гибельная для обеих стран, гибельная и для всей Европы»¹.

Принятая Брюссельским конгрессом резолюция в основной своей части правильно ориентировала рабочих, отражая идеи Маркса и его сторонников. Исходя из того, что постоянным источником военных столкновений между государствами является эксплуататорский строй, конгресс признал, что окончательно ликвидировать войны можно лишь путем осуществления радикального социального переустройства общества. Однако, подчеркивалось в резолюции, и при существующем положении количество войн и размеры военных бедствий могут быть сокращены, если народы, и в первую очередь рабочие разных стран, будут оказывать правительствам противодействие, разоблачать их завоевательную политику, используя для этой цели все реальные средства.

Эта часть резолюции подводила итог трехлетнего обсуждения в Интернационале вопросов войны и мира. Однако в заключительные строки по настоянию бельгийских делегатов была внесена рекомендация рабочим в случае возникновения войны объявить всеобщую стачку. Бельгийское предложение подменяло задачу конкретного анализа того или иного военного конфликта этим декларативным, практически неосуществимым лозунгом, который объективно мог только дезориентировать рабочих. Маркс отнесся к нему отрицательно, назвав его «нелепостью»².

Наличие отдельных незрелых положений в документах Интернационала ни в малейшей степени не умаляло его исторической роли как провозвестника борьбы за мир. Вытекая из самого характера того строя, к установлению которого стремился пролетариат, эта борьба становилась одной из программных целей международного рабочего движения. Вождь Международного Товарищества Рабочих в написанном им 12 мая 1869 г. Обращении Генерального Совета к Национальному рабочему союзу США ясно видел наступление того времени, когда рабочий класс выступит на арене истории «уже не как покорный исполнитель, а как независимая сила, сознающая свою собственную ответственность и способная диктовать мир там, где его так называемые хозяева кричат о войне»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 466.

² См. там же. С. 122.

³ Там же. Т. 16. С. 373.

Рождение первой массовой марксистской партии

Проблемы немецкого рабочего движения были одной из тех областей, где особенно проявлялось так радовавшее Маркса и Энгельса совпадение их выводов и тактических наметок. Стремясь хоть сколько-нибудь разгрузить Маркса, Энгельс уже в этот период взял на себя часть работы по осуществлению связи с пролетарскими деятелями Германии. Ему нередко доводилось в личных письмах передавать им критические замечания и советы в столь откровенной форме, которая исключалась в официальной переписке секретаря-корреспондента Генерального Совета.

Большой успех передовым немецким рабочим принесли в 1867 г. выборы в Северогерманский рейхстаг. С избранием депутатами Либкнехта и Бебеля германский рабочий класс в лице его лучших представителей обрел общенациональную трибуну. «Выступая в единственном месте, где в Пруссии существует свобода слова, я обращаюсь не к вам...— заявил 17 октября 1867 г. Либкнехт разбушевавшимся правым депутатам,— я обращаюсь к народу за стенами этого собрания»¹.

Речи Либкнехта, смелая критика бисмарковского режима и его конституционного прикрытия, «фигового листка абсолютизма», чрезвычайно порадовали Маркса. Либкнехт, писал он 4 октября Энгельсу, «сделал нам честь своим первым выступлением в рейхстаге»². Маркс подметил, однако, что, выступая в противовес ласальянцам — апологетам политики Бисмарка, Либкнехт иной раз был склонен впадать в другую крайность: антипруссские настроения толкали его на значительные уступки мелкобуржуазной демократии средне- и южногерманских государств, что грозило утратой классовой линии. По просьбе Маркса Энгельс в одном из писем советовал Либкнехту нападать не только на пруссаков, но и на их противников — австрийцев, федералистов и прочих сторонников мелких государств.

Воздействие Интернационала на немецких рабочих, их тяга к интернациональному объединению усилили рост недовольства руководством в рядах Всеобщего германского рабочего союза. Это побудило Швейцера предпринять новые попытки сблизиться с Марксом. Он опубликовал в «Social-Demokrat» статьи о «Капитале» и обратился в Лондон за советом по поводу предстоявшего в рейхстаге обсуждения вопроса о покровительственных пошлинах на продукцию металлургической промышленности. Поскольку Швейцер являлся депутатом от Берлина, одного из самых развитых промышленных округов, Маркс счел себя обязанным ответить ему. По существу вопроса он считал, что окрепшей германской крупной

¹ Die I. Internationale in Deutschland. В., 1964. S. 186.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 298.

промышленности уже не нужны протекционистские тарифы. Однако согласие на понижение тарифов следовало обусловить требованием парламентского обследования предприятий этой промышленности, в том числе положения рабочих. В таком духе Маркс и рекомендовал действовать Швейцеру, составив письмо в нарочито сдержанном деловом тоне, чтобы не дать основания последнему рекламировать свою «близость» к автору «Капитала».

Дальнейшим маневром Швейцера было включение в повестку дня предстоявшего в Гамбурге съезда (генерального собрания) Всеобщего германского рабочего союза пункта об отношении к Интернационалу и доклада о I томе «Капитала». 6 июля 1868 г. правление Союза во главе со Швейцером прислало Марксу официальное приглашение в качестве почетного гостя, учитывая его «выдающиеся заслуги как автора «Капитала» в борьбе за рабочее дело»¹. В своем ответе Швейцеру Маркс сослался на неотложные дела в Генеральном Совете, не позволявшие ему отлучиться из Лондона, и выразил удовлетворение по поводу включения в программу съезда вопроса о международном сотрудничестве рабочего класса и других важных вопросов, являющихся «исходными пунктами всякого серьезного рабочего движения»². Косвенным образом это означало одобрение отказа руководителей Союза от многих лассальянских догм. Письмо, самим Марксом составленное с расчетом на опубликование, появилось в «Social-Demokrat» 28 августа 1868 г.

Лассальянский съезд состоялся 22—26 августа. С докладами выступили: о «Капитале» — брауншвейгский издатель Вильгельм Бракке, об отношении к Интернационалу — Леонхард Бонхорст и Карл Гирш. Все трое принадлежали к числу лидеров оппозиции против Швейцера. Через несколько месяцев они порвали с Всеобщим германским рабочим союзом, приняв платформу, выдвинутую Либкнехтом и Бебелем. Сейчас же они еще рассчитывали изолировать Швейцера и направить Союз по новому пути. Но Швейцер умело лавировал между оппозицией и правоверными лассальянцами. Опираясь на последних, он свел решение об интернациональном характере рабочего движения к общей декларации.

Спустя несколько дней, 5 сентября 1868 г., в Нюрнберге собрался съезд возглавленного Бебелем Союза немецких рабочих обществ. Он ознаменовал разрыв большинства Союза с либеральной буржуазией, его окончательный переход на классовые пролетарские позиции. 69 голосами против 46 делегаты выразили согласие с платформой Международного Товарищества Рабочих, кратко сформулированной в предложенной съезду новой программе Союза.

¹ Die I. Internationale in Deutschland. S. 742.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 329.

Докладчик по основному вопросу Швейхель изложил суть ее со ссылками на «Капитал» и заявил, что рабочие смогут добиться своего освобождения только завоеванием политической власти и только действуя «в едином строю с рабочими всех стран»¹.

В прениях проявилось знакомство делегатов с программными документами Интернационала, чему немало содействовала только что вышедшая в свет брошюра берлинского социалиста Вильгельма Эйххофа «Международное Товарищество Рабочих». Маркс не только снабдил автора брошюры документами и фактическими данными, но и тщательно отредактировал многие страницы. Эйххоф присутствовал на съезде в Нюрнберге и первый сообщил в Лондон о победе принципов Международного Товарищества Рабочих.

Маркс не медлил организационно закрепить присоединение Союза немецких рабочих обществ к Интернационалу. 22 сентября, на первом после Брюссельского конгресса заседании Генерального Совета, правление Союза было объявлено исполнительной комиссией Товарищества для Германии. Одновременно Либкнехт в Лейпциге и Эйххоф в Берлине получили от Генерального Совета официальные полномочия на пропаганду идей Интернационала и создание секций.

Предстояло и дальше вести борьбу за преодоление влияния лассальянства среди рабочих. С другой стороны, необходимо было парализовать воздействие на них мелкобуржуазной саксонской Народной партии. В эту организацию, возникшую еще в августе 1866 г. при непосредственном участии Бебеля и Либкнехта, входило много рабочих, однако ее программа носила буржуазно-демократический характер. Либкнехт пользовался поддержкой саксонских демократов и в журналистской деятельности: его еженедельник «Demokratisches Wochenblatt» выходил с подзаголовком «орган Народной партии». Известная идейная и политическая зависимость от Народной партии подчас связывала ему руки.

«Разложение лассальянской секты и, с другой стороны, освобождение саксонских и южногерманских рабочих от помочей Народной партии — таковы два основных условия для образования новой, подлинно рабочей партии Германии» — так в письме Кугельману охарактеризовал Энгельс положение в германском рабочем движении².

В скором времени Маркс подверг резкой критике тактику Швейцера. В конце сентября 1868 г. Швейцер созвал в Берлине съезд для организации профессиональных союзов. Он стремился перехватить у Бебеля и Либкнехта инициативу в основании профессиональных объединений и найти для лассальянской организации опору в массах. Однако на берлинский съезд были допущены только

¹ Die I. Internationale in Deutschland. S. 243.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 517.

представители лассальянских профессиональных союзов, что свидетельствовало о сохранении прежнего сектантского курса.

В письме, отправленном Швейцеру 13 октября, Маркс с полной откровенностью изложил свой взгляд на различие между сектантским движением и классовым. Он раскритиковал предложенный Швейцером план строго централизованной профсоюзной организации, подчиненной — вполне в духе Лассаля — президентской диктатуре. Такая структура противоречила сущности профессионального движения, она была особенно нежелательна в Германии, «где рабочий с детских лет живет в атмосфере бюрократической регламентации и верит в авторитеты, в начальство и где его нужно прежде всего *приучать к самостоятельности*»¹. Без демократии рабочее движение развиваться не может, подчеркивал Маркс.

В течение весны и лета 1869 г. все более многочисленные группы рядовых членов лассальянских организаций присоединялись к оппозиции, поддерживая ее руководителя Бракке. По инициативе Бебеля и Либкнехта на август в Эйзенахе был назначен общий съезд представителей нюрнбергского большинства просветительных обществ, профессиональных союзов, делегатов немецких секций Интернационала, а также посланцев порвавших со Швейцером общин Всеобщего германского рабочего союза.

Маркс не собирался в Эйзенах, хотя Либкнехт настоятельно просил его и Энгельса «показаться немецким рабочим». Маркс считал желательным, чтобы разрыв с доктриной и организационными принципами лассальянства произошел «в результате свободного выступления самих рабочих»². Кроме того, платформа, на которой должно было произойти объединение, вызвала у Маркса известную тревогу, поскольку в ней ощущалось неизжитое еще влияние мелкобуржуазных идей. Программа, принятая Эйзенахским съездом, который состоялся 7—9 августа 1869 г., действительно не оказалась свободной от вульгарно-демократических наслоений; видны были в ней следы и лассальянских догм. Но в главном она опиралась на принципы программных документов Интернационала. Впервые в истории марксистская в своей основе программа была принята на вооружение формирующейся массовой рабочей партии целой страны. Провозглашение Эйзенахской программы и основание Социал-демократической рабочей партии ознаменовали крупную победу идей научного социализма. Они открыли новую страницу в истории марксизма и международного рабочего движения.

Тенденции к консолидации рабочего класса в национальных рамках, к его сплочению под знаменем марксизма проявлялись и в других странах. Самый Устав Международного Товарищества,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 476.

² Там же. С. 265.

в котором ставилась задача объединения рабочих обществ в национальные организации, способствовал этому. Маркс неустанно помогал отдельным деятелям рабочего движения осознать этот объективный процесс и содействовать его успеху.

Начало борьбы против бакунизма

Брюссельские резолюции об общественной собственности показали, что за четыре года совместной деятельности у большинства членов Товарищества выработалась единая точка зрения на цель борьбы пролетариата — создание социалистического общества. Перед Марксом стояла теперь задача добиться такого же единства взглядов в отношении путей достижения этой цели. Но как раз по вопросу о движущих силах социалистической революции, о гегемонии пролетариата, о его диктатуре, о пролетарской партии неизбежны были еще более острые столкновения с представителями мелкобуржуазных течений, особенно анархизма.

Условия мелкого производства, все еще преобладавшего в ряде отраслей промышленности многих стран, способствовали живучести анархистских и индивидуалистических настроений в рабочей среде. Именно на этой почве и получил распространение среди членов Интернационала в Швейцарии, Испании и Италии бунтарский анархизм, «пересмотренный прудонизм», связанный с именем русского революционера-народника Михаила Бакунина. Новое появление на международной арене этой крупной и талантливой личности, участника революционных боев 1848—1849 гг., узника австрийской и царской империй, бежавшего из сибирской ссылки, привело к обострению внутренней борьбы в Интернационале.

Узнав осенью 1864 г. от Лесснера о пребывании Бакунина в Лондоне, Маркс выразил желание с ним повидаться. Встреча состоялась 3 ноября 1864 г. «...Он мне очень понравился,— писал Маркс Энгельсу на следующий день,— больше, чем прежде... В общем, это один из тех немногих людей, которые, по-моему, за эти шестнадцать лет не пошли назад, а, наоборот, развились дальше»¹. Маркс получил от Бакунина, уезжавшего в Италию, обещание установить контакты с итальянскими рабочими, среди которых необходимо было найти опору в момент острой борьбы против мадзинистов. В конце ноября Маркс послал Бакунину несколько экземпляров Учредительного Манифеста и Временного Устава. Он и дальше продолжал рассчитывать на поддержку Бакунина. В 1867 г., через И. Ф. Беккера, он справлялся о его адресе, чтобы послать ему экземпляр I тома «Капитала». Все это показывает, что Маркс длительное время относился к Бакунину с искренним расположением, рассматривая его как союзника и возможного единомышленника.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 13—14.

Между тем годы пребывания в Италии, с 1865 по 1867 г., явились для Бакунина периодом окончательного формирования его анархистских взглядов. Отражая экономически отсталые условия пореформенной России, эти взгляды получили новую пищу в итальянской действительности, где шел процесс пауперизации трудящихся масс, а пролетарское движение только начинало выделяться из общедемократического потока. Бакунин вращался здесь в среде радикально настроенной итальянской буржуазной интеллигенции, преимущественно молодежи, среди которой вербовал своих первых последователей, объединив их в тайное Интернациональное братство.

Бакунинский анархизм — одна из разновидностей мелкобуржуазного социализма — был выражением отчаяния бесправных и угнетенных народных масс, крестьянства и мелкой буржуазии, утративших веру в буржуазных политических деятелей и неспособных найти самостоятельно путь к организованной классовой борьбе. Отсюда бичующая критика социального неравенства и эксплуатации, страстная проповедь социализма, призывы к мировой революции в сочетании с крайним индивидуализмом, требованием «абсолютной» свободы и автономии, отрицание всякой дисциплины, всякого авторитета. Бакунин был знаком с некоторыми произведениями Маркса, перевел в 1869 г. на русский язык «Манифест Коммунистической партии». И тем не менее историко-материалистическое понимание общественного развития, закономерность смены общественно-экономических формаций, роль пролетариата в социалистической революции, весь тот круг понятий, который благодаря усилиям Маркса уже становился достоянием передовых европейских рабочих в рядах Интернационала, Бакуниным игнорировался.

Главным злом, против которого следовало бороться, Бакунин считал не капитал и систему наемного труда, а государство. В нем он видел первопричину неравенства и эксплуатации. Социалистической революции, подготавливаемой всем ходом развития капитализма и борьбой пролетариата, Бакунин противопоставлял так называемую «социальную ликвидацию», под которой подразумевал «упразднение политического и юридического государства» без социального переворота, без политической борьбы, уничтожение всех национально-территориальных общностей и создание на их развалинах «Международного государства трудящихся миллионов»¹.

Бакунин был также против массовой организации революционных сил, считая, что развязать восстание можно с помощью агитации отдельных революционеров, разжигающих бунтарский дух в народе. Однако для координации этой агитационной деятельности

¹ См.: Базельский конгресс Первого Интернационала, 6—11 сентября 1869 г. М., 1934. С. 48; см. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 328.

он допускал существование строго законспирированной организации немногочисленных революционеров-заговорщиков. Наконец, призывая к немедленному революционному действию, Бакунин в то же время объявлял вредной всякую политическую деятельность, не ведущую непосредственно к революции; в новой форме он возрождал прудоновскую догму воздержания от политической борьбы.

Такая, уже сложившаяся международная организация, как Интернационал, представлялась Бакунину подходящим полем для пропаганды анархистских взглядов, и он поставил себе целью подчинение Товарищества своему влиянию. Он был в 1867 г. одним из инициаторов проекта слияния Интернационала с буржуазно-пацифистской Лигой мира и свободы. После провала этого проекта Бакунин основал осенью 1868 г. в Женеве Международный альянс социалистической демократии и обратился в Генеральный Совет с просьбой принять эту организацию в Интернационал. В путаной программе и уставе Альянса, который объявлял себя частью Интернационала и одновременно претендовал на идейное руководство им и на автономное существование вне его рядов, наряду с такими пунктами, как упразднение религии, отмена государства и т. д., содержались два требования, вокруг которых вскоре сосредоточилась борьба пролетарских революционеров против бакунизма. Это были требования отмены права наследования, рассматривавшейся бакунистами как способ передачи земли в коллективную собственность, и отказа от политической деятельности.

Маркс предложил Генеральному Совету, не вдаваясь в полемику по отдельным пунктам, отказать Альянсу в приеме на том основании, что по Уставу в ряды Интернационала могли приниматься только местные и национальные организации, а отнюдь не международные.

27 февраля 1869 г. Альянс вторично обратился в Генеральный Совет с новым письмом, выражая готовность распустить свою международную организацию, если Генеральный Совет примет в ряды Интернационала его отдельные секции.

Замысел был очевиден. «Бакунин думает,— писал Маркс Энгельсу 5 марта 1869 г.,— если мы одобрим его «радикальную программу», то он сможет раззвонить о ней во все колокола и таким образом до известной степени скомпрометировать нас. Если мы выскажемся против, то нас ослэвят как контрреволюционеров»¹.

Составленный Марксом ответ Альянсу — образец принципиальной тактики в борьбе за единство рабочего класса. Поскольку в Интернационал принимаются все рабочие общества, добывающиеся «защиты интересов и полного освобождения рабочего класса», говорилось в нем, подробное рассмотрение программ принимаемых обществ вообще не входит в функции Генерального Совета. Ему

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 217.

надлежит только выяснить, не содержатся ли в них моменты, противоречащие Общему Уставу. В программе Альянса таковым является требование «политического, экономического и социального уравнения классов», которое равносильно буржуазному лозунгу «гармонии капитала и труда». Отвергая это требование, документ, написанный Марксом, гласил: «Не уравнение классов — бессмыслица, на деле неосуществимая — а, наоборот, уничтожение классов — вот подлинная тайна пролетарского движения, являющаяся великой целью Международного Товарищества Рабочих»¹. Секции Альянса смогут, после роспуска его международной организации, быть приняты на общих основаниях в Интернационал лишь при условии внесения этой поправки в свои программы.

Условия, выдвинутые от имени Генерального Совета Марксом, были официально приняты руководителями Альянса, на деле же, как показало будущее, не соблюдались. После формального роспуска Альянса в мае 1869 г. его женеvская группа конституировалась в качестве секции Интернационала под названием «Альянс социалистической демократии. Центральная секция». В нее вошли наиболее видные бакунисты, и в дальнейшем она фактически осуществляла руководство международным Альянсом, сохраненным бакунистскими лидерами в качестве тайной организации внутри Интернационала.

Маркс в то время еще ничего не знал ни о существовании тайного узкоконспиративного бакунистского Интернационального братства, ни о фактическом сохранении международного Альянса. Тем не менее он разгадал подрывную тактику Бакунина, ожидая серьезной схватки с ним на очередном конгрессе Интернационала в Базеле. Выступления Маркса на заседаниях Генерального Совета показывают, в каком направлении он считал нужным ориентировать делегатов будущего конгресса.

При обсуждении аграрного вопроса 6 июля 1869 г. Маркс выступил против попыток обосновать идею национализации земли ссылками на «естественное право» крестьянства против узурпации лендлордов. Этим идеалистическим концепциям, типичным для мелкобуржуазных социалистических доктрин, Маркс противопоставил историко-материалистическое обоснование программных требований Интернационала, вооружая делегацию Генерального Совета необходимой аргументацией для полемики с Бакуниным. Он показал, что аграрная программа рабочего класса должна базироваться не на абстрактном «естественном праве», а на учете реальных процессов общественного развития, ведущих к превращению крестьянина лишь в номинального собственника и оставляющих для него один путь избавления от нищеты и разорения: социалистическое преобразование общества на основе кооперированного труда и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 364.

крупного общественного производства, как промышленного, так и сельскохозяйственного.

С вопросом об отношении к крестьянству теснейшим образом был связан, по мнению Маркса, и вопрос об отмене права наследования, включенный в повестку дня конгресса по предложению жевневских бакунистов. На заседании Генерального Совета 20 июля 1869 г. Маркс подверг критическому анализу бакунистский тезис об отмене права наследования как якобы исходном пункте социалистической революции. Он разъяснил своим слушателям, что законы о наследовании и вообще все правовые институты являются не причиной общественного устройства, а, наоборот, его следствием. Задача пролетариата — прежде всего бороться за ликвидацию частной собственности на средства производства, составляющей экономический базис капиталистического общества, а не исключительно за уничтожение его юридической надстройки. «...Если бы рабочий класс обладал достаточной властью, чтобы отменить право наследования,— говорил Маркс,— он был бы достаточно силен, чтобы провести экспроприацию, которая явилась бы мероприятием гораздо более простым и эффективным»¹.

Показав несостоятельность бакунистского тезиса в теоретическом отношении, Маркс обратил внимание на опасность и вредность его с точки зрения тактических задач пролетарской организации. В тот момент, когда перед Интернационалом встала непосредственная задача завоевать влияние в деревне, Бакунин выдвинул сектантский лозунг, который мог только оттолкнуть крестьянство, бросить его в объятия противников рабочего класса. «...Провозглашение отмены права наследования было бы не серьезным актом, а глупой угрозой, которая сплотила бы все крестьянство и всю мелкую буржуазию вокруг реакции»,— разъяснял Маркс Лафаргу сущность спора с Бакуниным по важнейшему вопросу революционной тактики².

По просьбе Генерального Совета Маркс изложил в письменном виде для оглашения на конгрессе суть своего выступления. Сосредоточив в докладе Генерального Совета о праве наследования внимание на критике идеалистической концепции Бакунина, Маркс противопоставил ей позитивное изложение основных понятий исторического материализма и теории пролетарской революции. Впервые в документе Интернационала революционные идеи были сформулированы в аспекте материалистической философии. Весьма знаменательно, что на этом этапе Маркс счел полезным приобщить деятелей Интернационала к философскому обоснованию идеи пролетарской революции, необходимость которой он доказывал ранее на более близком им материале политической экономии.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 593.

² Там же. Т. 32. С. 563.

*Базельский конгресс.
Тактика Интернационала в крестьянском вопросе*

На Базельском конгрессе, который состоялся 6—11 сентября 1869 г., произошли открытые стычки между сторонниками Маркса и сторонниками Бакунина, особенно когда был затронут вопрос о государстве и связанный с ним вопрос о политической борьбе. Так, при обсуждении повестки дня Бакунин и бельгийский делегат Гинс обрушились на сторонников участия рабочих в парламентской деятельности как якобы в принципе антиреволюционной. Против подобной точки зрения решительно выступил Либкнехт. Сообщая Марксу об этом эпизоде, Лесснер писал: «Вчера после обеда завязался горячий спор... и Бакунин при этом проявил все свое отвращение ко всякому политическому действию. Однако Либкнехт, Риттингхаузен и другие здорово задали ему перцу; еще после заседания он рычал, как дикий лев. Французы в большинстве высказались против него»¹. Соратники Маркса в полемике с Бакуниным прямо ставили вопрос о борьбе пролетариата за завоевание государственной власти.

Базельский конгресс, вторично высказавшись за отмену частной собственности на землю, безоговорочно подтвердил социалистическую платформу Интернационала. Секции Интернационала во всех странах откликнулись на это решение, которое вызвало в буржуазной прессе настоящую бурю. Пропаганда резолюций, принятых в Базеле, развернулась во всех странах. В Англии для этой цели при ближайшем участии Генерального Совета была основана Лига земли и труда, программу которой составил Эккариус, используя советы Маркса.

Полемика, развернувшаяся вокруг базельских резолюций в немецкой печати, способствовала выработке правильной тактики молодой Социал-демократической рабочей партии в отношении крестьянства и мелкобуржуазной Народной партии. При этом Маркс и Энгельс столкнулись с известным непониманием значения социалистической пропаганды в деревне у Либкнехта и его товарищей. В связи с этим Энгельс решил предпослать второму изданию своей работы «Крестьянская война в Германии» специальное предисловие, написанное в начале февраля 1870 г. и опубликованное отдельно в центральном органе партии газете «Volksstaat» в апреле того же года. В предисловии, основные идеи которого были предварительно обсуждены Энгельсом в переписке с Марксом, разъяснялась важность базельских резолюций именно для такой страны, как Германия, значительную часть населения которой составляли сельские производители. Энгельс предупреждал против неправильного под-

¹ Базельский конгресс Первого Интернационала. С. 148.

хода к крестьянству в условиях капитализма как к однородной массе. Он подчеркивал наличие в нем разных слоев и требовал учета особенностей каждого из них в интересах установления прочного союза с трудящимся большинством деревни в противовес ее зажиточным, капиталистическим элементам.

Международное значение ирландского вопроса

Разногласия марксистского крыла Интернационала с бакунистскими сектантами, а также с реформистскими элементами Генерального Совета распространились и на тактику Товарищества в национальном вопросе, в частности в вопросе об отношении к ирландскому национально-освободительному движению. С лета 1869 г. в Ирландии и в Англии развернулось широкое движение за амнистию заключенных фениев. 24 октября в Лондоне состоялась грандиозная демонстрация протеста и митинг в Гайд-парке, на котором присутствовал Маркс. В Генеральном Совете он снова поставил на обсуждение ирландский вопрос, выдвинув два его аспекта: 1) поведение английского правительства в отношении амнистии; 2) позиция английского рабочего класса в ирландском вопросе вообще.

Новая дискуссия по ирландскому вопросу — 16, 23 и 30 ноября 1869 г. — протекала в иной обстановке, чем в 1867 г. Выступать приходилось уже не против торийского правительства, вызывавшего всеобщее недовольство, а против более изощренного противника — либерала Гладстона, который заигрывал с тред-юнионами и в Ирландии сочетал политику репрессий с частичными реформами. Открывая дискуссию по первому пункту, Маркс в большой речи разоблачил лицемерие Гладстона и показал вопиющее расхождение его политики с теми декларациями, на которые он не скупился во время избирательной кампании. Выдвинутые Гладстоном условия амнистии требовали от фениев унижительной и полной капитуляции.

В предложенной Марксом резолюции говорилось, что этими условиями Гладстон «умышленно оскорбляет ирландскую нацию»¹. С попытками оправдать Гладстона выступили Оджер и другие реформистские лидеры тред-юнионов, но им удалось добиться только удаления в тексте слова «умышленно».

Тред-юнионистская газета «Bee-Hive» упорно замалчивала выступления Генерального Совета, но ход дискуссии и речи Маркса широко освещались в печати Интернационала в Швейцарии, Бельгии, Германии. «Ты видел, вероятно, в «Volksstaat» предложенные мной резолюции против Гладстона по вопросу об ирландской амнистии, — писал Маркс Кугельману 29 ноября 1869 г. — Я напал

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 400.

теперь на Гладстона,— и это здесь наделало шуму,— точно так же, как раньше на Пальмерстона. Здешние эмигранты-демагоги любят нападать на континентальных деспотов из безопасного далека. Для меня же это имеет лишь тогда свою прелесть, когда совершается *vultu instantis tyranni* [перед лицом самого тирана]»¹.

Для разоблачения английской политики в Ирландии Маркс послал Де Папу в Брюссель материалы, которые тот опубликовал в газете «L'Internationale» 27 февраля и 6 марта 1870 г. С той же целью дочь Маркса Женни с его помощью написала в феврале — апреле 1870 г. для парижской «La Marseillaise» восемь статей. Шаги, предпринятые Генеральным Советом в поддержку национально-освободительного движения ирландского народа, привлекли внимание ирландских рабочих к Интернационалу и подготовили почву для создания ирландских секций.

Обсуждение второго пункта, намеченного Марксом, о позиции английских рабочих по отношению к Ирландии, не состоялось из-за нового заболевания Маркса. С середины января 1870 г. и на протяжении почти трех месяцев он не мог посещать заседаний Совета. Однако глубокое обоснование линии Интернационала в этом вопросе уже было дано Марксом в закрытом циркулярном письме Генерального Совета по поводу нападок бакунистов.

После Базельского конгресса сторонники Бакунина перешли к открытой войне против Маркса и Генерального Совета. На страницах женеvской газеты «L'Égalité», в редакцию которой входил бакунист Робен, в ноябре — декабре 1869 г. началась систематическая кампания против Совета; его обвиняли в нарушении Устава, в отказе создать особый федеральный совет для Англии, в том, что, увлекшись далекими от рабочего движения вопросами, вроде ирландского, он навязывал их международному рабочему движению в ущерб интернациональным интересам пролетариата.

Статьи «Égalité» обсуждались на заседании Совета 14 декабря 1869 г. Решено было ответить на клевету циркулярным письмом Федеральному совету Романской Швейцарии. 1 января 1870 г. на чрезвычайном заседании Совета был принят написанный Марксом текст циркуляра. Маркс опроверг в нем все клеветнические измышления бакунистов и в первую очередь объяснил, почему в Англии не было создано, как в других странах, федерального совета Интернационала. Предложение создать такой орган, неоднократно выдвигавшееся в Совете, каждый раз признавалось несвоевременным в сложившихся в то время условиях. Федеральный совет в Англии, писал Маркс, занимал бы промежуточное положение между Генеральным Советом и Лондонским советом тред-юнионов и не пользовался бы никаким авторитетом, а сам факт его существования фактически лишил бы тогда Генеральный Совет возможности не-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 530.

посредственно воздействовать на английский рабочий класс. В обстановке, когда в Европе назревали революционные события, следовало учитывать особое положение Англии как метрополии капитала, как страны, где фактически отсутствовало крестьянство и наемные рабочие составляли огромное большинство населения, что превращало ее в своего рода «великий рычаг пролетарской революции». Выпустить из рук этот рычаг, полагал Маркс, было бы безумием, даже преступлением¹.

Особое место, которое занимало тогда английское рабочее движение в стратегии международной борьбы пролетариата, определяло и важное международное значение освободительного движения ирландского народа. Маркс подробно остановился на этой стороне вопроса, указав на первостепенную роль освободительной борьбы поработенных народов как составного элемента общего революционного процесса. Ирландское национально-освободительное движение является союзником английского, а следовательно, и международного пролетариата. Революционное разрешение ирландского вопроса послужило бы предварительным условием освобождения английского рабочего класса, что в свою очередь сократило бы сроки наступления пролетарской революции и в других странах. Поэтому лозунгом Интернационала в ирландском вопросе должно было стать: «превращение существующей *принудительной унии* (то есть порабощения Ирландии) в *равный и свободный союз*, если это возможно, или *полное отделение*, если это необходимо»².

Циркулярное письмо заканчивалось просьбой к Романскому федеральному совету ознакомить с его содержанием все связанные с ним секции. Текст письма был также сообщен Марксом в Бельгию и Дюпоном во Францию. 28 марта 1870 г. Маркс, снабдив его введением и заключением, переслал в форме «Конфиденциального сообщения» в Германию для передачи членам Правления Эйзенахской партии. Суть этого важнейшего документа он подробно изложил в письмах Лафаргу, а также Мейеру и Фогту, членам Интернационала в Нью-Йорке, где с 1869 г. стали оформляться секции Товарищества, среди членов которых было немало ирландских рабочих-иммигрантов.

Еще до получения циркулярного письма в Женеве произошла реорганизация редакции «Égalité»; из нее вышли сторонники Бакунина. Окончательно порвал с бакунистами Беккер, который ранее, не сразу разобравшись в их доктрине и тактике, кое в чем их поддерживал. Бакунин, утратив авторитет среди местных рабочих, уехал из Женевы. В дальнейшем цитаделью бакунизма стал горный район Швейцарской Юры.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 404.

² Там же. С. 407.

Секретарь-корреспондент Генерального Совета для России

В годы Интернационала Маркс по-прежнему пристально следил за внешней политикой царской России, которая и после поражения в Крымской войне сохраняла значительное влияние на международные отношения. Маркс все более настоятельно ощущал потребность подробнее ознакомиться и с внутренней жизнью пореформенной России. Для автора «Капитала» социально-экономические отношения огромной крестьянской страны, вступившей на путь капиталистического развития, представляли огромный интерес.

Знакомясь с материалами о русской деревне, Маркс, в частности, уделял большое внимание отдельным фактам и чертам народного быта, опровергавшим взгляд об исключительности русской общины. Этот взгляд в западной печати связывали в то время главным образом с именем Герцена. Шатания Герцена в сторону либерализма, его близость к кругам западноевропейской буржуазной демократии, являвшейся тогда противником самостоятельного рабочего движения, наконец, его дружеские связи с Бакуниным вызвали у Маркса весьма предубежденное отношение к нему. Маркс, к сожалению, не мог знать, что к концу жизни, в 1869 г., великий революционный писатель России, как отмечал позднее В. И. Ленин, «обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*»¹, что он с глубоким уважением и надеждой отзывался о международной пролетарской организации и высказал сомнения в правильности взглядов своего старого товарища Бакунина, сетуя на то, что он поспорил его с «марксистами».

В ближайшем окружении Маркса долго не знали о наличии в русской революционной среде иной струи, кроме герценовской. В общих чертах Марксу было известно о крестьянских волнениях, о подъеме русского революционного движения в конце 50 — начале 60-х гг. и о расправе с ним царского правительства. В выступлении на Лондонской конференции Интернационала в 1865 г. Де Пап коснулся развернувшейся в России борьбы под лозунгом «земля и воля». Однако вряд ли и Де Пап, и Маркс знали в то время подробности о деятельности тайного революционного общества, созданного в Петербурге в начале 60-х гг. под этим названием, об его участниках и идейных вдохновителях. Имя Чернышевского, сведения об его аресте, гражданской казни весной 1864 г. и ссылке в Сибирь во время Марксу, по-видимому, не были известны. Не дошли до него тогда — или не привлекли его внимания — и сведения о начавшихся с зимы 1864—1865 гг. серьезных разногласиях между Герценом и группой молодых эмигрантов, в числе которых были будущий деятель Интернационала Н. И. Утин и талантливый органи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 257.

затор, публицист А. А. Серно-Соловьевич. Оба в прошлом принадлежали к числу руководителей «Земли и воли», являлись учениками и последователями Чернышевского, были связаны с Герценом и его группой, но разошлись с ним по вопросу о задачах революционной борьбы. Обосновавшись в Женеве, Серно-Соловьевич принял активное участие в рабочем движении, а в 1866 г. написал брошюру «Наши домашние дела», в которой излагался спор между двумя поколениями русских революционеров.

Когда близкий к Марксу немецкий публицист Сигизмунд Боркхейм, будучи в сентябре 1867 г. проездом в Женеве, услышал от случайного собеседника о существовании упомянутых «русских республиканцев и социалистов», это явилось для него настоящим открытием. Маркс так и писал Энгельсу, что Боркхейм «открыл Серно»¹. По возвращении в Лондон Боркхейм рассказал Марксу о русской брошюре. 14 октября он отправил экземпляр брошюры Энгельсу в Манчестер и в тот же день написал Серно-Соловьевичу, предложив перевести ее на немецкий язык и запросив у него дополнительные сведения о русских революционных деятелях и их произведениях. Из ответа Серно, датированного 18 октября 1867 г., ясно, что речь шла о Н. Г. Чернышевском и Н. А. Добролюбова. Брошюра и письмо Серно Боркхейму, очевидно, являются теми документами, из которых Маркс и его ближайшие друзья впервые узнали о великом русском революционном демократе. 24 ноября Боркхейм передал Марксу письменное резюме этой брошюры, включив в него и новые данные, полученные от молодого русского корреспондента: о работе Чернышевского в «Современнике», о его знакомстве с немецкой философией, о романе «Что делать?», об издании сочинений его и Добролюбова.

Немецкий перевод брошюры «Наши домашние дела» был напечатан только в 1871 г., но Маркс, познакомившись с ее содержанием со слов и по письменному резюме Боркхейма, настолько заинтересовался автором, что послал ему в декабре 1867 г. через Беккера экземпляр I тома «Капитала». Через год Серно-Соловьевич вошел в состав комиссии по подготовке издания в Женеве печатного органа Интернационала и прислал Марксу письмо. «...Я обращаюсь к Вам с просьбой и в данном случае помочь тому делу, которое Вы защищаете в течение всей своей жизни», — писал он², приглашая Маркса сотрудничать в газете. Ответное письмо Маркса не сохранилось. Известно, однако, что он отказался от постоянного сотрудничества в силу занятости, но обещал редакции всяческое содействие. Серно был первым представителем молодого поколения русских революционеров, с которым Маркс вступил в непосредственный контакт. Однако вскоре эта связь оборвалась из-за тяжелой болезни Серно и его смерти.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 186.

² К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 161—162.

В дальнейшем связи Маркса с деятелями русского революционного движения, развитию которого он придавал большое значение, расширились. Этому способствовало овладение им русским языком, изучение русской революционной литературы, трудов Чернышевского и Флеровского.

В 60-х гг. XIX в. в России только складывались условия для развития массового рабочего движения и идеи научного социализма не могли еще найти там широкого распространения. Однако представители передовой общественной мысли страны проявляли живой интерес не только к теории марксизма, но и к практической деятельности Маркса, к Интернационалу. В. И. Ленин отмечал, что именно к концу 60-х гг. «относятся попытки русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» — Интернационал»¹.

Весной 1870 г. в Женеве образовалась Русская секция Международного Товарищества Рабочих. Секция состояла из группы последователей Чернышевского, революционных эмигрантов, порвавших с Бакуниным и издававших в Женеве журнал «Народное дело». Помимо Утина, в секцию входили бывший командир повстанческого отряда в Белоруссии периода польского восстания А. Д. Трусов, выдающаяся революционерка Е. Л. Дмитриева-Томановская, в будущем активная деятельница Парижской Коммуны, другая участница Коммуны А. В. Корвин-Круковская (по мужу Жаклар), В. И. Бартенов (Нетов) и другие революционеры. Секция оказывала значительное влияние на передовые круги русской эмиграции, была связана с народническим подпольем в самой России, с революционным движением других славянских стран. Ее агентом-корреспондентом, например, был сербский революционер и социалист Светозар Маркович.

12 марта 1870 г. Комитет Русской секции обратился к Марксу с просьбой взять на себя представительство ее в Генеральном Совете. «Русская демократическая молодежь,— говорилось в письме,— получила сегодня возможность устами своих изгнанных братьев высказать Вам свою глубокую признательность за ту помощь, которую Вы оказали нашему делу Вашей теоретической и практической пропагандой...»²

Марксу понравились в письме молодых русских революционеров отказ от славянофильских иллюзий, понимание неразрывности исторических судеб России и Западной Европы, а также прямое отмежевание от Бакунина и его единомышленников. Он охотно согласился удовлетворить просьбу Комитета. В своем ответе Русской секции 24 марта он с одобрением высказался об интернационалистских идеях ее программы, объявившей угнетение Польши

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 287.

² К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 169.

одинаковым препятствием освобождения как польского, так и русского народа. Маркс закончил свое письмо словами: «Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века»¹.

В качестве секретаря-корреспондента Генерального Совета для России, которым Маркс был назначен в связи с образованием Русской секции, он оказывал постоянную помощь русским революционерам. Он регулярно переписывался с ними, информируя их о положении в Интернационале, о решениях его Совета, посылал необходимые документы. Маркс стремился повлиять на эволюцию взглядов членов Русской секции, приобщить их к идеям научного социализма и помочь преодолеть народнические представления о крестьянской общине как якобы наиболее надежной преграде капиталистическому развитию. Он старался помочь им понять ведущую роль в социальном преобразовании общества промышленного пролетариата, которого они не выделяли из массы трудящихся.

Члены Русской секции перевели и опубликовали на русском языке важнейшие документы Товарищества, написанные Марксом, — в том числе Учредительный Манифест и Общий Устав. Благодаря связям с Русской секцией расширился круг друзей Маркса среди представителей русского революционного движения. Из членов секции особенно близкие отношения установились у него с Утиным и Дмитриевой-Томановской. Оба позднее встречались с Марксом, были тепло приняты им в Лондоне, пользовались его вниманием и заботой.

Большой заслугой немногочисленной, но весьма активной Русской секции было и то, что в период, когда в международном рабочем движении начала разворачиваться острая борьба против анархизма, она решительно выступила против Бакунина и поддержала марксистское революционное крыло Интернационала. Почти с самого момента своего основания она повела активную борьбу против бакунизма в Швейцарии. На состоявшемся 4 апреля в Шо-де-Фоне съезде федерации Романской Швейцарии Утин выступил с критикой Бакунина. На съезде произошел раскол, в результате которого секции Юры, принявшие бакунинскую платформу воздержания от политической борьбы, избрали второй федеральный совет, претендовавший на название «Романского». Оба совета апеллировали в Лондон. 29 июня Генеральный Совет принял по вопросу о расколе в Романской Швейцарии решение, согласно которому наименование Романского федерального совета и соответствующие функции оставались за старым советом в Женеве, а новому, бакунистскому, совету, находившемуся в Шо-де-Фоне, предлагалось принять любое другое наименование.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 428.

Кризис Второй империи и перспективы европейской революции

К концу 60-х гг. Маркс с удовлетворением отмечал сдвиги, происшедшие во французском рабочем движении. Все большее место в общественно-политической жизни Франции занимал Интернационал. Два судебных процесса в 1868 г. и систематические репрессии императорской полиции привлекли к нему симпатии антибонапартистски настроенных рабочих и демократических элементов. Маркс искал всякой возможности помочь французскому пролетариату избрать революционный путь борьбы и избавиться от прудонистских взглядов.

В октябре 1868 г. в Париж вместе со своим мужем Полем Лафаргом — их свадьба состоялась 2 апреля 1868 г. — переехала вторая дочь Маркса, Лаура. Лафарг закончил свое медицинское образование, но не спешил с врачебной практикой: его уже давно влекли другие интересы. Именно в Париже окончательно сформировался его публицистический талант, развернулась его деятельность как выдающегося пропагандиста марксизма во Франции.

Провожая дочь и зятя в Париж, Маркс снабдил их полным списком французских секций Интернационала с их адресами. Перед этим они, по-видимому, не раз обсуждали одну из насущных проблем французского рабочего движения — необходимость установления его единства, препятствием которому служила сектантская позиция представителей обоих главных течений — как прудонистов, так и бланкистов. Речь шла о преодолении реформистских иллюзий и заговорщической тактики, сплочении всех пролетарских сил в борьбе против империи на почве защиты экономических и политических интересов пролетариата и всех трудящихся.

Среди друзей и товарищей Лафарга в Париже были Эжен Варлен, венгерский социалист Лео Франкель, бывшие члены Генерального Совета Комбо и Жоаннар. Он постоянно встречался также с ближайшими сподвижниками Бланки — Тридоном, будущим генералом Коммуны Эдом, Кассом, Ферре. Весной 1869 г., когда бланкисты приступили к подготовке издания газеты «Renaissance», Лафарг вошел в состав редакции и заручился обещанием Маркса сотрудничать в газете.

В этот период Лафарг часто виделся с самим Бланки, который, наезжая нелегально из Брюсселя в Париж, чтобы проводить смотр своей боевой организации, заходил на улицу Шерш-Миди к Полю и Лауре. «Маленький» (таково было прозвище Бланки в партийных кругах) «питает к Вам особую привязанность и уважение», — писал Лафарг Марксу в конце мая 1869 г.¹ Бланки горячо приветствовал предложение заказать Марксу несколько статей о социально-

¹ Новая и новейшая история. 1964. № 5. С. 42.

политическом положении Германии для задуманной газеты. Выпуск ее, однако, в то время не был осуществлен.

В начале июля 1869 г. Маркс, обеспокоенный здоровьем Лауры, которая в январе подарила ему первого внука, сам съездил проведать Лафаргов. «В прошлый вторник вечером я приехал в Париж, — писал он Энгельсу, — а в понедельник (12 июля) снова уехал отсюда. Мне удалось вполне сохранить свое *инкогнито*»¹.

Во Франции только что закончились выборы в Законодательный корпус, показавшие значительный рост оппозиции режиму Второй империи. Варлен и его товарищи в мае 1869 г. опубликовали «Избирательную программу группы парижских рабочих», которая свидетельствовала о все большем отходе передовых французских рабочих от прудонистских догм. В столице выборы сопровождались волнениями (дошло даже до баррикад) и арестами. То, что Маркс видел и слышал в Париже, то, что он знал из рассказов и писем Лафаргов, из переписки Дюпона с французскими секциями и из печати, свидетельствовало о заметном, все углубляющемся кризисе Второй империи. Рассматривая перспективы европейской революции, Маркс писал в январе 1870 г., что «революционная *инициатива* будет исходить, вероятно, от Франции»².

С декабря 1869 г. в Париже начала выходить ежедневная газета «Marseillaise», в редакции которой объединились для борьбы против Второй империи социалистически настроенные рабочие, члены Интернационала, бланкисты и левые республиканцы. Маркс и Энгельс внимательно следили за газетой, сразу взявшей на себя функции печатного органа Интернационала. Дальнейшим шагом в сплочении пролетарских социалистических элементов было образование в апреле 1870 г. Парижской федерации секций Интернационала. В ее основании наряду с Варленом большую роль сыграл Лафарг.

Такая консолидация политически наиболее активных рабочих вокруг Интернационала привела к тому, что влияние бакунистов оказалось локализованным на юге Франции. Учитывая обстановку и рост революционных настроений в массах, некоторые деятели Интернационала выдвинули проект перенесения Генерального Совета в Париж. Маркс, по-видимому, относился положительно к этому предложению, которому, однако, не суждено было осуществиться.

Для укрепления своего пошатнувшегося положения Наполеон III вновь прибег к демагогическому маневру, назначив на 8 мая 1870 г. плебисцит. Накануне его проведения по всей Франции были арестованы руководители секций Интернационала, которых обвинили в заговоре против жизни императора. 3 мая Маркс предложил Ге-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 269.

² Там же. Т. 16. С. 404.

неральному Совету выпустить на английском и французском языках обращение «О преследованиях членов французских секций». Отметая вздорное обвинение Интернационала в заговорщической деятельности, Маркс писал: «Если конспирирует рабочий класс, составляющий огромное большинство каждой нации и создающий все ее богатства, и именем которого постоянно старается приккрыть свое правление даже узурпаторская власть,— то он конспирирует открыто, как солнце против мрака,— в полном сознании, что помимо него не может существовать никакой законной власти»¹.

Одновременно Маркс поставил перед Генеральным Советом вопрос о публичном отмежевании от авантюристических выступлений так называемой Французской секции в Лондоне, объединившей несколько десятков мелкобуржуазных демократов-эмигрантов, которые с 1868 г. утратили связь с Международным Товариществом. Провокационные, заполненные псевдореволюционными фразами и призывами к индивидуальному террору манифесты руководителя этой секции Ф. Пиа и его сторонников использовались парижской прокуратурой в качестве обвинительного материала против членов Интернационала. Предложенная Марксом резолюция, в которой Интернационал официально отмежевался от всяких действий группы Пиа, была принята Генеральным Советом 10 мая 1870 г.

Преследования не сломили духа французских членов Интернационала. Маркс с удовлетворением отмечал в письме Энгельсу 18 мая, что на месте разгромленных организаций и комитетов Товарищества повсюду во Франции возникают новые, в еще большем числе. Секции Интернационала стали создавать и бланкисты. Французский рабочий класс шел к единству на платформе Интернационала. Однако прежде чем этот важный процесс успел принести ощутимые результаты, грянули решающие события.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 445.

*Глава
двенадцатая*

Парижская Коммуна

Париж рабочих с его Коммуной
всегда будут чествовать как славного
предвестника нового общества.

Карл Маркс

На рубеже новой исторической эпохи

1870—1871 годы были ознаменованы событиями всемирно-исторического значения. Господствующими классами Франции и Германии была развязана франко-прусская война. Военное поражение Франции не только привело к падению давно обанкротившегося режима Второй империи, но и до крайнего предела обострило классовые антагонизмы в стране.

18 марта в Париже вспыхнула пролетарская революция. Впервые в истории было создано государство пролетариата в форме Парижской Коммуны. Коммуна обозначила особый исторический рубеж в развитии капиталистического общества. Прогрессивные буржуазные преобразования, ломка феодально-абсолютистских учреждений сменяются эпохой «полного господства и упадка буржуазии», перехода «к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу»¹. Была достигнута и новая историческая веха в развитии

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 143.

рабочего движения и социалистической мысли. Явившись всемирно-историческим завоеванием рабочего класса, Коммуна впервые в истории доказала, что вывод Маркса и Энгельса о неизбежности социалистической революции, о завоевании власти пролетариатом является не только плодом их теоретического анализа объективных и субъективных условий, но и подлинным велением времени, назревшей потребностью исторического процесса.

В свете уроков Коммуны рельефно обозначились насущные задачи международного рабочего движения, подтверждена необходимость внести в программу революционной борьбы пролетариата ряд положений научного социализма в качестве общепризнанных, основополагающих принципов. Парижские события обнаружили несостоятельность сектантских и реформистских течений мелкобуржуазного социализма и наглядно показали огромную жизненную силу творческого марксизма.

При всех симпатиях, которые вызвала Коммуна у рабочих разных национальностей, ее уроки не могли быть непосредственно восприняты и усвоены массами. Они требовали глубокого теоретического осмысления. Всесторонне раскрыть сущность происшедшего в 1870—1871 гг. и сделать из этого выводы мог только мыслитель и теоретик борющегося пролетариата. Такая задача, как и в период предыдущих крупных классовых боев, вновь выпала на долю Маркса. Именно он сумел увидеть в происходящих событиях преддверие будущего, признаки наступления новой исторической эпохи. Как первый историк и летописец Коммуны, Маркс сделал опыт пролетарской революции во Франции достоянием широких масс, закрепил его для грядущих поколений пролетарских борцов.

Однако роль Маркса этим не ограничилась. Он был не только теоретиком, но и прямым «участником» массовой революционной борьбы¹. Через бурный поток событий Маркс провел руководимую им международную пролетарскую организацию, не давая сбить ее с революционного курса, не допуская ни малейшего отступления от принципов пролетарского интернационализма. Он был главным вдохновителем самостоятельных выступлений рабочего класса в период войны, определил общую тактику Интернационала в эти годы и содействовал выработке тактической линии пролетарских сил как воюющих, так и нейтральных стран.

Во время Парижской Коммуны роль Маркса как участника событий выразилась в первую очередь в непосредственных связях с ее руководящими деятелями, в тех мудрых советах, которые он давал коммунарам. Вместе с Энгельсом он провел огромную работу, чтобы координировать, а в некоторых случаях и прямо выз-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 376.

вать к жизни движение в поддержку Коммуны среди рабочих различных стран, придать ему правильное направление. После падения пролетарского государства Маркс явился энергичным организатором помощи жертвам версальского террора, эмигрантам Коммуны.

Первое воззвание о франко-прусской войне

Объективную оценку исторического процесса, который привел к революционной ситуации в Париже, Маркс вырабатывал в ходе самих событий. Важным звеном в цепи этих событий была франко-прусская война, начавшаяся в июле 1870 г. Неустанное бряцание оружием французских бонапартистских кругов, их посягательства на левый берег Рейна, поддержка ими сепаратистских тенденций некоторых германских государств создавали серьезные трудности для завершения объединения Германии. С другой стороны, существование агрессивной бонапартистской империи, этого постоянного очага войны, усиливало и милитаристские поползновения прусского юнкерства и воинственно настроенных кругов немецкой буржуазии, стремившихся под флагом защиты национальных интересов Германии осуществить свои собственные захватнические и династические планы — распространить власть Гогенцоллернов и на южногерманские государства. Бисмарк умело пользовался шовинистическими выступлениями Наполеона III и его клики для того, чтобы парализовать антипрусские настроения внутри страны, спровоцировать военный конфликт, заставив при этом Францию играть роль нападающей стороны. Начатая объективно с целью помешать Наполеону III увековечить расчленение Германии, война в этих условиях грозила превратиться в завоевательный поход против Франции.

Все это было ясно Марксу уже 19 июля 1870 г., в день объявления войны, когда на заседании Генерального Совета встал вопрос о составлении воззвания о войне. Единого мнения среди членов Совета не было: кто осуждал войну вообще, кто клеймил французских или германских правителей, развязавших ее, кто сетовал, что рабочие еще бессильны преградить путь военным столкновениям. Маркс напомнил, что Совет не должен «рассматривать вопрос о войне вообще, а только данный частный случай»¹. Как и всегда, он определял на основе научного анализа характер данной, конкретной войны, ее причины и вероятные результаты, можно выработать

¹ Генеральный Совет Первого Интернационала, 1870—1871: Протоколы. М., 1965. С. 5.

правильную линию международного пролетариата. Составление воззвания было поручено Марксу. На следующем заседании Совета, 26 июля, написанный и зачитанный им текст был одобрен всеми присутствовавшими. Воззвание вышло отдельной листовкой и было опубликовано многими органами Интернационала. Воспроизвела его и буржуазная печать.

На первый план в этом важном документе Маркс выдвинул разоблачение бонапартистского режима и показал, что военный разгром Второй империи мог принести обновление Франции и устранить одно из главных препятствий подлинному единству Германии. Поэтому на этом этапе войну с германской стороны следовало расценивать как оборонительную. При этом Маркс провел резкое разграничение между национальными интересами германского народа и династическими интересами Пруссии. Маркс предупреждал немецких рабочих, что война под верховенством прусских милитаристов может превратиться в захватническую войну против французского народа. Он призывал немецких членов Интернационала к бдительности, приветствовал чувства пролетарского интернационализма, продемонстрированные в обращениях, которыми они обменялись с французскими рабочими в то самое время, когда правительства ввергали их в братоубийственную войну.

«Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее,— писал Маркс.— Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!*»¹

Помощь немецким социал-демократам в выработке революционной тактики

Война явилась суровым испытанием для рабочего класса, прежде всего для рабочих воюющих стран. От того, какую позицию они займут, останутся ли они верны принципам пролетарского интернационализма или поддадутся шовинистическому угару, зависело многое — и авторитет международной организации, начертавшей на своем знамени принципы пролетарского интернационализма, и путь, по которому пойдет развитие рабочего движения. Маркс стремился всячески помочь и французским членам Международного Товарищества, и немецким социал-демократам придерживаться революционно-интернационалистского курса на протяжении

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 5.

всей войны. Чрезвычайно важное значение придавал он поведению немецкого пролетариата и его партии — наиболее организованного отряда международного рабочего движения.

Маркса порадовала позиция Либкнехта и Бебеля в Северогерманском рейхстаге 21 июля при голосовании военных кредитов. Оба воздержались от голосования, заявив, что поддержка кредитов означала бы вотум доверия прусскому правительству, тогда как голосование против них могло быть истолковано как поощрение преступных замыслов Бонапарта. Маркс расценил это заявление как акт мужества, перевел его на английский язык, и после оглашения на заседании Генерального Совета оно было опубликовано в английской прессе.

Меняющийся ход военных событий требовал постоянного уточнения и конкретизации тактических задач пролетариата. Война правильно была воспринята народными массами Германии как национальная, и не следовало ослаблять удар против бонапартистской армии. С другой стороны, тяжелые поражения последней меняли обстановку, приближали войну к переломному моменту. В прусских правящих кругах, опьяненных успехами, уже прозвучало требование аннексии Эльзаса и Лотарингии. Маркс писал Энгельсу 17 августа, что такой итог войны был бы «величайшим несчастьем, как для Европы, так, в особенности, и для Германии»¹.

Между Либкнехтом, стоявшим во главе партийного органа «Volksstaat», и Комитетом Социал-демократической рабочей партии, который находился в Брауншвейге, возникли серьезные разногласия. Либкнехт недостаточно учитывал оборонительный характер войны на ее первом этапе. Некоторые из членов Брауншвейгского комитета, напротив, поддались националистическим настроениям. Из Брауншвейга пришло тревожное письмо: от Маркса ждали совета.

Маркса это письмо застало в Рамсгете, где он с начала августа находился с семьей. Не довольствуясь письменным обменом мнениями, он специально отправился к Энгельсу в Манчестер, чтобы обсудить план действий. Ответ, составленный Марксом и Энгельсом, не дошел до нас целиком, но в манифесте, выпущенном Брауншвейгским комитетом Социал-демократической рабочей партии 5 сентября, были текстуально воспроизведены значительные выдержки из него.

Еще в июльском воззвании Генерального Совета Маркс предсказывал крушение Второй империи. В конце августа, составляя ответ Брауншвейгскому комитету, он считал этот крах предрешенным. Предвидя изменение характера войны, Маркс и Энгельс призывали немецких рабочих всеми силами противиться аннексионист-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 36.

ским планам прусской военщины и немецкой буржуазии. Они подробно обрисовали роковые последствия для дальнейших судеб Европы отторжения от Франции ее территорий, показали, что такой грабительский мир был бы чреват новыми войнами. Задача завершения объединения Германии, говорилось в письме, решена, хотя она «первоначально обретает свое *единство в прусской казарме*». Рабочие должны теперь решительно добиваться заключения с Францией почетного мира, который откроет совершенно иные перспективы: возможность мирного развития на западе континента, растворения Пруссии в Германии и, в случае войны против царизма и его поражения, «социальной революции в России, элементы которой нуждаются для своего развития только в таком внешнем толчке»¹.

Воспитанные Марксом и Энгельсом передовые немецкие рабочие и их руководители в эти годы с честью выполнили свой долг перед международным рабочим движением. В противовес лидерам лассальянцев, поддержавшим шовинистическую политику правителей Германии, эйзенахцы, целиком восприняв советы Маркса, сделали стержнем своей политики борьбу против аннексии Эльзаса и Лотарингии, за прекращение войны и почетный мир с провозглашенной 4 сентября Французской республикой. Разногласия внутри руководства были ликвидированы, партия сплотила свои ряды вокруг знамени пролетарского интернационализма. Несмотря на трудности военного времени, осадное положение, конфискацию партийных изданий и другие полицейские преследования, эйзенахцы на массовых собраниях и в печати протестовали против продолжения войны и аннексии.

На партию обрушились репрессии, Брауншвейгский комитет во главе с Бракке был в полном составе заключен в крепость. За обличительные выступления в рейхстаге Бебель и Либкнехт, голосовавшие против кредитов на продолжение войны, по окончании сессии, 17 декабря 1870 г., были также брошены в тюрьму.

Маркс делал все, чтобы разоблачить акты насилия и произвола, совершаемые бисмарковским режимом, и облегчить участь своих партийных друзей. Он послал ряд заметок об аресте Брауншвейгского комитета в английские газеты. В письме редактору «Daily News» он заклеил полицейские действия Бисмарка по отношению к Бебелю и Либкнехту, грубое нарушение их депутатской неприкосновенности. Маркс гордился героическим поведением немецких товарищей, ставил их в пример членам Интернационала других стран. В Интернационале был организован сбор средств в помощь арестованным социал-демократам и их семьям.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 272.

Крушение Второй империи. Второе воззвание о франко-прусской войне

На рассвете 5 сентября 1870 г. пришла телеграмма из Парижа: Шарль Лонге извещал Маркса о том, что накануне была провозглашена Французская республика. Весть не была неожиданной. Зная гнилость бонапартистского режима и наблюдая сплочение пролетарских и демократических сил в стране, Маркс и Энгельс еще задолго до войны и независимо от назревавшего военного конфликта ожидали революции во Франции; они только опасались, что она произойдет раньше, чем завершится там формирование пролетарской партии. «...Первый толчок будет исходить из Франции...» — предполагал Маркс¹, разбирая возможные маршруты европейской революции. Война ускорила развязку. Прологом взрыва послужила Седанская катастрофа 1—2 сентября, капитуляция одной из французских армий и сдача в плен самого императора.

Крушение империи открывало возможность установления во Франции демократического строя и развертывания подлинно национального сопротивления агрессору. Но наиболее испытанные руководители французских рабочих находились кто в тюрьме, кто в эмиграции, члены Интернационала утратили связь со своими секциями из-за мобилизации. Организационная слабость пролетариата и нерешительность его мелкобуржуазных союзников привели к образованию 4 сентября временного правительства из правых республиканцев и заведомых монархистов. Маркс сразу же разгадал их намерение — пойти на тайный сговор с Бисмарком, возложив весь позор капитуляции на молодую республику и подготовив таким образом почву для восстановления монархии.

С падением Второй империи изменился сам характер войны, она вступила в новый этап. Необходимо было не только подтвердить линию немецких социал-демократов, но и наметить новые задачи для международного пролетариата, объединенного в рядах Интернационала. Это было сделано Марксом во втором возвании Генерального Совета о франко-прусской войне, утвержденном Советом 9 сентября. Для того чтобы до конца разоблачить в возвании аннексионистские планы Пруссии, Марксу пришлось разобрать и опровергнуть доводы прусских военных специалистов в пользу присоединения Эльзаса и Лотарингии. Он использовал соображения, присланные по его просьбе Энгельсом.

Воззвание ориентировало пролетариат всех стран на решительную борьбу против расчленения Франции и захвата французских провинций, против завоевательной политики прусских юнкеров и германских милитаристов. С редкой проницательностью Маркс

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 363.

определил неизбежные последствия бисмарковской агрессии, обусловленную ею расстановку соперничавших сил в Европе на десятилетия вперед; он показал неизбежность попыток реванша, образования франко-русского союза и столкновения его с Германией и ее возможными союзниками. Секции Интернационала, указывалось в воззвании, должны призвать рабочих к действию, к энергичному сопротивлению планам прусских захватчиков. «Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, владык земли и капитала»¹.

Формулируя задачи французских рабочих, Маркс не скрывал, что положение их чрезвычайно сложное. Долг повелевал им участвовать в защите отечества, но при этом следовало остерегаться буржуазной шовинистической фразы и буржуазных иллюзий. В то же время Маркс предупреждал их, что попытка свергнуть правительство в данный момент, когда ему еще удается выдавать себя за искреннего организатора обороны, обречена на неудачу. Рабочим следовало использовать республиканские свободы для укрепления своей классовой организации. Это даст им, писал Маркс, «геркулесовы силы для борьбы за возрождение Франции и за наше общее дело — освобождение труда»².

Воззвание было выпущено в Лондоне отдельной листовкой 11—13 сентября 1870 г. Среди подписей под ним стояло и имя русского революционера Лопатина. Он вступил в ряды Интернационала в 1870 г. в Париже, еще до приезда в Лондон. 6 сентября французский рабочий, член Генерального Совета Огюст Серрайе и Маркс предложили избрать Лопатина в состав Совета. Позднее его кандидатура была утверждена.

Парижским членам Интернационала не удалось избежать ошибок, от которых предостерегал Маркс в воззвании. В принятом ими еще 4 сентября обращении повторялись шовинистические фразы буржуазных политиков. «Весь тон этого обращения абсурден и совершенно не соответствует духу Интернационала», — писал Маркс 14 сентября Де Папу³. Сказалась теоретическая отсталость большинства представителей французского пролетариата. Долгое время они не могли разгадать капитулянтские планы правящих кругов. Только в тяжелых испытаниях блокады, в жестких боях с буржуазией передовые парижские рабочие стали приобретать зрелое классовое сознание и избавляться от вредных иллюзий.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 281.

² Там же.

³ Там же. Т. 33. С. 128.

Борьба за признание Французской республики

Второе воззвание призывало рабочих, особенно Англии, добиваться от своих правительств официального признания Французской республики. Этот акт, справедливо считал Маркс, умерил бы как аннексионистские вождедения пруссаков, так и реставраторские поползновения французских монархистов. Через английских членов Генерального Совета, а также через Эккариуса, который к этому времени упрочил связи с тред-юнионами, в сентябре 1870 г. Марксу удалось развернуть широкую кампанию солидарности с Французской республикой. В Лондоне за короткий срок было проведено свыше 20 собраний и митингов. В движение были вовлечены и рабочие Манчестера, Бирмингема, Ньюкасла. Маркс побуждал английских рабочих использовать традиционное средство «давления извне», чтобы вырвать у британского кабинета дипломатическое признание Французской республики.

Приходилось преодолевать сопротивление буржуазных пацифистов из Общества мира, которые ратовали за строгое соблюдение Англией нейтралитета. Благодаря своевременному появлению группы членов Интернационала, среди которых был и Маркс, на рабочем собрании в Линкольн-Инн 13 сентября удалось, в противовес стараниям сторонников нейтралитета, провести резолюцию с требованием признания республики и почетного мира без аннексий.

Кульминационным моментом кампании за признание Французской республики было посещение 27 сентября премьер-министра Гладстона большой делегацией, представлявшей более 100 рабочих обществ. На очередном заседании Генерального Совета 4 октября Маркс разоблачил лицемерие Гладстона, который, уклоняясь от прямого ответа рабочим, ссылаясь на необходимость дожидаться утверждения временного правительства французским Национальным собранием.

В разгар кампании марксистское ядро Генерального Совета получило неоценимое подкрепление. 20 сентября 1870 г. из Манчестера в Лондон переехал Энгельс, поселившийся неподалеку от Маркса. Еще в конце 1869 г. ему представилась возможность выйти из торговой фирмы на условиях, обеспечивающих материальную независимость. С величайшим энтузиазмом взялся Энгельс за ликвидацию тягостных для него коммерческих дел, чтобы высвободить время для научных занятий и партийной работы. Для Маркса с переселением Энгельса многое изменилось. Дружья стали теперь встречаться почти ежедневно. Энгельс с готовностью взял на себя значительную часть практических обязанностей, которые выполнял Маркс в Интернационале. Уже 4 октября он был единодушно избран в состав Генерального Совета. Учитывая его авторитет в рабочем движении и отличное знание нескольких европейских языков, Энгельсу поручили должность секретаря-корреспондента для Бель-

гии, а затем для Италии и Испании. В критический, наиболее напряженный период истории у руля международной пролетарской организации бок о бок с Марксом оказался его лучший, самый надежный друг.

Союзниками Маркса в борьбе за признание Французской республики были английские буржуазные радикалы-позитивисты, последователи философских и социологических взглядов Огюста Конта, отрицавшего борьбу классов и признававшего общественный прогресс лишь в форме постепенной эволюции, прежде всего совершенствования человеческих знаний. Правда, позиция английских контистов также требовала критики. Они идеализировали французское временное правительство, всерьез рассматривая его как «правительство национальной обороны», питали иллюзии в отношении патриотических чувств французской буржуазии. Маркс считал важным по возможности рассеять это заблуждение. Он писал одному из видных английских позитивистов, профессору истории Бизли: «Должен Вам, однако, сказать, что по всем сведениям, которые я получаю из Франции, буржуазия в целом предпочитает прусское завоевание победе республики с социалистическими тенденциями»¹.

В связи с предполагавшимся визитом французского министра иностранных дел Жюля Фавра в Англию лондонские позитивисты и близкие к ним реформистские лидеры тред-юнионов готовили ему торжественную встречу. Превознесение Фавра было тем более неуместным, что сами французские народные массы начали осознавать предательскую роль членов правительства. Поэтому 17 января 1871 г. Маркс выступил в Генеральном Совете с разоблачением Фавра и, в частности, его неблагоприятного поведения во время революции 1848—1849 гг.

В критику предательского ведения войны «правительством национальной измены», а также капитулянтской позиции французской буржуазии в целом большой вклад внес Энгельс своей серией статей «Заметки о войне», печатавшейся в лондонской «Pall Mall Gazette». Чисто военный аспект не помешал автору этих статей систематически отражать в них точку зрения Интернационала на различных этапах войны.

Революция 18 марта

Пролетарская революция 18 марта 1871 г. привела к провозглашению Парижской Коммуны. Она была порождена всем развитием французского и международного рабочего движения 60-х гг., испытывавшего глубокое влияние Интернационала. В. И. Ленин писал, что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 136.

главную роль в Коммуне сыграли парижские рабочие, «среди которых в последние годы Второй империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу»¹. В этом смысле и следует понимать слова Энгельса, что Коммуна «была, несомненно, духовным детищем Интернационала, хотя Интернационал и пальцем не шевельнул для того, чтобы вызвать ее к жизни»². С первых дней существования Коммуны сами рабочие разных стран отождествляли ее дело с Интернационалом и встали на ее защиту.

Накануне событий 18 марта положение во Франции обсуждалось на каждом заседании Генерального Совета. 14 марта, возражая против предложения бакуниста Робена немедленно созвать конференцию Интернационала — назначенный на сентябрь 1870 г. конгресс в Майнце, естественно, не состоялся из-за войны, — Маркс ссылаясь на то, что «в Париже положение крайне неустойчивое»³.

Маркс опасался преждевременного выступления парижских рабочих в неблагоприятной для восстания обстановке. Однако, когда пролетарская революция вспыхнула, он со всей страстностью пролетарского революционера стал оказывать ей поддержку всеми возможными средствами.

Весть о революции 18 марта пришла в Лондон в разгар борьбы Совета против буржуазной клеветы, распространяемой о Международном Товариществе Рабочих в связи с обострением ситуации в столице Франции. 21 марта на очередном заседании Генерального Совета обсуждались парижские события. По предложению Маркса было принято решение направить на рабочие собрания делегации Генерального Совета, чтобы разъяснить рабочим сущность парижской революции и призвать их «выразить свое сочувствие движению парижан»⁴. Сознывая всю сложность обстановки — главная опасность заключалась в возможномговоре версальских контрреволюционеров с прусскими интервентами, — Маркс и Энгельс все же видели некоторые шансы на успех.

До последних чисел марта Маркс не исключал возможности распространения революционного движения на всю страну. Решительное подавление контрреволюции в Париже и переход в наступление на Версаль, где обосновались реакционное Национальное собрание и правительство Тьера, могли закрепить победу повстанцев и обеспечить им поддержку революционных элементов в провинции.

Между тем оборонительная тактика парижан обрекла столицу на изоляцию. Роковые последствия ошибки, допущенной Центральным комитетом национальной гвардии, в руках которого до 26 мар-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 218.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 538.

³ Генеральный Совет Первого Интернационала, 1870—1871. С. 103.

⁴ Там же. С. 112.

та — дня избрания Коммуны — находилась власть, сразу были отмечены Марксом. Уже 6 апреля он писал Либкнехту: «Центральный комитет, а затем и Коммуна дали чудовищному выродку Тьеру время сосредоточить вражеские силы: 1) Потому, что они безрассудно не хотели начинать *гражданской войны*, как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа, как будто Национальное собрание, призванное лишь для решения вопроса о войне или мире с пруссаками, не объявило немедленной войну *республике!* 2) Чтобы избежать упрека даже в малейшем намерении противозаконно захватить власть, они потеряли драгоценные мгновения на выборы Коммуны, организация которых и т. д. опять-таки потребовала времени,— а следовало немедленно двинуться на Версаль...»¹

В начале апреля, трезво взвешивая соотношение сил, Маркс уже видел, что шансов на победоносный исход революции оставалось все меньше. И в это самое время он со всей глубиной ученого-революционера полностью оценил историческое величие подвига парижских рабочих. Марксу первому стало ясно, что речь идет о невиданном еще проявлении творческой революционной инициативы народных масс. Он усмотрел в парижских событиях грандиозное столкновение старых и новых сил современного общества, порождающее небывалый героизм пролетариата. Это понимание существа происшедших событий ярко выразилось в его письмах Кугельману.

Первое письмо было написано 12 апреля в ответ Кугельману, который отзывался о парижской революции в резонерском тоне. «Ожидать от путаников-французов переворота в способе производства отнюдь не приходится,— писал он Марксу 5 апреля,— да и вообще это не может быть осуществлено отдельной нацией»². Письмо Маркса звучит как отповедь всякому, кто подходил к оценке Коммуны с обыденной меркой и усматривал в ее деятельности одни лишь просчеты и ошибки. К этому времени Маркс уже располагал сведениями о первых мероприятиях Коммуны: об уничтожении постоянной армии и политической полиции, отделении церкви от государства, введении последовательно-демократической системы выборов, ответственности и сменяемости должностных лиц, уравнении их заработной платы с заработной платой рабочих и т. д. Великое историческое значение деятельности Коммуны, пишет он, состоит в том, что она сделала первую в истории попытку практически сломать военно-бюрократическую государственную машину буржуазии, что является необходимым условием для победы социалистической революции, по крайней мере, в странах Европейского континента. Маркс с восторгом отзывался о героизме и самоотверженности коммунаров: «Какая гибкость, какая историческая

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 168—169.

² ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 2309.

инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!.. Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание, если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, является славнейшим подвигом нашей партии со времени парижского июньского восстания»¹. В. И. Ленин назвал это письмо «осанной» парижским героическим рабочим².

Второе письмо, написанное Марксом спустя пять дней, является как бы продолжением ответа на высказанные Кугельманом сомнения. «Творить мировую историю, — указывает Маркс, — было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов». Решающим неблагоприятным обстоятельством для парижских рабочих, подчеркивает он, являлось присутствие во Франции оккупационной прусской армии. Этим подло воспользовалось контрреволюционное правительство, чтобы поставить рабочих перед выбором: начать восстание или сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в случае такой капитуляции была бы гораздо большим несчастьем, чем поражение восставших. «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и его государством, — отмечает Маркс, — вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван»³.

Таким образом, уже к середине апреля у Маркса сложился взгляд на Парижскую Коммуну, как на первый опыт диктатуры пролетариата, как на событие мирового значения, открывшее новую страницу в истории великой освободительной борьбы рабочего класса.

Связи с коммунарами

Маркс использовал каждую, даже малейшую возможность, чтобы связаться с руководителями Коммуны и помочь им в выработке правильной политики. В Париж по решению Генерального Совета был послан Огюст Серрайе. Его письма доставляли Марксу ценные сведения. Но вскоре версальской и прусской полиции удалось блокировать Париж. Письма приходилось тайно выносить из города и опускать в почтовый ящик в одном из предместий; более надежным было отправлять их с оказией, но они приходили тогда со значительным опозданием. Несколько писем для Генерального Совета вывез Лафарг, приезжавший в Париж из Бордо в начале апреля; в Лондон они попали после 20 апреля. Очередную почту доставил в начале мая Марксу русский народник П. Л. Лавров. Связь

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 172.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 376.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 175.

Генерального Совета с коммунарами осуществлялась и через Елизавету Дмитриеву, переписывавшуюся с Юнгом.

Из соображений конспирации Маркс предпочитал передавать свои советы Коммуне устно или через доверенных лиц. Помимо Серраيه он поддерживал связи с Франкелем и Варленом. Через них он стремился побудить Коммуну к более энергичным действиям против контрреволюции внутри Парижа и настойчиво рекомендовал наступательную тактику против Версаля. Опасаясь соглашения Бисмарка с версальцами, Маркс советовал коммунарам укрепить северную сторону высот Монмартра, против которой стояли прусские войска. Позже он с горечью писал: «...у них было еще время это сделать; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке»¹. Маркс предостерегал своих корреспондентов, представлявших подлинно пролетарские элементы в Коммуне, против интриг мелкобуржуазных деятелей. «Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счета. Видно, что наряду с влиянием рабочих есть и другие влияния», — писал он Франкелю и Варлену 13 мая 1871 г.²

Из сохранившегося письма Франкеля, который входил в состав комиссии труда, видно, что он советовался с Марксом по поводу того, как лучше «осуществить коренное преобразование социальных отношений»³. Рекомендуя Коммуне в первую очередь обеспечить себе поддержку провинции и тем самым попытаться преодолеть роковую изолированность Парижа, Маркс по существу ставил перед коммунарами вопрос о союзниках пролетариата в социалистической революции. С первых дней он настаивал на необходимости привлечь на сторону пролетарской революции французское крестьянство. Для этого надо было рассеять антисоциалистические предрассудки мелкого крестьянина, разъяснить и показать ему на практике, что подлинные его интересы могут быть обеспечены только с победой рабочего класса.

Маркс высоко оценивал меры, проведенные Коммуной в интересах городской мелкой буржуазии, — аннулирование задолженности по квартирной плате, рассрочку платежей по долговым обязательствам и аннулирование процентов по ним. «Декреты о квартирной плате и коммерческих векселях — поистине мастерский ход», — говорил он в Генеральном Совете⁴.

С начала мая военное положение Коммуны стало вызывать у Маркса большую тревогу.

За две недели до падения революционного Парижа Маркс, сообщая коммунарам подробности тайного договора между Бисмарком

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 191.

² Там же. С. 189.

³ Первый Интернационал и Парижская Коммуна: Документы и материалы. М., 1972. С. 453.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 627.

и Фавром против Коммуны, предупредил их, что решающий удар может быть нанесен около 26 мая. Он писал: «Совершенно необходимо, чтобы вы поторопились с тем, что считаете нужным сделать за пределами Парижа, в Англии или в других странах»¹. Предвидя поражение Коммуны, Маркс считал, что, наложив секвестр на фонды французского банка, спрятав в безопасном месте документы, компрометирующие версальских деятелей, Коммуна могла бы воздействовать на Тьера, вырвать у него какие-то уступки.

Движение солидарности с Коммуной

Правительство Тьера всеми силами стремилось изолировать Коммуну от французской провинции и от международного пролетариата. «...Окружить провинцию стеной лжи, чтобы удержать ее в подчинении и предотвратить там общее восстание в защиту Парижа» — так характеризовал его политику Маркс². Официальная и правая печать всех стран вслед за версальскими контрреволюционерами распространяла о коммунарах самые чудовищные сплетни. «Из всей той чепухи о внутренних событиях в Париже, которую ты находишь в газетах, ты не должен верить ни одному слову,— писал Маркс 6 апреля Либкнехту.— Все это — ложь и обман. Никогда еще буржуазное подлое газетомарание не проявлялось в таком блеске»³. В этих условиях особенно важное значение приобретала правильная информация трудящихся Франции и других стран о парижской революции, разоблачение буржуазной клеветы на Коммуну.

Для распространения правды о Парижской Коммуне Генеральным Советом была использована вся сложившаяся за шесть лет существования Интернационала организационная сеть, вся система связи с местными отделениями, с их органами печати и руководителями. «В письмах различных секретарей секциям на континенте и в Соединенных Штатах рабочим всюду был разъяснен истинный характер этой величественной парижской революции», — сообщал Маркс Франкелю⁴.

Марксу удалось развернуть во многих странах широкую кампанию в поддержку Коммуны. Особенно большой размах приняла она в Германии. В этом сказалось глубокое влияние Маркса на передовых представителей немецкого пролетариата. Знаменательным проявлением интернациональной солидарности явилась речь Бебеля 25 мая в рейхстаге. В цитадели юнкерства и буржуазии под вопли и улюлюканье правых депутатов Бебель мужественно заявил, что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 189.

² Там же. Т. 17. С. 528.

³ Там же. Т. 33. С. 169.

⁴ Там же. С. 182.

Коммуна является делом всего европейского пролетариата, который доведет его до полной победы.

Под направляющим воздействием Генерального Совета интернациональное движение солидарности с Коммуной приняло исключительно широкий размах, отразив повсеместный рост активности и организованности пролетарских масс. Даже в экономически отсталых странах, где пролетариат делал еще первые шаги на пути самостоятельной борьбы, Коммуна породила живой отклик у рабочих, вызвала волну сочувствия и симпатий, пробудила стремления к сплочению. Она способствовала выявлению революционных тенденций среди рабочего класса, размежеванию между революционными и реформистскими элементами. Невзирая на противодействие последних, на все полицейские препоны и запреты, на откровенную враждебность официального буржуазного мира, представители революционного направления самоотверженно выступали в поддержку Коммуны. Примечательной чертой было то, что демонстрации солидарности с коммунарами и осуждение версальских контрреволюционеров повсеместно приобретали характер протеста и против местных политических режимов, становились одной из форм антиправительственной борьбы. Эти выступления в защиту бессмертного дела Парижской Коммуны продолжались и после ее падения.

Благодаря руководимому Марксом Интернационалу традицией рабочего движения многих стран стало празднование юбилея Коммуны, организация митингов и собраний в ее честь, обращение с приветственными адресами к французским рабочим. «...Коммуна, которую считают навеки убитой, жива в великом сердце рабочего класса», — писала испанская социалистическая газета «*Emancipación*» в связи с первой годовщиной пролетарской революции в Париже¹. 18 марта 1878 г. рабочие Одессы, одного из южных торговых-промышленных центров России, писали французским пролетариям: «Мы работаем на своей родине для той же великой цели, для достижения которой погибло в 1871 году на баррикадах Парижа столько ваших братьев, сестер, отцов, сыновей, дочерей и друзей»².

Немалые трудности встретила организация солидарных действий с Коммуной в Англии. Руководители правого крыла демократического республиканского движения фактически срывали массовые выступления в защиту Коммуны. В этом они встречали скрытую поддержку со стороны правых тред-юнионистов. С другой стороны, мелкобуржуазные эмигранты в Лондоне, нередко действовавшие под именем представителей Интернационала, своими шумными псевдореволюционными демонстрациями в связи с кампанией в защиту Коммуны наносили ущерб делу солидарности. Настойчиво

¹ Первый Интернационал и Парижская Коммуна. С. 386.

² Там же. С. 417.

повторяемые буржуазной печатью заявления, будто революция в Париже была «подстроена» Интернационалом из Лондона, обязывали Генеральный Совет соблюдать осторожность.

Преодолевая эти препятствия, используя симпатии к Коммуне передовых рабочих и левых республиканцев, честных попутчиков рабочего класса, Маркс добивался вовлечения в кампанию поддержки коммунаров пролетарских и прогрессивных кругов Англии. Благодаря своим личным связям он сумел обеспечить появление даже в буржуазной и тред-юнионистской печати объективных материалов о Коммуне и статей в ее защиту. На митингах рабочих и собраниях республиканских клубов раздавались голоса и принимались резолюции в поддержку коммунаров.

Потребность в помощи Коммуне со стороны английского рабочего класса особенно возросла, когда в Париже стала приближаться кровавая развязка. 23 мая в Генеральном Совете Маркс, который до того не мог присутствовать на ряде заседаний из-за болезни, большой речью открыл обсуждение этого вопроса. Он не утаил от аудитории, что конец Коммуны близок. Но это временное поражение пролетариата. «Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения»¹. В ходе прений он предложил, чтобы члены Совета — англичане организовали публичный митинг и направили делегацию к английскому правительству для того, чтобы потребовать мер против кровавого террора версальцев.

После опубликования 26 мая циркуляра Фавра, в котором коммунары объявлялись уголовными преступниками, подлежащими выдаче версальскому правительству, важнейшее значение приобрел вопрос о предоставлении эмигрантам Коммуны права убежища в Англии. Под знаком борьбы за это требование 31 мая в помещении Генерального Совета на Хай Холборн (в доме № 256 этой улицы Совет заседал с июня 1868 г. по февраль 1872 г.) было проведено собрание рабочих, на котором присутствовали представители различных демократических и республиканских организаций.

Вынужденный считаться с настроением рабочих и с демократическими традициями страны Гладстон на предварительный запрос французского правительства о выдаче коммунаров ответил, что для этого в каждом отдельном случае потребуются определение английского суда. Это, разумеется, создавало известные гарантии для эмигрантов.

Исключительно большой энергии от Маркса потребовала организация поддержки эмигрантов Коммуны, начавших прибывать в Англию, часто с семьями, уже в первых числах июня. Найти им жилье и работу, собрать нужные средства, вплоть до одежды и домашней утвари, — все это стоило немалых усилий. Но Маркс не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 629.

тяготился никакими, даже мелкими, обязанностями, видя в этом свой интернациональный долг. Генеральный Совет в течение длительного времени функционировал и как комитет помощи эмигрантам Коммуны. В сборе средств принимали активное участие и члены семьи Маркса.

Прибывавших в Лондон эмигрантов Коммуны Маркс старался ободрить, окружить вниманием и заботой. Двери его квартиры были гостеприимно открыты для участников великих революционных боев в столице Франции. Герой Парижской Коммуны польский революционер В. Врублевский позднее, в письме Энгельсу 9 октября 1878 г. из Женевы, с благодарностью вспоминал об участии, которое он встретил в тяжелые для него дни со стороны Маркса и Энгельса. «Ваш дом и дом Маркса,— писал он,— были для меня во время моего лондонского изгнания единственным и подлинно братским прибежищем, где с вашей стороны было проявлено ко мне столько дружбы и доброты...»¹

Особенной осмотрительности требовала глубоко засекреченная и связанная с большим риском работа по спасению коммунаров, еще скрывавшихся от версальской полиции во Франции. Маркс не раз доставал и переправлял коммунарам английские и немецкие паспорта, пользуясь которыми они могли беспрепятственно выехать за границу.

Главную цель по отношению к Парижской Коммуне Маркс видел в том, чтобы теоретически проанализировать ее уроки и на основе этих выводов превратить стихийное сочувствие к Коммуне в сознательное желание пролетарских масс продолжить и довести до конца ее дело. Он стремился противопоставить правду о Коммуне клевете продажной своры буржуазных журналистов, а также искаженному толкованию ее деятельности сектантами. Надлежало разоблачить версальских палачей, контрреволюционную банду Тьера и Фавра, что было важно и для дальнейшей судьбы уцелевших от расправы коммунаров. Все это побуждало Маркса, преодолевая болезнь, работать над воззванием Генерального Совета о Коммуне, особенно после того, как 18 апреля 1871 г. Совет окончательно принял решение выпустить такое воззвание и поручил Марксу составить текст этого документа.

Анализ деятельности Коммуны. Подготовка воззвания Генерального Совета

К работе над воззванием Маркс приступил с обычной для него основательностью, начав с выявления и изучения фактического материала о рассматриваемых событиях. Свидетельством этого

¹ *Borejsza J. W. W kregu wielkich wygnańcow (1848—1895). Warszawa, 1963. S. 278.*

огромного и кропотливого труда служит сохранившаяся тетрадь с выписками из газет. В них в полной мере проявляется свойственное Марксу умение уловить новое историческое явление в самом процессе его возникновения. Высвобождая из-под вороха газетной лжи и сплетен первичный факт, цифру, типическое высказывание того или другого политического деятеля, Маркс восстанавливал канву событий, прослеживал их развитие, нащупывал их социальные и политические причины. Наряду с ссылками на буржуазную печать, в выписках все чаще встречаются и названия печатных органов Коммуны, присланных Марксу из Парижа. Шаг за шагом отмечались политические и социальные мероприятия Коммуны, раскрывалась ее сущность как первого рабочего правительства. Вскоре в тетради появляются заметки о вооруженных боях коммунаров с версальцами.

Продолжая собирать материал, Маркс во второй половине апреля приступил к составлению первого наброска воззвания. С начала мая он перешел к работе над вторым наброском, прежде чем взяться за написание окончательного текста.

В двух предварительных вариантах ряд важных положений был изложен очень обстоятельно, как бы для уяснения их самому себе. Это касается характеристики исторической обстановки, приведшей к возникновению Коммуны, анализа социально-экономических мероприятий первого пролетарского правительства, его политики по отношению к средним слоям, критики его ошибок, а также некоторых теоретических обобщений по вопросу о задачах и отличительных чертах диктатуры пролетариата.

Развивая основы своего учения о переходном периоде между капитализмом и социализмом, Маркс высказал глубокие соображения о характере классовой борьбы на этой стадии, об экономической политике пролетариата. Приход к власти рабочего класса не устраняет классовой борьбы, отмечал он, но «создает рациональную обстановку, в которой эта классовая борьба может проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем»¹. Маркс подчеркивал, что в период строительства бесклассового общества все большее значение будет приобретать хозяйственная деятельность пролетарского государства, призванного перестроить всю организацию экономики на новых основах, избавить ее от стихийного, анархического характера, добиться «гармоничной национальной и интернациональной координации общественных форм производства»².

Во второй половине мая Маркс работал уже над окончательным вариантом воззвания «Гражданская война во Франции». 23 мая на

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 553.

² Там же.

заседании Генерального Совета он изложил в своей речи ряд положений документа, а 30 мая зачитал в Совете его полный текст, который был единогласно утвержден всеми присутствовавшими.

«Гражданская война во Франции»

Написанное Марксом воззвание Генерального Совета о гражданской войне во Франции является одним из основополагающих программных документов марксизма. В этом классическом произведении с удивительной четкостью и научной точностью было раскрыто всемирно-историческое значение Парижской Коммуны как первой попытки установления власти пролетариата, прообраза будущего социалистического государства. В. И. Ленин писал, что Маркс в своей работе оценил Коммуну как революционер — «глубоко, метко, блестяще и *действительно*»¹. Показателен и тот энергичный революционный стиль, которым написано воззвание. Идеальный рост пролетариата, глубокие сдвиги, происшедшие в Интернационале с момента его основания, позволили Марксу отбросить ту умеренность формы изложения идей научного социализма, которую он должен был соблюдать из тактических соображений в самых первых документах деятельности Международного Товарищества Рабочих. Он мог и считал необходимым теперь вновь вернуться к языку «Манифеста Коммунистической партии».

Великим историческим актом Парижской Коммуны, подчеркнул Маркс, явилось уничтожение буржуазного государственного бюрократического аппарата, старой армии и полиции, административных и судебных органов. Коммуна, отмечал Маркс в письме Кугельману, дала практическое, наглядное подтверждение сделанного в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» (1852) вывода о необходимости слома государственной машины буржуазии как важнейшем условии освобождения пролетариата и всех трудящихся. Маркс придавал особое значение этому краеугольному положению революционной теории, вытекавшему из всего опыта Парижской Коммуны. Помимо «Гражданской войны во Франции» он четко сформулировал его и в написанном им вскоре вместе с Энгельсом предисловии к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 г.

В «Гражданской войне во Франции» Маркс развеял реформистские иллюзии о возможности использования буржуазного государства, как такового, в социалистических целях. Он показал, что эксплуататорская сущность этого государства не меняется, в какой бы форме оно ни выступало — монархической, бонапартистской, парламентско-республиканской.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 49.

В то же время в вопросе об отношении рабочего класса к буржуазному государству Маркс проявил присущий ему диалектический и конкретно-исторический подход. И здесь он выступил против догматического абсолютизирования тех или других положений. Критика буржуазного парламентаризма, подчеркивание ограниченности буржуазной демократии не содержали у него даже намека на отказ от использования буржуазных свобод и парламента в интересах рабочего класса и трудящихся масс. Процесс разрушения буржуазного государства, отмечал Маркс, отнюдь не исключал возможности сохранения традиционных демократических институтов, например всеобщего избирательного права, поддающихся преобразованию в подлинно народном духе. Он писал о необходимости «отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества»¹.

Характерно и то, что положение о насильственном уничтожении старой государственной машины Маркс аргументировал в первую очередь материалом, отражавшим историческое развитие и тогдашнее состояние континентальной Европы. Он считал это положение обязательным в тех исторических условиях для большинства, но не для всех без исключения стран. В письме Кугельману 12 апреля 1871 г., формулируя этот вывод, он прямо указывал, что имеет в виду пролетарские революции на европейском континенте. Для тех же стран, где, как в Англии того времени, еще не существовало развитого военно-бюрократического аппарата, Маркс допускал возможность завоевания власти рабочим классом и революционного преобразования государственной системы без вооруженного восстания, мирными средствами.

Величайшей заслугой Маркса как революционного ученого явилось то, что он увидел в Коммуне черты зарождавшегося пролетарского государства, ту форму пролетарской власти, которой следует заменить разбитую государственную машину буржуазии. Он писал, что Коммуна была «открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»². Однако этим общим выводом Маркс не ограничился. Он сумел выявить характерные черты государства типа Парижской Коммуны, раскрыть его главные особенности. Уже то обстоятельство, что пролетарская революция сочетала ломку старого, буржуазного государства со строительством нового, подчеркивал он, свидетельствует о ее созидательном характере. Коммуна в этом смысле показала все убеждение представителей бакунистов о социалистическом перевороте как абсолютном разрушении и ликвидации всякой го-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 344.

² Там же. С. 346.

сударственности. Она на практике опровергла анархистское отрицание диктатуры пролетариата.

Коммуна, отмечал Маркс, была первым в истории государством, явившимся подлинным выразителем и защитником интересов трудящихся масс, опиравшимся во всей своей деятельности на эксплуатируемое большинство народа. Из самой пролетарской природы этого государства вытекал его последовательный демократизм — выборность, сменяемость, ответственность перед народом всех органов власти и должностных лиц, подлинно демократические принципы строительства и организации вооруженных сил (национальной гвардии), новой административной и судебной системы, системы общественной безопасности. Повсюду оно стремилось выкорчевывать дух бюрократизма, уничтожить привилегии чиновников, ставившие их над народом.

В то же время Маркс указывал, что новая пролетарская власть должна быть в достаточной мере централизованной и твердой. Ей предстоит служить орудием пролетариата в классовой борьбе с буржуазией, подавлять «мятежи рабовладельцев». Ошибкой коммунаров, проистекавшей из их неопытности, явилось недостаточно решительное использование этого орудия против версальских контрреволюционеров. Однако в противовес бюрократическо-полицейским методам централизации, применяемым буржуазным государством, пролетарское государство типа Парижской Коммуны осуществило ее подлинно демократическим путем.

Необходимость для победившего пролетариата располагать достаточно централизованной властью Маркс связывал и с той грандиозной работой, которую предстояло провести в области преобразования социальных отношений. У Коммуны, просуществовавшей всего 72 дня, не было достаточного времени и возможностей для того, чтобы развернуть эту работу в надлежащих масштабах. Однако социальные мероприятия, которые она успела провести (передача рабочим кооперативам предприятий бежавших из Парижа предпринимателей и т. д.), Маркс высоко оценил как первые шаги, обозначившие направление экономической политики пролетарского государства, целью которой является превращение средств производства, земли и капитала «в орудия свободного ассоциированного труда». При этом Маркс предостерегал против авантюристического подхода к проведению экономических и социальных преобразований. Он указывал, что они не могут быть осуществлены одним ударом, что нельзя ни от Коммуны, ни от любого другого пролетарского правительства ждать подобных чудес. Выполнение подобной задачи является делом целого переходного периода, относительно длительным процессом, в ходе которого должны измениться и обстоятельства, и сами люди. В этой связи Маркс придавал большое значение и культурно-просветительной работе пролетарского государства, призванного сделать образование «до-

ступным всем»¹ и тем самым обогатить народные массы достижениями мировой науки и культуры.

На опыте Коммуны Маркс раскрыл роль пролетариата как подлинного защитника интересов трудового крестьянства и городской мелкой буржуазии — его естественных союзников, как борца за подлинные интересы нации. Коммуна ярко обнаружила интернационалистскую сущность пролетарской революции и непримиримое отношение к буржуазному шовинизму и национализму. Свои задачи первое рабочее государство отождествило с делом международного освободительного движения трудящихся. В рядах коммунаров сражались революционеры разных национальностей. Вся деятельность Коммуны убедительно продемонстрировала единство демократических и социалистических задач пролетарской революции, ее национальных и интернациональных целей.

Один из важнейших уроков Коммуны вытекал не столько из ее позитивного, сколько из ее негативного опыта. Главной причиной ее поражения было отсутствие во главе рабочей власти испытанного и ясно понимавшего ее задачи руководителя — революционной пролетарской партии. Ни пользовавшиеся наибольшим влиянием в Коммуне бланкисты, ни левые прудонисты, ни тем более мелкобуржуазные неоякобинцы не были способны на такую роль, как писал впоследствии Энгельс, комментируя содержание «Гражданской войны во Франции». Правда, сам ход революционных событий, классовый инстинкт масс побуждали преданных делу революции коммунаров искать и зачастую находить правильный образ действий. Но этот образ действий противоречил их собственным мелкобуржуазным доктринам, влияние которых они еще не преодолели. Такое осуществляемое стихийно, на ощупь и часто вопреки собственным убеждениям руководство не могло обеспечить последовательную революционную политику и предохранить от роковых ошибок. К тому же разлад между различными направлениями нередко вызывал дезорганизацию в работе самой Коммуны. Пролетариату нужен боевой, сплоченный авангард, вооруженный знанием законов общественного развития, — этот вывод, который давно был ясен Марксу, теперь наглядно подтвердил опыт пролетарской революции в Париже. Без революционной партии рабочий класс не сможет удержать завоеванную власть и осуществить социалистические преобразования. Всем своим содержанием «Гражданская война во Франции» подводила к пониманию этого кардинального положения.

Ни на минуту не впадая в идеализацию Коммуны, не замалчивая ее ошибок, Маркс со всей страстностью пролетарского публициста отображает все величие дела парижских коммунаров. Он не устает восхищаться подлинным гуманизмом простых рабочих Парижа, героически приступивших в обстановке военной разрухи,

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 343.

после четырехмесячной блокады, к строительству нового общества, той скромностью, трудолюбием и истинной самоотверженностью, с которыми они выполняли свою историческую миссию. «Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы Париж» — вот главный герой бессмертного произведения Маркса. Ему он противопоставляет лицемерие, классовый эгоизм и свирепую жестокость буржуазного мира, олицетворением которого явились палачи Коммуны, главари версальского правительства — эти потерявшие человеческий облик «сторожевые псы «порядка»»¹.

Представители революционно-пролетарского крыла Интернационала, восприняв воззвание «Гражданская война во Франции» как программный документ Международного Товарищества Рабочих, приложили все усилия для его распространения. Первое издание воззвания на английском языке тиражом в 1 000 экземпляров вышло в свет 13 июня, в конце июня было выпущено второе, в количестве 2 000 экземпляров, а в августе — третье. Сразу же были приняты меры к опубликованию документа на немецком, французском, фламандском, датском, голландском, испанском, итальянском, русском, сербско-хорватском и других языках. Ни одно произведение Маркса не получало еще в такой короткий срок столь широкого распространения.

Энергичная деятельность по популяризации воззвания принесла свои плоды — о нем заговорили во всех концах света. Не удалось прибегнуть к методу замалчивания и английской буржуазной прессе. Уже с середины июня в буржуазных газетах стали появляться враждебные отклики в форме тенденциозных комментариев к публикуемым выдержкам или в виде передовых с выпадами против Интернационала. Газета «Times» выступила даже дважды. «...Ярость мирового филистерства по случаю Вашей «Гражданской войны во Франции» должна быть велика, судя по ярости английского филистера...» — писал Марксу по этому поводу один из его друзей².

Маркс и Энгельс приняли вызов буржуазной прессы и не уклонились от полемики. За короткий срок ими было написано в редакции различных газет, чаще всего от имени Генерального Совета, более двух десятков писем, заявлений и опровержений. Они рассчитывали использовать традиции английской буржуазной печати, предписывавшие ей публиковать все письма читателей. Но эти традиции не распространялись на защитников пролетариата, и лишь некоторые заявления появились в «Times», «Daily News» и в других печатных органах. Остальные были помещены в периодических изданиях Интернационала в разных странах, а некоторые сохранились в виде рукописей и увидели свет лишь позднее.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 361.

² Первый Интернационал и Парижская Коммуна. С. 524.

В разгар злобной кампании против Коммуны и Интернационала Маркс, который ранее не допускал, как правило, огласки каких-либо материалов, указывающих на то, что тот или иной документ Генерального Совета принадлежит его перу, в данном случае счел нужным взять на себя персональную ответственность за действия Товарищества в защиту коммунаров. В письме редактору «Daily News» 26 июня он заявил, что является автором воззвания «Гражданская война во Франции» и готов отвечать перед судом за подлинность приведенных им фактов, касающихся Тьера, Фавра и их приспешников.

Четкое провозглашение в «Гражданской войне во Франции» революционной платформы Интернационала вызвало отход от него колеблющихся элементов, прежде всего многих реформистов. Так, Генеральному Совету в июне 1871 г. пришлось открыто порвать с правыми лидерами английских тред-юнионов Оджером и Лекрафтом, которые выступили в буржуазной печати с осуждением воззвания и тем самым по существу повторили предательский акт правого прудониста Толена, оказавшегося в дни Коммуны в лагере версальской буржуазии. Углубились противоречия и с анархистскими сектантами.

В то же время широкое распространение официального документа, в котором, как писал Энгельс, Генеральный Совет открыто высказался «в пользу коммунизма»¹, чрезвычайно помогло сплочению подлинно пролетарских сил в Международном Товариществе Рабочих. Ускорился процесс перехода передовых пролетариев на позиции марксизма. Консолидация пролетарских масс под революционным знаменем Интернационала значительно продвинулась вперед.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 223.

*Глава
тринадцатая*

В борьбе за чистоту идейного знамени Интернационала

Жизнь Мавра без Интернационала
была бы бриллиантовым кольцом,
из которого вынут бриллиант.

Фридрих Энгельс

Подготовка Лондонской конференции

Выпуск «Гражданской войны во Франции» явился только первым шагом в приобщении рабочего класса к опыту Парижской Коммуны. Предстояли еще упорная борьба и огромная разъяснительная работа для того, чтобы подтвержденные и обогащенные этим опытом положения о социалистической революции, пролетарском государстве, о необходимости создания революционной партии рабочего класса в каждой стране были официально признаны программными принципами Интернационала.

Между тем жестокие преследования коммунаров переросли в поход мировой реакции против Интернационала. Они все более приобретали характер согласованных действий европейских правительств, направленных на подавление рабочего движения. К полицейским акциям версальского правительства присоединились правительства Германии, Австро-Венгрии, Испании, Италии, Бель-

гии, Дании и царской России. Даже в таких «свободных» странах, как Англия и Швейцария, реакционные силы требовали репрессий против коммунаров и членов Интернационала.

Невиданный размах приобрела клеветническая кампания против Международного Товарищества Рабочих. В отчете Гаагскому конгрессу 1872 г. Маркс писал: «Эта война, введущаяся посредством клеветы, не имеет себе равной в истории ни по масштабу военных действий, театр которых охватил все страны, ни по тому единодушию, с которым в ней участвуют представители всех оттенков господствующего класса»¹. Характерным для этой кампании было и то, что атаки все чаще направлялись лично против Маркса.

После выхода «Гражданской войны во Франции» имя Маркса как руководителя Интернационала становилось все более известным. Чем больше росла его популярность среди рабочих и прогрессивных кругов, тем яростнее становились нападки противников пролетарского движения на «верховного главу Интернационала», как называли его во враждебной прессе. Прибегая к старому приему — для дискредитации движения оклеветать его руководителя, — буржуазная печать стала распространять всевозможные измышления о Марксе. Как и раньше, Маркс чаще всего воздерживался от ответов на личные выпады. Но когда они могли нанести вред Интернационалу, он публично разоблачал клеветников.

Сложность положения была обусловлена и тем, что в рабочее движение вливались новые слои пролетариата. Секции Интернационала возникали и расширялись в Испании, Португалии, Италии, Дании, Голландии, Латинской Америке, — в то время отсталых странах. Многие их представители находились еще под влиянием различных течений мелкобуржуазного социализма, преимущественно бакунистского анархизма. Одновременно усилили борьбу против революционных принципов Интернационала реформистские элементы, напуганные заревом Коммуны.

Все это прямо диктовало необходимость внести большую ясность в идейно-политические задачи пролетарского движения и усовершенствовать формы его организации. Однако полномочный общий конгресс, на котором могли быть поставлены эти вопросы, в ближайший момент нельзя было провести. Учитывая сложившуюся ситуацию и опираясь на прецедент 1865 г., Маркс и Энгельс 25 июля 1871 г. предложили Генеральному Совету создать в сентябре в Лондоне закрытую конференцию делегатов Товарищества.

Вся тяжесть подготовки конференции пала на Маркса и Энгельса. Следовало выработать проекты резолюций, которые в соответствии с потребностями рабочего движения после Коммуны уточнили бы политическую программу Интернационала. Необходимо было сплотить вокруг этих резолюций большинство Генерального Совета.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 130.

15 августа Маркс внес на заседании Совета предложение, чтобы конференция ограничилась «вопросами организации и тактики», определив таким образом направление ее работы. На том же заседании Совет поручил разработку проекта резолюций Постоянному комитету (Подкомитету). Это значительно облегчало задачу Маркса, поскольку в Подкомитете преобладали его соратники. Маркс и Энгельс информировали о созыве конференции местные организации Интернационала. Как секретарь-корреспондент для России Маркс специально оповестил об этом Утина, сообщив также, что конференция должна будет рассмотреть вопрос о конфликте с бакунистами в Романской федерации Швейцарии.

Во второй половине августа сильнейшее переутомление Маркса сделало для него абсолютно необходимым перерыв в работе. Но он позволил себе всего лишь двухнедельный отдых в Брайтоне. Однако и оттуда он вел почти ежедневную переписку с Энгельсом по делам Интернационала.

Вернувшись в Лондон в начале сентября, Маркс все силы отдал подготовке конференции. 5 сентября на заседании Генерального Совета он предложил, чтобы члены Совета присутствовали на ее заседаниях с совещательным голосом; в случае невозможности приезда делегатов из той или другой страны ее организации должен был представлять соответствующий секретарь-корреспондент. Проекты резолюций предварительно были рассмотрены членами Подкомитета, собиравшимися 9 и 11 сентября на квартире у Маркса. 12 и 16 сентября их обсудил и утвердил Генеральный Совет. В результате была выработана повестка дня конференции.

В середине сентября в Лондон начали прибывать делегаты. Маркс и Энгельс встречали их, помогали им устроиться.

Дом Маркса издавна являлся местом встречи приезжавших в Лондон пролетарских революционеров. Все члены его семьи чрезвычайно тепло, с радушием и гостеприимством относились к прибывавшим товарищам по борьбе. Даже склонявшийся к анархизму испанский делегат Ансельмо Лоренцо до конца жизни сохранил память о дружеском приеме, который был ему оказан Марксом накануне Лондонской конференции. «...Мой извозчик,— писал он спустя 30 лет в своих воспоминаниях,— остановился перед домом, в котором жил Маркс. В дверях появился старик. Он был похож на величественного патриарха. Подойдя робко и почтительно, я представился как делегат Испанской федерации Интернационала. Старик обнял меня, поцеловал в лоб и, заговорив по-испански, повел меня в дом. Это был Карл Маркс.

Поскольку его домашние уже разошлись, он сам с пленительной любезностью подал мне ужин. Потом мы пили чай и пространно беседовали о революционных идеях, о пропаганде, организации, причем Маркс выразил свое удовлетворение достижениями в Испании». Далее беседа перешла на темы испанской литературы, и

Маркс высказал суждения о творчестве Кальдерона, Лопе де Вега и Тирсо де Молина, поразившие его испанского собеседника своей компетентностью и глубиной. Разговор затянулся допоздна, и Лоренцо остался ночевать у Маркса. Наутро Маркс проводил его в приготовленную квартиру¹.

Века в истории Интернационала

17 сентября 1871 г. в помещении Артизенс-клуб на Тоттенхем-корт-род открылась Лондонская конференция Интернационала. Маркс представлял на конференции Германию, Энгельс — Италию.

В речи при открытии конференции Маркс сформулировал ее главную задачу — «приступить к новой организации, отвечающей потребностям обстановки»². Поэтому в центр всей работы он поставил вопрос о пролетарской партии — стержневой пункт борьбы с идеологами анархизма и тред-юнионизма. Неудивительно, что вокруг основной резолюции по этому вопросу — «О политическом действии рабочего класса» — разгорелись жаркие дебаты. Первоначальный проект ее был внесен 20 сентября видным участником Парижской Коммуны бланкистом Вайяном. В нем говорилось, что во имя окончательного торжества своего дела рабочие должны «сплотить свои силы на политической почве не в меньшей мере, чем на почве экономической»³. Несмотря на расплывчатость формулировки Вайяна, его проект вызвал резкие возражения анархистских делегатов. Они противопоставили ему предложение испанца Лоренцо создать вместо Интернационала международное объединение профессиональных союзов, далекое от политики. Близкую этому идею выдвинул и французский рабочий, бывший коммунары Делаэ, предложивший рассматривать будущую международную федерацию профессиональных союзов как некий прообраз грядущего общественного устройства («Коммуны будущего»), которое, по его мнению, должно было основываться на принципах децентрализации и автономии. Задачу секций Интернационала Делаэ ограничил пропагандой. Оба проекта резолюции, как Лоренцо, так и Делаэ, по своему существу были анархо-синдикалистскими.

Защищая и развивая проект Вайяна, Маркс показал, что предлагаемый анархистами тип организации сходен с тем, который уже существует на практике в форме тред-юнионов. В противовес анархистам Маркс, опираясь на опыт Коммуны, доказывал, что рабочему классу необходимо вести политическую борьбу, высшей

¹ Lorenzo A. El proletariado militante. Memorias de un International. Barcelona, [1907]. Т. 1. P. 314.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 643.

³ Лондонская конференция Первого Интернационала, 17—23 сентября 1871 г.: Протоколы и документы. М., 1988. С. 228.

формой которой является пролетарская революция. Успех этой революции, завоевание политической власти, подчеркивал он, невозможен без организации пролетариата в политическую партию. Профессиональные союзы не в состоянии выполнить ту роль политического воспитателя и руководителя рабочего класса, которую осуществляет партия пролетариата. Тем самым Марксом была показана неправомерность подмены политической партии рабочего класса профессиональными союзами.

Отметив в специальной речи большую роль профессиональных союзов в организации пролетариата, Маркс указал на известную ограниченность и узость их деятельности. Кроме того, он вскрыл и специфические пороки тогдашних английских тред-юнионов — представителей в основном рабочей аристократии, привилегированного меньшинства английского рабочего класса, игнорировавших интересы низкооплачиваемой массы рабочих.

Касаясь форм и методов политической борьбы рабочего класса, его революционной тактики, Маркс говорил: «Мы должны заявить правительствам: мы знаем, что вы — вооруженная сила, направленная против пролетариев; мы будем действовать против вас мирно там, где это окажется для нас возможным, оружием — когда это станет необходимым»¹.

В поддержку предложения Вайяна выступил также Энгельс. И его речь была направлена как против анархистского лозунга воздержания от политической деятельности, так и против тред-юнионистского толкования «рабочей политики», означавшего приспособление интересов пролетариата к интересам буржуазии. «...Рабочая партия, — говорил Энгельс, — не должна плестись в хвосте той или иной буржуазной партии, а должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика»².

Логически безупречная, опирающаяся на практический опыт революционной борьбы аргументация Маркса и Энгельса оказала положительное воздействие на делегатов. Большинство их проголосовало за принятие резолюции «О политическом действии рабочего класса». Окончательный текст ее поручалось составить Генеральному Совету, иными словами, фактически его руководителям — Марксу и Энгельсу. Первоначальный вариант был ими основательно переработан с учетом того, что говорилось на конференции в ее поддержку. В таком отшлифованном виде резолюция гласила: «...против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 649.

² Там же. С. 421—422.

³ Там же. С. 427.

Заботой о внедрении пролетарской партийности в Интернационале, о развитии его тактических и организационных принципов — положений о союзе рабочего класса с крестьянством, о содействии интернациональным связям рабочего класса, в том числе и по линии профессиональных союзов, о запрещении существования внутри Товарищества заговорщических и сектантских групп и т. д. — были проникнуты и другие резолюции конференции. Многие из них внес Маркс. По предложению Маркса и других делегатов конференция, в частности, поручила Генеральному Совету осуществить новое издание Устава, учтя в нем все дополнения, внесенные конгрессами. С другой стороны, требовалось освободить Устав от положений, утративших силу. В конце 1871 г. благодаря усилиям Маркса и Энгельса переработанный Общий Устав был издан на английском и французском языках, в феврале 1872 г. — на немецком. В разделе «Приложения» давалось документальное обоснование всем внесенным изменениям. Выпуск нового Устава, наряду с постановлением конференции, обязывающим каждого члена Интернационала иметь его экземпляр — во многих странах на нем отмечалась уплата взносов и таким образом экземпляр являлся своего рода членским билетом, — способствовал укреплению идейного единства Интернационала и дисциплины в его рядах.

Значительное место в работе конференции занял вопрос о конфликте между сторонниками Генерального Совета и бакунистами в Швейцарии. Маркс входил в состав комиссии, назначенной для его разбора. Она собиралась по вечерам у него дома, обычно после заседаний конференции. Маркс был лучше других осведомлен о деятельности бакунистов. От швейцарских членов Интернационала — Утина, Перре, Беккера — он знал об обстоятельствах раскола в Романской федерации на съезде в Шо-де-Фоне в апреле 1870 г. Маркс видел также, что подрывная деятельность бакунистов выходит за рамки Швейцарии, что они плетут интриги также в Испании и Италии. Лопатин и другие русские друзья сообщали ему о связях Бакунина с известным заговорщиком С. Г. Нечаевым и о том вреде, который нанесли методы последнего — терроризм, провокации, обман, особенно когда они применялись к самим участникам революционной борьбы. Однако ни Марксу, ни его соратникам в то время не было известно о существовании тайной организации бакунистов внутри самого Товарищества, не вполне ясна была и общая картина, и масштабы их дезорганизаторской работы.

Все это определило характер составленных Марксом резолюций. В них подтверждалось решение Генерального Совета, который сохранил за старым Федеральным советом название Романский и тем самым дал отпор попытке бакунистов захватить в свои руки руководство Романской федерацией.

Маркс был доволен итогами конференции, хотя успех достался нелегко и в ходе заседаний ему пришлось выступить 97 раз. «Сегодня

наконец конференция заканчивается, — писал он 23 сентября жене в Рамсет. — Это была тяжелая работа. Утренние и вечерние заседания, в промежутках заседания комиссий, заслушивание очевидцев, подготовка докладов и т. д. Но зато и сделано больше, чем на всех предыдущих конгрессах, вместе взятых...»¹

25 сентября в Лондоне состоялось торжественное собрание, посвященное семилетию Интернационала. На нем присутствовали участники конференции, члены Генерального Совета, эмигранты Коммуны. В большой речи Маркс раскрыл исторические уроки Коммуны и значение решений только что закончившейся конференции. Подчеркивая всемирно-историческую роль Коммуны, как первой попытки завоевания политической власти рабочим классом с целью уничтожения всякого классового господства, Маркс говорил: «Но прежде чем осуществление такой перемены станет возможным, необходима диктатура пролетариата, а первым ее условием является армия пролетариата. Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы. Задача Интернационала — организовать и объединить силы рабочего класса для предстоящей борьбы»². В такой форме Маркс вновь подчеркнул значение важнейшего вывода, вытекавшего из уроков Коммуны, — вывода о необходимости создания пролетарских политических партий.

Борьба за признание решений Лондонской конференции

Маркс прекрасно понимал, что резолюции конференции встретят сопротивление со стороны анархистских и реформистских элементов. Важно поэтому было разъяснить смысл этих решений, добиться их одобрения Генеральным Советом и местными организациями.

Несмотря на ухудшающееся состояние здоровья, Маркс с величайшей энергией взялся за эту задачу. Огромную помощь ему оказывал Энгельс. Все важнейшие документы и решения Генерального Совета данного периода, все планы практических мероприятий в это время были их общим делом.

Значительную помощь Марксу оказывали его дочери. Лаура вместе с мужем Полем Лафаргом вела большую работу по пропаганде идей научного социализма во Франции и Испании; Женни и Элеонора освобождали его от части повседневной переписки.

Как и раньше, Маркс и Энгельс опирались на видных участников рабочего движения разных стран. Среди них были их старые сподвижники — Либкнехт и Бебель в Германии, Беккер в Швейца-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 249.

² Там же. Т. 17. С. 438.

рии, члены Генерального Совета — Серрайе, Дюпон, Лесснер, Лохнер и др. Устанавливались и новые связи.

В первые месяцы после окончания Лондонской конференции много времени у Маркса и Энгельса заняла подготовка к печати ее резолюций, а также нового издания Общего Устава и Организационного регламента и рассылка их в разные страны. В письмах рабочим деятелям они разъясняли, насколько важным было признание решений конференции местными организациями Интернационала. В ряде федераций прошли специальные собрания, обсуждавшие эти решения. Их одобрили немецкие секции и Романская федерация в Швейцарии, Испанский федеральный совет, английские секции, секции Интернационала в США и Бельгии.

Итоги Лондонской конференции были одобрены немецкой Социал-демократической рабочей партией, в частности съездом ее саксонской организации, состоявшимся 6—7 января 1872 г. в Хемнице. 23 января Маркс сообщил об этом на заседании Генерального Совета. Своим отношением к Лондонской конференции Эйзенахская партия подтвердила решимость следовать курсу, намеченному руководителями Интернационала. В сложных условиях наступления реакции и активизации сектантско-реформистских течений она стала основной силой в Интернационале, поддерживавшей борьбу Маркса и Энгельса за идейную чистоту его знамени, за принципы научного социализма. В ходе этой борьбы вокруг основоположников марксизма все теснее сплачивалось революционно настроенное большинство международной пролетарской организации.

Усиление борьбы с бакунистами. «Мнимые расколы в Интернационале»

В конце ноября 1871 г. из очередного номера бакунистской газеты «La Révolution Sociale» Маркс узнал о состоявшемся 12 ноября в маленьком швейцарском городке Сонвилье съезде бакунистских швейцарских секций. Съезд объявил резолюции Лондонской конференции противоречащими принципам Интернационала, провозгласил «полную автономию» секций, отказ от участия в политической борьбе, потребовал упразднения Генерального Совета как первого шага к отмене «всякого авторитета». Было объявлено также об образовании бакунистскими секциями в Швейцарии Юрской федерации.

Сразу же после получения Сонвильерского циркуляра Маркс и Энгельс приступили к подготовке ответного циркуляра Генерального Совета, который был задуман как широкое разоблачение подрывных, раскольнических действий бакунистов. Одновременно руководители Интернационала приняли меры к тому, чтобы сплотить силы, способные дать отпор бакунистам. В письмах предста-

вителям Международного Товарищества Рабочих в разных странах Маркс и Энгельс подвергли всесторонней критике доктрину и тактику анархизма, разоблачая догмы отрицания всякого «авторитета» и отказа рабочих от участия в политической борьбе. Лафаргу и другим своим соратникам по борьбе Маркс подробно разъяснял роль и значение авторитетного и ответственного перед всей организацией центрального руководящего органа для успешной деятельности Интернационала.

Марксу и Энгельсу удалось установить непосредственные контакты с представителями пролетарских масс в Италии и Испании, которые бакунисты считали своей цитаделью. Под воздействием вождей Интернационала в этих странах сформировались группы сторонников Генерального Совета, которые преодолевали влияние антипролетарской идеологии и все больше включались в борьбу с бакунизмом. Соратником Маркса и Энгельса стал, в частности, Энрико Биньями, издатель популярной итальянской газеты «La Plebe». Активным борцом против бакунизма в Италии, а затем в Бельгии был немецкий социалист Теодор Куно.

Пребывание Поля и Лауры Лафарг в Испании позволило Марксу и Энгельсу теснее связаться с основателями и руководителями испанских секций — Хосе Меса, Франсиско Мора и Пабло Иглесиасом.

Борьба сторонников Маркса с бакунистским влиянием привела к основанию летом 1872 г. Новой мадридской федерации — опоры Генерального Совета в Испании. Через Лафарга и своих испанских друзей Маркс и Энгельс связались также с Португальской федерацией, один из руководителей которой Нобре-Франса впервые познакомил португальских рабочих с «Манифестом Коммунистической партии» и другими произведениями научного социализма.

Работа над составлением антибакунистского циркуляра также продвигалась вперед. 5 марта 1872 г. Маркс познакомил членов Генерального Совета с основным содержанием написанного им и Энгельсом на французском языке произведения «Мнимые расколы в Интернационале». Совет единогласно одобрил документ и уполномочил Подкомитет его опубликовать.

Работа «Мнимые расколы в Интернационале» представляет собой яркий образец защиты принципов пролетарской партийности и разоблачения анархистского сектантства, прикрывающегося ультралевофразой. Авторы вскрыли природу и исторические корни сектантских течений, доказали несостоятельность догм и порочность практических действий анархистов.

Освещение этой последней стороны, обоснованное неоспоримыми фактами и документами, имело большое значение, поскольку большинство членов Интернационала не было осведомлено об интригах бакунистов, о раскольнических и двурушнических методах, которые они применяли в борьбе с Генеральным Советом. Не всем

ясна была и их подлинная цель — захват руководства Товариществом. Поэтому Маркс и Энгельс изложили всю историю взаимоотношений бакунистского открытого Альянса с Генеральным Советом, вскрыли подоплеку клеветнических нападок сторонников Бакунина на Совет, их кампании против решений Лондонской конференции. Подробно были разобраны все положения Сонвильерского циркуляра, показан его клеветнический характер, его дезорганизаторская сущность.

Вся деятельность бакунистов, подчеркивали Маркс и Энгельс, проникнута воинствующим сектантством и направлена на замену сектами Интернационала — подлинной и боевой организации пролетариата всех стран, объединенного в общей борьбе против капиталистов и землевладельцев, против их классового господства¹. Авторы «Мнимых расколов» показали, что социалистическое сектантство является характерной чертой первого, незрелого этапа рабочего движения, его детства, подобно тому как астрология и алхимия представляют детство науки. Играя первоначально известную положительную роль, пробуждая интерес рабочих к социализму, секты превращаются в помеху для рабочего движения, как только оно в своем развитии перерастает эту раннюю стадию. Стремившиеся к воскрешению сектантства бакунисты отражали вчерашний день рабочего движения, тянули его назад.

Разбирая выдвигаемую Бакуниным и его сторонниками программу, Маркс и Энгельс показали, что она «представляет собой лишь беспорядочное нагромождение давно погребенных идей, прикрытых звонкими фразами, способными запугать лишь буржуазных кретиннов или служить уликой против членов Интернационала в глазах бонапартовских или иных прокуроров»². Они доказали несостоятельность анархизма, его враждебность рабочему движению и подлинно революционной теории рабочего класса. Все коренные задачи освободительной борьбы пролетариата — завоевание государственной власти и использование ее для построения бесклассового общества, в котором государство должно отмереть, исчезнуть, — анархисты ставили «навыорот», предлагая начать дело с разрушения всякой государственности. Самым вредным в их деятельности была попытка внести анархию в ряды пролетариата, равносильная стремлению обезоружить его в борьбе с эксплуататорами, обладающими мощными политическими, экономическими и военными средствами.

Во время работы над брошюрой Маркс считал центральной задачей сохранение единства Интернационала, идейный разгром и изоляцию бакунистов. Он учитывал, что выступление анархистских сектантов было использовано реакцией, поспешившей возвестить о расколе и кризисе Интернационала. Само название брошюры слу-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 30—31.

² Там же. С. 31.

жило ответом на эту версию, пущенную в ход буржуазной прессой. Маркс и Энгельс подчеркивали, что перед лицом репрессий Интернационал, не считая небольшой группы раскольников, един, что в упрочении этого единства залог силы и успехов пролетариата. Чтобы не давать врагам рабочего движения лишнего повода для клеветы, «Мнимые расколы» были выпущены не для публичного распространения, а как закрытый циркуляр только для членов Товарищества.

Однако к моменту выхода брошюры в свет — она была издана в Женеве в мае 1872 г. — борьба с бакунистами уже вступила в новую фазу. В конце апреля 1872 г. Маркс и Энгельс впервые получили от Лафарга сведения, что Альянс социалистической демократии, объявленный бакунистами распущенным, сохранен в качестве тайного общества. Этот факт, естественно, менял характер борьбы. Существование внутри Интернационала тайной международной организации бакунистов со своим уставом и программой означало, что бакунисты, подрывавшие своими открытыми выступлениями идейное единство Товарищества, на практике уже осуществляли и его организационный раскол. Теперь речь шла не только об идейной борьбе с ними, но и об организационных мерах по устранению этого инородного тела из Международного Товарищества Рабочих.

Против реформизма

После Парижской Коммуны главным идейным противником научного социализма в Интернационале справа становится английский либеральный тред-юнионизм. Рупорами тред-юнионистской идеологии в Генеральном Совете явились те реформистские элементы, которые, соглашаясь на словах с резолюциями Лондонской конференции, пытались истолковать их в духе либеральной рабочей политики. Рабочая партия в Англии мыслилась реформистами как партия, сотрудничающая с либералами и с их помощью обеспечивающая проведение в парламент «рабочих лидеров».

Маркс понимал, что в рабочем движении Англии происходит сдвиг вправо. В этих условиях особенно важно было не допустить искажения английскими реформистами принципов Интернационала и заложить идейные основы будущей самостоятельной партии рабочего класса в Англии. Маркс рассчитывал, что создание по постановлению Лондонской конференции самостоятельного Британского федерального совета (ранее его функции выполнял Генеральный Совет) в сложившейся после 1871 г. обстановке будет способствовать решению этих задач. Федеральный совет мог послужить опорой Товарищества в Англии, привлечь на его сторону пролетарские массы, как входящие, так и не входящие в тред-юнионы.

Однако в составе Британского федерального совета оказалось немало лиц, связанных с буржуазными радикалами. На роль его ру-

ководителя претендовал Джон Хейлз — человек недюжинных способностей, весьма энергичный. В свое время он по ряду вопросов поддерживал Маркса в Генеральном Совете. Однако оппортунистические тенденции взяли у Хейлза верх. Сказалось и стремление противопоставить руководство Британской федерации Генеральному Совету. Чтобы обеспечить себе большинство в Британском совете, Хейлз привлек в него представителей полурабочих, полурадикальных обществ Лондона, с которыми он был тесно связан.

На заседании Генерального Совета 16 января 1872 г. Маркс добился удаления из Федерального совета всех членов мелкобуржуазных организаций, в первую очередь Всеобщей республиканской лиги. В Устав Британской федерации были внесены изменения, ставившие известные преграды для проникновения в ее руководящий орган мелкобуржуазных элементов. Марксу удалось сплотить революционные силы — Лесснера, Дюпона, бывших участников чартистского движения Милнера, Мёррея, Буна и других, — опираясь на которые он мог вести борьбу с Хейлзом и его приверженцами.

Большое значение в борьбе с оппортунистической идеологией сред-юнионизма, которой были присущи буржуазно-националистические тенденции, имела развернувшаяся в Генеральном Совете весной 1872 г. дискуссия по ирландскому вопросу. Она возникла в связи с шовинистической позицией Хейлза и ряда других английских членов Британского федерального и Генерального советов по отношению к создававшимся в Англии и Ирландии ирландским секциям. Хейлз выступил против создания самостоятельных ирландских секций. Разоблачая его поведение как отход от принципов пролетарского интернационализма, Маркс и Энгельс вновь подчеркнули, что одной из важнейших задач английского рабочего класса является поддержка ирландского национально-освободительного движения.

Маркс использовал и другие возможности для выступления против реформистской идеологии. Такой случай представился, например, когда 3 марта 1872 г. к Энгельсу обратился Дюпон, руководитель входившей в Британскую федерацию Манчестерской иностранной секции, с просьбой помочь ему провести дискуссию по аграрному вопросу. В ответ на это Маркс в марте—апреле написал работу «Национализация земли» и отправил ее Дюпону. 8 мая Дюпон зачитал в секции рукопись в качестве доклада. 15 июня она была опубликована органом Британского федерального совета «The International Herald».

В этом содержательном, весьма важном в теоретическом отношении документе Маркс, в противоположность английским реформистам, истолковывавшим требование национализации земли как исключительно буржуазно-демократическую меру, осветил проблему национализации в неразрывной связи с задачами пролетарской революции и социалистического преобразования общества. Рабочий

класс, указывал он, не должен рассматривать как самоцель такую национализацию, которая предполагает передачу земли, ставшей собственностью буржуазного государства, «мелкими участками отдельным лицам или товариществам рабочих»¹. В этом случае национализация привела бы к усилению конкуренции между индивидуальными хозяйствами и к обогащению крупнейших из них за счет производителей. Подлинная, «гуманная цель» великого движения рабочего класса — добиться превращения земли и других средств производства в общественную собственность, в собственность «всей нации». Только на этой основе можно будет осуществить «полную перемену в отношениях между трудом и капиталом», целесообразным и рациональным образом организовать все отрасли производства, в том числе сельское хозяйство, широко используя преимущества коллективного социалистического труда. «Национальная централизация средств производства станет национальной основой общества, состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану»². Однако достигнуть этого, подчеркивал Маркс, можно только посредством глубокой социальной революции, в результате перехода государственной власти из рук буржуазии в руки пролетариата.

Разногласия между сторонниками Маркса и оппортунистически-ми тред-юнионистскими элементами получили дальнейшее развитие в связи с конфликтом в американских секциях, вызванным попытками буржуазных реформаторов использовать организации Интернационала в США в своих целях. Некоторые радикальные американские деятели стали создавать в Нью-Йорке и других местах буржуазные по своему составу секции. Они претендовали на роль руководителей всех организаций Товарищества в США, оспаривали полномочия их федерального органа, пытались подменить программу Интернационала требованием буржуазных реформ. Борьба подлинно пролетарских сил против них приняла весьма острый характер.

В письмах Зорге, Больте и другим лидерам Интернационала в США Маркс наметил основную линию действия: во что бы то ни стало помешать буржуазным радикалам завладеть руководством американским рабочим движением. В то же время он писал о необходимости преодолевать сектантство, добиваться вовлечения в ряды Товарищества коренных американских рабочих, прежде всего объединенных в профессиональные союзы. В условиях США, где секции Интернационала охватывали в основном рабочих-иммигрантов (немцев, французов, ирландцев, чехов), задачи, которые ставил Маркс, выражали коренные потребности борьбы за создание самостоятельной пролетарской партии в стране.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 56.

² Там же. С. 57.

Маркс с постоянным вниманием следил за событиями в американских секциях. Сохранилась объемистая тетрадь его выписок из американских газет, брошюр и других материалов. 5 и 12 марта 1872 г., обобщая собранные данные, он выступил на заседаниях Генерального Совета с сообщением о расколе в США и предложил принять ряд конкретных мер по укреплению пролетарского состава американских секций.

По предложению Маркса Генеральный Совет исключил из Интернационала нью-йоркскую секцию № 12 — главный очаг буржуазного влияния.

Ограждая Товарищество от проникновения «лжереформаторов, буржуазных шарлатанов и продажных политиканов», Совет вынес решение, согласно которому секции должны были состоять по крайней мере на две трети из наемных рабочих¹. 28 мая 1872 г. Генеральный Совет признал Временный федеральный совет, образованный пролетарскими секциями, единственным руководящим органом Интернационала в Соединенных Штатах.

Во время обсуждения вопроса о расколе в секциях США обнаружилось, что ряд членов самого Генерального Совета толкует резолюцию Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса в оппортунистическом, реформистском духе. Особенно ярко это проявилось в выступлениях Хейлза и Эккариуса, призывавших к единству с буржуазными реформаторами. Между Марксом и Эккариусом произошел разрыв. Многолетняя дружба не помешала Марксу строго осудить его поведение. 3 мая 1872 г. он писал Эккариусу: «...ты, по-видимому, вообразил, что когда делаешь промахи, то тебе должны говорить комплименты, а не правду, как всякому другому»². Не сумев понять важнейшие положения научного социализма и подлинный смысл решений Лондонской конференции, Эккариус перешел в лагерь английских реформистов, стал открытым противником Маркса, его революционной линии.

Связи с эмигрантами Коммуны

Обострение борьбы внутри Генерального Совета и усиление оппортунистических тенденций среди его английских членов заставляли Маркса позаботиться об укреплении революционного крыла Совета за счет притока новых сил. Одним из источников пополнения были эмигранты Коммуны. Деятельность Маркса как организатора помощи эмигрантам-коммунарам сблизила с ним представителей пролетарской части французской эмиграции. Пройдя школу Парижской Коммуны, многие из ее участников, принадлежавших как к

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 49.

² Там же. Т. 33. С. 382.

бланкистам, так и к прудонистам, постепенно преодолевали свои прежние утопические воззрения и усваивали отдельные положения теории Маркса и Энгельса.

Ближе других подошли к восприятию идей Маркса о социалистической революции бланкисты, защищавшие требование создания самостоятельных политических партий рабочего класса. Личные контакты с Марксом, знакомство с такими работами, как «Нищета философии», «Капитал», оказывали на них огромное воздействие.

Вокруг Маркса сгруппировалась лучшая часть эмигрантов Коммуны. Среди них были и старые члены Интернационала — венгерский революционер Лео Франкель и французский социалист Шарль Лонге, участник польского национально-освободительного движения генерал Коммуны Врублевский и другие видные коммунары. Многие из них были введены в состав Генерального Совета.

Одним из каналов воздействия Маркса на эмигрантов-коммунаров являлось участие в созданном ими в начале 1872 г. Клубе социальных исследований. На заседаниях клуба обсуждались доклады о Коммуне и связанные с ней теоретические и исторические проблемы. Марксу представилась возможность пропагандировать идеи «Гражданской войны во Франции». Большинство участников клуба восприняло подлинно научную оценку революции в Париже, которая была дана в этой работе Маркса.

12 марта Маркс был назначен Генеральным Советом одним из ораторов на праздновании первой годовщины Парижской Коммуны, проводимом совместно с Клубом социальных исследований. 18 марта более 5 тыс. человек собрались возле Сент-Джордж-холла, где должен был состояться митинг. Однако власти запретили его. Присутствовавшие избрали 150 делегатов, которые провели собрание в небольшом помещении Клуба социальных исследований. На нем были приняты составленные Марксом резолюции. В них «героическое движение 18 марта» приветствовалось как заря «великой социальной революции, которая навсегда освободит человечество от классового общества»¹.

Навстречу конгрессу в Гааге

28 мая на заседании Генерального Совета Маркс предложил начать подготовку к очередному конгрессу Интернационала. Репрессии против рабочего движения, усиление подрывной деятельности бакунистов создавали чрезвычайно сложную обстановку. Провозглашенная Лондонской конференцией политическая программа Интернационала подвергалась нападкам и со стороны реформистских

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 51.

элементов. Интернационал переживал, по словам Маркса, «весьма критический» период¹.

С июня 1872 г. началась усиленная подготовительная работа. Маркс отдавал себе отчет в том, что конгресс должен будет сыграть решающую роль в борьбе за торжество принципов научного социализма. «На этом конгрессе речь будет идти о жизни или смерти Интернационала», — писал он Зорге². Сложен был и вопрос о выборе места проведения конгресса. Маркс предложил избрать Гаагу. Он исходил из того, что голландское правительство не встало на путь открытых репрессий по отношению к рабочему движению, а также из того, что в Голландии бакунисты и тем более английские реформисты не имели прочных связей.

Генеральный Совет определил основное содержание повестки дня конгресса. В обращении к секциям указывалось, что Совет «ставит в порядок дня как наиболее важный из вопросов... — пересмотр Общего Устава и Регламента»³. Однако в противовес бакунистам и их сторонникам, требовавшим ревизии Устава с целью изменения его в анархистском духе, Маркс и Энгельс под перисмотром его мыслили введение в программный документ Товарищества основных решений Лондонской конференции. Под руководством Маркса Генеральный Совет рассмотрел Общий Устав, статью за статьей. Сохранился экземпляр Устава с изменениями, внесенными в него Марксом. Все они были направлены на укрепление пролетарской партийности. Стремясь усовершенствовать Устав, Маркс надеялся, что он послужит основой для выработки программных документов и организационных принципов будущих пролетарских партий.

На заседании 23 июля Совет принял предложение о внесении в Устав резолюции Лондонской конференции «О политическом действии рабочего класса». Выступая в защиту этого предложения, Маркс показал, что оно направлено как против анархистов, так и против реформистов. «У нас два рода противников, — говорил он, — сторонники воздержания от политики, они ополчились на эту резолюцию более, чем кто-либо; и рабочие Англии и Америки, которые позволяют буржуазии использовать себя в политических целях. Мы должны положить этому конец...»⁴

Второй важнейшей задачей была подготовка материалов о тайном бакунистском Альянсе. Требовалось подкрепить документами имеющиеся сведения о его подрывной деятельности и тем самым обосновать предложение об исключении Альянса из Интернационала, как чуждой и враждебной Товариществу организации.

¹ См.: Генеральный Совет Первого Интернационала, 1871—1872: Протоколы. М., 1965. С. 148.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 413—414.

³ Там же. Т. 18. С. 88.

⁴ Генеральный Совет Первого Интернационала, 1871—1872. С. 196.

Готовя конгресс, Маркс и Энгельс вели обширную переписку с деятелями Интернационала в Германии, Испании, Италии, Швейцарии, США. Они запрашивали необходимые документы, настаивали на посылке делегатов на конгресс, разъясняя, что предстоит решительная схватка с бакунистами, что последние попытаются, прибегая ко всевозможным уловкам, наводнить конгресс своими делегатами.

Особое значение придавал Маркс представительству из Германии. Сознавая, что после событий 1871 г. центр тяжести континентального рабочего движения переместился в Германию, Маркс и Энгельс всячески содействовали теоретическому и организационному укреплению немецкой революционной социал-демократии.

Участие в работе конгресса единственной в то время самостоятельной пролетарской партии, по убеждению Маркса, имело принципиальное значение. Под его воздействием, несмотря на то что лидеры партии Либкнехт и Бебель в это время отбывали тюремное заключение и немецкая социал-демократия проводила в августе собственный съезд в Дрездене, Германия послала весьма представительную делегацию.

Сделав все для того, чтобы обеспечить победу революционных принципов на конгрессе, Маркс решил отказаться в дальнейшем от избрания в Генеральный Совет. Ухудшающееся состояние здоровья, препятствия, которые создавала теоретическим занятиям огромная организаторская деятельность в Совете, заставили Маркса принять это решение. О нем он сообщил близким друзьям.

Утром 20 августа Маркса посетил приехавший в Лондон из США делегат конгресса Фридрих Адольф Зорге. Эта встреча, а также постоянное общение во все последующие дни — до, во время и после конгресса — укрепили дружбу Маркса с этим талантливым организатором и пропагандистом, человеком редкой требовательности к себе и чувства ответственности, ветераном революционной борьбы.

Гаагский конгресс

1 сентября Маркс вместе с Энгельсом, Зорге и английскими делегатами прибыли в Гаагу. Маркса сопровождала жена. Он располагал мандатом от немецкой секции № 1 в Нью-Йорке и Лейпцигской секции. Уже в Гааге было получено письмо от итальянского рабочего общества в Порто-Маурицио, также избравшего Маркса своим представителем.

В этот же день состоялось предварительное совещание участников конгресса. Маркс встретил здесь многих соратников. Из Португалии прибыл Поль Лафарг вместе с Лаурой, из Швейцарии — Беккер, из Германии — Кугельман, рабочий-философ Дицген, один из редакторов «*Volksstaat*» — Гепнер. На конгресс приехали Куно, Лонге, Врублевский, Франкель.

Созыв в Гааге самого представительного из всех конгрессов Интернационала, на котором присутствовало 65 делегатов из 15 стран, встревожил реакционные силы Европы. Гаагу наводнили шпионы разных стран. Прибыли и корреспонденты буржуазных газет. Центральной фигурой на конгрессе был Маркс как признанный руководитель Интернационала. К нему, великому пролетарскому ученому и революционеру, автору «Капитала», «Гражданской войны во Франции» и других выдающихся произведений, обращались взоры большинства делегатов, представителей местных рабочих, а также сочувствующих Интернационалу демократических кругов. «Особое внимание,— писал участник конгресса англичанин Мальтман Барри,— привлекал Карл Маркс, его имя было у всех на устах»¹.

Заседания проходили в небольшом кафе Схрайфера в доме № 109 на Ломбард-страат. Конгресс вызвал большой интерес у трудящихся Гааги: толпа у входа встречала делегатов приветственными возгласами и пением «Марсельезы». Однако вдоль улицы были расставлены солдаты, что исключало возможность организованных демонстраций.

Маркс направлял ход конгресса. Он выступал по всем основным вопросам повестки дня, после заседаний встречался со своими соратниками.

Еще при обсуждении повестки дня на предварительном совещании делегатов по предложению Маркса было решено начать с проверки мандатов. 2 сентября на первом заседании конгресса Маркс был избран в мандатную комиссию. Как он и предвидел, по докладу комиссии развернулись жаркие дебаты, продолжавшиеся три дня. Защищая мандат Лафарга, аннулирования которого добивались бакунистские делегаты, Маркс 3 сентября поставил вопрос о несовместимости с принципами Интернационала существования внутри Товарищества подпольной бакунистской международной организации. Он поделился с делегатами конгресса, пока в общей форме, сведениями о существовании тайного Альянса и внес предложение исключить Альянс из Международного Товарищества Рабочих.

Выступил Маркс также в защиту мандата Барри, который оспаривался рядом английских реформистов на том основании, что тот не принадлежит к «так называемым лидерам» английского рабочего движения. В ответ Маркс прямо обвинил официальных английских рабочих лидеров в том, что они «все более или менее подкуплены буржуазией и правительством»². Это выступление вызвало резкую реакцию среди реформистской клики в Британском федеральном совете. «В федеральном совете в 1872 году,— отмечал позже

¹ Гаагский конгресс Первого Интернационала, 2—7 сентября 1872 г.: Отчеты и письма. М., 1972. С. 8.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 639.

В. И. Ленин, — Марксу вынесена была резолюция порицания за то, что он сказал, что английские вожди куплены буржуазией. Конечно, Маркс понимал это не в том смысле, что такие-то люди предатели. Это вздор. Он говорил о блоке с буржуазией известной части рабочих. Буржуазия поддерживает эту часть рабочих прямо и косвенно. В этом и проявляется ее взятка»¹.

Принятые в ходе дискуссии решения, санкционировавшие действия Генерального Совета, означали одобрение большинством делегатов его деятельности, его борьбы против враждебных Товариществу элементов. Во время дискуссии выяснилось и соотношение сил на конгрессе. Противники Генерального Совета оказались в меньшинстве. Лидерам бакунистов — швейцарскому анархисту Джемсу Гильому и его приверженцам — никак не удавалось сгруппировать вокруг себя более 16 делегатов.

На первом открытом заседании утром 5 сентября Маркс зачитал составленный им по-немецки «Отчет Генерального Совета пятому ежегодному конгрессу Международного Товарищества Рабочих». Отчет был также воспроизведен различными делегатами на английском, французском и голландском языках и одобрен конгрессом. Маркс нарисовал картину травли мировой реакцией Международного Товарищества Рабочих и в общих чертах — конкретные данные в условиях полицейских преследований не могли быть приведены по соображениям конспирации — осветил успехи и рост влияния Интернационала.

Весь доклад был построен так, чтобы подчеркнуть роль организации для борьбы рабочих. «Различие между рабочим классом, не имеющим международной организации, — писал в отчете Маркс, — и рабочим классом, имеющим Интернационал, становится особенно очевидным, если мы обратимся назад к периоду 1848 года. Потребовались долгие годы, пока сам рабочий класс понял, что июньское восстание 1848 г. является делом его собственных передовых борцов. А Парижская Коммуна немедленно же была встречена радостными криками одобрения всего международного пролетариата»².

Острую борьбу вызвал вопрос об изменениях в Уставе. Большинство участников конгресса отвергло анархистский проект упразднения Генерального Совета и полной децентрализации Товарищества, означавший на деле дезорганизацию рабочего движения. С яркой речью в защиту расширения полномочий Совета выступил Маркс. В то же время он особо подчеркнул ответственность Генерального Совета перед Товариществом, отметил, что его авторитет зиждется на одобрении и поддержке всего Интернационала. Выступление Маркса было направлено как против претензии на непогрешимость и диктаторских замашек тред-юнионистских лидеров, мно-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 310.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 131.

гие из которых почти бесконтрольно распоряжались делами своих организаций, так и против анархистского отрицания всякого авторитета. В защиту организационных принципов Товарищества, сочетавших демократические начала с централизмом, выступили соратники Маркса — Лафарг, Гепнер, Зорге и др. Опровергая доводы бакунистов, Гепнер заявил, что если бы противникам всякого авторитета удалось навязать рабочему движению свои принципы, «они установили бы полную анархию, то есть из боеспособного Интернационала сделали бы мешанскую партию в шлафроке и шлепанцах»¹.

6 сентября конгресс принял ряд подготовленных Генеральным Советом решений об изменениях в Общем Уставе и Организационном регламенте. В ст. 6 Регламента были внесены изменения, предоставляющие Генеральному Совету право исключать из Товарищества до очередного конгресса не только секции, но и местные федерации. В то же время указывалось, что такая экстраординарная мера, как исключение из Товарищества, должна получить одобрение всего Интернационала.

Значительным большинством голосов конгресс утвердил решение о включении в Устав в несколько измененной редакции резолюции Лондонской конференции «О политическом действии рабочего класса». «Эта организация рабочего класса в политическую партию,— отмечалось в ней,— необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов... Завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата»².

Специальная резолюция поручала Генеральному Совету выступить инициатором создания массовой международной организации профессиональных союзов. Этим подчеркивалось, что организация партийно-политического типа, подобным Интернационалу, должна принадлежать направляющая и руководящая роль в основании массовых профессиональных объединений рабочего класса. Резолюция закладывала таким образом основы для развития принципов правильного взаимоотношения между пролетарской партией и профессиональными союзами.

7 сентября, в последний день своей работы, конгресс рассмотрел вопрос о тайном Альянсе. По предложению Маркса 5 сентября была назначена специальная комиссия по этому вопросу. Маркс и Энгельс передали ей весь собранный ими обширный материал, доказывающий факт существования и подрывной деятельности внутри Интернационала тайной бакунистской организации с программой и уставом, противоречащими духу и принципам Международного Товарищества Рабочих.

¹ Гаагский конгресс Первого Интернационала, 2—7 сентября 1872 г.: Протоколы и документы. М., 1970. С. 131.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 143.

Огромный объем документов, написанных на русском, французском, испанском и итальянском языках, и ограниченное время, которым располагала комиссия, сделали невозможным детальное изучение и сопоставление материалов. Представленный Энгельсом от имени Генерального Совета доклад об Альянсе явился лишь первоначальной попыткой обобщения их, поскольку многие документы были получены Марксом и Энгельсом накануне конгресса. К тому же комиссия ввела в значительной мере в заблуждение ложные показания бакунистов. Гильом и его друзья заявили, что тайный Альянс вообще не существует; испанские бакунисты утверждали, что он действовал только в Испании, но был распущен.

Все это не могло не отразиться на докладе, который 7 сентября комиссия представила конгрессу. Тем не менее она пришла к выводу, что существование тайного Альянса в принципе противоречит Уставу Интернационала, а его программа коренным образом расходится с программными положениями Товарищества. По предложению комиссии конгресс постановил исключить из Интернационала Бакунина и Гильома, а также опубликовать документы, относящиеся к Альянсу.

Накануне принятия этого решения, 6 сентября, Энгельс от своего имени и от имени Маркса, Серраи, Дюпона, Врублевского и ряда других членов Генерального Совета внес предложение о перенесении местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк. Предлагая этот шаг, Маркс и Энгельс учитывали не только неблагоприятную для деятельности Генерального Совета обстановку на европейском континенте, но и опасность образования в Совете, в случае если он будет оставаться в Лондоне, большинства из английских реформистов или из бланкистов. Несмотря на противодействие бланкистов, конгресс принял резолюцию о новом составе и местопребывании Совета.

Конгресс в Гааге имел исключительное значение для развития международного рабочего движения. Принятые им решения означали победу теоретических и организационных принципов марксизма над сектантскими и реформистскими доктринами. Решения конгресса нанесли сокрушительный удар анархистской идеологии. Огромную роль сыграло включение в Устав основных резолюций Лондонской конференции. Были завоеваны новые исходные позиции для создания самостоятельных политических партий в каждой стране, заложен фундамент для их организационного построения в духе демократии и необходимого централизма.

После конгресса. На митинге в Амстердаме

8 сентября 1872 г. большинство делегатов Гаагского конгресса во главе с Марксом отправились по приглашению местной секции Интернационала в Амстердам. Здесь в небольшом зале был устроен

митинг по случаю окончания работы конгресса. Главным оратором являлся Маркс. Он произнес речь, проникнутую глубоким пониманием исторической обстановки и задач рабочего движения. Раскрывая основное содержание решений, только что принятых в Гааге, Маркс указал, что конгресс «провозгласил необходимость для рабочего класса вести в области политической такую же борьбу со старым, разрушающимся обществом, как и в области социальной... Рабочий должен со временем захватить в свои руки политическую власть, чтобы установить новую организацию труда»¹.

В речи Маркса получили научное истолкование основы тактики пролетарского движения. Давая отпор ее реформистской трактовке и сектантско-догматической попытке подогнать ее под некий шаблон, одинаково пригодный якобы для всех времен и условий, Маркс развил и обосновал выдвинутое им еще в 50-е годы положение о возможности разных путей — мирных и немирных — развития пролетарской революции в разных странах. Он говорил о необходимости при выборе тактических форм и методов борьбы за установление диктатуры пролетариата и социалистические преобразования, исходя из общих принципов, учитывать конкретную историческую обстановку и особенности каждой страны. «Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами». Однако в тогдашней исторической обстановке вероятность мирного революционного процесса, подчеркивал Маркс, была весьма ограниченной. Он указывал, что в большинстве стран континента рычагом пролетарской революции «должна послужить сила», к которой «придется на время прибегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда»².

Предупреждая возможность ложных толкований, Маркс дал понять присутствовавшим, что изменение состава Генерального Совета в связи с переводом в Нью-Йорк не означает устранения прежних членов Совета, в том числе и его самого, от участия в делах Интернационала. «Нет, я не ухожу из Интернационала,— заявил Маркс,— и остаток моей жизни, как и моя прежняя деятельность, будет посвящен торжеству социальных идей, которые, как мы в этом глубоко убеждены, рано или поздно приведут к господству пролетариата во всем мире»³.

После окончания митинга Маркс с группой делегатов конгресса отправился осматривать живописный, изрезанный каналами Амстердам с его богатейшими музеями. На другой день в небольшом

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 153, 154.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 155.

ресторанчике в приморском курортном местечке возле Гааги Схевингене Маркс и Энгельс устроили обед по случаю окончания конгресса. Помимо членов семьи Маркса присутствовали Лонге, Куно и другие делегаты. В непринужденной, дружеской обстановке Маркс простился с теми участниками конгресса, которые возвращались на родину не через Лондон.

В середине сентября Маркс был снова в Лондоне. Поскольку в Гааге он был избран в комиссию для издания документов конгресса, первое время пришлось посвятить подготовке к печати его резолюций. Надлежало также немедленно дать отповедь буржуазной и анархистской прессе, извращавшей смысл решений конгресса. В ряде писем — в газеты «Corsaire», «Daily News», «Volksstaat» — Маркс опроверг клеветнические измышления, особенно версию, будто исключение лидеров Альянса из Интернационала было продиктовано личным соперничеством, а не соображениями глубоко принципиального характера.

Последний год деятельности Интернационала

С первых же дней образования нового Генерального Совета Маркс оказывал ему постоянную помощь. По его настоянию Зорге согласился войти в состав Совета. Он был затем избран его генеральным секретарем. Для того чтобы облегчить Совету трудную задачу установления и поддержания связей с местными организациями в Европе, часть которых действовала нелегально, Маркс предложил ввести институт уполномоченных Генерального Совета для отдельных стран, главным образом из числа бывших секретарей-корреспондентов. Деятельность Маркса и Энгельса выходила, естественно, далеко за рамки функций этих уполномоченных. На них выпала роль связующего звена между Нью-Йорком и европейскими секциями Интернационала, а также обязанность направлять работу других уполномоченных Совета. По-прежнему им приходилось много заниматься делами Интернационала, выработкой его общей линии, отстаиванием его принципов в борьбе с противниками, ведением обширной переписки. Важнейшие решения Генерального Совета Зорге согласовывал с Марксом.

Между тем положение в Интернационале становилось все более сложным, борьба течений внутри него обострилась. Перенесение Генерального Совета в Нью-Йорк вызвало протест французских эмигрантов-бланкистов. В конце 1872 г. они выпустили в свет брошюру «Интернационал и революция», в которой упрекали сторонников изменения местопребывания Совета в «бегстве от революции». Брошюра имела противоречивый характер. Она отражала, с одной стороны, влияние на бланкистов воззрений Маркса и Энгельса, в частности идеи создания пролетарской партии, с другой

же — отдавала дань авантюристско-заговорщической, волонтаристской тактике, свидетельствуя о непонимании необходимости соответствующих объективных условий для революционных выступлений и тех пагубных последствий, которые в сложившейся обстановке могли повлечь за собой призывы к прямым действиям. Эта сторона платформы бланкистских эмигрантов Коммуны, их стремления использовать Интернационал в качестве орудия авантюристической политики лишь подтвердили предусмотрительность Маркса и Энгельса и правильность решения Гаагского конгресса, предотвратившего путем перевода Генерального Совета из Лондона угрозу захвата его бланкистами.

Наибольшую опасность для Интернационала представляли, однако, действия бакунистов. Уже во время Гаагского конгресса и сразу после него Маркс получил сведения, что они устанавливают контакт с английскими реформистами, сколачивают блок против революционного крыла Интернационала. Вскоре пришло известие о международном конгрессе, созванном анархистами в Швейцарии в Сент-Имье 15—16 сентября 1872 г. На нем бакунисты отвергли все решения Гаагского конгресса и полномочия нового Генерального Совета, провозгласили в противовес Уставу анархистские принципы и призвали к объединению представителей всех враждебных революционному марксизму течений. По стопам бакунистской Юрской федерации — инициатора созыва конгресса в Сент-Имье — пошли испанские и бельгийские анархисты, а также реформистская группа Британской федерации. На своих местных съездах в декабре 1872 — январе 1873 г. они также осудили резолюции, принятые в Гааге. Раскол Интернационала стал фактом.

Неизбежность организационного размежевания с «левыми» раскольниками была ясна для Маркса и Энгельса и раньше; в данной же ситуации самым важным являлось не дать им воспользоваться знаменем Интернационала. А именно к этому — выдать себя за революционное крыло в Интернационале — стремились бакунисты, пытавшиеся изолировать сторонников Маркса от европейского рабочего движения. Дальнейшее сохранение единства с сектантскими элементами означало бы не только гибель Интернационала, но и сведение на нет всех результатов его деятельности. Борьба за организационный разрыв с бакунистами и окончательное разоблачение тайного Альянса сделались центральной задачей.

Маркс и Энгельс пришли к выводу, что пункт Регламента о временном исключении (до очередного конгресса) неприемлем к секциям и федерациям, целиком пренебрегшим решениями Гаагского конгресса и Уставом Интернационала и тем самым поставившим себя вне рядов Товарищества. Эту точку зрения Энгельс изложил Зорге 4 января 1873 г. В письме члену Генерального Совета Фридриху Больте Маркс 12 февраля 1873 г. подробно обосновал это положение. «Каждый человек и каждая группа имеют право *выйти*

из Интернационала, — писал он, — и если это происходит, то Генеральному Совету следует просто констатировать официальным образом этот выход, но отнюдь не заявлять о временном исключении. Временное исключение предусматривается в тех случаях, когда группы (секции или федерации) только оспаривают полномочия Генерального Совета или же нарушают тот или иной пункт Устава или статьи Регламента. Но в Уставе нет ни одной статьи о группах, которые отвергают всю организацию в целом, и это по той простой причине, что из Устава само собой вытекает, что такие группы не принадлежат больше к Интернационалу»¹.

Письмо Маркса, содержащее глубокие мысли о партийном строительстве, об обязательности соблюдения решений высших органов и устава всеми членами организации и ее местными секциями имело большое практическое значение. Оно легло в основу одного из важнейших решений нью-йоркского Генерального Совета. 30 мая Совет постановил, что все национальные или местные федерации, секции и отдельные лица, принимавшие участие в раскольнических съездах, которые отвергли решения общего конгресса в Гааге, или солидаризовавшиеся с этими съездами, «сами поставили себя вне рядов Международного Товарищества Рабочих и не являются больше его членами»².

Этим постановлением бакунистские и реформистские элементы, вставшие на путь раскола, по существу исключались из Интернационала. Победила линия Маркса и Энгельса на организационное размежевание с чуждыми международной пролетарской организации силами, что позволило сохранить в чистоте идейное знамя Интернационала и выработанные им программные и организационные принципы пролетарской партии.

До конца следовало довести и разоблачение подрывной, подпольной деятельности бакунистов. По решению Гаагского конгресса все собранные Марксом и Энгельсом документы, касающиеся тайного бакунистского Альянса, должны были быть опубликованы. Поскольку комиссия, рассматривавшая дело Альянса, не могла это выполнить, такую задачу взяли на себя Маркс и Энгельс. Они решили выпустить на основе имевшегося материала специальную брошюру. С борьбой против бакунизма был в значительной степени связан и другой замысел Маркса — написать биографию Чернышевского, материал для которой ему прислал Даниельсон в апреле 1873 г. Маркс понимал, что авторитет Бакунина покоится на той действительно революционной роли, которую он играл в борьбе с царизмом. Противопоставить ему фигуру другого, гораздо более последовательного русского революционного борца и мыслителя, чьи материалистические и социалистические взгляды неизмеримо

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 473.

² Там же. Т. 18. С. 653.

превосходили идеалистические концепции Бакунина и чье влияние на революционную молодежь, и не только России,— в противовес бакунинскому — являлось чрезвычайно плодотворным, способствовало сближению ее с рабочим движением — такова была цель задуманной работы.

Обострившаяся болезнь помешала Марксу осуществить это намерение. Из-за этого он смог принять лишь сравнительно скромное участие и в создании брошюры об Альянсе. Основная работа была выполнена Энгельсом и Лафаргом. Маркс непосредственно написал лишь заключительную часть. Однако план и основные положения брошюры были выработаны совместно с ним.

В августе 1873 г. брошюра «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» вышла в свет. Выпуская ее, авторы справедливо полагали, что против происков бакунистов имеется «только одно средство, обладающее, однако, сокрушительной силой, это — полнейшая гласность»¹. Этим средством Маркс и Энгельс блестяще воспользовались. В брошюре был документально доказан факт существования созданного Бакуниным тайного Альянса, обнажена вся неприглядная сторона его дезорганизаторской работы, вся сеть интриг и козней, которые Альянс плел ради установления своего господства в Международном Товариществе Рабочих и навязывания ему анархистских доктрин.

Анализ программы Альянса наглядно показывал ее коренную противоположность революционным принципам Интернационала. Маркс и Энгельс вскрыли все убожество и примитивность идейного арсенала бакунистов — их мелкобуржуазно-уравнительного представления о будущем обществе в духе «казарменного коммунизма», их безудержных призывов к бунту и всеобщему разрушению, компрометирующих революционное движение, их спекуляции ультрареволюционными фразами, фанатичной ненависти к инакомыслящим, ставки на деклассированные элементы как якобы наиболее революционную силу. Отстаивая в своей работе принципы пролетарской партийности, Маркс и Энгельс нанесли удар по всякому мелкобуржуазному сектанству, показали вред, причиняемый рабочему движению раскольнической деятельностью.

В чрезвычайно сложной обстановке усиления реакции во всех странах Европы и раскола внутри Интернационала Марксом и Энгельсом была начата подготовка к очередному конгрессу Товарищества, который по решению, принятому в Гааге, должен был состояться в сентябре 1873 г. в Швейцарии. Однако во второй половине августа опасения Маркса и Энгельса, что конгресс не сможет быть сколько-нибудь представительным, полностью подтвердились. Суровые преследования и репрессии буржуазных правительств, вре-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 330.

менный спад рабочего движения во многих странах создали крайне неблагоприятную обстановку для проведения конгресса.

Обсудив вопрос о своем участии в предстоящем конгрессе в Женеве, Маркс и Энгельс решили не ехать на него.

Шестой конгресс Международного Товарищества Рабочих открылся в Женеве 8 сентября 1873 г. Как и предвидели Маркс и Энгельс, на нем присутствовали в основном швейцарцы. Из других стран прибыли только два делегата. Большинство конгресса во главе с Беккером пришлось выдержать трудную борьбу против намерения склонных к компромиссу с анархистами делегатов добиться перенесения Генерального Совета в Женеву, что создало бы прямую угрозу захвата его бакунистскими сектантами. Благодаря усилиям Беккера и его сторонников конгресс, преодолевая противодействие колеблющихся, подтвердил решения, принятые в Гааге. Последний конгресс Интернационала остался, таким образом, верен его революционному пролетарскому знамени.

Прекращение деятельности Международного Товарищества Рабочих

В ходе подготовки к Женевскому конгрессу Маркс окончательно убедился, что Интернационал выполнил свою историческую миссию, что сдвиги, произошедшие после 1871 г., требуют изменения организационной формы рабочего движения. На первое место выдвигалась задача объединения пролетарских сил в масштабах каждой страны, задача создания национальных социалистических рабочих партий на основе программы, разработанной Интернационалом. Существующее международное объединение пролетариата, деятельность которого как легальной массовой организации к тому же сделалась фактически невозможной во многих европейских странах в силу полицейских репрессий, в своей старой форме уже не соответствовало изменившимся потребностям пролетарской борьбы. 27 сентября 1873 г. Маркс писал Зорге: «Принимая во внимание положение дел в Европе, я считаю безусловно полезным временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала...»¹

Чуждый какого-либо догматизма и в вопросах организации пролетарской борьбы, Маркс считал, что само развитие рабочего движения неизбежно порождает необходимость изменения в разные периоды его организационных форм. При этом прекращение деятельности Интернационала, подчеркивал Маркс, отнюдь не означает ослабления братских интернациональных уз, связывающих передо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 508.

вых пролетариев разных стран. Принцип интернационального единства рабочего движения, внедренный Международным Товариществом Рабочих, остается незыблемым. Меняются лишь формы осуществления этого единства. «Международная деятельность рабочего класса разных стран,— писал Маркс в 1875 г.,— не находится ни коим образом в зависимости от существования *«Международного Товарищества Рабочих»*. Последнее было лишь первой попыткой создать для этой деятельности центральный орган, попыткой, которая благодаря данному ею толчку оставила неизгладимые результаты, но которую в *ее первой исторической форме* после падения Парижской Коммуны нельзя было дальше проводить»¹.

Маркс и Энгельс не исключали, что будущее развитие социалистического движения приведет к созданию нового международного объединения пролетариата. Они надеялись, что это объединение будет с самого начала целиком базироваться на теории научного социализма и опираться на социалистические партии в каждой стране.

К концу 1873 г. Интернационал по существу сошел с исторической арены, деятельность его организаций почти везде прекратилась, хотя окончательное решение о его роспуске было принято на конференции в Филадельфии 15 июля 1876 г. Закончилась одна из самых блестящих страниц деятельности Маркса. Позже, вспоминая это время, Энгельс писал, что Интернационалом «мог гордиться тот, кто его создал, даже если бы он не создал ничего больше»².

В течение девяти лет, отрывая время от научной работы, жертвуя здоровьем, Маркс отдавал свои силы руководству первой массовой международной организацией пролетариата. Результаты ее деятельности были поистине величественны. Благодаря Интернационалу революционная борьба пролетариата прошла один из важнейших этапов своего развития и достигла новой, значительно более высокой ступени.

В годы Интернационала десятки тысяч рабочих стран Европы и Америки объединились под знаменем пролетарского интернационализма, осознали себя бойцами единой армии труда. Рабочее движение впервые выступило в международном масштабе как могучий фактор общественного развития. В результате деятельности Маркса как руководителя Международного Товарищества Рабочих был сделан огромный шаг вперед в приобщении широких масс трудящихся к великим идеям Маркса и Энгельса. Потерпели поражение и стали вытесняться различные разновидности домарксовского мелкобуржуазного социализма, была основана марксистская пролетарская партия в Германии и созданы предпосылки для образования таких партий в других странах.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 23.

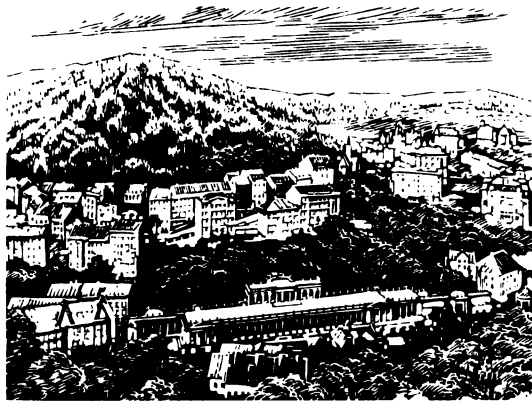
² Там же. С. 352.

В годы I Интернационала рабочий класс приобрел огромный опыт борьбы за свои интересы. Исключительное значение для последующего пролетарского движения имели Парижская Коммуна, создание которой было подготовлено всей деятельностью Международного Товарищества Рабочих, а также теоретическое обобщение Марксом уроков Коммуны. В рядах Интернационала под непосредственным влиянием Маркса выросла блестящая плеяда пролетарских революционеров, организаторов, публицистов, пропагандистов. Идеи Интернационала проникли во многие части света, в том числе в отсталые в то время страны Восточной Европы и Латинской Америки.

Руководимый Марксом I Интернационал, по словам В. И. Ленина, «заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм»¹. Немеркнущими являются его заслуги перед международным рабочим и коммунистическим движением, перед последующими поколениями негибаемых борцов против тирании капитала, за свободу, социальный прогресс, за социализм. «Он забываем, он вечен в истории борьбы рабочих за свое освобождение»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 303.

² Там же. С. 230.

*Глава
четырнадцатая*

**Дальнейшее развитие теории и тактики
рабочего движения**

Карл Маркс — это один из редких людей, которые могли стоять на передовых позициях одновременно и в науке и в общественной деятельности; и то и другое так нераздельно слилось в нем, что его невозможно понять, не рассматривая одновременно и как ученого и как социалистического борца.

Поль Лафарг

Время после Парижской Коммуны 1871 г. было отмечено существенными изменениями в экономической и политической жизни капиталистических стран. Подъем промышленности в начале десятилетия сменился в 1873 г. небывалым по продолжительности мировым экономическим кризисом, особенно поразившим Германию и США. Промышленный и торговый кризис совпал с начавшимся затяжным аграрным кризисом. Большую глубину кризиса Маркс предсказывал еще в момент, когда появились лишь его первые симптомы. В январе 1873 г. он писал в послесловии ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала»: «Кризис опять надвигается, хотя находится еще в своей начальной стадии, и благодаря разносторонности и интенсивности своего действия он вдолбит диалек-

тику даже в головы выскочек новой священной прусско-германской империи»¹.

Начала меняться роль отдельных стран в мировой экономике. Англия достигла зенита своей торгово-промышленной монополии. Появились признаки более быстрых темпов экономического развития США и Германии. Стали обнаруживаться — в начальной форме — явные черты постепенного перерастания домонополистического капитализма в капитализм монополистический, которое завершилось на рубеже XIX и XX вв. Значительное распространение получил акционерный капитал, хотя картели в 70-е гг. представляли собой еще «преходящее явление»².

В политическом отношении 70-е гг., как и последующие два десятилетия, отличались относительно мирным характером, отсутствием сколько-нибудь крупных революционных бурь. «Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос» — так характеризовал этот период В. И. Ленин³. В Европе произошла известная стабилизация власти контрреволюционной буржуазии и крупных землевладельцев либо в форме консервативной буржуазной республики, как во Франции, либо в виде реакционной монархии, вроде провозглашенной в январе 1871 г. Германской империи. Последняя, по словам Маркса, представляла собой «обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм»⁴. Из европейских государств лишь в России к концу 70-х гг. стала складываться новая революционная ситуация, да на Балканах не прекращалась национально-освободительная борьба против турецкого господства.

Исход франко-прусской войны, как и предвидел Маркс, создал почву для возникновения новых международных конфликтов. В результате шовинистической агрессивной политики правящих классов Германской империи и реваншистских поползновений воинствующих кругов французской буржуазии в 1873, 1875 и 1877 гг. возникала настоящая военная угроза. Все более усиливалась колониальная экспансия, одним из главных районов которой стал африканский континент.

В сложившихся условиях перед рабочим классом встала теперь задача собирания сил и подготовки к новым революционным боям, на первый план выдвинулся вопрос об основании пролетарских партий в отдельных странах. «I Интернационал кончил свою историческую роль, — указывал В. И. Ленин, — уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 22.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 317.

³ Там же. Т. 23. С. 2.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 28.

мира, именно эпохе роста его *вширь*, создания *массовых социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств*¹.

Однако процесс образования социалистических партий тормозился усилением реакции, известным спадом политической активности рабочего класса, наблюдавшимся в ряде стран, действиями представителей обанкротившихся, но не сошедших еще со сцены сектантских течений. Сказывалось влияние реформистской идеологии, особенно в Англии и США. Распространение марксизма *вширь* имело и некоторые теневые стороны: марксистские идеи часто усваивались поверхностно, что проявлялось в оппортунистических шатаниях неустойчивых элементов.

И тем не менее рабочее движение неуклонно шло вперед. Благодаря деятельности Интернационала марксизм занял прочные позиции в ряде стран и оказывал определяющее влияние на формирование пролетарских партий.

Теоретическая и практическая деятельность Маркса и Энгельса в эти годы, неутомимая пропаганда ими революционной теории, их постоянная помощь рабочим деятелям многих стран способствовали процессу консолидации и сплочения пролетарских элементов на базе марксизма.

В середине 70-х годов

В эти годы Маркс, освободившийся от огромной организационной работы по руководству Интернационалом, большую часть своего времени посвящал научным занятиям. Предстояло прежде всего довести до конца «Капитал».

Трудился Маркс, как всегда, с необычайным увлечением и напряжением всех духовных сил. По существу, он не переставал работать и во время отдыха; на прогулках он либо делился мыслями с кем-либо из спутников, либо обдумывал различные проблемы. Особенно интенсивное обсуждение научных и политических вопросов происходило во время почти ежедневных встреч с Энгельсом. Часто они гуляли вместе или беседовали в рабочем кабинете Маркса, прохаживаясь из угла в угол: Маркс — по одной диагонали, Энгельс — по другой. Иногда разговор принимал характер настоящего научного диспута, причем оба собеседника нередко заранее к нему готовились.

Здоровье Маркса и на этот раз не выдержало чрезмерной перегрузки. Весной 1873 г. у него вновь обнаружился симптомы переутомления: сильные головные боли, тяжелая бессонница. Нависла угроза потери работоспособности. Для такого человека, как Маркс, последнее было самым страшным. Позднее он писал Зорге, что «не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 50.

работоспособность — это, по существу, смертный приговор для всякого человека, кто не хочет быть скотом»¹. Врачи категорически предписали ему ограничить работу 4 часами в день и почаще отдыхать вне Лондона. За строгим соблюдением этого режима взялся следить Энгельс, поставивший себе целью вызволить Маркса «из трудовой рутин»².

Пребывание поздней осенью 1873 г. в Харрогете и весной 1874 г. на морском побережье в Рамсгете не принесло, однако, существенного облегчения. Более того, летом 1874 г. обострилась застарелая болезнь печени.

В середине августа 1874 г. Маркс по совету врачей отправился вместе с дочерью Элеонорой (Тусси) в Карлсбад (Карловы Вары). Он пробыл там с 19 августа по 21 сентября, остановившись в отеле «Германия». Здесь же он жил и во время своих последующих посещений курорта. Чтобы не привлекать к себе внимания, он записался в курортной книге как рантье Шарль Маркс.

Воды Карлсбада благотворно подействовали на печень больного. После двукратного пребывания на этом курорте в дальнейшем — с 15 августа по 11 сентября 1875 г. и с 15 августа по 15 сентября 1876 г. (в последний раз Маркс был опять вместе с Элеонорой) — значительно улучшилось и его общее состояние.

Восстановление сил позволило Марксу совершить на обратном пути из Карлсбада путешествие. В сентябре 1874 г. он побывал в Дрездене, Лейпциге, Берлине и Гамбурге, виделся со многими деятелями немецкой социал-демократии — Либкнехтом, Гейбом, Йорком и другими, встречался с издателем Мейснером. В 1875 г., по приглашению Макса Оппенхейма, родственника Кугельмана, жителя Праги и страстного почитателя ее исторических и революционных традиций, Маркс посетил «старый гуситский город»³. 15 сентября 1876 г. он вновь побывал в Праге у Оппенхейма, а затем в сопровождении Элеоноры отправился в Бинген и Крёйцнах. Здесь он показал дочери места, где тридцать три года назад провел первые счастливые месяцы после женитьбы. Перед возвращением в Лондон Маркс навестил в Льеже бывшего руководителя Русской секции Интернационала Утина.

Если в медицинском отношении пребывание в Карлсбаде было в высшей степени полезным, то вынужденное общение с курортной публикой доставило Марксу мало удовольствия. Его чрезвычайно раздражал «гамбургско-бременско-ганноверский филистерский сброд мужского и женского пола, от которого не было спасения»⁴. Разочаровался Маркс и в Кугельмане, с которым ему довелось общаться в первый лечебный сезон в Карлсбаде. С первых же

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 531.

² См. там же. С. 498.

³ См. там же. С. 542.

⁴ Там же. С. 102.

дней Кугельман стал надоедать Марксу советами оставить политическую деятельность и целиком уйти в науку. Маркса возмущало его высокомерное обращение с женой и дочерью. Однажды он не выдержал и открыто высказал Кугельману, что он на этот счет думает. Произошла размолвка; примирение состоялось только накануне отъезда Маркса из Карлсбада, причем прежние сердечные отношения так и не были восстановлены. Маркс не мог простить своему старому другу проявления обывательской ограниченности и эгоцентризма.

Среди отдохнувших в Карлсбаде Маркс все же нашел и интересных собеседников. Он познакомился с некоторыми врачами, художниками, учеными, выделявшимися своим образованием и кругозором. Осенью 1875 г. Маркс особенно сблизился здесь с известным русским этнографом, историком и юристом М. М. Ковалевским, с которым и раньше встречался в Лондоне. Ковалевский был частым спутником Маркса во время загородных прогулок.

Пребывание Маркса в Карлсбаде привлекло особое внимание местных властей. Имя «красного доктора» давно вызывало ненависть и страх в официальных кругах и у буржуазной публики. Ему приписывали участие во всевозможных революционных событиях, вплоть до анархистских путчей в Италии. Немецкий социал-демократ Блос рассказывал со слов очевидца, что в Милане в 1873 г. появление приезжего немца Макса Карла переполошило полицейское начальство, так как в книге регистрации иностранцев его имя и фамилия были проставлены в обратном порядке — Карл Макс. Дом, где он остановился, оцепила полиция, все присутствующие были подвергнуты обыску, а его самого доставили в полицейский участок, где ему все же удалось доказать, что он не является даже однофамильцем того лица, за которое его приняли¹.

И в демократической Англии Маркс, проживший здесь уже свыше двух десятков лет, наталкивался на враждебное отношение официальных кругов. Безрезультатно окончилась его попытка получить британское подданство. Когда в августе 1874 г., накануне первой поездки в Карлсбад, он возбудил ходатайство об этом перед министром внутренних дел Робертом Лоу, последний отказал в просьбе на том основании, что Маркс «проявил недояльное отношение к своему королю».

На территории монархии Габсбургов Маркс должен был, естественно, ждать еще худшего приема. Правда, по началу он не был узнан. Однако 30 августа 1874 г. местный курортный листок «Der Sprudel» — «газета-сплетница», как называл ее Маркс, — поместил сообщение о прибытии на лечение «вождя Интернационала». К следующему приезду Маркса в Карлсбад полицейские власти были уже наготове. 1 сентября 1875 г. начальник карлсбадского округа донес

¹ Блос — Энгельсу, 21 сентября 1873 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 3305.

по инстанции в Прагу, что на курорте находится «выдающийся вождь демократическо-социальной партии». Штатгальтер Богемии послал соответствующее донесение министру внутренних дел в Вену. Однако в поведении Маркса правительственные чиновники не могли обнаружить никаких поводов для открытого преследования. Они должны были ограничиться предписанием установить за ним «неустанный тайный надзор».

В августе 1877 г. Маркс отдыхал вместе с женой и Элеонорой в Нейенаре — уединенном местечке Рейнской Пруссии с минеральным источником, менее целебным, чем карлсбадские. Энгельсу он писал, что карлсбадские воды он поберег на случай, если болезнь примет опасный оборот. «...Со своим телом, — шутил он, — придется играть в дипломатию...»¹ Но Марксу не пришлось больше прибегнуть к помощи столь благоприятно действовавших на него чешских вод. Начавшаяся в Германии, а затем и в Австро-Венгрии полицейская травля социал-демократов, а позднее введение бисмарковского закона против социалистов закрыли ему доступ в Центральную Европу.

Болезнь, с годами подтачивавшая физические силы Маркса, не могла погасить его умственную энергию, неутомимый дух исследователя и темперамент борца. С особым рвением отдался он научным занятиям со второй половины 70-х гг., когда несколько улучшилось состояние его здоровья. Всякого, кто встречался с ним в эти годы, поражали ясность и глубина его суждений, широта научного кругозора и интересов, необычайное знание международной обстановки и положения различных стран. Корреспондента американской газеты «Chicago Tribune», который брал у него интервью в декабре 1878 г., удивило «близкое знакомство Маркса с американскими проблемами, стоящими на первом плане в течение последних двадцати лет»². Другой американский журналист — социалист Джон Суинтон так передавал свои впечатления от беседы с Марксом, состоявшейся в Рамсгете осенью 1880 г.: «Его манера вести беседу напомнила сократовскую — такой она была свободной, широкой, такой творческой, острой и искренней, язвительно-насмешливой, со вспышками юмора и задорного веселья. Он говорил о политических силах и народных движениях в различных странах Европы — о грандиозном духовном движении в России, об интеллектуальных сдвигах в Германии, о движении во Франции и застое в Англии. Он говорил с надеждой о России, философски о Германии, весело о Франции и хмуро об Англии, упоминая пренебрежительно об «атомистических реформах», на которые тратили свое время либералы в английском парламенте»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 49.

² Вопросы истории КПСС. 1966. № 10. С. 5.

³ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 2. М., 1983. С. 180.

Неизменной и в эти годы оставалась любовь Маркса к художественной литературе, к искусству. Об этом свидетельствовали многие посетители дома на Мейтленд-парк-род, 41,— последней квартиры Маркса, в которую он переехал в марте 1875 г. Приятельница Элеоноры Маркс М. Комин рассказывает, что у него на рабочем столе лежали книги многих поэтов и прозаиков, в том числе романы Булвер-Литтона. Упомянутый корреспондент «Chicago Tribune» видел на книжных полках в кабинете Маркса, наряду с обширной научной литературой на разных языках, произведения Шекспира, Диккенса, Теккерея, Мольера, Расина, Вольтера, Гёте и других авторов. Литературные темы были постоянным предметом бесед в семье Маркса. Говорили о писателях викторианской эпохи, о сестрах Бронте, о новинках художественной литературы различных стран. В Карлсбаде Маркс являлся частым посетителем музыкальных вечеров, любил слушать концерты хоровой капеллы. С художником Отто Книлле он подолгу беседовал об изобразительном искусстве.

В Лондоне Маркс нередко посещал театральные представления, особенно шекспировские спектакли. С глубоким пониманием отнесся он, как и другие члены его семьи, к талантливой интерпретации драматургии Шекспира выдающимся английским актером и режиссером Генри Ирвингом. С одобрения Маркса его жена выступила в немецкой печати в поддержку той борьбы за возрождение интереса к творчеству гениального писателя, которую вели Ирвинг и его товарищи по сцене. В серии опубликованных с ноября 1875 г. по май 1877 г. в демократической «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» литературно-критических статей, основной темой которых была театральная жизнь Лондона, Женни Маркс дала тонкую характеристику реалистической манеры исполнения Ирвингом главных ролей в трагедиях Шекспира «Гамлет», «Макбет», «Ричард III». Меткими и язвительными были ее высказывания о снобизме, увлечении банальной мелодрамой, мещанских вкусах английской буржуазной публики. В этом заключалась, писала она, причина ее равнодушия к Шекспиру и недоброжелательного отношения к таким представителям передовой творческой интеллигенции, как Ирвинг. Подлинным ценителем Шекспира, наследником его гуманистических традиций является пролетарский зритель — такова была главная мысль статей. Эта и другие высказанные в них идеи — в том числе о сущности актерского мастерства — отражали мнение и самого Маркса.

В 1880—1881 гг. на квартире у Маркса происходили чтения шекспировских произведений, устраиваемые любительским кружком — «Клубом Догбери» (назван так в шутку по имени одного из комических персонажей Шекспира).

По-прежнему любил Маркс проводить досуг за шахматами. Теперь его партнером часто бывала Тусси.

По стопам отца

Взрослые дочери были для Маркса не только любящими и любимыми детьми, но и соратниками. Женни и Лаура к концу 60-х гг., младшая Элеонора в 70-е гг. вступили в ряды активных борцов за дело рабочего класса. Маркс привлекал их в той или иной форме к своей научной и партийной работе. Он с полным основанием гордился дочерьми, твердо веря, что они не сойдут с избранного пути.

Рано проявилось у дочерей Маркса желание внести свой вклад в материальное обеспечение семьи. Женни с 1869 г. стала давать частные уроки. Восемнадцатилетняя Элеонора в 1873 г. уехала в Брайтон в качестве школьной учительницы, однако из-за болезни вынуждена была прервать свою педагогическую деятельность.

Все три сестры отличались широтой кругозора, образованностью, совершенным знанием многих иностранных языков, литературной одаренностью. Помимо общественных наук, истории рабочего и революционного движения, Женни с увлечением занималась естествознанием, изучала теорию Дарвина. Лаура проявила себя как первоклассная переводчица. Так, ею были сделаны французский перевод «Манифеста Коммунистической партии» и переводы ряда других произведений марксистской литературы, а также английские переводы песен Беранже, стихотворений Шамиссо, Эжена Потье (автора текста «Интернационала»), Бодлера и других поэтов. Что касается Элеоноры, то глубокое знание английской и мировой литературы, незаурядное артистическое дарование позволили ей с успехом пробовать силы в области шекспироведения и выступать на сцене. Несмотря на то что она и позднее не забросила литературоведческих занятий и сохранила горячую любовь к театру, на первом месте у нее все же было участие в рабочем движении.

С юных лет дочери Маркса горячо сочувствовали освободительному движению. Любимым героем Женни являлся древнеримский народный трибун Гракх, Лауры — революционный поэт Шелли, Элеоноры — Гарибальди. С наступлением духовной зрелости романтические революционные настроения переросли в сознательное стремление лично содействовать делу освобождения угнетенных. Дочери Маркса росли интернационалестками. В их сердцах находило отклик революционное движение любой страны. Женни в знак солидарности с участниками польского восстания 1863—1864 гг. носила подаренный ей повстанческий крест, который после расправы английского правительства с ирландскими фениями она надевала на зеленую ленту — национальную эмблему борцов за свободу Ирландии. Со многими деятелями Интернационала и героями Парижской Коммуны Женни, Лаура и Элеонора находились в самых дружеских отношениях. Исключительную симпатию вызывала у них самоотверженная борьба русских революционеров против царского

самодержавия. В числе их друзей были Лопатин, Лавров, Дмитриева, Гартман, позднее Степняк-Кравчинский.

Соединив еще в 1868 г. свою судьбу с Полем Лафаргом, Лаура была верным помощником в его революционной борьбе. Куда бы судьба ни бросала Поля, она всегда находилась рядом с ним. С маленьким ребенком на руках она последовала за ним в Испанию, где Лафарг скрывался от тьеровской полиции, преследовавшей его за ту помощь, которую он оказывал парижским коммунарам в качестве руководителя Бордоской секции Международного Товарищества Рабочих. Лаура помогала Лафаргу вести пропаганду идей Интернационала в Испании и Португалии, вместе с ним приехала на Гаагский конгресс.

Серьезный экзамен революционной стойкости пришлось выдержать и Женни, также принимавшей активное участие в делах Интернационала. Летом 1871 г., находясь вместе с Элеонорой на лечении в южнофранцузском курортном городке Баньерде-Люшоне, она была арестована и подверглась суровому допросу префекта департамента Верхняя Гаронна Кератри. Последний стремился выведать сведения о Лафарге, бежавшем в это время в Испанию. Однако полицейские ухищрения и угрозы префекта натолкнулись на непоколебимую выдержку и хладнокровие Женни. Получив достойную отповедь, Кератри злобно отозвался об энергии, свойственной женщинам этой семьи. Вернувшись в Лондон, Женни разоблачила заправил тьеровской республики в печати.

После Гаагского конгресса осенью 1872 г. вся семья Маркса вновь собралась вместе. Поль и Лаура Лафарг поселились в Лондоне, в районе Хэмпстеда, неподалеку от Маркса. В октябре 1872 г. состоялась свадьба Женни с Шарлем Лонге, видным деятелем Интернационала. Обеим дочерям Маркса пришлось вести трудную жизнь жен политических изгнанников. Шарль Лонге тщетно пытался устроиться в Оксфорде, но, не найдя там постоянной работы, вскоре вернулся в Лондон. Только к концу 1874 г. ему удалось получить постоянное место преподавателя французского языка. Много бедствий выпало и на долю Лафаргов. Хотя дочерям приходилось вести непрерывную борьбу с лишениями, родители тем не менее радовались тому, что их спутниками жизни оказались единомышленники. Во время помолвки Женни ее мать писала Либкнехту, что «единство взглядов и убеждений молодой четы» является «залогом ее будущего счастья»¹. Особенным идейным единомышленником Женни отличались супружеские отношения Лафаргов.

После амнистии 1880 г. Лонге, а через некоторое время и Лафарг вернулись во Францию. Прежде чем последовать за мужьями, Женни и Лаура некоторое время оставались в Лондоне с больными родителями. Женни снабжала Лонге корреспондентскими материа-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 571.

лами, нужными ему для работы в газете «Justice». В своих письмах она остро реагировала на борьбу во французском рабочем движении вокруг основания французской Рабочей партии и ее программы. Любящая жена, она тем не менее осудила идейные шатания, проявленные в этот важный момент ее мужем, открыто высказывала ему несогласие с его оппозицией марксистской программе и сближением с буржуазными радикалами. Активной деятельницей Рабочей партии сделала после переезда во Францию Лаура Лафарг.

Младшая дочь Маркса Элеонора также рано стала пропагандисткой социалистических идей. Во французском эмигрантском журнале «Rouge et Noire» она публиковала в 1874 г. переводы речей германских социал-демократов. Активно участвовала Элеонора в общественной жизни Англии, в организации поддержки ирландского национально-освободительного движения. Уже после смерти отца она связала свою жизнь с доктором естественных наук, дарвинистом Эдуардом Эвелингом, который в 1873 г. познакомился с семьей Маркса. В 80-е гг. супруги Эвелинг стали играть видную роль в английском и международном рабочем движении.

Маркс глубоко переживал невзгоды, которые нередко выпадали на долю его дочерей. «В этом отношении я не такой стойк, как в других вещах, и семейные несчастья обходятся мне всегда дорого», — писал он в августе 1874 г. Кугельману¹. Смерть троих маленьких детей Лафаргов, утрата Женни ее первенца явились тяжелым горем и для Маркса. «У меня сердце обливается кровью, — писал он Женни 14 августа 1874 г., — когда я думаю о нем, и разве можно забыть такого славного, очаровательного человечка! Все же я надеюсь, дитя мое, что ради своего отца ты держишься стойко»².

Любовь к дочерям Маркс перенес и на внуков. После смерти первого ребенка у Женни родилось еще 4 сына: Жан (1876), Анри (1878), Эдгар (1879), Марсель (1881) и одна девочка — Женни (1882). Марксу доставляло неподдельное удовольствие возиться с ними, участвовать в детских забавах. «Он играл с детьми, как будто он сам был ребенком, не беспокоясь, что это отразится на его престиже», — вспоминал позднее один из тогдашних маленьких любимцев Маркса, Эдгар Лонге³. Дети всегда пользовались правом быть на равной ноге с дедом.

Под «достойным выполнением обязанностей дедушки», как сам Маркс выразился в одном из своих писем старшей дочери, он понимал, однако, отнюдь не только умение развлекать своих внуков, доставлять им радость подарками и т. д., но прежде всего заботу об их развитии и воспитании. Большое внимание Маркс придавал чтению, приобщению детей уже в раннем возрасте к классическим

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 534.

² Там же. С. 536.

³ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 179.

произведениям мировой литературы. Весьма заботился он, чтобы внуки были окружены атмосферой искренности, взаимного уважения и дружбы всех членов семьи. Маркс в глазах даже самых шаловливых ребят пользовался безоговорочным авторитетом.

Полемика с анархистами по вопросам теории социалистической революции

Теоретическая деятельность Маркса в эти годы была в основном связана с работой над «Капиталом». Однако потребности растущего рабочего движения, необходимость идейной борьбы с антимарксистскими течениями нередко побуждали обращаться и к другим вопросам революционной теории, развивать и конкретизировать теоретические и тактические положения научного социализма. Маркс, в частности, принял активное участие в полемике с анархистами в итальянской социалистической печати.

Еще в январе 1872 г. Маркс послал статью «Политический индифферентизм» для итальянского ежегодника «*Atanasio Repubblica*». Издание сборника, однако, затянулось; он вышел в свет только в конце 1873 г. Наряду со статьей Маркса в нем была напечатана работа Энгельса «Об авторитете».

Статья Маркса раскрывала вредный характер анархистской доктрины воздержания рабочего класса от политической деятельности, от участия в демократическом движении, от создания собственной политической партии и т. д. Маркс показывал, что последовательное проведение этой доктрины, прикрываемой псевдореволюционной фразой о «социальной ликвидации», которая якобы только и может быть полезной рабочим, обрекает пролетариат на бездействие, прозябание, деморализацию, ведет к увековечиванию наемного рабства. «В ожидании этой пресловутой социальной ликвидации рабочий класс должен вести себя прилично, как стадо сытых овец; оставить в покое правительство, бояться полиции, уважать законы, безропотно поставлять пушечное мясо»¹.

Стержнем содержания статьи была защита идеи пролетарского государства как необходимого рычага социалистического преобразования общества. Отстаивая эту идею в полемике с анархистами, которые в замене диктатуры буржуазии революционной диктатурой пролетариата усматривали «ужасное преступление, оскорбление принципов», Маркс отмечал исторически преходящий характер пролетарского государства. Комментируя эту статью, В. И. Ленин писал: «Маркс нарочно подчеркивает — чтобы не исказили истинный смысл его борьбы с анархизмом — «революционную и преходящую форму» государства, необходимого для пролетариата»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 297.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 60.

Свои взгляды на закономерности социалистической революции Маркс систематизировал и углубил в связи с критическим изучением книги Бакунина «Государственность и анархия», выпущенной в Женеве в 1873 г. Сторонники Бакунина восприняли ее как своего рода программный документ анархистского движения. Маркс, разумеется, также не мог пройти мимо этой работы одного из главных своих идейных противников в Интернационале. Он написал в первой половине 1875 г. своеобразное произведение (опубликовано только в 1926 г. в Советском Союзе), носящее по форме характер конспекта этой книги или выписок из нее с комментариями. На деле марксов «Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия»» представлял собой критический разбор основных исторических и социальных воззрений Бакунина и развитие — в противоположность им — собственных идей по важнейшим вопросам революционной теории пролетариата.

Маркс выявил характерные черты мировоззрения Бакунина: волюнтаризм, непонимание необходимости объективных социально-экономических предпосылок для революции, ориентацию на деклассированные слои, противопоставление «земледельческих и пастушеских» народов Восточной Европы, якобы наиболее подготовленных для социализма, западноевропейским народам, «развращенным» цивилизацией. «Воля, а не экономические условия, является основой его социальной революции», — писал Маркс об идеалистической подоплеке взглядов Бакунина¹.

За громкими фразами лидера анархистов об уничтожении государства, показал Маркс, скрываются весьма примитивные идеалы будущего «анархистского общества», основанного на «нивелировке» экономического и культурного уровня передовых и отсталых стран. В этих идеалах полностью отразилось игнорирование роли развития производительных сил, исторической миссии рабочего класса, его политической власти как орудия социального преобразования, значения пролетарской партии. Маркс писал, что Бакунин «абсолютно ничего не смыслит в социальной революции, знает о ней только политические фразы»².

Взглядам Бакунина Маркс противопоставил глубокие мысли о сущности пролетарского государства. С приходом рабочего класса к власти ему предстоит подавить сопротивление классовых врагов и разрушить старую организацию общества. Заменить ее «новой социальной» организацией — такова главная задача, которая встает перед государством рабочего класса. Это государство Маркс рассматривает как основной рычаг общественного переустройства в переходный период от капитализма к коммунизму. Он видит в нем силу, активно воздействующую на объективные, общественные процессы, ускорителя этих процессов.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 615.

² Там же.

Более четко, чем в предыдущих работах, поставлен в конспекте Маркса вопрос об исторически преходящем характере диктатуры пролетариата и социальных основах исчезновения всякого государства. «...Покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен применять меры *насилия*, стало быть, правительственные меры; если сам он еще остается классом и не исчезли еще экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен»¹. Лишь на основе глубоких социальных преобразований, по мнению Маркса, будут созданы предпосылки для исчезновения государства. Он указывал, что, «когда исчезнет классовое господство, не будет государства в нынешнем политическом смысле слова»².

Важные выводы сделал Маркс и в отношении политики пролетариата после завоевания им власти в крестьянском вопросе. Положение о союзе рабочего класса с крестьянством здесь было им развернуто не только в виде указаний на необходимость привлечения крестьянских масс на сторону пролетарского государства путем проведения эффективных мер в их интересах. Маркс дополнил эти указания весьма плодотворными идеями о вовлечении трудящегося крестьянства в социалистическое переустройство общества, о методах осуществления перехода от частной крестьянской собственности к общественной, от мелкого индивидуального хозяйства к крупному коллективному. Он подчеркнул неприемлемость каких-либо насильственных, принудительных мер, искусственно форсирующих этот процесс. Нужно, писал Маркс, действовать так, «чтобы крестьянин сам пришел к этому хозяйственным путем». Недопустимо «огорошивать крестьянина, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности»³.

Политика по отношению к крестьянину должна быть гибкой, она должна проводиться с учетом особенностей социального состава, традиций и привычек сельского населения разных стран. Там, где арендатор-капиталист вытеснил крестьянина и настоящий земледелец стал фактически пролетарием, переход к социалистической собственности может быть осуществлен быстрее. Там же, где господствует мелкая крестьянская парцелла, излишняя торопливость в этом вопросе могла бы только испортить дело и была бы так же неуместна, как и предлагаемые бакунистами меры, по существу направленные на еще большую парцелляцию земли.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 611.

² Там же. С. 616.

³ Там же. С. 612.

Идейное руководство международным рабочим движением

После прекращения деятельности Интернационала Маркс оставался идейным вождем и наставником социалистов. И не занимая официальных постов, он вместе с Энгельсом играл ведущую роль в рабочем движении. Уважение к Марксу в рабочих и социалистических кругах росло с пониманием необходимости научного подхода к вопросам революционной борьбы пролетариата. Освобождаясь от узкого доктринерства и от практицизма, порожденного реформистской идеологией, передовые рабочие все больше убеждались, что «дело рабочего класса, — как писал Энгельсу 29 марта 1877 г. итальянский социалист Ньюкки-Виани, — это не церковная догма, а научная теория»¹. Поэтому и имя человека, давшего социализму научное обоснование, с каждым новым успехом научного социалистического мировоззрения приобретало все больший авторитет. Даже враги, как говорил Марксу в 1878 г. американский журналист, считали его «мозгом и сердцем» социалистического движения².

«...Маркс благодаря своим теоретическим и практическим заслугам, — писал Энгельс, — завоевал себе такое положение, что лучшие люди в рабочем движении различных стран относятся к нему с полным доверием. В *решительные моменты* они обращаются к нему за советом и обычно убеждаются в том, что его совет самый лучший... И именно на этом основано своеобразное и крайне важное для всего движения влияние Маркса»³.

Довольно часто Маркс встречался и подолгу беседовал с приезжавшими в Лондон социалистами. Его гостями в эти годы были и испанец Хосе Меса (лето 1875 г.), и датский социалист, организатор секций Интернационала в Дании Луи Пио (осень 1876 г.), и русский революционер П. Лавров. Маркс вел обширную переписку. К нему обращались за советом не только испытанные руководители пролетарского движения, но и люди, только вступавшие на поприще революционной борьбы.

Постоянными корреспондентами Маркса и Энгельса были немецкие социал-демократы Бебель, Либкнехт, Бракке, Гепнер, Гейб, Эйххоф, Дицген, Блос и др. Переписывался Маркс с французским социалистом Вернуей. С начала 1877 г. завязались его дружеские связи с представителем студенческой социалистической молодежи Франции Габриелем Девилем. Живший большей частью в Париже немецкий социал-демократ Карл Гирш вел оживленную переписку как с Марксом, так и с его дочерью Элеонорой. Из Швейцарии приходили письма от старого Беккера, от деятеля Интернационала Пер-

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 3768.

² См.: Вопросы истории КПСС. 1966. № 10. С. 10.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 190.

ре, из Бельгии — от Глязера де Вильброра, из Дании — от Пио. Подробно информировал Маркса о своей деятельности в Австро-Венгрии Лео Франкель, переехавший в 1875 г. из Лондона в Вену, а затем в Будапешт. Не забывали посылать известия о себе русские и польские друзья — Лопатин и Врублевский, итальянец Биньями и др. О положении в России приходили подробные сообщения от Даниельсона.

Много корреспондентов имелось у Маркса и Энгельса в США. Помимо их близкого друга Зорге им писали Клингс, Куно, Больте, ирландец Мак-Доннел и Эжен Дюпон, переехавшие в Америку. Круг участников переписки с Марксом и Энгельсом все больше расширялся по мере развития рабочего движения.

Маркс всячески стремился облегчить деятелям рабочего движения пропаганду идей научного социализма. Ему постоянно приходилось заниматься делами, связанными с переизданием и переводом «Капитала», «Манифеста Коммунистической партии» и других произведений. Острая потребность ощущалась и в популярных пособиях. Маркс хорошо сознавал важность изложения экономической теории для широких масс. Однако к популяризаторам «Капитала» он предъявлял не меньшие требования, чем к переводчикам. Его совершенно не удовлетворила передача содержания первого тома в брошюре «Капитал и труд», выпущенной в 1873 г. в Хемнице немецким социал-демократом Иоганном Мостом, позднее выступавшим как анархист. Учитывая, однако, что другого популярного очерка не было, Маркс пошел навстречу Либкнехту и согласился в августе 1875 г. просмотреть брошюру с целью ее переработки для второго издания. Коренному улучшению она не поддавалась, но серьезные ошибки Маркс устранил, внося ряд изменений и добавлений. В исправленном виде брошюра была выпущена в 1876 г.

Важным делом Маркс считал воспитание рабочих в духе революционных традиций и усвоения опыта прошлой борьбы пролетариата. Он заботился, в частности, о том, чтобы история Интернационала преподносилась читателям в правдивом виде. Работы о Международном Товариществе буржуазных, реформистских и анархистских авторов, искажавшие историческую правду, вызывали с его стороны резко критические замечания. Так, о книге прудониста Фрибура он отозвался как о «совершенно не заслуживающей доверия»¹.

Особенно возмущала его преднамеренная фальсификация. В 1878 г. он дал решительную отповедь в прогрессивной английской печати бывшему члену Генерального Совета, либеральному тредюнионисту Джорджу Хауэллу, который опубликовал в журнале «The Nineteenth Century» грубо тенденциозную статью об Интернационале. Вымыслы Хауэлла объяснялись отнюдь не его неосведомлен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 118.

ностью, а враждебным отношением к подлинно революционному пролетарскому движению. Попытки опорочить революционное крыло и объявить неэффективной саму идею международного сплочения пролетариата соответствовали, отмечал Маркс, мировоззрению развращенных английской буржуазией «рабочих деятелей», для которых стало характерно «подражание способу мышления и стилю, свойственному англичанину с туго набитым кошельком, сытой добродетелью и платежеспособной моралью»¹.

Маркс рассчитывал найти достойных авторов истории Интернационала, до которой у него самого не доходили руки. Он тщательно хранил имевшиеся в его распоряжении документы Товарищества, важные источники для этой работы.

Первостепенное значение придавал Маркс усвоению участниками рабочего движения уроков Парижской Коммуны. Этому, считал он, должно было способствовать создание правдивой исторической работы о Коммуне. Весьма удачной, по его мнению, была книга о ней бывшего коммунара П. О. Лиссагаре, изданная в Бельгии в 1876 г. При работе над первым и последующим изданиями автор использовал некоторые замечания Маркса. Бракке и другим социал-демократам Маркс горячо рекомендовал взяться за издание на немецком языке «этой важной для нашей партии и интересной для всей читающей немецкой публики работы»². Он помог подыскать переводчика для нее и провел проверку перевода для немецкого издания, выпущенного в 1878 г.

Большое внимание продолжал уделять Маркс в эти годы воспитанию рабочего класса и социалистов разных стран в духе пролетарского интернационализма. В противовес буржуазным и реформистским идеологам, твердившим о гибели Интернационала, о распаде международного рабочего движения, Маркс постоянно подчеркивал, что Международное Товарищество Рабочих сошло со сцены лишь как определенная организация, процесс же объединения и укрепления солидарности рабочих в каждой стране и на международной арене неудержимо развивается. Он движется самими рабочими массами, «находящимися в постоянном, активном, непосредственном общении, спаянными обменом мыслей, взаимной помощью и общими стремлениями»³.

Маркс стремился и к тому, чтобы социалисты разных стран воспринимали и продолжали традиции самоотверженной и последовательной поддержки Интернационалом борьбы за свободу угнетенных народов. Он принял участие в интернациональном собрании 23 января 1875 г. в Лондоне, посвященном двенадцатой годовщине польского восстания 1863—1864 гг. С речами выступили Маркс,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 155.

² Там же. Т. 34. С. 158.

³ Там же. Т. 19. С. 156.

Энгельс, Франкель, Лиссагаре, Лавров и другие. С исключительным вниманием была выслушана речь Маркса, отдавшего дань глубокого уважения польскому народу — «всемирному солдату революции» — за выдающуюся роль его сынов в международном освободительном движении, за их участие в Парижской Коммуне. Рабочий класс, говорил Маркс, отстаивает дело освобождения Польши потому, что он в принципе является противником национального угнетения, так как оно задерживает общественное развитие, тормозит борьбу за освобождение трудящихся от социального рабства. Освобождение Польши нанесло бы удар по трем деспотиям — России, Пруссии и Австро-Венгрии, ускорило бы тем самым движение за социальное освобождение во всей Европе.

Маркс считал весьма важным установление контактов между социалистами разных стран. Однако к предложениям о созыве социалистических конгрессов для основания новых международных объединений Маркс относился настороженно. Он создавал практическую невозможность и несвоевременность в тех условиях подобного шага. Кроме того, Маркс опасался, что в результате интриг анархистов, стремившихся спасти таким путем от краха свою международную организацию, а также действий реформистов, пытавшихся взять инициативу создания международного объединения в свои руки, сама идея основания нового Интернационала может быть дискредитирована. А это затруднит проведение ее в жизнь, когда потребность в такой организации действительно возникнет.

Поэтому Маркс был удовлетворен результатами международного конгресса социалистов в Генте, заседавшего с 9 по 15 сентября 1877 г. и давшего отпор попытке лидеров анархистов Гильома, Кропоткина и других вновь навязать международному социалистическому движению бакунистские принципы. Вопреки их противодействию конгресс принял решения о необходимости участия рабочих в политической борьбе и создания пролетарской партии. От анархистов отвернулись даже их вчерашние сторонники, в частности бельгийские социалисты. Маркс считал, что Гентский конгресс, как он писал Зорге 27 сентября 1877 г., «хорош, по крайней мере, тем, что Гильом и К⁰ были совершенно покинуты их старыми союзниками. С трудом удалось удержать фламандских рабочих от того, чтобы они не избили великого Гильома»¹.

Веря в будущие успехи рабочего движения, Маркс не идеализировал его, не проходил мимо встававших перед ним в разных странах трудностей. Он с огорчением писал по поводу не изжитых еще французскими рабочими прудонистских и других утопических иллюзий, указывая на не преодоленную ими пока что отсталость в теоретическом отношении². В то же время Маркс оценивал как положи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 229.

² См. там же. Т. 33. С. 527.

тельное явление создание во Франции рабочих синдикатов. В письме Зорге 4 августа 1874 г. он отмечал, что, хотя эти организации находятся в значительной мере под влиянием буржуазных республиканцев и кооперативистов и чрезвычайно узко понимают задачи рабочего движения, их появление свидетельствует о росте организованности французского пролетариата. Синдикальное движение, по мнению Маркса, открывало известные перспективы в борьбе за массовую рабочую партию во Франции.

С другой стороны, во Франции сохранились и революционные традиции Интернационала, поддерживаемые участниками социалистических кружков, левыми группами в синдикатах. Наблюдалось сильное тяготение к марксизму лучших элементов рабочего движения.

Анархистские элементы, отмечал Маркс, завели в тупик рабочее движение в таких странах, как Италия, Испания, отчасти Бельгия. Однако он считал такое положение преходящим. Маркс указывал, что практическое бесплодие деятельности анархистов неизбежно приведет к разочарованию рабочих в их «сверхсоциализме»¹. Он с удовлетворением писал Энгельсу в марте 1877 г. о заявлении Верхне-итальянской федерации, в котором она отрекалась «от непосредственной федеративной связи с бакунистскими итальянскими группами»². Такие же процессы происходили в Испании и Бельгии.

Известный спад рабочего движения в Англии Маркс объяснял усилением влияния реформизма. Главным носителем реформистской идеологии были лидеры тред-юнионов, игравшие роль политического охвостья либеральной партии и добивавшиеся ценой угодничества перед буржуазными кругами их поддержки при выборах в парламент. Для того чтобы выйти на путь самостоятельной классовой политики, писал Маркс, «промышленные рабочие должны прежде всего избавиться от своих теперешних вожаков»³.

Тормозом для развития рабочего движения в США, помимо объективных причин — текучесть рабочего класса и пестрота его национального состава, рознь между коренными американцами и рабочими-иммигрантами и т. д., — по мнению Маркса, явилась зависимость значительной части рабочих от буржуазных «профессиональных политиков». В рабочих организациях были сильны также сектантские элементы, препятствовавшие развертыванию борьбы за завоевание масс. Однако углубление классовых антагонизмов служило могучим фактором развития пролетарского движения. Яркой вспышкой классовой борьбы в США была грандиозная стачка железнодорожников в 1877 г. Маркс характеризовал это событие как «первый взрыв против олигархии объединенного капитала, возникшей после Гражданской войны». Подъем стачечной борьбы в США,

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 533.

² Там же. Т. 34. С. 29.

³ Там же. Т. 33. С. 527.

подчеркивал он, мог послужить «исходным пунктом для образования серьезной рабочей партии»¹.

Большим успехом рабочих Австро-Венгрии Маркс считал Нейдорфльский учредительный съезд 5—6 апреля 1874 г., на котором было провозглашено основание Социал-демократической рабочей партии. Особенно радовало Маркса участие в работе съезда представителей чешского пролетариата — показатель того, что славянские рабочие стали «действовать совместно с немецкими рабочими»². Дальнейшее интернациональное сплочение рабочего класса различных земель государства Габсбургов, правящие классы которого строили свою политику на разжигании национальных распрей, Маркс рассматривал как важнейшую задачу социал-демократов.

Особенное удовлетворение доставляло Марксу развитие рабочего движения в Германии. Здесь в лице Эйзенахской партии действовал наиболее сильный и организованный национальный отряд международного социалистического движения. Благодаря своей интернационалистской позиции в период франко-прусской войны и мужественному выступлению в защиту Парижской Коммуны, германская рабочая партия завоевала себе уважение среди рабочих разных стран и пользовалась положением признанного почти всюду авангарда международного пролетариата. В. И. Ленин указывал, что германский рабочий класс, начиная с 1871 г., в течение почти полувека «был образцом социалистической организации для всего мира»³.

Учитель немецких социал-демократов

Придавая первостепенное значение международной роли немецкой социал-демократии, Маркс и Энгельс предъявляли особенно высокие требования ее лидерам, внимательно следили за соблюдением ими революционного курса и непримиримо относились к любым отклонениям от него. Неустанно заботились они о превращении немецкой социал-демократии в массовую, идейно закаленную партию. Маркс всемерно поддерживал ее борьбу против бисмарковского режима, полицейского произвола, милитаризма. Он учитывал те трудные условия, в которых приходилось действовать эйзенахцам, постоянно подвергавшимся преследованиям. Руководители партии Бебель, Либкнехт и Гепнер были приговорены лейпцигским судом в марте 1872 г. к двухгодичному заключению в крепость. Однако полицейская травля только способствовала росту авторитета социал-демократов в массах. «В Германии на нас работает Бисмарк», — писал по этому поводу Маркс⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 50.

² Там же. Т. 33. С. 533.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 461.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 533.

Весьма высоко оценивал Маркс организаторскую работу немецкой рабочей партии, ее деятельность в профессиональных союзах, налаживание выпуска партийной печати. Значительны были успехи, достигнутые эйзенахцами на выборах в рейхстаг в 1874 г. Они провели 6 депутатов, в том числе Бебеля и Либкнехта. Горячее одобрение встречало в Лондоне умелое использование лидерами эйзенахцев трибуны рейхстага для разоблачения политики Бисмарка и пропаганды революционно-социалистических идей.

Большое удовлетворение доставляла Марксу та огромная помощь, которую в эти годы оказывал руководителям Эйзенахской партии Энгельс. Публицистические выступления Энгельса на столбцах газеты «*Volksstaat*», его работа «К жилищному вопросу», направленная против статей немецкого прудониста Мюльбергера, серии статей «Бакунисты за работой», «Эмигрантская литература», предисловие к третьему изданию «Крестьянской войны в Германии» и т. д. выражали также и точку зрения Маркса.

В эти годы Маркс выступал в партийной печати реже, чем Энгельс. Однако и он пользовался переизданием своих прежних работ для того, чтобы в предисловии или послесловии обратить внимание немецких друзей на важные для партии вопросы. Так, учитывая царящую в Германии атмосферу полицейских репрессий, он счел уместным перепечатать в октябре — декабре 1874 г. в «*Volksstaat*», а затем в начале 1875 г. отдельной брошюрой памфлет «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». К отдельному изданию он написал послесловие, в котором отметил, что в бисмарковской Германии политической полиции, так же как и в Пруссии 1852 г. времен кёльнского процесса, принадлежит «неограниченное господство»¹. Маркс показал всю смехотворность стремлений Бисмарка и его подручных «сжить со свету рабочую партию». Какие бы усилия ни прилагали реакционеры, им не приостановить приближения социалистической революции. «Общество никак не сможет прийти в равновесие, пока оно не станет вращаться вокруг солнца труда»².

Искренне радуясь успехам германского рабочего движения, Маркс не упускал из виду и теневые стороны в деятельности немецкой социал-демократии. Следы лассальянских воззрений сохранялись в Эйзенахской программе. Вошедшая в Эйзенахскую партию часть бывших лассальянцев еще не вполне освободилась от преклонения перед идеями и именем Лассалья. Не все социал-демократические лидеры понимали значение борьбы за преодоление пережитков лассальянства в сознании немецких рабочих. Это побудило Маркса и Энгельса специально объяснить в 1873 г. с Бебелем и Либкнехтом по данному поводу. Бебель в своем ответе признал, что «культ Лассалья должен быть вырван с корнем»³. Он даже спе-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 551.

² Там же. С. 551—552.

³ Бебель А. Из моей жизни. М., 1963. С. 472.

циально предложил, чтобы сам Маркс взял на себя критику работ Лассалья. «Научный авторитет Маркса в экономических вопросах настолько бесспорен, что влияние такой работы было бы колоссальное», — писал он Энгельсу¹.

Недостаточная теоретическая закалка руководителей партии порой мешала им распознать вульгарный и антиреволюционный характер выступлений различных мелкобуржуазных литераторов, выдававших себя за социалистов. Писания подобных авторов проникали в партийную печать. «Ты, вероятно, заметил, что в «Volksstaat» время от времени помещаются филистерские фантазии недоучек, — писал Маркс Зорге 4 августа 1874 г. — Хлам этот исходит от школьных учителей, докторов и студентов. Энгельс уже намылил голову Либкнехту, что, по-видимому, время от времени для него необходимо»².

Особенно остро вопрос о чистоте идейного знамени партии встал в связи с попытками преодолеть раскол внутри германского рабочего движения. Существование двух соперничающих политических организаций — Социал-демократической рабочей партии и лассальянского Всеобщего германского рабочего союза — приводило к распылению сил рабочего класса перед лицом буржуазии и юнкерства. Главные политические разногласия между ними по поводу путей объединения Германии утратили свое практическое значение после образования в 1871 г. Германской империи. Среди рядовых членов обеих организаций усиливались объединительные тенденции.

Маркс и Энгельс ясно видели, какой ущерб наносит раскол немецкому рабочему классу. Однако подлинное единство, неоднократно указывали они, могло быть достигнуто только на выдержанной идейной основе, на базе признания принципов научного социализма. Непременным условием объединения они считали осуждение отсталых лассальянских догм. Поскольку преодоление лассальянства требовало времени, Маркс и Энгельс советовали своим соратникам в Германии не проявлять чрезмерной поспешности с организационным объединением, делая в то же время реальные шаги к установлению единства действий. Они опасались, что наспех, без должной идеологической и политической подготовки, проведенное слияние Эйзенахской партии и лассальянского Союза усилит в партии оппортунистические элементы, снизит ее идейный уровень, принесет больше вреда, чем пользы. Путем к единству, считали они, должно быть прежде всего всемерное укрепление Социал-демократической рабочей партии и усиление ее связей с массами. Это заставило бы лассальянцев принять все необходимые условия.

¹ Бебель А. Из моей жизни. С. 473.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 533.

Руководители германской социал-демократии в первое время придерживались этих рекомендаций. На съезде партии в Кобурге в июле 1874 г., благодаря прежде всего усилиям Либкнехта, в противовес сторонникам немедленного объединения, была одобрена линия, с одной стороны, предусматривающая практическое сотрудничество с лассальянской организацией, с другой же — предупреждающая против слияния на основе беспринципного смешения лассальянских догм с программой и уставом партии. «Единение, но не объединение» — так сформулировал эту линию съезд.

Однако удержаться на этой позиции Либкнехт не сумел. В ходе переговоров с лассальянцами он стал на деле проводить идею объединения любой ценой, решив, что достигнутые преимущества компенсируют все уступки. В феврале 1875 г. Либкнехт, Бернштейн и др. пошли на компромисс с лассальянцами в важнейших программных вопросах.

Проект объединительной программы был опубликован в партийной печати 7 марта 1875 г. Познакомившись с ним, Маркс и Энгельс сразу же убедились в серьезной ошибке эйзенахцев, чреватой тяжкими последствиями для партии. Проект означал сдачу позиций оппортунистическому течению, шаг назад по сравнению с Эйзенахской программой 1869 г., которая также была далека от совершенства. Характеризуя программу даже в ее окончательной, несколько улучшенной редакции, Энгельс позднее писал, что она представляла собой эклектическую компиляцию, состоящую «1) из лассалевских фраз и лозунгов, которых нельзя было принимать ни под каким условием... 2) из ряда вульгарно-демократических требований, сформулированных в духе и стиле Народной партии; 3) из якобы коммунистических фраз, большей частью заимствованных из «Манифеста», но переделанных так, что при ближайшем рассмотрении они сплошь оказываются вопиющей бессмыслицей»¹.

Маркс и Энгельс пытались побудить эйзенахцев исправить допущенную ошибку. В письме Бебелю 18—28 марта 1875 г. Энгельс подверг критике проект программы, включенные в него лассальянские догмы о «железном законе заработной платы», «государственной помощи производительным ассоциациям», вульгарное толкование сущности государства, игнорирование интернациональных обязанностей рабочей партии и т. д. Он решительно осудил готовность Либкнехта и других руководителей Эйзенахской партии жертвовать во имя объединения коренными интересами рабочего движения. Объединение, достигнутое на порочной основе, предупреждал Энгельс лидеров эйзенахцев, не может быть устойчивым и обеспечить подлинное единство рядов партии. Оно неизбежно таит в себе источник разногласий и раздоров, оно на руку элементам, разлагающим партию.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 125.

Среди самих эйзенахцев нашлось немало недовольных проектом программы. Бракке в своих письмах заявлял, что этот документ непригоден даже как основа для дискуссии, ибо он не поддается улучшению. «Из этого болота можно выбраться, только совершенно покинув его», — писал он Марксу 10 мая 1875 г.¹ Свою неудовлетворенность программой выразил и Бебель, находившийся во время переговоров с лассальянцами в тюрьме, откуда он вышел только 1 апреля 1875 г. Однако ни у Бебеля, ни у Бракке не хватило настойчивости, чтобы пойти наперекор большинству руководства партии.

Маркс тщательно подготовил критические замечания к проекту программы. В окончательном виде они были направлены в Германию вместе с сопроводительным письмом в адрес Бракке от 5 мая 1875 г. для передачи также Гейбу, Ауэру, Бебелю и Либкнехту. Этот документ получил впоследствии наименование «Критика Готской программы». В сопроводительном письме Маркс высказал важные мысли о путях преодоления раскола в рабочем движении. Единство — великое благо для рабочего класса, но его нельзя добиваться ценой принципиальных идейных уступок, указывал он. «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ. Поэтому, если нельзя было — а обстоятельства этого не допускали — пойти *далее* эйзенахской программы, то следовало бы просто заключить соглашение о действиях против общего врага. Составляя же принципиальные программы (вместо того чтобы отложить это дело до того момента, когда оно будет подготовлено более длительной совместной работой), воздвигают тем самым перед лицом всего мира вехи, по которым люди судят об уровне партийного движения»².

Главное внимание в письме обращалось на недопустимость компромиссов в идейных вопросах, хотя Маркс признавал возможность и целесообразность соглашений в вопросах тактики и даже временных политических уступок. Маркс, подчеркивал В. И. Ленин, «*резко порицает* допущенный эклектизм в формулировке принципов: если уже надо было соединяться — писал Маркс лидерам партии — то заключайте договоры, ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоретических «уступок»»³.

Предупреждения Маркса и Энгельса не оказали должного действия на организаторов объединительного съезда в Готе, состоявшегося 22—27 мая 1875 г. и провозгласившего образование единой Социалистической рабочей партии Германии. Поступившие из Лондона замечания на проект программы были учтены лишь в мини-

¹ Karl Marx, Friedrich Engels. Briefwechsel mit Wilhelm Bracke (1869—1880). В., 1963. S. 72.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 111.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 23—24.

мальной степени, и съезд утвердил его без существенных изменений. Правда, одно важное добавление — о признании международного характера рабочего движения и вытекающих отсюда интернациональных обязанностях немецкой партии — было внесено в соответствии с замечаниями Маркса и Энгельса. В целом же Готская программа означала отход от научных программных и тактических основ пролетарского движения. Маркс и Энгельс первоначально намеревались публично отмежеваться от этого документа. Однако они изменили свое решение, приняв во внимание, что программа была своеобразно истолкована как друзьями, так и врагами. «Рабочие, буржуа и мелкие буржуа вычитали из нее то, что в ней должно было быть, но чего в ней нет...» — указывал Энгельс в письме Бракке 11 октября 1875 г., добавив: «Это дало нам возможность промолчать об этой программе»¹. Считались Маркс и Энгельс и с положительной стороной самого факта устранения раскола в немецком рабочем движении.

Руководители германской социал-демократии не сумели должным образом оценить теоретическое содержание «Критики Готской программы». Работа Маркса была опубликована — по инициативе Энгельса и благодаря его усилиям — только в 1891 г. в связи с возникшим вопросом о пересмотре программы.

«Критика Готской программы»

«Критика Готской программы» — важнейший программный документ научного социализма. Создавая эту работу, Маркс вновь обнаружил удивительную мощь научного предвидения, способность к постижению не только общего направления будущего общественного развития, но и многих конкретных путей, по которым оно должно будет пойти. Острый анализ воззрений домарксовского утопического социализма сочетался здесь с развитием собственных идей о характере переходного периода от капитализма к социализму, о роли и эволюции пролетарского государства, о двух фазах в развитии коммунистического общества.

Значение этого документа Маркса в полной мере раскрылось позднее, когда рабочий класс вплотную подошел к социалистической революции и к осуществлению практических задач преобразования общества. Глубоко прав был В. И. Ленин, когда осенью 1917 г., в канун Октябрьской социалистической революции в России, писал: «Полемическая часть этого замечательного произведения, состоящая в критике лассальянства, затенила, так сказать, его положительную часть, именно: анализ связи между развитием коммунизма и отрицанием государства»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 125.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 83.

Сама критика ошибок проекта Готской программы носила в произведении Маркса обобщенный характер, как бы подводя итог полемике марксизма с противостоявшими ему мелкобуржуазными социалистическими теориями. Она вскрывала прежде всего их общий методологический порок — непонимание определяющей роли общественного производства, стремление перенести центр тяжести как в критике существующего строя, так и в суждениях о будущем обществе в область распределения материальных благ. «Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии), — писал Маркс, — перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения»¹.

В своей работе Маркс дал убедительную характеристику лассальянства как оппортунистического направления в рабочем движении. Удар по догмам Лассалья был направлен вообще против оппортунизма в германской социал-демократии.

Маркс раскрыл теоретическую несостоятельность и практическую вредность тезиса Лассалья о пресловутом «железном законе заработной платы», фатально предопределявшем невозможность для рабочих добиться при существующем строе какого-либо улучшения условий труда. Лассалевское положение, разъяснял Маркс, является вульгарной попыткой свести социальные антагонизмы капиталистического общества к действию «вечных законов народонаселения», рост которого, как утверждал Лассаль вслед за Мальтусом, будто бы неизбежно понижает уровень заработной платы. Эта догма, подчеркивал Маркс, затушевывает эксплуатацию капиталистами рабочих, обезоруживает их, внушает ложное мнение о бессмысленности организованного сопротивления капиталистическому гнету, создания профессиональных организаций, устройства стачек. Большой ошибкой программы Маркс считал и включение в нее несостоятельного лассальянского требования помощи производительным товариществам со стороны существующего государства, выдаваемой за средство достижения социализма мирным путем.

Решительно осудил Маркс утверждение Лассалья и его сторонников, будто по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют «лишь одну реакционную массу». За этой фразой скрывалось отрицание союза рабочего класса с крестьянством. Отнюдь не случайным в связи с этим считал Маркс и умалчивание в программе о борьбе против крупных землевладельцев. Это соответствовало порочной ориентации Лассалья на союз против буржуазии с юнкерством и прусской монархией. Особенно большой вред видел Маркс в узком национализме лассальянства, наложившем отпечаток и на проект программы, в котором ничего не было сказано об интернациональ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 20.

ном характере рабочего движения. Только в окончательном тексте программы эта ошибка отчасти была исправлена.

Забвение принципов пролетарского интернационализма в глазах Маркса являлось едва ли не самым тяжким грехом. Признание того обстоятельства, писал он, что пролетариат должен в первую очередь организовать себя у себя дома и «что непосредственной ареной его борьбы является его же страна», отнюдь не оправдывает пренебрежительного отношения к одному из главных условий освобождения пролетариата — международной пролетарской солидарности, единству и сплочению рабочего класса различных стран¹.

Главный огонь своей критики Маркс направил против искажения в программе вопроса о путях освобождения рабочего класса, о роли государства. Он показал теоретическую и практическую несостоятельность лозунга народного государства в условиях раскола общества на враждебные классы, самой идеи о надклассовом характере государства. Вульгарно-демократическими утопиями о «свободной основе государства», своими весьма умеренными политическими требованиями — отсутствовало даже требование демократической республики — программа создавала иллюзию, будто Германской империи или другим современным буржуазным государствам можно придать подлинно свободный, народный характер и использовать их как рычаг для демократических и даже социалистических преобразований. Для Маркса был совершенно ясен источник этой в высшей степени вульгарной, антинаучной трактовки сущности государства. Он писал, что Готская программа «насквозь заражена верноподданнической верой лассалевской секты в государство или, что ничуть не лучше, верой в демократические чудеса, или, вернее, она является компромиссом между этими двумя видами веры в чудеса, одинаково чуждыми социализму»².

В противовес реформистским утопиям Маркс до конца раскрыл враждебную пролетариату природу буржуазного государства и разработал теоретические положения о пролетарском государстве. Он вновь связал необходимость создания государства рабочего класса с теми огромными революционными общественными преобразованиями, которые предстоит ему осуществить для перехода от капитализма к новому общественному строю, не знающему классовых антагонизмов. Пролетариату должно принадлежать и государственное руководство этой гигантской преобразовательной работой. Маркс подчеркнул в «Критике Готской программы», что государство переходного периода «не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»³.

В. И. Ленин считал, что это рассуждение Маркса как бы подводит итог всему его революционному учению о государстве и социалисти-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 22—23.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 27.

ческой революции¹. Комментируя это положение, он подчеркивал, что суть диктатуры пролетариата отнюдь не в одном применении революционного насилия по отношению к сопротивляющимся эксплуататорским классам, а прежде всего в разнообразной организаторской и хозяйственной деятельности по построению основ общества без эксплуататоров, в необходимом для этого постепенном преодолении силы инерции, привычек, нравов старого общества, в перевоспитании в социалистическом духе мелкобуржуазных масс и самого рабочего класса. «Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму»².

Исключительно важным вкладом в революционную теорию явилось развитие Марксом учения о будущем коммунистическом обществе. Он суммировал здесь прежние научные выводы и дополнил их новыми, применив свою теорию развития, по словам Ленина, «и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма»³. Ленин отметил строго научный подход Маркса к определению сущности коммунизма и его социально-экономических основ. «У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»⁴.

Важнейшей особенностью марксова понимания проблем коммунизма — высоко развитого общественного строя, основанного на общественной собственности на орудия и средства производства, — было рассмотрение его как развивающейся общественной формации, становление и рост которой происходит по определенным объективным законам. Всем изложением своих идей Маркс показал, что коммунизм не может быть введен декретом, учрежден в один момент. Создание коммунистического общества — результат глубоких революционных преобразований, требующих определенных условий и значительного времени. Само коммунистическое общество должно пройти в своем развитии две фазы: низшую, на которой устанавливаются общественные порядки, «обычно называемые социализмом, а у Маркса носящие название первой фазы коммунизма»⁵, и высшую — коммунизм в собственном смысле слова. Переход от капитализма к первой фазе коммунистического общества, а затем и ко второй, высшей, осуществляется постепенно, представляя собой

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 241—242.

² Там же. Т. 38. С. 386.

³ Там же. Т. 33. С. 84.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 92.

великий преобразовательный процесс, охватывающий как сферу производства и производственных отношений, так и распределение материальных благ, политическую и духовную жизнь людей, их мораль. Однако Маркс проводит различие между преобразованиями, осуществляемыми при переходе от буржуазного общества к низшей фазе коммунистического, и теми, которые предстоит претворить в жизнь на стадии перехода ко второй фазе коммунизма. В первом случае речь идет, пишет он, о таком обществе, «которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»¹. На последующей ступени коммунистическое общество развивается, двигаясь к своей высшей фазе, уже «на своей собственной основе»². Задача, следовательно, заключается в том, чтобы всячески развить и усовершенствовать эту основу, обеспечить такой подъем материального производства и культуры, который позволит окончательно избавиться от «родимых пятен» капитализма и применить коммунистические принципы во всех областях жизни.

Маркс раскрыл в основных чертах отличительные особенности двух фаз коммунистического общества. Уже на первой фазе, указывал он, будет уничтожена частная собственность на средства производства и эксплуатация. Но материальный уровень жизни еще не станет одинаковым для всех членов общества. Удовлетворение потребностей работников, распределение материальных благ будет осуществляться по принципу: каждому по труду. Поскольку, однако, индивидуальная одаренность, трудоспособность и т. д. у разных людей не может быть одной и той же, поскольку существуют различия и в других отношениях (семейное положение и пр.), то «равное право» на получение продукта в соответствии с затратами общественно необходимого труда не обеспечивает в этих условиях действительного равенства. Это фактическое неравенство в распределении — Маркс называл его «узким горизонтом буржуазного права» — может быть преодолено лишь в результате мощного развития производительных сил, обеспечивающего изобилие материальных и духовных благ и позволяющего перейти к новой, более совершенной системе распределения.

Маркс опроверг вульгарные представления мелкобуржуазных социалистов, в том числе и лассальянцев, о социалистическом строе как обществе, в котором каждый его член получит «неурезанный трудовой доход», «полный продукт своего труда». Включение этого лассальянского положения в Готскую программу Маркс считал грубой ошибкой. Он разъяснил, что совокупный общественный продукт

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 18.

² Там же.

и в коммунистическом обществе отнюдь не может быть целиком израсходован на личное потребление отдельных индивидов. Из этого продукта, указывал Маркс, должны прежде всего быть выделены фонды, идущие на возмещение потребленных в самом производственном процессе средств производства и на обеспечение расширенного воспроизводства. Должен быть создан и резервный фонд на случай стихийных бедствий, на страхование и т. д. Но даже и та часть продукта, которая предназначена для потребления, может быть распределена между индивидуумами лишь после того, как из нее будут вычтены доли, идущие на покрытие издержек управления, на обеспечение нетрудоспособных, наконец, на те потребности, которые удовлетворяются членами общества сообща, совместно (образование, народное здравоохранение и т. д.). Если доля, отведенная на управление, отмечал Маркс, будет все больше сокращаться по мере развития нового общества, то, наоборот, часть продукта, предназначенная на общественное потребление, будет все больше возрастать.

На высшей фазе коммунистического строя произойдут, предсказывал он, коренные изменения в материальном уровне жизни людей, в условиях их труда, в их сознании. Труд станет первой человеческой потребностью, источником творческих радостей. Расцвет производительных сил, всеобщее изобилие позволят полно и всесторонне удовлетворять материальные и духовные запросы членов общества. Маркс отвергал примитивные, «грубые» представления о коммунизме как обществе, основанном на аскетических началах, всеобщих ограничениях, нивелировке личностей и их потребностей. Каждый член общества должен располагать в полном достатке материальными и другими благами для своего всестороннего развития.

«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»¹

Затронул Маркс и вопрос о той эволюции, которую должно претерпеть пролетарское государство в процессе перехода к коммунистическому обществу. Диктатуру пролетариата Маркс рассматривал как форму государства переходного периода, продолжительность которого будет зависеть от того, какой срок потребуется для

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 20.

революционного преобразования капиталистического общества в коммунистическое. Касаясь, причем в самых общих чертах, проблемы дальнейших судеб государства, Маркс писал в «Критике Готской программы» о «будущей государственности коммунистического общества». При этом он делал различие между ней и диктатурой пролетариата. Он указывал, что с установлением коммунистического строя государство подвергнется «превращению», что сохранятся некоторые общественные функции, «аналогичные теперешним государственным функциям»¹.

Из этих высказываний видно, что отмирание государства в будущем коммунистическом обществе Маркс понимал отнюдь не как простое исчезновение всякой государственности сразу после победы нового общественного строя. Требуя научного подхода к этому вопросу, он, разумеется, не располагал тогда данными для ответа на него. Однако уже в то время Маркс уяснил себе, что процесс на этой стадии пойдет по линии постепенного преобразования прежней государственности в новые формы общественного управления, отвечающие изменившимся социальным условиям и потребностям общества.

Своим гениальным научным прогнозом относительно будущего коммунистического общества и его двух фаз Маркс внес неоценимый вклад в развитие теории научного коммунизма.

Участие в создании «Анти-Дюринга»

Непозволительные теоретические уступки лассальянцам, сделанные в Готской программе, усугубили в Социалистической рабочей партии Германии атмосферу примиренчества к непролетарской, мелкобуржуазной идеологии. «Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами...» — отмечал Маркс в октябре 1877 г. в письме Зорге². Среди определенных партийных кругов, в первую очередь выходцев из буржуазной интеллигенции — чиновников, служащих, литераторов, студентов и т. д., — все больше можно было наблюдать увлечение различными мелкобуржуазными утопиями, модными буржуазными философскими и экономическими теориями, стремление эклектически соединить эти теории с марксизмом, а нередко и вовсе заменить его ими. Все это вызывало тревогу у Маркса и Энгельса.

Одним из проявлений идейных шатаний было увлечение значительной части образованной верхушки партии «теориями» немецкого вольгарного философа и экономиста Евгения Дюринга. Приват-доцент Берлинского университета Дюринг в своих лекциях и много-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 27.

² Там же. Т. 34. С. 234.

численных сочинениях, которыми он с 1869 г. буквально стал наводнять книжный рынок, выступил с претензией на создание новой «универсальной науки». Свои взгляды Дюринг рекламировал как вершину человеческих знаний, высокомерно объявив предшествующую философию, политическую экономию и социалистические учения лишенными какой-либо ценности. Особенно развязными были его нападки на марксизм. Если в упомянутой выше рецензии на I том «Капитала», опубликованной в конце 1867 г., Дюринг, пытаясь приписать автору ошибки, проявлял еще в общем более или менее сдержанный тон, то в дальнейших работах — в частности, во втором издании «Критической истории политической экономии и социализма» (вышло в свет в ноябре 1874 г.), а также в книге «Курс философии, как строго научного мировоззрения и жизнеформирования» (1875) — он прямо-таки обрушился на учение Маркса. Взамен марксизма Дюринг преподносил эклектическую смесь из доктрин примитивного механического материализма, идеалистических и эволюционистских взглядов на общество буржуазных социологов-позитивистов и представителей мелкобуржуазного социализма.

Попытка возрождения социальных утопий в период, когда научный социализм пустил уже глубокие корни в рабочем движении, была весьма ретроградным явлением. Маркс писал, что утопический социализм в дюрингианской форме «может быть только нелепым, — нелепым, пошлым и в самой основе своей реакционным»¹. Между тем сторонники Дюринга среди немецкой социал-демократии пытались превратить дюрингианство в официальную доктрину немецкого рабочего движения. Введенный в заблуждение восторженными оценками Бернштейна Бебель опубликовал в марте 1874 г. в «Volksstaat» положительный отзыв о Дюринге. Либкнехт заверял Энгельса, что Дюринг хотя и путаник, но человек «абсолютно честный и решительно стоит на нашей стороне»².

Под влиянием Маркса и Энгельса руководители партии, однако, очень скоро осознали необходимость отпора дюрингианству как течению, угрожавшему теоретическим и идейным основам рабочего движения. «Вы правы насчет Дюринга», — писал Энгельсу в августе 1874 г. Блос³. Либкнехт также признал, что распространение взглядов Дюринга в партии представляет серьезную опасность. О необходимости публичной критики Дюринга Марксу и Энгельсу писали Бракке и Дицген.

В первое время Маркс и Энгельс не считали нужным лично полемизировать с этим в общем заурядным автором. Однако то обстоятельство, что дюрингианство стало широко распространяться в германской социал-демократии, особенно после объединения с лас-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 235.

² Liebknecht W. Briefwechsel mit Karl Marx und Friedrich Engels. Hague, 1963. S. 190.

³ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 3443.

сальянцами, заставило их отнестись иначе к вопросу о публичном выступлении против Дюринга. В самой партии не находилось людей, теоретически достаточно вооруженных, чтобы дать бой «универсальному систематику». Кроме того, Либкнехт проявлял колебания: он то настойчиво добивался от Энгельса статей с критикой дюрингианства, то под нажимом дюрингианцев печатал в «*Volksstaat*» выдержки из работ Дюринга.

Все это определило решение Энгельса выступить против Дюринга. С 3 января 1877 по 7 июля 1878 г. он опубликовал в новом органе Социалистической рабочей партии Германии «*Vorwärts*» (издавался с октября 1876 г.) большую серию критических статей. Разделы работы печатались также в виде брошюр, а в 1878 г. они были изданы единой книгой под заглавием «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Философия. Политическая экономия. Социализм». Более известным стало краткое название произведения — «*Анти-Дюринг*».

С присущим ему остроумием и блеском, с юношеским полемическим задором, сочетавшимся с мастерством опынейшего идейного борца, Энгельс раскрыл в «*Анти-Дюринге*» все убожество и банальность псевдоноваторских воззрений Дюринга. Он показал, в каком поистине комическом противоречии находятся эти вульгарные взгляды с претензией автора на абсолютную непогрешимость и его высокомерно-нигилистическим отношением к предшествующей науке. Выступление против Дюринга Энгельс использовал также для того, чтобы в положительной форме изложить основное содержание трех составных частей марксистской теории. По словам В. И. Ленина, в «*Анти-Дюринге*» «разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук»¹. Отличаясь энциклопедичностью, раскрывая в весьма доступной форме то, что было достигнуто марксистской мыслью, работа Энгельса отражала и его собственный творческий вклад в развитие марксизма, особенно в области философского обобщения данных естествознания, исторической науки, военного дела.

Маркс всемерно способствовал созданию этой выдающейся книги. «Мнение мое таково, что «наше отношение к этим господам» можно выявить только в виде решительной критики Дюринга», — писал он Энгельсу еще 25 мая 1876 г.² Маркс был целиком в курсе всех планов Энгельса и всячески помогал ему в работе. Он, в частности, вновь обратился к сочинениям Оуэна, составил библиографический список его работ и указал в письме Энгельсу 8 августа 1877 г. наиболее важные из них для критики дюрингианского искажения истории социалистической мысли. Оказывал он помощь Энгельсу и в розыске других материалов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 11.

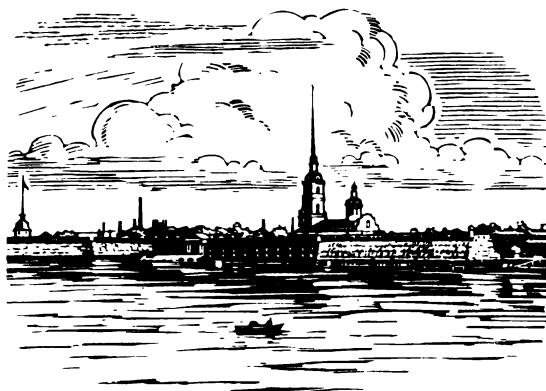
² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 12.

При подготовке второго отдела («Политическая экономия») Маркс взял на себя критический разбор взглядов Дюринга на историю экономических учений. Уже к началу марта 1877 г. он послал Энгельсу соответствующий материал, дополнив его в августе разбором «Экономической таблицы» физиократа Кенэ. Все это вместе составило главу X второго отдела книги — «Из «Критической истории»». «Сердечное спасибо за большую работу относительно «критической истории», — писал Энгельс другу по получении первой части главы. — Это больше, чем мне нужно, чтобы совершенно заткнуть глотку молодцу и в этой области»¹.

Эта глава строго соответствовала общему замыслу всего произведения — дать отпор попыткам Дюринга принизить значение научного социализма и умалить заслуги его идейных предшественников. В противовес Дюрингу высоко оценивался вклад в развитие экономической мысли представителей классической школы политической экономии, начиная с Петти и Буагильбера, кончая Рикардо. При этом было показано, что, третируя классиков, Дюринг сам проповедовал теории их эпигонов и вульгаризаторов — немца Листа, американца Кэри и пр. В то же время была вскрыта ограниченность буржуазной экономической науки. В главе разоблачалось также стремление Дюринга исказить марксистскую политическую экономию, отождествить ее положения с мелкобуржуазными и буржуазными доктринами, глубоко ей чуждыми.

Выход в свет «Анти-Дюринга» способствовал идейному росту германской социал-демократии и распространению марксизма в других странах. Книга помогала преодолевать влияние непролетарских течений, усваивать основы марксистской философии, политической экономии и научного социализма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 31.

*Глава
пятнадцатая*

**Борьба за создание и укрепление
пролетарских партий.
Маркс и революционная Россия**

То, что создал Маркс как человек науки,
как защитник рабочего класса,
не нуждается ни в чугунных памятниках,
ни в пламенных речах. Не бронзовые
и гранитные памятники говорят о делах Маркса,
а неисчислимые ряды рабочих всех частей света,
следующих бессмертному боевому кличу Маркса:
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Ф. А. Зорге

Теоретические исследования последних лет

Несмотря на ухудшение здоровья, Маркс и в последние годы жизни оставался поистине великим тружеником науки. И в старости Маркс сохранил юношескую увлеченность наукой, неукротимую страсть к чтению новых книг, которые он испещрял подчеркиваниями и пометками, превращая их, по его собственному выражению, «в своих рабов».

По-прежнему огромен был диапазон научных интересов Маркса. На первом плане у него и в эти годы оставался «Капитал». В процессе работы над его незавершенными частями Маркс стремился

изучить все новые явления в экономике и политике капиталистических стран и учесть последние достижения в смежных областях общественных и естественных наук. Потребности растущего рабочего движения также побуждали его быть в курсе событий политической и идейной жизни.

Теоретическое содержание большинства проблем II и III томов «Капитала» в общем было выяснено Марксом в предыдущие годы. Однако его научная добросовестность не знала предела. Энгельс писал, что даже простой перечень оставшихся после Маркса рукописей свидетельствует, «с какой строгой самокритикой он стремился разработать до полного совершенства свои великие экономические открытия, прежде чем опубликовать их»¹. Именно в эти годы Маркс вновь возвращается к теме воспроизводства и обращения всего общественного капитала. обстоятельно изучалась им новая литература по торговле, финансам, банковскому делу, аграрным отношениям.

Если при исследовании проблем I тома «Капитала» в центре внимания Маркса была классическая страна промышленного капитализма Англия, то теперь, когда предпринимались новые исследования для подготовки II и III томов, он все больше занимается экономическим развитием России и США.

Составленный Марксом в 1881 г. список книг под заглавием «Русское на моей полке» содержит более сотни названий. Но и этот список не охватывает всех привлеченных к работе источников. Русский отдел библиотеки Марксу активно помогали комплектовать Н. Ф. Даниельсон, П. Л. Лавров, Н. И. Зибер, И. И. Кауфман, Н. А. Каблуков, М. К. Горбунова, В. И. Засулич. Особое место среди русских книг Маркса занимали научные и публицистические произведения представителей революционно-демократического направления, в первую очередь труды Н. Г. Чернышевского.

Исключительное внимание Маркс уделял изучению аграрных отношений в России, реформы 1861 г. и ее последствий. Об интенсивности исследовательской работы в этой области свидетельствуют обширные конспекты многотомного издания «Трудов податной комиссии», «Военно-статистического сборника. Выпуск IV. Россия» и других источников².

Значителен был материал, выявленный Марксом по экономике и социальной структуре Соединенных Штатов Америки. Объектом исследования здесь служили статистические и документальные сборники, издаваемые различными федеральными ведомствами и ведомствами отдельных штатов, полученные Марксом от Зорге, Гарни и других друзей из США, статьи из американской и английской периодики. В результате были добыты важные сведения о бур-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 4.

² См.: Архив Маркса и Энгельса. Т. XVI.

ном развитии промышленности, о колонизации Запада, о положении фермерских хозяйств, об условиях труда, иммиграции рабочих и т. д. Маркс отметил в выписках процесс образования крупных акционерных компаний, возвышение таких финансовых и промышленных магнатов, как Вандербилт, Гулд, Рокфеллер. В составленном в конце 1878 г. наброске о расхищении общественных земель акционерными компаниями он указал на то, что ряд сверхмиллионеров нажился на земельных спекуляциях. В качестве примера Маркс назвал «железнодорожного барона» Джемса Джоя, который подчинил тысячи мелких колонистов Запада и сделался их «властелином и королем»¹.

В поле зрения Маркса находилась также экономическая конъюнктура в Западной Европе, последствия кризиса 1873 г., данные об аграрном кризисе. «Промышленное производство и крупная торговля попадали во все большую зависимость от банков, от крупных капиталистов...» — резюмировал он² весной 1877 г. свое мнение относительно новых явлений в экономике Германии, делая выписки из книги Рудольфа Мейера «Политические грюндеры и коррупция в Германии». Лафаргу, изучавшему французскую банковскую систему, он советовал в 1880 г. обратить внимание на «экспорт капиталов»³. В «Заметках и выписках о распределении земельной собственности во Франции» Маркс указал на далеко зашедший процесс разорения французского крестьянства⁴.

Продолжал Маркс следить и за новыми явлениями в экономической мысли. Он убеждался в том, что процесс вульгаризации буржуазной политической экономии принимал все более широкие масштабы и разнообразные формы. Отражением его была и так называемая «катедер-социалистическая» литература. Она выходила из-под пера тех буржуазных экономистов, которые, наблюдая тягу широких масс к социализму, пытались придать апологетике капитализма социалистическую окраску. Будущее общество, рисуемое в брошюре одного из главных представителей этого направления А. Шеффле «Квинтэссенция социализма», Маркс в 1877 г. назвал «идеальным царством благодушных мелких буржуа»⁵.

Между серединой 1879 и ноябрем 1880 г. Маркс написал обстоятельные критические замечания на первый том «Учебника политической экономии» немецкого профессора Адольфа Вагнера. На примере этой работы Маркс вскрыл пороки, присущие всему направлению катедер-социализма и его предшественнику, юнкерско-буржуазному экономисту, одному из теоретиков «государственного социализма» К. Родбертусу. Маркс подчеркнул, в частности, вульга-

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 3929.

² Там же. Ед. хр. 3944.

³ См.: Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века. М., 1970. С. 471.

⁴ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4098.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 190.

ризаторский идеалистический подход Вагнера и других приверженцев «социально-правовой концепции» к основным проблемам народного хозяйства, их стремление подменить анализ экономических закономерностей простым описанием экономических явлений, представить их как отражение эволюции правовых и моральных норм. Касаясь, например, вагнеровского истолкования происхождения и развития обмена, Маркс иронически замечает: «...наш темный муж (*vir obscurus*) решительно ставит все на голову. У него существует сначала право, а потом оборот»¹. Для Вагнера и его ученых коллег был характерен плоский эволюционизм, отрицание роли революций, попытка представить капиталистический строй чем-то незыблемым, свести все решение социального вопроса к устранению отдельных злоупотреблений, к реформе налоговой системы, введению страхования рабочих и т. п.

С Родбертусом Вагнера и других катедер-социалистов роднило приписывание буржуазному государству особой социальной миссии. Маркс отмечал, что в своем преклонении перед государством Вагнер доходит до раболепного превознесения полицейско-бюрократической бисмарковской империи, оправдывая даже сохранение юнкерского землевладения. Вагнер и его единомышленники, писал Маркс, «все еще одной ногой стоят в старом навозе». Он презрительно называет их «крепостными» существующего государства².

С вульгарных позиций, как показал Маркс, трактовались Вагнером основные категории политической экономии. В «традиционном и обычном для немецких профессоров» духе он смешивал потребительную стоимость со стоимостью, а прибыль апологетически изображал «конститутивным» элементом стоимости. Отмечал Маркс и те недобросовестные приемы «критики» его экономического учения, к которым прибегали буржуазные апологеты типа Вагнера. Они старались приписать Марксу всевозможные нелепости и чуждые ему воззрения.

С дальнейшей разработкой политической экономии были тесно связаны занятия Маркса в это время естественными науками. Изучая проблемы земельной ренты, Маркс считал необходимым для себя выяснить последние данные агрономии. Это побудило его углубиться в соответствующие разделы химии, агрохимии, биологии, геологии и других наук. В 1875 г. он составил конспект труда Энгельгардта «Химические основы земледелия», в 1878 г. вновь обратился к работе англичанина Джонстона «Элементы агрохимии и геологии». Пополнил Маркс и свои общие знания в области органической химии. В 1882 г. он проштудировал учебник химии Роско и Шорлеммера, книгу Мейера о современных теориях в области химии. Многочисленные выписки были сделаны из книг по геологии и мине-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 393.

² См. там же. С. 386.

Г. Юнг

Ф. Лесснер

Г. Эккариус

И. Ф. Беккер

Genève. Montbrillant. 9. -
Citoyen Marx: le 12 Mars 1870.
A. Trousoff, ^{diton} "base de Peuple",
Cher et vénérable Citoyen. J. Montbrillant
(c'est au nom) d'un groupe des riches ^{général} que
nous nous adressons à vous pour vous
prier de nous faire l'honneur de nous représen-
ter au Conseil général de l'Association Inter-
nationale à Londres. Ce groupe russe vient de
se constituer en une section de l'Internationale;
la grande idée de ce mouvement international de
prolétariat pénètre aussi en Russie; notre
but à nous, en constituant cette première
section russe, est (comme vous le voyez
dans les statuts ci-joints) ^{très} ^{trouvé} ^{trouvé} énergique-
ment, autant qu'il est en notre pouvoir,
à la propagande active des principes interna-
tionaux parmi les travailleurs russes, en vue
de les grouper solidement au nom de ces mêmes
principes. Mais nous avons encore une
autre tâche, c'est de démasquer le Panslavisme,
en engageant la jeunesse des pays
slaves à lutter contre ces vieilles idées
qui n'ont servi qu'au profit de l'empire

Письмо Русской секции Интернационала Марксу
12 марта 1870 г.

А. А. Серно-Соловьевич

Н. И. Утин

Е. Л. Дмитриева

THE
CIVIL WAR IN FRANCE
—
ADDRESS
OF
THE GENERAL COUNCIL
OF THE
INTERNATIONAL WORKING-MEN'S
ASSOCIATION.
—

Printed and Published for the Council by
EDWARD TRUELOVE 256, HIGH HOLBORN.
1871.

LA
GUERRE CIVILE
EN FRANCE.
—
ADRESSE
DU
CONSEIL GÉNÉRAL
DE
L'ASSOCIATION INTERNATIONALE
des Travailleurs.
—

TROISIÈME ÉDITION REVUE.
—

Der
Bürgerkrieg in Frankreich.

—
Adresse des Generalraths
der
Internationalen Arbeiter-Assoziation
an
alle Mitglieder in Europa und den
Vereinigten Staaten.

Separatabdruck aus dem Volksstaat.

Erpzig.
Verlag der Maschinen des Volksstaats.
1871.

Титульные листы издания
«Гражданской войны во Франции»
на английском, французском
и немецком языках

Л. Э. Варлен

П. О. Лиссагаре

Ш. Лонге

Л. Франкель

В. Врублевский

П. Л. Лавров

Ф. А. Зорге

Т. Ф. Куно

By 1193

New York Section No. 1 der Int. Arb. Off.
in New-Uenwick.

Mandat

Zunfuhre des „Karl Marx“ werden in
der Sitzung obiger Section am 28ten Juli 1872
als Vertreter für dieselbe auf dem allgem. Congress
in Haag erwählt und ist der Herrschaft der
Section in New York für denselben erwählt für Abgeor-
dnete und zu ihrem Namen abzugeben.

28ten Juli 1872

C. Spreyer cor. Sec.

F. A. Sorge, Vorsitzender
der Section.

Делегатский мандат Маркса на Гаагский конгресс,
выданный немецкой секцией № 1 Нью-Йорка

Дом в Лондоне
на Мейтленд-парк-род, № 41,
в котором жил Маркс
(март 1875 — март 1883 г.)

Отель «Германия»
в Карлсбаде (Карловы Вары),
где останавливался Маркс

Женни Маркс

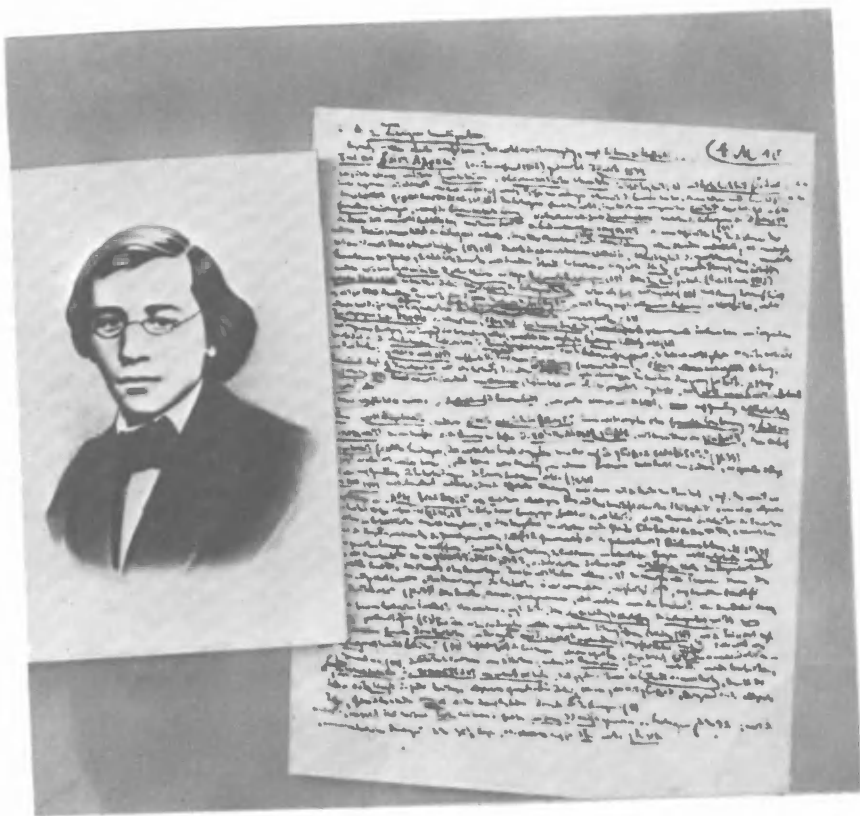
Женни Лонге

Лаура Лафарг

Элеонора Маркс

Н. Г. Чернышевский. Страница конспекта Маркса
рукописи Чернышевского «Письма без адреса»

А. Бебель

В. Либкнехт

В. Бракке

Ж. Гед

П. Лафарг

Ф. Д. Ньюенгейс

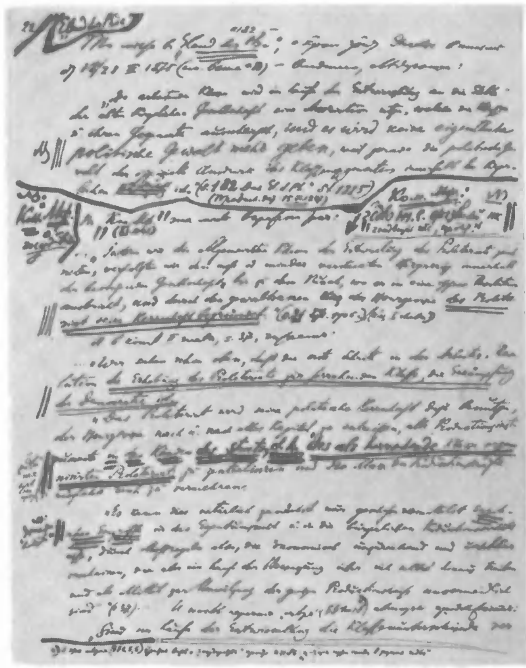
Г. В. Плеханов

В. И. Засулич

Титульный лист русского издания «Манифеста Коммунистической партии» 1882 г.

Страница тетради В. И. Ленина «Марксизм о государстве» с конспектом «Манифеста Коммунистической партии»

Маркс в 1882 г.

Могила Маркса на Хайгетском кладбище в Лондоне
(до сооружения памятника в 1956 г.)

ралогии (в частности из трудов английских геологов Джукса, Аллена и т. д.), по физиологии растений, животных, человека (работы М. Шлейдена, И. Ранке и др.). С большим интересом отнесся Маркс к попыткам найти пути для плодотворного взаимодействия химии и биологии, в частности, к опытам немецкого ученого Траубе по созданию химическим путем искусственной клетки.

В начале 80-х гг. Маркс познакомился по работе французского инженера Оспиталье с итогами международного конгресса электриков в Париже (сентябрь 1881 г.), занимавшегося вопросами применения электричества в различных сферах. 2 ноября 1882 г. он писал Энгельсу об исключительных перспективах изобретения француза Дебре, продемонстрировавшего на Мюнхенской электротехнической выставке 1882 г. линию электропередачи на большое расстояние.

Научные открытия, приносящие человеку непосредственную пользу, оказывающие влияние на развитие техники, производства, улучшающие условия жизни людей, встречали особенно горячий отклик у Маркса. «Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, практическое применение которого подчас нельзя было даже и предвидеть,— отмечал Энгельс,— его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще»¹.

Особое место в научном творчестве Маркса этих лет занимало изучение высшей математики. Интерес к математическим наукам возник у него в связи с экономическими исследованиями, часто требовавшими сложных расчетов. В тетрадях с подготовительными материалами, составленными Марксом в разное время, особенно с 1858 г., неоднократно встречаются записи, отражавшие его занятия историей математики, коммерческой арифметикой, аналитической геометрией, алгеброй. Решением математических задач по высшей математике, Маркс давно привык заполнять часы досуга.

Начатые с подсобными, прикладными целями занятия математикой переросли у Маркса в самостоятельные исследования этой области знания. В значительной мере это объяснялось тем, что математика имела много точек соприкосновения с философией, с диалектической логикой, разработке которых Маркс придавал первостепенное значение. На данной стадии математические исследования Маркса совпали с решающим этапом работы Энгельса над книгой «Диалектика природы», посвященной диалектико-материалистическому обобщению данных естественных наук. Недалом на созданных Марксом в начале 80-х гг. оригинальных рукописях — «О понятии производной функции», «О дифференциале»²—

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 351.

² См.: Маркс К. Математические рукописи. М., 1968. С. 29—75.

стоят пометки: «для Генерала» (шутливое прозвище Энгельса), «для Фреда».

Марксом были проштудированы труды классиков математической науки — Декарта, Лейбница, Ньютона, Эйлера, Маклорена, многочисленные университетские учебники и руководства по математическому анализу и высшей алгебре. На базе этих материалов он создал цикл собственных работ, охватывающий упомянутые две рукописи по дифференциальному исчислению, а также подготовительные варианты и дополнения к ним, несколько черновых набросков исследования по истории дифференциального исчисления и фрагменты с анализом теорем Тейлора и Маклорена, теории производных функций Лагранжа и т. д. Эти варианты и наброски Маркс, вероятно, намеревался объединить в цельную работу. Но завершить обработку математических рукописей ему не удалось.

В своих работах Маркс стремился выявить диалектическую связь между основными понятиями и приемами дифференциального исчисления и элементарной алгеброй. Он творчески подошел и к истолкованию самих этих понятий. Касаясь истории математической науки, Маркс осветил роль в создании и разработке дифференциального исчисления Ньютона, Лейбница, Эйлера, Д'Аламбера, Лагранжа. В этом историческом экскурсе он подчеркнул, что только высшая, подлинно диалектическая ступень развития научного мышления приводит к наиболее адекватному выявлению сущности исследуемого явления.

Прочитав первые работы Маркса по математике, Энгельс нашел их весьма оригинальными и в письме 18 августа 1881 г. поздравил своего друга с успехом. После смерти Маркса он намеревался издать его математические работы. Однако множество других дел помешало ему выполнить это намерение.

«Математические рукописи» являются еще одним примером научной разносторонности Маркса. У Лафарга имелись все основания говорить, что мозг Маркса «был подобен военному кораблю, стоящему в гавани под парами: он был всегда готов отплыть в любом направлении мышления»¹. Из своего заставленного книжными шкафами рабочего кабинета Маркс смотрел на мир словно с капитанского мостика человеческих знаний, в сокровищницу которых сам вносил неоценимый вклад.

Занятия всемирной историей

Среди научных занятий Маркса значительное место занимало исследование различных проблем всемирной истории. Круг изучаемых вопросов был весьма обширен.

¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 147.

Исторические исследования Маркса то тесно переплетались с его работой над проблемами II и III томов «Капитала», отражая намерение разработать политическую экономию в широком смысле, выявить экономические закономерности также и докапиталистических формаций, то приобретали самостоятельный характер. Для Маркса было важным осмыслить новейшие достижения исторической науки для углубления и развития материалистического понимания исторического процесса в целом.

Изучая аграрные отношения и образование земельной ренты, Маркс всесторонне исследовал историю происхождения и развития земельной собственности у разных народов. Эти исследования привели его в 70-е гг. к новому этапу в изучении общинного землевладения, как формы, предшествовавшей частной собственности на землю. Еще раньше на материале стран Востока Маркс убедился в чрезвычайной живучести и устойчивости таких замкнутых социальных организмов, как сельская община. У ряда древних народов она являлась основной ячейкой в системе производственных отношений такого типа, который в предисловии к работе «К критике политической экономии» (1859) был назван Марксом азиатским способом производства. Этот тип производственных отношений сохранился, по его мнению, в восточных странах и в средние века. На эксплуатации подобных изолированных мирков (Маркс назвал сельскую общину «локализованным микрокосмом»¹) держались деспотические государства древнего и средневекового Востока.

Углубленное изучение истории общинного землевладения не только в Азии, но и в странах Европы, Африки, Америки еще больше укрепило убеждение Маркса в том, что община носила характер универсальной общественной формы. Обширные данные по этому вопросу он извлек из трудов выдающегося немецкого ученого Г. Маурера, с исследованиями которого познакомился в конце 60-х гг. В 1876 г. Маркс составил подробные конспекты работ Маурера: «Введение в историю маркового, подворного и городского устройства», «История маркового устройства в Германии» и других. Эти книги он перечитывал и в 1881 г.

Много материала об общинном землевладении Маркс почерпнул в трудах других немецких, а также английских, итальянских и испанских историков: Хансена, Мейна, Грина, Джачини, Карденаса. Большое научное значение придавал он книге русского автора Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», полученной от автора сразу же после выхода ее в свет в 1879 г. Из нее Маркс извлек сведения об общинных порядках у североамериканских индейцев и местного населения испанских колоний в Вест-Индии, у народов Индии, Алжира. Ранее известные ему данные об индийской общине он пополнил материа-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 405.

лами из работы англичанина Дж. Фира «Арийская деревня в Индии и на Цейлоне», вышедшей в 1880 г. Еще раньше Маркс штудировал исследование — в изложении, опубликованном в одном из французских специальных изданий,— об обычном праве южных славян выдающегося ученого-слависта Богишича, работу о южнославянской домашней общине (задруге) Утешеновича.

Важное место в исследованиях Маркса занимало изучение общинных порядков в России. Помимо выписок из книги прусского чиновника Гакстгаузена «О сельском устройстве России» и из работы на эту тему французского буржуазного историка Леруа-Больё, Маркс сделал большое количество записей по материалам русских ученых — Соколовского, Васильчикова, Беляева, Кошелева, Семёнова, Чичерина, Герье и др. Основательное знакомство с русской общиной и ее исторической эволюцией, наряду с изучением истории общинного землевладения в других странах, оказало значительное влияние на формирование взглядов Маркса на эту проблему. Он изложил их в трех набросках письма русской революционерке В. И. Засулич, а в сжатой форме высказал свою точку зрения в окончательном варианте письма 8 марта 1881 г. (последний также сохранился в черновом и чистовом виде).

Общину Маркс рассматривал как один из древнейших социальных институтов. Она была продуктом первобытных общественных отношений, покоящихся на кровнородственных связях и общей собственности на средства производства. В процессе разложения первобытного общества община подверглась значительной трансформации: из родовой она превратилась в территориальную, члены общины перешли к индивидуальной обработке земли, в частных руках находились уже дома и скот. Сохранилась, однако, общая собственность на землю, подлежащую периодическим переделам между отдельными семьями; в коллективном пользовании продолжали оставаться общинные угодья. Последующая эволюция общины у разных народов варьировалась в зависимости от различной, как писал Маркс, «исторической среды»¹. В самой общине, подчеркивал он, были заложены две исторические тенденции: одна из них вела к усилению частнособственнических начал, к разложению самой общины, другая — к сохранению коллективных начал, что делало общину жизнеспособным организмом, сохранившимся в той или иной форме в феодальную эпоху и уцелевшим в экономически отсталых странах даже в эпоху капитализма.

Дальнейшую судьбу общины в тех странах, где она еще сохранилась, в первую очередь в России, Маркс в значительной мере связывал с перспективой некапиталистического развития этих стран. Он считал в принципе возможным такой путь, подчеркивая в то же время, что неперенным условием его осуществления является

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 405.

победа социалистической революции в развитых капиталистических странах. В этом случае при благоприятных внутренних обстоятельствах, при освобождении общины от гнета деспотического государства и полукрепостнической эксплуатации — в России это могло быть достигнуто только в результате народной революции, — целевшие общинные формы могли бы, по мнению Маркса, послужить исходным пунктом для социалистического преобразования. При таком направлении общественного развития община могла бы избежать гибели, которую неминуемо несет ей капитализм, и подвергнуться перестройке на базе новых производительных сил, созданных уже буржуазным обществом, стать формой кооперативного труда, словом, как писал Маркс, «зажить новой жизнью»¹.

Занятия историей общинного землевладения вплотную подвели Маркса к выяснению особенностей самого древнего общественного строя. Еще в 40-е гг. в период разработки основ исторического материализма, у Маркса и Энгельса прочно сложилось представление о первобытном обществе как о бесклассовом строе, не знавшем ни частной собственности, ни государственной власти. В правильности этих представлений Маркс и Энгельс убеждались в ходе своих последующих исследований, обнаруживая в обычаях древних народов, в частности у кельтов Ирландии и Уэльса и у германцев, такие черты, объяснить которые можно было только исходя из гипотезы о первобытнокоммунистическом характере древнейшего общества.

Превратить эту гипотезу в научно обоснованную теорию можно было, однако, лишь на базе новых открытий в археологии, палеонтологии, антропологии и этнографии. Во всех упомянутых областях к 70-м гг. XIX в. был достигнут значительный прогресс. Была разработана научная классификация древних каменных орудий, открыт один из предков современного человека — неандерталец. В 1871 г. вышла книга Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор», заложившая основы научного антропогенеза. Выводы Дарвина творчески развил Энгельс в статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

В 1877 г. появилась книга американского этнографа Льюиса Генри Моргана «Древнее общество». В результате многолетних исследований древних обычаев, в первую очередь обычаев североамериканских племен, Морган доказал, что социальной ячейкой первобытного общества являлся род, что формой брачных отношений в древности был групповой брак, различные виды полигамии, нашедшие свое отражение в архаических системах родства. Морган подтвердил правильность гипотезы швейцарского ученого Бахофена о том, что выдающееся положение женщины у первобытных племен связано с определением в условиях группового брака происхождения по материнской линии. Теорию матриархата, изложенную в кни-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 420.

ге Бахофена «Материнское право» (1861), он поставил в связь со своим учением о гентильной (родовой) организации древнего общества, доказав, что отцовскому, патриархальному роду исторически предшествовал материнский, матриархальный.

В то время как официальная наука в Европе и отчасти в США стала по существу на путь игнорирования заслуг Моргана, Маркс и Энгельс оценили его книгу как выдающееся научное событие. Они увидели в трудах американского ученого новое конкретное доказательство правильности открытого ими материалистического понимания истории.

У Маркса возник замысел написать об открытиях Моргана специальную работу. Он составил обстоятельный конспект книги «Древнее общество» (по-видимому, в конце 1880 — начале 1881 г.) и основательно изучил существующую литературу по истории первобытной культуры.

Из конспекта видно, что Маркс творчески подошел к выводам Моргана, намереваясь изложить их в свете собственных исследовательских формаций. Сделанные им критические замечания — их позднее использовал Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) — показывают, что его далеко не все удовлетворяло в работе стихийного материалиста Моргана. Иначе, чем Морган, Маркс расположил сам материал, устраняя непоследовательность в картине эволюции общественных институтов: у Моргана происхождение частной собственности рассматривается после возникновения государства, в конспекте Маркса — наоборот. В ряде своих замечаний Маркс поправлял Моргана. Так, он видел натяжку в его утверждении, будто еще в первобытную эпоху человек достиг «абсолютного контроля (?) над производством пищи»¹. Нередко, опираясь на данные Моргана, Маркс делал более широкие обобщения. Комментируя мысли американского ученого о том, что эволюция семьи влечет за собой изменения в системе родства, он подчеркнул, что здесь проявляется общий закон зависимости вторичных, надстроечных явлений от первичных, базисных. «Точно так же обстоит дело с политическими, религиозными, юридическими и философскими системами вообще»².

Гораздо глубже, чем Морган, уяснил Маркс идеологические причины превратного толкования многими буржуазными учеными (Гротом, Моммзеном и другими) сущности родовых отношений, идеалистической попытки, например, объяснить их особенностями древней религии, вывести из мифологии. В своих замечаниях он подчеркивал, что это происходит из ограниченности буржуазного мировоззрения, нередко из консервативных политических убежде-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 229.

² Там же. С. 242.

ний. «Европейские ученые, — замечает, например, он по поводу модернизаторского изображения власти военачальников, басилеев гомеровской Греции, — в большинстве своем прирожденные придворные лакеи, превращают басылея в монарха в современном смысле слова. Против этого протестует республиканец-янки Морган»¹.

Другие работы по первобытной истории — Мейна, Леббока, Тейлора и т. д. — Маркс ставил значительно ниже книги Моргана, хотя и нашел в них полезный фактический материал. Особенно много критических замечаний он сделал к «Лекциям по древней истории институтов» (Лондон, 1875) английского либерального юриста Г. Мейна.

Маркс отмечает, что Мейн, в отличие от Моргана, обнаружил полное непонимание родового строя. Он считал первичной формой общества не род, а патриархальную единую семью. Общинным обычаям в давние времена он противопоставил современные буржуазные порядки, восхвалял их как царство личной свободы. Маркс указывает, что этот вульгарный представитель буржуазной науки ошибочно толковал происхождение государства, не видел той основы, на которой оно строится, — экономических условий, игнорировал его связь с определенными классовыми интересами, трактовал государство как проявление вечных, абстрактных, от конкретного базиса независимых отношений «верховой власти и подчинения». «Мейн, — пишет Маркс, — игнорирует нечто гораздо более глубокое: что кажущееся верховным самостоятельное существование государства само является лишь кажущимся и что оно во всех своих формах является *наростом на обществе*; так же как оно *является* только на определенной ступени развития общества, оно опять исчезнет, как только общество достигнет до сих пор еще не достигнутой ступени»².

Читая книгу Дж. Леббока «Происхождение цивилизации и первобытное состояние человека» (Лондон, 1870), Маркс отмечал имеющиеся у автора отдельные рациональные положения о групповом браке и материнском праве и в то же время его весьма смутные представления о социальной организации первобытного общества. «Леббок... — констатирует Маркс, — ничего не знает о базисе — о *роде*, который существует *внутри племени*...»³

Изучением первобытной истории Маркс углубил свою теорию развития общества, подкрепил новыми данными исторический материализм. Подтверждение правильности своих положений Маркс находил и в других областях исторического исследования.

Много внимания уделил Маркс истории освободительных движений, борьбе угнетенных классов. По книге К. Бюхера «Восстания

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 105—106.

² Там же. Т. 45. С. 422.

³ Там же. С. 432.

несвободных рабочих» (вышла в 1874 г.) он составил хронологическую таблицу ранних восстаний рабов в Древнем Риме. Из работы русского историка Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» он сделал выписки по истории крестьянского движения в России XVII в. Конспектируя книгу Дж. Каппони «История Флорентийской республики», Маркс специально остановился на одном из первых в истории революционных выступлений ремесленного предпротариата — восстании чомпи (чесальщиков шерсти) во Флоренции в 1378 г.

Неизменно привлекала Маркса история французской буржуазной революции конца XVIII в. В 1879 г. им была прочитана книга русского историка Н. И. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века», о которой он дал весьма лестный отзыв в письме Ковалевскому. Обстоятельные выписки из опубликованной в 1875 г. книги французского историка-демократа Жоржа Авенеля «Революционные понедельники» также раскрывают поистине неугасимый интерес Маркса к социальным и политическим процессам, происходившим во Франции в период революции, ее международным отношениям, к истории борьбы против контрреволюционных заговоров, вандейского мятежа, к борьбе течений внутри самого революционного лагеря, к революционно-демократическим, эгалитарным и социалистическим идеям, рождавшимся в годы революции.

Колониальное соперничество капиталистических государств, которые спешили опередить друг друга в захвате еще не поделенных территорий, побуждало Маркса посвящать все больше времени изучению судеб колониальных народов, их освободительного движения.

В 1880—1881 гг. он снова занялся изучением аграрных отношений первой колонии Англии — Ирландии, а годом раньше прочитал реалистические очерки писателя Карлтона о бедственной жизни ирландского крестьянства. Из знакомства с работами радикальных публицистов и другими материалами Маркс вынес убеждение, что никакого изменения к лучшему не произошло и в положении трудящихся Индии. О колониальном ограблении индийского народа и его тяжелых последствиях — потрясающей нищете жителей, периодически повторяющемся голоде в масштабах, «о которых в Европе до сих пор даже и не подозревают», — о непрерывном выкачивании колонизаторами из страны огромных богатств Маркс писал Даниельсону 19 февраля 1881 г.: «Это — настоящее кровопускание, это вопиющее дело!»¹

Маркс заново изучил историческое прошлое многострадальной страны. В 1879—1881 гг. он составил на основе фактического материала ряда книг обширные «Хронологические выписки по истории Индии», охватившие несколько столетий, от мусульманского за-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 129.

воевания и образования Империи Великих моголов до подавления национально-освободительного восстания англичанами в 1859 г. Эта работа проникнута чувством страстного протеста против колониального гнета. С гневом клеймил Маркс колонизаторов — «английских негодяев и кровопийц»¹, а также оказывавшие им услуги предательские элементы среди индийской знати. Отмечая широкий размах национально-освободительного восстания 1857—1859 гг., он вскрыл и причины его поражения.

Маркс изучал историю голландского и английского колониального хозяйничания в Индонезии, проникновения европейцев и американцев в Японию в середине XIX в., работы о Китае. В сделанных осенью 1882 г. выписках из статьи Малхолла «Финансы Египта», напечатанной в журнале «Contemporary Review» в октябре этого года, он подметил новую черту в колониальной политике — возрастающую роль акционерных компаний в захвате и ограблении экономически отсталых стран. Установление контроля над финансами Египта и закабаление его европейскими банками, подчеркивал он, подготовило вооруженное вторжение Англии и Франции в эту страну. Завоевание английскими колонизаторами Египта Маркс в письме своей дочери Элеоноре 9 января 1883 г. называл наиболее бесстыдным из всех захватнических актов².

На закате своей жизни Маркс предпринял попытку в некотором роде суммировать свои исторические знания, воспроизвести общую картину исторического развития всех стран в синхронистической последовательности. Эта идея была реализована лишь частично и в основном на материалах истории Европы, а также некоторых народов Азии и Африки (арабы, монголы, турки, хорезмийцы). Но и то, что Марксу удалось сделать, поражает богатством фактов. С конца 1881 г. до конца 1882 г. он заполнил 4 обширных тетради записями по всемирной истории, охватывающими события с начала I в. до нашей эры до середины XVII в. Разбирая бумаги Маркса после его смерти, Энгельс озаглавил эту работу «Хронологические выписки».

Главным источником Марксу послужила девятитомная «Всемирная история» Ф. Х. Шлоссера. Для отдельных разделов он пользовался «Историей народов Италии» К. Ботта, «Историей протестантской «реформации» в Англии и Ирландии» радикала У. Коббета, «Историей Англии» известного философа Д. Юма, «Историей Флоренции» Н. Макиавелли, «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина, «Историей России и Петра Великого» Ф. П. Сегюра. В дополнение к своим выпискам Маркс составил также конспект книги Д. Р. Грина «История английского народа». В оценках событий и деятелей Маркс проявлял большую независимость от

¹ См.: Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947. С. 91.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 353.

своих источников. Его выписки зачастую не просто воспроизводят фактический материал используемых работ, а отражают собственное восприятие и понимание тех или иных исторических явлений.

В «Хронологических выписках» главное внимание уделено политическим событиям. Однако сплошь и рядом Маркс доискивался до социальных и классовых корней различных явлений политической жизни. В его изложении история выглядит не как случайный kaleidoscope фактов, а как закономерная цепь событий, отражающая и общее направление исторического процесса, и его своеобразие в разных странах. В целом они дают картину истории феодального общества от зарождения феодальных отношений до эпохи разложения феодализма, абсолютных монархий и ранних буржуазных революций.

«Хронологические выписки» показывают лишний раз, что Маркс воспринимал историю как живой, изобилующий драматическими ситуациями процесс, в котором общие закономерности действуют отнюдь не как некие фатальные, нивелирующие силы. Они прокладывают себе дорогу сквозь тысячи случайностей и отклонений, по-разному проявляясь в разных условиях.

Марксу всегда претила поза показного беспристрастия, которым буржуазные историки столь часто маскировали свое оправдание политики господствующих классов. Рукопись его изобилует гневными характеристиками угнетателей и захватчиков, властолюбцев-феодалов, коронованных деспотов, корыстолюбивых пап и епископов, проповедников религиозного фанатизма и мракобесия. Грабителей восточных стран — крестоносцев он с презрением называл «крестоносными болванами», немецкого князя Генриха Льва — организатора завоевания славянских земель — «вероломным и хищным неряхой», рыцарей Ливонского ордена, жестоких покорителей народов Прибалтики, вторгавшихся и в русские земли, — «прохвостами», «псами-рыцарями», продажных наемников-ландскнехтов XV—XVI вв. — «интернациональным разбойничьим сбродом»¹. В резких оценках Маркса отразилось его отношение к эксплуататорам. Но при этом он отнюдь не изображал историю упрощенно, только двумя красками — черной и белой. Маркс умел подмечать и противоречивые черты, и прогрессивные стороны в политике того или иного государственного деятеля. Так, в политике французского короля Людовика XI, «который ладил с горожанами и крестьянами и был жесток и вероломен только по отношению к высшей аристократии»², Маркс усмотрел проявление прогрессивной централизаторской роли королевской власти в период складывания националь-

¹ См.: Архив Маркса и Энгельса. М., 1938. Т. 5. С. 144, 197, 344; М., 1940. Т. 7. С. 169.

² Там же. М., 1939. Т. 6. С. 387.

ных государств. С такой же меркой подошел он и к «великому макиавеллисту» Ивану III.

Большое сочувствие вызывало у Маркса народное сопротивление феодальному гнету. В выписках Маркс тщательно фиксирует факты, характеризующие классовую борьбу в эпоху феодализма. Он отмечает углубление, начиная с XIV в., классовых конфликтов в странах Европы: «Во Франции и Англии... гражданские войны между крупными феодалами и рыцарством, восстания горожан против крупных феодалов и рыцарей, дикая ярость низших классов народа, стонавшего под безудержным гнетом»¹. Подробно останавливается Маркс на восстании крестьян в Италии под предводительством Дольчино, на французской Жакерии, восстаниях Уота Тайлера и Джека Кэда в Англии, гуситском движении в Чехии, Великой крестьянской войне 1524—1525 гг. в Германии, Нидерландской буржуазной революции 1566—1609 гг. Не проходил он мимо слабостей движения крестьян, их идейной отсталости и политической неадекватности. Однако это не мешало Марксу постоянно подчеркивать, что, несмотря на поражения крестьянских восстаний, они наносили сильнейшие удары феодальному строю.

Как весьма прогрессивный фактор рассматривал Маркс и борьбу народов против иноземных захватчиков. В выписках он отдал высокую дань уважения французской крестьянской девушке Жанне д'Арк — вдохновительнице народного сопротивления английским завоевателям во время Столетней войны. Специально отмечал он значение для освобождения русского народа от монгольского ига побед московского великого князя Дмитрия Донского над татарами при Воже в 1378 г. и на «широком Куликовом поле» в 1380 г.²

«Хронологические выписки» в целом отражают широкую разработку Марксом проблем всемирной истории.

В борьбе за основание пролетарских партий в разных странах

Научные исследования постоянно, до конца его дней, сочетались у Маркса с практическим руководством рабочим движением. «Борьба за освобождение класса наемных рабочих от оков современной капиталистической системы экономического производства, — подчеркивал Энгельс, — была его подлинной стихией, и никогда не было борца активнее, чем он»³.

В последние годы жизни Маркса на первое место в рабочем движении все больше выдвигалась задача создания пролетарских партий в странах Европы и Америки. Если до середины 70-х гг. на исто-

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. 6. С. 64.

² См. там же. М., 1946. Т. 8. С. 151.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 349.

рической арене фактически действовали только две организованные рабочие партии — социал-демократия Германии и Австро-Венгрии, то в последующие годы процесс образования партийных организаций в отдельных странах ускорился.

В октябре 1879 г. на рабочем съезде в Марселе была основана французская Рабочая партия, занявшая одно из ведущих мест в международном рабочем движении. В 1879 г. возникла Социалистическая партия Бельгии. В соседней Голландии бывший пастор Фердинанд Домела Ньювенгейс с 1879 г. начал издавать социалистическую газету «Recht voor Allen». В 1882 г. при его активном участии был создан общенидерландский Социал-демократический союз. Еще раньше, в 1876 г., возник Социал-демократический союз Дании, а в 1881 г. в Мальмё — Комитет по распространению социализма в Швеции. Видную роль в создании этих организаций играли бывшие деятели Интернационала.

Деятельность Меса, Иглесиаса и других испанских социалистов привела к основанию в Мадриде в 1879 г. Испанской социалистической рабочей партии. Бывшие организаторы португальской секции Международного Товарищества Рабочих уже в 1875 г. сделали первые шаги к созданию социалистической партии в Португалии. В конце 1877 г. было провозглашено основание Социал-демократической партии Швейцарии. Однако в результате объединения в ее рядах разнородных элементов она оказалась непрочной.

Нелегким путем шло формирование социалистической партии в Италии, где в рабочем движении особенно глубокие корни пустил анархизм. Однако передовые элементы рабочего класса и революционной интеллигенции, объединившиеся в рядах Верхнеитальянской федерации (основана в 1876 г.) и Революционно-социалистической партии Романьи (создана в 1881 г.), преодолели анархистские догмы, высказываясь за участие в политической борьбе.

Тенденция к созданию собственных партий проявлялась в неавстрийских землях империи Габсбургов. В 1878 г. возникла Чехославянская социал-демократическая партия. В значительной мере благодаря деятельности Франкеля в 1880 г. было оформлено основание Всеобщей рабочей партии Венгрии.

Влияние марксизма стало распространяться и дальше на восток. В 1878 г. деятелями польского революционного движения (Л. Варыньским и другими) была выработана социалистическая Варшавская программа. Через 4 года, в 1882 г., возникла первая польская социалистическая партия — «Пролетариат».

Это было время, когда стал намечаться переход от народничества к марксизму и в русском революционном движении. Уже основатели первых рабочих объединений в России — Южнороссийского союза рабочих (1875) и Северного союза русских рабочих (1878) — стремились усвоить опыт западноевропейского рабочего движения. Создатели этих первых рабочих организаций — Е. О. Заславский,

В. П. Обнорский и С. Н. Халтурин вдохновлялись идеями Интернационала, были знакомы с работами Маркса. В начале 80-х гг. стали созревать предпосылки и для образования первой русской марксистской группы «Освобождение труда».

Социалистические организации начали возникать и на американском континенте. В США в 1876 г. на съезде в Филадельфии различные социалистические группы объединились в Рабочую партию. Крупную роль в развертывании социалистической пропаганды в Аргентине, Уругвае, Чили сыграли французские и немецкие эмигранты — члены Интернационала, в частности друг Лафарга, участник Парижской Коммуны Раймон Вильмар, лично знакомый с Марксом. В 1879 г. в Аргентине было создано революционно-пропагандистское общество «Ла авангардиа». В 1878 г. образовалась Социалистическая партия Мексики.

Повсеместное возникновение социалистических партий и организаций свидетельствовало о правильности курса, намеченного Марксом и Энгельсом еще в Интернационале. Однако складывавшиеся партии нуждались в серьезном идейном и организационном укреплении. Их руководители, в прошлом нередко буржуазные демократы, не всегда были последовательными марксистами. Программы некоторых организаций (Нидерландов, Дании, Швеции и др.) повторяли лассальянские ошибки Готской программы. Сектантские тенденции руководства часто мешали установлению прочных связей с массами.

Предстояла упорная и длительная борьба за революционное воспитание и закалку формирующихся рабочих партий.

Как руководители международного пролетарского движения Маркс и Энгельс оказывали помощь социалистам всех стран и постоянно заботились о международной координации их деятельности. «Мы придаем известное значение этому нашему особому положению представителей *международного социализма*», — писал незадолго до смерти Маркса Энгельс¹. Большие усилия прилагали Маркс и Энгельс к тому, чтобы, учитывая специфику деятельности социалистов разных стран, направить ее в русло общей интернациональной борьбы за социализм, чтобы укрепить и развить, в иных формах, интернациональное единство рабочего класса. В. И. Ленин писал, что с прекращением деятельности Интернационала «объединяющая роль Маркса и Энгельса не прекратилась. Наоборот, можно сказать, что значение их, как духовных руководителей рабочего движения, постоянно возрастало, потому что непрерывно росло и само движение»².

Маркс учил социалистов выдержанной революционной политике и в то же время трезвому учету конкретной обстановки. Он

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 372.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 13.

был решительным противником прожектерства, подмены реальной революционной работы абстрактными и беспочвенными дискуссиями и рассуждениями. Высказываясь против понимания научного социализма как суммы готовых рецептов, применимых якобы при всех обстоятельствах, он подчеркивал, что конкретная политика социалистов, «конечно, целиком зависит от данных исторических условий, в которых придется действовать»¹.

Всемерно содействуя развитию интернациональных связей между представителями социалистического движения, Маркс, однако, по-прежнему считал преждевременным, пока не окрепли социалистические партии в отдельных странах, основание новой международной организации пролетариата. «По моему убеждению,— писал он Ньювенгейсу в феврале 1881 г.,— еще не наступил критический момент для создания нового Международного Товарищества Рабочих»².

В несвоевременности планов образования нового Интернационала убедились и делегаты конгресса 1881 г.— последнего из международных конгрессов социалистов, состоявшегося при жизни Маркса. Он проходил в швейцарском городе Хуре в первой половине октября при участии социалистов из 12 стран, в том числе и из России (П. Б. Аксельрод). Вопрос об основании международного социалистического объединения даже не обсуждался. Дебаты на конгрессе и его решения показали, что при всей незрелости, обнаруженной в отдельных вопросах, подлинные представители международного рабочего движения прочно стоят на позициях научного коммунизма. Это был «международный партийный конгресс, избавленный от всяких социалистических доктринеров, анархистов, сектантов и прочих изобретателей средств для благодетельствования человечества»,— писал Беккер по его окончании Энгельсу³.

Одной из важных интернациональных задач социалистических партий Маркс считал борьбу против завоевательной внешней политики господствующих классов, против военной опасности. «Надеюсь, что в Европе не будет всеобщей войны,— писал он Даниельсону 12 сентября 1880 г.— Хотя в конце концов война не могла бы задержать социального развития (я имею в виду развитие *экономическое*), а, скорее, усилила бы его, но она, безусловно, вызвала бы бесполезное истощение сил на более или менее продолжительный срок»⁴. В противодействии милитаризму Маркс видел одну из важных традиций Интернационала, которую следовало всячески развивать.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 131.

² Там же. С. 133.

³ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 4312.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 368—369.

Против бисмарковского исключительного закона. Критика оппортунизма

К 1878 г. в политике правящих кругов Германской империи наметился резкий поворот вправо. Он был вызван прежде всего страхом господствующих классов перед растущим влиянием социал-демократии. Реакционные перемены были обусловлены также стремлением сложившегося блока аграриев и крупной буржуазии направить политику страны на путь активной борьбы за внешние рынки посредством протекционистских тарифов, колониальных захватов, внешней экспансии. Для осуществления этих целей, для покрытия все возрастающих военных расходов требовалось усиление налогового бремени. И Бисмарк встал на этот путь. Если раньше он ориентировался на союз с национал-либералами, то теперь старался опереться на правые силы. При их поддержке правительство Бисмарка надеялось укрепить милитаристско-деспотический режим, подавить рабочее и демократическое движение, запугать либеральную оппозицию.

Главный удар Бисмарк и его окружение готовили против Социалистической рабочей партии, справедливо рассматривая ее как основное препятствие для проведения своего экономического и политического курса. В борьбе против рабочей партии правящие круги воспользовались двумя покушениями на императора Вильгельма I — 11 мая 1878 г., когда в него стрелял безработный жестянщик Хёдель, и 2 июня того же года, когда его тяжело ранил бывший студент Сельскохозяйственной академии анархист Нобилинг. Хотя оба покушавшихся не имели отношения к социал-демократии, вину за террористические акты возложили на нее.

19 октября 1878 г. консервативным большинством рейхстага был принят сроком на три года «закон против вредных и опасных стремлений социал-демократии». В дальнейшем Бисмарку удавалось его несколько раз продлевать. Закон запрещал существование каких-либо рабочих обществ, органов печати, проведение кампаний, связанных с социалистической пропагандой. Властям разрешалось вводить «малое осадное положение» в отдельных местностях и городах, при котором полиция получала право по своему усмотрению разгонять любые собрания, высылать неугодных ей лиц вместе с семьями и т. д. «Исключительный закон издается для того, — заметил Маркс еще во время его обсуждения, — чтобы отнять у социал-демократического движения даже видимость легальности»¹.

Подражатели Бисмарку нашлись и в других странах. В Австро-Венгрии были приняты меры, поставившие социал-демократическую партию по существу вне закона. Французское правительство запретило проведение в Париже в сентябре 1878 г. международного ра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 64.

бочего конгресса. Со специальной энцикликой против социалистов в конце 1878 г. выступил папа Лев XIII.

В трудный для германской рабочей партии момент Маркс и Энгельс взяли на себя роль защитников ее интересов на международной арене. Получив от Бракке стенографический отчет о заседаниях рейхстага 16 и 17 сентября 1878 г., на которых обсуждался проект закона, Маркс сразу же начал писать разоблачительную статью для «Daily News», которая, по-видимому, не была завершена. Возможно, ему стало ясно, что опубликовать ее в английской буржуазной печати все равно не удастся. В сохранившемся наброске статьи намечены те линии, по которым Маркс считал необходимым вести контрнаступление против германской реакции. Он придавал большое значение разоблачению ее попыток отождествить социал-демократию с анархистскими течениями, а также опровержению лживого тезиса, будто сама доктрина социал-демократов толкает людей на эксцессы и террористические акты. Отвечая на вопли реакционеров о приверженности социалистов насилию, Маркс указывал, что освободительная борьба рабочего класса отнюдь не состоит из сплошных вооруженных столкновений и восстаний. Прежде чем вылиться в насильственную революцию, она неизбежно проходит этап мирного развития. Переход от мирной к немирной фазе освободительной борьбы зависит не от субъективных намерений революционеров, не от их доктрины, а прежде всего от поведения самих господствующих классов. ««Мирным» историческое развитие может оставаться лишь до тех пор, пока те, кто в данном обществе обладает властью, не станут путем насилия препятствовать этому развитию»¹.

Маркс показал, сколь кощунственно звучат обвинения социал-демократов в насилии в устах тех, кто сам прибегает к террору против широко развивающегося рабочего движения. Драконовский исключительный закон, писал он, «это — *насильственная реакция* со стороны власть имущих против *развития*, которое *проходит* через «мирный этап»»².

Оценку исключительного закона, причин его введения и контрреволюционных замыслов правительства Бисмарка Маркс публично высказал в интервью американской буржуазной газете «Chicago Tribune», опубликованном 5 января 1879 г. Он дал в нем уничтожающую характеристику политики Бисмарка, показал ее бонапартистскую сущность, стремление усилить военно-полицейскую диктатуру. «Бисмарк идет по стопам Наполеона, — говорил Маркс. — Он начал с установления деспотизма под предлогом объединения Германии... Под прикрытием фиктивной конституции он взваливал на плечи народа налоги для покрытия расходов на свои военные и объедини-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 142.

² Там же.

тельные планы до тех пор, пока уже не мог больше облагать его новыми налогами, и теперь он пытается делать это, вообще обходя конституцию. Для того, чтобы обирать народ по своему произволу, он вызвал на сцену призрак социализма и делал все, что было в его власти, чтобы *спровоцировать мятеж*»¹.

Провокационные планы германского канцлера были сорваны благодаря выдержке и хладнокровию лидеров немецкого пролетариата. Обреченными на неудачу, отмечал Маркс, оказались попытки очернить людей с чистым революционным именем, изображая их причастными к покушению на жизнь Вильгельма I, совершенному анархистом Нобилингом². Маркс неизменно предсказывал крах полицейских интриг, нацеленных на удушение социал-демократической партии. Эти предсказания оказались пророческими. Через 12 лет, в 1890 г., закон против социалистов был отменен, а германская социал-демократия превратилась за это время во внушительную силу.

Рабочих деятелей разных стран Маркс призывал выразить солидарность с немецкими социал-демократами. Он старался организовать сбор средств для жертв закона против социалистов.

Маркс был убежден, что немецкие рабочие проявят необходимую стойкость в борьбе с исключительным законом. И революционный авангард немецкого пролетариата оправдал эти надежды. Партийные массы встретили полицейские меры с редким самообладанием и решимостью продолжать борьбу. Классовое чутье подсказывало им новые формы революционной работы. На месте разгромленных партийных организаций стали постепенно возникать новые, нелегальные, налаживались подпольная пропаганда и связи, для партийной деятельности использовались также и легальные возможности.

Но если массы обнаружили верный революционный инстинкт, то у ряда руководителей партии введение исключительного закона вызвало растерянность. Еще до его принятия Центральный избирательный комитет в Гамбурге, выполнявший функции Правления партии, вопреки противодействию Бебеля объявил о самороспуске и призвал последовать своему примеру местные партийные органы. Это был по существу курс на ликвидацию партии. Не говоря уже об откровенно реформистских элементах, для многих неустойчивых социал-демократических деятелей изменившаяся обстановка послужила толчком к отказу от революционных методов борьбы. Одним из выразителей этих настроений стал Блос. Ради легального существования партии Блос и другие оппортунисты, зараженные филистерской трусостью и маловерием, готовы были пожертвовать революционными принципами, стремились создать новую партию,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 476, 477.

² См. там же. С. 134—138, 140.

приспособленную к бисмарковскому режиму. Они ратовали за поддержку мероприятий Бисмарка, в частности, провозглашенных им в 1881 г. с демагогической целью законопроектов о страховании рабочих. Уже 17 мая 1879 г. социал-демократический депутат Кайзер с согласия фракции выступил в защиту правительственного проекта введения покровительственных пошлин в интересах крупных капиталистов и аграриев. Маркс назвал речь Кайзера позорной¹.

В рядах партии обнаружилась и другая опасность. В Германии, а также и в Австро-Венгрии, оживились сектантско-анархистские элементы. Питательной средой этого «левого» уклона послужили неустойчивость и шатания проникших в партию мелкобуржуазных элементов, влияние непролетарской идеологии. Не случайно носителями сектантско-анархистских настроений оказались многие сторонники Дюринга, — в первую очередь Мост, а также бывший ласальенец Гассельман.

Высланный из Берлина в конце 1878 г. вместе с рядом других социал-демократов Иоганн Мост выехал в Лондон, намереваясь эмигрировать затем в США. Однако он задержался в столице Англии, взяв на себя по поручению лондонского Просветительного общества немецких рабочих редактирование еженедельной газеты «Freiheit». Первый номер ее вышел в начале января 1879 г. Первоначально выступив против правого оппортунизма, газета вскоре стала рупором ультралевых, анархистских взглядов. Обвинение в оппортунизме она распространила на все партийное руководство, не останавливаясь перед грубыми инсинуациями. Мост и его единомышленники выступили против легальных форм деятельности партии: участия в выборах, использования трибуны рейхстага и т. д. Они призывали к организации открытых столкновений с властями, к подготовке восстания и изображали террористические акты Хёделя и Нобилинга проявлением подлинной революционности. ««Freiheit» трещит без умолку о революции огнем и мечом...» — с негодованием писал Энгельс Беккеру 1 июля 1879 г.²

Марксу и Энгельсу была совершенно ясна вредность линии Моста, ведущей к деморализации партии, к отрыву ее от масс и облегчающей бисмарковским властям организацию полицейских провокаций. В многочисленных письмах рабочим деятелям они решительно отмежевались от группы Моста, который распространял слухи о том, что он якобы пользуется их поддержкой, и одобрили борьбу руководителей социал-демократии против этого сектантско-анархистского течения.

В противовес этим шатаниям вправо и «влево» Бебель, Либкнехт, Бракке и другие руководители партии сумели нащупать правильную линию. В это тяжелое время особенно проявились организаторский

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 327.

² Там же. С. 299.

талант и боевые качества Августа Бебеля. Как подлинный пролетарский деятель он обнаружил умение не только руководить массами, но и учиться у них, подхватывать и развивать их инициативу. Раньше других он понял ошибочность решения Правления партии о самороспуске и необходимость выработки новых форм партийной деятельности, рассчитанных на нелегальные условия. Опираясь на передовых рабочих, Бебель приложил огромные усилия к воссозданию партийных организаций.

Возглавленный им осенью 1878 г. Комитет помощи в Лейпциге взял на себя функции руководящего органа партии. В новый период германского рабочего движения Бебель, по характеристике В. И. Ленина, «проявил себя настоящим вождем партии»¹.

Правильно уловив насущные потребности рабочего движения, Бебель, однако, не сразу осознал размеры той опасности, которую представлял в новых условиях для партии оппортунизм. Под влиянием оппортунистов иногда сбивался с революционного тона Либкнехт. Например, он заявил в рейхстаге 17 марта 1879 г., что социал-демократия как партия реформ будет соблюдать исключительный закон.

Примиренческое отношение руководства партии к правому оппортунизму дало себя знать при обсуждении вопроса о составе редакции центрального органа, который должен был издаваться за границей. Редактором намечался Гирш, но во время переговоров с ним выяснилось, что помимо редакционной комиссии в Лейпциге, куда войдут Бебель и Либкнехт, должен существовать еще наблюдательный или административный комитет на месте издания газеты в Цюрихе. В его состав предполагалось включить реформиста Карла Хёхберга и бывших дюрингианцев Э. Бернштейна и К. А. Шрамма. Такая структура редакции, да и финансовая зависимость будущей газеты от Хёхберга — Маркс еще в 1877 г. характеризовал его как «вкупившегося в партию» буржуа и резко критиковал редактируемый им тогда берлинский журнал «Zukunft»² — обеспечивала цюрихской группе решающее влияние на ее направление. Не желая играть роль «подставного болвана», Гирш отказался от редакторского поста.

Маркс и Энгельс одобрили поведение Гирша и взяли назад данное ими раньше обещание сотрудничать в газете. В письме Бебелю 4 августа 1879 г. Энгельс от своего и Маркса имени решительно заявил, что они не будут иметь никакого дела с партийным органом, поставленным под контроль «социал-филантропа» Хёхберга³.

Руководители социал-демократии вначале не поняли смысла позиции Маркса и Энгельса, считая, что они несправедливы к Хёх-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 367.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 236.

³ См. там же. С. 302.

бергу. Однако мнение Маркса и Энгельса о нем вскоре получило новое подтверждение. В начале сентября 1879 г. в Цюрихе вышел первый номер издаваемого Хёхбергом журнала «*Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*» со статьей «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии». Авторами статьи, помеченной вместо подписи тремя звездочками, как вскоре выяснилось, были все три предполагаемых члена наблюдательного комитета: Хёхберг, Бернштейн и Шрамм.

Это произведение «тройственного созвездия», как иронически назвал его авторов Маркс, являлось своего рода манифестом всех правых элементов. «Никогда еще не появлялось в печати ничего более позорного для партии», — отмечал Маркс¹. В статье осуждалась вся прошлая революционная деятельность социал-демократии, в том числе ее поддержка Парижской Коммуны. Авторы обвиняли партию в том, что «несоблюдением умеренности» она навлекла на себя исключительный закон. Через всю статью проходил филистерский призыв к отказу от революционных целей, к раболопному подчинению бисмарковскому полицейскому режиму, к покаянию в прошлых революционных «прегрешениях». Цюрихское трио осуждало и борьбу партии с буржуазией, заявив о необходимости вовлекать буржуа в партийные ряды, предоставлять руководящие посты буржуазной интеллигенции ввиду недостаточного образования у рабочих.

Негодование Маркса и Энгельса не было границ. Приехавшему в Лондон Хёхбергу Энгельс (Маркс отдыхал в это время в Рамсгете) сразу же высказал свое возмущение. Маркс и Энгельс решили, что назрела необходимость предъявить руководителям партии ультимативное требование о пересмотре состава редакции центрального партийного органа. Обычно высказывая свое мнение руководителям рабочих партий в форме советов и рекомендаций, они не могли ограничиться этим в данном случае, когда речь шла об угрозе подорвать самую классовую основу партии. В середине сентября 1879 г. Энгельсом был составлен проект письма на имя Бебеля, Либкнехта, Бракке и других лидеров социал-демократии. 17 сентября текст был обсужден им с вернувшимся в этот день в Лондон Марксом и после окончательного оформления послан адресатам за совместной подписью. Авторы циркуляра, как его назвал Маркс, предупреждали руководителей партии, что если новый партийный орган будет рупором Хёхберга и его компании, то им, «к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично»².

«Циркулярное письмо» — один из наиболее ярких документов, направленных против оппортунизма и примиренческого отношения к нему. С гневом говорили его авторы о той политике, которую пере-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 327.

² Там же. Т. 19. С. 175.

трусившие представители мелкой буржуазии стремились навязать партии, ставя под угрозу ее пролетарский революционный характер. «Вместо решительной политической оппозиции — всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена»¹.

Письмо Маркса и Энгельса помогло Бебелью и другим немецким лидерам более трезво взглянуть на печатные выступления цюрихской группы. «Я прочел ее,— писал Бебель Энгельсу 23 октября 1879 г. по поводу цюрихской статьи,— и понимаю Ваше возмущение»². Бракке оценил действия оппортунистов как попытку «подорвать основы партии, угрожать самому ее существованию»³. Руководители партии отказались от плана привлечения к изданию центрального органа Хёхберга и его друзей. Сами представители оппортунистического течения, почувствовав недовольство в партийных кругах, временно отступили.

28 сентября 1879 г. в Цюрихе вышел в свет первый пробный номер еженедельной газеты «Sozialdemokrat», в редакционный комитет которой вошли Бебель, Либкнехт и Фришше. Но выбор главного редактора оказался опять-таки неудачным. На этот пост был назначен Георг Фольмар. При его редакторстве (с сентября 1879 по декабрь 1880 г.) центральный орган партии то и дело допускал оппортунистические срывы. Однако распространение газеты уже тогда сыграло крупную роль в налаживании подпольной революционной деятельности партии. Большая группа партийных активистов обеспечивала, несмотря на все полицейские рогатки, регулярную нелегальную доставку «Sozialdemokrat» из Цюриха в Германию.

О преодолении колебаний в руководящих кругах партии свидетельствовал ее первый нелегальный съезд, состоявшийся 20—23 августа 1880 г. в Швейцарии, в замке Виден. Он прошел под знаком борьбы против отклонений от революционного курса. Лидеры анархистствующих элементов Мост и Гассельман были исключены из партии. В противовес правым (Хёхберг, Кайзер и другие) и умеренным в программу внесли поправку: в пункте, где говорилось, что партия будет добиваться своих целей «всеми законными средствами» слово «законными» было вычеркнуто. Этими решениями съезд ориентировал партию на сочетание легальных и нелегальных форм борьбы.

Итоги съезда с удовлетворением были встречены Марксом и Энгельсом. В конце сентября 1880 г. в Лондон приехал Либкнехт, информировавший их о положении дел. Однако известную насторо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 172.

² Бебель А. Из моей жизни. С. 636.

³ Karl Marx, Friedrich Engels. Briefwechsel mit Wilhelm Bracke (1869—1880). S. 208.

женность Маркса и Энгельса вызвала склонность Либкнехта изображать состояние партии в розовых красках, в частности, замалчивать неблагополучие в редактируемом Фольмаром «*Sozialdemokrat*».

Вскоре и Бебель пришел к выводу о необходимости замены Фольмара. Для того чтобы обсудить с Марксом и Энгельсом вопрос о новом редакторе и установить с ними более тесный контакт, Бебель решил совершить в первой половине декабря 1880 г. поездку в Лондон. До этого он ни разу лично не встречался с Марксом и Энгельсом. Он пригласил с собой и одного из трех цюрихцев — Бернштейна, который тогда под влиянием критики занял более правильную позицию. Будущее показало, однако, что это явилось лишь временным зигзагом и что на такой позиции Бернштейн удерживался только под воздействием Энгельса, став после его смерти главным идеологом ревизионизма.

Бебель пробыл в Лондоне с 9 декабря до середины этого месяца. Немецкие гости жили в доме Энгельса, их часто принимал у себя Маркс. Гостеприимство, сердечность, с которыми Бебель был встречен Марксом и Энгельсом, произвели на него сильное впечатление. В дружеских беседах были обсуждены многочисленные вопросы. «...Мы покинули Лондон, вполне удовлетворенные результатами нашей поездки», — писал позднее Бебель¹.

Редактором «*Sozialdemokrat*» был назначен Бернштейн. Устранение Фольмара положительно сказалось на газете. Этому способствовало постоянное, с декабря 1881 г., сотрудничество в ней Энгельса. Через Энгельса газете стремился оказывать содействие и Маркс. В письмах он советовал усилить освещение тяжелого положения рабочих не только на частных, но и на государственных предприятиях для разоблачения социальной демагогии Бисмарка — бисмарковского «государственного социализма»². Нередко Маркс делал критические замечания по поводу ошибок редактора газеты Бернштейна.

Маркса радовало, что, несмотря на репрессии, немецкая партия сумела добиться усиления своего влияния в массах. На выборах 1881 г. ей удалось провести в рейхстаг 12 депутатов — такое же количество, какое было проведено в легальных условиях в 1877 г. Восторженно отзывались Маркс и Энгельс о стойкости и героизме партийных масс. Высоко оценивали они и деятельность революционных руководителей немецкого пролетариата, особенно Бебеля. Когда в сентябре 1882 г. буржуазная печать распространила известие о смерти Бебеля, Маркс писал Энгельсу: «Это ужасно, величайшее несчастье для нашей партии! Он представлял собой исключительное явление в немецком (можно сказать, в «европейском») рабочем классе»³. Велико было чувство облегчения, испытанное

¹ Бебель А. Из моей жизни. С. 723.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 102.

³ Там же. С. 78.

Марксом и Энгельсом после того, как выяснилось, что газеты передали ложные слухи.

Разумеется, Маркса и Энгельса не все удовлетворяло в деятельности германской социал-демократии и в этот в целом героический период ее истории. Они убеждались, что в рядах партии еще имеется немало сторонников оппортунистической тактики. Настороженное отношение вызвали у них и некоторые представители молодого поколения, претендовавшие на роль партийных теоретиков и публицистов. Так, в 1881 г. на Маркса произвел весьма неблагоприятное впечатление посетивший его Карл Каутский, сын австрийской писательницы Минны Каутской. В 1874 г. он примкнул к социалистическому движению. За это время он испытал различные идейные влияния — от позитивизма и мальтузианства до лассальянства и анархизма, пока в начале 1880 г., будучи сотрудником газеты «Sozialdemokrat», не стал склоняться к марксизму. «Когда эта очаровательная личность впервые заявила ко мне... — писал Маркс своей старшей дочери 11 апреля 1881 г., — первый вопрос, который у меня вырвался, был: похожи ли Вы на свою мать? — Совершенно не похож, заверил он. И в душе я поздравил его мать. Он — посредственный, недалекий человек, самонадеян (ему всего лишь 26 лет), всезнайка, в известном смысле прилежен, очень много возится со статистикой, но толку от этого мало; принадлежит от природы к племени филистеров, впрочем, в своем роде — порядочный человек»¹. Энгельс также в первые месяцы знакомства с Каутским характеризовал его как прирожденного педанта и схоласта, который, «вместо того чтобы распутывать сложные вопросы, запутывает простые»².

В результате духовного общения с Энгельсом Каутский стал вскоре видным пропагандистом марксизма и теоретиком II Интернационала. Однако спустя много лет снова дали себя знать отрицательные черты, замеченные Марксом у молодого Каутского, сыграв известную роль в его последующей политической эволюции, в переходе его на оппортунистические позиции.

Сталкиваясь со многими внешними и внутренними трудностями, не всегда легко и быстро преодолевая их, немецкое рабочее движение все же неуклонно крепло. Оно становилось все более мощным фактором в политической жизни Германии и оказывало сильное влияние на развитие освободительной пролетарской борьбы в других странах.

Вклад в создание французской Рабочей партии

В социалистическом движении 70—80-х гг. важное место занимала борьба передовых представителей французского пролетариата за создание и укрепление своей независимой революцион-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 146.

² Там же. С. 179.

ной партии. Маркс и Энгельс тщательно следили за этим революционным процессом и всячески стремились содействовать ему.

Французская полиция пыталась установить свой контроль над связями Маркса с Францией. В парижской префектуре была составлена запись содержания его перехваченных писем Гиршу за 1875—1876 гг. Из этой записи явствует, что Маркс проявлял большую заботу о налаживании пропаганды научного социализма среди французских рабочих. Он надеялся, что во Франции найдутся силы, способные объединить социалистические элементы и оказать решающее воздействие на процесс пробуждения классового сознания французского пролетариата.

И такие силы нашлись. Осенью 1876 г. во Францию вернулся из эмиграции Жюль Гед (псевдоним Матьё Жюля Базиля). За защиту в печати Парижской Коммуны Гед в свое время был заочно приговорен к пяти годам заключения. Он скрылся в Швейцарии и принял участие в деятельности Интернационала, примыкая к бакунистскому крылу. Во время пребывания в Швейцарии, а затем в Италии, Гед стал разочаровываться в анархизме. Большую роль в этом сыграло его знакомство с романом «Что делать?» и другими произведениями Чернышевского. Во Франции Гед познакомился с членами студенческих социалистических кружков, с Гиршем и другими марксистами. Все это обусловило его переход на марксистские позиции, хотя прежние воззрения были изжиты им не сразу.

В содружестве с Девилем, Массаром, Шабри и другими единомышленниками Гед положил начало новому этапу в пропаганде идей Маркса и Энгельса во Франции. В ноябре 1877 г. ему и его друзьям удалось наладить выпуск еженедельной газеты «Égalité». Редакция открыто провозгласила себя сторонницей «коллективистского учения, которого придерживаются теперь все серьезные умы пролетариата старого и нового света». «Коллективизм» во Франции стал термином, как правило, обозначающим марксизм. Марксистское направление газеты еще яснее определилось с тех пор, как ее активным сотрудником, а позднее и одним из редакторов стал Лафарг. «Ты, вероятно, заметил,— писал Маркс Зорге 5 ноября 1880 г.,— что именно «Égalité» (прежде всего благодаря переходу к нам Гед и работам моего зятя Лафарга) представляет собой первую «французскую» рабочую газету (в подлинном смысле этого слова)»¹.

Революционное воздействие «Égalité» на рабочих, а также ее интернациональные связи вызвали беспокойство властей и навлекли на редакцию полицейские преследования. Летом 1878 г. Гед и ряд его друзей были брошены в тюрьму за попытку созыва в Париже международного рабочего конгресса.

После освобождения Гед Марксу представился случай установить с ним личные отношения. В радикальном органе «Révolution

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 378.

Française» завязалась полемика между Гедом и Лонге, не сумевшим до конца преодолеть прудонистские взгляды и критически отнестись к социальному прожектерству буржуазных радикалов. Разделяя позиции Геда, Маркс написал ему в январе 1879 г. письмо. Текст его не сохранился, но некоторые мысли были повторены и даже процитированы Гедом в ответном письме, посланном в Лондон весной того же года. Из ответа Геда видно, что неотложной задачей французских социалистов Маркс считал создание «независимой и боевой рабочей партии»¹. Путь к этому он видел в пропаганде научного социализма среди рабочих, в преодолении влияния буржуазного радикализма и мелкобуржуазного социализма, в развертывании широкой агитационной деятельности. Гед выразил полное согласие с этими идеями. Он сообщил о своем горячем желании лично встретиться с Марксом.

Летом 1879 г. завязалась регулярная переписка между Гедом и Лафаргом (до весны 1882 г. последний жил в Лондоне), положившая начало дружбе между ними. Письма Геда Лафарг нередко показывал Марксу и Энгельсу, обсуждая с ними ответы на его вопросы. Таким образом открылся еще один канал, пользуясь которым Маркс и Энгельс могли оказывать помощь французским социалистам в их борьбе за создание пролетарской партии. Сохранившиеся письма Лафарга Геду отражают эту незримую работу Маркса, носят печать его вдумчивого и тактичного воздействия на видных представителей рабочего движения. В них говорилось о необходимости, не упуская из виду конечных целей движения, уделять внимание и повседневным нуждам рабочего класса, не распространять отрицательного отношения к реформистской идеологии синдикалистов и кооперативистов на профсоюзное и кооперативное движение в целом, уметь подмечать и использовать рациональные элементы в каждом проявлении активности и самодеятельности рабочих.

Бывало и так, что в дружеских спорах между Гедом и Лафаргом Маркс и Энгельс брали сторону первого. Позиция Геда часто отражала лучшее знание конкретной обстановки во Франции, от которой Лафарг был долго оторван.

Весьма тщательно следил Маркс за публицистическими выступлениями Геда и Лафарга. Помимо материалов, печатавшихся в «Egalité», он прочитал брошюру Геда «Коллективизм и революция», выпущенную в 1879 г. Вопросительным знаком он отметил наличие в ней ошибочного тезиса о получении рабочими в будущем обществе «полного продукта труда»². В целом, однако, брошюра была им воспринята положительно. Позднее Маркс сделал выписки из статей Геда по аграрному вопросу, опубликованных в ноябре

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 283.

² ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 3996.

1880 г.¹ Знакомился Маркс и с работами Лафарга, в частности с его большой статьей «Движение поземельной собственности во Франции»².

20—31 октября 1879 г. в Марселе состоялся третий рабочий съезд. В отличие от первых двух съездов — в Париже в октябре 1876 г. и в Лионе в январе—феврале 1878 г., — прошедших под знаком преобладания буржуазных кооперативистов, большинство Марсельского съезда пошло за революционными социалистами. Вопреки сопротивлению реформистских и анархистских элементов были приняты резолюции об установлении коллективной собственности на средства производства как цели рабочего движения и о создании независимой партии рабочего класса. Руководители съезда поручили Геду (по болезни он не смог присутствовать) составление программы партии. Маркс высоко оценил эту выдающуюся победу французских социалистов. Он писал, что «первая организация действительной рабочей партии во Франции ведет свое начало с Марсельского съезда»³.

Маркс и Энгельс помогли деятелям французской партии выработать единую платформу, подготовить партию к политическим выступлениям, к избирательной борьбе, укрепить ее в идейном отношении. В марте 1880 г. в «*Égalité*» были напечатаны две статьи Энгельса «Социализм г-на Бисмарка», в которых показывалась иллюзорность распространенных и среди некоторых французских социалистов представлений о способности буржуазного государства осуществлять серьезные социальные реформы. Через две недели на страницах «*Égalité*» выступил Маркс с заметкой, которая предвляла публикацию в газете разделов его работы «Нищета философии». В этой заметке Маркс разъяснил сущность своей полемики с Прудоном, подчеркнув необходимость противопоставить идеалистическим и утопическим воззрениям подлинно материалистическое учение.

Маркс и Энгельс сотрудничали также в ежемесячном социалистическом журнале «*Revue socialiste*», который начал выходить в январе 1880 г. По просьбе Лафарга Энгельс обработал для «*Revue socialiste*» три главы из своего «*Анти-Дюринга*» в самостоятельный очерк «Утопический социализм и научный социализм», опубликованный в мартовском — майском номерах журнала за 1880 г. В том же году работа была выпущена отдельной брошюрой. К отдельному французскому изданию Маркс в мае 1880 г. написал вводную биографическую заметку об Энгельсе, назвав его одним из «самых выдающихся представителей современного социализма»⁴.

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4006.

² Там же.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 94.

⁴ Там же. Т. 19. С. 241.

Еще раньше, в апреле 1880 г., Маркс составил для «Revue socialiste» вопросник, опубликованный в журнале и в виде отдельного оттиска. Эта «Анкета для рабочих» получила широкое распространение; только отдельный оттиск был выпущен тиражом в 25 тыс. экземпляров. Она представляла собой всестороннюю программу исследования социального положения рабочего класса. Четыре раздела ее содержали около 100 вопросов. Но этим значение документа не исчерпывалось. Он являлся образцом умелой социалистической агитации, наталкивал рабочих на размышления об эксплуататорском характере капиталистического строя. В форме вопросника были, по существу, сформулированы экономические требования рабочего класса: ограничение рабочего дня, увеличение заработной платы, введение эффективного страхования рабочих, осуществляемого под их собственным контролем, равная оплата мужского и женского труда, запрещение труда детей и введение сокращенного рабочего дня для подростков, полная легализация профессиональных объединений и т. д. В целом документ подводил опрашиваемых рабочих к мысли о необходимости коренного преобразования существующей общественной системы.

Формировавшаяся Рабочая партия нуждалась прежде всего в программе. Испытывая затруднения с составлением ее, Гед по совету Лафарга решил обратиться к Марксу. В начале мая 1880 г. французский социалист приехал в Лондон. Здесь состоялось его личное знакомство с Марксом и Энгельсом. Впервые встретился он и с Лафаргом. В доме Энгельса произошло совещание, в котором помимо хозяина приняли участие Маркс, Гед и Лафарг. Был обсужден проект программы французской Рабочей партии. Общетеоретическую, вводную часть Маркс тут же продиктовал Геду. Основная часть, содержащая программу-минимум, сводку политических и экономических требований, рассчитанных на проведение в рамках буржуазно-демократического строя и рассматриваемых как ступень к завоеванию власти рабочим классом, была предварительно разработана Гедом при участии Лафарга. Маркс и Энгельс внесли в нее ряд уточнений. Если не считать пункта о законодательном установлении минимума заработной платы, не удовлетворившего Маркса, поскольку на практике это могло быть использовано предпринимателями для сдерживания ее роста, он в целом остался весьма доволен программой-минимум. Она включала, указывал он, «те требования, которые действительно выросли непосредственно из самого рабочего движения»¹. В нее вошли требования отмены законов, ограничивавших свободу собраний, печати и союзов, введения 8-часового рабочего дня для взрослых и 6-часового рабочего дня для подростков, равной оплаты труда мужчин и женщин, запрещения передачи в частные руки

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 378.

государственных предприятий, банков, железных дорог, рудников и т. д.

Стержнем программы, определяющим ее теоретический уровень, являлась вводная часть. В необычайно сжатой и доходчивой форме, без малейших следов высокопарной и цветистой фразеологии, которой издавна страдали документы французских социалистов, Марксом были изложены коммунистические цели освободительной борьбы пролетариата. «Это была решительная попытка вернуть французских рабочих из заоблачных высот громких фраз на почву реальной действительности...» — писал он сам по поводу результатов своих усилий¹. Буквально на одной странице Маркс сумел сформулировать важнейшие положения об исторической миссии рабочего класса, о его революционном действии как решающем средстве для свержения капиталистического строя и установления общественной собственности на средства производства, о необходимости самостоятельной политической партии пролетариата. В документе говорилось, что «освобождение класса производителей есть освобождение всего человеческого рода, без различия пола и расы»². Энгельс считал Марксово введение мастерским образцом «убедительной аргументации, немногословной и ясной для масс»³.

Первая марксистская программа во французском рабочем движении была принята 14 октября 1880 г. большинством голосов на съезде Рабочей партии в Гавре. Это было большим успехом марксизма, показателем того, что он завоевал прочные позиции среди передовой части французского рабочего класса. В то же время программа явилась как бы пробным камнем для различных течений во французском социализме, способствовала размежеванию между подлинно пролетарскими элементами, с одной стороны, и реформистскими и сектантскими — с другой.

Борьба вокруг программы началась еще до Гаврского съезда. Сразу же после опубликования проекта на него обрушились буржуазные радикалы и некоторые примыкавшие к ним прудонистски настроенные социалисты, в том числе Лонге. Ожесточенно сопротивлялись на Гаврском съезде принятию программы анархисты. Отрицательно отнеслись к ней и бланкисты. Хотя за время деятельности в Интернационале они сделали шаг к восприятию материалистического мировоззрения и научного социализма, в вопросах тактики они все еще не преодолели волюнтаристских и заговорщических представлений своего учителя, сохраняя наивную веру в неограниченные возможности инициативного революционного меньшинства и его способность произвести коммунистическую революцию в любой момент. В 1881 г. они отделились от Рабочей партии, образовав свой собственный Центральный революционный комитет.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 378.

² Там же. Т. 19. С. 246.

³ Там же. Т. 35. С. 189.

Главным противником революционного марксистского крыла оказалась, однако, оппортунистическая группировка внутри самой Рабочей партии. Возглавили ее бывшие анархисты, активные деятели бакунистского Альянса социалистической демократии — Поль Брусс и Бенуа Малон. И Брусс, и Малон в период Марсельского съезда выступили как сторонники коллективизма. Оба на словах признавали учение Маркса. Однако сам Малон характеризовал свои взгляды как некий «интегральный социализм», основанный не только на марксистской теории, но и на доктринах «истинного социалиста» Грюна, Лассалья, неокантианца Ланге. Не менее эклектичными являлись реформистско-анархистские воззрения Брусса. Брусс и Малон стали выразителями умонастроений мелкобуржуазных элементов в Рабочей партии, недовольных революционным курсом, который был провозглашен в ее программном документе.

После Гаврского съезда Брусс, Малон и их сторонники повели прямую атаку на руководство Рабочей партии. Рупором их стала газета «*Proletaire*». Они объявили Гаврскую программу, особенно ее вводную часть, источником всех неудач молодой Рабочей партии, в частности ее неуспеха на выборах 1881 г. В статье Брусса «Еще раз о социалистическом единении» (опубликована в ноябре 1881 г.) была изложена реформистская платформа. Автор предлагал отказаться от «узкого кругозора одной доктрины» (имелся в виду марксизм) и широко открыть двери партии для приверженцев разных учений. Ориентацию партии на конечное завоевание социалистического строя Брусс объявил равносильной отстаиванию принципа «все сразу, или ничего». В противоположность этому он предложил ограничиваться только такими требованиями, которые были бы осуществимы в данный момент, проводить «политику возможностей» («*politique des possibilités*»). Поссибилисты, как стали называть представителей нового оппортунистического течения, подменили идею революционного социалистического преобразования общества мирной постепенностью, мещанской утопической теорией «муниципального социализма» — передачи в руки местного управления различных хозяйственных отраслей и организации на этой базе «системы общественных услуг».

Маркс и Энгельс сразу же распознали мелкобуржуазную сущность поссибилизма. Энгельс прямо указывал, что поссибилисты разлагают Рабочую партию, что распространение их взглядов грозит низвести ее «до уровня самых обыкновенных тред-юнионов»¹.

Главную роль в борьбе с поссибилистами Маркс и Энгельс отводили, разумеется, самим французским марксистам. Поэтому их весьма огорчало, когда в полемике с идейными противниками Гед и Лафарг сами давали им в руки важные козыри. Лидерам революционного марксистского крыла подчас не хватало выдержки и гибкости.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 97.

Они иногда догматически, прямолинейно истолковывали отдельные положения марксизма. Сказывалось и традиционное для французов увлечение революционной фразой. Энгельс прямо говорил, что Гед страдает парижским суеверием, «будто необходимо постоянно твердить слово «революция»». Бичуя реформистскую идеологию, Гед и его сторонники часто готовы были вообще сектантски отрицать значение борьбы за реформы. Недостаточное внимание уделяли гедисты на практике и повседневным нуждам рабочих. Более зрелый в теоретическом отношении Лафарг тем не менее также разделял некоторые сектантские ошибки Геда. Сетуя по поводу узкого и догматического толкования революционной теории и тактики французскими марксистами, Маркс однажды едко заметил ему: «Ясно одно, что сам я не марксист»².

Критикуя своих французских учеников за их ошибки, Маркс в то же время всецело поддерживал их общую линию. Марксистское крыло Рабочей партии, возглавлявшееся Гедом и Лафаргом, он считал выразителем подлинных революционных тенденций французского рабочего движения. С успехами гедистов Маркс связывал будущность Рабочей партии.

Между тем в партии назревал раскол. На съезде в Реймсе в конце октября 1881 г. POSSИБИЛИСТСКИЕ делегаты, многие от фиктивных организаций, оказались в большинстве. Ими были проведены решения, подрывавшие единство партии в угоду принципу автономии. В частности, каждая федерация получила право иметь свою программу. В Национальный комитет были избраны в основном POSSИБИЛИСТЫ. Газету «Prolétaire» съезд объявил центральным органом партии. После съезда усилилась клеветническая кампания POSSИБИЛИСТОВ против Геда и Лафарга.

В это напряженное для французских марксистов время Маркс и Энгельс стремились всячески их поддержать. Отправившись в феврале 1882 г. на лечение в Алжир, Маркс, несмотря на крайне плохое самочувствие, откликнулся на просьбу о встрече в Париже с Гедом, Девилем и их испанским сторонником Меса. Во время пребывания в Аржантёй летом того же года, после возвращения из Алжира, Маркс часто беседовал с Лафаргом, переехавшим к этому времени во Францию. 2 августа в Париже на квартире у Меса он вновь встретился с Гедом и Девилем, на этот раз в присутствии Лафарга. Из встреч и бесед Маркс вынес впечатление, что, несмотря на остроту обстановки, «Гед и его партия укрепляют свое положение»³.

К осени организационное размежевание с оппортунистами стало необходимостью. 25 сентября 1882 г. делегаты-марксисты во главе

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 188.

² Там же. С. 324.

³ Там же. С. 69.

с Гедом покинули в знак протеста против оппортунистической политики POSSИБИЛИСТОВ открывшийся в Сент-Этьенне в этот день съезд Рабочей партии и созвали собственный съезд в Роанне. В то время как POSSИБИЛИСТСКИЙ съезд аннулировал Гаврскую программу, заменив ее разнородными программами каждой федерации, марксисты на своем съезде подтвердили верность принципам, изложенным в этом документе. Была принята специальная резолюция о завоевании рабочим классом государственной власти как главной политической цели партии.

Маркс и Энгельс считали раскол Рабочей партии при сложившихся обстоятельствах неминуемым. В том, что произошло в Сент-Этьенне, они видели результат нарастания объективных противоречий внутри рабочего движения, обусловленных наличием в нем различных тенденций — революционно-пролетарской и мелкобуржуазно-реформистской. Борьбу этих противоположных тенденций они вообще считали законом развития пролетарских партий, действующих в условиях классового общества. Та или другая форма необходимого размежевания с оппортунистическими элементами определяется конкретными условиями. В критических ситуациях, когда сохранение формального единства грозит реформистским перерождением партии, раскол, учили Маркс и Энгельс на примере событий во Франции, является не несчастьем, а благом для рабочего движения. Он создаст предпосылки для подлинного единства пролетарской партии, единства на революционной основе.

То обстоятельство, что POSSИБИЛИСТСКИЕ организации обладали на первых порах большей численностью, не смущало Маркса и Энгельса. Преимущество гедистов заключалось в том, что за ними шли пролетарские круги прежде всего крупных промышленных центров, в том числе многие промышленные рабочие Парижа, в то время как POSSИБИЛИСТЫ имели преобладание в основном в экономически отсталых районах, на юге и западе Франции и среди рабочих мелких предприятий столицы. Французские марксисты выдержали испытание острой внутривнутрипартийной борьбы, сохранили свое идейное знамя — свою программу. В этом Маркс видел залог будущего торжества революционных принципов во французском рабочем движении.

К новому этапу в пропаганде социализма в Англии

Главную причину усиления реформистских тенденций в английском рабочем движении Маркс и Энгельс видели прежде всего в господствующем положении Англии на мировом рынке. Они считали, что коренные изменения могут произойти лишь с утратой этого положения.

Признаки ослабления промышленной монополии Англии стали обнаруживаться уже к концу 70-х гг. Развитие американской и немецкой промышленности явно опережало по темпам рост английской. Сохраняя первое место как колониальная держава и как главный экспортер на мировом рынке — в том числе колониальных товаров, — Англия постепенно утрачивала свое первенство в области производства промышленной продукции. Выражением этих процессов явилось застойное состояние, начиная с 1873 г., английской экономики, которая, так и не испытав подъема, в 1878—1879 гг. вступила в полосу острого кризиса.

Ухудшение положения значительных слоев пролетариата сказалось на настроениях масс. Стало проявляться разочарование в цехово-замкнутых тред-юнионах, объединявших лишь квалифицированных рабочих. В среде рабочих и радикальной интеллигенции пробуждалось стремление освободиться от политического контроля либералов. Существенным элементом брожения было усилившееся национальное и аграрное движение в Ирландии. На Британских островах стала складываться обстановка, когда посеянные Интернационалом в английском рабочем движении зерна революционного социализма должны были дать свои первые всходы.

Все эти годы Маркс и Энгельс постоянно искали пути и средства активизации английского рабочего класса, приобщения его лучших элементов к социалистической теории. С одобрением отнеслись они к деятельности секретаря тред-юниона столяров-краснодеревщиков Адама Вейлера, в прошлом участника Гражданской войны в США и члена Британского федерального совета Интернационала. Практическую работу в профсоюзных организациях Вейлер сочетал с открытой защитой социалистических взглядов; в Лондонском совете тред-юнионов и на ежегодных тред-юнионистских конгрессах, делегатом которых Вейлер избирался в течение 1876—1883 гг., он отстаивал радикальные решения в противовес позиции реформистского большинства.

Осенью 1880 г. у Маркса и Энгельса завязалась переписка с Робертом Баннером, представителем группы шотландских радикально настроенных тред-юнионистов, тяготевших к научному социализму. 17 сентября Баннер писал из Эдинбурга Марксу: «Для Вас, надеюсь, не окажется неожиданностью услышать, что к северу от Твида имеются люди, которые наряду со мной, Вашим скромным почитателем, придерживаются весьма высокого мнения о Вашей прошлой и теперешней деятельности в интересах социал-демократии»¹. Ответ Маркса, посланный в середине ноября, не сохранился, но из писем Баннера Марксу, а также Энгельсу (письмо последнего Баннеру до нас также не дошло), отправленных в декабре 1880 г., видно, о чем они писали шотландскому социалисту. Маркс разъяснял ему поло-

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 4176.

жение, сложившееся в английском рабочем движении, сущность политики либералов, подчинивших его своему политическому влиянию, обращая в то же время внимание на экономические и социальные сдвиги в общественной жизни Англии, которые создали предпосылки для преодоления узких рамок либеральной рабочей политики. Соглашаясь с Марксом, Баннер писал: «...бесшумная социальная революция, о которой Вы говорите, пускает глубокие корни среди нас»¹.

Хорошо знали Маркса, многие еще по Интернационалу, и участники радикальных клубов и обществ, в состав которых входили бывшие деятели Британской федерации Международного Товарищества Рабочих. Иногда он получал от этих организаций приглашение прочитать лекции по вопросам социализма. Имя и работы Маркса были известны руководителям основанной в 1879 г. в лондонском Сохо Лиги борьбы за избирательное право для всех взрослых мужчин.

Маркс и Энгельс всячески поддерживали новые силы, вступавшие на путь социалистической пропаганды, помогая переходу на сторону рабочего класса лучших представителей буржуазной интеллигенции. Однако Маркс непримиримо относился к тем из них, кто останавливался на полдороге, стремился соединить социалистические взгляды с антиреволюционными и вульгарными воззрениями или воспользоваться социалистическим движением в личных целях.

Показательными в этом смысле явились отношения Маркса с английским публицистом Генри Майерсом Гайндманом. Состоятельный адвокат и биржевой маклер Гайндман был по своим политическим убеждениям буржуазным радикалом, причем симпатизировавшим тори. В 1880 г. он пытался баллотироваться в парламент в качестве кандидата от консерваторов, но потерпел неудачу. В то же время он приобрел известность разоблачением некоторых сторон английского колониального хозяйничанья в Индии, а также карательных мер либерального правительства по отношению к ирландскому национальному движению. Через Гирша Гайндман в июне 1880 г. познакомился с Марксом, не раз беседовал с ним. Он прочитал во французском издании первый том «Капитала», и это определило его поворот к социализму. Однако его социалистические воззрения были весьма поверхностными и непоследовательными.

Маркс затратил немало труда для того, чтобы доказать Гайндману необходимость восприятия революционного учения в цельном виде. Однако Гайндман не усвоил революционных выводов марксизма. Он превратно истолковал положение Маркса о возможности мирного развития социалистической революции в Англии, пытался заменить это понятие «социальной реорганизацией», «социальной

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 4218.

реконструкцией», сочетать марксистские взгляды с теориями «государственного социализма», ставя Маркса на одну доску с Родбертусом и Лассалем.

Считая Гайндмана демократическим попутчиком рабочего движения и стараясь повлиять на эволюцию его взглядов, Маркс отнюдь не склонен был видеть в нем главу английского социализма. А между тем Гайндман вскоре стал претендовать именно на эту роль. Весной 1881 г. он и его друзья предприняли шаги к объединению рабочих и демократических радикальных клубов в одну организацию, стремясь соединить в ее рядах и буржуазно-демократические и социалистические элементы.

Маркс отчетливо сознавал, что создаваемая Гайндманом организация — 8 июня 1881 г. она была окончательно учреждена и получила наименование Демократической федерации — представляет собой полубуржуазное, полупролетарское общество. Не обольщался он и относительно Гайндмана как руководителя. «Все эти прекраснотушные буржуазные писатели, если они не специалисты,— отмечал он,— воодушевлены одним непреодолимым желанием: *немедленно* нажить себе деньги или имя или политический капитал на любых новых идеях, которые донесло к ним благоприятным ветром»¹.

Во время учредительной конференции Гайндман распространил среди делегатов свою только что вышедшую брошюру «Англия для всех» в качестве комментария к программе Демократической федерации. В двух главах («Труд» и «Капитал») он пересказал, а частично и прямо воспроизвел некоторые места из первого тома «Капитала», не упомянув имени автора и ограничившись лишь туманной ссылкой в предисловии на использование им идей «одного великого мыслителя и оригинального писателя».

При чтении брошюры Гайндмана Маркс убедился в том, что автор не только совершил плагиат, но и исказил многие заимствованные им идеи «Капитала». Так, передавая мысли Маркса об эксплуататорском характере капиталистического строя, Гайндман «дополнял» их восхвалением буржуазной демократии, лассальянскими рецептами решения социального вопроса с помощью буржуазного государства. Подчеркиваниями и восклицательными знаками Маркс отметил те места, где с изрядной дозой национального высокомерия автор позволял о якобы интеллектуальном превосходстве англичан, не позволяющих себя увлечь «демоню социализма», который-де толкает другие народы на путь анархии и разрушения. Шовинизмом были проникнуты и те страницы, где Гайндман пытался приписать англосаксонской демократии особую социальную миссию по отношению ко всему человечеству, изобразить объединение говорящих на английском языке народов как надежный путь к социальному переуст-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 203.

ройству, подчеркнуть «бескорыстие» Англии в ее торговых отношениях с другими нациями¹.

Подлинная пропаганда социализма, считал Маркс, несовместима с такого рода вульгарно-демократическими и шовинистическими воззрениями. В ответ на попытки Гайндмана чем-то оправдать свое бесцеремонное обращение с «Капиталом» Маркс открыто заявил в письме ему 2 июля 1881 г., что является противником эклектического смешения буржуазно-демократических и социалистических идей. Он указывал также, что не разделяет мнения Гайндмана и его друзей, будто англичанам вообще органически присущ «страх перед социализмом», недоверие к социалистическим теориям, да еще иностранного происхождения. «Я не замечал этого ни во времена «Интернационала», ни во времена чартизма»². Революционное пролетарское учение проложит себе дорогу к английскому рабочему классу — таково было его убеждение.

И эта точка зрения постепенно подтверждалась жизнью. В пролетарских и демократических кругах Англии пробуждался все больший интерес к марксистской теории. В декабре 1881 г. талантливый журналист Белфорт Бакс выступил со статьей о Марксе и его учении в журнале «Modern Thought». «Искренность и глубокая убежденность его высказываний произведут на Вас большое впечатление», — писал Маркс Лаврову³, посылая ему эту статью. К социалистической пропаганде приобщился видный поэт, художник и публицист Уильям Моррис. Марксистское учение приобретало все новых сторонников и среди передовых рабочих.

Внутри самой Демократической федерации происходили серьезные изменения. Летом 1883 г. Федерация приняла социалистическую программу, а в 1884 г. она была преобразована в Социал-демократическую федерацию, провозгласившую марксизм своей теоретической платформой. Однако сектантская и оппортунистическая позиция Гайндмана и других руководителей долгое время мешала организации проводить правильную, революционную политику.

Процесс расчистки почвы для создания революционной пролетарской партии в Англии оказался длительным и сложным. Но еще при жизни Маркса и в этой стране, где глубокие корни пустил реформизм, были сделаны шаги к соединению марксизма с английским рабочим движением.

Перспективы развития рабочего движения в США

За всю свою жизнь Марксу не довелось ни разу побывать в Америке. Тем не менее он хорошо знал экономику и политическую жизнь США, прозорливо подмечал тенденции развития этой страны.

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4089.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 166.

³ Там же. С. 214.

В 1882 г. вместе с Энгельсом Маркс писал о «баснословной концентрации капиталов» в Америке¹. Он обращал внимание на действие в США в качестве «монополизирующей силы» акционерных компаний, которые «с начала Гражданской войны во все ускоряющихся темпах подчиняют себе промышленность, торговлю, земельную собственность, железные дороги и финансы»². Аграрные отношения в США Маркс рассматривал как пример роста капиталистических противоречий на почве свободного предпринимательства и развития капитализма в сельском хозяйстве, не осложненного наличием феодальных пережитков.

Оборотной стороной американского процветания были крупные масштабы, которые приобрела там эксплуатация рабочих вследствие интенсификации труда, огромные размеры социальных бедствий, вызываемых кризисами, небывалая по численности безработица. «Американская цивилизация» обрекала целые слои населения, в первую очередь негров, на положение париев. Лишь верхушке рабочего класса США обеспечивались лучшие условия. Остальная, преобладающая его часть, особенно рабочие-иммигранты, по степени фактического бесправия и социальной обездоленности мало чем отличались от своих собратьев в других странах. «Лучшие американские авторы открыто провозглашают как неопровержимый факт,— писал Маркс,— что хотя война против рабства и разбила цепи, сковывавшие негров, зато, с другой стороны, она поработила белых производителей»³. Резко враждебным рабочему классу было американское буржуазное государство, несмотря на его демократическую вывеску. Оно являлось орудием в руках крупных капиталистических воротил. «Банды и клики захватили в свои руки законодательные органы и превратили политику в предмет торговли» — такими словами характеризовал Маркс политический режим в США⁴.

Маркс считал неизбежным нарастание сопротивления власти капитала со стороны американского рабочего класса. Он отдавал себе отчет в том, что рабочее движение в США развивается особым, непростым путем. Наряду с обстоятельствами, ускорявшими его развитие,— рост численности и концентрации пролетариата, усиление эксплуатации и углубление классовых противоречий, хроническая безработица и т. д.— действовали и факторы, тормозившие консолидацию пролетарских сил. В 70-е гг. существовала еще возможность для рабочих, особенно коренных, приобрести земельные участки на Западе и сделаться фермерами. Серьезным препятствием к объединению являлась национальная неоднородность американского рабочего класса, поскольку одним из источников его пополнения служила эмиграция из Ирландии, Англии, Германии, Италии,

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 305.

² Там же. Т. 34. С. 278.

³ Там же.

⁴ Вопросы истории КПСС. 1966. № 10. С. 9.

а с 70-х гг. и из восточноевропейских стран, Китая и т. д. Испытывая на себе влияние противоречивых тенденций, американское рабочее движение переживало то взлеты, то глубокие спады. Чрезвычайно пестрым было оно и в идейном отношении: узкотред-юнионистская идеология, аполитизм соседствовали с заговорщическими традициями, наряду с марксизмом пользовались влиянием различные оттенки мелкобуржуазного социализма.

Важнейшим результатом деятельности Интернационала в США было создание летом 1876 г. Рабочей партии Америки, в состав которой входило марксистское крыло, возглавляемое Зорге, О. Вейдемейером, Дж. П. Мак-Доннелом. Американские марксисты поддерживали постоянные связи с Марксом и Энгельсом. Назначенный редактором партийной газеты «*Labor Standard*» Мак-Доннел просил их присылать статьи и заметки. «Даже строчка, написанная Вами или г-ном Энгельсом...— писал он Марксу в декабре 1876 г.,— была бы прочитана всеми с удовольствием и оказала бы нам большую помощь»¹. Энгельс опубликовал в этой нью-йоркской газете в марте 1878 г. серию статей «Европейские рабочие в 1877 году».

Приверженцам марксистской теории в Рабочей партии Америки пришлось, однако, вступить в тяжелую борьбу с лассальянцами и другими сектантско-реформистскими элементами, главным образом из числа немецких эмигрантов. В упомянутом письме Марксу Мак-Доннел сообщал, что он, Зорге и другие марксисты ведут «большое сражение против интриганов, фанатиков и глупцов»². В 1877 г. на съезде партии, на котором она была переименована в Социалистическую рабочую партию Северной Америки, преобладание получили лассальянцы. Зорге, Мак-Доннел и их сторонники вынуждены были выйти из нее, а лассальянское руководство изменило программу, ориентируя партию главным образом на участие в избирательной борьбе. Позиция нового руководства, нежелание его вести работу среди коренных американцев, даже изучать английский язык, вело к превращению ее в узкосектантскую организацию.

Положение несколько улучшилось, когда в партии активизировались элементы, тяготевшие к марксизму. Да и марксисты, стоявшие вне ее рядов, постоянно стремились оказать на нее влияние. Газеты партии «*New Yorker Volkszeitung*», «*The Socialist*» — обе основаны в 1878 г.— стали вести пропаганду марксистских идей. В начале 80-х гг. в издании «*New Yorker Volkszeitung*» участвовал немецкий социал-демократ Гепнер, соратник Маркса по Интернационалу. Он предпринял шаги и для налаживания издания марксистских брошюр в виде выпусков «Рабочей библиотеки».

Маркс и Энгельс стремились побудить американских социалистов преодолеть догматический подход к революционной теории и

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 3732.

² Там же.

тактике, теснее связываться с рабочими массами, даже если они еще не доросли до социалистических убеждений, вести пропаганду социализма не в абстрактной, а в доступной массам форме, сочетая ее с защитой конкретных интересов рабочих и с непосредственным участием в их повседневной борьбе. В. И. Ленин подчеркивал, что в своих рекомендациях социалистам разных стран и в своей критике их ошибок основоположники марксизма выдвигали ту или иную линию советов в зависимости от особенностей социалистического движения той или другой страны и его главных недостатков. Если германских социал-демократов они предостерегали прежде всего от правого оппортунизма, то социалистов США и Англии они осуждали в первую очередь за узкосектантские взгляды, за превращение марксизма в догму, за неумение считаться с реальными условиями борьбы. «В англо-американском социализме Маркс и Энгельс всего резче критикуют его оторванность от рабочего движения», — писал В. И. Ленин¹.

Пути создания пролетарской партии в США, разъяснял Маркс, лежали в едином русле с развертыванием массовой борьбы широких слоев американского пролетариата. Только находясь в гуще этой борьбы, социалисты могли заложить фундамент для основания партии. Низкий уровень классового сознания пролетарских масс, присущий им узкий практицизм не были, по мнению Маркса, непреодолимым препятствием для решения этой задачи. Участников пролетарской борьбы можно было сплотить первоначально на основе понятных каждому конкретных практических задач, используя стихийную тягу масс к объединению. Это открыло бы широкие возможности для воспитания рабочих в социалистическом духе и принятия революционно-социалистической программы.

Оторванность социалистической пропаганды от повседневной борьбы пролетарских масс была одной из причин влияния на них различных радикальных буржуазных теорий. Так, большую популярность приобрели в США взгляды американского радикального публициста и экономиста Генри Джорджа. Его идея о национализации земельной собственности как якобы решающем рычаге социального переустройства находила отклик среди фермеров и американских рабочих, все еще мечтавших о возвращении к земле и возмущавшихся расхищением ее земельными спекулянтами, железнодорожными компаниями и т. д. Книга Джорджа «Прогресс и бедность», вышедшая в 1880 г., была воспринята многими в Америке, а также в Англии и Ирландии как социалистическое произведение.

Маркс внимательно прочитал эту книгу, сделав на ее полях пометки. Познакомился он и с выпущенной в 1881 г. другой работой Джорджа «Ирландский земельный вопрос». В своих замечаниях

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 233.

на обе работы Маркс вскрыл ограниченность и ошибочность взглядов автора. Он подчеркнул несостоятельность попытки Джорджа свести причины современных социальных бедствий к частной собственности на землю — лишь одному из видов, причем теоретически необязательному, монополии капиталистов на средства производства. Обездоленность трудящихся, отмечал Маркс на полях книги «Ирландский земельный вопрос», «проистекает не из земельной собственности, а из капиталистической системы»¹. Джордж и подобные ему буржуазные экономисты не поняли, что отмена земельной ренты, точнее выплата ее государству в форме поземельного налога, заменяющего остальные налоги, сама по себе не упраздняет наемный труд и присвоение прибавочной стоимости. Она только способна укрепить капитализм, увеличив другие части капиталистической прибыли за счет ренты. Теоретическая беспомощность автора книги «Прогресс и бедность», замечает Маркс, помешала ему увидеть, что именно в Соединенных Штатах дешевизна и доступность земли, вопреки его теории, «довели развитие капиталистической системы до таких крайних форм, которые еще неизвестны в Европе»².

Свои выводы Маркс резюмировал в письме американскому социалисту, поклоннику Джорджа, Суинтону 2 июня, а также в письме Зорге 20 июня 1881 г. Он отдал должное таланту Джорджа как публициста. Не отрицал Маркс и прогрессивности требования упразднения земельной ренты, напомнив, что оно было сформулировано уже в «Манифесте Коммунистической партии» в качестве одного из переходных мероприятий пролетарского государства, облегчающих борьбу за социалистическое преобразование общества. Порочность концепции Джорджа заключалась в том, что это отнюдь не новое радикальное требование, выдвинутое еще английскими экономистами школы Рикардо, он рассматривал не как переходное мероприятие, а, следуя за бельгийским мелкобуржуазным социалистом Коленом, как универсальное средство избавления от всех социальных бед. Рекламируя «в американском духе» этот рецепт, а также и себя, как якобы его первооткрывателя, Джордж сеял иллюзии в массах, объективно направлял их революционный протест по ложному пути, отвлекал их от борьбы против основ капиталистического строя. «Итак, — писал Маркс Зорге, — все это не что иное, как скрытая под маской социализма попытка спасти господство капиталистов и фактически заново укрепить его на еще более широком, чем теперь, базисе»³.

Мысли Маркса об особенностях развития американского рабочего движения, о препятствиях и опасностях, которые оно встречало на своем пути, о необходимости для американских социалистов

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4142.

² Там же. Ед. хр. 4086.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 164.

преодолевать сектантство, давать отпор чуждой пролетариату идеологии, постепенно оказывали воздействие на передовых рабочих США.

Анализ развития пореформенной России

В последнее десятилетие своей жизни Маркс особенно много внимания уделял России, которая переживала мучительный для народа переход от отсталого крепостнического строя к капитализму. С 1861 г. страна вступила в полосу, отмеченную исключительной остротой классовых противоречий и бурным ростом революционных сил.

Одной из главных проблем, занимавших Маркса, были причины, сущность и последствия крестьянской реформы 1861 г. Особый интерес представляют его заметки о реформе и пореформенном развитии России. В них, как бы подводя итоги проделанной работе, Маркс ставил подготовку реформы в прямую связь с усиливающимся крестьянским движением, ростом недовольства в широких общественных слоях.

В годы, когда не только официальная русская печать, но и вся европейская либеральная пресса продолжала превозносить «царя-освободителя» и «великую реформу», Маркс характеризовал ее как ограбление крестьян. Он указывал, что вынужденный пойти на отмену крепостного права царь «с самого начала решил дать помещикам возможно больше (а крестьянам возможно меньше)»¹. С присущими ему глубиной и четкостью писал Маркс о существе реформы: «Освобождение сводится попросту к тому, что благородный помещик не может более располагать личностью крестьянина, продавать его и пр. Это личное рабство уничтожено. Помещики потеряли власть над личностью крестьянина... Крестьянин попал в экономическую зависимость от своего прежнего помещика»². Манифест от 19 февраля 1861 г., подчеркивал Маркс, надолго сохранил подневольный труд крестьян путем введения так называемого «временнообязанного состояния», консервировавшего полукрепостнические отношения. Выкупные платежи Маркс расценивал как оформленный законом грабеж крестьян, как дань помещикам за отмену крепостного права.

Грабительский характер реформы, отмечал Маркс, вызвал новый взрыв народного негодования и антипомещичьей борьбы. «После обнаружения манифеста об освобождении 19 февраля (3 марта) 1861 г.— общее волнение и бунты среди крестьян; они считали его сфабрикованным, поддельным документом; военные экзекуции;

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 423.

² Там же. С. 429—430.

общая порка крепостных в течение первых трех месяцев после «Манифеста»¹.

В многочисленных записях Маркса всесторонне отражено положение пореформенной деревни, многомиллионных масс крестьян, которые влачили нищенское существование, питались хлебом «с пушницей» (мякиной) и лебедой, хронически голодали и выми­рали во время все чаще повторявшихся неурожаев. Помещики эксплуатировали мелкого земледельца еще интенсивнее, чем при крепостном праве. Все больше расставляли свои сети над жалким клочком крестьянской земли ростовщики и кулаки. Самодержавное государство, со своей стороны, взвалило на плечи «освобожденного» крестьянина непомерное бремя податей и сборов для казны. К бедственному экономическому положению крестьян присоединялось, подчеркивал Маркс, их политическое и юридическое бесправие.

В то же время «Заметки о реформе» и другие рукописи Маркса свидетельствуют, что и реформа и ее результаты были восприняты им как начало утверждения в России капиталистической формации. Развитие России после 1861 г. неоднократно характеризовалось им как начало новой промышленной эры. Само зарождение капиталистического уклада в стране Маркс и Энгельс, разумеется, относили к более ранним периодам. В рукописях Маркс фиксировал данные о развивавшихся товарно-капиталистических отношениях еще задолго до 1861 г. Однако он выделил 1861 г. как важную веху в истории русской экономики, начало качественно нового этапа, в который вступило социально-экономическое развитие страны в результате отмены крепостного права.

Маркс очень хорошо видел все те препятствия, которые стояли на пути прогрессивного экономического развития России. Главной помехой он считал сохранявшееся и после 1861 г. крупное помещичье землевладение и обусловленную им зависимость крестьян от прежнего господина. Крайне сложное переплетение полуфеодалных и развивавшихся капиталистических отношений в русской пореформенной деревне Маркс рассматривал как специфику русского экономического развития, своеобразную черту социальной жизни России, порождавшую особую остроту классовых антагонизмов.

Маркс сумел увидеть и верно оценить многие элементы капитализма в сельском хозяйстве России, опутанные полукрепостническими отношениями. Так, он отметил переход части помещичьих хозяйств от барщинной системы к системе капиталистической, с использованием труда вольнонаемных рабочих, с применением улучшенных орудий и сельскохозяйственных машин. Как видно из записей, составленных при изучении «Трудов податной комиссии» и других источников, Маркс обращал специальное внимание на

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 422.

такие объекты помещичьего предпринимательства, как свекло-сахарные, винокуренные, конные заводы, на появление районов товарного земледелия и ведущегося на капиталистических началах скотоводства. Особенно интересовали его факты растущих противоречий внутри самого крестьянства. Многие десятки страниц в тетрадях Маркса заполнены данными об имущественном расслоении крестьян, о скупке кулаками помещичьих земель, о применении ими наемного труда, о сдаче земельных участков в аренду, о ростовщических операциях.

Читая сатирические произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, Маркс отметил места, где автор говорит о выходе на авансцену «новых столпов общества» — капиталистов и кулаков.

Маркс тщательно изучил и процесс формирования той социальной группы, которая противостояла в русской деревне зажиточным слоям. В его рукописях содержится много сведений о батраках, бобылях и других категориях сельского рабочего класса России. Хорошо была известна Марксу особенность русского сельского пролетариата: наличие, как правило, у батрака и поденщика надела земли, который не только не давал владельцу необходимых средств к существованию, но еще и привязывал его к «миру», точнее, к мирюеду-кулаку и к местному помещику, то есть ставил его в наихудшие условия продажи своей рабочей силы.

Маркс видел, что, как в прошлом в Западной Европе, в России происходившие социальные процессы вели к «экспроприации крестьян, т. е. широких народных масс»¹, к осуществлению русского варианта обезземеливания и разорения мелких производителей. Расслоение русского крестьянства, пролетаризация его значительной части и создание рынка рабочей силы в России показывали Марксу, что и здесь создавались условия для утверждения капиталистического способа производства.

Внимательно следил Маркс за ростом русской промышленности, появлением новых заводов и фабрик, возникновением новых промышленных отраслей в районах Петербурга и Москвы, во Владимирской и других губерниях, на побережье Черного и Азовского морей, в Польше и других частях Российской империи. Записи, сделанные им при изучении «Военно-статистического сборника», «Трудов податной комиссии», свидетельствуют о том, что его интересовало также развитие рыночных отношений и внешней торговли страны. Он собирал сведения о росте морских портов, о торговле России со Средней Азией, с Персией и Китаем. Предметом специального изучения являлось также железнодорожное строительство в России, его воздействие на дальнейшее разложение патриархальных и развитие товарно-капиталистических отношений.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 411.

Исходя из анализа общественно-экономических отношений, Маркс вскрыл классовую природу и реакционную роль русского самодержавного государства, характеризовал его внутреннюю и внешнюю политику. Несмотря на некоторые перемены, произошедшие в политическом строе после 1861 г.—помимо крестьянской реформы царское правительство вынуждено было провести ряд реформ в судебной, административной и военной областях,— господствовавший в стране режим, как подчеркивал Маркс, оставался крайне деспотическим. Сделав шаг по пути превращения из феодальной монархии в буржуазную, царизм сохранил все основные черты самодержавной, опиравшейся на военно-полицейский произвол власти.

По мере экономического развития страны самодержавие приходило во все большее противоречие с потребностями этого развития. Одним из показателей непрочности существующих порядков в России Маркс считал тяжелое состояние царских финансов, попытки оздоровления которых живо напомнили ему меры дельцов XVIII в. по спасению французского абсолютизма от финансовой катастрофы. На этот же путь вставали, иронически замечал он, «алхимики русских финансов»¹. И на международной арене, отмечал Маркс, царское самодержавие, утратившее внутреннюю устойчивость, не могло уже столь успешно осуществлять свои завоевательные планы, как показали его военные и дипломатические затруднения во время кризиса на Балканах в 70-е гг. и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Усилившееся революционное движение в стране подрывало всю систему агрессивной внешней политики русского царизма. «Тайна успехов русской дипломатии за границей,— писал Маркс 10 сентября 1879 г.,— заключалась в гробовой тишине у себя в России. С возникновением движения внутри самой страны это волшебство рассеялось»².

Маркс с большим удовлетворением наблюдал, как углублялись противоречия между официальной и революционной Россией. Его горячо интересовала оценка положения в стране самими представителями передовых революционных кругов России. Отсюда его все возрастающее внимание к произведениям русской общественной мысли, революционной публицистики и художественной литературы, которые Маркс справедливо считал зеркалом русской жизни и барометром происходивших перемен в настроениях передовой части русского общества. Считая Н. Г. Чернышевского «великим русским ученым и критиком»³, Маркс с неослабевающим интересом продолжал изучать его труды, особенно те работы, которые посвящены анализу социально-экономических отношений в России в период подготовки и проведения реформы 1861 г. Еще в начале

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 170.

² Там же, С. 88.

³ См. там же. Т. 23. С. 18.

70-х гг. он познакомился с полученными им в рукописной копии от Даниельсона «Письмами без адреса» Чернышевского, содержащими развернутую критику реформы. В 1881 г. он вновь перечитал это яркое публицистическое произведение.

Как знаток работ Чернышевского Маркс высоко ставил выдвинутую им программу борьбы с крепостничеством и самодержавием посредством народной революции. Он отдавал должное боевому демократизму русского революционера, его глубокой вере в народные массы, его ненависти к царизму и крепостничеству.

В лице Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова Маркс видел не только глубоких мыслителей и талантливых литераторов, но и вождей революционного лагеря, воспитателей и руководителей нового поколения русских революционеров. Пометки, сделанные Марксом на полях работы Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения землею», свидетельствуют о его большом внимании к идее автора о переходе России к социалистической строю, минуя капитализм¹. Сознвая утопический характер суждений Чернышевского об использовании общины для социалистического преобразования России — по условиям своего времени Чернышевский не смог увидеть реальных общественных сил, которые обеспечили бы некапиталистическое развитие тогдашней России, — Маркс, однако, нашел в его высказываниях много рациональных элементов (о значении «духа коллективизма и товарищеской ассоциации», об использовании общиной сельскохозяйственных машин, достижений науки и т. д.). Чрезвычайно важной была, считал Маркс, и сама постановка Чернышевским вопроса о социалистической перспективе развития России.

В семье Маркса были хорошо известны не только философские и исторические труды, но также публицистические и художественные произведения Чернышевского. В одном из упомянутых выше обзоров литературной и театральной жизни Лондона, напечатанном в «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» в мае 1877 г., Женни Маркс, критикуя лживые измышления в английской буржуазной печати относительно русской революционной литературы, назвала Чернышевского «величайшим современным революционным писателем». Она ссылалась при этом на его роман «Что делать?» и статьи в «Современнике», в которых он «добивался от русского правительства освобождения крепостных крестьян (разумеется, иным способом, чем оно было осуществлено на деле) и с такой беспощадной язвительностью бичевал тогдашний показной либерализм петербургской прессы, что ее «достойные» представители вздохнули с облегчением, когда правительство сослало его в Сибирь»².

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 3406.

² Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. 1966. N 6. S. 1045. (Русский перевод см.: Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1970. № 18. С. 152.)

Маркс знал, что к направлению Чернышевского и Добролюбова принадлежали Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин. В феврале 1873 г. он прочитал посланные ему Даниельсоном сатирические циклы Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге» и «Господа ташкентцы». Позднее Маркс познакомился и с другими его произведениями — «За рубежом», «Убежище Монрепо». Сделанные Марксом в 1878 г. пометки на брошюре М. П. Драгоманова «Преследования украинской литературы русским правительством» показывают, что его внимание привлекло к себе и творчество Т. Г. Шевченко¹.

Достижения русской литературы и культуры в целом находили у Маркса самый живой отклик. Маркс и Энгельс нередко выражали свое восхищение расцветом русской поэзии и художественной прозы в XIX в. Лафарг вспоминал, какое удовольствие доставляло Марксу чтение произведений Пушкина, Гоголя и Щедрина. Одно из первых изданий «Евгения Онегина» (Маркс цитировал это произведение уже в 1859 г. в работе «К критике политической экономии») бережно хранилось Марксом, а после его смерти Энгельсом, как особенно ценная вещь в их коллекции русских книг. Франциска Кугельман передала отзывы Маркса о других русских писателях: «Маркс находил, что Тургенев необычайно верно изобразил своеобразие русского народа с его славянской сдержанной эмоциональностью. Он считал, что вряд ли кто из писателей превзошел Лермонтова в описании природы, во всяком случае редко кто достигал такого мастерства»². Из писем и воспоминаний близких к Марксу людей известно, что в его доме звучала русская классическая музыка, хранились присланные из России клавиры опер М. И. Глинки, исполнялись популярные русские романсы.

Творения русских писателей были для Маркса не только источником эстетического наслаждения. Русская литература нашла в его лице своего ценителя также и потому, что в ее произведениях отражалась социально-историческая обстановка того времени, в художественной форме воспроизводился богатый конкретный материал о русской общественной жизни.

Страстное ожидание революции в России

Чем больше изучал Маркс социально-экономическое развитие России, чем глубже вникал он в те процессы, которые происходили в ее общественной и политической жизни, тем больше приходил к выводу, что страна идет навстречу грандиозному революционному потрясению, которое должно оказать решающее влияние на всю

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 6470.

² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 2. С. 153.

Европу. «...Маркс и Энгельс,— подчеркивал В. И. Ленин,— были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение»¹.

Во второй половине 70-х гг. Маркс был твердо убежден, что Россия ближе к революции, чем какая-либо другая европейская страна. Он надеялся, что осложнения, которые царское правительство испытало в связи с русско-турецкой войной 1877—1878 гг., ускорят наступление революционных событий. Об этом Маркс писал Зорге 27 сентября 1877 г. Перспектива русской революции чрезвычайно воодушевляла его: «...буча выйдет отменная. И при благосклонности матери-природы мы еще доживем до этого торжества!»².

Ко времени второй революционной ситуации в России, возникшей на рубеже 70—80-х гг., у Маркса вполне сложилась точка зрения по всем существенным вопросам назревавшей русской революции. Убежденность в ее неизбежности и огромной силе базировалась на глубоком понимании ее объективных предпосылок, на научном определении потребностей прогрессивного развития страны. Маркс и Энгельс считали, что надвигавшаяся в России революция будет буржуазно-демократической, по преимуществу крестьянской. Главной ее целью явится уничтожение самодержавия, помещичьего землевладения и полукрепостнических отношений. В противоположность народникам, мечтавшим перейти прямо к социализму, Маркс ясно видел, что предстоявший революционный переворот в России должен быть демократическим, а не социалистическим. Крестьянство, кровно заинтересованное в решении земельного вопроса, должно было придать ему большую взрывную силу, обеспечить глубину и широкий размах народной революции.

Наблюдая политическое поведение русской буржуазии, Маркс ясно отдавал себе отчет в ее нерешительности, склонности к постоянным политическим компромиссам с царским самодержавием, вынужденным считаться с ее экономическими интересами. Он понимал, что она была неспособна на серьезное противодействие царизму, на сколько-нибудь серьезные революционные выступления.

Первой задачей буржуазно-демократической революции в России Маркс считал свержение самодержавия. Политическая и аграрная революции в его представлении составляли две неразрывные стороны демократического переворота. Смертельный удар, нанесенный царизму, прозвучал бы набатным колоколом, пробуждающим широкие слои народа к дальнейшему активному революционному творчеству. Маркс не сомневался и в том, что революционное движение в России выдвинет великих народных вождей — достойных преемников Чернышевского и Добролюбова.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 247.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 229.

По глубокому убеждению Маркса свержение самодержавия открыло бы широкий простор для подлинного прогрессивного развития русского и других народов России. В случае победоносной пролетарской революции на Западе и при ее помощи в России возникла бы возможность прийти к социализму, минуя капиталистическую фазу развития или существенно сократив ее. Допуская эту возможность, Маркс исходил из того, что общая историческая обстановка значительно изменилась не только по сравнению с периодом французской буржуазной революции конца XVIII в., с которой, имея в виду ее размах и развитие по восходящей линии, он часто сравнивал грядущую революцию в России, но и со времени революционных событий 1848 г. Иного уровня достигло пролетарское движение на Западе, которое в случае своей победы могло и должно было повлиять на характер и исторические результаты народной революции в России.

Поскольку русский рабочий класс в то время не сложился еще в организованную силу, способную возглавить общенародную борьбу, судьбы русской революции Маркс связывал с западноевропейским пролетариатом. Помощь последнего русским революционерам для обеспечения победы буржуазно-демократической революции и социального возрождения России была для Маркса своего рода аксиомой. Во взаимодействии русской революции и победоносного движения западноевропейского рабочего класса Маркс видел залог и того, что революционная борьба в России не остановится на стадии буржуазной революции и в конечном счете приведет страну к социализму.

Эта мысль нашла отражение в послании Маркса и Энгельса славянскому митингу, состоявшемуся в марте 1881 г. в Лондоне в честь 10-й годовщины Парижской Коммуны. В этом документе они высказали уверенность в том, что развивающееся революционное движение в России «в конце концов должно будет неизбежно привести, быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны»¹.

Вместе с тем русская демократическая революция как составная часть общеевропейского революционного процесса должна была оказать на него, подчеркивали Маркс и Энгельс, исключительное воздействие. Грядущий революционный переворот в России, по их мнению, явился бы поворотным пунктом во всемирной истории.

С победой народной революции в России, с ниспровержением царизма Маркс связывал изменения во всей системе европейских международных отношений. Революция, указывал он, «в своем конечном результате покончит со всем теперешним status quo старой Европы»². Подобно «свежему ветру», она окажет благотворное

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 252.

² Там же. Т. 34. С. 190.

действие на Германию, «одним ударом» изменит положение в ней, приведет к падению господства прусских юнкеров и военщины. Революция в России, писал Маркс Либкнехту, была бы «похоронным звоном для Пруссии»¹. С русской революцией Маркс связывал и освобождение Польши, приобщение к революционному движению других угнетенных народов Европы, революционные перемены в Австро-Венгрии и других странах. Коренным образом изменилось бы соотношение сил в пользу рабочего класса и революционной демократии на всем европейском континенте. Падение самодержавия должно было означать, по мнению Маркса и Энгельса, «такое изменение во всем положении Европы, которое рабочие всех стран должны с радостью приветствовать как гигантский шаг по пути к их общей цели — всеобщему освобождению труда»².

Страстно ожидая революцию в России, разделяя надежды русских революционеров на то, что она вскоре разразится, Маркс и Энгельс переоценивали ее близость. Они ошибались в определении сроков ее наступления, но в главном — в анализе ее объективных предпосылок, в предвидении ее глубины и размаха — оказались целиком правы.

Советник и друг русских революционеров

В 70-е гг. в России развернулась героическая эпопея борьбы русских революционеров с царским самодержавием. Особой остроты столкновение между революционными силами и официальной Россией достигло в 1879 — 1881 гг., в момент, когда революционное брожение в низах совпало с начинающимся «кризисом верхов», когда правительственные круги заколебались в поисках выхода из неустойчивого положения, обращаясь к политике «кнута и пряника». От создания новых революционных кружков и групп, от «хождения в народ» в первой половине 70-х гг. русские революционеры перешли в 1876 г. к основанию общероссийской централизованной, строго законспирированной организации, которая несколько позднее получила наименование «Земля и воля». Внутренние разногласия, главным образом по вопросам тактики, привели в августе 1879 г. к ее расколу на две организации: «Народную волю», начавшую прямую атаку на царизм, и «Черный передел». 1 марта 1881 г. по приговору Исполнительного комитета «Народной воли» был убит царь Александр II. После этого революционное движение, которое подверглось особенно жестоким репрессиям и не получило необходимой поддержки в народе, пошло на убыль. Революционеры исчерпали свои силы в единоборстве с царем, неорганизованные и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 248.

² Там же. Т. 19. С. 146.

распыленные крестьянские массы не созрели еще до повсеместных выступлений, рабочий класс в России еще формировался. Либеральные слои буржуазии трусливо отказались чем-либо поддержать борцов против самодержавия. В России вновь усилилась реакция. Само народничество стало утрачивать революционные черты, постепенно превращаясь в разновидность либеральной оппозиции.

Революционные события 70-х гг. оказали большое воздействие на общественную жизнь России и на последующее развитие освободительной борьбы. Они составили определенную фазу буржуазно-демократического, или разночинского, периода русского революционного движения¹. Главной фигурой его был разночинец, представитель передовой интеллигенции, выступивший в роли страстного защитника интересов народа. Революционные народники-семидесятники выражали чаяния широких крестьянских масс, стремившихся избавиться от пережитков крепостничества, от деспотического самодержавного режима. От своих предшественников и учителей Герцена, Чернышевского и Добролюбова они унаследовали веру в силу народной революции, ориентацию на революционные методы борьбы с царизмом, социалистические идеалы.

Маркс прекрасно понимал всю иллюзорность надежд русских народников на немедленный социалистический переворот. Тем не менее он был решительно против того, чтобы, говоря словами Энгельса, «потянуть к ответу» преданных народу борцов за их заблуждения. Незрелость их идеологии, по мнению Маркса и Энгельса, соответствовала тогдашнему уровню общественно-политического развития России. Маркс и Энгельс верили, что ошибки будут преодолеваться по мере накопления русскими революционерами собственного опыта и изучения уроков западноевропейского рабочего движения, к которому многие народники проявляли живой интерес. Идеиные слабости народничества не могли заслонить в глазах Маркса и Энгельса его объективно революционного, буржуазно-демократического по своей сути содержания, его самоотверженной борьбы с царизмом.

Рассматривая различные течения мелкобуржуазного социализма на Западе как препятствие на пути развития классовой организации пролетариата, Маркс и Энгельс учитывали, что в России, где рабочее движение еще только делало первые самостоятельные шаги, где на очереди дня стояли буржуазно-демократические преобразования, мелкобуржуазное народническое движение не исчерпало своих революционных возможностей. Поэтому они поддерживали революционных народников, рассматривали их как союзников западноевропейского пролетариата и социалистических партий. Особенно ценили Маркс и Энгельс их страстную ненависть к царизму, их самоотверженность и революционную стойкость, интерна-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 93.

циональные тенденции, стремление поднять на борьбу российское крестьянство — этот великий резерв европейской пролетарской революции.

Маркс был знаком со многими народническими изданиями, с журналом и газетой «Вперед», выпускавшимися в 1873—1876 гг. Лавровым за границей, с нелегальными печатными органами «Земли и воли» и «Народной воли», с их программными документами, с народнической публицистикой и близкой народникам литературой. К прежним русским друзьям и корреспондентам Маркса — Лаврову, Лопатину, Даниельсону — добавились новые: Л. Н. Гартман, Н. А. Морозов, В. И. Засулич. Тесные дружеские отношения установились у Маркса с Лавровым. Относясь к Марксу и Энгельсу с неизменным и самым искренним уважением, Лавров прислушивался к их мнению, стараясь учитывать их советы. Он был частым гостем в доме Маркса, активно с ним переписывался. Однако это не мешало Марксу и Энгельсу отчетливо видеть слабые и противоречивые стороны мировоззрения их русского друга.

Участников народнического движения Гартмана и Морозова Маркс также принимал у себя дома в 1880 и 1881 гг. Через них, а также через Лаврова, он установил непосредственный контакт с Исполнительным комитетом «Народной воли». Маркс снабжал революционных эмигрантов из России надежными адресами в Германии, побуждал своих соратников в разных странах всячески содействовать русскому революционному движению. Он с готовностью откликался на просьбы русских революционеров, в частности, поддержал возникшую в кругах русской эмиграции идею издавать за границей на английском языке еженедельную газету «Нигилист» с целью завоевания общественного мнения западноевропейских стран на сторону русского революционного движения. Выпуск газеты, однако, наладить не удалось.

Дорожа связями с представителями революционной России, Маркс с гордостью показывал друзьям письмо Исполнительного комитета «Народной воли» от 6 ноября (25 октября по старому стилю) 1880 г., в котором с глубоким уважением говорилось о научных заслугах Маркса, о его внимании к деятельности русских революционеров и содержалась просьба помочь Гартману информировать общественность Запада о характере развернувшейся в России борьбы. В знак симпатии к народолюбцам Маркс еще раньше послал две свои фотографии с автографами членам Исполнительного комитета (обе они попали вскоре в руки полиции).

В свою очередь росло уважение к Марксу в среде русских революционеров. Интерес к его учению и деятельности был чрезвычайно велик у революционных народников. Многие из них с увлечением читали произведения Маркса и Энгельса. Особое тяготение к ним проявили пролетарские элементы в народническом движении — С. Халтурин, П. Алексеев, А. Карпенко. Большое распространение

среди русской революционной молодежи получил «Капитал». Многие народники не только читали его, но и использовали в кружках, в пропагандистских брошюрах («Сказка о Мудрице Наумовне» С. М. Кравчинского, «Царь-голод» А. Н. Баха). Исполнительный комитет «Народной воли» писал Марксу, что «Капитал» стал «настойной книгой образованных людей»¹. Русским революционерам были хорошо известны и другие произведения Маркса и Энгельса. В марте 1881 г. у одного из руководителей «Народной воли» Н. И. Кибальчича при аресте был найден экземпляр «Манифеста Коммунистической партии», который этот выдающийся революционер, ученый, изобретатель начал переводить еще в 1875 г.

Однако усвоению марксистского учения препятствовали идеалистические народнические взгляды: представление об исключительности общественного развития России, признание капитализма регрессом, упадком — в этом смысле был сделан шаг назад по сравнению с воззрениями Чернышевского, — идеализация крестьянской общины, крестьянства в целом как якобы самого революционного класса. Марксистскую политическую экономию народники — представители мелкобуржуазного утопического социализма — считали приемлемой лишь для капиталистического Запада, для русских условий она была якобы непригодной. Подобными идеями была проникнута книга народнического публициста В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России», которая побывала в 1882 г. в руках Маркса. Теорию Маркса народники воспринимали поверхностно, нередко механически пытались соединить ее с идеями Прудона, Бакунина, Лассалья, Дюринга, с субъективистско-идеалистическими воззрениями Лаврова, одного из пропагандистов идеи о решающей якобы роли «критически мыслящей личности» в истории, и т. д.

Маркс и Энгельс всячески старались облегчить русским революционерам мучительный поиск правильного мировоззрения и тактики. Их выступления против бакунизма и нечаевщины в свое время ускорили процесс преодоления анархистского влияния, хотя некоторые идеи Бакунина продолжали еще долго оказывать воздействие на народников. Большую роль в раскрытии идейных ошибок народников сыграла полемика, которую Энгельс в 1874—1875 гг. при полной поддержке Маркса вел в статьях «Эмигрантская литература» против таких видных идеологов народничества, как Лавров и Ткачев. В статьях были показаны эклектический характер взглядов и несостоятельность попыток Лаврова примирить марксизм с анархизмом, вскрыта ошибочность представлений Ткачева о якобы надклассовой природе русского государства, о легкости революционного переворота в России, его заговорщические тенденции. Эти ложные идеалистические представления составляли сущест-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 427.

венную черту мировоззрения народников, которым было вообще свойственно непонимание связи между юридическими, а также политическими институтами и интересами определенных общественных классов.

И в дальнейшем Маркс не раз указывал народникам на ошибочность их воззрений. Однако по мере того, как в России разгоралась борьба народников с царизмом, Маркс считал необходимым придавать своей критике как можно более дружескую и тактичную форму. Обстановка была неподходящей для публичного осуждения утопических основ идеологии народников, боровшихся в невероятно трудных условиях. Практические революционные действия народнических организаций имели в это время гораздо большее значение, чем теоретическая сторона движения. В то же время Маркс не упускал случая высказать свое мнение по острым проблемам, волновавшим революционную интеллигенцию России, показать различие между своим пониманием того или иного вопроса и подходом к нему народников. Не оставлял он без ответа и попытки исказить его учение.

Необходимость такого критического выступления возникла в конце 1877 г., когда в связи с появлением в русской печати отзывов буржуазных публицистов о «Капитале» и марксизме Н. К. Михайловский, один из авторитетных в народнической среде социологов, в будущем идеолог либерального народничества, опубликовал в демократическом журнале «Отечественные записки» статью «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». Статья явилась ответом на злобные выпады против Маркса этого представителя вульгарной политической экономии на страницах либерального органа «Вестник Европы». Взявшись защитить «сангвиника» Маркса от либеральных критиков, Михайловский повел эту «защиту» с народнических позиций. Он признавал, что «Капитал» показывает «редкую логическую силу и громадную эрудицию» автора. Но именно по причине того, что теория Маркса представляет собой «нечто стройное, цельное, а потому соблазнительное», нельзя, предупреждал он, перед нею в целом «отворять настезь ворота»¹. Михайловский априорно отвергал наличие капитализма в России, а потому и применимость к ней выводов автора «Капитала». Как и все народники, он мечтал прийти к социализму особым путем — через крестьянскую общину.

Сразу же по прочтении статьи Михайловского, Маркс составил на французском языке черновик письма в редакцию «Отечественных записок». Оно являлось протестом против вульгаризации идей «Капитала», против превращения метода диалектического материализма в «универсальную отмычку», с помощью которой история различных стран и народов подгоняется под некую общую схему вместо исследования ее конкретного хода. Марксистский метод,

¹ См.: Отечественные записки. 1877. № 10. С. 322, 325.

вскрывающий общие закономерности общественного развития, отнюдь не исходит из того, что оно, как представлял Михайловский, должно повсюду фатально происходить по определенному шаблону, независимо от своеобразия исторических условий той или другой страны. Поэтому Маркс решительно протестовал против превращения его исторического очерка возникновения капитализма в Западной Европе в главу о первоначальном накоплении капитала в «историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются»¹.

Для правильного ответа на вопрос, который ставился русскими народниками — сможет ли Россия миновать капиталистическую стадию развития, — Маркс советовал строго реалистически смотреть на совершающиеся экономические и социальные процессы в стране. В противовес народническим идеологам и публицистам он сам учитывал и советовал учитывать уже выявившуюся для России тенденцию «стать капиталистической нацией». В письме в «Отечественные записки» он указывал: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»², то есть реальным Маркс считал и капиталистический путь социально-экономического развития России.

Маркс решительно высказывался против вулгарного толкования народнической социологией капитализма как абсолютного зла. Он подчеркивал, что во всемирно-историческом плане именно крупное капиталистическое производство prepares материальные предпосылки для социализма.

Энгельс обнаружил письмо в редакцию «Отечественных записок», разбирая после смерти Маркса его бумаги. Одну из копий он послал Засулич, другую вручил Лопатину, доставившему письмо Маркса в Россию, где оно еще до опубликования (за границей в 1886 г., в России в 1888 г.) ходило по рукам в списках. В письме Засулич Энгельс высказал предположение, что Маркс не отправил письмо потому, что одно его имя могло поставить «под угрозу существование журнала, где будет напечатан его ответ»³. О том, какое впечатление производило письмо Маркса на передовых людей России, видно из отзыва Глеба Успенского. В своей статье «Горький упрек» он писал: «Несколькими строками, написанными так, как написана каждая строка в его «Капитале», то есть с безукоризненной точностью и беспристрастием, — К. Маркс осветил весь ход нашей экономической жизни, начиная с 1861 года»⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 120.

² Там же. С. 119.

³ Там же. Т. 36. С. 106.

⁴ Успенский Г. И. Собрание сочинений. М., 1957. Т. 9. С. 166.

О принципиальных расхождениях Маркса со взглядами народников на общину и на пути общественного развития России свидетельствует и его упомянутый ответ на обращение к нему Засулич в начале 1881 г.

Непосредственным поводом для этого обращения к Марксу послужила полемика, возникшая в связи с появлением в «Отечественных записках» статьи В. П. Воронцова, в которой тот стремился доказать, что для капитализма в России нет почвы. Статья обсуждалась в Женеве Засулич, Кравчинским, Стефановичем, Дейчем и их польскими друзьями — Дикштейном и Варыньским. Одни соглашались с автором, другие во многом оспаривали его доводы. Тогда, вспоминал Л. Дейч, «мы упросили Веру Ивановну обратиться в своем письме к Марксу за разрешением этого вопроса»¹. 16 февраля 1881 г. Засулич обратилась к Марксу от имени своих товарищей. Еще раньше, в декабре 1880 г., Марксу было передано Морозовым от имени Исполнительного комитета «Народной воли» предложение выступить с работой о русской общине. Откликаясь на эти просьбы русских друзей, Маркс 8 марта 1881 г. отослал Засулич письмо, содержание которого через адресата стало известно широкому кругу лиц. В частности, оно было переписано Дейчем и отослано Плеханову. В этом письме Маркс снова высказался против абсолютизации его теории об исторической неизбежности капиталистического развития. Что касается русской общины, то о ней Маркс писал, что «эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»².

Делая ударение на условиях, при которых община могла быть использована для социалистических преобразований, Маркс тем самым решительно выступил против народнической идеализации крестьянской общины. Вопреки представлениям народников, не община сама по себе, по мнению Маркса, могла сыграть роль источника социалистического обновления России, а, наоборот, революция в России и поддержка ее победившим рабочим классом развитых капиталистических стран должны были создать возможность для обновления этого архаического института, преобразования его в социалистическом духе. Маркс призывал трезво подходить к существующей общине, не игнорировать тех обстоятельств, которые превращали ее в орудие налогового гнета, и тех процессов, которые вели к ее разложению. Обессиленная фискальными вымогательствами, писал он об общине в одном из набросков своего ответа, «она стала объектом эксплуатации со стороны торговца,

¹ Группа «Освобождение труда». М., [1924]. Сб. № 1. С. 133.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 251.

помещика, ростовщика. Это угнетение извне обострило уже происходившую внутри общины борьбу интересов и ускорило развитие в ней элементов разложения»¹.

Совершенно несостоятельными Маркс считал попытки истолковать сохранение общины в России как выражение особой социалистической миссии русского крестьянства. Общину он рассматривал как общественный институт, присущий определенной стадии развития всех народов. Такой подход Маркса к вопросу о роли общины в целом и ее роли в России был проникнут подлинным историзмом.

Еще более четко и определенно мысль Маркса и Энгельса о необходимых предпосылках некапиталистического развития России была выражена немного позже, 21 января 1882 г., в предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». Здесь они сформулировали, по их мнению, «единственно возможный» в то время ответ на вопрос, может ли община непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму. «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»².

Критикой народнического мировоззрения Маркс помогал лучшим элементам тогдашнего русского революционного движения пересмотреть свой символ веры в пользу научного социализма.

Маркс с удовлетворением отмечал прогресс в идейном развитии русских революционеров, в частности их постепенный отказ от анархистских доктрин, от политического индифферентизма, переход «Народной воли» к борьбе за политические свободы. Важным в его глазах было и то, что народники, объединившись сначала в рядах «Земли и воли», а потом «Народной воли», создали нелегальную, основанную на сознательной и строгой дисциплине, централизованную организацию.

Основание «Народной воли» Маркс и Энгельс восприняли как создание в России революционной партии, обладающей, по словам Энгельса, «неслыханной способностью к самопожертвованию и энергией»³. Маркс говорил в беседе с народовольцем Морозовым, что борьба с царизмом русских революционеров представляется ему «чем-то совершенно сказочным»⁴. Из пометок Маркса на полях посланной ему в конце 1880 г. «Программы рабочих, членов партии «Народной воли»» (главным автором ее был А. И. Желябов) явствует, что, не разделяя известных иллюзий и методов борьбы народовольцев, Маркс весьма одобрительно относился к их революционно-демократическим требованиям. Он, например, специально отметил

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 408—409.

² Там же. С. 305.

³ Там же. Т. 34. С. 357.

⁴ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 2. С. 56.

пункт о самоопределении входящих в Российскую империю наций¹. Маркс всецело поддерживал провозглашенные «Народной волей» лозунги демократического революционного переворота, завоевания политических и гражданских свобод. Положительно было оценено Марксом и Энгельсом содержание обращения народовольцев к новому царю после 1 марта 1881 г. с требованием политических преобразований. В беседе с Лопатиным осенью 1883 г. Энгельс подтвердил одобрительный отзыв Маркса об этом документе, о его твердом, но спокойном и выдержанном тоне².

Народовольцы действовали против самодержавия в основном террористическими методами. Революционный террор «Народной воли» в значительной мере был ответом на дикие расправы и произвол, чинимые царскими властями над революционерами и сочувствующими им людьми. Отрицательно относясь в принципе к индивидуальному террору как средству политической борьбы, Маркс и Энгельс допускали его применение лишь при особых, исключительных обстоятельствах. Они надеялись в какой-то мере, что террористические акты русских революционеров могут повлечь за собой взрыв народного недовольства против самодержавия. В то же время Маркс был убежден, что и сами русские революционеры рассматривают террор как временное, вынужденное средство. 11 апреля 1881 г. он писал Женни Лонге, что тактика Исполнительного комитета «Народной воли» очень далека от «мальчишеской манеры Моста и других ребячливых крикунов, проповедующих царубийство как «теорию» и «панацею». Русские революционеры, указывал он, «наоборот, стремятся убедить Европу, что их *modus operandi* [способ действия] является специфически русским, исторически неизбежным способом действия, по поводу которого так же мало следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения на Хиосе»³.

Мужественная борьба небольшого отряда народовольцев с могущественным царизмом находила у Маркса и Энгельса, писал В. И. Ленин, «самый сочувственный отзвук»⁴. К этому времени относится знакомство Маркса с брошюрой П. Ф. Алисова «Александр II Освободитель» и М. П. Драгоманова «Тираноубийство в России». Маркс с волнением следил за процессом участников и организаторов революционного акта 1 марта. Он восхищался тем, как вели себя на суде Желябов, Перовская, Кибальчич. Маркс считал их подлинными героями и революционерами. «Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические»⁵.

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4033.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 490—491.

³ Там же. Т. 35. С. 147—148.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 13.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 147.

Более критически, чем к «Народной воле», относился Маркс к другой народнической организации — «Черному переделу». Во взглядах и тактике ее членов он справедливо увидел влияние анархистской теории, отсталой бакунистской догмы воздержания от политики. Маркс писал о «нудном доктринерстве» чернопередельцев и главной их ошибкой считал отказ от «революционно-политической деятельности». В отличие от народовольцев, осознавших необходимость демократического переворота как ступени к социалистическому преобразованию, представители «Черного передела» продолжали считать, что «Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай»¹.

В то же время Маркс старался помочь русским революционерам преодолеть разногласия в их среде, достигнуть единства в борьбе против общего врага — царизма. Поэтому, когда в 1880 г. Маркс получил приглашение, переданное через Морозова, сотрудничать в совместном заграничном предприятии народовольцев и чернопередельцев — издании «Русской социально-революционной библиотеки», он дал согласие. Он выразил готовность предоставить в распоряжение издателей свои работы и обещал написать специальное предисловие к той из них, которую они изберут для публикации.

В составе серии был опубликован в 1882 г. новый русский перевод «Манифеста Коммунистической партии». Через Лаврова Маркс и Энгельс направили переводчику — одному из руководителей «Черного передела» — Г. В. Плеханову написанное ими в январе того же года упомянутое выше предисловие к русскому изданию. В этом ярком документе вновь подчеркивается близость и великое историческое значение русской революции. Под живым впечатлением героических действий русских революционеров авторы «Манифеста Коммунистической партии» писали: «...Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»².

Знаменательным являлось и то, что инициатор русского издания «Манифеста» Плеханов под влиянием этого и других произведений научного коммунизма стал убеждаться в том, что только учение Маркса может быть путеводной звездой, которая выведет и русское революционное движение на правильный путь. В 1883 г. Плеханов и его единомышленники основали первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда», положившую начало подготовке создания российской социал-демократической партии. «...Я горжусь тем,— писал Энгельс Засулич по поводу этого события, открывавшего новые перспективы для освободительной борьбы в России,— что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 380.

² Там же. Т. 19. С. 305.

несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше»¹.

Тяжелые утраты. Обострение болезни

Летом 1880 г. здоровье жены Маркса, у которой врачи еще раньше обнаружили заболевание печени, резко ухудшилось. В начале октября Маркс получил еще более страшное медицинское заключение. По мнению врачей, у Женни был рак печени. «...Ты знаешь, — писал Маркс старшей дочери 6 июня 1881 г., — нет средства против болезни, которой она страдает, и она действительно слабеет»².

В конце июня 1881 г. Маркс вывез больную жену на побережье, в Истборн, где они провели месяц. Уступая горячему желанию Женни повидать внуков, он после сильных колебаний отправился с ней во Францию. В поездке их сопровождала Елена Демут.

В Аржантёй, близ Парижа, где жило семейство Лонге, Маркс со своими спутницами прибыл 26 июля. Но в середине августа пришло известие о тяжелом заболевании Элеоноры. Оставив жену на попечении Ленхен, Маркс срочно выехал в Лондон. Младшую дочь он застал в состоянии сильнейшего нервного и физического истощения. Принятые им неотложные меры подействовали, и Элеонора стала медленно поправляться. Вслед за ним в Лондон вернулись Женни Маркс и Елена Демут.

С осени 1881 г. Женни все реже вставала, пока не оказалась вовсе прикованной к постели. В это время тяжелый недуг поразил и самого Маркса. В октябре он заболел плевритом, осложненным воспалением бронхов и легких. Положение было настолько тяжелым, что врачи опасались за его жизнь. Физические страдания усугублялись моральными — сознанием, что рядом умирает жена. Лишь в конце октября кризис у Маркса миновал, и он оказался в состоянии проводить время у постели Женни. «Никогда не забуду я то утро, — вспоминала Элеонора, — когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели, — это были любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом»³.

2 декабря 1881 г. Женни Маркс не стало.

Смерть самого близкого человека нанесла Марксу непоправимый удар. Когда хоронили Женни — 5 декабря, — врач запретил

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 260.

² Там же. Т. 35. С. 159.

³ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 271.

ему выходить из дома, он был еще очень слаб и глубоко потрясен утратой. Поддержкой ему были многочисленные письма от партийных друзей, знакомых, родных. Маркса тронуло то, что эти выражения соболезнования были «проникнуты такой искренностью, такой глубокой симпатией, как это редко бывает в подобных случаях, обычно являющихся лишь соблюдением условностей». Это объясняется тем, писал он дочери, что в Женни «все было естественно и правдиво, просто, без всякой фальши»¹.

В трудный час, как всегда, рядом находился Энгельс. Он не только взял на себя заботы о похоронах, но счел своим долгом рассказать в печати о той роли, которую жена Маркса играла в рабочем движении. В «*Sozialdemokrat*» был опубликован написанный им некролог, посвященный памяти этой представительницы «старой гвардии пролетарского, революционного социализма», в «*Égalité*» — текст его речи, произнесенной на ее могиле. «...Мы не раз еще будем сожалеть,— говорил Энгельс у гроба Женни,— об отсутствии ее смелых и благоразумных советов; смелых без бахвальства, благоразумных без ущерба для чести»².

Три первых недели января 1882 г. Маркс с Элеонорой прожили на острове Уайт, в Вентноре. Он отправился туда в надежде на то, что морской воздух поможет избавиться от ставшего хроническим бронхита и мучительных приступов кашля, обострявших и без того тяжелую бессонницу. И действительно, Марксу стало немного лучше. Он с нетерпением ждал момента, когда можно будет вновь засесть за работу.

По возвращении в Лондон Маркс возобновил было свои научные занятия. Однако, желая уберечь его от превратностей весенней лондонской погоды, врачи стали настаивать на выезде в одну из южных стран. Мнение склонилось в пользу Алжира.

Сборы были недолгими. В первой половине февраля Маркс был уже во Франции, где провел неделю у Женни Лонге в Аржантёй. После двухдневного пребывания в Марселе, он отплыл в Алжир, куда прибыл 20-го числа, схватив по дороге тяжелую простуду. Здесь его ждало разочарование: вместо ожидаемой теплой и солнечной погоды — холода, сильные ветры, дождь. «За последние 10 лет в Алжире еще не было такого неудачного зимнего сезона», — писал он старшей дочери³. В результате бронхит усилился. В довершение всех бед Маркс снова заболел плевритом.

Ни обострение болезни, ни длительная непогода, лишь изредка сменявшаяся ясными днями, не помешали Марксу наслаждаться красотами края, напоминавшего ему обстановку сказок «Тысячи и одной ночи». Из своего отеля «Пансион Виктория» Маркс часами любовался живописным видом Алжирской бухты и гавани, хол-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 204.

² Там же. Т. 19. С. 303.

³ Там же. Т. 35. С. 242.

мистым спуском к морю и утопающими в зелени виллами. Вдали открывалась величественная перспектива гор со снежными вершинами. «Нет ничего более волшебного, чем эта панорама...— удивительная смесь Европы и Африки»,— писал он Энгельсу¹. Когда позволяло физическое состояние, Маркс совершал прогулки. Посетил он знаменитый Алжирский ботанический сад, восхитивший его «большими продольными аллеями удивительной красоты», пальмовыми рощами, платанами и магнолиями.

Богатство природы Алжира не заслонило, однако, от взоров Маркса тех глубоких социальных и национальных противоречий, которыми отличалась жизнь этой колонии Франции. Из откровенных бесед с судьей Ферме, старым республиканцем, в прошлом политическим ссыльным в Алжире, из собственных наблюдений Маркс вынес ясное впечатление о бесправном положении коренных жителей, суровости и тяжести колониального режима.

В середине апреля следы плеврита исчезли, однако бронхит не проходил. Особенно плохо стало, когда из пустыни подул южный ветер, поднимающий тучи пыли. Не дожидаясь наступления изнуряющей жары, Маркс по совету врачей решил сменить Алжир на французскую Ривьеру. В начале мая он переехал в Монте-Карло. Однако и на этот раз Марксу не повезло. Осмотревший его местный врач вновь обнаружил рецидив плеврита. Почти целый месяц Маркс вынужден был лечиться, оставаясь в марионеточном княжестве Монако, «в этом логове знатных бездельников или авантюристов»², привлекаемых сюда рулеткой.

3 июня Маркс покинул Монте-Карло. Специалист по легочным болезням советовал ему избрать для дальнейшего лечения горную местность. Но Маркс решил провести некоторое время в Аржантёй, с Женни и внуками. В кругу родных и близких он почувствовал себя лучше и на этот раз задержался здесь довольно долго, с 8 июня по 22 августа, пройдя курс лечения серными ваннами и ингаляциями в расположенном неподалеку Энгийене. После этого в сопровождении Лауры Лафарг он уехал в Швейцарию, на Женевское озеро. В течение месяца, до 25 сентября, Маркс жил в Веве. Перед отъездом из Швейцарии он посетил Женеву и встретился со своим старым другом Беккером. Свидание доставило обоим большую радость.

В Аржантёй Маркс вновь прибыл 28 сентября. Врачи остались довольны результатами его поездки в Швейцарию и разрешили возвратиться в Англию, потребовав, однако, чтобы в Лондоне он оставался не более двух-трех недель. Почти весь октябрь Маркс провел у себя дома, на Мейтленд-парк-род. Он снова углубился в научные занятия, в изучение истории первобытного общества, аграрных отношений в России и других проблем. Затем Маркс

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 34.

² Там же. С. 54.

отправился опять на остров Уайт. Здесь он продолжал научную работу.

В начале января 1883 г. в Вентноре Марксу стало известно, что его старшая дочь Женни тяжело больна. Известие это вызвало у него нервное расстройство, приступы кашля приняли характер опасных спазм. 12 января Элеонора привезла Марксу страшную весть — Женни накануне скончалась. Потеря любимой дочери, умершей в возрасте 38 лет, матери пятерых детей, буквально сразила Маркса. Он вернулся в Лондон убитый горем, физически обессиленный.

14 марта 1883 года

Разрушительное действие болезни приближало с каждым днем трагическую развязку. У Маркса обострился бронхит, началось воспаление гортани, лишившее его на длительное время возможности принимать какую-либо пищу, кроме молока. В феврале врачи установили абсцесс легкого. Больной таял на глазах. Элеонора, Елена Демут, Энгельс вели отчаянную борьбу за его жизнь. Самоотверженные старания близких, казалось, пересилили недуг. В начале марта наступило некоторое облегчение. 9 марта домашний врач и друг семьи Донкин обнадеживающе сообщил, что если удастся поддержать силы больного еще в течение двух месяцев, то появятся шансы на выздоровление.

Но этим надеждам не суждено было сбыться. 14 марта в 2 часа 30 минут дня Энгельс, ежедневно навещавший своего друга, застал домашних в слезах. У больного утром произошло кровоотечение, а потом наступил резкий упадок сил. Поднявшаяся в его комнату Ленхен увидела Маркса сидящим в кресле в полусонном состоянии. Она тотчас же спустилась вниз и пригласила Энгельса пройти к больному. «Когда мы вошли, он спал, но спал вечным сном. Пульс и дыхание исчезли. В течение этих двух минут он тихо и без страданий уснул... — писал на другой день Энгельс Зорге. — Искусство врачей обеспечило бы ему, быть может, несколько лет прозябания, жизни беспомощного существа, умирающего не сразу, а постепенно, к вящему триумфу врачебного искусства. Но этого наш Маркс никогда не перенес бы. Жить, имея перед собой множество незаконченных трудов и испытывая танталовы муки от желания закончить их и от невозможности это сделать, — это было бы в тысячу раз горше для него, чем настигшая его тихая смерть»¹.

Известие о смерти великого мыслителя и революционера быстро разнеслось по всему свету. Не только пролетарские, но и буржуазные органы печати многих стран Европы и Америки поместили сообщения об этом. И друзья и враги сходились в признании интеллек-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 386.

туальной мощи Маркса. Русский либеральный журнал «Юридический вестник» отзывался о Марксе как о «выдающейся личности», «ученом, который встречается не часто». Австрийская буржуазная газета «Neues Wiener Tagblatt» в номере за 17 марта подчеркивала, что «Карл Маркс должен быть причислен к самым значительным и самым выдающимся современникам».

Из разных стран и частей света в Лондон шли письма рабочих деятелей, рядовых социалистов с выражением чувств любви к учителю и вождю рабочего класса и всех угнетенных, глубокой скорби по поводу огромной утраты, которую с его смертью понесло трудящееся человечество. Эти чувства пронизывали некрологи в рабочей печати разных стран, выступления ораторов на траурных митингах и собраниях. Высказывалась твердая вера в бессмертие великих идей Маркса, в неизбежное торжество того дела, которому он отдал свою жизнь.

Потрясенные случившимся прислали свои послания Энгельсу ветераны пролетарской борьбы — старый чартист Гарни, проживавший в Америке, Беккер, Зорге, Лохнер. «Имя его и учение будут жить до тех пор, пока существует человечество, т. е. вечно. Его ум, как солнце, будет излучать для всех народов немеркнущий свет, потушить который не в состоянии никакие силы на земле», — писал Лесснер Элеоноре Маркс¹.

Из Германии пришли телеграммы от Августа и Юлии Бебель, от эрфуртской социал-демократической организации, от социал-демократов Ганновера. По поручению руководства партии для участия в похоронах в Лондон выехал Либкнехт. Телеграмму прислало Парижское объединение Рабочей партии Франции. Ее федерация Центра устроила траурное собрание. От имени Испанской социалистической партии телеграмму прислал Хосе Меса, от бельгийских социалистов соболезнование семье Маркса выразил Де Пап, от голландских — в письме Энгельсу — Ньювенгейс. Из Цюриха пришло постановление траурного собрания членов социалистического славянского союза «Славия». Участники его предлагали создать фонд имени Маркса для поддержки жертв освободительной борьбы.

В Лондоне состоялось собрание членов Демократической федерации, посвященное памяти «великого мыслителя и подлинного друга рабочих всех наций»². Траурные собрания провели отделение Демократической федерации в Мерилбоне (Лондон), общество столяров-краснодеревщиков и другие организации. 19 марта траурный митинг был создан американскими социалистами в Нью-Йорке. Бывший деятель Интернационала Куно, активный участник американского рабочего движения, сообщил Энгельсу о написанном им некрологе.

¹ Их имена переживут века. М., 1983. С. 73.

² Там же. С. 71.

Многочисленны были выражения печали и глубокого уважения к памяти умершего со стороны представителей революционной России. «Смерть Карла Маркса пробудит скорбь у всех, сумевших понять его мысли и оценить его влияние на нашу эпоху», — говорилось в траурном обращении русских социалистов¹, написанном Лавровым. Из Женевы на имя Энгельса пришла телеграмма от Общества русских социалистов-эмигрантов за подписью Лопатина, Плеханова и Бардиной. О Марксе как о человеке, которого он «любил как друга, уважал как учителя и почитал как отца», писал 28 марта 1883 г. Лопатин Элеоноре². Студенты Петровской лесной и земледельческой академии в Москве, Технологического института в Петербурге, высших учебных заведений Одессы, русские курсистки собрали деньги на венки и разными путями переслали их Энгельсу. Передовые русские деятели проявили заботу об издании и широком распространении произведений Маркса. Даниельсон выражал в письме Элеоноре Маркс готовность предоставить все имеющиеся у него материалы и письма в распоряжение будущего издателя литературного наследства Маркса. В своем приветствии Копенгагенскому съезду германской социал-демократии, состоявшемуся в конце марта — начале апреля 1883 г., Плеханов, Аксельрод и Засулич выразили пожелание о создании специального фонда «для народного издания всех сочинений Маркса»³.

Искренне прозвучали слова соболезнования по поводу кончины великого мыслителя и революционера представителей прогрессивной интеллигенции разных стран. Буржуазный радикал Бизли писал Элеоноре Маркс: «Он был замечательным человеком, и, хотя я не разделял его взглядов, я высоко ценил его устремления и испытывал к нему глубокое уважение»⁴. В телеграмме берлинской Сельскохозяйственной академии Энгельсу 18 марта 1883 г. было сказано убеждение, что Маркс «так много сделал для своего времени, что будет жить во все времена. Деятельный век когда-нибудь будут называть веком Маркса»⁵.

В откликах на смерть Маркса деятелей рабочего движения было выражено признание огромных заслуг Маркса в великом деле превращения социализма в науку, его роли как вождя мирового пролетариата. Маркс, подчеркивал Г. Девиль в письме Энгельсу, был тем, кто «сделал больше всех для освобождения рабочих, для освобождения человечества»⁶. В некрологе, опубликованном 24 марта 1883 г. в голландском социалистическом журнале «*Recht voor Allen*», Ф. Ньюенгейс писал, что вышедшим в 1867 г. первым томом свое-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 352.

² См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 485.

³ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1940. Сб. 8. Ч. I. 1883—1894. С. 26.

⁴ Их имена переживут века. С. 71.

⁵ Там же. С. 54.

⁶ Там же. С. 45.

го прославленного «Капитала» Маркс «заложил научную основу социализма»¹.

В социалистической печати и в выступлениях ораторов рабочего класса всячески подчеркивался интернациональный характер учения Маркса. Его смерть, отмечали представители пролетарского лагеря, — невосполнимая утрата для трудящихся всего мира, для всей мировой науки и культуры. Эту мысль лучше всего выразил Энгельс, сказав по поводу кончины Маркса: «Человечество стало ниже на одну голову и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало»².

В эти скорбные дни деятелей рабочего движения поддерживала мысль, что преемником умершего Маркса является его верный сподвижник Энгельс. Друзья и ученики Маркса знали, что научный социализм — плод творческого союза этих двух гениальных мыслителей, которые «удивительным образом взаимно дополняли друг друга»³. Уже во время болезни Маркса руководство рабочим движением все больше ложилось на плечи Энгельса. Он и Элеонора Маркс стали литературными душеприказчиками Маркса, согласно устному распоряжению, отданному им перед смертью.

Похороны Маркса состоялись 17 марта на Хайгетском кладбище. Они были скромными — такова была воля покойного. Среди провожавших Маркса в последний путь находились его родные, в их числе супруги Лафарг, представлявшие также Рабочую партию Франции, Лонге, соратники Маркса еще по Союзу коммунистов — Либкнехт, выступивший с речью, Лесснер и Лохнер. Присутствовали два крупных ученых-естествоиспытателя — зоолог Рей Ланкестер и химик Шорлеммер. Он редакции «Sozialdemokrat», от Лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих были возложены венки. Лонге зачитал полученные телеграммы.

У раскрытой могилы Маркса торжественно и проникновенно прозвучали слова Энгельса о непреходящем значении его гениальных научных открытий и величии его как ученого и революционного борца. «Правительства — и самодержавные и республиканские — высылали его, буржуа — и консервативные и ультрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он сметал все это, как паутину, со своего пути, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века!»⁴

¹ Их имена переживут века. С. 136.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 386.

³ Их имена переживут века. С. 53.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 352.

Заключение

Вся жизнь Карла Маркса, страстного революционера и глубокого мыслителя, была отдана служению великим идеалам человечества. С юношеских лет и до последнего дня он непреклонно служил благородной цели создания справедливого общественного строя, освобождения людей труда от всех форм угнетения и материальной нужды, не сдавался перед многочисленными невзгодами и личными потерями. Его стихией была борьба. Страстный борец с властями предрезающими, с эксплуатацией, мракобесием и мещанством, гениальный ученый, великий труженик, открывший принципиально новые направления в философии и политэкономии, блестящий публицист, человек, превративший вековые чаяния о справедливости и свободе в науку о преобразовании общества, он был скромным, простым, жизнерадостным человеком. За верность платил верностью, за доброту — добротой, за щедрость души — такой же щедростью. Неподдельно любил все хорошее и достойное в людях и умел глубоко презирать и ненавидеть низкое, подлое.

Для нынешнего и грядущих поколений имеют непреходящее значение уроки Маркса — революционера в политике и революционера в науке, Маркса — человека.

Маркс твердо верил в неизбежность и закономерный характер социалистической революции. В недрах буржуазного общества, в ходе его объективного развития создаются предпосылки нового общества. Той социальной силой, которая призвана реализовать их, является рабочий класс. Такова его историческая миссия. Классу — могильщику капитализма, говорил Маркс, «придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов»¹. «В своей борьбе против объединенной власти имущих классов, — писал Маркс, — рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами»². Пролетариат завоевывает и берет власть не ради увековечения своих «классовых привилегий», а во имя уничтожения всякого гнета и классового господства³. Его движение питается соками своей

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 347.

² Там же. Т. 18. С. 143.

³ См. там же. Т. 16. С. 12.

земли, своей страны, возникает из ее внутренних потребностей. Политические партии, возглавляющие революционную борьбу пролетариата, в своих программных документах учитывают национальную специфику, исторические традиции и особые трудности революционного дела в данной стране. Но их роднит общность конечной цели рабочего движения — социализма и коммунизма, общность коренных закономерностей революционной борьбы. Для достижения великой цели экономического и политического освобождения необходимы солидарность между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и братский союз рабочего класса разных стран. В плоть и кровь международного рабочего движения должен войти боевой призыв К. Маркса и Ф. Энгельса — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Буржуазия в целях сохранения и упрочения своих экономических и политических позиций прибегает постоянно к социальной мимикрии и обману. Расхожей пропагандистской монетой служит пресловутая «справедливость», восхваление капиталистического общества как некоего эдема «прирожденных прав человека»¹. Однако в кризисные моменты покрывало сбрасывается. «Цивилизация и справедливость буржуазного строя, — писал Маркс сразу после разгрома Парижской Коммуны, — выступают в своем истинном, зловещем свете, когда его рабы и угнетенные восстают против господ. Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются ничем не прикрытым варварством и незаконной местью. Каждый новый кризис в классовой борьбе производящих богатство против присваивающих его показывает этот факт все с большей яркостью»². Для обуздания бунтарей все средства хороши: травля, клевета, апологетическая фразеология «независимой» прессы и ученых докторов. В экстремальных ситуациях якобы высоко парящая над обществом государственная власть идет на развязывание самых необузданных, диких кровавых оргий, приобретает крайние реакционные формы, исключая даже видимость демократических свобод. Этому учит вся история классовой борьбы пролетариата за свои права, за освобождение труда. История учит и тому, что сплоченность рабочего класса, объединение на основе борьбы за прогрессивные, подлинно демократические требования широких масс способны поставить преграду силам реакции, предотвратить ее контрреволюционные, античеловеческие устремления.

Маркс был человеком науки, давшим ответ на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Науку он считал великой движущей революционной силой. По глубокому убеждению Маркса, наука требует от каждого, кто вступил на ее стезю, всей жизни, самоотверженности, бесстрашия. Принципы, нормы, выводы

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 187.

² Там же. Т. 17. С. 360.

науки не допускают сиюминутных корыстных расчетов, спекуляций, уступок предрассудкам.

Об отношении Маркса к науке свидетельствуют, конечно, прежде всего результаты его многолетних исследований. Однако оно как бы сфокусировано и в целом ряде его высказываний, воспринимающихся, по существу, как своего рода нравственный кодекс для всякого настоящего ученого. «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам»¹. В одном из вариантов «Капитала» Маркс в гневных словах клеймил английского экономиста Т. Мальтуса за то, что он из выводов, добытых уже наукой, извлекал только такие, которые приятны и полезны аристократии и буржуазии в их борьбе против пролетариата. Он писал при этом: «...человека, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне*, к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами,— такого человека я называю «*низким*»»². «Универсальная независимость мысли», указывал Маркс, предполагает абсолютную необходимость того, чтобы мыслитель, ученый относился «*ко всякой вещи так, как того требует сущность самой вещи*»³.

Марксу было чуждо высокомерие, нигилистическое отношение к своим предшественникам. Он высоко ценил все достижения науки, преклонялся перед ее борцами, но в то же время первейшим требованием науки считал правило: все подвергай сомнению. Создатель материалистической диалектики неизменно подчеркивал, что она по самому своему существу критична, ни перед чем не пасует и в позитивное понимание существующего включает его отрицание. Применительно к предшествующим достижениям науки это означает творческое освоение наследия, движение все вперед и все выше по ступеням бесконечной дороги знания. Человеческое общество Маркс воспринимал не как застывший кристалл, а как живой, растущий и развивающийся организм. Поэтому и в общественных науках не может быть раз навсегда данных пределов знания, вечных и неизменных, аксиоматических формул. Однако истинный прогресс научного знания ни в коем случае не означает огульного отбрасывания всего прежнего. Важнейшей чертой диалектического отрицания и творческого развития науки является удержание того положительного, что заключает в себе старое.

Надо думать, Маркс сознавал громадность своего уникального дарования и масштабность, новаторский, в наилучшем смысле революционный характер его действий как практического лидера и теоретика международного рабочего движения. Однако это созна-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 25.

² Там же. Т. 26. Ч. II. С. 125.

³ Там же. Т. I. С. 7.

ние не трансформировалось в чванное самодовольство, в позу непогрешимого оракула, падкого на атрибуты внешней славы, обожающего лесть, почитание. Ему был органически чужд культ его личности. Как верно заметил В. Либкнехт, один из близких друзей и единомышленников Маркса, он «не знал другого культа, кроме культа истины... Он ненавидел популярность, и погоня за популярностью повергала его прямо в ярость»¹. На всех, кто его знал, он производил впечатление не только своей энциклопедической эрудицией, но и своими манерами высокоинтеллигентного человека, своей подкупающей человечностью и простотой. Справедливо писал о Марксе корреспондент нью-йоркской газеты «Sun» Дж. Суинтон после встречи с ним в августе 1880 г.: Карл Маркс, один из самых замечательных людей нашего времени, нисколько не интересуется «ни светской фанфаронадой, ни претензиями на власть». Человек этот «неторопливый и неутомимый», «могучего, широкого и возвышенного ума»². Этот великий ум, вспоминал В. Либкнехт, имел также «великое сердце, которое так горячо билось ради всего человеческого, ради всего, что носит человеческий облик...»³.

Марксизм — не догма, а руководство к действию. Это крылатое изречение Энгельса стало девизом коммунистов, оно выражает творческую и глубоко жизненную сущность марксистской теории. «В этом классическом положении,— писал В. И. Ленин,— с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живую, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории»⁴.

Учение Маркса отличается замечательной последовательностью и цельностью выводов, неразрывным внутренним единством его составных частей: философии, политической экономии и научного социализма. Без материалистической диалектики и материалистического понимания истории нельзя было создать марксистскую политическую экономию; без диалектического и исторического материализма, без экономической теории марксизма невозможно было бы превратить социализм из утопии в науку.

Смерть Маркса отозвалась огромной болью в сердцах миллионов его последователей. Международный рабочий класс лишился своего великого наставника. Перестал мыслить великий ученый. Остался незавершенным труд его жизни — «Капитал».

¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 213, 219.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 478.

³ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. С. 198.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 84.

Огромную роль в продолжении дела Маркса сыграл его ближайший друг и соратник Фридрих Энгельс. После смерти Маркса к нему идут и получают мудрые советы десятки и сотни социалистов всех стран. Он завершает работу Маркса над «Капиталом», неустанно борется за чистоту научной теории, создает собственные труды, обогащающие и развивающие ее.

С развитием рабочего движения в европейских странах возникла потребность в создании нового международного объединения пролетарских партий. При непосредственном участии Энгельса создается II Интернационал. Первый конгресс этой международной организации социалистов состоялся в 1889 г. в Париже.

II Интернационал способствовал распространению марксизма в широких слоях пролетариата, содействовал развитию и укреплению массовых организаций рабочего класса — профессиональных, кооперативных, женских, молодежных, спортивных и др. Но развитие рабочего движения вширь не обошлось без оппортунизма и реформистского поветрия в социал-демократических партиях. Энгельс вел решительную борьбу против всех извращений революционной теории и тактики, решительно разоблачал оппортунистические взгляды, выступал против ревизии основополагающих принципов учения Маркса и в то же время против бездумной догматизации.

В защите марксизма от ревизионистских искажений «справа» и «слева», в его дальнейшем творческом развитии после Маркса и Энгельса, в практическом применении идей научного социализма к революционному преобразованию общества выдающаяся роль и историческая инициатива принадлежит В. И. Ленину и созданной им партии большевиков. Ленинская партия возникла на прочной базе теории марксизма, как законный наследник всего лучшего, что было в международном рабочем и русском революционно-демократическом движении.

Еще в 1899 г. в статье «Наша программа» Ленин писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»¹. И эти прекрасные слова получили замечательное воплощение в революционной деятельности и научных трудах Ленина. Враг всякого доктринерства, он на деле доказал свою верность марксизму, в новых исторических условиях защитил его от ревизионистских атак, дополнил его сокровищницу новыми важнейшими обобщениями и выводами, привел рабочее движение к такому триумфу, о котором могли только мечтать его великие учителя.

На прочном фундаменте марксистской политэкономии Ленин исследовал возникший на переломе XIX и XX вв. империализм и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

доказал, что империализм, характернейшей чертой которого является господство монополий в экономике и политике, есть высшая и последняя стадия капиталистической формации. Огромный вклад был внесен им в аграрную теорию марксизма. В трудах Ленина диалектический и исторический материализм обрел форму, соответствующую современному уровню науки и общественного развития. Огромен его вклад в теорию социалистической революции, в стратегию и тактику пролетарской борьбы, в разработку научной концепции социализма.

Именно благодаря такому развитию, уточнению и дополнению основные теоретические принципы Маркса и Энгельса смогли служить могучим идейным оружием революционных сил в новую историческую эпоху.

Учение Маркса, Энгельса и Ленина прошло практическую проверку и было подтверждено в Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Ленинский анализ ситуации в канун и в период Октября 1917 г. являет великолепный урок теоретического новаторства, освоения конкретных обстоятельств именно в духе Маркса в противовес идеологическому начетничеству и догматизму лидеров II и II^{1/2} Интернационалов и русских меньшевиков.

Октябрьская революция — самое выдающееся событие XX в. — возвестила начало новой эры в истории человечества. Она знаменовала потрясшую мир победу творческого марксизма-ленинизма. Рабочий класс, все трудящиеся России под руководством большевистской партии во главе с Лениным приступили к построению подлинно демократического общества. Устанавливается рабоче-крестьянская власть. Вместо частной капиталистической собственности провозглашена общественная собственность на основные средства производства. Специальным декретом земля передана в бесплатное пользование тем, кто ее обрабатывает. Целой совокупностью мер были заложены основы социальной защищенности трудящихся, подлинного равенства и братства народов. Первые декреты Советской власти, вся деятельность победившего пролетариата закладывали реальный фундамент для решения кардинальной проблемы человечества — установления мира на земле. Таким образом началось осуществление на деле великих социалистических идей реального гуманизма, сформулированных Марксом еще в 40-х гг.

Благодаря Октябрьской революции Россия из отсталой в экономическом и культурном отношении страны превратилась в могучую социалистическую державу. Самим фактом своего существования СССР оказывает глубочайшее воздействие на все стороны мирового развития.

Под вдохновляющим воздействием Октябрьской революции в десятках стран сформировались коммунистические партии, объединившиеся вскоре в III Коммунистический Интернационал, который способствовал упрочению идущих от Маркса и Энгельса традиций

международной пролетарской солидарности, воспитанию славной когорты пламенных революционных борцов.

Беспощадным экзаменом на жизнённость социалистического строя была Великая Отечественная война советского народа 1941—1945 гг. В этой самой тяжелой и жестокой из войн, которые когда-либо знала история, ярко обнаружилось крепость советского государства, возможности советской социалистической экономики и политической системы, несокрушимое единство советского общества, сплочённость и патриотизм народа. Советский Союз внес решающий вклад в разгром ударной силы мировой империалистической реакции — германского фашизма и японского милитаризма. Это было новое торжество марксистско-ленинского учения коммунистов, игравшего роль путеводной звезды в огромной организаторской работе партии на фронте и в тылу.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне необычайно подняла в глазах трудящихся всего мира престиж социализма, создала исключительно благоприятные условия для социалистических революций в ряде стран Европы, Азии, Латинской Америки, для превращения социализма в мировую систему, для развития национально-освободительного и демократического движений.

Великая Октябрьская социалистическая революция и последующие классовые битвы пролетариата, строительство реального социализма, его неоспоримые исторические достижения, как и трудности, а порой тяжелые ошибки и даже трагические страницы подтвердили ту истину, что не абсолютизация тех или иных форм революционной борьбы и социальных моделей, а диалектический, конкретно-исторический выбор, выдвигание на первый план тех из них, которые больше всего соответствуют данной обстановке и условиям, являются необходимой предпосылкой победы. Творчески применяя марксистско-ленинскую методологию, учитывая и общие закономерности революционного процесса, и своеобразие их проявления в каждой стране, коммунистические и рабочие партии вносят свой вклад в разработку теоретических и практических проблем мирового коммунистического движения. Дальнейшее творческое развитие марксизма-ленинизма на основе объективного научного анализа общего хода исторического процесса и специфических ситуаций является предметом заботы всех братских марксистско-ленинских партий.

Мир не стоит на месте. Не только в течение десятилетий, но зачастую в более короткие сроки происходят зримые изменения в облике обеих социально-экономических систем — капитализма и социализма. Однако их сущностная природа стабильна.

Современный капитализм во многом отличается от того, каким его видел и изучал Маркс. И даже после Ленина он претерпел многие серьезные метаморфозы. Однако он по-прежнему остается строем

эксплуатации наемного труда, хотя механизм ее совершенствуется, приобретает более изощренные и замаскированные формы. Ему по-прежнему присуще вскрытое Марксом противоречие между общественным характером производства и частным присвоением. Другие его антагонизмы так или иначе воспроизводятся на каждом историческом этапе. Не отошли в прошлое кризисы перепроизводства, хотя делаются отчаянные усилия их предотвращения или смягчения мерами государственно-монополистического регулирования экономики. Имеет место перманентное отставание платежеспособного спроса от предложения. Очевидными симптомами острых недугов сферы материального производства являются дефициты государственных бюджетов, астрономические суммы внутреннего и внешнего долгов, беспорядочная миграция капиталов. Циклические кризисы усугубляются структурными и экологическим кризисами, валютными неурядицами, биржевой лихорадкой, торговым протекционизмом и другими проявлениями межимпериалистических коллизий. Огромное богатство немногих соседствует с бедностью многих, с хронической и небывалой по масштабам безработицей. Все более девальвируются общечеловеческие морально-нравственные и культурные ценности. В долговой кабале задыхаются привязанные к мировому капиталистическому рынку развивающиеся страны, основная причина которой — отсталая экономическая структура бывших колоний, неэквивалентный обмен с промышленно развитыми странами. Политическое освобождение от колониального ига сменилось не менее тяжким неоколониализмом. А неоколониализм — это безысходность, страшная нужда миллионов. В конце XX в., в эпоху необычайных достижений науки и техники, освоения атомной энергии и покорения космоса, миллионы людей умирают от голода.

Объективные процессы, накал классовой борьбы в мире современного капитала служат неопровержимым доказательством верности открытой Марксом исторической тенденции капитализма — движения к его отрицанию, к уходу рано или поздно с исторической арены, к смене более высоким и справедливым общественным строем.

Мировому капитализму брошен потрясающей силы вызов в Октябре 1917 г. Теперь уже даже самые твердолобые консерваторы вынуждены согласиться, что то был не случайный и не временный «зигзаг» истории, не следствие плохого правления страной царским самодержавием, а закономерный прорыв в слабом звене империалистической цепи. Попытки империалистов удушить социалистический «эксперимент» еще в колыбели «крестовыми походами», гражданской войной, экономической блокадой, «санитарными» кордонами не имели успеха. Сокрушительным крахом для их организаторов закончились и более поздние покушения на социализм. Он живет и здравствует.

Однако правящие партии социалистических стран, хорошо понимая вызов времени, видят проблемы и недостатки своих экономических и политических систем, безбоязненно развертывают конструктивную, честную и смелую критику и самокритику во всех звеньях общества и на всех уровнях. В условиях демократии и гласности трудящиеся мобилизуются на более эффективное использование преимуществ и резервов социализма, радикальное обновление производительных сил на основе новейших достижений научно-технической революции. Всемерно стимулируется самоуправление и народное участие, создание условий все более активного воздействия трудовых коллективов на принятие важнейших политических и народнохозяйственных решений. В области экономики настоятельно необходимыми являются режим экономии живого и овеществленного труда, проведение противозатратных мер, более полное использование открытого Марксом закона стоимости, соответствующим образом трансформированных товарно-денежных отношений, кредитно-финансовых рычагов, устранение отрыва оборота финансовых и кредитных ресурсов, денежных средств от движения материальных ценностей. Объем товарной массы и услуг должен быть сбалансирован с денежной массой в обращении. В высшей степени важно строгое соблюдение требований свойственного социализму закона распределения по количеству и качеству выполненного труда. Переход к коммунизму, говорил Ленин в 1921 г., потребует работы долгого ряда лет, но переход этот надо осуществлять «при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией», а не «на энтузиазме непосредственно», его следует осуществлять «на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...»¹ Предпринятое после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС совершенствование хозяйственного механизма, производственных отношений, составляющее самую суть радикальной экономической реформы в СССР, призвано повысить чувство хозяина у трудящихся, обеспечить гармонизацию интересов общества, коллектива и личности, поднять производительность общественного труда и жизненный уровень народа. Имеется в виду развертывание таким образом сознательно направляемого становления нового качества социалистического общества, избавление социализма от чуждых ему наслоений и деформаций, ускорение перехода народного хозяйства от экстенсивного к интенсивному развитию. В новой редакции Программы КПСС ставятся поистине судьбоносные, революционные задачи перестройки экономики, политической, социальной и духовной сфер общества. Дальнейшее поступательное движение социализма на его собственной базе, максимально полное использование его потенций, придание ему современных и динамичных форм представляет собой магистральное направление поисков марксист-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

ско-ленинской научной мысли и практической политики в области социалистического строительства.

Едва закончилась вторая мировая война, как заправили военно-промышленного комплекса США начали вынашивать планы нанесения массированных ударов по важнейшим центрам Советского Союза. Уповая на свою монополию владения атомной бомбой, они стремились похоронить социализм. Стремилась, но просчитались. Благодаря величайшему напряжению всех духовных и материальных сил советского народа СССР в короткие сроки сумел не только залечить нанесенные войной раны, но и развить свой промышленный потенциал, создать собственное грозное оружие. Фактом стал воен-но-стратегический паритет.

Однако СССР никому не грозит и никого не запугивает своей военной мощью.

СССР, другие социалистические страны во главу угла своей внешней политики ставят устранение возможности термоядерной войны, признание в качестве нормы международных отношений открытого и честного диалога, улаживание всевозможных споров за столом переговоров. Современный беспокойный мир при всей его противоречивости — это взаимосвязанный, целостный мир. У разных государств, его образующих, могут быть и действительно имеются свои интересы, но у всех них есть общая и высшая цель — обеспечение выживания рода человеческого, над которым занесен дамоклов меч оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного оружия. Убрать этот меч, не пустить его в ход, «перековать мечи на орала» — таков императив нынешнего времени, таков центральный пункт того, что принято именовать новым политическим мышлением с его ориентирами на разум и сдержанность, с терпеливыми поисками развязок исключительно мирными средствами существующих и возможных новых узлов противоборства и конфликтов. Прочный мир на земле составляет главнейшее условие реализации мечты Маркса о человеческом счастье, о всестороннем, гармоничном развитии и свободе человека труда.

В свое время, при рождении I Интернационала, Маркс призывал международное рабочее движение «добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами»¹. В наши дни партия и страна Ленина выступают поборниками и знаменосцами именно таких отношений. Подлинными наследниками Маркса идут в авангарде прогрессивных сил человечества, борющихся с достойным восхищения мужеством и самоотверженностью против вакханалии милитаризма, за полное устранение малых и больших войн из арсенала средств и методов международной политики всех государств.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 11.

Указатель имен

- Абердин* (Aberdeen) Джордж Гамильтон Гордон (1784—1860) — 309, 310
Авенель (Avenel) Жорж (1828—1876) — 616
Адан (Adam) — 250
Адзельо (Azeglio) Массимо Тапарелли д' (1798—1866) — 292
Аксельрод Павел Борисович (1850—1928) — 622, 671
Александр II (1818—1881) — 380, 656, 664
Алексеев Петр Алексеевич (1849—1891) — 658
Алисов Петр Федосеевич (род. в 1840 г.) — 664
Аллен (Allen) Грант — 609
Аннеке (Anneke) Фридрих (1818—1872) — 195, 196, 224
Анненков Павел Васильевич (1812—1887) — 114, 117, 124
Аретино (Aretino) Пьетро (1492—1556) — 292
Ариосто (Ariosto) Лудовико (1474—1533) — 292
Ауэр (Auer) Игнац (1846—1907) — 594
Ауэрбах (Auerbach) Бертольд (1812—1882) — 22
Ауэрсвальд (Auerwald) Рудольф (1795—1866) — 194, 200
Бабёф (Babeuf) Гракх (1760—1797) — 58, 59, 84, 90
Бакс (Вах) Эрнест Белфорт (1854—1926) — 643
Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — 48, 59, 60, 69, 72, 82, 198, 227, 327, 496, 502—507, 509—511, 513, 514, 548, 552, 563, 567, 568, 583, 659
Бальзак (Balzac) Оноре де (1799—1850) — 284, 346, 368
Бандья (Bangya) Янош (1817—1868) — 269
Баннер (Banner) Роберт — 640, 641
Бардина Софья Илларионовна (1853—1883) — 671
Барри (Barry) Мальтман (1842—1909) — 560
Бартенев Виктор Иванович (псевдоним Алексеев, Нетов) (род. в 1838 г.) — 513
Бастиа (Bastiat) Фредерик (1801—1850) — 412
Бауэр (Bauer) Бруно (1809—1882) — 21, 22, 28, 30, 48, 72—74, 81, 100
Бауэр (Bauer) Генрих — 95, 115, 132, 153, 170, 171, 221, 239, 248, 249, 257
Бауэр (Bauer) Эдгар (1820—1886) — 21, 30, 36, 53, 73, 74
Бах Алексей Николаевич (1857—1946) — 659
Бахофен (Bachofen) Иоганн Якоб (1815—1887) — 613, 614
Бebelь (Bebel) Август (1840—1913) — 480, 481, 498—501, 522, 523, 532, 549, 559, 585, 590, 591, 593, 594, 602, 625—630, 670
Бebelь (Bebel) Юлия (1843—1910) — 670
Бейст (Beust) Фридрих (1817—1899) — 205
Беккер (Becker) Герман Генрих (1820—1885) — 201, 202, 224, 231, 270, 274, 279, 297
Беккер (Becker) Иоганн Филипп (1809—1886) — 359, 404, 479, 481, 484, 491, 492, 502, 510, 512, 548, 549, 559, 569, 585, 622, 626, 668, 670
Бекман (Beckmann) Иоганн (1739—1811) — 287
Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — 112
Беляев Иван Дмитриевич (1810—1873) — 612
Беранже (Béranger) Пьер Жан (1780—1857) — 579
Бермбах (Bermbach) Адольф (1822—1875) — 272
Бернадот (Bernadotte) Жан Батист Жюль (1763—1844) — 306

- Бернайс* (Bernays) Карл Людвиг (1815—1879) — 47, 48, 59, 69, 82, 85, 100
Бернар (Bernard) Симон Франсуа (1817—1862) — 378
Бёрне (Börne) Людвиг (1786—1837) — 51
Бёрнс (Burns) Роберт (1759—1796) — 284
Бернштейн (Bernstein) Эдуард (1850—1932) — 593, 602, 627, 628, 630
Бёрнштейн (Börnstein) Генрих (1805—1892) — 69
Бернье (Bernier) Франсуа (1620—1688) — 294
Бертье (Berthier) Луи Александр (1753—1815) — 306
Бессьер (Bessières) Жан Батист (1768—1813) — 306
Бизли (Beesly) Эдуард Спенсер (1831—1915) — 527, 671
Биньями (Bignami) Энрико (1846—1921) — 551, 586
Бискамп (Biscamp) Элард — 360
Бисмарк (Bismarck) Отто Эдуард Леопольд (1815—1898) — 142, 366, 367, 371, 391, 400, 401, 473—476, 481, 482, 498, 520, 523, 524, 531, 590, 591, 623, 624, 626, 630, 634
Благоев Димитр (1856—1924) — 160
Блан (Blanc) Луи (1811—1882) — 47, 57, 59, 151, 179, 244, 269, 398
Бланки (Blanqui) Луи Огюст (1805—1881) — 58, 250, 313, 378, 396, 403, 515
Блос (Blos) Вильгельм (1849—1927) — 576, 585, 602, 625
Блум (Blum) Роберт (1807—1848) — 206, 306
Бобчиньский (Bobczynski) Константин (род. в 1817 г.) — 483
Богшич (Bogšič) Балтазар (1834—1908) — 612
Бодлер (Baudelaire) Шарль (1821—1867) — 579
Боливар-и-Понте (Bolivar y Ponte) Симон (1783—1830) — 306, 320
Больте (Volte) Фридрих — 555, 566, 586
Бональд (Bonald) Луи Габриель Амбруаз (1754—1840) — 33
Бонапарт Луи — см. *Наполеон III*
Бонхорст (Bonhorst) Леонхард (род. в 1840 г.) — 499
Боркгейм (Borkheim) Сигизмунд Людвиг (1825—1885) — 512
Борн (Born) Стефан (1824—1898) — 94, 177—179, 222, 227
Борнштедт (Bornstedt) Адальберт (1808—1851) — 69, 140, 141, 172, 392
Боррош (Borrosch) Алоиз (1797—1869) — 199
Борхардт (Borchardt) Фридрих — 203
Боткин Василий Петрович (1811—1869) — 60
Ботта (Botta) Карло (1766—1837) — 617
Боярдо (Boiardo) Маттео Мария (1441—1494) — 292
Брайт (Bright) Джон (1811—1889) — 310
Бракке (Braske) Вильгельм (1842—1880) — 499, 501, 523, 585, 587, 594, 595, 602, 624, 626, 628, 629
Бранденбург (Brandenburg) Фридрих Вильгельм (1792—1850) — 207
Брауншвейгский Карл-Вильгельм-Фердинанд (1735—1806) — 16
Брей (Brau) Джон Фрэнсис (1809—1895) — 98, 126, 127
Бриссо (Brissot) Жак Пьер (1754—1793) — 122
Бронте (Brontë) Шарлотта (1816—1855) — 368, 578
Бронте (Brontë) Эмили (1818—1848) — 578
Бруно (Bruno) Джордано (1548—1600) — 292
Брусс (Brousse) Поль (1844—1912) — 637
Брюн (Bruno) Гийом (1763—1815) — 306
Буагильбер (Boisguillebert) Пьер (1646—1714) — 62, 604
Булвер-Литтон (Bulwer-Lytton) Эдуард Джордж (1803—1873) — 578
Бун (Boon) Мартин Джемс — 554
Буонарротти (Buonarrotti) Филипп (1761—1837) — 84, 90
Бурбоны (неаполитанские) — 112, 363
Бурхардт (Burghardt) Й. Э. — 159
Бурьенн (Bourrienne) Луи Антуан Фовеле де (1769—1834) — 306
Бутаевич-Петрашевский Михаил Васильевич (1821—1866) — 112—113
Бэкон (Bacon) Фрэнсис (1561—1626) — 74

- Бюргерс* (Bürgers) Генрих (1820—1878) — 59, 69, 82, 92, 135, 140, 145, 176, 181, 183, 201, 202, 270, 274, 297
- Бюхер* (Bücher) Карл (1847—1930) — 615
- Бюхнер* (Büchner) Людвиг (1824—1899) — 373, 421
- Бюше* (Bucheze) Филипп Жозеф (1796—1865) — 57, 398
- Вагнер* (Wagner) Адольф (1835—1917) — 607, 608
- Вайян* (Vaillant) Эдуар (1840—1915) — 546
- Ваксмут* (Wachsmuth) Эрнст Вильгельм Готлиб (1784—1866) — 44
- Валлау* (Wallau) Карл (1823—1877) — 94, 171, 175, 177
- Вандербилт* (Vanderbilt) Корнелий (1794—1877) — 607
- Варлен* (Varlin) Луи Эжен (1839—1871) — 472, 479, 515, 516, 531
- Варыньский* (Wagúnski) Людвик (1856—1889) — 620, 662
- Васильчиков* Александр Илларионович (1818—1881) — 612
- Ватто* (Watteau) Луи (псевдоним Денонвиль) (род. в 1824 г.) — 378
- Вашингтон* (Washington) Джордж (1732—1799) — 387
- Веерт* (Weerth) Георг (1822—1856) — 92, 100, 140, 143, 144, 150, 172, 176, 177, 181, 183, 203, 229, 230, 232, 233, 297
- Везинье* (Vésinier) Пьер (1826—1902) — 482
- Вейдемейер* (Weydemeyer) Иосиф (1818—1866) — 92, 99, 114, 121, 131, 135, 139, 233, 263, 264, 268, 280, 301, 302, 356, 359
- Вейдемейер* (Weydemeyer) Луиза — 374
- Вейдемейер* (Weydemeyer) Отто — 645
- Вейлер* (Weiler) Адам (ум. в 1894 г.) — 640
- Вейль* (Weill) Александр (1811—1899) — 70
- Вейтлинг* (Weitling) Вильгельм (1808—1871) — 59, 70, 96, 114, 116—120, 134, 197
- Вернуйе* (Vernouillet) Жюст — 585
- Вестфален* (Westphalen) Каролина фон (ум. в 1856 г.) — 17, 86
- Вестфален* (Westphalen) Людвиг фон (1770—1842) — 16, 17
- Вестфален* (Westphalen) Фердинанд фон (1799—1876) — 16
- Вестфален* (Westphalen) Эдгар фон (1819—ок. 1890) — 17, 86, 114
- Виганд* (Wigand) Отто (1795—1870) — 96, 97, 410
- Видиль* (Vidil) Жюль — 250
- Виллих* (Willich) Август (1810—1878) — 232, 238, 239, 250, 256—259, 269—272, 275
- Вильгельм I* (1797—1888) — 366, 376, 623, 625
- Вильмар* (Wilmart) Раймон — 621
- Вильнёв-Баржемон* (Villeneuve-Bargemont) Жан Поль Альбан (1784—1850) — 98
- Виттенбах* (Wyttenbach) Иоганн Гуго (1767—1848) — 14
- Вольтер* (Voltaire) Франсуа Мари (1694—1778) — 13, 22, 578
- Вольф* (Wolff) Вильгельм (1809—1864) — 93, 114, 133, 135, 140, 170, 171, 176, 177, 181, 183, 189, 201—203, 219, 222, 224, 241, 272, 296, 360, 397, 398, 412
- Вольф* (Wolff) Луиджи — 461, 483
- Вольф* (Wolff) Фердинанд (1812—1895) — 114, 131, 140, 176, 181, 184, 233
- Воровский* Вацлав Вацлавович (1871—1923) — 160
- Воронцов* Василий Павлович (1847—1918) — 659, 662
- Врангель* (Wrangel) Фридрих Генрих Эрнст (1784—1877) — 201
- Врублевский* (Wróblewski) Валерий (1836—1908) — 535, 557, 559, 563, 586
- Габлер* (Gabler) Георг Андреас (1786—1853) — 21
- Габсбурги* — 70, 191, 205, 236, 314, 326, 576, 590, 620
- Гайндман* (Hündman) Генри Майерс (1842—1921) — 641—643
- Гакстгаузен* (Haxthausen) Август (1792—1866) — 612
- Галлер* (Haller) Карл Людвиг (1768—1854) — 33
- Галль* (Gall) Людвиг (1794—1863) — 13
- Ганзemann* (Hansemann) Давид (1790—1864) — 30, 194, 195, 200
- Ганиль* (Ganilh) Шарль (1758—1836) — 97
- Ганс* (Gans) Эдуард (ок. 1798—1839) — 18
- Гарибальди* (Garibaldi) Джузеппе (1807—1882) — 363, 364, 392, 496, 579

- Гарни (Harney) Джордж Джулиан (1817—1897) — 96, 101, 154, 157, 159, 170, 194, 250, 251, 606, 670
 Гартман Лев Николаевич (1850—1908) — 580, 658
 Гаскелл (Gaskell) Элизабет (1810—1865) — 368
 Гассельман (Hasselmann) Вильгельм (род. в 1844 г.) — 626, 629
 Гауфельдт (Hatzfeldt) София (1805—1881) — 376, 378, 383
 Гверрацци (Guegazzi) Франческо Доменико (1804—1873) — 292
 Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — 18—24, 26, 28, 40—45, 51, 64, 65, 68, 110, 123, 124, 126, 127, 413, 439, 448, 449, 451, 452, 454
 Гед (Guesde) Жюль (псевдоним Матьё Жюля Базиля) (1845—1922) — 632—635, 637—639
 Гейб (Geib) Август (1842—1879) — 575, 585, 594
 Гейне (Heine) Генрих (1797—1856) — 22, 47, 48, 54, 59, 60, 69, 81, 82, 85, 263, 284
 Гейнцен (Heinzen) Карл (1809—1880) — 145—148, 270
 Геккер (Hecker) — 195
 Гельвеций (Helvétius) Клод Адриан (1715—1771) — 74
 Генрих Лев (1129—1195) — 628
 Гернер (Hepner) Адольф (1846—1923) — 559, 562, 585, 590, 645
 Гераклит (ок. 540 — ок. 480 до н. э.) — 367
 Гервег (Herwegh) Георг (1817—1875) — 47, 48, 59, 69, 85, 141, 171, 172, 392
 Герцен Александр Иванович (1812—1870) — 60, 112, 327, 511, 512, 657
 Герье Владимир Иванович (1837—1919) — 612
 Гесс (Heß) Мозес (1812—1875) — 22, 23, 30, 47, 48, 91, 100, 153, 222
 Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 146, 284, 368, 578
 Гётрек (Görtrek) Пер (1798—1876) — 159
 Гёшель (Göschel) Карл Фридрих (1784—1862) — 21
 Гизо (Guizot) Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — 62, 82, 161, 252, 253
 Гильом (Guillaume) Джемс (1844—1916) — 561, 563, 588
 Гинс (Hins) Эжен (1839—1923) — 507
 Гирке (Girke) Юлиус (ум. в 1855 г.) — 188, 189
 Гирш (Hirsch) Вильгельм — 271
 Гирш (Hirsch) Карл (1841—1900) — 499, 585, 627, 632, 641
 Гладстон (Gladstone) Уильям Юарт (1809—1898) — 310, 508, 509, 526, 534
 Глинка Михаил Иванович (1804—1857) — 653
 Глязер де Вильброр (Glaser de Willebrord) Э.— 586
 Гоббс (Hobbes) Томас (1588—1679) — 74
 Гогенцоллерны — 188, 191, 314, 394, 395, 520
 Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 653
 Годвин (Godwin) Уильям (1756—1836) — 90
 Головин Иван Гаврилович (1816—1886) — 327
 Гольбах (Holbach) Поль Анри (1723—1789) — 22
 Гомер — 16, 284, 347
 Горбунова-Каблукова Минна Карловна (1840—1931) — 606
 Готшалк (Gottschalk) Андреас (1815—1849) — 177—179, 195, 196, 204, 215, 222
 Гофман (Hoffmann) Эрнст Теодор Амадей (1776—1822) — 284
 Гракхи Тиберий и Гай (II в. до н. э.) — 579
 Грейф (Greiff) — 271
 Грили (Greeley) Хорас (1811—1872) — 303
 Гримм (Grimm) Вильгельм (1786—1859) — 284
 Гримм (Grimm) Якоб (1785—1863) — 284
 Грин (Green) Джон Ричард (1837—1883) — 611, 617
 Грот (Grote) Джордж (1794—1871) — 614
 Грюн (Grün) Карл (1817—1887) — 101, 110, 118, 121, 123, 637
 Гуго (Hugo) Густав (1764—1844) — 33
 Гулд (Gould) Джей (1836—1892) — 607
 Гюго (Hugo) Виктор (1802—1885) — 264, 496
 Д'Аламбер (D'Alembert) Жан Лерон (1717—1783) — 610
 Дана (Dana) Чарлз Андерсон (1819—1897) — 303—306

- Даниельс* (Daniels) Роланд (1819—1855) — 59, 92, 99, 100, 133, 135, 270, 274, 297
Даниельсон Николай Францевич (1844—1918) — 414, 415, 418, 419, 421, 423, 567, 586, 606, 616, 622, 652, 653, 658, 671
Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265—1321) — 264, 284, 292, 354
Дарвин (Darwin) Чарлз Роберт (1809—1882) — 579, 613
Даумер (Daumer) Георг Фридрих (1800—1875) — 254
Девиль (Deville) Габриель (1854—1940) — 585, 632, 638, 671
Дезами (Dézamy) Теодор (1803—1850) — 58, 90
Дейч Лев Григорьевич (1855—1941) — 662
Декарт (Descartes) Рене (1596—1650) — 610
Делаод (Delahodde) Люсьен (1808—1865) — 254
Делаз (Delahaye) Пьер Луи (род. в 1820 г.) — 546
Делл (Dell) Уильям — 475
Де Местр (De Maistre) Жозеф (1753—1821) — 33
Демокрит (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — 24, 25
Демулен (Desmoulin) Камилль (1760—1794) — 61
Демут (Demuth) Елена (Ленхен) (1823—1890) — 86, 284, 374, 666, 669
Де Пан (De Paere) Сезар (1842—1890) — 420, 422, 472, 479, 491, 493, 494, 509, 511, 525, 670
Депре (Deprez) Марсель (1843—1918) — 609
Дерби (Derby) Эдуард (1799—1869) — 310
Дестют де Трасу (Destutt de Tracy) Антуан Луи Клод (1754—1836) — 62
Джачини (Jacini) Стефано (1827—1891) — 611
Джой (Joy) Джемс (1853—1893) — 607
Джонс (Jones) — 96
Джонс (Jones) Эрнест Чарлз (1819—1869) — 96, 154, 155, 250—252, 299—302, 321, 378
Джонстон (Johnston) Джемс Финлей Уир (1796—1855) — 608
Джордж (George) Генри (1839—1897) — 646, 647
Джукс (Jukes) Джозеф Бит (1811—1869) — 609
Дизраэли (Disraeli) Бенджамин (1804—1881) — 310
Диккенс (Dickens) Чарлз (1812—1870) — 368, 578
Дикштейн (Dickstein) Шимон (1859—1884) — 662
Дицген (Dietzgen) Иосиф (1828—1888) — 448, 492, 559, 585, 602
Дмитриева (Томановская) Елизавета Лукинична (1851 — после 1909) — 513, 514, 531, 580
Дмитрий Донской (1350—1389) — 619
Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) — 512, 652—654, 657
Дольчино (Dolcino) (ум. в 1307 г.) — 619
Донкин (Donkin) — 669
Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895) — 653, 664
Дронке (Dronke) Эрнст (1822—1891) — 176, 177, 181, 183, 184, 195, 201, 203, 220, 229, 230, 233, 249, 297
Дункер (Duncker) Франц (1822—1888) — 352, 353
Д'Эстер (D'Ester) Карл Людвиг Иоганн (1811—1859) — 156, 198, 203, 205, 231
Дюканж (Ducange) Шарль дю Френ (1610—1688) — 293
Дюма (Dumas) Александр (1802—1870) — 284
Дюпон (Dupont) Эжен (ок. 1831—1881) — 465, 472, 479, 483, 484, 488, 490, 493, 494, 510, 516, 550, 554, 563, 586
Дюринг (Dühring) Евгений (1833—1921) — 413, 601—604, 626, 659
Елачиц (Jelačić) Иосип (1801—1859) — 204
Жан Поль (Jean Paul) — см. *Рихтер* Иоганн Пауль Фридрих
Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc) (ок. 1412—1431) — 619
Желябов Андрей Иванович (1851—1881) — 663, 664
Жигот (Gigot) Филипп Шарль (1820—1860) — 94, 114, 135, 171
Жоаннар (Johannard) Жюль (1843—1888) — 515
Жотран (Jottrand) Люсьен Леопольд (1804—1877) — 150, 151

- Жуковский* Юлий Галактионович (1833—1907) — 660
Заславский Евгений Осипович (1844—1878) — 620
Засулич Вера Ивановна (1849—1919) — 606, 612, 658, 661, 662, 665, 671
Зедт (Saedt) Отто Йозеф Арнольд (1816—1886) — 274
Зейлер (Seiler) Себастьян (ок. 1810 — ок. 1890) — 114
Зибель (Siebel) Карл (1836—1868) — 473
Зибер Николай Иванович (1844—1888) — 606
Зорге (Sorge) Фридрих Адольф (1828—1906) — 302, 422, 492, 555, 558, 559, 562, 566, 569, 574, 586, 588, 589, 592, 601, 605, 606, 632, 645, 647, 654, 669, 670
Иван III (1440—1505) — 332, 619
Иглесиас (Iglesias) Пабло (1850—1925) — 551, 620
Имандт (Imandt) Петер — 296, 359
Ирвинг (Irving) Генри (1838—1905) — 578
Йорк (York) Теодор (1830—1875) — 575
Кабе (Cabet) Этьенн (1788—1856) — 47, 57, 59, 90
Каблуков Николай Алексеевич (1849—1919) — 606
Кавур (Cavour) Камилло Бензо (1810—1861) — 361, 364
Кайзер (Kayser) Макс (1853—1888) — 626, 629
Кальдерон де ла Барка (Calderon de la Barca) Педро (1600—1681) — 292, 546
Камелина (Camélinat) Зефирен (1840—1932) — 472
Камм (Kamm) Фридрих (ум. в 1867 г.) — 302, 303
Кампгаузен (Camphausen) Людольф (1803—1890) — 30, 194
Кант (Kant) Иммануил (1724—1804) — 19
Каппони (Carroni) Джино (1792—1876) — 616
Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — 617
Карденас (Cárdenas) Франсиско (1816—1898) — 611
Кареев Николай Иванович (1850—1931) — 616
Карлейль (Carlyle) Томас (1795—1881) — 53, 98, 253, 254
Карлтон (Carleton) Уильям (1794—1869) — 616
Карпенко Андрей — 658
Касс (Casse) Жермен — 515
Кауб (Kaub) Карл — 465
Каутская (Kautsky) Минна (1837—1912) — 631
Каутский (Kautsky) Карл (1854—1938) — 631
Кауфман Илларион Игнатьевич (1848—1916) — 606
Кёлер (Köhler) И. Э. М. — 240
Кенэ (Quesnay) Франсуа (1694—1774) — 431, 432, 604
Кеплер (Kepler) Иоганн (1571—1630) — 478
Кёппен (Köppen) Карл Фридрих (1808—1863) — 22, 30, 376
Кератри (Kératry) Эмиль де (1832—1905) — 580
Кибальчич Николай Иванович (1853—1881) — 659, 664
Киль (Kyll) Ульрих Франц — 203, 216, 220
Кинкель (Kinkel) Готфрид (1815—1882) — 270
Кларендон (Clarendon) Джордж Уильям Фредерик (1800—1870) — 310
Клейн (Klein) Иоганн Якоб (род. ок. 1818 г.) — 274, 377
Клейн (Klein) Карл Вильгельм — 249
Клингс (Klings) Карл — 586
Клоут (Clouth) Вильгельм — 195
Клусс (Cluß) Адольф (ок. 1820 — после 1889 г.) — 175, 273, 276, 299, 302, 313
Книлле (Knille) Отто (1832—1898) — 578
Коббет (Cobbett) Уильям (1762—1835) — 617
Кобден (Cobden) Ричард (1804—1865) — 310
Кобленц (Coblenz) Петер Йозеф (1808—1854) — 35
Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — 576, 611, 616
Кокс (Coxe) Уильям (1747—1828) — 330

- Колен* (Colins) Жан Гийом (1783—1859) — 647
Коллет (Collet) Чарлз Добсон — 329
Комбо (Combault) Амеде Бенжамен (род. ок. 1838 г.) — 515
Комин (Comyn) Мериэн — 578
Комп (Komp) Альбрехт — 302
Консидеран (Considégrant) Виктор (1808—1893) — 34, 90
Конт (Comte) Огюст (1798—1857) — 527
Корвин-Круковская (Жаклар) Анна Васильевна (1843—1887) — 513
Корф (Korff) Герман — 195, 216
Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — 616
Костюшко (Kościuszko) Тадеуш (1746—1817) — 396
Косцельский (Kościelski) Владислав (1818—1895) — 200
Кошелев Александр Иванович (1806—1883) — 612
Кошут (Kossuth) Лайош (1802—1894) — 112, 312
Кравчинский Сергей Михайлович (псевдоним Степняк) (1851—1895) — 580, 659, 662
Криге (Kriege) Герман (1820—1850) — 119—121
Кример (Cramer) Уильям Рандал (1838—1908) — 462, 470
Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921) — 588
Кугельман (Kugelman) Гертруда (род. ок. 1839 г.) — 410, 411
Кугельман (Kugelman) Людвиг (1828—1902) — 359, 399, 406, 410, 411, 416, 417, 449, 484, 487, 492, 500, 508, 529, 530, 538, 559, 575, 576, 581
Кугельман (Kugelman) Франциска (1858 — ок. 1930) — 653
Кульман (Kuhlmann) Георг (род. в 1812 г.) — 110
Кун (Kun) Бела (1886—1939) — 160
Куно (Cuno) Теодор Фридрих (1847—1934) — 551, 559, 565, 586, 670
Купер (Cooper) Томас (1805—1892) — 115
Кэд (Cade) Джек (ум. в 1450 г.) — 619
Кэри (Carey) Генри Чарлз (1793—1879) — 302, 419, 604
Кюльветтер (Kühlwetter) Фридрих (1809—1882) — 196
Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — 530, 580, 585, 588, 606, 643, 658, 659, 665, 671, 682
Лагранж (Lagrange) Жозеф Луи (1736—1813) — 610
Ладендорф (Ladendorf) Август — 491
Ламенне (Lamennais) Фелисите Робер де (1782—1854) — 47
Ланге (Lange) Фридрих Альберт (1828—1875) — 637
Ланкестер (Lankester) Эдвин Рей (1847—1929) — 672
Лапинский (Lapinski) Теофиль (1826—1886) — 392
Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825—1864) — 209, 233, 252, 306, 352, 364, 367—371, 374, 376, 377, 380, 398—401, 473, 474, 501, 591, 592, 596, 637, 642, 659
Лафарг (Lafargue) Поль (1842—1911) — 281, 421, 483, 492, 495, 506, 510, 515, 516, 530, 549, 551, 553, 559, 560, 562, 568, 572, 580, 581, 610, 621, 632—635, 637, 638, 653, 672
Лашатр (Lachâtre) Морис (1814—1900) — 418
Леббок (Lubbock) Джон (1834—1913) — 615
Лев XIII (1810—1903) — 624
Левассёр (Levasseur) Рене (1747—1834) — 61
Леви (Levi) Густав — 298
Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin) Александр Огюст (1807—1874) — 151, 232, 269
Лейбниц (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646—1716) — 13, 16, 610
Леклерк (Leclerc) Теофиль (род. в 1771 г.) — 90
Лекрафт (Lucraft) Бенджамин (1809—1897) — 489, 542
Лелевель (Lelewel) Иоахим (1786—1861) — 94, 150, 158, 295
Ле Любе (Le Lubez) Виктор П. (род. ок. 1834 г.) — 461, 462, 477
Леман (Lehmann) Альберт — 257, 258
Ленин Владимир Ильич (1870—1924) — 4, 5, 7, 47, 48, 54, 72, 77, 79, 83, 86, 109, 120, 126, 157, 160, 161, 179, 184—186, 188, 190, 191, 214, 226, 235, 239, 246, 255, 261,

- 268, 278, 321, 324, 341, 358, 371, 381, 433, 448, 449, 455, 460, 486, 511, 513, 527, 530, 537, 560, 571, 573, 582, 590, 594, 595, 597, 598, 621, 627, 646, 654, 664, 676—679, 681, 682
- Лео* (Leo) Генрих (1799—1878) — 33, 618
- Лермонтов* Михаил Юрьевич (1814—1841) — 653
- Лёрс* (Loers) Витус (ум. в 1862 г.) — 15
- Леру* (Leroux) Пьер (1797—1871) — 34, 57
- Леруа-Больё* (Leroy-Beaulieu) Анатолий (1842—1912) — 612
- Леске* (Leske) Карл Фридрих Юлиус (1821—1886) — 99
- Лессинг* (Lessing) Готхольд Эфраим (1729—1781) — 13, 22
- Лесснер* (Lessner) Фридрих (1825—1910) — 154, 160, 206, 216, 270, 274, 359, 396, 415, 465, 479, 490—493, 497, 502, 507, 550, 554, 670, 672
- Либих* (Liebig) Юстус (1803—1873) — 287, 408
- Либкнехт* (Liebknecht) Вильгельм (1826—1900) — 264, 274, 283, 296, 300, 374, 401, 409, 473, 474, 478, 481, 492, 498—501, 507, 522, 523, 529, 532, 549, 559, 575, 580, 585, 586, 590—594, 602, 603, 626—630, 656, 670, 672, 676
- Либкнехт* (Liebknecht) Эрнестина (ум. в 1867 г.) — 374, 409
- Лимузен* (Limousin) Шарль — 471, 479
- Линкольн* (Lincoln) Авраам (1809—1865) — 383—385, 387, 471
- Лиссагаре* (Lissagaray) Проспер Оливье (1838—1901) — 587, 588
- Лист* (List) Фридрих (1789—1846) — 87, 604
- Лойд* (Loyd) Самуэл Джонс, барон Оверстон (1796—1883) — 289
- Локк* (Locke) Джон (1632—1704) — 13, 16, 74
- Лонге* (Longuet) Анри (1878—1883) — 581
- Лонге* (Longuet) Жан (1876—1938) — 581
- Лонге* (Longuet) Женни (1882—1952) — 581
- Лонге* (Longuet) Марсель (1881—1949) — 581
- Лонге* (Longuet) Шарль (1839—1903) — 483, 495, 524, 557, 559, 565, 580, 633, 636, 666, 672
- Лонге* (Longuet) Эдгар (1879—1950) — 581
- Лопатин* Герман Александрович (1845—1918) — 414—416, 525, 548, 580, 586, 658, 661, 664, 671
- Лопе де Вега* (Lope de Vega) Феликс (1562—1635) — 546
- Лоренцо* (Lorenzo) Ансельмо (1841—1914) — 545, 546
- Лоу* (Lowe) Роберт (1811—1892) — 576
- Лохнер* (Lochner) Георг (род. ок. 1824 г.) — 296, 359, 465, 550, 670, 672
- Луи-Филипп* (1773—1850) — 168
- Лукреций* (Тит Лукреций Кар) (ок. 99—55 до н. э.) — 24
- Любавин* Николай Николаевич (1845—1918) — 415
- Людвик XI* (1423—1483) — 618
- Людвик XV* (1710—1774) — 476
- Люнинг* (Lüning) Отто (1818—1868) — 118
- Мабли* (Mably) Габриэль (1709—1785) — 90
- Мадзини* (Mazzini) Джузеппе (1805—1872) — 312, 362—366, 461, 462, 483
- Мак-Доннел* (MacDonnel) Джозеф Патрик (1847—1906) — 586, 645
- Мак-Куллох* (MacCulloch) Джон Рамси (1789—1864) — 62, 97
- Макиавелли* (Machiavelli) Николо (1469—1527) — 45, 292, 617
- Макларен* (MacLaren) Джемс — 353
- Макларен* (MacLaurin) Колин (1698—1746) — 610
- Малон* (Malon) Бенуа (1841—1893) — 637
- Малхолл* (Mullhals) Майкл Джордж — 617
- Мальтус* (Malthus) Томас Роберт (1766—1834) — 428, 675
- Мантёйфель* (Manteuffel) Отто Теодор (1805—1882) — 210, 219, 229, 376
- Маркгейм* (Markheim) Берта — 406
- Маркович* Светозар (1846—1875) — 513
- Маркс* (Marx) Генриетта, урожденная Пресборк (1787—1863) — 12, 14, 377
- Маркс* (Marx) Генрих (1782—1838) — 12, 13, 15—17

- Маркс* (Marx) Генрих Гвидо (1849—1850) — 280, 281
Маркс (Marx) Женни, урожденная фон Вестфален (1814—1881) — 16—18, 40, 41, 85, 86, 171, 233, 234, 238, 273, 280—282, 305, 374, 375, 397, 406, 409, 412, 423, 578, 652, 666, 667
Маркс (Marx) Женни (по мужу Лонге) (1844—1883) — 60, 61, 284, 416, 479, 509, 549, 579—581, 664, 666—669
Маркс (Marx) Лаура (по мужу Лафарг) (1845—1911) — 86, 284, 421, 479, 515, 516, 549, 551, 559, 579—581, 668, 672
Маркс (Marx) Луиза (по мужу Юта) (1821—1893) — 14
Маркс (Marx) Софья (по мужу Шмальгаузен) (1816 — ок. 1897) — 14
Маркс (Marx) Франциска (1851—1852) — 281
Маркс (Marx) Фрэнсис Джозеф Питер (1816—1876) — 327
Маркс (Marx) Эдгар («Муш») (1846—1855) — 86, 281, 284, 286
Маркс (Marx) Элеонора (по мужу Эвелинг) (1855—1898) — 14, 60, 282, 284, 330, 423, 549, 575, 577—581, 585, 617, 666, 667, 669—672
Маркс (Marx) Эмилия (по мужу Конради) (1822—1888) — 14
Марриэт (Marryat) Фредерик (1792—1848) — 284
Массар (Massard) Эмиль — 632
Маурер (Maurer) Георг Людвиг (1790—1872) — 611
Мёзер (Möser) Юстус (1720—1794) — 45
Мейен (Meuyen) Эдуард (1812—1870) — 37
Мейер (Meyer) Зигфрид (ок. 1840—1872) — 419, 421, 510
Мейер (Meyer) Рудольф Герман (1839—1899) — 607
Мейер (Meyer) Юлиус Лотар (1830—1895) — 608
Мейн (Maine) Генри Джемс Самнер (1822—1888) — 611, 615
Мейрер (Mäurer) Герман (1813 — ок. 1882) — 59
Мейснер (Meissner) Отто Карл (1819—1902) — 408, 410, 416, 575
Меллине (Mellinet) Франсуа (1768—1852) — 150
Меммингер (Memminger) Антон (1846 — ок. 1924) — 88
Меринг (Mehring) Франц (1846—1919) — 5, 6, 281
Мерославский (Mieroslawski) Людвик (1814—1878) — 296
Мёррей (Murray) Чарлз — 554
Меса-и-Леопарт (Mesa y Leopart) Хоце (1840—1904) — 160, 551, 585, 620, 638, 670
Меттерних (Metternich) Клеменс (1773—1859) — 112, 161, 168
Микель (Miquel) Иоганн (1828—1901) — 297
Милль (Mill) Джемс (1773—1836) — 97, 442, 458
Милль (Mill) Джон Стюарт (1806—1873) — 62, 97—98, 421, 491, 496
Милнер (Milner) Джордж — 554
Минье (Mignet) Франсуа Огюст Мари (1796—1884) — 62
Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — 660—661
Мошотт (Moleschott) Якоб (1822—1893) — 373
Моль (Moll) Иосиф (1812—1849) — 95, 96, 115, 132, 133, 153, 170, 171, 196, 198, 201, 202, 204, 221, 222, 238
Мольер (Molière) Жан Батист (1622—1673) — 578
Моммзен (Mommsen) Теодор (1817—1903) — 614
Монтескьё (Montesquieu) Шарль Луи (1689—1755) — 45
Мора (Mora) Франсиско (1842—1924) — 551
Морган (Morgan) Льюис Генри (1818—1881) — 613—615
Морелли (Morelly) (XVIII в.) — 90
Морозов Николай Александрович (1854—1946) — 658, 662, 663, 665
Моррис (Morris) Уильям (1834—1896) — 643
Мост (Most) Иоганн (1846—1906) — 586, 626, 629, 664
Мюллер (Müller) Эдуард (1804—1875) — 292
Мюллер (Müller) Якоб (род. в 1825 г.) — 222
Мюльбергер (Mülberger) Артур (1847—1907) — 591
Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — 9, 10, 176, 214, 334

- Наполеон III* (Луи-Наполеон Бонапарт) (1808—1873) — 184, 232, 240, 263, 264, 266—268, 311, 312, 321, 361—366, 371, 373, 383, 391, 476, 480, 516, 520, 522, 537, 624
- Некрасов Николай Алексеевич* (1821—1878) — 653
- Нечаев Сергей Геннадиевич* (1847—1882) — 548
- Нибур* (Niebuhr) Бартольд Георг (1776—1831) — 349
- Нобилинг* (Nobiling) Карл Эдуард (1848—1878) — 623, 625, 626
- Нобре-Франса* (Nobre-França) Хосе — 551
- Нотомб* (Nothomb) Жан Батист (1805—1881) — 84
- Нотъюнг* (Nothjung) Петер (1821—1866) — 222, 270, 274
- Ньочки-Виани* (Gnocchi-Viani) Освальдо (1837—1917) — 585
- Ньювенгейс* (Nieuwenhuis) Фердинанд Домела (1846—1919) — 620, 622, 670, 671
- Ньютон* (Newton) Исаак (1642—1727) — 16, 610
- Обнорский Виктор Павлович* (1852—1919) — 621,
- Оджер* (Odger) Джордж (1813—1877) — 470, 489, 508, 542
- О'Коннор* (O'Connor) Фергюс (1794—1855) — 115, 251
- Оппенгейм* (Oppenheim) Дагоберт (1809—1889) — 39
- Оппенгейм* (Oppenheim) Макс — 575
- Оспиталье* (Hospitalier) Эдуар — 609
- Отто* (Otto) Карл Вунибальд (род. в 1810 г.) — 274
- Оуэн* (Owen) Роберт (1771—1858) — 12, 52, 90, 98, 167, 468, 603
- Пальмерстон* (Palmerston) Генри Джон Темпл (1784—1865) — 299, 309, 310, 323, 329—331, 391, 509
- Пейн* (Paine) Томас (1737—1809) — 13
- Перовская Софья Львовна* (1853—1881) — 664
- Перре* (Perret) Анри — 548, 585—586
- Петр I* (1672—1725) — 330—333, 617
- Петти* (Petty) Уильям (1623—1687) — 440, 604
- Пеше* (Peuchet) Жак (1758—1830) — 91
- Пиа* (Pyat) Феликс (1810—1889) — 517
- Пио* (Pio) Луи (1841—1894) — 585, 586
- Пипер* (Pieper) Вильгельм (род. ок. 1826 г.) — 296, 297, 299, 302
- Плеханов Георгий Валентинович* (1856—1918) — 160, 662, 665, 671
- Плутарх* (ок. 46—126) — 24
- Поляков Николай Петрович* (ок. 1841—1905) — 414
- Поппе* (Porpe) Иоганн Генрих Мориц (1776—1854) — 287
- Потье* (Pottier) Эжен (1816—1887) — 579
- Прудон* (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865) — 34, 47, 57, 59, 79, 90, 121—130, 179, 262—264, 357, 420, 471, 473, 479, 495, 634, 659
- Пушкин Александр Сергеевич* (1799—1837) — 368, 653
- Пфендер* (Pfänder) Карл (1818—1876) — 238, 239, 257, 296, 359, 465
- Пютман* (Püttmann) Герман (1811—1894) — 118
- Радецкий* (Radetzky) Йозеф (1766—1858) — 169, 198, 227
- Разин Степан Тимофеевич* (ум. в 1671 г.) — 616
- Ранке* (Ranke) Иоганн (1836—1916) — 609
- Расин* (Racine) Жан (1639—1699) — 578
- Распайль* (Raspail) Франсуа (1794—1878) — 313
- Рассел* (Russell) Джон (1792—1878) — 309, 310
- Рёзер* (Röser) Петер Герхард (1814—1865) — 222, 245, 270, 274
- Рейнхардт* (Reinhardt) Рихард (1829—1898) — 263
- Рейф* (Reiff) Вильгельм Йозеф (род. ок. 1824 г.) — 222, 274
- Рикардо* (Ricardo) Давид (1772—1823) — 62, 64, 97, 98, 124, 128, 129, 287—291, 346, 355, 412, 425, 438, 440—442, 604, 647
- Рингс* (Rings) Л. В. — 274
- Риттингхаузен* (Rittinghausen) Мориц (1814—1890) — 507
- Рихтер* (Richter) Иоганн Пауль Фридрих (псевдоним Жан Поль) (1763—1825) —

- Ришелье* (Richelieu) Арман Жан дю Плесси (1585—1642) — 399
Робен (Robin) Поль (1837—1912) — 509, 528
Робеспьер (Robespierre) Максимилиан (1758—1794) — 61
Родбертус-Ягецов (Rodbertus-Jagetzow) Иоганн Карл (1805—1875) — 607, 608, 642
Роджерс (Rogers) Джеймс Эдвин Торолд (1823—1890) — 409
Рокфеллер (Rockefeller) Джон Дэвисон (1839—1937) — 607
Романовы — 394
Роско (Roscoe) Генри Энфилд (1833—1915) — 608
Ру (Roux) Жак (1752—1794) — 90
Руа (Roy) Жозеф — 418
Руге (Ruge) Арнольд (1802—1880) — 21, 28, 29, 31, 37, 39—42, 46—48, 54—56, 59, 69—71, 74, 122, 145, 270, 327
Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712—1778) — 13, 22, 45
Рутенберг (Rutenberg) Адольф (1808—1869) — 22
Рюккерт (Rückert) Фридрих (1788—1866) — 284
Савиньи (Savigny) Фридрих Карл (1779—1861) — 33
Сазонов Николай Иванович (1815—1862) — 60, 327
Салтыков Алексей Дмитриевич (1806—1859) — 294
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) — 650, 653
Санд (Sand) Жорж (1804—1876) — 131
Сегюр (Ségur) Филипп Поль (1780—1873) — 330, 617
Семенов-Тянь-шаньский Петр Петрович (1827—1914) — 612
Сен-Жюст (Saint-Just) Луи Антуан (1767—1794) — 61
Сениор (Senior) Нассау Уильям (1790—1864) — 97
Сен-Поль (Saint-Paul) Вильгельм (ок. 1815—1852) — 38
Сен-Симон (Saint-Simon) Анри (1760—1825) — 12, 16, 43, 57, 84, 87, 90, 167
Сервантес де Сааведра (Cervantes de Saavedra) Мигель (1547—1616) — 146, 284, 292, 368
Серно-Соловьевич Александр Александрович (1838—1869) — 512
Серрайе (Serrailier) Огюст (род. в 1840 г.) — 525, 530, 531, 550, 563
Симон (Simon) Людвиг (1810—1872) — 205
Симсон (Simson) Мартин Эдуард Сигизмунд (1810—1899) — 376
Сисмонди (Sismondi) Жан Шарль Леонар Симонд де (1773—1842) — 99, 412
Скарбек (Skarbek) Фредерик (1792—1866) — 62
Скотт (Scott) Вальтер (1771—1832) — 284
Смит (Smith) Адам (1723—1790) — 62, 64, 97, 124, 128, 287, 288, 438, 440, 441
Соколовский Павел Александрович (1842—1906) — 612
Сократ (ок. 469—399 до н. э.) — 577
Софокл (ок. 497—406 до н. э.) — 284
Спартак (ум. в 71 г. до н. э.) — 478
Спенсер (Spencer) Герберт (1820—1903) — 294
Степняк-Кравчинский С. М. — см. *Кравчинский* С. М.
Стефанович Яков Васильевич (1854—1915) — 662
Струве (Struve) Густав (1805—1870) — 145, 270
Свунтон (Swinton) Джон (1830—1901) — 577, 647, 676
Сэй (Say) Жан Батист (1767—1832) — 62, 288
Тайлер (Tyler) Уот (ум. в 1381 г.) — 619
Такер (Tucker) — 329
Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord) Шарль Морис (1754—1838) — 322
Тацит Публий Корнелий (ок. 55 — ок. 120) — 264
Тедеско (Tedesco) Виктор (1821—1897) — 94
Тейлор (Taylor) Брук (1685—1731) — 610
Тейлор (Tylor) Эдуард Барнет (1832—1917) — 615
Теккерей (Thackeray) Уильям Мейкпис (1811—1863) — 368, 578
Теренций (Публий Теренций Афер) (ок. 185—159 г. до н. э.) — 146
Тирсо де Молина (Tirso de Molina) (ум. в 1648 г.) — 546
Ткачев Петр Никитич (1844—1885) — 659

- Толен (Tolain) Анри Луи (1828—1897) — 471, 472, 476, 479, 491, 494, 542
 Томпсон (Thompson) Уильям (1785—1833) — 98, 126
 Траубе (Traube) Мориц (1826—1894) — 609
 Тридон (Tridon) Эдм Мари Гюстав (1841—1871) — 515
 Трусов Антон Данилович (1835—1886) — 513
 Трюбнер (Trübner) Николаус (1817—1884) — 328
 Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 653
 Тьер (Thiers) Адольф (1797—1877) — 528, 529, 532, 535, 542
 Тьерри (Thierry) Огюстен (1795—1856) — 62, 293, 294
 Уотс (Watts) Джон (1818—1887) — 409
 Уркарт (Urquhart) Давид (1805—1877) — 328—330
 Успенский Глеб Иванович (1843—1902) — 661
 Утешенович Огнеслав М. (род. в 1817 г.) — 612
 Утин Николай Исаакович (1845—1883) — 511, 513, 514, 545, 548, 575
 Уэстон (Weston) Джон — 461, 468, 469
 Фавр (Favre) Жюль (1809—1880) — 527, 532, 534, 535, 542
 Фейербах (Feuerbach) Людвиг (1804—1872) — 21, 26—28, 41—43, 46—49, 52, 58, 65, 66, 68, 69, 72, 79, 80, 84, 88—90, 100—102, 106, 108, 110, 119, 413, 418
 Ферме (Fermé) — 668
 Ферре (Ferré) Теофиль Шарль (1845—1871) — 515
 Филдинг (Fielding) Генри (1707—1754) — 284
 Филипс (Philips) Антуанетта (Наннетта) (ок. 1837—1885) — 376, 477
 Филипс (Philips) Лион (ум. в 1866 г.) — 375, 477
 Фир (Phear) Джон (1825—1905) — 612
 Фихте (Fichte) Иоганн Готлиб (1762—1814) — 19
 Фишер (Vischer) Фридрих Теодор (1807—1887) — 292
 Флёри (Fleury) Чарлз (настоящее имя Карл Фридрих Август Краузе) (род. в 1824 г.) — 271
 Флеровский Н. (псевдоним Берви Василий Васильевич) (1829—1918) — 420, 421, 513, 514
 Флокон (Flocon) Фердинан (1800—1866) — 170
 Фоглер (Vogler) К. Г. — 125
 Фогт (Vogt) Август (ок. 1830 — ок. 1883) — 510
 Фогт (Vogt) Карл (1817—1895) — 371—374, 405
 Фокс (Fox) Питер (настоящее имя Питер Фокс Андре) (ум. в 1869 г.) — 475, 476, 489
 Фольмар (Vollmar) Георг (1850—1922) — 629, 630, 688
 Фонтана (Fontana) Джузеппе — 462
 Фонтен (Fontaine) Леон — 472
 Франк (Frank) А. — 125
 Франкель (Frankel) Лео (1844—1896) — 160, 515, 531, 532, 557, 559, 586, 588, 620
 Фрёбель (Fröbel) Юлиус (1805—1893) — 47, 74, 145, 199
 Фрейлиграт (Freiligrath) Фердинанд (1810—1876) — 93, 145, 183, 203, 204, 220, 230, 233, 238, 272, 284, 360, 369, 372, 376
 Фрейтаг (Freitag) Густав (1816—1895) — 376
 Френкель (Fränkel) — 257
 Фрибур (Fribourg) Эрнест Эдуар — 471, 476, 479, 586
 Фридлендер (Friedländer) Макс (1829—1872) — 382, 383
 Фридрих-Вильгельм III (1770—1840) — 14
 Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861) — 28, 82, 112, 207, 227
 Фрицше (Fritzsche) Фридрих Вильгельм (1825—1905) — 629
 Фульд (Fould) — Ашиль (1800—1867) — 240
 Фурье (Fourier) Шарль (1772—1837) — 12, 57, 84, 90, 91, 167
 Халтурин Степан Николаевич (1856—1882) — 621, 658
 Хансен (Hanssen) Георг (1809—1894) — 611
 Хартуэлл (Hartwell) Роберт (род. ок. 1812 г.) — 475
 Хауде (Haude) — 222

- Хауэлл (Howell) Джордж (1833—1910) — 586
 Хёдель (Hödel) Макс (1857—1878) — 623, 626
 Хейлз (Hales) Джон (род. в 1839 г.) — 554, 556
 Хейльберг (Heilberg) Луи (1818—1852) — 114
 Хёхберг (Höchberg) Карл (1853—1885) — 627—629
 Хинрикс (Hinrichs) Герман Фридрих Вильгельм (1794—1861) — 21
 Хуарес (Juárez) Бенито Пабло (1806—1872) — 383
 Цвейфель (Zweiffel) — 195, 210, 211, 216
 Цедлиц-Нейкирх (Zedlitz-Neukirch) Константин (род. в 1813 г.) — 377
 Циц (Zitz) Франц (1803—1877) — 205
 Чаргорьский (Czartoryski) Владислав (1828—1894) — 391
 Чатам (Chetham) Хамфри — 95
 Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — 414, 415, 421, 511—514, 567, 606, 632, 651—654, 657, 659
 Чех (Tschech) Генрих Людвиг (1789—1844) — 82
 Чингис-хан (ок. 1155—1227) — 333
 Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — 612
 Шабри (Chabry) Жюль (1846—1893) — 632
 Шамиссо (Shamisso) Адельберт фон (1781—1838) — 284, 579
 Шапер (Schaper) фон — 31, 35
 Шанпер (Schapper) Карл (1812—1870) — 95, 96, 115, 121, 132, 153, 154, 170, 172, 177, 196, 198, 201, 202, 204, 210, 216, 217, 220, 222, 224, 238, 256—259, 270, 271, 275, 298
 Шатобриан (Chateaubriand) Франсуа Рене (1768—1848) — 45
 Шварцер (Schwarzer) Эрнст (1808—1860) — 199
 Швейхель (Schweichel) Роберт (1821—1907) — 500
 Швейцер (Schweitzer) Иоганн Баптист (1834—1875) — 473, 474, 498—501
 Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861) — 653
 Шекспир (Shakespeare) Вильям (1564—1616) — 146, 284, 346, 368, 369, 578
 Шелли (Shelley) Перси Биши (1792—1822) — 579
 Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм (1775—1854) — 47, 52
 Шёнбейн (Schönbein) Христиан Фридрих (1799—1868) — 408
 Шеню (Chenu) Адольф (род. ок. 1817 г.) — 254
 Шеффле (Schäffle) Альберт Эберхард Фридрих (1831—1903) — 607
 Шили (Schily) Виктор (1810—1875) — 197, 471, 472, 492
 Шиллер (Schiller) Фридрих (1759—1805) — 369
 Шлейден (Schleiden) Маттиас Якоб (1804—1881) — 609
 Шлёффель (Schlöffel) Фридрих Вильгельм (1800—1870) — 205
 Шлоссер (Schlosser) Фридрих Христоф (1776—1861) — 295, 617
 Шмерлинг (Schmerling) Антон фон (1805—1893) — 382
 Шнейдер II (Schneider) Карл — 198, 201, 209, 210, 216—217, 220, 224, 273, 377
 Шо (Shaw) Роберт (ум. в 1869 г.) — 470
 Шорлеммер (Schorlemmer) Карл (1834—1892) — 608, 672
 Шрамм (Schramm) Карл Август — 627, 628
 Шрамм (Schramm) Конрад (ок. 1822—1858) — 238, 257, 296, 297
 Штайнинггер (Steininger) Иоганн (1794—1874) — 14
 Шталь (Stahl) Фридрих Юлиус (1802—1861) — 33
 Штейн (Stein) Юлиус (1813—1883) — 200
 Штибер (Stieber) Вильгельм (1818—1882) — 271, 274
 Штирнер (Stirner) Макс (псевдоним Каспара Шмидта) (1806—1856) — 36, 100, 110
 Штраус (Strauß) Давид Фридрих (1808—1874) — 21, 27
 Штумпф (Stumpf) Пауль (1827—1912) — 491
 Шульце-Делич (Schulze-Delitzsch) Герман (1808—1883) — 252, 400, 480
 Шуриц (Schurz) Карл (1829—1906) — 198
 Эбер (Hébert) Жак Рене (1757—1794) — 90
 Эвелинг (Aveling) Эдуард (1851—1898) — 581
 Эвербек (Ewerbeck) Август Герман (1816—1860) — 59, 69, 85, 115, 118, 222

- Эд (Eudes) Эмиль Дезире Франсуа (1843—1888) — 515
 Эдмондс (Edmonds) Томас Роу (1803—1889) — 98
 Эйлер (Euler) Леонард (1707—1783) — 610
 Эйххоф (Eichhoff) Вильгельм Карл (1833—1895) — 500, 585
 Эйххоф (Eichhoff) Фредерик Густав (1799—1875) — 295
 Эккариус (Eccarius) Иоганн Георг (1818—1889) — 221, 238, 241, 257, 259, 296, 297, 299, 302, 396, 461, 462, 476, 479, 490—493, 497, 507, 526, 556
 Эльснер (Elsner) Карл Фридрих Мориц (1809—1894) — 306
 Имбер (Imbert) Жак (1793—1851) — 150
 Энгельгардт Александр Николаевич (1832—1893) — 608
 Энгельс (Engels) Фридрих (1820—1895) — 3—6, 12, 14, 20, 30, 40, 45, 48, 51—56, 61, 63, 70—76, 78—81, 84, 86—88, 90—98, 100—111, 113—115, 117—120, 123, 124, 132—136, 139—141, 143—146, 149, 151—166, 168, 169, 171—177, 179—184, 186, 187, 190, 192, 195, 197, 199, 201—203, 214—217, 219, 220, 222, 223, 225—232, 234, 236—241, 245—264, 267, 269—275, 277, 279, 281, 284—286, 288—293, 295—299, 301, 302, 304—307, 311, 315, 320—328, 330, 332, 336, 337, 340, 341, 353, 357, 359—362, 364—372, 374—379, 381—384, 386, 389—393, 395—402, 405, 406, 408—413, 416, 418, 420, 422—424, 439, 443, 448, 451, 452, 460—464, 470, 473—476, 478, 480—484, 488, 492, 495, 498, 501, 502, 504, 507, 512, 516, 517, 519, 522—524, 526—528, 535, 537, 540—554, 558, 559, 562, 563, 565—570, 574, 575, 577, 582, 585, 586, 588—595, 601—604, 606, 609, 613, 614, 617, 619, 621, 622, 624, 626—641, 644—646, 649, 653—659, 661, 663—665, 667—672, 674, 676—679
 Эпикур (ок. 341 — ок. 270 до н. э.) — 23—25
 Эрхардт (Erhardt) Иоганн Людвиг Альберт (род. ок. 1820 г.) — 274
 Эссер (Esser) — 47
 Эссер (Esser) Христиан Йозеф (род. ок. 1809 г.) — 222
 Эсхил (525—456 до н. э.) — 284
 Ювенал Децим Юний (род. в 60-х гг.— ум. после 127 г.) — 264
 Юм (Hume) Давид (1711—1776) — 617
 Юнг (Jung) Георг (1814—1886) — 85
 Юнг (Jung) Герман (1830—1901) — 465, 479, 483, 484, 490, 531
 Юнге (Junge) Адольф Фридрих — 94, 135
 Юр (Ure) Эндрю (1778—1857) — 287
 Якоби (Jacobi) Абраам (1830—1919) — 274, 297, 302
 Якоби (Jacoby) Иоганн (1805—1877) — 28, 205

Оглавление

Введение	3
<i>Глава первая</i>	
Путь к материализму и коммунизму	9
Детство и юность	12
Студенческие годы в Бонне и Берлине	15
Изучение философии Гегеля. В кругу младогегельянцев	19
Докторская диссертация	23
Отношение к Фейербаху	26
Начало политической деятельности. Статья против прусской цензуры	28
Сотрудник и редактор «Rheinische Zeitung»	29
Революционно-демократические идеи в публицистике Маркса	31
Конфликт со «Свободными»	36
Запрещение «Rheinische Zeitung»	37
В Крейцнахе. Рукопись «К критике гегелевской философии права». Тетради по истории	40
Подготовка издания «Deutsch-Französische Jahrbücher». Переезд в Париж	46
Окончательный переход к материализму и коммунизму	48
Пролог великой дружбы	51
«Deutsch-Französische Jahrbücher» в оценке современников	53
<i>Глава вторая</i>	
Начало разработки основ пролетарского мировоззрения	55
Разрыв с Руге	—
Маркс в Париже в 1844 году	56
Научные занятия	61
«Экономическо-философские рукописи 1844 года»	63
Сотрудничество в газете «Vorwärts!»	69
Историческая встреча	71
Подготовка к совместному с Энгельсом выступлению против младогегельянцев	72
«Святое семейство»	74
Высылка из Парижа	81

<i>Глава третья</i>	
Материалистическое понимание истории	83
В Брюсселе	—
Приезд Энгельса. Замысел нового философского труда	86
«Тезисы о Фейербахе»	88
«Библиотека выдающихся иностранных социалистов». Выступление в печати	90
Первые последователи	91
Поездка в Англию	94
Критическое изучение политической экономии и социалистической литературы	97
Работа над «Немецкой идеологией»	100
<i>Глава четвертая</i>	
Начало борьбы за пролетарскую партию. Создание программы международного рабочего движения	111
Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет	113
Разрыв с Вейтлингом	116
Борьба против «истинного социализма»	118
Разногласия с Прудоном	121
«Нищета философии»	125
Основание Союза коммунистов	131
Немецкое рабочее общество в Брюсселе	135
«Наемный труд и капитал»	136
Борьба за печатный орган	139
На международном конгрессе экономистов	143
Полемика с Гейнценом	145
Борьба за сплочение революционных сил	149
Второй конгресс Союза коммунистов	152
После конгресса	156
Работа над «Манифестом Коммунистической партии»	158
Первый программный документ марксизма	160
<i>Глава пятая</i>	
В период революций 1848—1849 годов	168
Начало революций в Европе. Высылка Маркса из Брюсселя	—
Маркс в Париже. Борьба против планов «экспорта революции»	171
«Требования Коммунистической партии в Германии»	172
Начало деятельности в революционной Германии	175
Против позиций Готшалка и Борна	177
На пролетарском фланге демократического движения	179
Главный редактор «Neue Rheinische Zeitung»	181
Борьба за доведение буржуазно-демократической революции до конца	185

Поддержка борьбы угнетенных народов. Внешнеполитическая позиция «Neue Rheinische Zeitung»	189
Июньское восстание в Париже	192
Революционный орган пролетариата	193
Против наступления контрреволюции. Деятельность Маркса в Кёльнском рабочем союзе и Демократическом обществе	194
Поездка в Берлин и Вену	198
Сентябрьский кризис в Германии	200
Октябрьское восстание в Вене	204
В борьбе против контрреволюционного переворота в Пруссии	206
Первые итоги и перспективы германской и европейской революций	212
За единство демократических сил	214
Два судебных процесса	216
Маркс в феврале — марте 1849 года	219
Практические шаги по созданию массовой пролетарской партии «Neue Rheinische Zeitung» и национально-освободительная борьба в Венгрии и Италии	225
Поражение восстаний на Рейне. Прекращение издания «Neue Rheinische Zeitung»	227
В Юго-Западной Германии	230
Снова в Париже. 13 июня	232
Первая историческая проверка марксизма	234
<i>Глава шестая</i>	
Обобщение уроков революции	236
Первые месяцы в Лондоне	—
«Neue Rheinische Zeitung, Politisch-ökonomische Revue»	239
«Классовая борьба во Франции»	241
В борьбе за реорганизацию Союза коммунистов. Мартовское «Обращение ЦК»	245
Всемирное общество коммунистов-революционеров	250
Рецензии в журнале «Neue Rheinische Zeitung, Politisch-ökonomische Revue»	252
Международные обзоры. Оценка перспектив революции	255
Борьба с сектантско-авантюристической фракцией Виллиха — Шаппера	256
Переезд Энгельса в Манчестер. Переписка между друзьями	260
План нового выступления против Прудона	262
«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»	263
Критика мелкобуржуазной демократии. Памфлет «Великие мужи эмиграции»	268
Кёльнский процесс коммунистов	270
Роспуск Союза коммунистов. Новые формы борьбы за партию	276

Глава седьмая

В годы реакции	278
Под гнетом реакции и нужды	—
Маркс в кругу семьи	282
Дружба, окрепшая в годы испытаний	284
Экономические исследования	286
Научные занятия в других областях	291
Воспитание пролетарских революционеров. Борьба за сохранение революционных традиций среди немецких рабочих	296
Маркс и чартизм 50-х годов	298
Связи с рабочим движением США	301
Сотрудничество в прогрессивной буржуазной печати	303
Маркс-публицист	307
Статьи о политическом строе Англии	309
Борьба против реакционных режимов континентальной Европы	311
Разоблачение колониальной политики капиталистических государств	315
Критика внешней политики господствующих классов	321
Революционная тактика в восточном вопросе. Отношение к Крымской войне	323
«Разоблачения дипломатической истории XVIII века»	328
«Революционная Испания»	333
Навстречу новому революционному подъему	335

Глава восьмая

Решающий этап формирования марксистской политической экономии	337
Статьи об экономическом кризисе 1857 года	—
Создание нового цикла экономических рукописей	340
«Введение» из экономических рукописей 1857—1858 годов	341
Основная рукопись из серии 1857—1858 годов	346
Подготовка к печати нового экономического труда	352
Первый выпуск «К критике политической экономии»	353

Глава девятая

Новый подъем демократических и пролетарских движений	358
Газета «Das Volk»	360
За революционный путь объединения Италии	361
Гарибальдийское движение	363
Тактика борьбы за единство Германии	364
Разногласия с Лассалем	367
Памфлет «Господин Фогт»	371
Болезнь Женни Маркс	374

Поездка в Голландию и Германию	375
Защита Бланки	378
Маркс и социальные сдвиги в России	379
Сотрудничество в газете «Die Presse»	382
Гражданская война в США. Конец сотрудничества в «Tribune»	383
Движение английских рабочих в поддержку северных штатов	388
Позиция Маркса во время польского восстания 1863—1864 годов	389
Работа над брошюрой о Польше	392
В Лондонском Коммунистическом просветительном обществе немецких рабочих	396
Утрата друга	397
Маркс и Всеобщий германский рабочий союз	398
На пути к Интернационалу	402
<i>Глава десятая</i>	
«Капитал» — главный труд Маркса	404
Работа над вторым выпуском «К критике политической экономии»	—
Экономическая рукопись 1861—1863 годов	405
Экономическая рукопись 1863—1865 годов	407
Подготовка к печати и выход в свет I тома «Капитала»	409
Русское издание I тома «Капитала»	414
Второе немецкое издание I тома «Капитала»	416
Авторизованное французское издание I тома «Капитала»	417
Работа над II и III томами «Капитала»	419
Процесс производства капитала	423
Процесс обращения капитала	429
Процесс капиталистического производства, взятый в целом	433
«Теории прибавочной стоимости»	439
Проблемы коммунизма в «Капитале»	443
Метод «Капитала» и его общенаучное значение	448
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Основатель и вожь I Интернационала	460
Международный митинг в Сент-Мартинс-холле	—
Учредительный Манифест и Временный Устав	461
Во главе международной пролетарской организации	465
Путь к массам	467
Секретарь-корреспондент для Германии	472
Польский вопрос	475
На отдыхе в Залтбоммеле	476
На Лондонской конференции 1865 года	478

Создание секций Интернационала в Германии. Австро-прусская война и немецкий рабочий класс	480
Платформа экономической борьбы международного пролетариата	482
Разногласия с лидерами английских тред-юнионов. Ирландский вопрос	487
Борьба за социалистическую программу Интернационала	491
Вопросы войны и мира	494
Рождение первой массовой марксистской партии	498
Начало борьбы против бакунизма	502
Базельский конгресс. Тактика Интернационала в крестьянском вопросе	507
Международное значение ирландского вопроса	508
Секретарь-корреспондент Генерального Совета для России	511
Кризис Второй империи и перспективы европейской революции	515
<i>Глава двенадцатая</i>	
Парижская Коммуна	518
На рубеже новой исторической эпохи	—
Первое воззвание о франко-прусской войне	520
Помощь немецким социал-демократам в выработке революционной тактики	521
Крушение Второй империи. Второе воззвание о франко-прусской войне	524
Борьба за признание Французской республики	526
Революция 18 марта	527
Связи с коммунарами	530
Движение солидарности с Коммуной	532
Анализ деятельности Коммуны. Подготовка воззвания Генерального Совета	535
«Гражданская война во Франции»	537
<i>Глава тринадцатая</i>	
В борьбе за чистоту идейного знамени Интернационала	543
Подготовка Лондонской конференции	—
Веха в истории Интернационала	546
Борьба за признание решений Лондонской конференции	549
Усиление борьбы с бакунистами. «Мнимые расколы в Интернационале»	550
Против реформизма	553
Связи с эмигрантами Коммуны	556
Навстречу конгрессу в Гааге	557
Гаагский конгресс	559
После конгресса. На митинге в Амстердаме	563
Последний год деятельности Интернационала	565
Прекращение деятельности Международного Товарищества Рабочих	569

Глава четырнадцатая

Дальнейшее развитие теории и тактики рабочего движения	572
В середине 70-х годов	574
По стопам отца	579
Полемика с анархистами по вопросам теории социалистической революции	582
Идейное руководство международным рабочим движением	585
Учитель немецких социал-демократов	590
«Критика Готской программы»	595
Участие в создании «Анти-Дюринга»	601

Глава пятнадцатая

Борьба за создание и укрепление пролетарских партий. Маркс и революционная Россия	605
Теоретические исследования последних лет	—
Занятия всемирной историей	610
В борьбе за основание пролетарских партий в разных странах	619
Против бисмарковского исключительного закона. Критика оппортунизма	623
Вклад в создание французской Рабочей партии	631
К новому этапу в пропаганде социализма в Англии	639
Перспективы развития рабочего движения в США	643
Анализ развития пореформенной России	648
Страстное ожидание революции в России	653
Советник и друг русских революционеров	656
Тяжелые утраты. Обострение болезни	666
14 марта 1883 года	669
Заключение	673
Указатель имен	683

Карл Маркс
Биография

Художник

Л. Т. Рябыкина

Художественный редактор

О. Н. Зайцева

Технический редактор

Л. К. Уланова

ИБ № 7916

Сдано в набор 03.05.88. Подписано в печать 29.12.88. А 00193. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 46,63. Усл. кр.-отт. 50,81 с суперобложкой, 49,69 без суперобложки. Уч.-изд. л. 51,53. Тираж 200 000 (100 001—200 000) экз. Заказ № 4836. Цена 2 р. 60 к. с суперобложкой, 1 р. 80 к. без суперобложки

Политиздат. 125811, ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда», 603006, г. Горький, ул. Фигнер, 32.